

Это цифровая копия книги, хранящейся для потомков на библиотечных полках, прежде чем ее отсканировали сотрудники компании Google в рамках проекта, цель которого - сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских прав на эту книгу истек, и она перешла в свободный доступ. Книга переходит в свободный доступ, если на нее не были поданы авторские права или срок действия авторских прав истек. Переход книги в свободный доступ в разных странах осуществляется по-разному. Книги, перешедшие в свободный доступ, это наш ключ к прошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохраняются все пометки, примечания и другие записи, существующие в оригинальном издании, как наименование о том долгом пути, который книга прошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использования

Компания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы перевести книги, перешедшие в свободный доступ, в цифровой формат и сделать их широкодоступными. Книги, перешедшие в свободный доступ, принадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые действия, предотвращающие коммерческое использование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические запросы.

Мы также просим Вас о следующем.

- Не используйте файлы в коммерческих целях.
Мы разработали программу Поиск книг Google для всех пользователей, поэтому используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- Не отключайте автоматические запросы.
Не отключайте в систему Google автоматические запросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного перевода, оптического распознавания символов или других областей, где доступ к большому количеству текста может оказаться полезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем использовать материалы, перешедшие в свободный доступ.
- Не удаляйте атрибуты Google.
В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он позволяет пользователям узнать об этом проекте и помогает им найти дополнительные материалы при помощи программы Поиск книг Google. Не удаляйте его.
- Делайте это законно.
Независимо от того, что Вы используете, не забудьте проверить законность своих действий, за которые Вы несете полную ответственность. Не думайте, что если книга перешла в свободный доступ в США, то ее на этом основании могут использовать читатели из других стран. Условия для перехода книги в свободный доступ в разных странах различны, поэтому нет единых правил, позволяющих определить, можно ли в определенном случае использовать определенную книгу. Не думайте, что если книга появилась в Поиске книг Google, то ее можно использовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских прав может быть очень серьезным.

О программе Поиск книг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне доступной и полезной. Программа Поиск книг Google помогает пользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый поиск по этой книге можно выполнить на странице <http://books.google.com/>

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

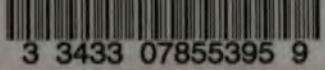
Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

3 3433 07855395 9

* QCA

38'

1845

*G.L.F.

ОТЕЧЕСТВЕННЫЯ
ЗАПИСКИ.

ГОДЪ СЕДЬМОЙ.

THE UNIVERSITY OF CHICAGO

PHYSICS DEPARTMENT

ОТЪЧЕСТВЕННЫЯ ЗАПИСКИ,

УЧЕНО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛЪ,

ИЗДАВАЕМЫЙ

АНДРЕЕМЪ КРАЕВСКИМЪ.

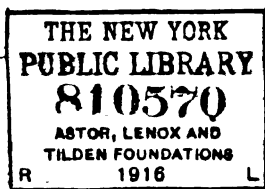
*Ecce plane aures, quae non
vocem foris sonantem, sed intus
auscultant veritatem docentem.
Gersonius.*

ТОМЪ XXXVIII.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ВЪ ТИПОГРАФИИ И. ГЛАЗУНОВА И К^о.

1848.

Печатать позволено. С. Петербургъ, 31 декабря 1844.

Цензоры: А. Никитенко и С. Кутория.

ОТЧЕТОВЫЯ ЗАПИСКИ.

I.

СЛОВЕСНОСТЬ.

ПЪСЕНЬ О РАДОСТИ.

(Из Шиллера.)

Голосъ.

Радость, дщерь благаго неба,
Радость, искра божества!
Ангель, мы тебя встрѣчаемъ
Съ лирой, съ чашей торжества!

Что разрознилъ свѣтъ холодный,
Ты соединяешь въ немъ,
Люди тамъ друзья и братья,
Гдѣ коснешься ты крыломъ!

Sup. Exchange. L. x. c. 5/17/16

Хоръ.

Обширная, парадь,
 Ангель радости зоветъ:
 Тамъ, въ объятіяхъ природы,
 Добрымъ путемъ Своемъ живеть!

Голосъ.

Кто предъ Богомъ, не краситя,
 Брата братомъ можетъ звать,
 Кто хотя одну своею
 Можетъ душу здѣсь назвать,
 Тотъ прійди, къ кружку прикинися,
 Мы тому любви вѣнокъ!
 Кто не можетъ — удалися,
 И очисти нашу кружокъ!

Хоръ.

Все, что нима друга носятъ
 Пусть ликуеть и поеть —
 Нась любовь туда уноситъ,
 Гдѣ нашъ общій Другъ живеть!

Голосъ.

Всѣ живущія творенья
 Радости источникъ нють,
 Всѣ для радости зоветъ,
 Всѣ для радости живутъ!
 Въ небѣ и въ шатрѣ убогомъ
 Счастья нима она придетъ —
 Любящій стоитъ предъ Богомъ,
 Сладострастьемъ черь живеть!

Хоръ.

Гибнуть царства и народы:
 Узнаешь ли Божій персть?
 Тамъ, въ объятіяхъ природы
 И дивнѣе нитеръ кааровъ!

Голосъ.

Радость сердце освѣжаетъ,
 Радость расширяетъ грудь
 И надеждой озаряетъ
 Тяжкій труженна путь!

Письмо о Радости.

У креста святых вѣры
Знамя радости шумитъ,
Добродѣтель, торжествуя,
Во славу ангеловъ стоитъ.

Хоръ.

Торжествуя, славы передавъ,
Что твою славу воздастъ,
Что въ обители природы
Добрыи славы Онекъ мидаетъ!

Голосъ.

Радость къ чашѣ бьетъ струей
Каждому изъ насъ, но тотъ,
Трижды тотъ ее своею
Чти, кто въ Богъ съ ней живетъ!

Въ честь Его! Друзья, вставайте!
Разлавайся лиры гласъ,
Чашы къ небу подымайте,
Въ честь Того, Кто любитъ насъ!

Хоръ.

Въ честь Того, къ Кому зоветъ
Златокрылый серафимъ,
И ного ступу лобзаетъ
Сердцемъ чистый херувимъ!

Голосъ.

Твердость — въ искушеньяхъ свѣта,
Воздаянiе — добру,
Вѣрность вѣчная — объѣту,
Правда — другу и врагу,

Мужество — предъ царскимъ трономъ.
Злобѣ и враждѣ — конецъ,
Съ кликомъ и бокаловъ звономъ,
Добродѣтели вѣнецъ!

Хоръ.

Братья, Богъ владѣетъ свѣтлымъ,
Совершайте сей объѣтъ!
Тамъ, за гробовымъ предѣломъ,
Тамъ вражды и злобы нѣтъ!

Слестности.

Голосъ.

Ну, теперь, друзья, сошнитесь,
И обѣта своего
Долгъ исполнить поклонитесь
Грознымъ именемъ Того,

Въ чьихъ рукахъ судьба народовъ.
Кто вселенную благодетъ,
Кто изъ областей природы
Для дѣтей своихъ живетъ!

Хоръ.

Ну, друзья, теперь изъ областей,
Поцалуй — изъ рода къ роду!
Тамъ Отецъ нашъ добрый, братья,
Тамъ Богъ радости живетъ!

А. СТРУГОВИЦКОВЪ.

26 сентября 1844 г.

МАМЕНЬКИНЪ СЫНОКЪ.

«Старѣ то, что давно было ново; стариннымъ называется то, что ведется издавна. Давно то, чему много времени прошло. Въ настоящемъ употребленіи, ветхий называется то, что отъ старости истлѣло, обзавелось. Древне то, что происходило въ отдаленнѣйшихъ вѣкахъ. Замастерило то, что временемъ сильно окоренѣло и огрубѣло.»

(Изъ «Опыта Россійскаго Сословія» Фол-Визина.)

ЧАСТЬ ШЕСТАЯ.

«Я начинаю себя помнить на большомъ барскомъ дворѣ... Около меня толпа нянекъ и мамушекъ, шестнадцать дворовыхъ мальчишекъ, готовые поперемѣнно таскать меня во весь духъ, въ колескѣ, съ барскаго на черныи дворъ...»

(«Русскія Справости» А. Пушкина.)

ГЛАВА I.

Родители моего героя были богатые помѣшники. Папенька его, по одностороннему сознанию всѣхъ своихъ товарищей, считался нѣкогда славнымъ мальчишкой. Въ-самомъ-дѣлѣ, онъ былъ славный мальчишка, то-есть, отчаянный кутила и притомъ обладалъ многосторонними талантами. Безъ пособія стакана или бокала, въ-продолженіи пяти минутъ, онъ выпивалъ, на-примѣръ, на-тошакъ двѣ бутылки шампанскаго и потомъ, какъ ни въ чемъ не бывалъ, при-

ступалъ вмѣстѣ съ друзьями къ завтраку или къ обѣду и за обѣдомъ не отставалъ ни отъ кого, то-есть превсправно осушалъ стаканъ за стаканомъ. Въ верховой тѣдѣ онъ не имѣлъ себѣ равнаго. По собственному его сознанию, для него дороже всего въ жизни была его любимая кобыла-парадѣръ, по прозванію *Настойка*. Часто, въ красной шелковой рубахѣ съ косымъ воротникомъ и въ широкихъ нанковыхъ шальварахъ, онъ вскакивалъ на Настойку и лѣтелъ на ней по полю, какъ стрѣла, прищипавъ изъ лука рукою твердою и меткою, и на всемъ конскомъ лету то вдругъ становился на сѣдло, то вдругъ припадалъ къ землѣ и уже снова въ мгновѣніе она снѣдалъ, какъ прикованный къ сѣдлу. Громъ рукоплесканій раздавался обыкновенно въ сѣдлѣ лихому наезднику, а онъ, махая рукою, въ знакъ привѣта, и заломивъ на бекрень фуражку, беззаботный и счастливый, скрывался вдали. Важное мѣсто также въ его понятіяхъ занимала женщина. Не то, чтобы онъ особенно любилъ женщинъ, «а такъ, братецъ (говаривалъ онъ), «нельзя же не приволокнуться отъ нечего-дѣлать. Просто, по мнѣ, «какъ-то жалъ упустить такую, какую-нибудь, красоточку! Еще «поутру ничего, а вотъ такъ, послѣ завтрака или послѣ обѣда, «когда... (при этомъ онъ обыкновенно прищуривалъ правый или лѣвый глазъ и щолкалъ по воротнику сюртука)... ну, тутъ, признаюсь, неволью такъ и лѣзуть въ глаза, проклятыя!»

Какъ человекъ истинно-русскій, любилъ онъ также поэтическую тройку съ заливнымъ валайскимъ ~~молокомъ~~ мальчикомъ, съ погремушками и бубенчиками. У него былъ полный нарядъ ямщика, и когда, бывало, такъ, безъ причины, взгрустнется ему, онъ велитъ запрячь тройку въ пошевни или телегу, одѣнется ямщикомъ, взмахнетъ минутомъ по воздуху, гаршнетъ зычнымъ голосомъ: «охъ, вы, сбѣжники удалые!» — И грусть какъ рукою сниметъ, и мчится онъ, самъ не вѣдая куда, въ сладостномъ опьянѣніи, такъ-что духъ занимается.

Такъ мчалась его молодость лихо и быстро, какъ русская тройка, и думалъ онъ, что не будетъ конца этой молодости, что никогда не истощатся его силы, какимъ бы истязаніямъ онъ ни предавалъ ихъ; что никогда не истощится его кошелекъ, не смотря ни на какія азіатскія прихоти и затѣи, рождавшіяся въ его правдой головѣ...

Однако, къ величайшему его изумленію, скоро и кошелекъ и здоровье его значительно поистощились. Въ тридцать-пять лѣтъ, онъ заложилъ половину своего имѣнія въ ломбардъ, вышелъ въ отставку, поселился у себя въ деревнѣ, сначала занялся псовой охотой, а потомъ молодой и богатой вдовой, своей ближней соседкой, съ которой вскорѣ и сочетался законнымъ бракомъ. Отъ этого

Срѣдѣ рѣшился у него сынъ — герой предлагаемой повѣсти.. Но прежде, чѣмъ я заведу рѣчь о сынѣ, считаю необходимыми по-добрѣе познакомиться читателя съ его маменькою...

Говорятъ, будто-бы велико и свято назначеніе женщины на землѣ; говорятъ, будто нравственное вліяніе матери на дитя безгранично. Недаромъ Наполеонъ замѣтилъ, что будущность ребенка всегда въ рукахъ его матери, и прибавилъ, что онъ испыталъ это на самой-себѣ. Капитъ былъ того же мнѣнія. Онъ съ благодарностию и благоговѣніемъ вспоминалъ о своей матери: «Я никогда не забуду ея говорившій онъ въ старости: «она развила съмена добра, таившіяся въ душѣ мой»...»

Но знаю, похвалила ли на мать Наполеона или на мать Капитъ маменька моего героя — Еленѣ Терентьевна.

Еленѣ Терентьевнѣ была *барыня* въ полномъ и безграничномъ смыслѣ этого прекраснаго слова. Правда, сначала, она была *барышня* — такой, какой бываетъ большая часть барышень. Дочь богатыхъ родителей, окруженная съ-дѣтства безчисленною свитою дѣл прислуги: бабками, дѣвками, дѣвчонками, компанейкойками и гувернантками, самовластно управлявшая этими маленькими широкъ, она постепенно и незамѣтно развивала въ себѣ чувство барскаго достоинства, а родители, глядя на нее съ удивленіемъ, восклицали: «Милая Ляночка не по дѣтству горда. Вотъ ужъ будетъ настоящая барыня!» (*) Ляночку выдали замужъ за барина, да еще за чиновнаго, стараго и богатаго барина. Чиновный и старый баринъ сдѣлался покорнымъ и нижайшимъ слугою своей молодой барыни. Молодая барыня пользовалась полною свободой и не отказывала себѣ ни въ чемъ. За ней всегда тянулась толпа обожателей; около нея непрерывно раздавались бречанье шпоръ и сабелъ. Она страстно любила блестящіе мундшры, сабли, шпоры, сильные усы и усы, завитые въ кольцо. Часто, съ небрежною ласкою, ударяя мужа по шоршнностямъ штекъ и пазывая его изъясненіемъ «нашиши», она между-тѣмъ устремляла догадъ и прелесть-талантъ шпоры на эти соблазнительные усы и на эти роскошные, свалье сузачанн. А-ея приятельницамъ-барышнямъ, глядя на ея съмышле-ство шачиве, нескромн про себя, старая отъ зависти: «Ахъ, съачив-ванн! Какую блестящую партію она сдѣлала! Какъ она богата! Какъ она вертитъ своимъ мужемъ! Какъ все за ней ухажи-ваются!..»

Но чиновный и старый баринъ вскоре послѣ женатбы скончался; оставивъ супругѣ значительный капиталъ. Полтора года послѣ смерти супруга, она была неутѣшна и не хотѣла снимать

(*) *Барышня*, Отѣч. Запис. 1844, томъ XXXII.

траура и безпрестанно ѣдила на его могилу съ однимъ своимъ дальнимъ родственникомъ—молодымъ кавалерійскимъ офицеромъ. При имени покойнаго, у нея всякій разъ навертывались на глазахъ слезы. Она называла его своимъ незабвеннымъ другомъ, своимъ благодѣтелемъ, своимъ вторымъ отцомъ... Ее, говорятъ, нельзя было видѣть безъ состраданія. Матери указывали на нее своимъ дочерямъ и говорили: «Вотъ эта дама можетъ служить вамъ образцомъ. Посмотрите, какая она молоденькая, голубушка, а какъ чтить память своего мужа, и какъ въ святѣ умѣть держать себя, какъ соблюдаетъ все должное, какъ почтительна къ родственникамъ покойнаго. И замѣьте, что ее мужъ не былъ какой-нибудь изъ этихъ вѣтрогоновъ, у которыхъ кѣтъ конейки за душою и которые кружатъ вамъ головы. Онъ былъ человекъ чистый, солидный, пожилой; онъ, независимо отъ ея состоянія, поставилъ еще ей кусокъ хлѣба и мѣл, которымъ она по справедливости гордится. Вотъ ее—такъ можно назвать примѣрной и во всѣхъ отношеніяхъ *красивой* женщиной!»

Извѣстно, что въ нашемъ обществѣ слово *красивости* имѣетъ весьма-эластическое значеніе... Но не въ томъ дѣло...

Елена Терентьевна переселилась въ деревню, говоря, что свѣтскій, столичный шумъ утомляетъ ее, что она рѣшительно не можетъ выносить его; что въ уединеніи она свободнѣе будетъ размышлять о своей невозвратимой потерѣ, и прочее.

Черезъ нѣсколько времени, Елена Терентьевна обрюзгла, отяжелѣла и поручила управленіе имѣніемъ своимъ уездному судѣ—человѣку среднихъ лѣтъ, который славился своимъ ростомъ, дородствомъ и силою.

Семь лѣтъ безвыѣдно она жила въ деревнѣ; уездный судья постоянно пользовался ея довѣріемъ и благосклонностью; въ губернскомъ городѣ начали поговаривать, Богъ-знаетъ почему, что она имѣетъ намѣреніе выйдти замужъ за уезднаго судью; уже многіе господа, претендовавшіе на ея руку, стали искоса поглядывать на счастливаго судью; уже некоторыя губернскія барыни съ ироническою улыбкою поадрывали его съ ожидающимъ счастьемъ; но всѣ эти сплетни, къ величайшему огорченію цѣлой губерніи, должны были прекратиться совершенно-неожиданно. Уездный судья потонулъ, перевозя на паромѣ чрезъ рѣку весною во время разлитія. Рассказывали, будто Елена Терентьевна, получивъ извѣстіе о смерти судьи, начала кричать, метаться и рвать на себѣ волосы, что она будто-бы поклялась не выходить ни за кого замужъ. Не знаю, справедливы ли были эти рассказы; вѣрно только то, что чрезъ четыре мѣсяца послѣ смерти судьи, она вышла замужъ за того, который долженствовалъ быть отцомъ моего героя.

Герой мой родился однимъ мѣсяцемъ ранѣе обыкновеннаго срока. Но, не смотря на то, что онъ былъ недоносокъ, — величина, сила и здоровье его привели въ изумленіе повивальную бабушку. — Ну, ужь признаюсь, батюшка, молодецъ! нечего сказать, молодецъ! сказала бабушка, взвѣшивая младенца на рукахъ и обращаясь къ родителю. — Вишь какого произвелъ на свѣтъ! какой большой да тяжелый... Этакого ребенка, признаюсь, еще я и не видывала.

Новорожденный былъ, однако, причиной первой размолвки между супругомъ и супругою. Супруга непремѣнно хотѣла, чтобъ его нарекли Аркадіемъ, въ честь отца ея матери; она увѣрила при томъ, что всѣ носившіе въ ихъ родѣ имя Аркадія, были необыкновенно-счастливы. Супругъ, напротивъ, хотѣлъ дать ему имя Александра, на томъ основаніи, что въ его родѣ не переводилось имя Александра. Послѣ долгихъ споровъ, криковъ и слезъ, супруга однако поставила на своемъ. Младенецъ названъ былъ Аркадіемъ.

Попечительность и нѣжность Елены Терентьевны къ сыну превосходили всякое описаніе... Она слыла въ цѣлой губерніи образцовою матерью. — Съ-тѣхъ-поръ, какъ Богъ даровалъ намъ дитя, говорила она губернскимъ барынямъ: — съ-тѣхъ-поръ я и трехъ разъ въ гостяхъ не была; только выйдешь въ церковь Божию помолиться, да сейчасъ же и домой; такъ, кажется, и не спускала бы глазъ съ моего Аркаши... Этакое неподобное дитя! и вѣдь обожаетъ меня, повѣрите ли, просто обожаетъ. Какъ увидитъ меня еще издалека, такъ и протягиваетъ ручонки, «мама!» кричитъ, «мама!» Отца, — куда! далеко такъ не любить, какъ меня. Къ отцу и на руки не пойдетъ. — «Ужъ мы всѣ удивляемся вамъ», возражали барыни. «Вѣдь дѣти, конечно, очень-забавны, но съ ними надобно ужь такое терпѣніе!.. Заботь-то, знаете, около нихъ тьматъмушая, а вѣдь радости-то когда еще отъ нихъ дождешься, Богъ знаетъ!» При этомъ барыни вздыхали. — «Вотъ не дурно бы, еслибъ наша вице-губернаторша съ васъ примѣръ взяла; а то она съ утра до ночи или въ гостяхъ, а если и дома, такъ въ карты играетъ, а дѣти въ дѣтской съ няньками... Она ихъ и въ глаза не видитъ; у нея и сердце не болитъ, ей горя мало, жеть всѣ они себѣ лбы расшиби... Вотъ ужь, можно сказать, никакихъ чувствъ... видно, ей съ-дѣтства не внушена была нравственность, а безъ нравственности худо жить!... Только и хвастаетъ, что нарядами, которые ей присылаютъ изъ Петербурга... Экая диковинна!.. И намъ мужья выписываютъ многое изъ Петербурга... Что жъ такое Петербургъ!.. А видѣли вы у нея послѣдній чепецъ изъ самаго моднаго петербургскаго магазина? Прелестный! Я просила у нея

на фасонъ... Ленточки радужнаго цвѣта, гирляндочки изъ розовыхъ, съ боку кокардочка изъ такихъ же лентъ...»

Тутъ барыни обыкновенно забывали и о нравственности, и о любви къ дѣтямъ, и обо всемъ, и пускались въ подробнѣйшія и мельчайшія опитанія послѣднихъ петербургскихъ модъ. Но Елена Терентьевна, наговорясь о модахъ, снова заводила рѣчь о дѣтихъ и о материнской любви.

— И то сказать, продолжала она: — вѣдь дѣти дѣтямъ рознь... дѣть иному такъ повольно и лежить сердце.. Ну, естественно, потому-что послушное, ласковое дитя; иной еще крошка, отъ полу не видать, а ужь угождать старается, такъ, кажется, и смотритъ матери въ глаза, — вотъ какъ мой Аркаша, на-примѣръ; — другія же дѣти родятся, знаете, танцами бутусами, такъ, что никакого чувства не возбуждаютъ къ себѣ. Отъ этихъ ужь не жди проку. Въ такихъ случаяхъ нечего винить родителей. Родители, что ни дѣлай, не исправятъ такого ребенка... Тутъ ни розга, ни что не поможетъ. На все, я вамъ скажу, судьба... Ужь какъ кому суждено родиться! Горбатого только могила исправитъ.

— Это совершенно справедливо, приговаривали барыни: — нынче, впрочемъ, ужь такъ не разсуждаютъ: нынче, коли дѣти дурны, такъ все обвиняютъ родителей. Бѣдные родители!..

Супругъ Елены Терентьевны, слушая такого рода разговоры и покуривая изъ своего коротенькаго чубука, обрамченнаго различными украшениями и кистями, изрѣдка только ввертывалъ свое слово, или замѣчаніе, къ роду сѣлающаго:

— А по моему разсужденію, коли хочешь, чтобъ изъ дѣтей вышелъ толкъ: мальчишекъ отдавай на воспитаніе отцу, а дѣвчонокъ матери!..

Елена Терентьевна обыкновенно въ такомъ случаѣ бросала пренебрежскій взглядъ на мужа!..

— Что это у тебя за странная выраженія! созордін оін; шачая головой. — «Мальчишки; дѣвчонки!» Что это такое? Ты, кажется, говоришь про иверлискія дѣтей, а не про деревенскія ребятишекъ!..

— О, матушка, что дѣлать? Я къ свѣтскимъ терминамъ не привыкъ, отвѣчалъ обыкновенно супругъ.

Вообще, со времени рожденія Аркаши, семейное счастье супруговъ и тишина ихъ домашней жизни нарушалась довольно-часто. При гостяхъ, они отпускали другъ другу колкости; наединѣ спорили, кричали, всорились; но побѣда всегда оставалась на сторонѣ Елены Терентьевны. Супругъ обыкновенно, послѣ пораженія, вздыхалъ, затягивался и думалъ:

— Нѣтъ, что ни говори, а право, легче разомъ двумя полками управлять, чѣмъ ладить съ одной бабой!

Впрочемъ, онъ покорялся своей участи безропотно, ибо былъ въ полной увѣренности, что всѣ жены на свѣтѣ не хуже и не лучше его Елены Терентьевны — и въ этомъ случаѣ утѣшалъ себя половицею: «коли взялся за гужъ (т. е. коли женился) — такъ не говори, что не дюжъ». Елена Терентьевна тогда только выводила его изъ терпѣнія, когда, поссорясь съ нимъ, восклицала въ порывѣ гнѣва (а это повторялось нерѣдко):

— Ну, за что я прогнѣвала Бога? За что онъ посылаетъ мнѣ такое испытаніе? Ужъ я въ своемъ домѣ никакой власти не имѣю!.. Слыхано ли это?

— Полно грѣшить-то, матушка... Ну, чего ты раскричалась-то? Власти не имѣешь, а дѣлаешь все, что хочешь...

— Я, я дѣлаю все, что хочу?.. И Елена Терентьевна выступала при этомъ восклицаніи на два шага впередъ, и съ величественнымъ упрекомъ кивала голодой, устремляя огненные глаза на мужа. — Я дѣлаю все, что хочу? И ты смѣешь мнѣ это говорить?.. Вотъ до чего я дожила!.. Сама дура... Сама должна на себя пѣнять... Безчувственный вы послѣ этого человекъ!.. Я для васъ пожертвовала всемъ, рѣшительно всемъ... У меня было званіе, титуло... имя... я была сама себя госпожа... а теперь что? Ахъ, я несчастная!

— Да что жъ это въ-самомъ-дѣль? Титуло, имя... Да развѣ я недоросль какой? развѣ я человекъ безъ имени?.. Ты ужъ не помнишь сама, что говоришь...

— Нѣтъ, я очень помню, что говорю... Я, слава Богу, не сумасшедшая. Я была генеральша... понимаете ли вы, генеральша! а теперь что? Теперь я, можно сказать, въ такомъ ничтожествѣ... Мнѣ вездѣ были двери открыты, въ первые дома; покойникъ предупреждалъ мои малѣйшія желанія: бывало, голубчикъ мой, онъ такъ и смотритъ, чѣмъ бы утѣшить меня... Посмотрѣлъ бы онъ теперь на мое счастье... я думаю, прахъ-то его шевелится теперь въ могилѣ!..

Послѣ этихъ словъ, слѣдовало обыкновенно рыданіе... и въ слѣдъ за тѣмъ плаксивый тонъ Елены Терентьевны переходилъ въ торжественный. — Къ намъ въ домъ ѣздили князья и графы...

Супругъ, выслушивая такія рѣчи, или просто кусалъ себя отъ досады губы, или иногда порывисто разстегивалъ казакинъ, закладывая руки назадъ и произносилъ въ сильномъ волненіи...

— Часъ-отъ-часу не легче!.. Продолжайте... продолжайте. Да что жъ послѣ этого моя жизнь? Это не жизнь, а каторга!..

— Такъ еще по-вашему вы правы, а я виновата?.. Такъ я должна страдать и не смѣть языка пошевелить, не смѣть пикнуть передъ вами?.. Прекрасно! Вы хотите меня въ гробъ вогнать?.. Ужь конечно, лучше одинъ конецъ... Я охотно умерла бы, еслибъ не мой Аркаша... Онъ одинъ только привязываетъ меня къ жизни... Охъ... дурно... дурно! Настыка! Настыка!..

Настыка прибѣгала сломя голову на крикъ барыни... и барыня обыкновенно падала безъ чувствъ въ объятія Настыки. Настыка подносила спиртъ къ носу барыни; а баринъ, махнувъ рукою, выходилъ изъ комнаты, отправлялся на конюшню, заставлялъ кучера осѣдлать себя лошадь, или запрячь бѣговыхъ дрожки — и до вечера не являлся домой. По уходъ барина, барыня тотчасъ приходила въ себя, а Настыка говорила:

— Ахъ, сударыня! что это съ вами-съ?.. Ужь этотъ баринъ! какъ ему не грѣхъ огорчать васъ!.. Господи! какъ вы поблѣднѣли... На васъ лица нѣту-съ... Страсти смотреть. Вы совсѣмъ не бережете себя... Да пенюхайте, сударыня, еще спирту-то... Сердце надрывается, глядя на васъ.

Настыка при этомъ обыкновенно терла себѣ ладонью глаза, будто-бы вытирая слезы.

— Намъ только при васъ и пожить, сударыня, а безъ васъ намъ плохо будетъ-съ.

Герой нашъ былъ нерѣдко свидѣтелемъ такого рода небольшихъ размолвокъ между папенькой и маменькой. И ему всегда было жаль маменьку, потому-что маменька кричала и плакала, а у папеньки никогда не было ни одной слезинки въ глазахъ. Къ тому же, маменька послѣ обморока всегда брала Аркашу на руки, цаловала его, съ чувствомъ прижимала его къ своей материнской груди и слабымъ, болезненнымъ голосомъ спрашивала:

— Что, тебѣ жаль меня, голубчикъ?

— Жаль, маменька.

— Охъ ты, мое сокровище, милое ты мое дитя!—Вотъ же тебѣ за то, что жалѣешь свою маменьку...

И, въ-слѣдъ за этимъ, маменька осыпала сына конфетами и различными лакомствами.

Аркаша со-дня-на-день становился холоднѣе къ папенькѣ. «Папенька нехорошій» говорилъ онъ нянь. «Папенька обижаетъ маменьку.» И какъ Аркашѣ было не любить маменьки? Она ничего не жалѣла для него. Она одѣвала его *прелестно, просто какъ куколку*, — по выраженію губернскихъ барынь... все въ различныхъ гусарскія курточки: то въ синія съ желтыми шнуточками, то въ красныя съ черными, то въ зеленыя съ малиновыми...

— Я гусарь! кричалъ Аркаша, бѣгая по комнатѣ верхомъ на палочкѣ и размахивая саблей, которую только-что подарила ему маменька.— Я офицеръ... а вы солдаты... продолжалъ онъ, обращаясь къ четыремъ дворовымъ мальчишкамъ, которые бѣгали за нимъ также верхомъ на палочкахъ...

— Тише, тише, батюшка! замѣчала няня:— не размахивай такъ саблей—то; вѣдь такъ ты Петькѣ глазъ можешь выколотъ.

— Ужь чего ты не выдумаешь, няня! замѣчала маменька.— Пусть его играетъ; дѣтскимъ играмъ никогда не должно мѣшать... Это еще не бѣда, если онъ задѣнетъ, или оцарапаетъ его немножко. Не безпокойся! у этихъ мальчишекъ не такая нѣжная кожа... Да и что такое? развѣ они хрустальные, что ужъ до нихъ дотронуться нельзя? Смотри лучше, чтобъ какъ-нибудь Аркаша не упалъ да не ушибся...

— Прочь съ дороги... заколю! восклицалъ Аркаша, заноса саблю на одного изъ мальчишекъ...

Несчастный мальчишка хваталъ себя ручонками за голову и вскрикивалъ отъ страха; барыня выводила мальчишку за ухо изъ комнаты, приговаривая:

— А вотъ я тебя, пискунъ, а вотъ я тебя... Коли ты не умѣешь играть съ барининомъ, такъ пошелъ вонъ... Вишь нѣженка какой!.. Баринъ чуть до него дотронулся, а ужъ онъ и разрюмился. погоди; я скажу отцу, чтобъ онъ тебя выпоролъ...

— Этого глупаго мальчишку, продолжала барыня, обращаясь къ нянѣ:— никогда не впускайте сюда. Какъ-будто въ цѣлой дворнѣ нельзя выбрать двухъ-трехъ порядочныхъ мальчишекъ, чтобъ занимать ребенка. Слава Богу, у насъ не маленькая дворня: мальчишкамъ и дѣвчонкамъ этимъ счета нѣтъ!... У одной Матрешки—кажется, семеро или восьмеро мальчишекъ... а у Акульки-то! Вѣдь только и слышишь, что родать... Не знаешь, право, куда дѣваться съ ними. Что одной мѣсячины-то выходитъ на этихъ дармоедовъ!..

Аркаша былъ почти цѣлый день на глазахъ у нѣжной маменьки; и нѣжная маменька никуда въ гости не выезжала безъ Аркаши. При ней одѣвали и раздѣвали ребенка... Она по праздникамъ сама завивала и расчесывала его волосы, или при себѣ поручала этимъ заняться Марьѣ Андреевнѣ.

Марья Андреевна (я долженъ обратить вниманіе благосклоннаго читателя на это лицо) была бѣдная и пожилая барышня, дочь какого-то умершаго чиновника, которую Елена Терентьевна приняла къ себѣ изъ состраданія и на которую возложена была обязанность разливать чай для гостей, гадать для своей благодѣтельницы въ карты, вырѣзывать изъ картъ для Аркаши домики и солдатиковъ, шить ему панталончики и гусарскія курточки; а бла-

голдътедницѣ платья и капоты. Марья Андреевна до нѣкоторой степени могла назваться образованною, — и, нечего грѣха таить, любила при удобномъ случаѣ похвастать своимъ образованіемъ. Она въ молодости своей прочла два романа, случайно-найденные ею въ кладовой дома, гдѣ отецъ ея былъ управителемъ. И эти два романа, *Малекъ-Адель или Крестовые Походы* и *Викторъ или Дитя въ Лѣсу*, сильно подѣйствовали на ея дѣтственное воображеніе и глубоко запечатлѣлись въ ея памяти. Она вполне была убѣждена, что на свѣтѣ, кромѣ этихъ романовъ, не существуетъ никакихъ другихъ книгъ, и бывало, если увидить у кого-нибудь на столѣ книжку, ужь непременно предложить хозяину этой книжки слѣдующій вопросъ: «Ахъ, это вѣрно у васъ «Малекъ-Адель или Крестовые Походы»? и потомъ непременно продолжалъ: «Какая это неподобная книжка! Я еще читала ее, какъ мнѣ было семнадцать лѣтъ... какъ тутъ прекрасно описано странствованіе его въ пустынь, какъ онъ голодомъ тамъ томился и какой онъ былъ необыкновенной красоты... А вотъ еще есть другая книжка: «Викторъ или Дитя въ Лѣсу», — тоже прекрасная книжка.» И словоохотливая барышня непременно перескажетъ содержаніе этихъ двухъ романовъ отъ начала до конца, совершенно перебивавъ и перепутавъ похождения Малекъ-Аделя съ похождениями Виктора или Дитя въ Лѣсу. При случаѣ, она любила также похвастать тѣмъ, что въ ней не простая какая-нибудь, а дворянская кровь, что отецъ ея былъ коллежскій ассессоръ и имѣлъ анненскій орденъ въ петлицѣ. Горничнымъ дѣвкамъ въ дѣвичьей (надо замѣтить, что барышня очень любила сидѣть въ дѣвичьей и разсуждать съ горничными) она обыкновенно показывала патенты своего отца... «Вотъ, видите ли тутъ», говорила она, указывая на патенты: «и орелъ и печать казенная... все какъ слѣдуетъ... Это все папенькѣ отъ Государя пожаловано. У папеньки также было пропасть чиновниковъ подъ командой и они, вѣрите ли вы Богу, любили его какъ отца и ужь такъ боялись, что и сказать не смѣли. А, бывало, какъ они къ намъ приходили, то маменька всегда ихъ кофеемъ подчивала, а безъ кофею ужь никогда не отпускала отъ себя.» И когда рѣчь доходила до кофея, глаза барышни принимали чрезвычайно-вдохновенное выраженіе, и она пускалась самыми яркими и живописными красками описывать и свою прежнюю жизнь: какъ ея папенька и маменька любили угощать гостей, какіе чиновники къ нимъ въ гости хаживали; какъ эти чиновники говорили и папенькѣ и маменькѣ: — «ну, ужь можно сказать, что у васъ домъ полная чаша»; какъ они за нее сватались; по сколькѣ стакановъ кофею они выпивали, и прочее. Барышня прибавляла къ тому, что вообще кофею у нихъ считался ни-по-чемъ; что ко-

«Эю у нихъ было всегда разливанное море. Послѣ этого, она обыкновенно вздыхала и печально произносила: «Какъ подумаешь, все-то это прошло!... Ну, хоть старики мои ничего мнѣ не оставили, да ужъ за то хорошо пожилы... ужъ при жизни, что называется, не ударили себя лицомъ въ грязь; по-крайней-мѣрь, дѣвушки, есть чѣмъ помянуть старину! — Теперь, конечно, совсѣмъ не то, теперь мое сиротское дѣло... Впрочемъ, что жъ Бога гнѣвить, и теперь меня всѣ любятъ и уважаютъ... и вездѣ принимаютъ какъ родную, всѣ вельможи, и Матильда Осиповна, и Анна Кузминшна, и...»

Барышня высчитывала всѣхъ по имени и до отчества, начиная отъ жены узданнаго предводителя до любовницы узданнаго застѣльца включительно.

Барышня, надо сказать, была величайшая охотница таскаться по баламъ; но, къ величайшему ея прискорбію, Елена Терентьевна редко отпускала ее отъ себя.

Елена Терентьевна до такой степени привязалась къ ней, что совершенно не могла существовать безъ нея... «Я, въ сущности, за нею люблю», говорила Елена Терентьевна: «что она привязана къ моему Аркашѣ, а во-вторыхъ, за то, что умѣетъ угадать... эту вещь я и надо угадать... такъ вотъ и смотришь, чтобъ проучивать мажоршю мое желаніе.»

— Какъ же ей не угадать, мамъ! возразила на это барышня: «мы къ ней до головы ее благоудумствовали.»

— Ахъ! замѣчала обыкновенно съ смущеніемъ Елена Терентьевна: «Вѣдь это наша обязанность, по слову счастъ домогата беднѣишю. Вата мамъ Батъ не оставитъ. Я только успешно хрюскаемъ, да и...»

— А ужъ какая она у насъ мастерица въ карты гадать, продолжали барыни:—просто на удивленіе! Анамедиа Петру Агачу она это чудомогетную высказала. Мы такъ и ахнули.

— Она у меня, можно сказать, на всѣ руки... Какъ сны безнодобно толкуеть! Третьягодни, вообразите, я видѣла во снѣ всю ночь напролетъ свѣжія лица... Только-что проснусь... засну—опять свѣжія лица... Это меня очень обезпокоило. Думаю; что бы это значило? къ чему это? Приходитъ Марья Андревна; я у ней спрашиваю: скажите, душецька, что это значить, что я видѣла во снѣ свѣжія лица?...—Ахъ, Боже мой, отвѣчаетъ она:—не безпокойтесь, это ничего не значить: это просто къ снѣгу. Что жъ бы вы думали? чрезъ полчаса повалилъ снѣгъ, да вѣдь какой! и цѣлый день не переставалъ идти.

Барыни, разумеется, восклицали въ одинъ голосъ: «скажите, пожалуйста!» и отъ удивленія качали головами...

Елена Терентьевна не любила заниматься ничѣмъ: ни чтеніемъ, ни рукодѣліемъ. Все это она считала для себя неприличнымъ. «Въ книгахъ нынче пишутъ все такой вздоръ» говорила она, — а правду сказать, врядъ-ли она и знала, что такое пишутъ въ книгахъ, потому-что съ самаго дѣтства чувствовала неопредѣлимое отвращеніе ко всему печатному; «рукодѣліемъ» думала она «заниматься мнѣ вовсе нѣ для чего; слава Богу,—я не нищая, чтобъ самой на себя шить; у меня полонъ домъ рукодѣльницъ, которыя всѣ обучались въ первыхъ московскихъ магазиннахъ». Къ хозяйству она также не чувствовала особеннаго влеченія, хотя любила подчасъ прихвастнуть своими хозяйственными свѣдѣніями и всѣмъ толковала, что хозяйство у ней въ домѣ идетъ, какъ заведенныя часы... Она, какъ настоящая барыня, баловала сына, ссорилась съ мужемъ, възискивала очень-строго съ лакеєвъ и дѣвокъ и сидѣла большою частію сложа ручки, погруженная въ пріятное созерцаніе своихъ богатствъ. Когда же совершенная пустота и бездѣйствіе начинали нѣсколько тяготѣть ее, она посылала за Марьей Андреевной и говорила ей:

— А что, не погадаете ли вы мнѣ, душенька, въ карты?

— Если прикажете, отвѣчала обыкновенно Марья Андреевна и тотчасъ же раскладывала на столѣ передъ нетерпѣливыми взорами своей благодѣтельницы засаленныя и истертыя карты и пророчила ей исполненіе всѣхъ обѣщаній, неожиданный интересъ, нечаянную радость, скорое свиданіе съ бубновымъ королемъ, т. е. съ какимъ-то блондиномъ, который между-прочимъ всегда ложился на сердцѣ у барыни, и прочее.

И барыня, жадно внимая сладкимъ рѣчамъ Марьи Андреевны, и убаюканная этими рѣчами, улыбалась съ неописаннымъ умиленіемъ. После гаданья, ловкая барышня занимала обыкновенно свою благодѣтельницу такими разговорами, которые льстили ея самолюбію и унытельно щекотали ея нервы. Барышня, на-примѣръ, безпрестанно называя ее своею благодѣтельницею и второю матерью, цѣловала ей руки, приговаривая: «Что это, какія у васъ ручки-то! Вѣкъ бы любовалась ими: бѣленькія, пухленькія, точно у семнадцатилѣтней дѣвушки! О, эта ручка много дѣлала благодѣлій на своемъ вѣку, помогала бѣднымъ!.. Зато ужъ какъ васъ любимъ мы! Вы мать наша; всѣ, можно сказать, благословляютъ васъ...»

Но черезъ полчаса послѣ этого, барышня, сидя въ дѣвичей и грызя орѣхи, такъ рассуждала съ дѣвками:

— Только и дѣла, что гадай ей... Вишь Богъ далъ какую книжницу, сидитъ-себѣ цѣлый день, развалилась на диванѣ, да важничаетъ... внимай вишь ее отъ скуки! Что такое, въ-самомъ-дѣлѣ... я не крѣпостная ея: я такая же благородная, какъ и она, — ничѣмъ не

хуже ея, тоже дворянская дочь. Покойница генеральша Четвертакова была почище ея, да и та хотѣла взять меня къ себѣ въ домъ вмѣсто дочери. Она, бывало, говоритъ мнѣ: «вы» говорить «никакого различія, милая, не будете имѣть съ моею дочерью, съ Любочкой, и платья такія же будете носить, какъ она, и вездѣ со мною выѣзжать, на мѣсто дочери...»

. И слово-за-слово... чего, бывало, не наскажетъ о себѣ барышня, а изумленные дѣвки слушаютъ ее розниа рты и только по-временамъ вскрикиваютъ: «Ахъ, ты, Господи! Да не-ужь-то это вѣдъ правду вы говорите, барышня?» А вечеромъ, за ужиномъ въ людской, со смѣхомъ разсказываютъ объ ней судомойкамъ и поломоикамъ. Судомойки и поломойки, въ свою очередь, приходятъ въ изумленіе. «Да вы только послушайте ее...» прибавляютъ горничныя: «это еще что! еще мы половину того не сказали, что она намъ наболтала.»—Да ужь такая мастерица прилыгать, что просто наше вамъ почтенье! восклицаютъ лакеи. «А какъ она честитъ барыню, еслюбъ вы знали», перебиваютъ дѣвки... «а барыня...» И, въ-слѣдъ за симъ, вся дворня воспламенялась и начинались нескончаемыя толки и пересуды о барынь, и о баринѣ, и даже объ Аркашѣ, котораго не терпѣли ни лакеи, ни дѣвки и котораго они иначе не звали, какъ *баловникомъ*.

Между-тѣмъ, баловникъ подросталъ незамѣтно, и его вліяніе въ домъ съ каждымъ днемъ становилось ощутительнѣе: дворовыя мальчишки терпѣли отъ него горькую участь; на лакеевъ и на дѣвокъ онъ то-и-дѣло жаловался маменькѣ... и горе было тѣмъ, которые осмѣливались, въ чемъ бы то ни было, противорѣчить барченку. Барыня являлась передъ ними съ такими сверкающими очами, что становилось страшно. Ея угрозы, какъ громъ, потрясали стѣны... Въ такихъ обстоятельствахъ, баринъ запирался въ своемъ кабинетѣ и затыкалъ уши. Вообще, участи барина нельзя было позавидовать. Онъ разыгрывалъ въ домѣ роль довольно-страдательную. Ему, бѣдному, нельзя было и пожаловаться въ-слухъ на свою судьбу... Его малѣйшія рѣчи и движенія переносились тотчасъ супругъ съ различными прикрасами и прибавленіями... Если кто-нибудь изъ гостей сидѣлъ у него, то всегда или барышня или нянюшка вертѣлись около его кабинета и прилипали жаднымъ ухомъ къ дверямъ, а часто и любопытный сынокъ въ-слѣдъ за нянюшкой подсматривалъ въ замочную скважину, что дѣлаетъ папенька, чтобъ передать это маменькѣ. Наконецъ, папенька, скрѣпя сердце, махнулъ рукой на все это, и прибѣгнулъ снова, какъ во дни своей юности, къ тому спасительному зелью, къ которому обыкновенно прибѣгаетъ русскій челоувкъ и въ горѣ и въ радости.:

Нравственное вліяніе маменьки, няни и барышни рѣзко отпеча- тлѣвалось на Аркашѣ. Онъ всасывалъ въ себя постепенно ихъ об- разъ мыслей, ихъ вѣрованія и понятія — и развивался не по дѣ- тамъ. Въ девять лѣтъ, онъ уже хвасталъ тѣмъ, что у него будетъ полторы тысячи душъ крестьянъ...

— Я буду богатъ, говорилъ онъ.—Маменька оставитъ мнѣ, кро- мѣ всего, много денегъ, много; она сама обѣщала мнѣ...

— Ну, а если родится еще сестрица или братецъ? лукаво воз- ражала барышня:—такъ вотъ ты ужь и не-будешь такой богатъ. Тогда у тебя и денегъ будетъ меньше, и крестьянъ меньше...

— Какъ же не такъ! кричалъ Аркаша сѣвонъ слезы.—Я не хо- чу ни брата, ни сестрицы... Не хочу!.. Нянюшка!.. вѣдь у меня не будетъ ни брата, ни сестрицы?

— Не будетъ, голубчикъ, не будетъ, отвѣчала нянюшка.

— Ахъ, матушка-сударыня, съ чего это тебѣ пришло на умъ досаждать ребенку? продолжала добрая нянюшка, обращаясь къ барышнѣ.—Никакъ ты съ ума спятила? Статочное ли дѣло, чтобъ на старости лѣтъ у барыни и у барина были еще дѣти? Нѣтъ, мой голубчикъ; ты единственный наследникъ и у папеньки и у маменьки: все тебѣ останется.

Этотъ разговоръ переданъ былъ барынь отъ-слова-до-слова ня- нею, и барыня пришла въ совершенное восхищеніе отъ необыкно- венной сметливости и ума Аркаши. Она сообщила объ этомъ тотъ- часъ же черезъ двухъ своихъ пріятельницъ всей губерніи, и въ за- ключеніи своего разсказа прибавила:

— Не забудьте, что это говорилъ девятилѣтній ребенокъ, девя- тилѣтній! Признаюсь, хоть свое дитя и стыдно хвалить, но вѣдь вы сами согласитесь, что это что-то необыкновенное, это просто феноменъ. Подумайте, этакій негодный ужь теперь знаетъ цѣну деньгамъ! Разумѣется, я его слегка пожурила за это, но внутрен- но, какъ мать, не могла не порадоваться его уму. Удивительно! просто непостижимо!

— Ахъ, что за милашка! вопили въ одинъ голосъ барыни:—да гдѣ онъ? да дайте намъ обнять его! да дайте намъ расцаловать его!

Маменька ежедневно твердила при Аркашѣ объ его красотѣ,

— Не правда ли, душенька, говорила она, относясь къ барыш- нѣ:—не правда ли, онъ у насъ будетъ красавецъ?

Лицо маменьки пылало въ эту минуту самодовольствіемъ...

— Вотъ будетъ кружить-то головы со-временемъ... Вотъ, я ду- маю, надѣлаеть-то несчастныхъ!..

— Ужъ я воображаю! произносила барышня.—И, вспомните мое слово, Аркадій Ивановичъ не дастъ промаха...

— О, я увѣрена въ этомъ! съ торжественностью вскрикивала маменька.

— И онъ все день-ото-дня хорошеетъ, продолжала барышня:— щечки у него, какъ персикъ; глаза, у! какіе плутовскіе глазки! брови дугой... Ей-Богу, иной разъ только смотришь на него, да дивишься. Настоящій херувимъ!

Елена Терентьевна обращалась, смѣясь, къ сыну:

— Слышите, что про тебя говорятъ? Ты будешь у меня большой волокита? а? Много будешь ухаживать за барышнями?

— За хорошенькими буду долочиться, маменька, отвѣчалъ Аркаша, пустивъ шарикъ изъ хлѣба въ лицо старой барышни, и тихонько высунувъ ей языкъ.

Къ-счастью, барышня не замѣтила этого; маменька полусуто, полусерьезно погрозила Аркашѣ пальцемъ, потомъ схватила его на руки.

— Милый ты другъ мой! лепетала она въ порывъ материнскаго восторга, осыпая его поцалуями. — Умное ты дитя мое! Что у него за милые отвѣты! каждое слово его, право, хоть записывай. Видно, Богъ хотѣлъ меня утѣшить имъ за всѣ мои страданія!.. Ты меня очень любишь, голубчикъ?

— Очень, очень, маменька.

— Ангелъ мой! Ну, а послѣ меня кого ты больше всего любишь? Только скажи правду, не солги... спрашивала маменька, опуская его на полъ.— Папеньку?

— Нѣтъ, не папеньку.

— Кого жъ, мой другъ? Няню?

— Нѣтъ, не няню, а Наденьку.

— Прокурорскую дочку?.. Слышите, душецъка? Каковъ! Цокорво прошу, съ этихъ лѣтъ ужъ влюбляется!.. То-то я замѣчаю, когда Наденька здѣсь, онъ все около нея увивается... Плутиска!

— Я хочу жениться на ней, мамаша...

— Пора, пора, голубчикъ! вскрикивала смѣясь маменька.

— Сокровище вы наше! шептала барышня, съ подобострастіемъ цалуя руку барченка и съ умилениемъ взглядывая на его маменьку.

— Со-временемъ, конечно, ты женишься, говорила Елена Терентьевна, какъ-бы мечтая вслухъ:— только ужъ вѣрно не на какой-нибудь прокурорской, а на генеральской или на княжеской дочкѣ, на богатой, на красавицѣ... Ты вѣрно тогда будешь адъютантомъ съ аксельбантами, съ саблей, съ бѣлымъ султаномъ. У тебя будутъ маленькіе завитые усыки... Ты станешь жить, разумется, въ столицѣ; жена твоя будетъ въ родствѣ со всею знатью... Ты будешь гулять съ нею подъ-ручку по Невскому-Проспекту...

На ней будетъ бархатный капотъ, пыгигысячная шаль и шляпка съ перомъ и съ цвѣтами... За вами будетъ ѣхать чудесная карета съ гербами, запряженная четвернею вороныхъ или сѣрыхъ... Всѣ проходящіе будутъ заглядываться на васъ и любоваться вами... а мнѣ, мнѣ останется только молиться за васъ, мои голубчики, да благодарить Бога за то, что Онъ даровалъ мнѣ такого сына и такую невѣстку... Ужъ я и умру на вашихъ глазахъ; вѣрно ни ты, ни жена твоя не откажете мнѣ въ маленькомъ уголочкѣ... Мнѣ только и будетъ нуженъ одинъ уголокъ. Я не стану мѣшать вамъ въ вашей великолѣпной квартирѣ... Ты вѣрно успокоишь свою маму на старости за всѣ ея попеченія и заботы объ тебѣ?..

И слезы брызнули изъ глазъ нѣжной матери при этой роскошной фантазіи... И она, отеревъ слезы, еще съ минуту стояла неподвижно, устремивъ взоры на одну точку. Вѣроятно, упительное видѣніе, смутившее ее, исчезало медленно, медленно, и душа ея рвалась въ слѣдъ за этимъ видѣніемъ. Потомъ, когда она пришла въ себя, когда фантазія ея развѣялась, и она вдругъ очутилась въ мѣрѣ дѣйствительности, глаза ея искали сына; но будущій адъютантъ давно уже бѣгалъ по двору, погоняя кнутомъ мальчишку, который бѣжалъ впереди его.

Елена Терентьевна назначила сына въ военную службу, и именно въ кавалерію. Ни за что не хочу, думала она, чтобъ онъ попалъ въ ничтожество, безъ всякаго блеска, въ какой-нибудь канцеляріи. По статской совѣмъ и въ люди нельзя выйти... и, признаюсь, я терпѣть не могу этихъ статскихъ чиновъ!.. Къ-тому же, онъ у меня, слава Богу, и не чувствуетъ ни малѣйшей склонности къ статской службѣ. Онъ такой молодець, какъ-будто рожденъ быть военнымъ!

И въ-самомъ-дѣлѣ, Аркаша смотрѣлъ героемъ. Онъ почти не разставался съ своей саблей и съ киверомъ; онъ все игралъ въ солдаты—это была любимая игра его. У него была груда весьма-искусно нарязанныхъ барышикою офицериковъ; три или четыре ящика оловянныхъ гусаръ, уланъ и кирасиръ; большой барабанъ и ружье, изъ котораго онъ стрѣлялъ въ мальчишекъ горохомъ. Онъ имѣлъ годось пронзительный и сильный и кричалъ такъ, что старушка-няня и барышня затыкали себѣ уши, при чемъ барышня всегда шептала себѣ подъ носъ: «Вишь какъ разорался, чертенокъ!» Расположеніе же Аркаши преимущественно къ кавалерійской службѣ доказывалось тѣмъ, что онъ рѣдко ходилъ или бѣгалъ просто, а всегда верхомъ на палочкѣ.

ГЛАВА II.

Когда Аркашъ минуло десять лѣтъ, къ нему приставили дядьку. Этотъ дядька былъ старый заслуженный крѣпостной слуга, давно уже жившій на пенсiи и ничѣмъ незанимавшійся. Его всѣ звали Никитой Савельичемъ, не исключая и господъ, и всѣ дворовые лакеи, бабы, дѣвки и даже крестьяне питали къ нему особенное уваженіе. Никита Савельичъ былъ величайшій резонёръ, или лакейскій оракулъ, и около него всегда собирался кружокъ лакеевъ и дѣвокъ, которые слушали съ величайшимъ любопытствомъ его разсказы о прежнемъ барскомъ житьѣ-бытьѣ.

— Чтò, говорилъ обыкновенно Никита Савельичъ: — нынче! Нынче господа и жить совсѣмъ не умѣютъ. Это чтò за жизнь! Прежде, бывало, при старомъ баринѣ, у насъ одной дворни было до пятисотъ человѣкъ... Однихъ конюховъ пятьдесятъ человѣкъ, да въ комнатахъ человѣкъ тридцать, выключая казачковъ, да казачковъ сверхъ-того было штукъ до десяти. Вотъ какъ было прежде! А охотниковъ-то видимо-невидимо; этихъ тамъ разныхъ ловчихъ, доѣзжачихъ, стремлиныхъ... да и всѣ названія-то ихъ въ часъ не пересчитаешь... Вотъ чтò! Бывало, какъ самъ-то выйдетъ со всей этой свитой въ отъѣзжее поле, такъ это чтò такое, Боже мой!.. При однихъ собакахъ, я вамъ скажу, было двадцать человѣкъ приставлено! А какія собаки-то были: лягавыя, гончія, борзыя... Примѣрно какой-нибудь муругій съ подпалинами кобель махалъ, или сѣрокрапчатая сука *обжигало*, по тысячь рублей стояли! И все-то это прахомъ пошло!

Никита Савельичъ умолкалъ на мгновеніе, покачивалъ головой съ грустію, вынималъ изъ кармана большую круглую табакерку съ чьимъ-то изображеніемъ на крышкѣ, которое совершенно вытерлось отъ времени, со скрипомъ поворачивалъ крышку и, понюхавъ съ разстановкой и съ чувствомъ, снова принимался расхваливать доброе старое время.

— Вотъ нынче, примѣрно, многіе и грамотѣ изъ васъ знаютъ, и книги читаютъ, а чтò въ этомъ проку? А мы, въ-старину, и грамотѣ не учились, да своимъ господамъ лучше чѣмъ вы служили. Вотъ чтò! Въ наше время, я вамъ скажу, у всякаго человѣка была своя амбиція. Всякій человѣкъ чувствовалъ себя. У стараго-то барина, бывало, все по стрункѣ ходить. Бывало, онъ выйдетъ: вскочишь, да и стовишь, какъ вкопанный, смигнуть не смѣешь. Да чтò ж! я еще тогда былъ мальчишка, а и старые-то слуги также держали себя. Нечего сказать, царство ему небесное, ужъ настоящій

баринъ былъ; нынѣшнимъ куда противъ него! и награждать умѣлъ, да и взъискивать умѣлъ. Разумѣется, гдѣ гнѣвъ, тамъ и милость. А ужъ тяжеленька была ручка—нѣчего сказать! Бывало, какъ прійдется, только держись. Ну, за то вѣдь и слуги были. Правду половица говорить: за битаго двухъ небитыхъ даютъ.

Никита Савельичъ приостанавливался, снова вынималъ изъ кармана табакерку и со вздохомъ прибавлялъ:

— То-то!.. а нынѣче чтó?

Дворня внимала Никитѣ Савельичу разиня ротъ, и почесываясь восклицала отъ поры до времени:

— Правда ваша, Никита Савельичъ... ужъ нынѣче чтó!

Въ наружности Никиты Савельича было «что-то», какъ говоритъ Гоголь, «внушающее». Это былъ послѣдній изъ славной стаи прежнихъ русскихъ слугъ. Огромнаго роста, сухощавый, съ сѣдыми какъ лунъ волосами, съ серебряной серьгой въ правомъ ухѣ, всегда съ нѣскольکو-нахмуренными бровями, въ бѣломъ, отчасти-засаленномъ галстукѣ, нѣскольکو разъ обвернутомъ кругомъ шев; въ синемъ сюртукѣ, почти до пятъ, довольно-тонкаго сукна, но уже порядочно-поистершемей; въ гусарскихъ сапогахъ безъ кисточекъ сверхъ широкихъ синихъ же панталонъ; съ голубымъ бисернымъ шнуркомъ отъ часовъ на бѣломъ пожелтѣвшемъ пикейномъ жилетѣ, — онъ рѣзко отличался отъ всѣхъ другихъ слугъ новаго поколѣнія.

Чувство собственнаго лакейскаго дѣстинства проявлялось въ его походкѣ и тѣлодвиженіяхъ, нелишенныхъ своего рода граціи, и въ лицѣ его, немного-хитромъ и отчасти-суровомъ, на которомъ, казалось, ясно начертаны были слова: «мы знаемъ, чтó знаемъ!»

Такому-то челоуку барыня вѣрила надзоръ надъ барченкомъ.

— Теперь мой Аркаша въ такихъ лѣтахъ, говорила маменька: — что женщины ходить за нимъ я считаю неприличнымъ.

— И, матушка! возражала огорченная няня: — вы ужъ это затѣваете напрасно. Еще Аркашечка совсемъ ребенокъ... Да чтó жъ такое, хоть бы отъ и большой былъ, я бы за нимъ и за большимъ не постыдилась ходить. Вѣдь я его, моего крошечку, вынянчила, такъ чего же мнѣ его стыдиться-то?

И няня все-таки потихоньку отъ барыни продолжала ухаживать за своимъ питомцемъ, не смотря даже на Никиту Савельича, который говорилъ ей:

— Эй, Кузьминяшна, полно дурачиться... Ну, слава Богу, понянчила довольно, будетъ съ тебѣ. Теперича тебѣ при немъ быть не слѣдъ. Ужъ теперича онъ на моихъ рукахъ... Ужъ я за него господамъ отвѣчаю. Вотъ чтó!

— И, батюшка, Никита Савельичъ! да гдѣ жъ тебѣ такъ усмо-

Треть за нимъ? Мое, ужь самъ ты знаешь, привычное дѣло ходить за ребенкомъ, да и я часто не доглядываю за нимъ.

— Авось и безъ тебя справимся какъ-нибудь! замѣчалъ Никита Савельичъ, значительно понюхивая табакъ:— одинъ дядька постоятъ за семерыхъ нянекъ... Известное дѣло, что у семи нянекъ дитя безъ глазу. Мнѣ не учиться-стать за барскими дѣтьми ходить, слава Богу... Ученаго учить только портить... я ужь эту науку провѣшала, Кузьминична!..

Такого рода рѣчи не нравились нянѣ. И она, бывало, занимаясь вязаніемъ чулка, такъ разсуждаетъ съ барышней:

— Вспомни мое слово, матушка! погубить ребенка. Дядька! только слава, что дядька, а онъ и обращаться-то съ нимъ совсѣмъ не умѣетъ... Старый баласникъ! цѣлый вѣкъ только на печи лежать да наушничествомъ занимался. Этимъ и въ почетъ попалъ къ старому барину... Первый человекъ въ домѣ!.. дядька! Эка птица! а мнѣ наплевать на него...

И, постепенно разгораясь, няня обыкновенно спускала петлю за петлей.

— А, чтобъ ему проклятому!.. еще петлю спустила... Бвсъ этакой!.. Подыми-ка, родная...

И няня отдавала чулокъ барышнѣ.

Барышня подымала петли и говорила:

— Правда твоя, нянюшка. У меня тоже къ нему что-то сердце не лежитъ... Ужь признаться, такой искаріотъ, что ужаси!

Однако барышня, по свойственной ей слабости къ сплетнямъ, обыкновенно пересказывала Никитѣ Савельичу все, что говорила про него няня, а иногда и то, чего вовсе она не говорила.

Никита Савельичъ выслушивалъ барышню и махалъ рукой.

— А пусть ее, старая хрычовка, замѣчалъ онъ:—болтаетъ, что ей на умъ взбредетъ. Вы, сударыня, не прогнѣвайтесь, что я вамъ скажу: у бабы-то волосъ дологъ, да умъ коротокъ. Вотъ что!

Аркаша скоро привыкъ къ Никитѣ Савельичу, ибо Никита Савельичъ, какъ человекъ себя-на-умъ, не слишкомъ противорѣчилъ барченку, зная, что этимъ онъ угодитъ барынѣ. Ребенокъ пользовался полной свободой: кушалъ съ утра до ночи, при малѣйшемъ замѣчаніи кричалъ: «не говорите противнаго!» колотилъ мальчишекъ, безнаказанно билъ и ломалъ все, что ему ни попадалось подъ руки, и, къ величайшему прискорбію птичницы, безнаказанно преслѣдовалъ по двору куръ и индѣекъ. И если птичница, выведенная наконецъ изъ терпѣнія, жаловалась на него дядькѣ, дядька говорилъ:

— Эка важность! Что жь такое, вѣдь онъ барское дитя. Пусть его забавляется.

Когда же дитя утомлялся къ вечеру, и всѣ игрушки надоѣдали ему, Никита Савельичъ занималъ его сказками о кievскихъ вѣдмахъ, о русалкахъ и объ оборотняхъ, въ существованіи которыхъ самъ былъ убѣжденъ твердо, потому-что не разъ ихъ видывалъ собственными глазами. Больше всего любилъ онъ рассказывать о томъ, какъ однажды ночью на сѣнникѣ давилъ его домовой, и еще, какъ домовой не влюбилъ одну любимую лошадь стараго барина, и какъ всякую ночь вѣбивалъ ей гриву, и какъ кучерá ни за что не могли распутать работу хозяина (домоваго онъ также называлъ хозяиномъ и дѣдушкой).

Эти рассказы дядьки барченокъ слушалъ не безъ страха, но всегда съ напряженнымъ вниманіемъ и любопытствомъ. Особенно боялся онъ домоваго, и Никита Савельичъ часто страшалъ его домовымъ,—иногда для того, чтобъ унять ребенка отъ шалостей, а иногда просто для собственной забавы. Впрочемъ, и то сказать: безъ домоваго, Савельичъ рѣшительно не могъ бы справиться съ барченкомъ; одно только имя домоваго и дѣйствовало магически на Аркашу, который рѣшительно считалъ ни во что ни панешку, ни маменьку и не хотѣлъ внимать ни совѣтамъ, ни увѣщаніямъ, ни мольбамъ, ни угрозамъ своего дядьки.

Но не только дядька, даже учитель Аркаши прибѣгалъ къ домовому, чтобъ сколько-нибудь дѣйствовать на своего ученика. Этотъ учитель былъ исключенный изъ какого-то университета казеннокоштный студентъ духовнаго званія, скитавшійся года три безъ мѣста, и наконецъ нанятый Еленою Терентьевною для обученія Аркаши за самую ничтожную плату.

— Онъ былъ бы всѣмъ хорошъ и учить прекрасно, говорила о немъ Елена Терентьевна: — и можетъ преподавать не только первоначальныя правила, но даже всѣ эти, знаете, высшія науки, да только вибѣтъ одинъ порокъ: отъ него всегда немножко припахиваетъ виннымъ спиртомъ. Я сначала-было испугалась, подумала, что онъ пьетъ, но, къ-счастію, онъ меня успокоилъ на этотъ счетъ, сказавъ, что у него сильныя головныя боли, и что по этому докторъ предписалъ ему постоянно примачивать голову виннымъ спиртомъ.

Студентъ, отъ котораго нѣсколько припахивало виннымъ спиртомъ, кромѣ другихъ разныхъ дарованій, владелъ еще даромъ стихотворства. Въ наше время, этотъ даръ считается ни-по-чѣмъ, потому-что теперъ въ Россіи столько же стихотворцовъ, сколько людей, умѣющихъ держать въ рукахъ перо. Это истина неоспоримая. Теперъ у насъ всѣ пылаютъ вдохновеніемъ, уносятся въ поднебесную, и оттуда бряцаютъ на лирахъ и громятъ въ своей

поэзии неуязвимых цѣнить ихъ призваніа—зонговъ, то-есть жур-
налистовъ.

Я не боюсь васъ, Зонгы! (восклицаютъ обыкновенно эти стихо-
творцы)

Ничтоженъ мнѣ вашъ дерзкій крикъ.
Во мнѣ кинять слабые силы,
Мнѣ слыше даиъ боговъ языкъ!

Въ часъ благодатный вдохновенья
Поэтъ уносится въ эфиръ.
Ему ничтожны дѣти тѣсныя,
Ничтоженъ сей подлунный міръ!..

Но тридцать лѣтъ назадъ, когда поэты не были еще такъ ежесточены противъ журналистовъ, когда ихъ цѣнили гораздо—снисходительнѣе и уважали несравненно—болѣе, въ то блаженное и увы! безвозвратно минувшее время, направленіе русской поэзіи не отличалось такою заносчивостью. Тогда поэзія была болѣе-кротка и нѣжна, и студентъ, учитель Аркаши, питавшій безнадежную страсть къ какой-то убадной дѣвѣ, за которой было пятнадцать душъ приданого, все воспѣвалъ ее на манеръ Карамзина:

Другъ сердечный, другъ мой милой,
Какъ лишиться мнѣ тебя?
Непонятной, чудной силой
Все къ тебѣ влекуся я...

Мнѣ съ тобой, — съ тобой расстаться
Значить сердце потерять,
Вѣчно плакать и метаться,
Вѣчно радостей не знать!..

Такія чувствительныя стихотворенія учителя вовсе, впрочемъ, не соответствовали его наружности. Онъ былъ сложенъ довольно-аляповате, имѣлъ голосъ грубый, лицо одутловатое и крошечные неопредѣленнаго цвѣта глазки, совершенно заплывшіе жиромъ. Большую часть дня онъ проводилъ въ домѣ управителя Елены Терентьевны,—ея крѣпостнаго человѣка, у котораго онъ также обучалъ дѣтей; за что тотъ, въ знакъ благодарности, всегда угощалъ его барскими наливками и настойками. Учитель душевно любилъ управителя и, по собственному сознанію, съ большою пріятностью проводилъ время въ его семействѣ.

Причиной этому, кромѣ настоекъ и наливокъ, была также Настя, дочь управителя, дѣвка лѣтъ восемнадцать, умѣвшая читать и даже писать — здоровая, полная, съ круглымъ и краснощекимъ лицомъ, на которую учитель поглядывалъ съ неопределеннымъ выра-

женѣмъ и которой читалъ свои стихотворенія, сбчненныя ииъ къ той жестокосердой, за которой было пятнадцать душъ приданнаго. Последнее учитель, однако, скрывалъ отъ Насти, и обыкновенно, прочитавъ ей свое стихотвореніе, спрашивалъ у нея:

— Ну, а какъ это вамъ нравится, Настасья Федотовна?

— Прикрасно-сь.

— А знаете ли вы, для кого это мною написано?

— Нѣтъ-сь.

— Собственно для васъ.

— А мнѣ это на что-сь?

— Я тутъ, такъ-сь, шитически выразилъ мои чувства къ вамъ, мою любовь.

— Такъ что же-ть?

— Такъ-сь; ну, а вы... Настасья Федотовна... вы, можетъ-быть, кого-нибудь ужъ любите?

— Ахъ, Боже мой, да я и не знаю еще, что такое любовь-то!

И Настя сердито отворачивалась отъ учителя... Настя глала. Настя понимала любовь и даже всю прелесть тайной и взаимной любви; отъ-того, вѣроятно, садовникъ Гришка такъ страшно и поглядывалъ на учителя и, говорятъ, даже грозился, въ случаѣ чего-либо, дать ему почувствовать себя...

Но да простить мнѣ читатель всѣ эти отступленія и подробности; они, можетъ-быть, не бесполезны и со-временемъ послужатъ къ объясненію многого въ жизни моего героя. Теперь обратимся къ нему.

Аркаша сидѣлъ съ учителемъ часа по три въ день; занимался же собственно науками не болѣе половины этого времени. Остальные полтора часа ученикъ обыкновенно потягивался, глядѣлъ въ окно на драку пѣтуховъ, на бабъ, развѣшивавшихъ бѣлье на дворѣ, на бѣгавшихъ дѣвчонокъ и мальчишекъ; на гусей, щипавшихъ траву и полоскавшихъ въ лужѣ, потому-что все занимало его любознательное вниманіе. Для сокращенія часовъ ученья, онъ безпрестанно предлагалъ учителю вопросы, вовсе не касавшіеся до наукъ; а иногда упрасивалъ его сдѣлать ему новую дудку или змѣя изъ бумаги: учитель былъ большой мастеръ дѣлать бумажные змѣи и дудки изъ стволовъ различныхъ растений и деревьевъ.

— Ну что, скажите, Аркашечка усцѣиваетъ въ наукахъ? спрашивала маменька у учителя.

— Какъ же-сь; все идетъ, какъ слѣдуетъ, отвѣчалъ учитель:— Аркадій Ивановичъ обладаетъ обширными способностями, только подверженъ небольшому расцѣянію.

— Очень-натуральное дѣло, что онъ немножко-расцѣянъ. Вѣдь онъ ребенокъ! возражала маменька.—Вы и не утомляйте его слыш-

комъ; вѣдь ему ученымъ ненужно быть... Къ-тому же, онъ такъ молодъ. Еще передъ нимъ, батюшка, времени много впереди. Успеетъ всему выучиться...

Аркаша никогда не спускалъ бумажнаго змѣя безъ учителя. Учитель всегда до поту лица помогалъ ему въ этомъ упражненіи и, казалось, самъ радовался, глядя на подымающагося змѣя, не меньше ученика. А маменька, сидя на галерей съ гостьей или съ барышней, говорила:

— Очень-хорошій человекъ этотъ учитель. Въ-Богу, спасибо ему, спасибо; какъ онъ всегда старается развлечь ребенка, доставить ему удовольствіе! Это много значить. Конечно, есть у него кое-какія дурныя привычки. Да, впрочемъ, вѣдь все мы отъ Адама родились. Что дѣлать? Кто жъ безъ грѣха?

Еленъ Терентьевнѣ непременно хотѣлось, чтобъ Аркаша въ совершенствѣ изъяснялся на французскомъ языкѣ, и потому она начала хлопотать о гувернѣрѣ. И гувернѣръ-Французъ былъ выписанъ чрезъ одну ея родственницу изъ Петербурга за три тысячи рублей въ годъ. Сверхъ званія гувернѣра, онъ принялъ еще на себя обязанность преподавать своему питомцу французскую литературу, исторію и музыку, не требуя за то особенной платы. Въ условіи, заключенномъ между нимъ и барынею, наслышась о русскихъ провинціальныхъ нравахъ, Французъ не счелъ лишнимъ включить, между-прочимъ, слѣдующіе пункты: 1) чтобъ съ нимъ всегда обращались учтивымъ и приличнымъ образомъ; 2) чтобъ ему отведена была чистая и свѣтлая комната съ необходимою мебелью; 3) чтобъ онъ постоянно пользовался барскимъ столомъ и имѣлъ право обѣдать, пить кофе и чай вмѣстѣ со всѣми, или отдѣльно въ своей комнатѣ,—смотря по расположенію; 4) чтобъ ежедневно отпускалось ему не меньше полубутылки краснаго или бѣлаго столоваго вина, ибо, по его словамъ, онъ не могъ употреблять ни кваса, ни кислыхъ щей, ни другихъ какихъ-либо варварскихъ напитковъ; 5) чтобъ ему назначенъ былъ человекъ для прислуги, какъ-то: для чыщенія платья, сапогъ, для уборки его комнаты и проч.; 6) чтобъ, въ случаѣ желанія, онъ могъ по-крайней-мѣрѣ въ мѣсяцъ одинъ разъ отлучиться дня на два или на три или въ гости къ сосѣднимъ помѣщикамъ, или въ губернской городъ, и чтобъ въ такомъ случаѣ ему давали надежный и приличный экипажъ, и 7) чтобъ въ-продолженіи каникулярнаго времени (отъ 1-го іюня до 1-го августа) онъ пользовался полной свободой и на эти мѣсяцы могъ отлучаться куда заблагоразсудить.

Этотъ гувернѣръ, котораго вся дворян, не исключая и барышни, звала *мусье*, не смотря на свою молодость, принадлежалъ къ Французамъ стараго времени. Онъ былъ, что называется, душа холо-

стаго общества. Беззаботный весельчакъ, не смотря на ограниченность ума, всегда легкій, пріятный и леутомимый говорунъ, особенно за бутылкою шампанскаго; не смотря на ограниченность средствъ—всегда щегольски-одѣтый; не смотря на совершенную ограниченность образованія и бѣдность свѣдѣній—умѣвшій вдругъ озадачивать и, что называется, пускать пылъ въ глаза; немногоразсѣянный, очень-вѣтренный, волокита, отчаянный легитимистъ, славный бильярдный игрокъ,—онъ пріѣхалъ въ Россію съ полною увѣренностью какими бы то ни было средствами въ нѣсколько лѣтъ нажить себѣ капиталъ. Онъ готовъ былъ сдѣлаться чѣмъ угодно: гувернёромъ, парикмахеромъ, компаньйономъ, танцмейстеромъ, актёромъ, шефомъ оркестра (потому-что умѣлъ играть немножко на флейтѣ и немножко на скрипкѣ), камердинеромъ знатнаго и богатаго барина и даже любовникомъ старой и богатой барыни. Два года прожилъ онъ въ Петербургѣ и въ-продолженіе этого времени успѣлъ быть сначала гувернёромъ въ какомъ-то домѣ, потомъ музыкальнымъ учителемъ, потомъ прикащикомъ въ книжной лавкѣ, наконецъ прикащикомъ въ музыкальномъ магазинѣ,—и нигдѣ не могъ ужиться. Ему безпрестанно отказывали отъ мѣстъ, потому-что нигдѣ онъ не исполнялъ своихъ обязанностей. Бильярдъ, домино, шампанское, трактирныя знакомства рѣшительно губили его... Однако, не смотря на стѣсненное положеніе, онъ не унывалъ нисколько и по-прежнему шутилъ, острилъ, каламбурилъ, рассказывалъ анекдоты и съ совершенно-одинаковою важною разсуждалъ о военныхъ дѣйствіяхъ Наполеона, котораго, разумеется, ненавидѣлъ, и о способъ приготовленія салата, который, по мнѣнію знатоковъ, онъ точно приготовлялъ превосходно. Въ провинцію поѣхалъ онъ не совсѣмъ-охотно, но дѣлать было нечего, потому-что послѣднія средства его истощились... И хотя русскіе провинціальныя нравы отчасти пугали его, онъ однако утѣшалъ себя мыслію—сдѣлать въ провинціи свою карьеру: плѣнить какую-нибудь богатую русскую барыню-вдову, жениться на ней, заставить ее обратить въ капиталъ ея несметное имущество (богатство Русскихъ представлялось ему не иначе, какъ въ чудовищныхъ размѣрахъ), перевести этотъ капиталъ во Францію, купить себѣ со-временемъ графство, и проч. «Что жъ такое?» думалъ онъ: «c'est une idée sotte une autre!»

Не знаю, какое впечатлѣніе произвела на Француза Елса Терентьевна, но Французъ произвелъ на нее самое выгодное и пріятное впечатлѣніе.

— Бель-омъ, бель-омъ! говорила она про него барышнѣ.—Прелесть, что за мужичица! Посмотрите, милая, какіе у него глаза... голубые и нѣсколько ва-выкатъ! А какіе волосы... бѣлосурые и

курчавые... Не правда ли, блыокурые мужчыны лучше брыетовъ?.. Носъ орлиный, манеры самаго лучшаго тона... Прелесть! прелесть!.. Ну, признаюсь, я рада за моего Аркашу; я увѣрена, что онъ вполне образуетъ его и сдѣлаетъ свѣтскимъ челоуѣкомъ... А замѣтили ли вы, душенька, какой онъ веселый, какой говорунъ и какой, кажется, вѣтренникъ. Ну, словомъ, настоящий Французъ! настоящий!

Еще до-сихъ-поръ у насъ многіе, даже очень-умные и образованные люди, понимаютъ Французовъ такъ, какъ понимала ихъ моя Елена Терентьевна. Я полагаю, что эти господа не совсѣмъ-правы. По двумъ или тремъ выходцамъ нельзя дѣлать заключеніе о характерѣ цѣлаго народа, особенно такого народа, который можетъ указать на Декарта, на Жанъ-Жака Руссо, Бернардена-де-Сен-Пьера, а въ наше время на Жоржъ Зандъ, Ламартина и другихъ.

Въ эпоху, описываемую мною, естественно, сердца всѣхъ Русскихъ живѣе бились при воспоминаніи о незабвенномъ двѣнадцатомъ годѣ; ибо это воспоминаніе еще было свѣжо. Буря утихла, но страшно-взволнованное ею море еще сердито колыхалось. Еще народная ненависть не успѣла опочить, и многіе русскіе патріоты очень-неблагодарно поглядывали на Французовъ. Къ числу такихъ патріотовъ принадлежали Никита Савельичъ, дядька Аркаши, и студентъ-учитель.

— Врагу отечества поручить дитя! разсуждалъ Никита Савельичъ. — Ну, есть ли тутъ разумъ? Ну, чему доброму онъ его научить? Хотѣ бы баринъ вступился въ это дѣло, да выгналъ изъ дома этого безбожника въ-зашей.

— Правда ваша, Никита Савельевичъ, возражалъ учитель: — и посмотрите, какъ онъ ведетъ себя! какъ-будто баринъ какой; разлжается-себѣ на диванѣ при господахъ; смотритъ, знаете, на всѣхъ съ презрѣніемъ; а вѣдь, я думаю, просто изъ фурлейтовъ. Еще, можетъ, камалъ, нашу кровь проливалъ. Чего добраго!... Аркадію Ивановичу главное, Никита Савельевичъ, вы сами понимаете, нравственность, такъ-сказать, надо вложить; образовать его умъ и сердце, то-есть, какъ слѣдуетъ русскому дворянину... ну, а гдѣ же какому-нибудь отакому подбитому вѣтеркомъ Французу понимать такія священныя обязанности? Профессоромъ себя называетъ!... Ахъ онъ, съ позволенія сказать... да, что тутъ много толковать! онъ, я думаю, и свою-то грамоту съ грехомъ помаламу знаетъ...

— И какую барыня власть дала этому прощальгѣ, продолжалъ Никита Савельевичъ: — просто даже смотреть гадко. Вся, вышь, по его дудкѣ пляши! Ахъ, ты Господи! Господи!... Вотъ до какой!

участи дожили: Французу повиноваться! Да что, еслибъ старый-то баринъ посмотрѣлъ на это?

Въ-самомъ-дѣлѣ, Французъ пользовался полною довѣренностью и неограниченною благосклонностью Елены Терентьевны. Она даже выписала нарочно для него изъ Москвы порядочный запасъ лафита и шампанскаго; кромѣ того, онъ безпрестанно получалъ отъ нея подарки: то шелковую матерію на жилетку, то самаго тонкаго англійскаго сукна на фракъ, то бобровый воротникъ на бекешу.

— Все это я дѣлаю, говорила она:—для его поощренія, чтобъ онъ больше занимался моимъ Аркашей; а для Аркашечки мнѣ ничего не жаль! Онъ вѣдь у меня одинъ, единственное сокровище, единственное утѣшеніе, оставшееся мнѣ на землѣ... Видитъ Богъ, для него я готова на всѣ пожертвованія!

Когда же губернскія барыни спрашивали у нея:

— А что, Елена Терентьевна, довольны ли вы вашимъ гувернёромъ?

— То-есть, такъ довольна, отвѣчала она:—что вы себя и представить не можете... Онъ ужъ такъ внимателенъ къ ребенку, такъ—что этого и сказать нельзя. И какіе успѣхи Аркашечка сдѣлалъ въ короткое время! Въ мой именины онъ, вообразите, принесъ мнѣ поздравительные стихи на французскомъ языкѣ... А какой у него становится выговоръ!... Онъ со-временемъ, я увѣрена, будетъ говорить по-французски, какъ настоящій Французъ, р немножко картавить, точно такъ, какъ его гувернёръ... Вѣдь это, можно сказать, необыкновенный ребенокъ; онъ сейчасъ съ разу все перейметъ. И гувернёръ имъ не нахвалится. Онъ мнѣ откровенно признавался, что еще не видывалъ ребенка съ такими способностями, а надобно вамъ сказать, что вѣдь въ Петербургѣ онъ былъ гувернёромъ все при княжескихъ и при графскихъ дѣтяхъ...

Елена Терентьевна, несмотря на свои нравственныя правила, не смотритъ на то, что гвѣрнала безпрестанно: но леому *сѣдѣмостѣе*— это самый изумительный перокъ съ человекомъ, иногда позволяла себѣ прихватить немножко. Гувернёръ вовсе не думалъ всхлициаться способностями онъ сына; напротивъ, Аркаша выводилъ его изъ привычій своихъ малостями, внимательностью во время уроковъ и дѣльню. Гувернёръ иначе не звалъ его, какъ своя *petit tygar*, а во единъ разъ принужденъ былъ жаловаться на него маманкѣ. И, къ величайшему изумленію всей дворни, маманка, скрѣпя сердце, наказывала Аркашу безъ обѣда, но лишь вслѣдъ разъ тахонько отъ гувернёра и отъ маманки до того мѣръ жалости кормила его будочками и дирождками, что дитя едва могло дышать, и даже однажды чуть не слегло въ постельку. Наказаніе Аркаши обнаруждало вполнѣ, какую власть и какое дѣйствіе гувернёръ имѣлъ на

Едену Терентьевну. Впрочемъ, въ-послѣдствіи, губернёръ пересталъ быть строгъ и взыскателемъ къ своему питомцу, во-первыхъ, потому-что нашелъ это безполезнымъ; во-вторыхъ, потому-что не хотѣлъ огорчать мамешицу, а въ-третьихъ, потому-что не хотѣлъ изъ пустяковъ волновать и тревожить самого-себя. Онъ занимался съ Аркашей не болѣе двухъ часовъ въ день, и то болѣе для яду; прочее же время оставлялъ его на попеченіе Ники-ты Саведьевича, а самъ или разговаривалъ съ Еденой Терентьевной, или отправлялся съ ружьемъ на охоту, или ѣздилъ верхомъ, или игралъ въ бильярдъ съ хозяиномъ дома. Вообще, онъ пользо-вался полной свободой, по-немногу привыкалъ къ однообразной и утомительной деревенской жизни, постепенно копилъ себѣ деньги, чего бы никакъ онъ не могъ сдѣлать въ Петербургѣ, и утѣшалъ себя мыслью черезъ нѣсколько лѣтъ отправиться на родину, если не съ огромнымъ капиталомъ, то по-крайней-мѣрѣ съ такою сум-мою, которая могла вполне его обезпечить. Онъ выучилъ нѣсколь-ко фразъ по-русски; и всегда, когда встрѣчался съ Настей, гор-ничной Елены Терентьевны (а это случалось довольно-часто), про-износилъ очень-чисто: «Здрастуйте, какъ вы поживаете? Можно тебя поцаловать? Я очень тебя люблю... Ты очень прекрасна», и потомъ обнималъ Настю, которая всякій разъ, вырываясь изъ его объятій, вскрикивала:

— Ахъ полноте... какіе вы балабонники!

Настя сначала была фавориткой барыни, но потомъ барыня вдругъ безъ всякой причины не влюбила ея, начала рѣшитель-но гнать и противъ воли заставила выйти замужъ за кривобокаго и стараго кузнеца Дармидошку. Этотъ кузнецъ былъ характера дикаго и непреклоннаго. Въ припадкахъ ревности онъ, говорятъ, немилосердо колотилъ бѣдную Настю, и она черезъ годъ послѣ брака умерла въ чахоткѣ.

Между-тѣмъ, Аркаша толстѣлъ и возрасталъ значительно. Уже вмѣсто гусарскихъ курточекъ ему шли сюртуки и фрачки; уже онъ пересталъ ѣздить верхомъ на палочкѣ, а ѣздилъ на настоящей небольшой лошаdkѣ, которую ему подарила мамешица; уже онъ кое-какъ болталъ по-французски и порядочно паликалъ на скрипкѣ, потому-что къ музыкѣ чувствовалъ большее расположеніе, чѣмъ къ наукамъ; уже онъ съ особеннымъ любопытствомъ поглядывалъ на горничныхъ, особенно въ то время, когда тѣ мыли бѣлье на рѣ-кѣ... «Господи Боже мой! Какъ время-то идетъ!» говорила, глядя на него, мамешица: «давно ли еще онъ, мой голубчикъ, былъ на рукахъ у кормилицы, а теперь вонъ какой молодець выросъ. Все-то такъ на свѣтъ!»

Для него наняли новаго учителя, потому-что прежній часто вдругъ пропадалъ и Богъ-знаеть гдѣ скрывался по цѣлымъ недѣлямъ, а возвращался въ такомъ видѣ, что его рѣшительно нельзя было допустить къ ученику. Впрочемъ, Елена Терентьевна, по свойственной ей добротѣ, позволила ему оставаться въ домѣ и даже дала пять рублей какому-то мужику изъ сосѣдней деревни, который взялся его вылечить отъ пьянства. А благодарный учитель написалъ въ честь своей благодѣтельницы днѣпрамбъ, который начинался такъ:

- Слети, о ты волшебна сила!
- На лиру скрипную мою...
- Въ честь добродѣтели свѣтила
- Вуши ниѣ гиниз,—да воспою!...

Но лекарства мужика не пособили учителю.. Бѣдный все-таки кончилъ свое поприще трагически. Онъ въ-продолженіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ не выходилъ никуда; кромѣ воды и кваса ничего не пилъ, крѣпился, тосковалъ, — и вдругъ исчезъ снова. Это было вечеромъ наканунѣ крещенья, въ жесточайшій морозъ. Наутро нашли его замерзшимъ въ канавѣ, на полдорогѣ отъ барскаго двора къ питейному дому.

Аркаша новаго своего учителя слушался точно такъ же, какъ и стараго. Ученье казалось ему невыносимой пыткой, и всякій разъ, вырываясь изъ класса, какъ изъ тюрьмы, съ позволенія гувернёра, онъ бѣжалъ, разсѣвая воздухъ хлыстикомъ, на конюшню, приказывалъ осѣдлатъ свою лошадку и черезъ минуту скакалъ верхомъ, въ сопровожденіи конюха, по большой деревенской улицѣ. Мужики, бабы, дѣвчонки и мальчишки кланялись въ поясъ, завидя своего барченка, и смотрѣли на него съ подобострастіемъ, разинувъ рты и вытаращивъ глаза; а барченокъ съ самодовольной и гордой улыбкой едва кивалъ имъ головой, и мчался, закидывая грязью или пескомъ деревенскихъ ребятшекъ и младенцевъ, которыхъ заботливые родители преспокойно оставляли на улицѣ почти посреди дороги.

Папенька Аркаши рѣшительно ничего не хотѣлъ знать, что дѣлается въ домѣ, и не вступался въ воспитаніе своего сына; только, замѣтивъ его страсть къ лошадамъ, непремѣнно самъ захотѣлъ учить его ѣздить верхомъ. Быстрые успѣхи Аркаши въ верховой ѣздѣ отъ души радовали папеньку...

Однажды, въ манежѣ, онъ былъ необыкновенно имъ доволенъ. Глядя на сына, его кавалерійское сердце сильно забилось въ груди и въ немъ проснулась память о прежнихъ беззаботныхъ, счаст-

ливыхъ годахъ. Онъ схватилъ Аркашу на руки и крѣпко прижалъ къ груди.

Аркаша обнялъ его. Ему въ первый разъ отъ-чего-то стало жаль папеньку. Папенька вдругъ измѣнился въ лицѣ, какъ-будто чувство отца начинало побѣждать въ немъ чувство кавалериста — и слезы вдругъ невольнo хлынули изъ глазъ его. — Ахъ, если бы не твоя мать! проговорилъ онъ глухимъ голосомъ, но вырвавшимся изъ глубины души... Ну, да впрочемъ она какъ и всѣ онѣ! — Онъ не договорилъ и махнулъ рукой. — Люби меня, Аркаша! и пронесся эти послѣднія слова почти шопотомъ, онъ быстрыми шагами вышелъ изъ манежа. Аркаша проводилъ отца глазами и задумался. Этого прежде съ нимъ также не случалось... Какъ-будто что-то съ болью пошевелинулось въ груди его, и онъ задрогнулъ; но въ эту минуту приближавшая въ манежъ маменька закричала:

— Насилу-то я тебя нашла, мой ангелочекъ!.. Не-ужь-то ты досихъ-поръ все вздиръ верхомъ? Посмотри-ка, на тебѣ лица нѣтъ... Бога не боится папенька... Онъ совсѣмъ тебя замучить... Да что это ты такой скучный? Не обидѣлъ ли тебя папенька?

— Это еще, что вы выдумали, отвѣчалъ Аркаша: — папенька меня никогда не обижалъ. — Аркаша, къ удивленію маменьки, въ первый разъ вступился за папеньку.

— Ну, не сердись, мое сердце, не сердись на свою мамашу. Будь веселѣе... Ужъ какъ я не люблю, когда ты не веселъ... Миѣ ужъ Богъ-знаетъ что представляется, что ужъ ты и боленъ-то... и что тебя ужъ кто-нибудь огорчилъ... Надо быть всегда веселымъ. Да и о чемъ тебѣ скучать, дружечекъ? Мамаша души въ тебѣ не слышитъ, исполняетъ всѣ твои желанія, живетъ, можно сказать, только единственно для тебя; куда ни обернись — все твое, все къ твоимъ услугамъ, все тебѣ повинуется... Я только объ одномъ прошу тебя... будь ласковъ и внимателенъ къ своему гувернѣру и во всемъ слушайся его... Онъ неподобный человекъ и безъ памяти любить тебя... Его совѣтами слѣдуетъ дорожить, душа моя, и пользоваться ими... Ты вѣдь этимъ утѣшишь свою мамашу? Не правда ли?

Аркаша, чтобъ поскорѣй отдѣлаться отъ наставленій маменьки, обещалъ исполнить ея волю и сломя голову убѣжалъ въ садъ. Тамъ, вмѣстѣ съ однимъ изъ своихъ любимыхъ мальчишекъ, онъ занимался разореніемъ птичьихъ гнѣздъ, забывая папеньку, и маменьку, и гувернѣра, и всѣхъ на свѣтъ. Вообще, страсть къ разоренію и разрушенію, обнаружившаяся въ барченкѣ съ самыхъ раннихъ лѣтъ, развивалась въ немъ съ каждымъ годомъ подъ вліаніемъ благодѣтельнаго воспитанія... Аркаша подавалъ блестящія надежды въ будущемъ.

Вскорѣ послѣ того, какъ Аркашъ минуло четырнадцать лѣтъ, папенька его, послѣ долгой и трудной болѣзни скончался, въ совершенной памяти, простясь съ женою, съ сыномъ и со всеми старшими людьми въ домѣ... Лицо умирающаго выражало страшное внутреннее страданіе. Казалось, какая-то мысль тревожила его — и онъ хотѣлъ передать эту мысль и не находилъ словъ для ея выраженія. Потухавшіе глаза его попеременно обращались съ безпокойствомъ то къ женѣ, то къ сыну... Елена Терентьевна стояла, хватала себя за голову и ломалась ужасно. — Помогите мнѣ! кричала она: — помогите мнѣ... Охъ дурно... Чувствую, что съ ума сойду... Другъ ты мой! на кого ты меня покидаешь?.. И, качая головой, она съ плачевной гримасой смотрѣла на умирающаго. Но въ послѣднюю минуту, казалось, все вниманіе онъ сосредоточилъ на одномъ сынѣ и крѣпко держалъ его за руку. Губы его шевелились... Усиливался ли онъ сказать что-нибудь и не могъ, или читалъ про себя молитву? — Богъ-знаетъ. Рука его замерла въ рукъ сына. Аркаша горько плакалъ. — Такъ ужъ его нѣтъ, моего роднаго? — вдругъ вскрикнула Елена Терентьевна и бросилась къ Аркашѣ. — Сироточка мой... сироточка!... Но крикамъ, восклицаніямъ и обморокамъ Елены Терентьевны не было конца...

Послѣ смерти супруга, она долгое время, разумеется, была неутѣшна и обыкновенно говорила тономъ отчаянія:

— Чего только я не перенесла въ жизни? Удивляюсь, именно удивляюсь, какъ меня стало на все. Отца, матери лишилась, двухъ мужей скоронила, — двухъ мужей, да еще какихъ! Настоящихъ ангеловъ!

Вскорѣ послѣ потери папеньки, Аркаша былъ нѣсколько огорченъ смертію няни. Впрочемъ, онъ скоро забылъ и папеньку и няню.

Елена Терентьевна держала при себѣ сына сколько могла, то-есть лѣтъ до шестнадцати. Долѣе оставлять его дома она уже сочла неблагоразумнымъ, особенно послѣ того, когда до слуха ея начали доходить различные подвиги Аркаши. Къ-тому же, губернёръ рѣшительно пожелалъ возвратиться на родину. Мечты его отчасти осуществились: онъ, благодаря нѣкоторымъ обстоятельствамъ и, кромѣ того, собственной бережливости, увѣхалъ изъ Россіи съ порядочнымъ капиталомъ. Нѣсколько дней сряду послѣ его отъѣзда, Елена Терентьевна не поднималась съ постели: до того она чувствовала себя неадоровою. Ахъ, милая, я такъ простудилась, — говорила она барышня, — что ужасъ... жаръ такой, такъ вся и горю. — Знаемъ мы твою простуду-то!.. думала про себя барышня, — а между-тѣмъ цаловала ей ноги и, по обыкновенію, смотрѣла на нее съ умиленіемъ и, вздыхая повторяла: —

Ахъ; благодѣтельница вы наша! голубушка вы наша! какъ это вамъ не грѣхъ хворать!

Командиръ "... гусарскаго полка, сослуживецъ мужа Елены Терентьевны, старинный знакомый ея; нѣкогда даже страдавшій по ней, опредѣлялъ Аркашу къ себѣ въ полкъ юнгеромъ.

Съ той минуты; какъ рѣшена была участь его, Аркаша не ходилъ иначе; какъ въ сѣрыхъ рейтузахъ; подшитыхъ кожей; въ сапогахъ съ длинными шпорами; въ венгеркѣ съ кистями и съ хлыстомъ въ рукѣ. Ему очень было досадно, что у него нѣтъ усовъ;—однако; для большого эффекта, онъ безпрестанно крутилъ нѣгосто волосъ пучокъ; едва-едва показавшійся на томъ мѣстѣ, гдѣ должны были со-временемъ красоваться усы — и даже въ нетерпѣннѣи принялся за бритву... Книжки онъ бросилъ въ сторону и цѣлый день проводилъ на конюшнѣ...

— Другъ мой Аркашечка! говорила ему маманка: — что ты не поодишь съ своей мамашей? я тебя цѣлый день не вижу, а намъ ужъ не долго остается быть вмѣстѣ. Когда-то еще Богъ приведетъ намъ увидѣться?.. Здоровье мое что-то слабѣетъ день-отодня... Вчера я видѣла во снѣ твоего папашу — и такъ явственно; онъ; какъ живой, голубчикъ; стоялъ передо мною... говоритъ мнѣ: «я» говорить «скоро возьму тебя къ себѣ» и все манилъ меня рукой... Этотъ сонъ что-нибудь да значить!...

И Елена Терентьевна зарыдала и упала на грудь сына.

За три недѣли до отъѣзда Аркаши, начались сборы и приготовленія. Въ-продолженіе этого времени; слезы безпрестанно навертывались на глазахъ доброй матери; и она смотрѣла на сына съ особенный выраженіемъ; котораго невозможно описать никакимъ перомъ... Барышня не отходила отъ нея прочь; цаловала ей руки и утѣшала ее:

— Полно-те, родная; не убійайте себя! повторяла она. — Аркадій Иванычъ пойдетъ далеко; онъ да всего дослужится, будетъ вашимъ утѣшеніемъ подъ старость. Посмотрите-ка, черезъ годъ придетъ къ намъ съ бѣлыми султаномъ; будетъ гремѣть саблей; — а я ему скажу: помните; Аркадій Иванычъ, какъ я носила васъ на рукахъ и вырывала вамъ солдатиковъ изъ картъ? — То-то будетъ у насъ веселье въ домѣ!

Въ день отъѣзда Аркаши; весь домъ; вся дворня и вся деревня съ самаго ранняго утра были въ неописанномъ волненіи. У подъѣзда дома стояла коляска; запряженная четвернею въ-рядъ... Двое слугъ и Никита Савельичъ были уже въ дорожныхъ платьяхъ... Дѣвки, лакеи и кучера суетились около экипажа... Елена Терентьевна сама уложила подушки въ коляскѣ; чтобъ Аркашѣ было покойнѣе сидѣть... Потому она повела его на могилу къ

отцу и, припавъ къ могилѣ, стонала и рыдала... Потомъ начался молебенъ, послѣ молебна завтракъ. За завтракомъ, она ничего не могла кушать, а сидя возлѣ сына, только сквозь слезы шептала: «не забудь же меня! не разлюби меня, мой другъ!» и целовала его въ плечо и въ грудь и даже подносила къ своимъ устамъ его руки... Завтракъ кончился, — настала торжественная минута... Передъ отъѣздомъ, по обыкновенію, всѣ на одну секунду устылись... За тѣмъ Елена Терентьевна первая привстала и, едва передвигая ноги, подошла съ образомъ къ сыну... Сынъ усталъ передъ нею на колѣни и заплакалъ... Она его благословила образомъ, передала образъ на руки Никитѣ Савельичу, — съ страшнымъ воплемъ заключила Аркашу въ свои объятія и ровно четверть часа держала его на груди своей, а всѣ присутствовавшіе, глядя на это, рыдали, въ-особенности барышня.

— Будь ласковъ, вѣжливъ и почтителенъ къ старшимъ! говорила Елена Терентьевна прерывающимся голосомъ, крестя сына дрожащей рукой: — слушайся начальниковъ, угождай имъ, будь искателенъ, предупредителенъ; надобно во всѣхъ, дружечекъ, *умѣть найдти* — это первое; надобно, чтобъ всѣ тебя любили... Съ этими правилами не пропадешь... Я всегда держалась этихъ правилъ и, благодаря моего Бога, умѣла нажать себѣ истинныхъ друзей... Проводи большую часть времени въ семействѣ твоего командира... Холостая компанія до добра не доводитъ... Не забудь отдать ему мое письмо... Старайся понравиться, приобрѣсти расположеніе его супруги... Она, говорятъ, женщина необыкновенно-умная и тонкаго обращенія... Пуще всего нини къ мамашѣ каждую почту, не забывай... Никита Савельичъ, пожалуйста, напомни ему объ этомъ... Ну, да благословить тебя Господь, дружечекъ мой!

И въ-сладъ за этими словами, Елена Терентьевна снова обняла сына и такъ взвизгнула, что всѣ присутствовавшіе невольно вздрогнули.

Поддерживаемая съ одной стороны барышнею, съ другой дѣвкою, она вышла на крыльцо... На дворѣ уже собралась вся любопытная дворня смотреть на отъѣздъ барченка... На крыльцѣ снова начались объятія и лобызанія.

— Сбереги же мнѣ моего Аркашу, Никита Савельичъ! произнесла Елена Терентьевна, прощаясь съ дядкою, который подошелъ къ ея рукъ. — Я тебѣ въ цѣлости сдаю ребенка съ-рукъ-на-руки... Ты мнѣ во всемъ будешь за него отвѣчать...

— А вы, — (барыня обратилась къ двумъ лакеямъ, которые отправлялись съ молодымъ баринкомъ) — вы смотрите у меня... служите барину хорошенько, ничѣмъ не огорчайте его; не забудьте,

что ваша участь въ моихъ рукахъ, что я все что хочу могу съ вами сдѣлать... Смотри за ними Бога ради, Никита Савельичъ, не давай имъ баловаться!..

Въ-слѣдъ за тѣмъ барышня, а въ-слѣдъ за барышнею вся дворня стали прощаться съ барченкомъ... Наконецъ барченокъ уѣхалъ въ коляску.

— Покойно ли тебѣ сидѣть, мое сердце? спрашивала маменька. — Дай посмотрѣть. И она сѣла на минуту въ коляскѣ везаѣ сына и опять начала обнимать, цаловать его и плакать...

Между-тѣмъ, Никита Савельичъ и два отъѣзжавшіе лакея въ свою очередь обнимались, цаловались и прощались съ своими родственниками и съ остальною дворнею.

Когда Елена Терентьевна вышла изъ коляски, Никита Савельичъ сѣлъ на ея мѣсто, и лошади двинулись...

— Прощайте! прощайте!.. — Прощай, мой дружечекъ! — Христось съ тобой!

— Прощайте, маменька...

— Прощай, мое сердце!..

— Не забыли ли чего-нибудь? кричали лакеи и дѣвки.

— Нѣтъ, все взято...

— Ну, съ Богомъ!..

Коляска выѣхала изъ воротъ...

Аркаша въ послѣдній разъ выглянулъ изъ коляски.

Маменька кивала ему головой и крестила его.

Коляска скрылась изъ вида.

Маменька безъ чувствъ упала на руки дѣвокъ...

Къ вечеру, когда Елена Терентьевна немного успокоилась и пришла въ себя, она сказала барышнѣ:

— Ахъ, какъ тяжело мнѣ, душенька! если бы вы знали, какъ грустно! какая пустота въ домъ безъ него, безъ моего голубчика!.. Погадайте-ка мнѣ объ немъ.

Барышня тотчасъ разложила карты. По картамъ вышло, что Аркаша въ самомъ скоромъ времени будетъ произведенъ въ офицеры и получить тѣмъ награду. — Да это еще что! замѣтила барышня: — посмотрите... ему выходитъ, кромѣ того, такое удивительное счастье... такое, что и сказать нельзя! Что-то просто необыкновенное...

Утѣшась немного предсказаніями барышни, Елена Терентьевна, утомленная душевными тревогами, легла въ постель ранѣе обыкновеннаго и все придумывала, какое же бы это такое необыкновенное счастье ожидало ея Аркашу?

ГЛАВА III.

Аркаша, котораго отнынѣ я буду называть Аркадіемъ Ивановичемъ, первое время своего юнкерства находился въ некоторой зависимости отъ Никиты Савельича. Старый дядька распоряжался всѣмъ и съ большою умѣренностью и осторожностью выдавалъ деньги своему барчену.

Среди незнакомыхъ ему людей, въ міръ для него новомъ, Аркадій Ивановичъ еще не успѣлъ развернуться. Полный, съ румяными щѣками, еще нѣсколько-застѣнчивый и робкій, — онъ, въ сравненіи съ своими товарищами, казался красною дѣвушкою: за это товарищи и прозвали его *маленькиминыи сычкомъ*. Они подшучивали надъ нимъ безпрестанно.

— Какъ же мауренька-то отпустила тебя безъ няньки? спрашивали его. — Что, братъ, говорили ему: — ты лядѣи-то, кажется, боишься порядочно? а? Онъ тебя держитъ въ рукахъ... Ты безъ него вѣдь ничего не смѣешь дѣлать?

Аркадій Ивановичъ краснѣлъ и бѣсился.

— Вотъ вздоръ какой! обыкновенно отвѣчалъ онъ. — Съ-чего это вы взяли? Я все, что хочу, дѣлаю...

— Ну, братъ, докажи-ка; посмотримъ.

Самолюбіе Аркадія Ивановича подстрекало такимъ образомъ арминутно.

— Ну, да чѣмъ же вамъ доказать? спрашивалъ онъ.

— Коли ты смѣешь безъ его позволенія дѣлать что хочешь, — ну, такъ угости насъ сегодня шампанскимъ.

— Пожалуй, хоть сейчасъ.

И Аркадій Ивановичъ бѣжалъ домой, даснался къ своему дядькѣ и выманивалъ у него деньги. — Никита Савельичъ, вынимая деньги изъ кованнаго сундучка, поморщивался и обыкновенно говорилъ:

— Слава Богу, анты! Да на васъ, сударь, не занасесьея деньги. Давно ли вы у меня взяли, — а ужъ ничего нѣтъ! На это еще понадобится? Ужъ я знаю, куда эти деньги пойдутъ! ужъ вы меня дучше и не обманывайте! Стыдно, сударь! что, вы еще удивить думаете, что ли? Они, пожалуй, рады на чужой святъ кушкы. Знаешь мы ихъ! Вѣдь все годъ такая, прости Господи; какъ имъ не пощеницца якодо васъ! Вишь, какой кладъ нашли! — Они настояшная, я вамъ скажу, бѣдонная бочка: на нихъ сколько ни тратить, все мало и спасибо не скажутъ; а вмѣсто спасибо, васъ же осмѣютъ. Вотъ, что! Ахъ Аркадій Ивановичъ, жаль мнѣ васъ, батюшка! ужъ научать они васъ дѣбру!

— Никита Савельичъ! да нѣтъ, ты не знаешь, возражалъ неопытный юнкеръ: — ей-Богу, это совсѣмъ не для нихъ, это я для себя... это мнѣ нужно, знаешь, вотъ для того, чтобы...

— Полно-те вертѣться-то, батюшка! перебивалъ Никита Савельичъ: — я знаю васъ: что говори, что нѣтъ — все равно... Ну да ужъ это я въ послѣдній разъ вамъ даю такую сумму... Вамъ известно-дѣло и горя мало: вѣдь не вамъ, а мнѣ передъ маменькою-то отвѣчать. Она спроситъ... Отъ-чего это, Савельичъ, у васъ такъ скоро деньги выходятъ? Это-дескать, скажетъ, твое несмотрѣніе, какой же ты дядька носилъ этого! — да еще подумаетъ: старый дуракъ, я ему все на его отвѣтственность, такъ-сказать, поручила, а онъ не знаетъ, куда и деньги дѣвались, и отчета мнѣ не умѣетъ отдать. Вотъ что! Меня, батюшка, изъ-за васъ и оконфузятъ на старости лѣтъ...

Но возвращеніе дядьки не дѣйствовало на Аркадія Ивановича. Детьки, получаемыя имъ отъ Никиты Савельича, все тотчасъ издерживались въ трактиръ на угощеніе товарищей... Товарищи безъ церемоніи осушали бутылку за бутылкой и, подмигивая, шопотомъ говорили другъ другу: «А что, мы славно надули маменькина-то сынка!»

— Сначала, Аркадій Ивановичъ боялся вина, какъ новичокъ, и пилъ очень-умѣренно.

— Посмотрите, господа: онъ не допиваетъ своего бокала! кричали товарищи: — онъ не хочетъ пить съ нами. Да что ты боишься вина, что ли? или, можетъ-быть, дядьки боишься? Какой же ты гусаръ послѣ этого!

— Оставьте его, господа; онъ привыкъ пить молочко вмѣстѣ вран. Маменька все отпаяцала его молочкомъ!..

Стрѣла, пушенная товарищами, метко попала въ самое сердце Аркадія Ивановича. Онъ вскакивалъ со стула, поднималъ бокалъ вверхъ и восклицалъ удачнымъ тономъ:

— Полно-те, господа! коли на то пошло, такъ уже я же ни отъ кого не отстаю!

И въ-самомъ-дѣлѣ, онъ начиналъ пить не отставая ни отъ кого.

— Дико! ай-да молодецъ! кричали товарищи... Bravo! Вотъ это по-гусарски! А что, господа, вѣдь онъ подаетъ надежды? вѣдь онъ будетъ славный товарищъ! Его стоить только подзадрить. Это хорошо: значить, у него есть амбиція.

И Аркадій Ивановичъ, вѣроятно, для доказательства, что у него точно есть амбиція, чаще и чаще сталъ возвращаться домой въ такомъ видѣ, что у бѣднаго Никиты Савельича, глядя на него, слезы навертывались на глазахъ...

— Ахъ, они варвары, безбожники такіе! ворчалъ онъ, укладывая его спать. — До чего они довели ребенка! Да что, еслибъ барыня увидѣла его въ такомъ положеніи?.. Ну, а мнѣ что дѣлать? какъ за нимъ усмотришь! Не на привязи же его держать. Говорить, въ манежъ иду учиться; говорить, надо верхомъ ѣздить; а самъ, вмѣсто манежа, и улланеть въ трактиръ. Ужъ такъ наострылся лгать, что...

Никита Савельичъ махалъ рукой, вынималъ изъ кармана табакерку, нюхалъ, покачивая головой... потомъ подходилъ къ постели Аркадія Ивановича, съ безпокойствомъ смотрѣлъ на спящаго барченка, прикладывалъ руку къ головѣ его и опять начиналъ ворчать.

— Вѣдь такъ они его совсемъ уморятъ. Чего добраго! Пожалуй, еще занеможетъ... Ну, гдѣ жь ребенку за ними тягаться? Они ужъ на томъ стоятъ... а онъ... видишь какъ головка-то у него горитъ... и какъ дышетъ-то тяжело... Не слушаетъ меня... что съ нимъ будешь дѣлать?

И Никита Савельичъ, бывало, ложился спать возлѣ постели своего питомца и въ-продолженіе ночи нѣсколько разъ просыпался, смотрѣлъ на него и прислушивался къ его дыханію.

Такого рода привязанность и заботливость Никиты Савельича очень не нравилась Аркадію Ивановичу, потому-что страсть къ независимой и разгульной жизни съ каждымъ днемъ овладѣвала имъ болѣе и болѣе; но онъ еще не рѣшался освободиться отъ своего ментора и продолжалъ, для собственнаго оправданія, а иногда просто такъ, обманывать его на каждомъ шагу. Вообще, ложь и хвастовство сдѣлались его необходимыми принадлежностями, безъ которыхъ онъ, какъ безъ хлѣба, не могъ обойтись. Онъ съ-дѣтства привыкъ лгать и хвастать, безъ сознанія, что это дурно, потому-что дышалъ въ атмосферѣ лжи и хвастовства: и маменька, и няня, и барышня, и лакей, и дѣвки, — всѣ лгали и хвастали при немъ, ни мало не красясь; маменька обманывала папеньку; папенька обманывалъ маменьку; барышня, няня, лакей и дѣвки обманывали и маменьку и папеньку... Какъ же было винить ребенка за то, что онъ не проложилъ себѣ новаго пути, — а пошелъ по той избитой тропинкѣ, по которой всѣ шли передъ нимъ? Да и не одинъ герой мой, и не одна его маменька, — всѣ мы подѣ-часъ любимъ прихвастнуть немножко... Почему же не сознаться въ этомъ, благосклонный читатель и благосклонная читательница? У всѣхъ у насъ есть, можетъ-быть, тайное понозненіе блеснуть чѣмъ бы то ни было передъ ближнимъ и озадачить ближняго. Всѣ мы любимъ отчасти смотрѣть выше своего со-

стоянія... Но все это я осмѣлился замѣтить единственно для того, чтобъ хоть нѣсколько оправдать моего героя...

Ему, и, право, это было очень-простительно, — хотѣлось также блеснуть передъ своими товарищами, какъ его товарищамъ хотѣлось иногда блеснуть передъ нимъ... Онъ увѣрялъ всѣхъ, что у него двѣ тысячи пятьсотъ душъ крестьянъ и, кромѣ того, болѣе милліона денегъ, хотя зналъ навѣрное, что ему можетъ достаться тысяча пятьсотъ душъ, и то только послѣ смерти мамоньки; а о количествѣ денегъ положительно ничего не зналъ, потому-что это была ея тайна. Товарищамъ, въ свою очередь, хотѣлось блеснуть передъ нимъ, и они говорили:

— Вообрази, братецъ, мы вчера встроимъ выпили дюжину шампанскаго... каково?..

А между-тѣмъ, они навѣрное знали, что выпили только двѣ бутылки.

И товарищи догадывались, что Аркадій Иванычъ нѣсколько преувеличиваетъ свои богатства, и Аркадій Ивановичъ догадывался, что товарищи его нѣсколько преувеличиваютъ число выпитыхъ ими бутылокъ, а между-тѣмъ все-таки они постоянно продолжали такимъ образомъ блестять другъ передъ другомъ.

Мнѣніе товарищей о моемъ героѣ все улучшалось по-мѣрѣ-того, какъ онъ развивался и входилъ въ таинства своей новой жизни. Надъ нимъ почти уже не смѣялись; его начали любить; безъ него не проходила ни одна попойка...

— Каковъ онъ у насъ становится? говорили товарищи, указывая на него. — Онъ скоро насъ перещеголяетъ. Его узнать нельзя... Посмотрите, какой красавчикъ сталъ!..

И въ-самомъ-дѣлѣ, Аркадія Ивановича нельзя было узнать, — такъ измѣнился онъ въ-продолженіи года. Щеки его осунулись и поблѣднѣли; онъ значительно выросъ; голосъ его поглубѣлъ; пушокъ на бородѣ и на усахъ сдѣлался гораздо-замѣтнѣе; онъ уже носилъ фуражку взятую на-бекрень и нарочно забрызганную грязью; онъ уже не выпускалъ изо рта трубки и безпрестанно затягивался; онъ уже занималъ деньги, хотя, правда, еще тихонько отъ своего дядьки.

— Боже мой! Боже мой! на что онъ сталъ похожъ теперь? часто думалъ Никита Савельичъ, печально глядя на него. — Привезли мы его сюда: былъ полный, здоровый — ну просто кровь съ молокомъ; бывало, любо смотреть на него... а теперь?.. Да какъ же я въ этомъ видѣ представлю его барыню? да что она скажетъ, взглянувъ на него, а что обо мнѣ-то подумаетъ?..

И старикъ, который становился съ каждымъ днемъ дряхлѣе,

двумурья и паралича, потуплялъ въ землю голову, долго оставался безмолвно въ такомъ положеніи и потомъ прибавлялъ:

— Эхъ, право, не смотрѣть бы на свѣтъ Божій!

Никитѣ Савельичу особенно обидно было то, что его питомецъ съ некотораго времени началъ обращаться съ нимъ не только невнимательно, но даже грубо.

— Ужь я чувствую, говорилъ ему старикъ: — кто становился вамъ, батюшка, неугодецъ, что я вамъ вотъ-какъ больно на глаза? Богъ съ вами! Я бы давно васъ бросилъ; дѣлайте-себѣ, что хотите.. Что мнѣ здѣсь? всаго, что я, на чужой-то сторонѣ?.. Здѣсь и глаза-то мнѣ некому будутъ закрывать, и цыганскіе-то оба мнѣ будутъ некому!.. Не забудьте, батюшка, что я еще дѣдушкѣ вашему служилъ, что покойникъ (царство ему небесное) жадно мѣня съ собственнаго плеча, то-есть, можно сказать, предпочтеніе оказывалъ мнѣ передъ всѣми въ домѣ, — а вы нисколько ничѣмъ и уважить меня не хотите на старости лѣтъ! Что дѣлать? Насидно миль не будешь... Право, давно бы васъ бросилъ, сударь, да жалъ только вашей маменькѣ огорченіе нанести. Вотъ что! А васъ мнѣ не жалко. Что, въ-самомъ-дѣль? кто васъ урезонитъ? Повалился кувшинъ по воду ходить, тамъ ему и голову сломить...

Но всего чаще ссорился Никита Савельичъ съ своимъ питомцемъ за то, что тотъ лѣнился писать къ маменькѣ. Наканунъ почтоваго дня, дядька обыкновенно являлся въ комнату Аркадія Ивановича и молча, нахмуривъ брови, заложивъ руки назадъ, съ необыкновенною важностью останавливался у дверей.

— Что тебѣ нужно? спрашивалъ у него Аркадій Ивановичъ, потягиваясь на диванѣ и зѣвая...

— Что мнѣ нужно? повторялъ Никита Савельичъ тономъ упрека. — А мнѣ нужно то, ятебѣ вы, сударь, сегодня написали письмецо къ маменькѣ. Завтра почта отходитъ. Вотъ что мнѣ нужно!..

— Ахъ, Савельичъ, какая лѣнь, еслибъ ты зналъ!

И Аркадій Ивановичъ предостерегалъ потягиваться и донимать ша диванѣ.

— Видь письмецо-то, сударь, каинское бы, медолго было написано!

— Да о чемъ же писать?.. Я и то недавно писалъ... Велика, Савельичъ, раздольцу принести, да ушь кстатѣ и трубочку набей... Уте-то смерть хочется затянуться...

— Бога вы не боитесь, сударь! верчалъ Никита Савельичъ, вытщала трубку и потомъ набивая ее: — недавно писали! Да ушь этому недѣли три прошло, Вамъ совсѣмъ, я вижу, не жалъ маменьки; а она-то, бѣдняжка, я чай, сокрушается по васъ, думаетъ; что съ нею сталося, съ моимъ голубинкомъ, что онъ совсѣмъ

забылъ меня? Не боленъ ли онъ? А голубчикъ-то вонъ онъ, валяется по дивану, да трубочку покуриваетъ-себѣ, да разеолоцъ поцвѣдетъ... Нехорошо, сударь, воля ваша нехорошо! Родителей должно любить и почитать, за тѣмъ, что они жизнь намъ даровали; они насъ проятъ и кормятъ. Коли родителей кто забудетъ, такъ того и Богъ забудетъ. Это и въ законѣ такъ написано. Вы вѣдь всему обучены; кажись бы, лучше нашего брата должны это знать... Извольте трубку!

И дядька до-тѣхъ-поръ не оставлялъ его въ покоѣ, пока онъ не принимался за письмо.

Но Никита Савельичъ мучилъ его недолго. Никита Савельичъ умеръ черезъ полтора года послѣ выѣзда своего изъ деревни, на семьдесятъ-пятомъ году отъ рожденія и, увы! не дождался счастья видѣть своего барченка офицеромъ.

Его смерть совершенно, какъ говорится, развязала руки Аркадію Иванычу. Послѣ его смерти, квартира Аркадія Иваныча сдѣлалась притономъ всѣхъ кутилъ, и въ ней начали совершаться всевозможныя шалости, какія только можетъ изобрѣтать юношеское необузданное воображеніе. Аркадій Иванычъ приобрѣлъ скоро местное титуло *славнаго малаго*, какимъ пользовался во время оно его папенька; но сынокъ готовился перешеголять родителя. Лице его принимало постепенно выраженіе дерзости и самохвальства. Онъ ходилъ по городскимъ улицамъ не иначе, какъ пристыывая или напѣвая такого рода стишки и куплетцы, которые не печатаются; толкалъ прохожихъ не извиняясь, и заглядывалъ подъ шляпки всѣхъ безъ изъятія встрѣчавшихся ему барынь и барышень. Онъ зналъ имена почти всѣхъ хорошенькихъ горничныхъ города К*, которыя, по его словамъ, всѣ были влюблены въ него; Онъ хвасталъ своими побѣдами безпрестанно, игралъ въ карты съ утра до вечера и большею частію, разумѣется, на мѣлонъ, и былъ чрезвычайно-доволенъ, когда товарищи, ударяя его дружески по плечу, говорили:

— Ну, признаюсь, братецъ, ты отчаянная голова, прѣчего сказать! кутила въ полной формѣ!

Черезъ два года послѣ смерти дядьки, Аркадій Иванычъ произведенъ былъ въ корнеты. День его производства: озабочено-важенъ, какъ водится, страшной пирушкой. Товарищи качали вновь-произведеннаго на рукахъ и подбрасывали его къ потолку... Одинъ изъ товарищей, при началѣ игры, выпивъ поздравительный бокалъ и чокнувшись съ Аркадіемъ Иванычемъ, тотчасъ же разбилъ бокалъ въ дребезги. Аркадію Иванычу это очень понравилось, и онъ последовалъ его примѣру. Примѣру Аркадія Иваныча последовали другіе, и на полу въ минуту очутилась гряда битаго стекла.

Вино лилось при крикахъ и восклицаніяхъ, и тучи табачнаго дыма носились по комнатамъ...

— Ну, господа, признаюсь, говорил товарищи Аркадія Иваныча:—признаюсь, угостилъ! на славу угостилъ!

И самъ Аркадій Иванычъ, какъ онъ сознавался при концѣ своего поприща, почиталъ этотъ день лучшимъ днемъ своей жизни. Онъ всегда вспоминалъ о немъ съ особеннымъ восторгомъ, и говорилъ обыкновенно съ глубокимъ вздохомъ:

— Не многимъ такъ удастся покутить на свой въкъ, какъ я покутилъ. Ужъ вотъ можно-то сказать, что не даромъ пожилъ! Ужъ повеселился, нѣчего сказать. Но все это ничего; а вотъ одинъ день... такъ вотъ ужъ этотъ день я до могилы не забуду: это — когда я былъ произведенъ въ корнеты... И прежде и послѣ кутилъ... да нѣтъ, такого денька не выдавалось. Ахъ, что это былъ за денёкъ!

Аркадій Иванычъ, черезъ нѣсколько времени послѣ производства въ корнеты, былъ отпущенъ въ отпускъ, и отправился прямо въ деревню къ своей маменькѣ, въ надеждѣ поправить свои разстроенныя финансы... Можно вообразить необычайную радость Елены Терентьевны при видѣ нѣжно-любимаго сына, въ полномъ, общитомъ золотомъ гусарскомъ мундирѣ, съ ташкою, съ саблей, въ киверѣ. Аркадій Иванычъ непременно хотѣлъ предстать передъ маменькою во всемъ блескѣ и переодѣлся въ какой-то деревушкѣ, не доѣзжая нѣсколькихъ верстъ до своего села.

Елена Терентьевна, какъ водится, прежде всего съ визгомъ бросилась на грудь сына и залилась радостными слезами; потомъ, отаревъ глаза и отступя отъ него на нѣсколько шаговъ, съ минуту безмолвно любовалась его нарядомъ; потомъ изъ устъ ея полились восторженныя восклицанія.

— Ахъ, какъ это прекрасно!.. Ахъ, какъ къ тебѣ идетъ этотъ мундиръ, мое сердце, красавецъ ты мой!.. Боже мой, Боже мой! Да посмотрите на него, душенька... Что это за прелесть!

Елена Терентьевна обращалась къ барышнямъ, которая, по-прежнему, пользовалась ея благосклонностью и находилась при ней неотлучно. Барышня начинала ахать и восторгаться въ свою очередь... Горничная дѣвка, фаворитка барыни, пораженная величіемъ барина, пожирала его глазами. Остальные лакеи и дѣвки дивовались, глядя на него изъ полураскрытыхъ дверей и вообще изъ всѣхъ щелей, находившихся въ комнатахъ... Маменька осматривала съ величайшимъ вниманіемъ и любопытствомъ каждый кантикъ, каждый шнурочекъ, каждую пуговку, каждый галунчикъ на мундирѣ сына и, осматривая, продолжала восклицать:

— Ахъ, это самый счастливый день въ моей жизни! Мнѣ кажется, я съ ума сойду отъ радости... Другъ ты мой сердечный!.. Другъ ты мой милый!.. Не могу опомниться отъ восторга!.. (И маменька тяжело и прерывисто дышала). Утѣшеніе ты мое!.. Ну, теперь я могу сказать, что я счастливая мать... Видно я угодила Богу!.. Надънь-ка киверъ-то, голубчикъ мой!.. Ахъ, какой молодецъ!.. Да смотрите же на него, душенька!.. Такъ даже вотъ сердце замираетъ!.. Этакимъ сыномъ можно гордиться... А какъ наши барыни-то и барышни его увидятъ, что съ ними будетъ?.. Шутка ли, три года не видала его!.. А какъ ты выросъ-то! Какіе у тебя усики! Какъ ты возмужалъ!.. Только что-то онъ похудѣлъ и поблѣднѣлъ... Не правда ли, душенька?

Барышня вздохнула, и, изподлобья бросивъ на гусара умильный взглядъ, произнесла:

— Блѣдный цвѣтъ лица къ Аркадію Иванычу чрезвычайно-какъ идетъ. Онъ такъ еще гораздо-интереснѣе... Къ пунцовому мундиру блѣдность—это безподобно. Ужъ что касается до его красоты, такъ ужъ объ этомъ никто не будетъ спорить. Но главное у него, у нашего голубчика, добродѣтельное сердце, а это лучше всякой красоты. Онъ, наше сокровище, блѣдныхъ не забываетъ!

— Благодаритель мой, продолжала барышня, подходя къ гусару и цалуя его въ плечо: — я только, можно сказать, и жизнию пользуюсь по вашей милости и по милости вашей маменьки — моей единственной благодѣтельницы. Я это очень чувствую. Богъ васъ не оставитъ за то, что вы не оставляете блѣдныхъ. Если вы, вельможи этакіе, не будете оказывать намъ вспомошествованія, не прострете руки помощи, такъ кто же другой и прійметъ участіе въ нашемъ бѣдственномъ положеніи? Вѣдь вы знаете, Аркадій Иванычъ, пословицу: блѣдному кусокъ за цѣлый ломотокъ...

Дней черезъ пять послѣ пріѣзда Аркадія Иваныча въ деревню, вся губернія узнала объ этомъ событіи... Всѣ маменьки, у которыхъ были дочки-невыѣсты, вострепнулись, а у всѣхъ дочекъ затрепетали сердца.

— Да вѣдь какой, говорятъ, красавецъ, какой молодецъ! кричали маменьки:—какія у него манеры!.. престо, говорятъ, очаровательный молодой человекъ, совершенно воспитательнаго обращенія. А давно ли, кажется, еще былъ чуть-чуть отъ земли видѣнь! Да! да! я вотъ какъ-будто теперь вижу, какъ онъ ѣздилъ верхомъ на палочкѣ! А теперь шутите съ нимъ! теперь онъ ѣздитъ верхомъ не на палочкѣ, а, я думаю, галопируетъ не иначе, какъ на пятитысячной лошади... Ахъ, какъ бы я желала на него посмотрѣть! И я тоже! И я!.. Маменька, помнишь, какъ ты съ нимъ въ горѣлки бѣгала?.. — А какъ онъ любилъ мою Катюшу! бывало,

прочь отъ нея не отходить... Мы, бывало, съ Аленой Терентьевной только любимся, глядя на нихъ... Вотъ, говоримъ мы, женихъ съ невѣстой... Помнишь, Катинь? Посмотри-ка теперь на своего жениха; ты теперь его, я думаю, и не узнаешь.

Катинь краснѣла, потупляла глазки и восланила:

— Ахъ, маменька! что это вы говорите?

— Вотъ еще что выдумала! говорили между собою другія маменьки, проницески поглядывая на катенькину маменьку.—Какъ же! такъ вотъ сейчасъ и согласится Алена Терентьевна имѣть такую невѣстку! Захочетъ ли она породниться Богъ-знаетъ съ кимъ? Да и Аркадій Ивановичъ, мы увѣрены въ этомъ, и смотрѣть не захочетъ на какую-нибудь такую нерезвую Катинь! Онъ, говорятъ, слишкомъ знаетъ себѣ цѣну. Ну, какъ бы то ни было, гусарскій офицеръ, молодець, богачъ... Что ему, помилуйте! Она можетъ сдѣлать отличную партію... (при этомъ каждая изъ маменокъ какъ-будто нечаянно взглядывала съ чувствомъ материнской гордости на свою дочку); онъ вѣрно выберетъ себѣ жену благовоспитанную, съ хорошими манерами, съ именемъ, съ нравственностью, жену, которая не уронила бы его въ свѣтъ, которой бы онъ всегда могъ блеснуть! Съ его состояніемъ, онъ можетъ жить открыто, по-барски... Къ-тому же, маменька оставитъ ему еще, кромѣ всего, порядочный капиталецъ. У ней, говорятъ, тьма-тьмущая ломбардныхъ билетовъ, доставшихся ей еще послѣ перваго мужа. Вѣдь она женщина претонкая—въ случаѣ нужды умѣетъ и поковать себя, а въ случаѣ нужды и пританься. Отъ нея все станется! Не сына своего она престо боготворитъ и для него ничего не жалевтъ.

— А что онъ, блондинъ или брюнетъ? спрашивали дочка, когда оставались наединѣ съ маменьками.

— Онъ былъ свѣтлорусый прежде, отвѣтствовали маменьки:—ну, да вѣдь тогда онъ былъ ребенокъ, а теперь, можетъ-быть, онъ совсѣмъ измѣнился; только всегда волосы у него были какъ шолкъ прямикие, а ужъ это вѣрный признакъ сердечной доброты...

— Мы воображаемъ, продолжали маменьки:—радость доброй Алены Терентьевны. Ужъ, вѣрно, она теперь и не отходить отъ сына... Ужъ, вѣрно, она имъ и налюбоваться не можетъ. Это очень естественно! Счастливая женщина! чего ей не достаетъ? и богатство атаное, и сынъ такой неподобный молодой человекъ... Непременно надо ѣхать погостить къ ней!—Да когда же?—Ужъ, конечно, чѣмъ скорѣй, тѣмъ лучше! А знаете, вѣдь Аркадій Ивановичъ, говорятъ, олузнемъ въ отпускъ не надолго.—То-то же и есть!—Надо ее голубушку поздравить съ его прїѣздомъ.—Разумвется! какъ же безъ этого?—Этого и приличіе требуетъ.—Къ-тому же, въ ея домѣ

всегда такъ привыкло проводить время... Она такая обязательная! — Она такая предупредительная! — Она такая мастерица угодить!

И мамышки хоромъ прославляли добродетели Елены Терентьевны, той самой Елены Терентьевны, которая за нѣсколько времени передъ этимъ, по ихъ словамъ, была «женщина самыхъ дурныхъ нравовъ, незаслуживающая никакого уваженія».

Послѣ толковъ, возгласовъ, восклицаній и криковъ, начинались сборы въ путь. Мамышка изъ мамышекъ тщательно осматривала всѣ принадлежности туалета своей дочки. При этомъ завязывался жаркій споръ у нѣкоторыхъ мамышекъ съ дочками, въ такомъ родѣ:

— Пожалуйста, не забудь, возьми съ собою малиновое платье съ букетами, говорила мамышка: — это платье къ тебѣ чрезвычайно идетъ. Ты блѣдна, а малиновый цвѣтъ даетъ отбѣнокъ лицу.

— Что это, мамышка! возражала дочка. — Пунцовое! Да голубое платье гораздо-лучше ко мнѣ идетъ.

— Вотъ еще! перестань умничать, сдѣлай одолженіе. — Я очень хорошо знаю, что къ тебѣ идетъ, и что не идетъ. Слава Богу, на столько у меня достанетъ вкуса! А ты, ты никогда не съумѣешь одѣться къ лицу. Ужъ я увѣрена, что Матрены Васильевны Саша затмитъ тебя, не смотря на то, что у нея совершенно-незначительное лицо.

— Да голубое платье на мнѣ и сидитъ лучше, чѣмъ малиновое.

— Вздоръ, вздоръ! Ты вотъ всегда только нарочно противорѣчишь мнѣ, чтобъ досадить...

— Чѣмъ же я вамъ досаждаю?... Ну, пожалуй, по мнѣ все равно, что малиновое, что голубое! съ сердцемъ ворчала дочка.

— Знаю, матушка, знаю! Ты никогда не стараешься отличиться передъ другими, никогда не стараешься выказать себя; у тебя этого ничего нѣтъ, никакой гордости... рѣшительно никакой!.. У другихъ дѣвицъ гардеробъ во сто разъ хуже твоего, а посмотри, какъ онѣ умѣютъ принарядиться, любо смотреть на нихъ... а ты... да ты ужъ не выйдешь замужъ — и не воображай себѣ этого; вѣкъ, матушка, останешься въ дѣвкахъ, на моей шеѣ: сердца мое это предчувствуетъ!...

И мамышка съ дочкою ссорились — и однажды, не смотря на презрѣніе, которое дочка изъявляла къ малиновому платью, она брала съ собою и малиновое, и голубое, и желтое, и всѣ свои лучшіе наряды... Наканунъ отъѣзда, всю ночь и дочкѣ в мамышкинъ снился молодой гусаръ то верхомъ, то въ шинели, то въ сверткѣ, то въ мундирѣ... И все казалось мамышкинъ, что гусаръ хочетъ ъ

чемъ-то говорить съ ней по секрету, и все казалось дочкѣ, что гусарь смотритъ на нее вѣжно и пламенно, крутя свой темный усть...

Странно! почти точно-такіе же сны снились и другимъ маменькамъ и другимъ дочкамъ накануне ихъ отъѣзда къ Еленѣ Терентьевнѣ.

Наконецъ, въ село Кривухино столько навхало барынь и барышень, съ дѣвками, съ лакеями, съ приживалками, съ казачками и съ москками, что Елена Терентьевна, не смотря на обширность своего дома, пришла въ совершенное затрудненіе, какъ и куда размѣстить дорогихъ гостей. И по всему было замѣтно, что дорогіе гости располагались погостить въ селѣ Кривухинѣ не день и не два, потому-что въ-слѣдъ за ними прибыли ихъ подводы, нагруженные чемоданами и кордонками.

Хозяйка дома встрѣчала гостей съ пріятнѣйшею улыбкою и съ распростертыми объятіями, восклицая:

— Настасья Ивановна! Боже мой, какъ я вамъ рада, вы представить себя не можете!

— Марья Григорьевна, вы ли это? Наслу-то, душешка, я дождалась васъ къ себѣ.

— Ангелъ мой, Агнѣя Александровна! вотъ ужъ истинно облагозали своимъ пріѣздомъ.

— Ахъ, мои милые, мои дорогіе гости!...

Но чрезъ пять минутъ, въ дѣвичьей, Елена Терентьевна говорила барышнямъ:

— Каково? Вотъ, можно сказать, безстыдство-то!.. Какъ-будто нарочно сговорились, навхали съ такою ордой... Да они меня этакъ въ одну недѣлю кругомъ объѣдятъ! Я понимаю, чего имъ хочется, — очень-хорошо понимаю! У нихъ губа-то не дура; да нѣтъ, не туда завхали...

И хотя Елена Терентьевна въ цѣлой губерніи не находила достойной невесты для своего Аркадія Ивановича, и вполнѣ была увѣрена, что онъ женится не иначе, какъ въ Петербургѣ, или на генеральской, или на княжеской дочкѣ, однако она не обнаруживала этой увѣренности передъ барынями; она, можетъ-быть, отчасти даже льстила ихъ видамъ и все это для того только, чтобъ онъ въ свою очередь льстилъ ей и ухаживалъ за нею. Чтô дѣлать? Елена Терентьевна приучена была къ лестнѣ: въ младенчествѣ ей льстила кормилица; въ дѣтствѣ маменька, нянюшка и гувернантка; а въ зрѣломъ возрастѣ: мужъ, вся дворня и всѣ окружавшіе ее... Впрочемъ, безъ лестнѣ никакая барыня не можетъ существовать — ни столичная, ни провинціальная: это уже дѣло рѣшеное.

Маменьки и дочки пришли въ восторгъ отъ Аркадія Ивановича, особенно, когда увидѣли его въ полной парадной формѣ. «Онъ

нисколько не обмануль нашихъ ожиданій» говорили опѣ между-собою: «напротивъ, превзошелъ все ожиданія»...

Каждая изъ дочекъ находила въ моемъ герое особенную красоту.

Одна думала: — Какіе у него усыки! ахъ, что за усыки!

Другая думала: — Ахъ, какіе глаза! Нѣтъ, глаза у него лучше всего!

Третья думала: — Ахъ, какой у него мундиръ! Это просто восхищеніе!

Четвертая думала: — А талія-то! талія-то! Ахъ, какая талія!

И такъ далѣе.

Разумѣется, каждая изъ маменекъ употребляла всевозможныя старанія, чтобъ выставить передъ женихомъ свою дочку-невесту съ самой лучшей и выгоднѣйшей стороны. Приступы къ этому были очень-замысловаты:

Маменька, у которой, на-примѣръ, дочка пѣла и брэнчала на фортепьяно, говорила:

— Вы вѣдь, Елена Терентьевна, кажется, любите музыку?

— Ахъ, милая, обожаю! восклицала Елена Терентьевна. — Музыку нельзя не обожать.

— Слышишь, Вѣрочка? (маменька обращалась къ дочкѣ). Доставъ же удовольствіе Еленѣ Терентьевнѣ: спой что-нибудь, душенька... Она вѣдь, знаете, у меня музыкантша и мастерица пѣть... у нея не большой, но очень-пріятный голосокъ; — ну, или сыиграй что-нибудь... Знаешь, ту штучку-то, какъ бышь она называется, что ты анождиясь дома-то играла. А вотъ Аркадій Ивановичъ вѣрно бы вызвался тебѣ акомпанировать на флейтѣ, или на скрипкѣ... Аркадій Ивановичъ! вы вѣдь, говорятъ, въ совершенствѣ музыку знаете?

— Нѣтъ-съ, я давно бросилъ все, отвѣчалъ гусарь: — мнѣ некогда этимъ заниматься. Я четыре года ни флейты, ни скрипки въ руки не бралъ. Да и, признаться сказать, надобно все это...

— Можетьли это быть? Вы вѣрно только не хотите показать намъ своихъ талантовъ.

— Нѣтъ, что я!.. а вотъ пусть лучше Вѣра Александровна споеть намъ что-нибудь.

И гусарь, прищурясь и крутя усъ, обращался къ барышня-музыкантшѣ.

Маменька торжествовала, а дочка краснѣла, потупляла глазки и начинала ломаться.

— Да нѣтъ... Ахъ, какъ это можно? да я не умѣю... Подвоте, шапан!.. И поломавшись, и покривлявшись, барышня садилась за фортепьяно и затягивала *соловья*, который былъ тогда въ большой модѣ.

Въ такомъ родѣ дѣйствовали и другія маменьки, — и всѣ онѣ хоромъ кричали при Еленѣ Терентьевнѣ и при ея сынѣ, что онѣ ничего не щадили на воспитаніе своихъ дочерей, что онѣ все принесли имъ въ жертву, нанимали имъ отличныхъ учителей и гувернантокъ и, что главное, ничего не упустили относительно ихъ нравственности.

Аркадій Ивановичъ не оказывалъ предпочтенія ни одной барышнѣ. Около нихъ онъ увивался такъ, отъ-ничего-дѣлать, но за нихъ горничными волочился съ большою ревностію и не безъ успѣха.

— Чтѣ, братецъ, говорилъ онъ одному повѣщику, своему сосѣду, съ которымъ вѣдѣсть кутить! — вѣдь это я знаю, что такое, зачѣмъ эта вся сволочь-то къ намъ навхала... Нѣтъ, тутъ надо вести себя осторожно; пожалуй, этакъ невозможно забудешься, такъ вѣдь какъ разъ скрутить... Тутъ взятки-то гладки, знаешь мы ихъ!.. Да не на такого дурака попали... Я покорный слуга... Женатый человекъ ужь это что такое? это просто пропашій человекъ; это ужь не нашего поля ягода... Богъ съ ними съ этими барышнями! я въ эти игрушки, братецъ, не играю; а вотъ субреточки, это другое дѣло, субреточки — по нашей части..

(Нельзя не замѣтить, что Аркадій Ивановичъ, при словѣ *субреточка* истинно одушевлялся и вдохновлялся, какъ одушевлялась и вдохновлялась Марья Андреевна при словѣ *кофей*...)

Между-тѣмъ, питаются сладостными надеждами, маменьки и дочки продолжали гостить въ селѣ Кривухинѣ... Каждый вечеръ дочки обязаны были отдавать подробный отчетъ маменькамъ, о чемъ въ продолженіи дня говорилъ съ ними Аркадій Ивановичъ и какъ онъ смотрѣлъ на нихъ; каждый день барышня раскладывала карты которой-нибудь изъ маменьекъ или изъ дочекъ и непременно говорила дочкѣ:

— Ну, посмотрите, Бога ради, тресовый король отъ васъ не отходить; это чудное дѣло!..

— Не-уже-ли не отходить? съ восторгомъ вскрикивали маменьки, и потомъ, смотря на карты, погружались въ пріятную мечту.

— У васъ въ домѣ непременно будетъ *марьяжъ*, продолжала барышня: — и очень въ скоромъ времени.

При словѣ *марьяжъ*, лицо маменьки внезапно просвѣтлѣло; она взглядывала на свою дѣчку съ вѣжкою грустію, какъ-будто этимъ взглядомъ хотѣла сказать: — «стало-быть, другъ мой, мы скоро съ тобой разстанемся; стало-быть, ты у меня гостья, ангелъ ты мой!» Послѣ гадавъ маменька обращалась къ барышнѣ, и говорила:

— Благодарю васъ, добрая Марья Андреевна, за трудъ, я, при-

знаюсъ; гаданьямъ же вѣрю, но вы всегда такъ чудесно угадываете, что вамъ нельзя не вѣрить. У васъ особенный даръ... Я васъ сердечно люблю и принимаю въ васъ самое неярнѣе участіе. Вотъ спросите хоть у ней!..

И маменька указывала на дочку. Въ-свѣдѣ за симиъ, маменька пожимала руку гадальщицѣ и оставяла въ ея руки или пять рублей или цѣлковый, прибавляя:

— Возьмите, милая, — это на что-нибудь вамъ пригодится!..

Барышня восклицала:

— Ахъ, помилуйте! да зачѣмъ это? да на что это? да какъ это можно?.. да вы меня притѣдять хотите!..

И въ то же время цаловала щедрою барынь ружку или прикладывалась къ ея плечу...

Деньги же, получаемыя ею, употребляла въ-послѣдствіи на покурку кофея.

Съ педвлю маменьки и дочки провели въ селѣ Кривухинѣ довольно-мирно и тихо; но тучи незаметно мало-по-малу ступались надъ нами, неизбежная гроза собиралась и близилась... Одна изъ барышень, которая была попомнѣе и поцѣтнѣе другихъ, чувствовала, по словамъ ея маменьки, большую страсть къ верховой ѣздѣ и привезла съ собою дамское сѣдло и амазонское платье... Аркадій Ивановичъ, можетъ-быть, посматривавшій на эту поленьякую барышню съ большею пріятностію, нежели на другія барышени, тотчасъ выбралъ ей самую смирную лошадь изъ всей конюшни и, кромъ того, цѣлое утро самъ обучивалъ ее. Съ этого дня, барышня въ амазонскомъ нарядѣ каждый вечеръ прокатывалась верхомъ и, разумѣется, не одна, а въ сопровожденіи Аркадія Иваныча. Такое вниманіе, оказанное амазонкѣ молодымъ гусаромъ, показалось чрезвычайно-обидно всѣмъ остальнымъ барышнямъ и ихъ маменькамъ. Барышни стали обращаться съ амазонкою холодно, едва удостоивали ея вниманія, и при появленіи ея шушукали между собою. Маменьки ихъ... о! маменьки выходили изъ себя и безпрестанно чѣмъ-нибудь кололи и извили бѣдную амазонку... Маменька амазонки должна была наконецъ вступиться за дочку... Гроза разразилась... Начались объясненія, крики, есоры, слезы, клеветы, сплетни... Елена Терентьевна, подстрекаемая барынями и испуганная мыслию, что сынъ ея, неравнодушный къ амазонкѣ, пожалуй, въ-самомъ-дѣлѣ еще издумаетъ жениться на ней, вдругъ и очень-круто перемѣнила съ ней обхождение. Маменька амазонки пришла отъ этого въ бѣшенство, торжественно побрапилась съ Еленой Терентьевной и тотчасъ уехала съ своею дочкою во-свои. Другія маменьки вскорѣ также разбѣжались, потерявъ надежду ловить гусара въ свои сѣти, — и, озлоб-

ленные противъ него, стали распускать о немъ по цѣлой губерніи самыя невыгодныя слухи.

Село Кривухино опустѣло... Елена Терентьевна успокоилась. Аркадій Ивановичъ выпросилъ у нея столько денегъ, сколько ему было нужно, и увкалъ въ полкъ очень-счастливый и вполне-довольный собою. Впрочемъ, черезъ три дня послѣ своего приѣзда туда, онъ проигралъ половину привезенной имъ суммы. Это его взбѣсило. На слѣдующій день, онъ вознамѣрился непременно отыгратъся и проигралъ еще. Господинъ, метавшій ему банкъ, забастовалъ и потребовалъ съ него денегъ. Такая грубость со стороны банкومتѣа привела Аркадія Ивановича въ совершенное бѣшенство, и онъ пустилъ въ него изю всей силы шандаль. Къ-счастью, шандаль, вмѣсто своего назначенія, попалъ въ дверь и разлетѣлся на нѣсколько частей. Банкومترъ, полный благороднаго негодованія, грозился въ первыя минуты убить Аркадія Ивановича; потомъ смягчился и только хотѣлъ вызвать его на дуэль; потомъ, на слѣдующій день помирился съ нимъ и, по случаю примиренія, распилъ съ нимъ вдвоемъ четыре бутылки шампанскаго, а послѣ шампанскаго два графина водки. При первомъ бокалѣ, она обнимались, цаловались и говорили другъ другу:

— Все, братецъ, забудемъ. Кто старое помянетъ, тому глазъ вонъ.

— Ну, что, душа моя, полно! чтó толковать объ этомъ! Я знаю, вѣдь ты добрякъ, у тебя чудесное сердце! Одна бѣда: ты горячка. Чтó съ тобой будешь дѣлать, душа моя!..

ГЛАВА IV.

Прошелъ годъ. Аркадій Ивановичъ начиналъ скучать. Однообразіе губернскаго города надоѣло ему; волокитства за губернскими субретками и попойки съ товарищами уже перестали удовлетворять его самолюбіе. Онъ сталъ помышлять о разгулѣ болѣе-смѣломъ и широкомъ. Ему захотѣлось и въ Москву и въ Петербургъ... На короткое время ѣхать туда не стоило, въ отпускъ на долгое время его не пустили бы, и онъ, поразмысливъ хорошенько, рѣшился выйдти въ отставку. Это былъ первый ударъ, нанесенный имъ маменькѣ.

Когда Елена Терентьевна получила вовсе-неожиданное ею извѣстіе объ отставкѣ сына, она поблѣднѣла, какъ полотно; голова ея закружилась; она успѣла только вскрикнуть: «спирту! спирту!» и упала на руки барышни.

— Вотъ, душенька, говорила она барыщцѣ, приѣдя въ себя:—

вотъ, думала ли я это!.. Утѣшилъ, нѣчего сказать, утѣшилъ маженьку!.. Прекрасный сюрпризъ сдѣлалъ мнѣ!.. Слава Богу, послужилъ довольно!.. Безподобно кончилъ свою карьеру!.. Безподобно!.. нѣчего сказать... И хоть бы такъ, для приличія, спросилъ у матери совѣта!.. Впрочемъ, къ чему? вѣдь нынче дѣти не-въ-примѣръ умнѣе родителей... нынче родители ничего не значать! стѣять ли на нихъ обращать вниманіе?..

— Признаться, такого поступка никакъ нельзя было ожидать отъ Аркадія Иванаыча, со вздохомъ замѣтила барышня.

— Отъ-чего же? Помилуйте! Чтѣ ему такое мать? Онъ обо мнѣ и знать не хочетъ; онъ и забылъ, что у него есть мать! Да и стѣять ли помнить о такой бездѣлицѣ?.. А я, вы сами знаете, душенька, я вѣдь, можно сказать, всю себя принесла ему въ жертву, только единственно и жила для него!.. А какъ онъ былъ боленъ-то, вы свидѣтельница: я шесть ночей сряду глазъ не осушала, плакала, плакала, — думала, что совсѣмъ ослѣпну; не раздѣвлялась, не разувалась; помните, какъ у меня ноги-то отекали! ни въ чемъ, кажется, ему не отказывала; сколько долговъ-то переплатила за него въ послѣднее время! Вотъ и дождалась благодарности за все это!.. Очень-хорошо! ай-да Аркашенька, спасибо ему!.. А все этогъ старый дуракъ дялька, не умѣлъ обращаться съ нимъ, совсѣмъ не смотрѣлъ за нимъ. Ребенку дать полную власть! На чтѣ же это похоже! Будь онъ у меня на глазахъ, совсѣмъ бы другое дѣло было... Но я же не могла сама ѣхать за нимъ въ полкъ. Вы сами согласитесь, душенька!.. Да нѣтъ, чтѣ тутъ говорить? ужъ видно моя участь такая; ужъ видно мнѣ не суждено радоваться въ жизни!

— Но вѣдь еслибъ Аркадій Иванаычъ зналъ, сказала барышня: — что онъ этимъ такъ огорчитъ васъ, онъ вѣрно бы не сдѣлалъ этого.

— Онъ, онъ не зналъ, что этимъ огорчитъ мать? Опомнитесь... Вы сами не понимаете, чтѣ вы говорите!.. Не зналъ? вишь какой невинный!.. Вѣрно, онъ думалъ угодить мнѣ тѣмъ, что вышелъ въ отставку битъ баклуши!.. Какъ вы думаете?.. Не правда ли? Да не одинъ Аркадій Иванаычъ! всѣ хороши, нѣчего сказать... Отъ кого я видѣла утѣшеніе или благодарность въ моей жизни, позвольте спросить?..

Послѣднія слова барышня приняла на свой счетъ.

— Ужъ вамъ грѣхъ, кажется, на меня пожаловаться, произнесла она обиженнымъ тономъ. — Чтѣ касается до меня, я всегда какъ могла старалась угождать вамъ. Коли вы мною не довольны, такъ послѣ этого я ужъ и не знаю...

— Господи Боже мой, вамъ нынче сказать ничего нельзя! це-

ребила Елена Терентьевна, презрительно осматривая барышню съ ногъ до головы: — что вы за княгиня такая?.. Развѣ я говорила что-нибудь объ васъ? Что вы придираетесь-то къ моимъ словамъ?.. Вы видите, кажется, что я и безъ того огорчена, а вы еще тутъ съ вашими пустыми претензіями!.. Оставьте меня въ покоѣ, сдѣлайте одолженіе...

— За что жъ вы гнѣваетесь? Чѣмъ я провинилась?.. Впрочемъ, позвольте сказать, что я благороднаго отца дочь и никому не захочу быть въ тягость. Я не лакейка какая-нибудь!..

Съ этими словами, бросивъ значительный взглядъ на свою благодѣтельницу, барышня вышла изъ комнаты...

— Марья Андревна! Марья Андревна!.. закричала ей въ-сдѣдъ благодѣтельница. — Пожалуйте сюда, сдѣлайте одолженіе...

Барышня вернулась.

— Не фыркайте, пожалуйста; я не люблю, чтобъ передо мною фыркали... Избавьте меня отъ этого... Дѣ, я вспомнила.. Вѣдь вы, кажется, гадали мнѣ объ Аркашѣ и увѣрили меня, что ему по картамъ выходили Богъ-знаетъ какія почести... что-то необыкновенное? Прекрасно угадали, прекрасно! Дѣ, онъ теперь въ отставку будетъ пользоваться удивительными почестями! Вашимъ гаданьямъ, послѣ этого, признаюсь, можно верить!.. Какая необыкновенная гадалщица!.. Такъ-вотъ всю правду и угадала!..

Кончалось тѣмъ, что барыня совершенно поссорилась съ барышней и цѣлый день не пускала ее къ себѣ на глаза. Барышня цѣлый день проплакала въ дѣвичьей и цѣлый день сквозь слезы ругала барыню.

На слѣдующее утро, Елена Терентьевна, соскучась безъ барышни, помирилась съ нею. Барышня снова вступила въ исполненіе своихъ обязанностей, и вечеромъ, по просьбѣ барыни, снова гадала ей о какомъ-то королѣ...

Надо замѣтить, что, не смотря на видимое разрушеніе, Елена Терентьевна все еще не переставала мечтать о короляхъ, по старой привычкѣ. Желаніе править еще не оставило ея. Правда, дома сидѣла она въ грязномъ чепцѣ и въ грязномъ плафрокѣ, но за то, выѣзжая въ гости, одѣвалась съ величайшею изысканностью и притомъ необыкновенно-пестро и ярко: подкрашивала свои волосы, нѣсколько подрумянивала щеки, по которымъ наумолимое время провело уже не одну морщину, и даже подрисовывала себѣ брови. Все это однако не мѣшало ей очень-смѣло говорить про другихъ барынь, ея пріятельницъ:

— Ахъ, Боже мой! что это такое! Да на нихъ смотреть гадко... На три пальца наложутъ румянъ, набьются такъ, что бѣлилы у нихъ съ лица сыщлются, какъ мука, засурмятъ брови и вообра-

здѣютъ, что немолодыя!.. Ну, приличное ли дѣло въ наши лѣта думать о красотѣ! Кажется, ужь наше время прошло; намъ ужь бы не тѣмъ слѣдовало заниматься: пора бы и о душѣ подумать.

Елена Терентьевна любима при случаѣ ввернуть словцо о суетѣ міра и тому подобнахъ отвлеченныхъ предметахъ, особенно съ тѣхъ-поръ, какъ получила извѣстіе объ отставкѣ сына. Однако, съ Аркадіемъ Ивановичемъ она внутренно помирилась, по полученіи отъ него письма изъ Москвы, потому-что это письмо нѣсколько удовлетворило ея самолюбіе. Онъ писалъ ей между-прочимъ:

«Вы не огорчайтеся, любезная мамзелька, тѣмъ, что я вышелъ въ отставку; Будьте увѣрены, что я опять вступлю въ службу. Теперь я здѣсь нахожусь въ Москвѣ, въ вашей древней столицѣ. «Славный городъ Москва белокаменная, съ золотыми маковками; не даромъ Пушкинъ сказалъ про нее: «Какъ не любить нашей «родной Москвы?» Мнѣ очень нравится здѣшнее хлѣбосольство. Всякій Божій день зовутъ куда-нибудь те обѣдать, то ужинать; время рѣшительно не видишь, какъ идетъ; но лучше обѣда имѣть, какъ въ Англійскомъ-Клубѣ. Театръ здѣшній также очень-хорошъ, и костюмы и декорации безподобны. Я познакомился со самыми первыми домами въ Москвѣ. Меня вездѣ здѣсь ласкаютъ. «Барышни здѣшнія очень-милыя и образованныя всѣ безъ исключенія, и много есть богатыхъ невѣстъ; лучше изъ нихъ изъ всѣхъ сидишка Берестинская. Просто—настоящій ангелъ! Вообразите, за ней и на гуляньяхъ, и вездѣ ходятъ толпами, а она ни на кого и не смотреть не хочетъ, всѣхъ считаетъ ниже себя; впрочемъ, со мной она обошлась очень-любезно. Я намѣренъ чаще ѣздить въ домъ къ нимъ; и отецъ и мать ея также со мною особенно ласковы. У отца три дѣтвды, и домъ у нихъ настоящій дворецъ: вся едѣстница устлана ковромъ и уставлена цѣвтами. Пожалуйста, любезная мамзелька, пришлите мнѣ денегъ, потому-что теперь мнѣ деньги особенно-нужны. Вы сами знаете, надобно же покавать себя, особенно здѣшніи въ такіе дома. Чтобъ принадлежать къ дворянскому дому, здѣсь иначе нельзя ѣздить, какъ четвѣркой.»

Елена Терентьевна тотчасъ по полученіи этого письма выслала къ Аркадію Ивановичу деньги, при слѣдующихъ строкахъ:

«Денегъ я для тебя не жалю, любезный всегда сердцу моему другъ, Аркаша. Ты пишешь, что отдалъ мнѣ отчетъ въ деньгахъ; я не требовала отчета отъ тебя тогда, когда должна была требовать, мой ангелъ; а теперь, въ твои лѣта, ужь будетъ смѣшно требовать: ты, вѣрно, не на пустяки будешь мотать, другъ мой, а на то, что надо и необходимо; на прихоти немножко можешь также издержать; впрочемъ, ты благоразумень, совѣтовъ немножко можешь давать тебѣ.»

«Конечно, тебѣ надо показать себя передъ родителями княжны, — я это понимаю, и совершенно апробую. Вѣди же только почаще къ нимъ и старайся понравиться княжнѣ, и угождай и ласкайся къ ея родителямъ. Если князь играетъ главную роль въ домѣ, то ты болѣе ласкайся къ князю и будь къ нему почтительнѣе; а если княгиня, то къ княгинѣ, а лучше всего сѣщи въ нихъ въ обоихъ; когда увидятъ, что ты хороша, они и обо мнѣ получаютъ хорошее понятіе. Вникни во все это, ангелъ мой, и действуй остроумно и благоразумно. Также, если есть кто-нибудь посторонній, пользующійся силою въ ихъ домѣ, то ты старайся сблизиться и съ нимъ. Разузнай обо всемъ объ этомъ хорошенько. Благословляю тебя, мое сокровище, и желаю тебѣ полнаго успѣха. У меня только ты одинъ на свѣтѣ, одно счастье мое; чувства мои нераздѣлены ни съ кѣмъ, а въ тебѣ, мой ангелъ, въ одномъ. Я денно и ночью молюсь за тебя, мой другъ. Если ты составишь такую партію, то этимъ меня вполне утѣшишь и вознаградишь за всѣ тѣ заботы и попеченія, которыя я имѣла о тебѣ въ двадцать твоихъ. Не скрою, я таки-посердилась на тебя за то, что ты вышелъ въ отставку безъ моего совѣта, но теперь ты можешь поправить все дѣло, женившись на княжнѣ. Войдя въ родственныя связи съ такимъ знатнымъ семействомъ, ты и мнѣ сдѣлаешь честь, да и свою карьеру устроишь легко. Ужъ конечно, князь и княгиня тотчасъ выведутъ въ люди своего зятя, и имъ это ничего не будетъ стоить. Увѣдомляй меня обо всемъ подробно. Цалую тебя, моего ангела, и еще разъ благословляю...

«Безъ тебя мнѣ все становится скучнѣе, другъ мой, — не могу никакъ привыкнуть къ разлукѣ; я никакъ не предполагала, тебѣ грусть мною такъ овладѣла; теперь я чувствую, что жить равно съ тобою все равно, что лечь живой въ могилу... для меня это такъ легко! Марья Андревна тебѣ кланяется, и всѣ люди цалуютъ тебѣ ручки. Когда я получаю твои письма, то она бѣгутъ ко мнѣ, — привязанность ихъ къ тебѣ меня очень утѣшаетъ.»

Аркадій Ивановичъ смекнулъ, какимъ образомъ надо действовать на маменьку—и не ошибся. Доказательства тому были предъ нимъ.

— Ай-да княжна! подумалъ онъ, пересчитывая полученные отъ маменьки деньги: — спасибо ей. Безъ нея, признаться, я былъ бы въ критическихъ обстоятельствахъ... Мы теперь не упустимъ случая пользоваться ею!..

Княжна, разумется, не имѣла ни малѣйшаго понятія о моемъ героѣ, да и герой мой видѣлъ ее, признаться, только два раза мелькомъ на Тверскомъ-Бульварѣ, а между-тѣмъ вся губернія толковала уже о его бракѣ съ княжною, потому-что Елена Терентьевна, тотчасъ по полученіи отъ сына письма, отправилась въ

гости къ тремъ или къ четверемъ своимъ закадычнымъ пріятельницамъ-сосѣдкамъ.

— Вообразите, милая, мою радость, шептала она каждой пріятельницѣ поочереды, съ таинственнымъ видомъ: — только итъ, я боюсь еще говорить объ этомъ...

— Что, что такое? вскрикивала каждая изъ пріятельницъ, сгаврая любопытствомъ.

— Это большой секретъ...

— Ужь вы меня, кажется, знаете довольно, возражала каждая изъ пріятельницъ:—я переносить терпѣть не могу... Ужь то, что вы мнѣ откроете, повѣрите, никто не узнаетъ; это умереть во мнѣ...

— Ради Бога, я васъ прошу объ этомъ; я только вамъ одной и скажу это, потому-что въ васъ увѣрена. Вообразите... да итъ, мнѣ кажется, я нехорошо дѣлаю, что открываю это до времени...

— Какъ вамъ не стыдно! Ужь вамъ грѣхъ не имѣть ко мнѣ довѣренности. Я всамъ, чѣмъ хотите, поклонюсь, что никому не заикнусь объ этомъ... У меня, душечка, языкъ не повернется разсказывать чужія тайны... я не то, что какая-нибудь Авдотья Васильевна... Вы, ради Христа, не вздумайте сказать ей,— а то вѣдь она сейчасъ разблаговѣстятъ...

— Сохрани Боже!.. Ну, такъ вообразите... мой Аркаша... только Бога ради никому объ этомъ ни слова... мой Аркаша, кажется, женится — и какую партію дѣлаетъ!.. Вообразите, княжна Берестивская!.. страшная богачка!.. какія связи!.. Этимъ бракомъ онъ, просто, со всею знатію породнится. И дѣло почти слажено; только ея родители послали въ Петербургъ эшпафетъ испросить согласія на этотъ бракъ у одного министра, который, видите ли, приходится княжнѣ дѣдушкой... Они, понимаете, безъ него ничего важнаго не предпринимаетъ: онъ у нихъ главный членъ въ семействѣ. Это очень-натурально, что безъ согласія такого лица и обойдтись невозможно...

И между-тѣмъ, какъ вся губернія ахала отъ этой новости, Аркадій Ивановичъ совершенно забылъ о существованіи княжны, которая случайно взбрела ему въ голову, когда онъ писалъ письмо къ мамонкѣ, и именемъ которой воспользовался въ-послѣдствіи, какъ върнымъ средствомъ для добыванія себѣ денегъ. Аркадію Ивановичу и некогда и незачѣмъ было думать о княжнѣ, потому-что всѣ мысли его были обращены... но прежде, нежели я скажу, на кого были обращены его мысли, да позволить мнѣ благосклонный читатель обратиться немного назадъ.

Аркадій Ивановичъ, пріѣхавъ въ Москву, остановился въ самомъ лучшемъ трактирѣ и тотчасъ послалъ за самымъ моднымъ московскимъ портнымъ. Черезъ два дня, по милости этого моднаго

портного, Аркадія Ивановича невозможно было упечь. Шерстью одѣлъ его совершенно по *последней картинкѣ*... Въ пестромъ галстукѣ съ огромнымъ бантомъ, зашипеннымъ бриллиантовою булавкою; въ пестромъ жидетѣ, на которомъ болталась толстая золотая цѣпочка; въ пестрыхъ панталонахъ со складками; въ спортивной съ округленными фалдами; въ какой-то фантастической фуражкѣ съ предлинною кнобью на макушкѣ; съ толстой палкой въ рукѣ, украшенной вычурнымъ набалдашиникомъ — Аркадій Ивановичъ, подобно всемъ московскимъ франтамъ средней руки, невольно бросался въ глаза... Съ усами онъ, разумеется, не разстался, «потому-что» говорилъ онъ: «по-моему, усы есть лучшее украшеніе человека; только съ нами съ проклятыми возни много.»

Разодѣвшись такимъ образомъ, Аркадій Ивановичъ, привнесъ вѣдъ и крутя усы, явился первый разъ у *Кона* за общимъ столомъ и обратилъ на себя вниманіе всѣхъ присутствующихъ. Выкушавъ рюмку водки, онъ значительно посмотрѣлъ на опорожненную рюмку и обратился къ лакею.

— Это что такое, братецъ? спросилъ онъ, указывая на рюмку.

— Рюмка-съ, сами извольте вылить, отвѣчалъ лакей.

— Такъ это по-вашему называется рюмкою?.. а по-нашему такъ это просто, братецъ, наперсточекъ...

И, провозвися это, Аркадій Ивановичъ обвелъ самодовольнымъ взглядомъ собраніе, захохоталъ во все горло и потомъ уже устылся за столъ. Выкушавъ тарелку супа, онъ снова обратился къ лакею.

— Шампанскаго! Слышишь?

— Слушаю-съ.

Лакей хотѣлъ-было идти.

— Ну, куда же ты идешь, дуракъ?.. Пстой.. Подай бутылку шампанскаго, — самаго лучшаго, какое только у васъ есть.. Понимаешь? Самаго лучшаго...

— Понимаю-съ.

Лакей снова хотѣлъ идти.

— Да нѣтъ, постой, братецъ, лучше бутылку-то прежде поверти во льду, — понимаешь? этакъ хорошецко поверти, а потомъ ужъ принеси ее сюда... Да у меня смотри жире, — новорачивайся.

— Сию минуту-съ...

Лакей пробѣжалъ.

— Пстой, постой! закричалъ въ слѣдъ ему Аркадій Ивановичъ: — воротись... Подай лучша мнѣ преис-курантъ... На васъ на ослодѣ положись только, вы чортъ-знаетъ какой бурды принесете... я самъ лучше выберу...

И Аркадій Ивановичъ съ глубокомыслиемъ началъ разсматривать преис-курантъ. Послѣ этого, онъ снова обратился къ лакею:

— Эй ты, поди сюда!., куда жь ты ушелъ, братецъ? Вели поставить въ ледъ вотъ этого вина... «креману»... видишь ли, вотъ тутъ напечатано (Аркадій Ивановичъ тыкалъ преис-курантъ пальцемъ). Понимаешь, «креману»? по пятнадцати рублей бутылка... Да не ошибись, смотри... Ну, пошелъ же, живо!.. Слышишь, того, которое по пятнадцати рублей бутылка.

Когда пятнадцати-рублевая бутылка была принесена, Аркадій Ивановичъ самъ раскупорилъ ее, значительно посмотрѣлъ на пробку, налилъ себѣ бокалъ, отпилъ немного, задумался, процепталъ себѣ подъ носъ: «да, это вино доброе!» и закричалъ лакею:

— Что жь ты стоишь, разиня ротъ? подавай, болванъ, еще бокаловъ.

Лакей явился съ бокалами. Аркадій Ивановичъ налилъ другой бокалъ и обратился къ своему сосѣду:

— Милостивый государь, не угодно ли вамъ? Сдѣлайте одолженіе.

Сосѣдъ не отказался. Ободренный этимъ, Аркадій Ивановичъ началъ потчивать всѣхъ присутствовавшихъ безъ изъятія, приговаривая:

— Пожалуйста, безъ церемоніи...

Только одинъ изъ всѣхъ, старичокъ важной наружности, съ юнрешескимъ восторгомъ, во все время обѣда разговаривавшій на французскомъ языкѣ объ удивительныхъ ножкахъ какой-то актрисы, — когда дошла очередь до него, посмотрѣлъ на Аркадія Ивановича очень-приспально, улыбнулся едва-замѣтно, и на восклицаніе моего героя: «позвольте васъ попотчивать», молча отблагодарилъ его легкимъ наклоненіемъ головы:

— Пожалуйста, безъ церемоніи, проанесть Аркадій Ивановичъ, указывая на бокалъ.

— Я не пью вина, покорно васъ благодарю, сказалъ старичокъ выразительно, и, отвернувшись отъ моего героя, продолжалъ свой разговоръ.

— Какъ угодно! замѣнилъ Аркадій Ивановичъ, нѣсколько-обиженный. — Что жь такое? продолжалъ онъ въ-полголоса, обернувшись къ своему сосѣду. — Тѣмъ лучше; намъ же лишній бокалъ останется. Церемонныхъ людей я, признаюсь вамъ, терпѣть не могу... Да это и невѣжество отказываться, сами вы согласитесь... Не пьете вина! Что жь, онъ воду пьетъ, что ли? Да вѣдь если бы онъ мнѣ предложилъ стаканъ воды, я хоть воды и въ ротъ не беру, да, изъ учтивости, ужь не отказался бы... не правдами?

Слово за слово, къ концу обѣда, Аркадій Ивановичъ совершенно сошелся съ своимъ сосѣдомъ и еще съ двумя какими-то франтами. Тѣ, разумется, въ свою очередь начали потчивать его шампан-

скимъ. Послѣ обѣда къ нимъ присоединились еще нѣсколько весельчаковъ, которые, въ свою очередь, потребовали шампанскаго. Такимъ-образомъ, они пропировали до полуночи, а въ полночь, съ шумомъ и съ пѣснями, неизвѣстно куда отправились изъ трактира цѣлою гурьбой.

Съ этого дня, кругъ знакомства Аркадія Ивановича постепенно все увеличивался, и имя его скоро сдѣлалось громкимъ и славнымъ между записными и отчаянными московскими кутилани. Новые друзья его раздѣлялись на двѣ партіи: на театраловъ и на цыганистовъ. Эти партіи искони враждуютъ между собою. Театралы смотрятъ съ презрѣніемъ на цыганистовъ; цыганисты смотрятъ съ презрѣніемъ на театраловъ, потому-что убѣжденія и вѣрованія тѣхъ и другихъ непоколебимы и несокрушимы. Впрочемъ, цыганисты, надо отдать имъ справедливость, отличаются болѣею настоячивостію и твердостію характера: ни одинъ изъ нихъ рѣшительно никогда не заглядываетъ въ балетъ, тогда-какъ нѣкоторые изъ театраловъ, тайкомъ отъ своихъ, появляются по ночамъ у цыганъ и проводятъ тамъ время съ большою пріятностію.

— Что вашъ балетъ? говорилъ цыганистъ театралу: — дрянь! не стоить и времени-то терять на ваши волокитства. А это, смотрите, это вѣдь, чортъ возьми, поэзія! На это не жаль тратить денегъ. Глядя на это, такъ-вотъ невольно всѣ косточки пошевеливаются...

И полуцыганый поклонникъ цыганъ; въ подтвержденіе словъ своихъ, пускался въ-присядку въ-слѣдъ за Ильюшкой, потомъ обнималъ, цаловалъ его и кричалъ:

— Съ вами и умереть не захочется. Вѣкъ бы съ вами не разстался. Эй, шампанскаго! Ахъ, Ильюшка! то-есть, ей-Богу, оболю тебя съ головы до ногъ шампанскимъ!

Въ-слѣдъ за тѣмъ, онъ обращался съ пѣжнымъ взглядомъ къ Гаплюшѣ или къ Грушѣ, бралъ гитару, и, пощипывая струны, затягивалъ хриплымъ голосомъ:

Ты не повѣришь, ты не повѣришь,
Какъ ты мила!

Цыгане принимались «величать» расходившагося барина, а баринъ, совершенно-довольный и счастливый, осыпалъ цыганъ бѣленькими, сивонькими и красненькими, и кричалъ:

— Ловите, братцы, ловите! все отдамъ; ничего себя не оставлю! Вотъ и всѣ карманы опустошилъ, смотрите!

И баринъ выворачивалъ карманы своего скотука.

— Для васъ ничего не жаль. Вы мнѣ дороже отца и матери!

Цыгане подбирали деньги и затягивали хоромъ:

Наша доля не богата,
 Но веселье лучше злата...
 Бѣдны, да поемъ!..

— Именно такъ, веселье лучше злата! восклицалъ расходившійся баринъ, принимаясь уже пить прямо изъ бутылки.

Театралы непременно хотѣли завербовать Аркадія Ивановича въ свою шайку и представляли ему къ самому соблазнительному виду свои театральныя похождения; цыганисты ни за что не хотѣли уступить его театрадамъ, и яркими красками описывали ему свои разгульныя ночи.

— Онъ нашъ! кричали театралы.

— Вздоръ, онъ будетъ нашъ! неребизвали цыганисты.

Аркадій Ивановичъ долго въ нерѣшимости колебался между тѣми и другими; наконецъ, театралы одержали верхъ. Онъ торжественно присоединился къ театрадамъ—и явился въ ихъ ложъ съ огромной зрительной трубой.

— Ну, что же, господа, сказалъ онъ своимъ новымъ товарищамъ, смотря въ трубу на прыгавшихъ фигуралтокъ:—рѣшите, за которой же изъ нихъ мнѣ волочиться? Которая же изъ нихъ, этакъ, свободна?

Одинъ изъ театраловъ указалъ ему на четырехъ совершенно свободныхъ, говоря:

— Вотъ, братецъ, выбирай любую изъ нихъ. Вѣдь всѣ прехорошенькія, просто, какъ на-подборъ. Но если правду тебѣ сказать: Даша Хрипунова, по-моему, всѣхъ ихъ за поясъ заткнетъ. Это такая мареуточка, что я тебѣ скажу! Не будь у меня Наташи, я бы непременно волочился за Дашей.

Аркадій Ивановичъ навелъ трубку на Дашу, долго и внимательно разсматривалъ ее и остался вполне ею доволенъ. Съ этой минуты, Даша Хрипунова сдѣлалась главною цѣлю всѣхъ его помысловъ и мечтаній. Онъ абонировалъ себѣ кресла, не пропускалъ ни одного балета и, во время представленія, являлся попеременно то въ своихъ креслахъ, то въ общей ложѣ театраловъ, смотря по надобности. Дѣла его шли превосходно. Даша всякій разъ, выскакивая изъ-за кулисъ на сцену, дѣлала ему глазки и выразительно улыбалась... Самолюбіе Аркадія Ивановича блаженствовало. «Она въ меня страстно влюблена», думалъ онъ и посылалъ ей подарокъ за подаркомъ.

Скоро Даша Хрипунова, разряженная въ пухъ, начала прокатываться въ великолѣпныхъ каретахъ и коляскахъ. Очень-часто Аркадій Ивановичъ выезжалъ вмѣстѣ съ нею и, завидя на улицѣ знакомаго, нарочно высовывался изъ кареты или изъ коляски, чтобъ

дать себя замѣтить, посылалъ знакомому дружескій поцалуй и подмигивалъ ему, указывая головой на Дашу.

— Что это за дѣвочка! говорилъ онъ про нее всякому встрѣчному: — то-есть, такой дѣвочки во всей блѣднѣйшей Москвѣ не отыщешь другой. Клянусь честью, въ ней и чувство, братецъ... и все, что хочешь... а ноги такой... да я бьюсь рбъ закладъ, что другой такой маленькой ножки не найдешь на тысячу верстъ въ окрестности. Клянусь честью! Вотъ смотри, коли не вѣришь...

И Аркадій Ивановичъ вынималъ изъ кармана башмакъ, который у него былъ всегда въ запасъ, для того, чтобъ хватать имъ шeredь своими пріятелями.

— А! что? каковъ башмачокъ-то?.. Да пріѣзжай, душа моя, ко мнѣ... У меня по середкамъ собирается много народа. Перекинемъ въ штосикъ, пожалуй... Она всегда нѣтъ реализуетъ мнѣ... Вотъ ты увидишь, что это за манашка!.. Кладъ, братецъ, вышеле, просто кладъ. Я тебя съ ней познакомлю... За то, сколько я посадалъ въ нее, братецъ, — страхъ подумать... ну, да нельзя же!..

Знакомые Аркадія Ивановича совершенно сглашались съ тѣмъ, что *пеллаза* ее, и отрывались о немъ вообще съ восторганными похвалами.

— Нечего сказать, — рассуждали они о немъ между собою: — умѣетъ пользоваться жизнью. Надо отдать ему эту честь. Настоящій барницъ: и пообѣдать любить хорошо, и попить; ну, къ тому же, и премиленькую танцовщицу содержитъ, ничего для нея не жалѣетъ, словомъ, все какъ слѣдуетъ, ни въ чемъ его упрекнуть нельзя... Мастеръ показатъ себя!..

Такъ прожилъ Аркадій Ивановичъ въ Москвѣ болѣе полутора года. Онъ продолжалъ увѣрять свою добродушную маменьку, что постоянно и съ успѣхомъ ухаживаетъ за княжной Берестинской; что княжна неравнодушна къ нему; что ея родители день-ото-дня болѣе привязываются къ нему; что онъ уже у нихъ въ домѣ совершенно какъ родной, и что князь обѣщалъ ему выхлопотать и то и другое и третье, а восхищенная Елена Терентьевна писала къ нему:

«Какъ нѣжная мать и другъ благодарю тебя за любовь твою ко мнѣ. Когда же ты, другъ мой, обрадуешь меня извѣстіемъ, что все кончено и напишешь мнѣ о своей помолвкѣ? Мнѣ кажется, что я съ ума сойду отъ радости при этомъ извѣстіи; уведоми меня, между-прочимъ, какіе у княжны волосы и какого цвѣта глаза у нея, а также какого она роста. Пуще всего береги свое драгоценное здоровье. Я молюсь за тебя, мой ангелъ, ежечасно и благодарю моего Создателя за то, что имѣю такого сына. А деньги по твоей просьбѣ высылаю...»

Но, не смотря на щедрость мамочки, Аркадій Ивановичъ долженъ былъ безпрестанно прибѣгать къ займамъ, потому-что прихоти Дашки Кринуцовой день-оде-дня умножались. Къ-тому же, между театрами существуетъ своего рода благородное соперничество. Они стараются блистать одинъ передъ другимъ своими возлюбленными и для этого разукрашаютъ ихъ наперерывъ. Разумается, эти Дашки и Наташи умѣютъ очень-искусно подстроивать самолюбія своихъ любовниковъ.

Если Даша видѣла, на-примѣръ, на Наташѣ новую дорогую шаль, она скучала, едва уместивала вниманіе Аркадія Ивановича, а иногда даже плакала.

Аркадій Ивановичъ приходилъ отъ этого въ беспокоество и спрашивалъ ея:

— Что съ тобою, Даша? оу-чего ты такая скучная?

— Отъ-чего? такъ, ни отъ-чего!

— Да что такое? скажи...

— Отвѣднитесь!

— Вѣрно тебя чего-нибудь хочешь?

— Еще бы не хотѣлась! Я ничѣмъ не хуже никакой-нибудь Наташи Васильевны, а посмотри, какъ всегда она одѣта!... Мнѣ даже отъявно передъ ней.

— Что такое? какимъ образомъ? вскрикивалъ Аркадій Ивановичъ. Чтобъ ты была одѣта хуже Наташи?

— Посмотри, ея-то какую ей подарилъ шаль: прелесть! тысяча рубль стоитъ. Вотъ ужъ онъ ее любитъ, такъ можно сказать, что пробить.

— Только въ этомъ-то дѣло? Ахъ, ты, дурочка! Такъ вздоръ! и тебѣ докажу, что я тебя больше люблю. Я не потерплю, чтобъ на комъ-нибудь было что-нибудь лучше твоего... Сегодня же у тебя будетъ точно такая же шаль, какъ у Наташи, еще лучше...

И, если у Аркадія Ивановича не было денегъ, онъ занималъ, платилъ шестьдесятъ процентовъ на сто, и вечеромъ являлся къ Дашѣ съ шалью.

Часто театралы перебывали дорогія вещи другъ у друга для своихъ возлюбленныхъ. Если Даша говорила на репетиціи Дашѣ:

— Знаешь ли, какъ обманываю мнѣ купили такой браслетъ, что чудо! Я вчера только увидѣла этотъ браслетъ у брильянщика... Предешь!... брильянтовой эмаль и всея кругомъ осыпанъ брильянтинками. Мнѣ такъ хочется этого браслета!...

— А у какого это брильянщика? спрашивала Даша совершенно благодушно.

— Преслававшая! Паша лезла къ Дашѣ или брильянщика; и, черезъ

два часа послѣ этого, браслетъ съ опадомъ красовался уже на рукѣ Дашы.

Даша торжествовала; Паша приходила въ бѣшенство, а Аркадій Ивановичъ говорилъ ей возлюбленному, показывая на браслетъ:

— Что, братецъ, вещичка-то славная! А мы ее у тебя перепрошляли. Прощалъ, голубчикъ, прощалъ!..

Аркадію Ивановичу дѣнь-это-дня все болѣе и болѣе нравилась московская распашная и широко-разгульная жизнь; и онъ, часто, тѣлонько отъ своей Дашы (потому-что Даша самокжастно управляла имъ) проводилъ у цыганъ цѣлыя ночи. О Петербургъ онъ пересталъ думать, и даже, подобно некоторымъ кореннымъ Москвитамъ, отъсылался о немъ немного съ предубѣжденіемъ.

— Что Петербургъ? говорилъ онъ.—Богъ съ нимъ! Тамъ нашему брату нечего дѣлать. Тамъ, говорятъ, все больше по наркетамъ прохаживаются, да на свѣтскости выжмаютъ... *Пермоте муз де су презанте, да же долѣръ!* Тамъ вѣдь все этаніе дипломаты! Съ нами не сваримъ кашни. То ли дѣло наша Москва бывающаиная!..

Между-тѣмъ, какъ Аркадій Ивановичъ предавался московскому разгулу съ полнымъ увлеченіемъ, долги его все росли незвидимо, а сроки платежей наступали, и никогда-недремлющіе кредиторы являлись передъ нимъ грозно съ его просроченными векселями. Тогда Аркадій Ивановичъ бросался къ своимъ друзьямъ.

— Выручите, братцы! говорилъ онъ имъ:—эти ананасы не даютъ мнѣ покоя...

— А вамъ-то что дѣлать? возражали друзья. — Мы сами въ долгу, какъ въ шелку; намъ самимъ надо какъ-нибудь вывернуться. Вѣдь ты знаешь, что своя рубашка къ телу ближе!

— Что правда, то правда! И Аркадій Ивановичъ отправлялся къ своимъ кредиторамъ, съ надеждою умолить ихъ объ отсрочкѣ. И онъ убѣждалъ, упрашивалъ, умолялъ ихъ, и въ то же время хвасталъ, лгалъ передъ ними ужасно; клялся и божился, что болѣе не будетъ просить объ отсрочкѣ; что ужъ это въ послѣдній разъ; что онъ скоро вступить во владѣніе своимъ несметнымъ пивніемъ, и тогда, пожалуй, самъ будетъ давать имъ взаимныя деньги, и прочее.

— Ну, что, почтеннѣйшій, говорилъ онъ, между прочимъ, одному изъ своихъ кредиторовъ, извѣстному процентнику, который торговалъ шалами, и имѣлъ ужасно-горбатый и большой носъ, черныя вытаращенные глаза и длинную черную бороду.—Смягчите-ка свое сердце, ей-Богу! Вѣдь я, видите, малой добрый: ужъ насчетъ процентовъ, сами вы знаете, никогда ни поделова! Какіе хотите, такіе и берете. Ну, что вамъ стоитъ отсрочить еще на годъ? Вамъ же выгоды. Да къ тому же, вѣдь мы, можно ска-

зять, своимъ людямъ. Вѣдь у меня маменька, такъ же какъ и вы, азіатскаго происхожденія, одной съ вами націи.

(Аркадій Ивановичъ лгалъ, потому-что маменька его была чисто-Русская).

Мрачный и неподвижный Азіатецъ лживо приподнялъ голову и взглянулъ на Аркадія Ивановича.

— А какая она такая была по фамиліи?... спросилъ онъ съ признакомъ нѣкотораго любопытства.

Аркадій Иванычъ замкнулся-было, и потомъ вдругъ произнесъ скороговоркою:

— Урожденная княжна Мухраханова.

— Этакой фамиліи я не знаю, сказала Армянинъ, и снова погрузился въ совершенную апатію.

— Ну, такъ по рукамъ, любезнѣйшій Нерсесъ Іоаннессычъ? возразилъ Аркадій Иванычъ, схватя за руку Армянина. — Не правда ли? вы отсрочиваете на годъ?

Армянинъ хладнокровно вырвалъ свою руку изъ руки Аркадія Ивановича и покачалъ отрицательно головою.

— Не упрямитесь, Нерсесъ Іоаннессычъ, я васъ угощу такимъ пилавомъ, что вы, просто, всѣ пальчики оближете. Мой крѣпостной поваръ жилъ нѣсколько лѣтъ въ Тифлисѣ и тамъ, каналья, наострился чудесно дѣлать пилавъ!

(Аркадій Иванычъ прихвастнулъ. У него не было въ Москвѣ крѣпостнаго повара).

При словѣ пилавъ, глаза Армянина сверкнули на мгновеніе, потомъ лицо его снова приняло неподвижное выраженіе.

— У меня дома лучше пилавъ, замѣтилъ онъ рѣшительно.

— Съ вами никакъ не сговорись... Ну, послушайте: хотите, я примину къ векселю, кромѣ тѣхъ процентовъ, что вы съ меня взяли, еще десять процентовъ за годъ?

При словѣ проценты, лицо Армянина вдругъ совершенно одушевилось.

— Десять процентовъ мало!

— Ненасытная душа! ну сколько же вамъ?

— Двадцать-пять.

— Ну, такъ и быть! вскрикнулъ Аркадій Ивановичъ, махнувъ рукою...

— Хорошо, произнесъ Армянинъ, и въ этотъ разъ самъ протянулъ свою обросшую волосами руку Аркадію Ивановичу и даже нежалъ его руку...

Дѣло было кончено. Такимъ способомъ, Аркадій Иванычъ соглашалъ и другихъ своихъ кредиторовъ на отсрочку, и даже у нѣ-

которыхъ изъ нихъ, вѣроятно болѣе снисходительныхъ, зашкаль еще денегъ, но ужь просто за послыханные проценты.

Не смотря на все это, Аркадій Ивановичъ не унывалъ. Занявъ вновь деньги, онъ покупалъ для Даша какую-нибудь вещь, стоявшую полцѣны занятой имъ суммы, или такъ, ни-съ-того, ни-съ-сего, давалъ обѣдъ своимъ пріятелямъ, на которомъ являлись самыя дорогія и рѣдкія блюда и шампанское лилось уже не въ бокалы, а на скатерть и на полъ. На другой день послѣ такого обѣда, Аркадій Ивановичъ оставался безъ гроша денегъ, но за то съ чувствомъ гордости и безконечнаго самодовольствія кричалъ по цѣлой Москвѣ:

— У меня за обѣдомъ вчера было выпито пять ящиковъ шампанскаго!.. Мы, батюшка, помы моемъ шамизножины!..

Одно только обстоятельство тревожило моего героя. На два послѣднія письма къ мамонькѣ, въ которыхъ, на обыкновенію, рѣчь шла о высылкѣ денегъ, — онъ долго не получалъ никакого отвѣта. Наконецъ, письмо отъ нея было получено, но безъ денегъ.

Мамонька писала Аркадію Ивановичу:

«Любезный сынъ,

«Я не отвѣчала тебѣ такъ долго, потому-что была очень-слаба и «не могла писать послѣ болѣзни, которую я нашла перенесла, и «тѣперь еще едва ноги таскаю; думала, что Господь приберетъ мѣ- «ня къ себѣ, да нѣтъ, видно Ему угодно, чтобъ я еще влачила на «землѣ свое несчастное существованіе, — пусть будетъ Его святая «воля! покорюсь ей безъ ренета, хотя жизнь моя, кажется, ни для «кого и ни для чего не нужна, и я живу и себя и другимъ толь- «ко въ тягость. Одинъ Богъ видитъ, какъ мнѣ тяжело и скучно; «одна мысль только и утѣшаетъ меня въ моемъ горѣ и одиноче- «ствѣ, что я исполнила весь долгъ въ отношеніи къ тебѣ и всегда «все дѣлала и дѣлаю, кажется, такъ, чтобъ не осталась чего на «душѣ. За претерпѣнные мною въ жизни перевороты, Аркадій «Ивановичъ, я имѣла бы право на лучшую участь. О, зачѣмъ я, «несчастливая, пережила твоего голубчика-папеньку! Лучше бы мнѣ «умереть, отъ-того, что папенька былъ бы для тебя полезнѣе мѣ- «ня. Дѣло твое съ княжною, видно, не ладится; вѣрно, ты въ «ней не успѣлъ; у насъ здѣсь болтаютъ даже, будто-бы княжна «помолвлена за какого-то графа и что, будто, объ этомъ вся Мос- «ква уже знаетъ; надо думать, впрочемъ, что это сплетни. Вѣдь «въ провинціи только-и-дѣло, что сплетничествомъ занимаются; «нечего другаго дѣлать-то! Напиши мнѣ все, какъ есть, какія те- «перь твои отношенія къ княжнѣ и къ ея родителямъ; не оболь- «щай меня пустомъ вѣдомомъ и, главное, не обманывай меня; будь

«се мною откровенно такъ, какъ я съ тобою. Если съ княжной у васъ все кончено, въ чемъ, кажется, нѣтъ сомнѣнйя, то тебѣ надо подумать, не шутя, о службѣ, а въ отставку съ этихъ лѣтъ оставаться стыдно. Извини, что я тебѣ такъ говорю прямо и чистосердечно. Если самъ не чувствуешь необходимости служить, такъ ты, нѣтъ ли кажется, долженъ сдѣлать это для меня. Принеси мне хоть какую-нибудь жертву матери, которая не падла для тебя ничего; хоть чѣмъ-нибудь утѣши ее на старости лѣтъ! Я думала всегда, что ты меня собою возвысишь; Богъ-знаетъ, будетъ ли это! Ты все пишешь о деньгахъ ко мнѣ. Кажется, ты бы долженъ размыслить, что у меня нѣтъ вототыхъ рудниковъ, я я безъ этого вымырала тебя больше, чѣмъ могла, а теперь у меня у самой нѣту денегъ и взять нѣ откуды. Хлѣбъ за прошлый годъ еще не проданъ, и когда проданъ, тогда вышлю. Если дѣла твои въ Москвѣ не клеятся, то лучше бы ты на время прѣхалъ ко мнѣ: обо всемъ бы лично переговорили. Увѣрена, что ты, размысливъ хорошенько, не захочешь потерять свою карьеру и нанести мнѣ ударъ; но я не могу смотреть на тебя во всякомъ случаѣ въ черное стекло. Сердце родительское такъ слабо, Аркаша, къ дѣтямъ, что оно, по предубѣжденію, можетъ видѣть въ нихъ скорѣй незавлуженную лучшую сторону, нежели дурную, и я столько мною собственной гордости, что ежели бы и хотѣла, то не смѣла бы смотреть на то, что произошла, въ черное стекло, а если бы и были между нами какія-нибудь неудовольствія, то въ нихъ было бы не что другое, какъ неограниченное желаніе матери улучшить будущность сына, а отнюдь не предубѣжденіе. И такъ, прежде всего призываю на помощь Того, Который блюдетъ все наши дѣла и помысленія, посылаю тебѣ мое материнское благословеніе, которое да наставитъ тебя на добрыя дѣла и мысли.

«Р. С. Ты вѣрно помнишь Палагею Максимовну Трухину? Она прекрасная и преблагородная женщина; пишу тебѣ, съѣзди къ ней самъ (адресъ прилагаю), поблагодари ее отъ меня за исполненіе моихъ комиссій и скажи ей, что я ей выберу самую лучшую изъ всей деревни дѣвочку и пришлю ей въ подарокъ по первому пути.»

Тонъ этого письма сухой и отчасти-колкій, отсутствіе въ немъ живыхъ прозвищъ: *дружечино, ангель мой, сокровище мое* и другихъ, а, главное, отказъ въ присылкѣ денегъ, — все это явно показало Аркадію Ивановичу, что мамышка гнѣвается на него, что до нея, можетъ-быть, дошли какими-нибудь образомъ темные слухи о его образѣ жизни въ Москвѣ и о прочемъ, касательно княжны. Фразы въ письмѣ: *не обманывай меня, не обольщай меня пустою надеждою, если съ княжной у васъ все кончено, съ чѣмъ, кажется,*

нлѣмъ сомнѣній, и жалобы на болѣзнь, были также очень-подозрительны. Къ-тому же, княжна, въ-самомъ-дѣлѣ, выходила замужъ за какого-то петербургскаго графа. Объ этомъ кричала вся Москва.

— Ужъ не проклятая ли эта шлюха Палагея Максимовна? А она у меня совсѣмъ изъ головы вонъ! подумалъ Аркадій Иванычъ, бросивъ съ досадою на столъ письмо маменьки.—Ужъ я же отдаю ее! Я это ей такъ не пропущу!

Ложь Аркадія Иваныча точно открылась. Елена Терентьевна узнала все, и вотъ какимъ образомъ:

Когда она распустила по губерніи слухи о женитьбѣ своего сына на богатой московской княжнѣ, всѣ барыни обомлѣли сначала при этомъ извѣстїи и долго не могли прїѣхать въ себя. Елена Терентьевна сдѣлалась для нихъ предметомъ невыразимой зависти. За-глаза, онѣ отзывались о ней хуже, чѣмъ когда-нибудь, но въ глаза лѣстили ей болѣе обыкновеннаго. Такъ прошелъ годъ. По прошествїи этого времени, барыни какъ-то вдругъ спохватились, и закричали въ одинъ голосъ:

— А что, вѣдь Елена-то Терентьевна прихвастнула намъ о своемъ сынишкѣ? И въ-самомъ-дѣлѣ! А мы съ дуру-то и поверили ей, какъ-будто не знали, что этакой хвастушкѣ поискать! Да и гдѣ, помишуйте... отдадутъ за него княжну! Стоить ли онъ этого? Ахъ, Боже мой! съ княгней хотѣла породниться! въ знать вздумала попасть! Она—въ знать! Да кто она такая? да что она такое?

И какъ-будто нарочно, въ это самое время, одна изъ барынь получила письмо изъ Москвы отъ своей прїятельницы, въ которомъ прїятельница, сообщая ей различныя московскія новости, между прочимъ упоминала и о томъ, что княжна Берестинская выходитъ замужъ за графа. Письмо это немедля было пушено въ ходъ въ губернскомъ городѣ. Барыни были въ восторгѣ... Съ этого письма списывались копіи и рассылались по всѣмъ уѣздамъ. Надъ головой Елены Терентьевны шпильки, колкости и насмѣшки разразились внезапно. Можно представить себѣ, до какого отчаянія доведена была Елена Терентьевна!..

— Вотъ дѣти! кричала она: — вотъ что они такое!.. Холишь ихъ, лелѣешь, ждешь отъ нихъ благодарности, утѣшенія, да и дождешься до того, что они преждевременно въ могилу сведутъ своими поступками!.. Несчастная я, несчастная!.. За что же Богъ-то наказываетъ меня такъ, скажите? Безсовѣстный Аркадій Иванычъ! обманываетъ мать? родную мать!.. да еще какую мать, которая въ немъ души не слышала!.. И Елена Терентьевна рвалась и металась и бросала въ огонь письма Аркадія Иваныча. Въ-продолженіе нѣсколькихъ дней, никто въ домъ не могъ угодить на

нее — ни барышня, ни лакей, ни дѣвки; но въ-особенности страдали бѣдные дѣвки: двѣ или три изъ нихъ ходили даже съ подвязанными щеками, ссылаясь на зубную боль...

Въ первый минуты гнѣва, она было-написала къ сыну громовое посланіе; но на другой день, одумавшись, разорвала его, и прежде рѣшилась развѣдать хорошенько стороною обо всѣхъ его московскихъ похожденияхъ. Но чрезъ кого? Елена Терентьевна думала, думала — и наконецъ придумала. Она вспомнила о своей старой знакомой, Палагеѣ Максимовнѣ Трухиной, о которой совсемъ было-забыла. Палагея Максимовна была дѣвица лѣтъ пятидесяти-пяти. Она имѣла тысячъ до шести капитала, носила подъ чепцомъ изъ кокетства рыжеватой парикъ, скрывавшій ея сѣдые волосы, и хотя имѣла постоянную комнату въ домъ какихъ-то своихъ родственниковъ около Дѣвичьяго-Поля, но, по страсти своей къ кочевой жизни, никогда почти не жила дома, а все гостила по знакомымъ и перепосила изъ дома въ домъ вѣсти. Никто лучше и подробнѣе Палагеи Максимовны не могъ бы удовлетворить любопытства Елены Терентьевны касательно ея сына, потому-что Палагея Максимовна владела особеннымъ даромъ разублаждать и вывѣдывать, — и никто болѣе ея не любилъ вышнваться въ чужія семейныя дѣла. Она ссорила и мирила родителей съ дѣтьми, женъ съ мужьями и наоборотъ, сестеръ съ братьями, дядей съ племянниками, а сама всегда оставалась въ сторонѣ и разыгрывала роль совершенной невинности.

Елена Терентьевна тотчасъ написала къ ней самое чувствительное и ласковое письмо, въ которомъ просила ее, по старой дружбѣ, неотлагательно выполнить небольшія комиссіи, на которыя нарочно высылала ей денегъ вдвое болѣе того, что могли стоить эти комиссіи; а въ-заключеніе, будто мимоходомъ, поручила ей разузнать о поведеніи сына, и о томъ, вѣдять ли онъ въ домъ князя Берестинскаго? на какой ногъ принять въ этомъ домѣ? и прочее.

Палагея Максимовна съ неизмовѣрною быстротою и точностью выполнила всѣ порученія Елены Терентьевны; половину высланной на покупки суммы оставила у себя въ ридикюль, упомянувъ въ своемъ отвѣтѣ, что *мымыче* въ Москвѣ страшная дороговизна на всѣ товары, отъ-того, что на все наложена тройная противъ прежняго пошлина, и росписала яркими красками всѣ похождения Аркадія Иваныча съ небольшими еще прикрасами отъ себя... Рязко отозвалась она о *подлой танцоркѣ*, которая обираетъ его кругомъ и о его пріятеляхъ, въ которыхъ нѣтъ ни чести, ни совѣсти, и напрямки объявила, что Аркадій Иванычъ ни въ какіе семейные дома не показывается, а все водится съ *холостежью* и никогда не

былъ *вхожь въ домъ* князя Берествицкаго. Последнее было ей очень-хорошо извѣстно, потому-что она пользовалась большою пріязнію жены дворецкаго князя. Заключительныя строки письма Палагеи Максимовны были необыкновенно трогательны :

«Искренно могу сказать, больно» писала она «наносить вамъ, добродѣтельная Елена Терентьевна, огорченіе на-счетъ милаго вашего Аркадія Иваныча, который самъ ничѣмъ не виноватъ, а попалъ въ дурную компанію: вся его тутъ вина. Такой добродѣтельной матери, какъ вы, — ваше нѣжное сердце мнѣ очень-извѣстно, непріятно слышать, что ни-на-есть дурное о сынѣ, и меня это за васъ убиваетъ, а я бы это отъ васъ и скрыла, если бы не брала въ васъ кровнаго участія и не помнила вашу хлѣбъ-соль и всѣ ваши ко мнѣ ласки, которыя по гробъ не забуду отъ-того, что съ-дѣтства приучена быть благодарною и цѣнить людей, и отъ-того, что такой дамы во всѣхъ отношеніяхъ отличныхъ правилъ, какъ вы, нынче рѣдко можно найти — и когда я вамъ писала это, то поверите ли у меня сердце кровью обливалось»... и проч.

Прочитавъ это посланіе, Елена Терентьевна слегла въ постелю. Два дня она не вставала съ постели, стонала и охала на цѣлый домъ и безпрестанно подносила платокъ къ глазамъ, если кто-нибудь изъ домашнихъ появлялся въ ея спальнѣ. На третій день, она написала къ Аркадію Иванычу то письмо, которое помѣщено выше, нѣсколько разъ перечла его, смягчила кое-какія рѣзкія выраженія и потомъ отправила его на почту. Елена Терентьевна очень-благоразумно разочла, что ей не слѣдовало слишкомъ раздражать сына, потому-что онъ, какъ совершеннолѣтній, имѣлъ полное право взять отъ нея въ собственное управленіе отцовскія семьсотъ душъ, и кромѣ того потребовать еще у ней отчета по этому имѣнію за все время ея попечительства. Когда письмо было отослано, Елена Терентьевна сказала со вздохомъ барышнѣ :

— Я хотѣла къ нему написать самое строгое письмо; словомъ, такое письмо, которое онъ вполне заслуживаетъ; но вѣрите ли, душенька, никакъ не могла. Хотя онъ и не умѣетъ цѣнить меня, хотя онъ кругомъ виноватъ противъ меня, а все-таки мнѣ жалъ его. Вотъ что значить материнское сердце!

Въ P. S. этого письма, Елена Терентьевна, не безъ умысла, упомянула о Палагѣ Максимовнѣ. Еленѣ Терентьевнѣ нарочно хотѣлось намекнуть Аркадію Иванычу, что у нея въ Москвѣ есть надежный источникъ, изъ котораго она можетъ почерпнуть о немъ свѣдѣнія.

Положеніе Аркадія Иваныча было ужасно. Рассчитывая на прісылку денегъ изъ деревни, онъ заказалъ для Даши модную коляску и, кромѣ-того, обещалъ заплатить кое-какіе ея долги. Коля-

ску, безъ денегъ, ему не отдавали, а Даша не хотѣла иначе вы-
бѣжать, какъ въ модной коляскѣ... Она выходила изъ себя, бра-
нилась и кричала:

— Ты только хвастаешь, что у тебя Богъ-знаетъ какія богат-
ства, а видно, у тебя ничего нѣтъ, видно, ты живешь на-фуфу!..
Зачѣмъ же ты меня обманывалъ? За что я должна изъ-за тебя
мучиться? Меня какіе богачи хотѣли взять... Да еслибы ты меня
не сманилъ, такъ я бы теперь по горде въ золото была!.. Мнѣ
бы теперь все завидовали!

И Аркадія Ивановича приторопынно терзали, такими-образомъ, то
Даша, то ростовщики, то полиція. На письмо своей мамоньки онъ
написалъ слѣдующее:

«Любевная мамонька,

«Вы пишете, чтобъ я былъ съ вами откровененъ: повишуюсь
вашей волѣ. Мнѣ не отказали въ рукѣ княжны, а я самъ уви-
дѣлъ, что ея родители болѣе расположены къ новопривъзшему изъ
«Петербурга графу, чѣмъ ко мнѣ. Чтò же до меня касается, я
«столько гордъ, что не хотѣлъ играть роль второстепенную въ ихъ
«домѣ, и, не смотря на пресѣбы княжны, которая была влюблена
«къ меня безъ памяти и принаждалась мнѣ въ этомъ, пересталъ къ
«нимъ вѣднть» (Аркадія Ивановичъ хотѣлъ непременно поддержа-
«твую ложь. Лгать ему было ни-по-чѣмъ; онъ считалъ ложь дѣ-
«ломъ обыкновеннымъ, но совнаться во лжи считалъ величайшимъ
«стыдомъ и никому бы безнаказанно не позволялъ назвать себя въ
«глаза лжецомъ).

«Впрочемъ» продолжалъ Аркадія Ивановичъ «я не сожалѣю, коли
«справду вамъ сказать, о томъ, что всѣ планы мои касательно кня-
«жны разстроились. Я къ ней ничего не чувствовалъ, а вы сами
«кажете, любевная мамонька, что какой бракъ безъ любви можетъ
«существовать! Къ-тому же, въ Москвѣ новизтъ знатныхъ фамилій
«еще много; я здѣсь всѣмъ извѣстенъ и всамн любимъ, и, нѣтъ
«никогого сомнѣнія, что за меня отдадутъ любую московскую де-
«вицу. Будьте въ этомъ увѣрены.

«Но такъ-какъ я весь здѣсь жизнь вволю свѣтскую и вселѣ вы-
«важалъ, и столько притомъ самалюбивъ, что не хотѣлъ быть ку-
«же другикъ, то, натурально, много долговъ былъ надерживать,
«и отъ-этого сдѣлалъ долги. Вы же денегъ мнѣ не высылаете, и
«я накомусь въ совершенной крайности, безъ конейки, и не знаю,
«что дѣлать. Ради Бога, вышлите мнѣ деньги съ первой почтою.
«Мнѣ надо, не-крайней-мѣрѣ, тысячъ пятнадцать, только для то-
«го, чтобъ раздѣлаться съ долгами (Аркадія Ивановичъ лгалъ, по-
«тому-что у него было болѣе пятидесяти тысячъ долгу), да кромѣ
«этого, надо жить прилично. Если же вы не можете выслать мнѣ

«Вдругъ пятнадцать тысячъ, то вышлите мнѣ, съ первою почтою, «покуда, хоть пять тысячъ, и вся нужная бумага на залогъ остальныхъ незаложенныхъ трехъ-сотъ-пятидесяти душъ моего имѣнія. «Съ нетерпѣніемъ буду ждать, милая маменька, исполненія моей «просьбы въ наискорѣйшемъ времени. Не думайте также, чтобъ я «безъ толку разстроилъ свои дѣла. Этого никогда не будетъ, да къ «тому же, если я немножко и задолжалъ, что жъ за беда? Все «можно поправить выгодной женитьбой, а ужъ я не женюсь на «комъ-нибудь и не уроню себя! Повторяю мою просьбу о высылкѣ «денегъ и бумагъ для залога имѣнія, и тысячу разъ цалую «ваши ручки»...

Елена Терентьевна выслала ему безъ всякихъ приложений и даже безъ письма, свидѣтельство на залогъ трехъ-сотъ-пятидесяти душъ; но прежде, нежели Аркадій Ивановичъ получилъ это свидѣтельство, Даша оставила его и перешла къ какому-то почтовому старичку, который прибавилъ ей въ годъ тысячу рублей лишнихъ противъ того, что она получала. Аркадій Ивановичъ забѣсилъ на Дашу, потребовалъ отъ нея назадъ свои подарки; клялся, что если она не возвратитъ ему всѣхъ его вещей дочиستا, то онъ ихъ непременно вытребуетъ у нея черезъ полицію; что съ нимъ шутки шлохи, и прочее. Но Даша не возвратила ему ничего и еще свѣялась надъ нимъ, а Аркадій Ивановичъ дня два покричалъ, погорячился, пофанфаронилъ, и потомъ, какъ водится, успокоился. Получивъ изъ Московскаго Опекунскаго Совѣта тысячу до семидесяти, онъ заплатилъ свой долгъ, а остальные деньги, за уплатою долга, промоталъ въ два мѣсяца на вино, на женщинъ и преимущественно на цыганъ. Для того же, чтобъ пустить пыль въ глаза Дашѣ и показать, что у него есть деньги, онъ ежедневно прокатывался мимо ея оконъ въ отличной ямской коляскѣ, запряженной лихою четвернею, за которую платилъ въ день по пятидесяти рублей.

Когда у него осталось всего только тысяча рублей, онъ вознамерился вѣхать въ деревню, съ тою цѣлю, чтобъ наконить денегъ и снова возвратиться въ Москву кутить... Въ день отъезда, онъ задалъ пріятелямъ прощальный обедъ съ цыганами, который ему стоилъ семь-сотъ рублей. На-разсвѣтъ, пріятели съ крикомъ и съ пѣснями уложили его въ дорожную коляску. Но Аркадій Ивановичъ ничего не слышалъ, потому-что спалъ своимъ непробуднымъ, и очнулся только на четвертой станціи отъ Москвы. Очнувшись, онъ съ удивленіемъ началъ озираться кругомъ себя, протирая глаза.

— Филъка! Филъка!

— Чего изволите-съ?

— Да куда жъ это мы ѣдемъ?

— Къ наменькѣ въ деревню, сударь; мы ужъ восемьдесятъ верстъ отъ Москвы отъѣхали-съ.

— Ахъ, да!

Аркадій Ивановичъ махнулъ рукой, зъвнулъ во все горло, потянулся и снова заснулъ.

ГЛАВА V.

Елена Терентьевна приняла сына очень-холодно. Она обняла его только одинъ разъ и, смотря на него съ грустію и качая головою, говорила:

— Наконецъ-то таки Богъ привелъ насъ свидѣться! Какъ ты это, голубчикъ, вздумалъ заѣхать сюда? Я, признаюсь, этого никакъ не ожидала. Я думала, что ты и забылъ о моемъ существованіи. Вѣдь, шутка ли, пять мѣсяцевъ о тебѣ не имѣла ни слуху, ни духу, строки даже не написалъ ко мнѣ! А, кажется, я не много требую, не такъ-какъ другія матери; хоть бы только написалъ въ двѣ недѣли разъ: «я, маменька, слава Богу, живъ и здоровъ...» мнѣ больше ничего не нужно, — по-крайней-мѣрѣ, я была бы покойна... Ну, да что говорить объ этомъ! (Елена Терентьевна вздохнула)? Я все-таки благодарна тебѣ и за то, что хоть когда-нибудь вспомнилъ обо мнѣ...

Барышня все увивалась около Аркадія Ивановича и, глядя на него, съ восторгомъ восклицала отъ-поры-до-времени:

— Ангелъ вы нашъ! сокровище вы наше! красное вы наше солнышко! наслау-то мы дождались васъ къ себѣ!

И потомъ, обращаясь къ Еленѣ Терентьевнѣ, продолжала, указывая на Аркадія Ивановича:

— Да посмотрите, родная вы наша, кто сидитъ-то тутъ! Полноте теперь скучать; теперь вамъ не о чемъ скучать. Вотъ онъ, предметъ-то вашъ!

— Что, милый мой, я думаю, ты повеселился въ Москвѣ? зашѣтила Елена Терентьевна.— Вѣдь тамъ вѣрно для молодого человѣка развлеченій тьма!.. (Елена Терентьевна при этомъ обмѣнилась съ барышней значительнымъ взглядомъ.) Почему же, конечно, молодому человѣку и не веселиться?.. Развлеченіе молодому человѣку необходимо; только надобно, чтобъ это развлеченіе было благородное... Расскажи же, другъ мой, какъ ты проводилъ время? Ты знаешь, какъ меня интересуешь все, что касается до тебя...

Благосклонный читатель, имѣющій уже теперь достаточное понятіе о моемъ героѣ, можетъ представить себѣ всю красоту и оригинальность его разсказа; я долженъ замѣтить только, что въ этомъ

разсказа вообще блистательно разыгралась фантазія Аркадія Ивановича, и что въ некоторыхъ эпизодахъ онъ просто превращалъ самого-себя. Разумѣется, о Дашѣ онъ не упомянулъ ни слова, но за то какъ поэтически умѣлъ распространяться о книжкѣ и о ея любви къ нему!..

Елена Терентьевна все время слушала сына съ иронической улыбкой и безпрестанно значительно поглядывала на барышню. Когда онъ кончилъ, Елена Терентьевна сказала:

— Прекрасно, прекрасно, мой другъ! Стало-быть, ты не даромъ провалялъ время въ Москвѣ? Такъ ты тамъ со всеми первыми людьми познакомился?.. Да! конечно, приобрести такое знакомство пріятно и лестно. Ну, а еще были у тебя знакомства какого-нибудь другаго рода? кроме княжны, ты за кѣмъ-нибудь ухаживалъ?..

Елена Терентьевна устремила на сына ястребиный взоръ. Она напрасно усиливалась скрыть внутреннее волненіе: голосъ тряслся ей, и губы ея дрожали.

Аркадій Ивановичъ немного смѣшался. — Э-ге! до мамельки-то видно дошли подробныя вѣсти! подумалъ онъ.

Барышня поспѣшила къ нему на помощь.

— А я думаю, ужъ сколько тамъ особъ за нимъ, за нашимъ голубчикомъ, ухаживали! замѣтила она, смѣясь. — Предупреждаю васъ, я тоже намѣрена вамъ строить куры, непрѣмѣнно!..

Аркадій Ивановичъ, немного оправясь, обратился къ мамелькѣ:

— Да я и не за одной княжной возачился, отбѣчалъ онъ:—отъ-чего же не волочиться? Ну, а вы что подлывывали, мамелька?

— Я? ты обо мнѣ спрашиваешь? Ахъ, Боже мой, что моя за жизнь! Я съ каждымъ днемъ чувствую себя хуже и хуже, болѣзни совсѣмъ одолѣли меня! Я только и молю моего Создателя о смерти! Такъ нѣтъ! кому надо умереть, тѣ живутъ, а кому бы только жить да радоваться, тѣ умирають. Это всегда такъ. Моей жизни, Аркашенька, никто не позавидуетъ! Вотъ она (Елена Терентьевна указала на барышню) свидѣтельница, какъ я страдаю... Да, впрочемъ, зачѣмъ трогать эту струну?.. Обо мнѣ пожалѣть никому! Ужъ тѣхъ нѣтъ на свѣтѣ, кто бы пожалѣлъ обо мнѣ!..

И Елена Терентьевна, говоря это, всхлипывала.

Барышня, желая предупредить непріятную сцену, перемѣнила разговоръ и начала по-своему любезничать. Между-тѣмъ, закой пришла доложить, что готовъ ужинъ. Елена Терентьевна отерла слезы и повела сына въ столовую. За ужиномъ Елена Терентьевна кушала довольно-аппетитно, а послѣ ужина проводила сына въ приготовленную для него комнату.

— Хорошо ли тебѣ здѣсь будетъ, покойно ли? говорила она.—

Я знаю, ты любишь кожаные подушки: я потому и велѣла ихъ приготовить тебѣ... Хотя ты и разлюбилъ меня, голубчикъ, а я все тебя люблю по-прежнему... и помню все твои привычки и вкусы!

Аркадія Ивановичъ цаловалъ мамеянку и увѣрялъ ее, что онъ никогда не переставалъ любить ее...

— Вѣрю, вѣрю, мой другъ, возразила мамеянка тономъ поддѣрчивости.— Ну, теперь тебѣ пора успокоиться, отдохнуть послѣ дороги... Я тебѣ, думаю, ужь надоела своимъ хныканьемъ! Завтра я велю для тебя нарочно истопить баню: послѣ дороги это необходимо... Христось съ тобой, ложись потчевать!.. Желаю тебѣ пріятнаго сна. Дай, я тебя перекрещу, какъ крестила въ прежніе годы!..

Когда Елена Терентьевна возвратилась къ себѣ въ спальню, она уже нашла тамъ барышню.

— А! что, милая? сказала она ей.— Какое? Хотя бы въ шутку привезъ матери какой-нибудь рублевый подарокъ, чтобъ только показать вниманіе: вотъ-дескать вамъ, милая мамеянка, видите ли, я помню объ васъ! И того нѣтъ! А вѣдь, я думаю, этой бестіи танцоркѣ какія вещи дарилъ!.. Вотъ вамъ чувства дѣтой! Что вы послѣ этого скажете? Выкормила, выросла, воспитала себя на радость!.. Вотъ и радуюсь теперь, обливаясь кровавыми слезами!.. Видѣла ли я до-сихъ-поръ отъ него какое-нибудь утѣшеніе?.. Сдѣлалъ ли онъ мнѣ въ угодность хоть что-нибудь?.. Вы все знаете... Скажите по совѣсти.

Барышня молчала. Это молчаніе было краснорѣчивѣе всякихъ словъ. Но Елена Терентьевна не удовлетворялась этимъ краснорѣчивымъ молчаніемъ.

— Скажите же, я васъ спрашиваю, вскрикнула она поредительно: — видѣла ли я отъ него какое-нибудь утѣшеніе?

Барышня испустила глубокій вздохъ и въ-слабъ за тѣмъ произнесла печальнымъ голосомъ:

— Ужь, конечно, до-сихъ-поръ, кромѣ огорченія, вы ничего отъ него не видали. Мы всё этому свидѣтели! Ужь какъ намъ всѣмъ жаль васъ, голубушка вы наша, еслибъ вы знали.

Барышня также нылала злобою противъ Аркадія Ивановича за то, что онъ ни разу не сдѣлалъ ей никакого подарка. Она, въ свою очередь, кричала о немъ въ дѣвичьей:

— Вотъ этого чертенка-то, прости Госноди, мнѣчила, укаживала за нимъ, угождала ему! Вишь выросъ какой былбось! А что въ немъ толку-то? Хотя бы когда-нибудь бездѣлицу какую-нибудь подарилъ! Къ намъ-то скупъ, а на своихъ актѣрокъ, не бойсь, не жалѣлъ денегъ!..

— Богъ ему судья! продолжала Елена Терентьевна.—Пусть онъ увидитъ со-временемъ такое же угнетеніе отъ своихъ дѣтей, какое я отъ него видѣла. Онъ славную себя будущность приготовляетъ, вспомните мое слово! Пожалѣте еще и обо мнѣ, когда меня не будетъ! Страшно подумать! вѣдь въ немъ все чувства искоренены; его узнать нельзя!.. И добро бы еще въ письмахъ, а то безстыдно жметъ матери въ глаза, да еще и не краснѣетъ! Заложилъ отцовское имѣніе въ угодность плясуньи! Это для меня такой пошлости, такой, который называть нельзя... Значитъ, у него нѣтъ никакого уваженія къ памяти отца, ничего святаго!.. А сколько онъ денегъ-то промоталъ въ Москвѣ! И въ кого онъ такой мотъ, — я рѣшительно не понимаю. Отецъ проживалъ прежде много, но потому никогда не бывалъ; я, кажется, не мотовка, дурныхъ прищрошъ онъ въ дѣтствѣ никакихъ не видалъ предъ глазами. Это, я думаю, пріятели совратили его съ пути! И какое у него лицо сдѣлалось—ни на что не похоже! А помните, какой онъ, можно сказать, красавецъ былъ, когда первый разъ пріѣхалъ сюда въ офицерскомъ мундирѣ? Тогда все формально имъ любовались; а теперь что это такое? я просто не могу на него смотреть въ этомъ гадкомъ штатскомъ платьѣ!.. Многія находили, что онъ похожъ на меня: точно, можетъ-быть, прежде онъ и имѣлъ небольшое сходство со мною, а теперь у него ни одной черты прежней не осталось; теперь онъ напоминаетъ больше отца, какъ тотъ былъ въ послѣднее время... Не правда ли?

Барышня, разумѣется, согласилась съ этимъ изволиѣ. И Елена Терентьевна долго такимъ-образомъ разсуждала съ барышней объ Аркадіѣ Ивановичѣ. Они разстались за-полночь. Лишь-только барышня вышла, явилась горничная раздѣвать барыню.

— Ну, что, Машка, спросила у нея барышня:—говорила ты что-нибудь съ Филькой?.. Что, доволенъ онъ своимъ баринномъ?

— Объ этомъ-съ онъ ничего не говорилъ, сударыня, отвѣчала горничная:—онъ все разсказывалъ намъ, какъ баринъ изволилъ жить въ Москвѣ-съ, сколько они изволили издерживать на эту мамзельто-съ, что у нихъ была, какіе они банкеты задавали-съ... ну и все это какъ у нихъ тамъ было-съ.

— А не говорилъ ли Филька, привезъ ли баринъ съ собою сколько-нибудь денегъ?.. Осталось ли у него что-нибудь послѣ того, какъ онъ заложилъ свое имѣніе?..

— Какое, сударыня! Филькинь Андрюшчъ разсказываетъ, что они все спустили въ Москвѣ до копеечки, что они такъ жили богато, что ужаси; что у нихъ тысячь сто долговъ было-съ, и что они передъ отъѣздомъ сюда просто сорвали деньгами-съ.

Елена Терентьевна прошептала себѣ подъ-нось:

— Такъ я и думала, все это такъ и должно быть. Чего добраго ждать отъ него! И потомъ сказала горничной:

— Послушай, ты у Фильки-то все хорошенько развѣдай и потомъ передай мнѣ. А завтра позови его ко мнѣ по-тихоньку, такъ, чтобъ объ этомъ баринѣ не зналъ и чтобъ онъ не смѣлъ заикнуться объ этомъ барину. Слышишь ли?

— Слушаю, сударыня-съ.

Когда горничная ушла, Елена Терентьевна помолилась Богу, заплакала и легла почивать.

На слѣдующій день, она имѣла продолжительный разговоръ съ Филькою, по окончаніи котораго подарила ему пять рублей.

Первые дни Аркадій Ивановичъ очень скучалъ въ деревнѣ и не зналъ, что дѣлать. Одна только трубка немного развлекала его, и потому онъ не выпускалъ ее изъ рта. Мамынька избѣгала почему-то рѣшительнаго объясненія съ сыномъ; только въ обыкновенныхъ разговорахъ съ нимъ дѣлала ему безпрестанныя колкости и осыпала его обидными намеками, къ которымъ онъ, впрочемъ, никакъ не могъ придратъся. Этими она отчасти удовлетворяла себя. О чемъ бы у нихъ, на-примѣръ, ни заходила рѣчь, хоть о погодѣ, мамынька, разсуждая и о погодѣ, умѣла кстати авернуть слово о безнравственности нынѣшней молодежи; о неограниченной любви родительской къ дѣтямъ, о неблагодарности дѣтей, о тѣхъ жалкихъ молодыхъ людяхъ, которые не хотятъ служить и надъ которыми всѣ смѣются, и о прочемъ тому подобномъ.

Часто она сочиняла цѣлыя исторіи и выдумывала удивительныя анекдоты, которыми хотѣла или уязвить сына, или просто только подѣйствовать на его воображеніе. Эти исторіи и анекдоты разсказывала она, обыкновенно, своимъ пріятельницамъ, только въ присутствіи Аркадія Ивановича.

— Слышали вы, милыя, говорила она пріятельницамъ: — какое происшествіе случилось недавно въ Петербургѣ? Тамъ, говорятъ, теперь только и толковъ, что объ этомъ.

— Ахъ, разскажите, пожалуй-ста, что такое, возражали пріятельницы. — Это должно быть очень-интересно.

— Дѣ; это такое происшествіе, продолжала Елена Терентьевна торжественнымъ и мрачнымъ голосомъ: — надъ которымъ *много* должны были бы призадуматься. При словѣ *много*, она устремляла значительный взглядъ на сына. — Вообразите, одна петербургская дама средняго круга... позвольте... мнѣ называли и фамилію ея... какъ бишь ее?.. ахъ, какая досада, совсѣмъ забыла!.. вѣдь вы знаете, у меня такая скверная память; ну, да не въ томъ дѣло, все равно... видите ли: у этой дамы... а надобно вамъ сказать, что эта дама пользуется въ Петербургѣ всеобщеею любовью.

и всеобщимъ уваженіемъ; это, говорятъ, ангелъ доброты, безподобнѣйшихъ правилъ, съ рѣдкими чувствами, словомъ, во всѣхъ отношеніяхъ примѣрная женщина... У ней, видите ли, было два сына, въ которыхъ она души не слышала, для которыхъ она, можете себя представить, всѣмъ на свѣтѣ пожертвовала; ну, однимъ словомъ, такая мать, на которую все указывали, какъ на образецъ. Воспитаніе дѣтямъ она дала отличное: по-французски оба они такъ, говорятъ, и рѣзали. Вотъ они стали, знаете, подростать по-маленьку... и выросли, и въ службу вступили: одинъ въ статскую, другой въ военную; естественно, она и ждетъ отъ нихъ утѣшенія, думаетъ себѣ: «ну, теперь я отдохну; теперь я буду только жить да радоваться, глядя на нихъ; теперь они будутъ мои коношъ, лелѣить... ужь теперь пришелъ ихъ чередъ за мною ухаживать». Все это, знаете, что каждая изъ насъ передумала и переживала. А надобно вамъ сказать, что она хоть обоимъ сыновей равно любила и никакого между ними отличія не дѣлала, но все-таки сердце у нея больше лежало къ тому, который опредѣлился въ военную службу, отъ-того, что онъ былъ такой кроткій, послушный, безпрестанно къ ней ласкался, и когда не былъ на службѣ, то все сидѣлъ возлѣ нея, — и не одна мать, всѣ знакомые обожали его. Известно, что ласковый теленокъ двѣ матки сосетъ! Вотъ, бывало, она и говоритъ ему: что это ты, мой ангелъ, не съѣдѣшь никуда, не развлечешься ничѣмъ? Вѣдь тебѣ, я чай, со мной со старухой сидѣть скучно? Вотъ, посмотри, какъ братъ твой веселится! А онъ бросится, бывало, къ ней, начнетъ цаловать ей руки и говорить: «Маменька-голубушка, поверьте, мнѣ съ вами гораздо-веселѣе, чѣмъ въ обществѣ брата; я, говорятъ, такъ думаю, что для молодого человѣка ничего не можетъ быть вреднѣе холостой компаніи... я, говорятъ, маменька, предпочитаю семейные дома, въ семейныхъ домахъ, говорятъ, видишь нравственные примѣры...» И, поверьте ли? Онъ ничего не дѣлалъ безъ совѣта матери и никуда даже не выѣзжалъ безъ нея въ гости, не смотря на то, что былъ не маленький, — замѣтьте это, ужь ему было двадцать-четыре года.

— Ахъ, какой голубчикъ! перебили пріятельницы: — скажите!.. Да вѣдь это на рѣдкость!.. Этакихъ молодыхъ людей ужь нынче и встрѣтить трудно!..

— Да, къ-сожалѣнію, возразила Елена Терентьевна съ глубокимъ вздохомъ. — Счастливы родители, которые имѣютъ такихъ дѣтей! И вообразите себѣ, онъ и брата-то своего уговаривалъ, чтобъ тотъ не огорчалъ матери и перемѣнилъ свой образъ жизни; но тотъ куда себя! и слушать не хотѣлъ. Тотъ былъ, знаете, этакимъ забудыга: вилъ, куталъ, проматывалъ на актрисѣ деньги и за-

былъ о томъ, что у него существуетъ мать... (Фразы: проматывала на актрисы деньги и забыла, что у него существуетъ мать, Елена Терентьевна старалась произнести съ особеннымъ эффектомъ) Это съ утра до ночи не было дома. Вы можете себя представить, какъ это сокрушало бедную мать; но она сначала дѣйствовала на него противныи мѣрами, со словами увѣщевала его, — ну да еще хуже: онъ, не сказавъ матери ни слова, потихоньку бухъ въ отставку. Съ ней чуть ударъ не случился, ей тотчасъ кровь пустили. «Ну» подумала она: «дѣлать ничего, если проткія мѣры не боруютъ, надобно прибѣгнуть къ строгости». Сами согласитесь, какъ бы мать равнодушно видѣла свое дитя на краю пропасти и не употребила всякъхъ средствъ, чтобъ спасти его!.. Она, знаете, призываетъ его къ себѣ и начиняетъ мыть ему голову; ну, и мыла, мыла ему голову, увѣщывала ему все, все... такъ-что каменное сердце могло бы тронуться, а у него... что бы вы думали? ни слезинки! Онъ еще началъ спорить съ матерью, грубить, и такихъ вещей наказывалъ ей, что она въ обморокъ.

— Ахъ, какой извергъ! вскрикнули пріятельницы Елены Терентьевны въ одинъ голосъ.

— Не беспокойтесь, продолжала Елена Терентьевна: — это ему не пришло даромъ. Ничъ! дѣти, убивающіи своихъ родителей, не остаются безнаказанными. Богъ справедливъ!.. Онъ не хотѣлъ и помощи подать матери, когда та упала въ обморокъ; онъ оставилъ ее такъ, но за то только-что вышелъ на лѣстницу, спотыкнулся, упалъ, да вискомъ о каменный полъ — и тутъ же отправился на тотъ свѣтъ... Собакъ собачья и смерть! никто и не жалѣлъ его; только мать же одна и поплакала по немъ. Но Богъ ее, голубушечку, утѣшилъ. Представьте, черезъ нѣсколько дней послѣ этого ужаснаго происшествія, какъ-будто въ награду за послушаніе и покорность въ матери, — другой ея сынъ получилъ значительную награду по службѣ и, кромѣ того, былъ произведенъ въ старшій чинъ...

Пріятельницы, выслушавъ эту исторію, сочиненную Еленю Терентьевною, проглядывали судьбу и, по поводу этой исторіи, заводили свой любимый разговоръ объ отношеніяхъ дѣтей къ родителямъ... А Аркадій Ивановичъ внутренно подсмѣивался и надъ исторіей, рассказанной мамеюшкою, и надъ нею-самою, и надъ ея пріятельницами и, покуривая трубочку, думалъ: «какъ-бы такъ проводить время въ деревнѣ, чтобъ не было скучно!»

Между несметнымъ количествомъ дворовыхъ дѣвокъ и горничныхъ онъ займется трехъ или четырехъ, которыхъ былъ, по его собственному выраженію, такъ-себѣ, ничего, а одну даже, очень-хорошенькую, принадлежавшую собственно Навиѣ Терентьевнѣ. Да

тѣми, которыя были тако-себя, ничего, баричъ ухаживалъ недолго... Ему не нравилось то, что онѣ бѣгали бесикомъ, въ грязныхъ и оборванныхъ платьяхъ и имѣли такія грубыя руки, до которыхъ, какъ до необструганной доски, невозможно было дотронуться не занозившись. Очень-хорошенькая была вообще пошлякнѣ и починѣ всѣхъ — и носила, правда, хоть бѣлые и дырявые, но все-таки чулки. Безъ чулокъ она почти никогда не ходила. Ее звали Анюткой. Анютка славилась отважностью и рѣшительностью своего характера, въ-слѣдствіе чего вся кривухинская дворня смотрѣла на нее съ уваженіемъ. Анютка не любила никому спускаться, и многихъ изъ своихъ обожателей отправляла отъ себя съ полновѣсными оплеухами. Носились слухи, будто-бы въ числѣ подвергнувшихся этой горькой участи, находился одинъ почтенный канцелярскій чиновникъ, долго и безуспѣшно ухаживавшій за нею. Рассказывали, будто-бы, послѣ нанесеннаго ему Анюtkoю оскорбленія, онъ пришелъ въ величайшую ярость, замахнулся на нее и грозился согнуть ее въ бараній рогъ, но что она, ни мало не испугавшись этой угрозы и ставъ въ оборонительное положеніе, изъ всей силы закричала:

— Вотъ только подожди!.. Вотъ только сунься!.. Вѣдь я тебѣ сказала, что я ужъ не посмотрю на то, что ты называешься баричомъ... Еще погоди... Я тебя при всѣхъ такъ выругаю... старый ты подланола...

Лакон толковали про Анютку илюя отъ досады:

— Да чтó! это не дѣвка, это чортъ!

А барышня даже, Богъ-знаетъ почему, подолыщалась къ ней и говорила про нее другимъ дѣвкамъ:

— Ну, дѣвушки, всомнитѣ меня, ужъ изъ нее выйдетъ что-нибудь необыкновенное. Посмотрите, какъ она высоко смотритъ! Я еще помню ее маленькую: она и тогда все въ вельможки играла. Ужъ это не даромъ!

Даже самъ Аркадій Иванычъ испыталъ упорство и твердость характера Анютки. Она сначала оказывала къ нему совершенное равнодушіе и въ-продолженіи мѣсяца на всѣ его ласки и заигрыванья отвѣчала обыкновенно:

— Ужъ это, кажется, совсѣмъ не барское дѣло, сударь, вамъ заниматься съ нами холопками!

А Аркадій Иванычъ, удивленный, думалъ: «Да чтó жъ это такое значить? Этакихъ капризныхъ мнѣ еще не удавалось встрѣчать!» Между-тѣмъ, капризы Анютки еще болѣе подстрекали его расположеніе къ ней. Вліяніе ея на Аркадія Иваныча не замедлило обнаружиться... Съ-тѣхъ-поръ, въ одеждѣ Анютки произошли большія улучшенія. Вмѣсто дырявыхъ бѣлыхъ, она начала щеголять въ

бумажныхъ чулкахъ; на шеѣ ея начали красоваться пестрые шелковые платочки, а по воскресеньямъ и по праздникамъ, она появлялась въ отличныхъ ситцевыхъ платьяхъ и въ козловыхъ башмакахъ. Барышня стала уже смотреть на нее съ завистію и ворчала:

— Вишь, подлянка, какъ разодьлась, будто барыня какая!

Но когда Анютка выкупила у барыни, внеся ей за себя шестьсотъ рублей (а это случилось чрезъ пять мѣсяцевъ послѣ пріѣзда Аркадія Иваныча въ деревню) и переселялась на житье въ уѣздный городъ (находившійся только въ двухъ верстахъ отъ Кривухина), то барышня, провожая ее и цалуясь съ нею, говорила:

— Не забывай же меня, голубушка—Аннушка! Ужъ ты знаешь, какъ я тебя любила всегда, такъ, знаешь, отъ-чего-то невольно къ тебѣ сердце лежало, боюсь Богомъ, и вѣдь это, можно сказать, я напророчила тебѣ такое необыкновенное счастье!

— Спасибо вамъ, барышня, говорила Анютка:—не забывайте и вы насъ, не поминайте лихомъ; пріѣзжайте къ намъ.

— Ваши гости, ваши гости! отвѣчала барышня, осыпая Анютку поцалуями и обвиняя ее...

Развлекаясь такимъ образомъ, Аркадій Иванычъ по-немпогу привыкалъ къ деревенской жизни и даже начиналъ забывать о Москвѣ. Онъ подружился съ нѣкоторыми помѣщиками, вмѣстѣ съ ними игралъ въ карты, ѣздилъ на охоту и пилъ. Попойки эти совершались, большею частію, въ уѣздномъ городѣ, на квартирѣ Анны Трофимовны, которая уже разыгрывала роль барыни и успѣла сойтись со всеми уѣздными дамами, то-есть, съ женами приказныхъ и даже съ нѣкоторыми мелкопомѣстными дворянками. Къ разгульному обществу Аркадія Иваныча присоединился еще мальчикъ лѣтъ шестнадцати, сынъ небогатыхъ помѣщиковъ, котораго родители, до опредѣленія на службу, оставили на произволъ судьбы. Аркадій Иванычъ съ особеннымъ наслажденіемъ поилъ этого мальчика виномъ и пуншемъ, и, наливая ему стаканъ за стаканомъ, говорилъ, ударяя его по плечу:

— Молодецъ, братецъ, молодецъ! Пей, братецъ; ты не слушаешь, что тебѣ глупую-то мораль читаютъ,—все это вздоръ! Еслибъ тебя отдали въ мои руки, я бы тебя всему обучилъ. Утромъ бы я тебя погонялъ немножко на кордѣ, чтобъ изъ тебя сдѣлать настоящаго вздока, — безъ этого нельзя, — а вечеромъ мы бы приударили вмѣстѣ по этой части (Аркадій Иванычъ указывалъ на стаканъ). Вотъ бы и все ученье, братецъ, въ этомъ состояло!.. Вина не бойся: вино не вредно. Я вотъ, слава Богу, съ шестнадцати лѣтъ началъ пить, а, видишь ли, какой толстый и все день-отодня становлюсь здоровѣе!

Въ-самомъ-дѣлѣ, въ-последнее время пребыванія своего въ де-
т. XXXVIII. — Отд. I.

ревъ, Аркадій Ивановичъ необыкновенно растолстълъ, или, вѣрнѣе сказать, отѣкъ. Онъ казался, по-крайней-мѣрѣ, годами четырьмя старѣ своихъ лѣтъ. Страсть къ франтовству, впрочемъ, не оставляла его. Въ Москвѣ одѣвалъ его портной «по послѣдней картинкѣ»; въ деревнѣ началъ онъ одѣваться по собственной фантази: венгерокъ у него было несметное количество, и всѣ различнаго покроя, съ кистями, съ шнурками и съ балаболками; панталоны онъ началъ носить на казацкій манеръ, ширины чудовищной; рубашки шелковыя, яркихъ цвѣтовъ и, непременно, съ косымъ воротомъ; къ жилетамъ онъ самъ покупалъ въ галантерейномъ магазинѣ губернскаго города блестящія пуговицы, въ видѣ незабудокъ съ фальшивой бирюзой или изумрудами. Экипажъ его, которымъ онъ особенно гордился, отличался также страшною пестротой и вычурностью, а сбруя на лошадяхъ была съ *малиновыми звонами*, то-есть съ особаго рода бубенчиками и погремушками, издававшими очень оригинальный и гармоническій звукъ. Когда же онъ выѣзжалъ въ дрожкахъ или саняхъ парой, то всегда самъ управлялъ пристяжною и, подхлывывая кнутомъ, любовался и радовался, какъ она загибалась въ кольцо. Скоро, не только въ своемъ уездѣ, но и въ цѣлой губерніи, Аркадій Ивановичъ прослылъ *модникомъ*, и многіе изъ тѣхъ молодыхъ помѣщиковъ, которые никогда не бывали ни въ Москвѣ, ни въ Петербургѣ, начали очень-замѣтно во всемъ *копировать его*, какъ говорили губернскія барыни.

Съ маменькой Аркадій Ивановичъ часто не видался по цѣлымъ недѣлямъ, и, вообще, свиданія ихъ были коротки и холодны. Елена Терентьевна почти ничего не говорила съ нимъ. Въ присутствіи его, она только охала, вздыхала, поднимала глаза къ потолку, печально качала головой, да иногда со слезами, смотря на образъ, шептала, — но разумѣется такъ, чтобъ до слуха сына доходило это шептанье:

— Мать Пресвятая Богородица! Заступница моя, услышь недостойную рабу твою; я только и молю Тебя объ одномъ—о прекращеніи моей страдальческой жизни!

Аркадію Ивановичу надоедали всѣ эти сцены, и онъ думалъ, крутя усы:

— Да вѣтъ... ужь какіе маменька тамъ ни выкидываетъ фокусы, а ужь служить-то я не стану. Это кончено!

Иногда ему, впрочемъ, становилось жаль маменьки; а отъ-чего жаль — онъ объяснить этого никакъ не могъ.

— Я знаю, душа моя, что она притворщица, говорилъ онъ про нее одному своему пріятелю: — а все какъ-то, знаешь, жаль ее, когда она хныкаетъ. Нельзя же... Вѣдь чтó ни говори, братецъ,

а она все-таки мнѣ мать; къ тому же любить меня точно ужаснѣйшимъ образомъ, и баловала меня прежде, то-есть такъ, что ты себя представить не можешь...

И хотя онъ ни мало не боялся маменьки и вовсе не намѣрею былъ внимать ея совѣтамъ, однако, вѣроятно, для собственнаго спокойствія, старался избѣгать рѣшительнаго съ нею объясненія.

Уже болѣе полугода герой мой прожилъ въ деревнѣ, и начиналъ думать, что гроза прошла стороною, что маменька отложила на-мѣрение съ нимъ объясняться и рѣшилась оставить его въ покоѣ, какъ вдругъ, въ одинъ прекрасный весенній день, когда онъ расположился ѣхать въ уездный городъ и совсѣмъ уже занесъ-было ногу, чтобъ сѣсть на бѣгковыя дрожки, сзади его раздался рѣзкій голосъ:

— Аркадiй Ивановичъ! Аркадiй Ивановичъ!..

Это былъ голосъ маменьки.

У Аркадiя Ивановича замерло сердце.

Онъ обернулся и увидѣлъ маменьку передъ собою.

Елена Терентьевна величественно стояла на крыльцѣ, немного приподнявъ голову и подбочась одною рукою. Во всей ея фигурѣ и въ выраженiи лица было что-то рѣшительное и злобщее.

— Что вамъ угодно, маменька? спросилъ ее Аркадiй Ивановичъ.

— Мнѣ нужно поговорить съ вами. Пожалуйста на минуточку ко мнѣ.

— Ахъ, извините! произнесъ Аркадiй Ивановичъ:—мнѣ нужно не-на-долго съѣздить; я скоро возвращусь и тогда къ вашимъ услугамъ.

Маменька сдѣлала шагъ впередъ.

— Аркадiй Ивановичъ! сказала она, возвысивъ голосъ и еще съ большею торжественностiю:—Аркадiй Ивановичъ! кажется, я васъ много беспокою собою. Кажется, вы могли бы удѣлить матери полчаса; потомъ я не стану васъ удерживать: побѣжайте-себѣ куда вамъ угодно, на всѣ четыре стороны. Я знаю, куда вы спѣшите... ничего, если и опоздаете получасомъ, не велика важность!.. Еще успѣете наглядѣться на ваше сокровище!

Елена Терентьевна при этомъ захохотала такъ необыкновенно, что даже конюхъ, державшiй лошадь Аркадiя Ивановича, вздрогнулъ невольнo отъ этого страннаго хохота.

— Да скажите же мнѣ, однако, Аркадiй Ивановичъ, продолжала Елена Терентьевна:—до чего же я наконецъ дожила, что вы ужъ лядо не стыдитесь показывать передъ всеми людьми (Елена Терентьевна указала на конюхѣ и на двухъ бабъ, развѣшивавшихъ бѣлье въ отдаленiи), что для васъ дороже матери Богъ-знаетъ какъ... у меня даже языкъ не поворотится сказать кто...

Аркадій Ивановичъ, все еще въ раздумьѣ стоявшій у быговыхъ дрожекъ съ возжами въ рукѣхъ, при послѣднихъ словахъ маменьки бросилъ возжи и подошелъ къ ней...

— За что вы сердитесь, я не понимаю; что вамъ угодно отъ меня? сказалъ онъ.

— Пожалуйте ко мнѣ, произнесла она повелительно: — я васъ не задержу долго, не безпокойтесь...

Аркадій Ивановичъ пожалъ плечами и послѣдовалъ за маменькою.

Маменька привела его въ свою спальню, села на кушетку и указала ему рукой на стулъ. Все это маменька дѣлала съ чувствомъ собственного достоинства и съ величавостью истинно-трагическою.

Аркадій Ивановичъ сѣлъ.

— Вы, кажется, довольно меня знаете, Аркадій Ивановичъ, начала маменька: — я женщина не пустая, не сварливая; у меня нѣтъ никакихъ глупыхъ претензій и требованій, какъ у другихъ матерей; я, благодаря моего Бога, пользуюсь всеобщимъ уваженіемъ и успѣла въ свѣтъ заслужить, — это я могу сказать всѣмъ и каждому, — отличное реможе; терпѣнію моему всѣ удивляются... но вѣдь бываетъ же конецъ и ангельскому терпѣнію, согласитесь сами! Я не стану говорить о томъ, чего мнѣ стоило ваше воспитаніе, сколько я потеряла здоровья, ухаживая за вами... ни дядька вашъ, ни нянька ваша, никто не имѣлъ объ васъ столько заботъ, какъ я... Это всѣмъ извѣстно; всѣ единогласно называютъ меня примѣрною матерью, Аркадій Ивановичъ! Я столько жертвъ принесла вамъ въ жизни... (При этомъ, Елена Терентьевна ударяла себя рукой въ грудь). Столько жертвъ, сколько никакая другая мать не въ состояніи была бы принести для своего сына... Для васъ я бросила свѣтъ, никуда не выезжала, не щадила ни здоровья, ни денегъ; словомъ сказать, кромѣ васъ, для меня никого и ничего не существовало въ жизни!.. Вы были единственнымъ моимъ кумиромъ. Я не отказывала вамъ ни въ чемъ; я послѣднюю свою рубашку готова была заложить для васъ; всѣ малѣйшія ваши прихоти выполняла. Ну, я свой долгъ исполнила, Аркадій Ивановичъ... теперь позвольте васъ спросить: что вы для меня сдѣлали? чѣмъ вы мнѣ отплатили за все это? какую жертву вы принесли мнѣ?

Аркадій Ивановичъ разинулъ ротъ, чтобъ сказать что-то такое, но Елена Терентьевна не допустила его до этого.

— Позвольте, позвольте, продолжала она: — я вамъ сейчасъ скажу, какъ вы за все это отблагодарили маменьку. Вы, первое, вышли въ отставку безъ моего совѣта, безъ моего согласія. И объ этомъ узнала отъ постороннихъ. Это ужасно... ну, да Богъ съ вами! Потомъ, этого еще мало, — живши въ Москвѣ, вы меня са-

мымъ безсовѣстнымъ образомъ обманывали въ письмахъ, льстили мнѣ пустыми надеждами, для того только, чтобъ выманить у меня деньги; увѣряли меня, будто женитесь на княжнѣ Берестинской, будто вы въ домъ ея родителей приняты, какъ свой, тогда-какъ ваша нога не была въ ихъ домъ...

— Нѣтъ, кланусь честью, перебилъ немного-смущенный Аркадій Ивановичъ: — ей-Богу... вы спросите, если хотите, у кого угодно въ Москвѣ... я у нихъ въ домъ былъ...

— Перестаньте, ради Христа, — не лгите. Лгать вообще грѣхъ, Аркадій Ивановичъ, но лгать передъ матерью — это грѣхъ непростительный. Не безпокойтесь, — я все знаю, только молчу, все, — до малѣйшей подробности, все ваши похождения въ Москвѣ. Добрые люди, жалѣя обо мнѣ, увѣдомляли меня обо всемъ, что вы дѣлали. На свѣтѣ не безъ добрыхъ людей, Аркадій Ивановичъ! Я могу гордиться тѣмъ, что умѣла снискать во всѣхъ, умѣла нажить себѣ истинныхъ друзей... Я знаю, на что проматывали вы деньги въ Москвѣ; знаю, кто заставлялъ васъ заложить отцовское имѣніе... Бога вы не боитесь, Аркадій Ивановичъ! Отецъ вашъ послѣднее время отказывалъ себѣ во всемъ, ни на что почти не тратилъ денегъ, — все вамъ берегъ... Думалъ ли онъ, голубчикъ, что его достояніе пойдетъ въ руки подлой плясуньи?

Послѣднія слова Елена Терентьевна произнесла сквозь слезы.

Аркадій Ивановичъ пошевелилъ губами, вѣроятно, желая сдѣлать маменькѣ какое-нибудь возраженіе, но Елена Терентьевна снова предупредила его, закричавъ во все горло:

— Не оправдывайтесь, сдѣлайте одолженіе. Дайте мнѣ прежде все кончить. Вы мнѣ слова не даете выговорить... Не забудьте, что вы въ Москвѣ болѣе полутора ста тысячъ прожили. Шутка ли это! И на что прожили-то? Вѣдь эти денежки, можно сказать, плакали!.. Потомъ, когда ужъ у васъ не оставалось ни копейки, вы пріѣхали сюда... не для того, чтобъ видѣть меня: вамъ все равно, кажется, есть ли у васъ мать или нѣтъ, — вѣдь вы въ продолженіи пяти мѣсяцевъ ко мнѣ ни строки не писали; следовательно, я для васъ ничего, а вы пріѣхали сюда потому, что вамъ ужъ нѣтъ было жить въ Москвѣ... Но я все вамъ простила, Аркадій Ивановичъ, все, — чувствуете ли вы это?.. у меня сердце самое нѣжное и кроткое, — это все очень-хорошо знаютъ: я думала, что вы наконецъ опомнитесь, почувствуетесь, узнаете мнѣ цѣну, прійдете ко мнѣ, броситесь ко мнѣ на шею и скажете: «Голубушка-маменька, я виноватъ предъ вами, забудемте все старое... теперь ужъ я больше не буду васъ огорчать!.. Вы желаете, чтобъ я служилъ; извольте, маменька, я принесу вамъ эту жертву... Впрочемъ, что это за жертва! Вѣдь ваша же собственная польза

должна бы заставить васъ подумать о службѣ. Вѣдь вы не слушая себя же вредъ дѣлаете,—надъ вами же все смѣются... Я все молчала, вы видѣли; все надѣялась, что вы не сегодня, такъ завтра придѣте ко мнѣ сами объясниться насчетъ службы. Прошелъ мѣсяць; другой, третій, прошло и полгода; вы вѣдь здѣсь живете, кажется, еще больше, чѣмъ полгода... наконецъ, признаюсь, мое терпѣнье лопнуло. Къ-тому же, я вижу, что мысль о службѣ и не приходитъ вамъ въ голову; что вы, намѣрены здѣсь советамъ погрязнуть, исчезнуть въ ничтожество? вы ужъ и связи здѣсь какія-то завели... говорить, будто живете съ этой мерзавкой Анюткой; говорить, будто вы ей и деньги дали на выкупъ... будто вы ее содержите... да я этому и вѣрить не хочу!.. Не-уже-ли вы унизились до такой степени? Ужъ будто бы вы не могли здѣсь завести благородную интригу, и которая, притомъ, не стоила бы вамъ ни копейки? Связь съ Анюткой, съ этой гадкой, распутной дѣвчонкой, которую я давно хотѣла выгнать изъ дома и сослать куда-нибудь на фабрику, потому-что она у меня всѣхъ людей перепортила... Это была настоящая зараза въ домѣ!.. Жаль мнѣ васъ, Аркадій Ивановичъ, очень-жаль! Хотѣ бы вы мнѣнѣмъ-то сѣта подорожили. Послушайте-ка, что объ васъ говорятъ! Не думайте, чтобъ я на васъ жаловалась кому-нибудь,—нѣтъ, мое горе и мои страданія извѣстны только одному всевышнему Отцу! Теперь, Аркадій Ивановичъ, я обезпечила васъ за тѣмъ, за тѣмъ только прислала васъ къ себѣ, чтобъ спросить въ послѣдній разъ: намѣрены ли вы служить? Сдѣлаете ли вы хоть что-нибудь въ угодиость матери, если сами не хотите думать о своей пользѣ?..

Елена Терентьевна остановилась и устремила вопросительный взглядъ на сына.

Аркадій Ивановичъ погладилъ и покрутилъ усы и потомъ произнесъ съ разстановкою:

— Да я служить не прочь... отъ-чего же не служить?.. я думаю о службѣ.

— Вы только все думаете? Долго же вы думаете, Аркадій Ивановичъ! а между-тѣмъ, покуда вы думаете, ваши товарищи хватаютъ чины да кресты... Въ полгода, казалось, можно бы надуматься!

— Послушайте, маменька, сказалъ Аркадій Ивановичъ: — ужъ если вы такъ желаете, чтобъ я вступилъ въ службу—извольте: я для васъ готовъ это сдѣлать... я...

— Не для меня, батюшка! прежде всего для себя, перебила маменька.

— Нѣтъ, не для себя, а для васъ, возразилъ Аркадій Ивановичъ: — что жь такое? почему не сказать правды? а бы ни за что, по

своей воле, не вступилъ въ службу... Мнѣ и такъ хорошо... я за почестями не гонюсь; свободная жизнь, маменька, лучше всего!

— Не говорите этого, я не могу этого слышать. Чтобъ мое рожденіе, мой сынъ, не имѣлъ никакой гордости, объ этомъ подумайте ужасно!..

— Что же дѣлать?.. Ну, ужъ я вамъ сказалъ, что я вступлю въ службу, и конечно! Для васъ ли, для себя ли, это вамъ все равно... Только ужъ лѣто-то позвольте мнѣ остаться въ деревнѣ. Прежде осени, какъ вы хотите, я не уѣду отсюда.

Елена Терептьевна подозрительно взглянула на сына, какъ-будто не доверяя словамъ его. Она на минуту призадумалась; суровое выраженіе лица ея постепенно смягчалось, — она даже протянула сыну руку и сказала ему ласковымъ голосомъ:

— Такъ ты, другъ мой, даешь мнѣ честное слово, что къ осени вступишь въ службу? Это ужъ вѣрно? Я на тебя могу положиться въ этомъ случаѣ?..

Аркадій Ивановичъ пожалъ руку маменьки.

— Повѣрьте, маменька, что я ужъ рѣшился васъ этимъ утѣшить. Будьте покойны.

— Благодарю тебя, дружечикъ, благодарю... И слезы радости въ ту же минуту блеснули на глазахъ Елены Терептьевны, потому-что слезы необыкновенно привыкли повиноваться ей. — Тебѣ стоить только втннуться въ службу, мой другъ, продолжала она: — а тамъ, повѣрь мнѣ, ты и самъ отъ нея не отстанешь; честолюбіе у тебя разыграется, и все пойдетъ своимъ порядкомъ. Безъ честолюбія нельзя жить, Аркашенька; ужъ плохъ тотъ человекъ, въ комъ нѣтъ честолюбія. Стало-быть, дружечикъ, я могу надѣяться видѣть тебя съ густыми эполетами?

— Какъ же, маменька, непременно, и до густыхъ эполетъ дослужился!

И, говоря это, Аркадій Ивановичъ невольно поведилъ плечами. Аркадію Ивановичу самому вдругъ захотѣлось густыхъ эполетъ, такъ захотѣлось, что, въ эту минуту, онъ былъ бы готовъ отдать болѣе половины своего имѣнія за право, не служа, украсить свои плечи густыми эполетами.

Маменька обняла его и поцаловала.

— Не забудь же своего обѣщанія, мой другъ, повторила она ему: — сдержи же свое слово. Послѣ, повѣрь, когда дослужишься до большихъ чиновъ, вспомнишь свою мамашу и поблагодаришь ее за то, что она дала тебѣ добрый совѣтъ вступить въ службу... Теперь съ Богомъ, поезжай-себя куда угодно, я тебя не удерживаю.

Аркадій Ивановичъ приложился къ маменькиной ручкѣ и, чрез-

вычайно-довольный тѣмъ, что объясненіе, свертъ его чаянія, кончилось такъ миролюбиво, сълъ, присвистывая, на бѣговья дрожки, и помчался въ уѣздный городъ, въ очень-приятномъ расположеніи духа.

У Анны Трофимовны давно ожидали его два пріятеля-помѣщика и уѣздный лекарь. Самоваръ уже кипѣлъ на столѣ, бутылки съ коньякомъ и съ ромомъ стояли на окнѣ откупоренныя. Анна Трофимовна и гости выбѣжали на крыльцо встрѣчать Аркадія Иваныча. Аркадій Иванычъ, начиная съ Анны Трофимовны, перепаловалъ всѣхъ и закричалъ, указывая на лекаря:

— Господѣ, а вѣдь мы сегодня непременно напоимъ нашего Эскулапа-то! Не правда ли? Мнѣ и самому, впрочемъ, что-то хочется сегодня пріударить!

— Анна Трофимовна, за дѣло! воскликнулъ одинъ изъ гостей.

И Анна Трофимовна съѣла къ столу и начала разливать пуншъ.

Потягивая пуншъ, чокаясь съ пріятелями, выпуская изъ рта густые клубы дыма, Аркадій Иванычъ забылъ и о маменькѣ, и о данномъ ей обѣщаніи, и о густыхъ эполетахъ, и обо всемъ на свѣтѣ.

За каждымъ новымъ стаканомъ, онъ обращался къ своимъ пріятелямъ и говорилъ:

— А что, каковъ пуншикъ-то, милостивые государи?.. Какова моя Аннушка-то? Мастерница на все. Вотъ, что называется, молодецъ-дѣвка! Я вѣдь за это и полюбилъ ее!...

Въ то время, какъ Аркадій Иванычъ наслаждался пуншемъ и похваливалъ Анютку, Елена Терентьевна прогуливалась въ своемъ саду съ барышнейю.

— Вы знаете, душенька, говорила Елена Терентьевна барышнѣ: — я сегодня имѣла формальное объясненіе съ Аркадіемъ Иванычемъ, и онъ мнѣ далъ честное слово осенію вступить въ службу.

— Дай Богъ, чтобъ это такъ было! (Барышня вздохнула.) Хоть бы что-нибудь онъ сдѣлалъ вамъ угодное!... Только наврядъ-ли, мнѣ кажется, онъ сдержитъ свое слово. Что-то это очень-сомнительно!

— А что такое? вскрикнула Елена Терентьевна: — развѣ есть еще что-нибудь новое?

— Новаго-то, родная, ничего нѣтъ, да и отъ стараго-то ему трудно будетъ отстать!.. Говорятъ, Анна Трофимовна...

— Полноте, милая, перебила Елена Терентьевна: — что за Анна Трофимовна! говорите просто Анютка... Ну, что такое, Анютка?...

— Да, видите ли, она такъ, говорятъ, приколдовала его къ себѣ, продолжала барышня: — что онъ безъ ея согласія формально-

такимъ ничего не дѣлаетъ... Захочетъ ли онъ разстаться съ нею? Развѣ что онъ съ собою ее возьметъ, — ну, это другое дѣло.

— Ахъ, если бѣ только я могла все это предвидѣть, произнесла Елена Терентьевна съ судорожнымъ движеніемъ: — я эту голубушку упрятала бы въ доброе мѣсто, въ такое, куда воронъ костей не заносилъ! — Ну, теперь нѣчего дѣлать; за нею еще, можетъ-быть, придется ухаживать... Чтò вы смѣтаете-то? я нешутя говорю.

Елена Терентьевна остановилась и точно очень-серьезно посмотрѣла на барышню.

— Да, нѣчего смѣяться, повторила она:—если эта бестія имѣетъ на него такое вліяніе, какъ вы говорите, то... вамъ бы, впрочемъ, это надобно было хорошенько все разузнать...

— Помилуйте, я все ужь формально разузнала, возразила барышня, нѣсколько обиженнымъ тономъ. — Не-уже-ли жь вы думаете, что я неспособна на это?

И барышня описала въ подробности жизнь Анны Трофимовны и доказала, какъ дважды-два четыре, что Анна Трофимовна держитъ въ рукахъ Аркадія Ивановича.

— Видите ли?.. Какъ-ни толкуйте, а намъ надобно будетъ какъ-нибудь на нее дѣйствовать; надобно будетъ сдѣлать такъ, чтобъ она, съ своей стороны, начала уговаривать его вступить въ службу... Понимаете?.. Если бѣ у меня была ее родня — ну, тогда бы я ее просто припугнула; тогда бы я заставила ее плакать по своей дудкѣ!.. а теперь... Чтò жь такое? Покорись ты тяжкой необходимости и Авютку, при случаѣ, приласкаешь — нѣчего дѣлать! хотя бы, признаюсь, вмѣсто ласки я бы гораздо-охотнѣе накормила ее оплеухами.

Последнія слова Елена Терентьевна произнесла не смотря на барышню и какъ-бы думая вслухъ, и потомъ пошла по дорожкѣ сада, погружаясь въ глубокое размышленіе.

— То-то, не важничай! подумала барышня, слѣдуя за нею: — не плюй, матушка, въ колодезь; придется водицы испить...

Но вдругъ, какъ-бы озаренная вдохновеніемъ, Елена Терентьевна снова остановилась.

— Знаете ли что, душенька? вскрикнула она.

— Чтò прикажете, родная? спросила барышня съ подобострастіемъ.

— Я думаю, это можно лучше устроить вотъ какъ: не сзывать ли вамъ самой къ Авюткѣ, чтобъ разузнать сначала ея мысли, и чтобъ потомъ настроить ее какъ-нибудь на то, чтобъ она, бестія, дѣйствовала на него, касательно службы-то, а? понимаете?... Я тутъ, разумеется, должна быть въ сторонѣ, — совершенно въ

сторонѣ. Ради Бога, вы обо мнѣ ни слова не упоминайте... мое имя не должно быть тутъ замѣшано; я не могу же, въ-самомъ-дѣлѣ, вступать въ сношеніе съ какой-нибудь Анюткой... Ужь я до этого не унижусь... а вы, такъ, какъ-будто просто, понимаете, заехали на ней отъ себя.. Вамъ это можно... Вы этимъ нисколько не зачараете себя...

Барышня, которой давно смертельно хотѣлось подѣ какими-нибудь предлогомъ побывать у Анны Трофимовны и напиться у ней кофе, съ восторгомъ приняла предложеніе своей благодѣтельницы и обѣщала въ точности исполнить ея порученіе.

— Я это беру на себя единственно для того только, говорила она: — чтобъ убѣднить васъ, наша голубушка; а не будь это для васъ, я ни за что бы не поѣхала въ гости къ холопкѣ!

— Пожалуйста же, вы все это, душенька, устройте умненько, повѣрила Елена Терентьевна барышнѣ: — и главное, чтобъ меня только не въѣшивать, чтобъ обо мнѣ и поминна не было!... А на слово, которое Арнадій Ивановичъ мнѣ далъ, я и не полагаюсь, нѣтъ! Онъ у меня, признаюсь, совсѣмъ изъ вѣры вышелъ... безпрестанно меня обманываетъ... Но меня еще одна мысль очень тревожить... Это, признаюсь, часто мнѣ приходитъ въ голову... Ну, какъ, сохрани Господи, онъ на ней жеится? что я тогда буду дѣлать, скажите?

— Ужь это было бы слишкомъ! нѣтъ, онъ не захочетъ быть вашимъ убійцею, повѣрьте.

— То-то, я то же думаю, а все для моего спокойствія, мнѣ бы хотѣлось, знаете, совершенно удалить ее отъ него. Объ этомъ еще мы когда-нибудь поговоримъ съ вами. Впрочемъ, и то сказать, видъ это, я думаю, онъ все шалитъ отъ праздности; а какъ займется службой, такъ и блажь изъ головы выйдетъ. Господи! когда-то у меня будетъ душа совсѣмъ спокойна? Дождусь ли, наконецъ, я этого дня? Охъ, дѣти, дѣти! дорого вы намъ стоите! Арнадій Ивановичъ у меня отнялъ полжизни, душенька: это я чувствую... Отъ-чего я такъ постарѣла-то?

— И, не смотря на все это, замѣтила барышня: — вы никакъ не постарѣли. Съ-тѣхъ-поръ, какъ я васъ знаю, вы вотъ ни на капельку не перемѣнились. Вы и теперь, ей-Богу, лучше многихъ молодыхъ, — это не я одна, это все говорить.

— Полноте, полноте, душенька! какъ можно это! воскликнула Елена Терентьевна, и на лицъ ея изобразилась пріятнѣйшая улыбка и она дружески потрепала по плечу барышню и прибавила самымъ нѣжнымъ голосомъ:

— Ахъ, вы, моя добрая!..

Барышня на другой же день послѣ этого разговора, съ утра

отправилась къ Аннѣ Трофимовнѣ и осталась совершенно-дово-
льна ею.

— Что ни говорите, дѣвушки, толковала барышня дѣвкамъ,
вечеромъ, по возвращеніи: — а у Аннушки предобрѣйшее сердце.
И такъ умѣетъ принять, обласкать, какъ-будто благородная какая,
какъ-будто въкъ своимъ домомъ жила!.. право! И манеры у ней
такія стали, что чудо! А ужь какъ она меня угощала, въ себя и
представить не можете. Ужь мы пили, пили кофе, ей-Богу,
стѣльно чашекъ выпили, что ужь я и счетъ потеряла, и въдѣ ка-
кой кофеи безнодобный, — цѣльный, безъ никорія!

Съ-этихъ-поръ, барышня довольно-часто начала посѣщать Анну
Трофимовну. И эти новѣдки барышни, къ величайшему удоволь-
ствію Елены Терентьевны, увѣщались полнымъ успѣхомъ, потому-
что Анна Трофимовна непременно обѣщала уговаривать Аркадія
Иваныча, чтобъ онъ поступилъ на службу. Анна Трофимовна на-
чала уже скучать въ уздномъ городѣ; говорила, что ей со-
всѣмъ житья нѣтъ отъ слѣтокъ и что она охотно бы поѣхала
съ Аркадіемъ Иванычемъ, чтобъ только избавиться отъ этихъ
проклятыхъ слѣтокъ.

Такимъ образомъ, Елена Терентьевна успокоилась и съ нетерпѣ-
ніемъ ожидала осени, чтобъ снова увидѣть своего Аркадія Ива-
ныча въ военномъ мундирѣ, который такъ шелъ къ нему. Вообра-
женіе ея снова радостно разыгралось: она представляла сына то
въ полковничьихъ, то въ генеральскихъ эполетахъ, то въ орденахъ,
то въ звѣздахъ и даже съ лентою черезъ плечо... И, при этой
мечтѣ, сердце ея билось, духъ замиралъ и слеза дрожала на
рѣсницѣ...

— Тогда бы, думала она: — ужь я бы задала тонъ всѣмъ
этимъ нашимъ барынямъ; тогда бы я... о! тогда бы я ихъ всѣхъ,
просто, въ грязь втоптала, и онъ бы у меня принудилъ лзычки,
голубушки!

Но, увы! судьба не угодно было осуществить высокія на-
дежды Елены Терентьевны. Эта судьба, въ которую такъ безгра-
нично, такъ слѣпо она вѣровала, жестоко подшучивала надъ нею,
привготавливая ей новый и вовсе-неожиданный ударъ.

Однажды (это случилось, кажется, въ половинѣ іюня), Аркадія
Иванычъ вскачалъ съ постели часу во второмъ послѣ полуночи,
потому-что его мучила бессонница, и раза три прошелся съ до-
садей по комнатѣ, придумывая, что бы ему такое предпринять.
Разныя мысли, одна другой соблазнительнѣе, толпились въ головѣ
его,—но ни одну изъ этихъ мыслей онъ почему-то не привелъ въ
исполненіе и рѣшился, просто, отравиться на охоту. Для этого,
онъ разбудилъ своего камердинера; камердинеръ перебудилъ всѣхъ

лакеевъ; лакеи перебудили, въ свою очередь, всѣхъ кучеровъ; а кучера охотниковъ. Поднялся страшный шумъ и гвалтъ во всемъ домѣ, на дворѣ и на конюшнѣ. Толпы лакеевъ начали соваться безъ толку изъ стороны въ сторону. Десять охотниковъ принялись чистить одно барское ружье, только мѣшая другъ другу; до пятнадцати кучеровъ и кучеренковъ засуетились около барскаго тарантаса—и только часа черезъ четыре кончились всѣ эти приготовления и сборы. Баринъ взялъ съ собою двухъ охотниковъ и, часу въ шестомъ въ исходѣ, изволилъ выѣхать изъ дома по дорогѣ къ деревнѣ Сычихѣ. Въ двухъ верстахъ за этой деревней, которая лежала на сѣверъ отъ села Кривухина, находились большія болота, въ которыхъ, по словамъ охотниковъ, дичь никогда не переводилась.

Часовъ до двухъ по полудни, охотники, по колѣна въ воду, проходили за дичью. Аркадiй Ивановичъ, называвшiй себя вторымъ охотникомъ въ губернии, подстрѣлилъ только одну дикую утку и то какъ-то печально, но патронташъ свой биткомъ набилъ дичью, настрѣлянною его слугами, и послѣ этого двѣ недѣли сразу кричалъ всѣмъ своимъ знакомымъ, что онъ вострѣлялъ столько дичи въ продолженiи трехъ часовъ, сколько другому и хорошему охотнику не удастся настрѣлять въ полтора года! Въ два часа, Аркадiй Ивановичъ, утомленный охотою, пожелалъ позавтракать и расположился для этого въ ближайшемъ лѣсу. Лѣсокъ этотъ находился неподалеку отъ дома владѣтеля, или, лучше сказать, владѣтельницы деревни Сычихи, потому-что владѣтель уже болѣе года передъ этимъ лежалъ разбитый параличомъ.

Аркадiй Ивановичъ покушалъ аппетитно, выпилъ почти цѣлую фляжку горькой водки и совсѣмъ-было уже началъ собираться домой, какъ вдругъ между кустовъ и деревьевъ мелькнуло что-то цвѣтное. — Э-ге! подумалъ онъ, да это не дурно! Сюда, кажется, канальство! залетѣла какая-то пташечка... ужь не субреточка ли это какая-нибудь изъ Сычихи? Накинувъ на бекрень фуражку и бросивъ ружье, онъ опростыю кинулся въ ту сторону, гдѣ мелькнуло это цвѣтное что-то...

И вдругъ... Аркадiй Ивановичъ остановился, замирая отъ удивленiя и восторга...

Въ четырехъ шагахъ отъ него, впрочемъ, задомъ къ нему, стояла дѣвушка въ коротенькомъ ситцевомъ платьѣцѣ, съ пунцовымъ платочкомъ на шеѣ, съ корзиной въ рукѣ. Она закричала, и этотъ голосъ показался Аркадiю Ивановичу необыкновенно-звучнымъ и гармоническимъ:

— Оеклуша! Оеклуша!.. гдѣ ты?—Ау!... ау!... Посмотри, Оеклуша, какой я грибъ нашла! берѣзовикъ!...

И незнакомка наклонилась, чтоб сорвать этот грибъ... Аркадій Иванычъ увидѣлъ ножку красивую, полную и стройную, ножку въ довольно тонкомъ и бѣломъ чулкѣ. У него пробѣжали мурашки по тѣлу. Ему ужасно захотѣлось посмотреть личико незнакомки... Онъ сдвинулся еще два шага впередъ, и сказалъ:

— А что, сударыня, вы много набрали грибовъ?

Незнакомка вздрогнула, оборотилась назадъ, взвизгнула, — мелькнула въ кустахъ и исчезла въ одно мгновеніе ока... Только долго еще потомъ раздавался по лѣсу крикъ испуганной незнакомки:

— Оеклуша! Оеклуша!...

Наконецъ, все смолало. Аркадій Иванычъ съ досадою топнулъ о землю ногою и проворчалъ сквозь зубы:

— Не будь я въ этихъ проклятыхъ сапожищахъ, она бы не увернулась отъ меня!.. Да кто бы это такая, однако?

Одинъ изъ охотниковъ, стоявшій сзади Аркадія Иваныча и слышавшій этотъ вопросъ, отвѣчалъ:

— Да это, сударь, знаете кто? — Это, кажется, сама сычихинская барышня.

— Не-уже-ли? вскрикнулъ Аркадій Иванычъ.

— Точно что такъ-съ. Вишь какъ, бедняжка, она васъ испугалась, и грибы-то свои все разронила... А грибки-то славные!.. Ай да барышня!.. спасибо ей!.. Намъ на обѣдъ пригодится...

— Такъ она ужъ такъ выросла? (Аркадій Иванычъ вспомнилъ, что онъ нѣсколько разъ видѣлъ ее маленькую и даже разъ какъ-то игралъ съ нею въ дѣтствѣ)... И вѣдь, кажется, она прехорошенькая?

— Нешто, сударь, отвѣчалъ охотникъ: — только ужъ, кажись, сухопаровата больно...

— А ножки-то!... какія у нея ножки! Гм! — Покорно прошу!

И Аркадій Иванычъ, возвращаясь съ охоты, и потомъ уже сѣдя дома, все мечталъ о ножкахъ сычихинской барышни.

ЭЛЕГИЯ.

Когда мои мечты за гранью прошлыхъ дней
Найдутъ тебя опять за дымякою туманной,
Я плачу сладостно, какъ первый Иудей
На рубежѣ земли обѣтованной.
Но жаль мнѣ дѣтскихъ игръ, не жаль мнѣ такихъ сновъ,
Тобой такъ сладостно и больно возмущенныхъ
Въ тѣ дни, какъ постигалъ я первую любовь
По бунту чувствъ неугомонныхъ,
По сжатію руки, по отблеску очей,
Сопровождаемыхъ то восторгомъ, то смѣхомъ,
По восторгающей гармоніи рѣчей
Съ серебряными и вѣчными эхомъ...

А. ФЕТЪ.

Весеннее небо глядитъ
Сквозь вѣтви мнѣ въ очи случайно,
И тѣнь золотая ложится
На воды блестящаго Майна.

Вдали огонекъ одинокой
Трепещетъ подь сумракомъ липокъ;
Исполнена тайны жестокой
Душа замирающихъ скрипокъ.

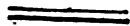
Средь шума толпы неизвѣстной
Тѣ звуки понятнѣй мнѣ вдвое,
Напомнили силой чудесной
Они мнѣ все сердцу родное.

Ожившая память несется
Къ прошедшей тоскѣ и веселью;
То сердце замретъ, то просветлится
За каждой безушной трелью.

Но быстро волшебной чредою
Промчалась тоскливая тайна,
И мѣсяцъ бѣжитъ полесомъ
Вдоль волъ тихоструйнаго Майна.

Франкфуртъ-на-Майнѣ.

А. ФЕТЪ.

ВОТЧИМЪ.

Романъ Шарля Бернара.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

1.

Обѣдъ въ Рошѣ-де-Канкаль.

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, въ началѣ іюня, одна изъ комнатъ у знаменитѣйшаго ресторатора улицы Монтаргэль была театромъ сцены, довольно-обыкновенной въ такомъ мѣстѣ, но достойной разсказа, потому-что она служила естественнымъ прологомъ къ происшествіямъ, описаннымъ въ этой повѣсти. Посреди комнаты, полустоловой и полусалона, былъ накрытъ столъ; четыре прибора, симметрически-расположенные, ожидали четырехъ собесѣдниковъ. Полдюжины рюмокъ различной величины, окружая каждую тарелку, намекали на гостепріимныя намѣренія амфитріона, существа всегда интереснаго въ часъ обѣда; его легко было узнать въ человѣкѣ лѣтъ шестидесяти, покойно-усѣвшемся на диванъ и изучавшемъ карту со вниманіемъ истиннаго гастронома.

Этотъ человѣкъ, еще свѣжій, получалъ въ даръ отъ природы первый очеркъ роскошной полноты и умѣлъ докончить его искусствомъ хорошо поѣсть; на румяномъ лицѣ его дышала безпечность эгоиста; черты его нельзя было назвать незначительными, но въ нихъ не доставало важности, спутницы преклонныхъ лѣтъ. Въ физиономіи его было что-то повелительное; видно было, что онъ привыкъ командовать; это подтверждали и красная ленточка въ петлицѣ фрака, и рубецъ на правой щекѣ. По военной ли привычкѣ, или изъ желанія уменьшить права времени, волосы его, совершенно-сѣдые, были острижены очень-коротко; темная помада, слишкомъ-замѣтно молодившая усы его, говорила въ пользу второго

предположенія. Зеленый фракъ съ золотыми пуговицами и округленными спереди полами, широкіе клѣтчатые панталоны, свѣтлый жилетъ и галстухъ съ тысячею бѣлыхъ и розовыхъ полосокъ, — вотъ костюмъ его, въ которомъ подпоручикъ въ отпуску и студентъ гуляющій на вакансіи признали бы весеннюю свѣжесть и вольную непринужденность.

Передъ этимъ свѣжимъ старикомъ стоялъ, въ самомъ внимательномъ положеніи, человекъ съ покорнымъ выраженіемъ лица, одѣтый съ ногъ до головы въ черное, отлично вычищенный, выбритый и завитой; полуразвернутая салфетка на лѣвой рукѣ достаточно обозначала въ немъ одного изъ служителей этого храма вкуса и порядковъ.

Въ нѣсколькихъ шагахъ, облокотясь на единственное окно комнаты, стоялъ молодой человекъ, одѣтый съ изящною простотою; лицо его было серьезно и выразительно; онъ, казалось, вовсе не слушалъ важнаго разговора, завязавшагося между другими двумя лицами. Потому ли, что онъ не могъ найти ничего занимательнаго въ гастрономическихъ подробностяхъ, или потому, что вниманіе его было отвлечено чѣмъ-то на улицѣ, — только онъ смотрѣлъ въ окно и уже больше четверти часа ни разу не оглянулся.

— Что ты мнѣ толкуешь тамъ о шаблі и устрицахъ? сказалъ старикъ сердитымъ голосомъ, продолжая начатое разсужденіе. — Ты, кажется, считаешь насъ за портныхъ?

— Я сказалъ-съ: лучшее шаблі, отвѣчалъ слуга подобострастнымъ голосомъ.

— Лучшее или нелучшее, не все ли равно? Шаблі годно только для бургонскихъ желудковъ; а я изъ Бордо. Да почему не Теофиль мнѣ прислуживаетъ?

— Теофиль вышелъ изъ заведенія.

— Тѣмъ хуже; онъ малой понятливый, и я къ нему привыкъ; а тебя я вижу здѣсь въ первый разъ. Ты меня знаешь?

— Кто здѣсь не знаетъ его превосходительства генерала Рокфёля, отвѣчалъ слуга, пріятно улыбаясь.

— Въ такомъ случаѣ, продолжалъ генералъ, не измѣняя сердитаго тона: — ты долженъ знать... Какъ тебя зовутъ?

— Фредерикъ, ваше превосходительство.

— Ты долженъ знать, что при устрицахъ я пью только юганисбергъ.

Слуга поклонился въ знакъ почтительнаго согласія, вышелъ изъ комнаты и тотчасъ же принесъ четыре рюмки изумруднаго цвѣта, которыхъ странная форма напоминала собою двойную чашку песочныхъ часовъ; разставивъ ихъ на столъ, онъ принялъ свое прежнее положеніе передъ амфитріономъ.

— Кстати объ устрицахъ, сказалъ генералъ: — странно, что въ такомъ заведеніи, какъ ваше, въ началѣ іюня нѣтъ ни ост-индскихъ, ни маренскихъ устрицъ. Ужъ если называть Рошѣ-де-Канкаль, такъ надо, чтобъ во всякое время года были...

— Канкальскія устрицы, прервалъ Фредерикъ съ лукавою улыбкой.—Онѣ и есть.

Генералъ бросилъ на него взглядъ, способный отнять у слуги всякую охоту къ подобнымъ вольностямъ, и продолжалъ говорить, упирая на каждый предметъ заказа отдѣльно, чтобъ дать почувствовать, какъ все это важно.

— Я заказалъ два супа: одинъ à la Colbert, съ яйцами въ мѣшечкѣ, другой съ рисомъ à la Turquie. Лишь-бы яйца и зелень были свѣжи, первый будетъ хорошъ. Что касается до риса, не забудь, что его надо подварить только слегка. Рисъ à la Turquie, сваренный какъ должно, долженъ звенѣть, когда его сыплешь на тарелку. Позаботься, чтобъ не пожалѣли шафрана.

— Слушаю, ваше превосходительство.

— Шафранъ имѣетъ два качества, которыя, въ кухнѣ, поддерживаютъ другъ друга: вкусъ и цвѣтъ. А главное, и это важнѣе всего,—чтобъ рисъ звенѣлъ.

— Слушаю, ваше превосходительство.

Окончивъ отдѣлъ суповъ, Рокфѣль съ тѣмъ же глубокимъ вниманіемъ разсмотрѣлъ и остальные десять или двѣнадцать блюдъ, означенныхъ на картѣ; онъ входилъ въ мельчайшія подробности съ важностью человека, который убѣжденъ, что неопровержимо доказываетъ превосходство ума своего, глядя на хорошій обѣдъ, какъ на важнѣйшее дѣло въ жизни человѣческой. Отдавъ самыя подробныя приказанія, какъ подавать обѣдъ, приказанія ученыя и утонченныя, такъ-что и самъ покойный Каремъ съ трудомъ могъ бы открыть въ нихъ какую-нибудь ересь, онъ опять заговорилъ о винахъ — предметѣ, по его мнѣнію, не менѣе прочихъ существенномъ и занимательномъ,

— Когда будешь отдавать записку буфетчику, скажи ему мое имя; этого будетъ довольно: онъ уже знаетъ, что и какъ мнѣ нужно. Я сказалъ—къ устрицамъ подать іоганнисбергъ; послѣ супа мадеру за желтой печатью; бордо подогрѣть только слегка; послѣдній разъ, какъ я здѣсь обѣдалъ, его подали двумя градусами теплѣе настоящаго, и если пить холодное бордо—невѣжество, то еще глупѣе подавать его теплымъ, какъ нуншъ. Шампанское, напротивъ того, чѣмъ холоднѣе, тѣмъ лучше, и это легко понять: чѣмъ сильнѣе прихвачены морозомъ водянистыя части, тѣмъ тонше и вкуснѣе становится ароматъ спиртуозныхъ частей. Кажется, я ничего не забылъ?

— Во всякомъ случаѣ, ваше превосходительство, извольте только позвонить, сказалъ слуга, показывая видъ, что намѣренъ удалиться.

— Хорошо! Смотри, чтобъ все было исполнено, и подавай, какъ только пріѣдутъ эти господа.

Фредерикъ вышелъ. Только-что онъ заперъ дверь, Рокфѣль обратился къ молодому человѣку, неотходившему отъ окна въ продолженіи всего этого разговора.

— Анри, произнесъ онъ отрывисто.

Тотъ все-таки былъ неподвиженъ.

— Лобнець! повторилъ генераль, возвышая голосъ.

Лобнець былъ по-прежнему глухъ и на этотъ разъ.

— Графъ Анри де-Лобнець! воскликнулъ старикъ громкимъ басомъ, привыкшимъ двигать цѣлою кавалерійскою дивизіею, какъ однимъ человѣкомъ.

Анри де-Лобнець вздрогнулъ при этихъ звукахъ, способныхъ, кажется, разбудить и мертваго.

— Дядюшка! сказалъ онъ, быстро оборотясь.

— Какое счастье, чортъ возьми, что ты наконецъ удостоиваешь меня отвѣтомъ! замѣтилъ генераль своимъ обыкновеннымъ угрюмымъ голосомъ.

— Извините, дядюшка, я не слышалъ.

— Я ужъ въ третій разъ зову тебя.

— Улычвый шумъ...

— Да что же тамъ занимательнаго? спросилъ генераль, видя, что взоры племянника опять обратились къ окну.

— Ничего, что было бы достойно вашего вниманія; я смотрѣлъ на женщину...

— А по какому праву предполагаешь ты, что женщина недостойна моего вниманія? прервалъ его Рокфѣль. — Не считаешь ли ты меня инвалидомъ; потому-что военному министру угодно было перевести меня въ резервъ? Гдѣ эта женщина?

Старый гастрономъ подошелъ къ окну съ быстротою, которая писателю старой школы внушила бы какой-нибудь остроумный мадригалъ на счетъ согласія, въ какомъ жили, по сказанію классиковъ, Бахусъ и Венера.

— Гдѣ эта женщина? повторилъ онъ, устремивъ любопытный взглядъ на толпу, двигавшуюся вдоль улицы съ шумомъ и тревогою, обыкновенными въ многолюдномъ кварталѣ.

— Вотъ, отвѣчалъ Лобнець, указывая на троттуаръ при поворотѣ въ улицу Мандарь.

Генераль взглянулъ на указанное мѣсто. Увидя женщину лѣтъ пятидесяти, одѣтую меньше чѣмъ скромно, съ лицомъ, замѣча-

тѣлымъ только по выраженію страданія и скорби, онъ оборотился къ племяннику съ видомъ недоумѣнія.

— Ты смѣешься надо мною? спросилъ онъ грубо.

— Вы знаете, дядюшка, что я не позволю себѣ такой вольности.

— А я ея не стерплю. Однакожь, это похоже на мистификацію.

— Да чѣмъ же?

— Не думаешь ли ты увѣрить меня, что эта фигура въ родѣ похоронной плакальщицы привлекаетъ твое вниманіе цѣлые полчаса?

— Да; клянусь вамъ.

— Я думалъ, что ты слѣдишь за какимъ-нибудь хорошенькимъ личикомъ, и простилъ бы тебѣ эту небольшую разсѣянность даже и теперь, наканунѣ твоей свадьбы, — потому-что твоя нареченная безспорно не Венера; но, кой чортъ! что ты находишь занимательнаго въ этой старухѣ?

— Горе, страданіе, наконецъ несчастіе, такъ глубоко врѣзанное въ этихъ чертахъ.

— Что за вздоръ! Если начать разсматривать всѣхъ, кто съ-виду несчастливъ, на это не станеть и цѣлой жизни, сказалъ Рокфѣль беззаботнымъ голосомъ, рѣзко отличавшимся отъ сострадательнаго тона племянника.

Въ это время, наемная карета остановилась у подъезда подь самымъ окномъ, гдѣ стояли разговаривавшіе.

— Это, можетъ-быть, господа Фальконэ, сказалъ Анри такимъ голосомъ, по которому можно было заключить, что пріѣздъ ожидаемыхъ собесѣдниковъ былъ для него не слишкомъ-пріятенъ.

— Фальконэ въ наемной каретѣ! отвѣчалъ, смѣясь, старый генералъ:—видно, что ты его не знаешь; онъ пріѣдетъ въ ситадинъ, если опоздаетъ въ омнибусъ.

Дядя и племянникъ не одни были заняты въ эту минуту разсматриваніемъ наемной кареты; замѣтивъ, что карета остановилась; женщина, о которой мы уже говорили, подошла къ дверямъ ресторана въ какомъ-то странномъ, тревожномъ движеніи. Дверцы отворились. Четверо молодыхъ людей, расположившихся хорошо пообѣдать, легко выпрыгнули на троттуаръ и вошли въ Рошѣ-де-Канкаль, не обращая ни малѣйшаго вниманія на бѣдную женщину. Вздохнувъ уныло, она возвратилась на мѣсто, съ котораго наблюдала уже болѣе часа.

— Вотъ уже въ пятый разъ съ-тѣхъ-поръ, какъ я стою у окна, повторяетъ она это движеніе, проговорилъ машинально Лобпенъ.

— Кто? спросилъ генералъ.

— Женщина, о которой мы только-что говорили.

— Ну, къ чорту! ты все еще ею занимаешься?

— Въ поведеніи ея есть что-то таинственное, и это меня интересуетъ противъ моей воли.

— Такъ ты можешь интересоваться старыми женщинами? сказанъ съ насмѣшливымъ хохотомъ шестидесятилѣтній юноша. — Я знаю, ваша нынѣшняя литература старается ввести ихъ въ моду; но если бѣ мнѣ пришлось начинать свое поприще съ начала, чортъ меня возьми, если бѣ я примкнулъ къ ихъ знаменамъ. Да здравствуетъ молодость! Надѣюсь, что и въ восемьдесятъ лѣтъ это будетъ моимъ девизомъ.

— Во всякомъ возрастѣ женщина можетъ быть несчастною; несчастіе не имѣетъ ли права на наше состраданіе?

— Въ восемнадцать лѣтъ, съ прекрасными зубами, свѣжимъ румянцемъ и тальею нимфы, она имѣетъ право и на кое-что лучше, продолжалъ смѣясь старый любезникъ.

— Если все эти качества необходимы, чтобъ пробудить въ васъ чувствительность, отвѣчалъ Лобпенъ съ невольною легкою ироніею:—я понимаю, что васъ мало тронуть страданія, доставшіяся, по-видимому, въ удѣлъ этой женщины. Она, вѣроятно, никогда не была хороша собою, одѣта бѣдно...

— Стара, — и это слово увольняетъ насъ отъ всѣхъ прочихъ толкованій, замѣтилъ отрывисто генералъ. — Восемнадцать минутъ седьмого, продолжалъ онъ, глядя на часы:—эти Фальконэ смѣются надо мною; это мѣщанство воображаетъ, что важнѣе заставить ждать себя.

— Еслибъ они вовсе не явились! воскликнулъ молодой человекъ чистосердечно, т. е. необдуманно.

— А! а! вѣтеръ все еще съ этой стороны? сказалъ Рокфѣль. Вижу, проповѣди твоей маменьки обратили тебя только вполнину; пора и мнѣ прибавить словечко. Начнемъ! закрой окно; отъ уличнаго шума у меня трещитъ голова, да притомъ у твоей плачевной геронни лицо, способное лишить аппетита самый голодный желудокъ.

Лобпенъ повиновался и по указанію дяди взялъ стулъ; генералъ, какъ человекъ, любящій покой, или привыкшій первенствовать въ мелочахъ, сѣлъ опять на диванъ.

— Сколько тебѣ лѣтъ? спросилъ генералъ. (Онъ председательствовалъ во многихъ военныхъ совѣтахъ, и охотно употреблялъ въ разговорахъ вопросительную форму).

— Двадцать-семь, отвѣчалъ Анри, невольно улыбаясь наполеоновскому тону дяди.

— Состояніе твое? продолжалъ генералъ, удвоивая лаковъ.

— Пять-тысячъ ливровъ въ годъ; это оставилъ мнѣ отецъ.

— Благодаря эмиграцію; безъ этой нелѣпости ты былъ бы теперь

миллионеромъ. Ты забываешь около двухъ-сотъ тысячъ франковъ, которые рано или поздно достанутся тебѣ отъ матери.

— Я желаю, чтобъ они никогда мнѣ не достались.

— Желаніе добраго сына; но останемся въ области вѣроятностей. Пять тысячъ ливровъ настоящаго дохода, и еще тысячь шесть, семь со-временемъ — вотъ все твое состояніе, потому-что, если ты считаешь на меня, я долженъ предвартить тебя, что ты ошибешься въ расчетъ.

— Дядюшка...

— Не мѣшай мнѣ; я очень радъ, что имѣю случай поговорить съ тобою объ этомъ откровенно. Кому извѣстно состояніе твоей матери, тому извѣстно почти и мое, потому-что мы съ нею братъ и сестра. Съ-тѣхъ-поръ, какъ король указомъ своимъ доказалъ, что считаетъ меня человекомъ почтеннымъ, могущимъ фигурировать во второмъ отдѣленіи штаба, жалованья моего, вмѣстѣ съ моими доходами, не достаеетъ на мои издержки. Я десять лѣтъ велъ жизнь инспектора кавалеріи и привыкъ жить хорошо. Хорошіи столъ, лошади, нѣсколько слугъ сдѣлались для меня предметами первой необходимости; и такъ, я не скрою, что намѣренъ, для пополненія недостатка въ моемъ бюджетѣ, отдать капиталъ свой, тотчасъ послѣ свадьбы, на проценты—въ безвозвратной заемъ.

— Вы властны распорядиться имъ, какъ угодно, отвѣчалъ Анри, который нисколько этому не удивлялся, зная слишкомъ-хорошо эгоизмъ своего дяди.

— Я только изъ дружбы къ тебѣ еще не исполнилъ этого намѣренія, продолжалъ генералъ тономъ человека, сознающаго, что онъ имѣетъ право на похвалы:—объявить торжественно, что тебѣ не достанется ни копейки послѣ моей смерти, значило бы уменьшить твою супружескую цѣнность, и я сыгралъ бы въ такомъ случаѣ съ тобою дурную шутку. Кромѣ того, отдавая капиталъ нѣсколькими годами позже, я получу большіе проценты, а это не бездѣлица.

— Вижу, дядюшка, что вы обсудили этотъ вопросъ со всѣхъ сторонъ.

— У меня ужъ такая привычка, отвѣчалъ Рокфѣль, какъ-будто не замѣчая ироническаго тона племянника.—Хоть этотъ простакъ Фальконѣ такъ же тщеславенъ, какъ и скупъ, и хоть ему больше всего хочется сдѣлать изъ своей дочки графиню Лобненъ, безвозвратный заемъ могъ бы охладить его въ-отношеніи къ тебѣ, и я, разумѣется, поостерегся проронить объ этомъ словечно. Но тебѣ я предъ-редилъ.

— Понимаю, любовный дядюшка, отвѣчалъ Лобненъ, кланаясь съ двусмысленною почтительностью.— Я былъ бы въ отчаяніи,

еслибъ вы изъ любви ко мнѣ лишили себя хоть одного блюда за столомъ.

— Насчетъ этого будь спокоенъ; кстати объ обѣдѣ; теперь бы ужь чертовски пора за столъ, продолжалъ генералъ, опять взглянувъ на часы.—Половина седьмого, а ихъ нѣтъ! Что это значить?

— Еслибъ это значило, что Фальконэ столько же заботится объ этомъ бракѣ, сколько я его желаю, я пожалъ бы ему руку отъ всего сердца.

— Разрѣшимъ этотъ вопросъ, пока мы еще одни, сказалъ Рокфѣль, нахмуривъ брови. — Что можешь ты сказать противъ такого брака?

— Мамзель Фальконэ дурна собою.

— Я сейчасъ докажу тебѣ, что это достоинство. Что еще?

— Она глупа.

— Другая заслуга; я сейчасъ тебѣ это объясню. Что еще?

— Все въ ней доказываетъ холодный, лимфатическій темпераментъ, совершенную безчувственность.

— Третья добродѣтель, еще болѣе драгоценная. Что еще?

— Эта женщина неспособна испытать страстное чувство; у ней вовсе нѣтъ сердца.

— Бѣдняжка Анри! сказалъ генералъ съ улыбкою состраданія: — что касается до женщинъ, я вижу, что тебя надо перевоспитать совершенно-вновь. Конечно, это меня мало удивляетъ: кто могъ дать тебѣ здравыя и вѣрныя понятія объ этомъ тонкомъ предметѣ? Конечно, ужь не твоя богомольная маменька. Къ-счастію, я еще могу просвѣтить твое невѣжество. Сперва сдѣлаемъ существенное различіе. Если бѣ дѣло шло о выборѣ любовницы, твои доводы были бы справедливы; но дѣло идетъ о женитьбѣ, и потому ясно, что ты несешь вздоръ.

— Но, дядюшка, мнѣ хотѣлось бы любить жену, по-крайней-мѣрѣ такъ же, какъ любовницу.

— Нелѣпость, говорю я тебѣ. — Женщина прекрасная, умная, страстная, словомъ такая, о какой ты мечтаешь, есть жесточайшій бичъ, какой только можетъ поразить мужа. Красота ея привлекаетъ любовниковъ, умъ пленяетъ ихъ, страсть принимаетъ ихъ. Какую же роль приходится разыгрывать среди всего этого жалкому лицу отвѣтственнаго издателя? Для законной супруги давайте мнѣ добродѣтельнаго уroda, апатическаго и здороваго, на-примѣръ, Фелиситѣ Фальконэ. Будь она вполонину не такъ богата, все-таки это прекрасная партія. Ты склоненъ къ ревности, а съ такою женою можешь спать спокойно. Развѣ это ничего не значить?

— Это много значить, безъ сомнѣнія; однакоже, я охотнѣе

согласился бы испытать нѣсколько безпокойства, даже рискнуть кое-чѣмъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ и любить ее.

— Люби ее; кто жь тебя мѣшаетъ?

— Чувствую, что это для меня невозможно.

— Такъ не люби; кто же тебя принуждаетъ?

— До-сихъ-поръ я не испыталъ серьёзной страсти, важно произнесъ Лобнень: — но чувствую, что она готова вспыхнуть при первой искрѣ. Могу ли я тогда, не кривя душою, жениться на женщинѣ, которой не люблю? Не значить ли это добровольно забыть свою обязанность, измѣнить клятвѣ?

— Другъ любезный! Ты смотришь на бракъ слишкомъ-трагически, отвѣчалъ Рокфѣль съ худо-скрытою насмѣшливостью: — оставимъ великолѣпныя фразы и поговоримъ просто. Каждый день женятся не любя; но изъ этого не слѣдуетъ, что должно живому похоронить себя въ семейной жизни...

Въ ту самую минуту, когда генераль, котораго молодость цвѣла при директоріи, началъ развивать мало-душеспасительную тему о различныхъ внѣ-семейныхъ удовольствіяхъ, которымъ можетъ, по его мнѣнію, предаваться всякій, у кого жена дурна собою, — онъ былъ прерванъ шумомъ отворившейся двери.

— Тс! сказалъ онъ, бросая на племянника значительный взглядъ: — вотъ наши гости.

Старикъ всталъ, чтобъ идти имъ на встрѣчу; но, вмѣсто господина Фальконэ, котораго онъ ожидалъ, вошелъ слуга, съ которымъ генераль имѣлъ совѣщаніе, рассказанное въ началѣ этой главы.

— Чтò тебя надо? Я не звонилъ, сказалъ онъ сердитѣе обыкновеннаго.

— Ваше превосходительство, отвѣчалъ Фредерикъ: — тамъ пришла дама...

— Молодая? хорошенькая?

— Нѣтъ, ваше превосходительство.

— Такъ пусть убирается...

Любезность, которая, съ согласія всѣхъ народовъ, слыветъ характеристическою принадлежностью французскихъ вонновъ, не допустила генерала до слишкомъ-энергическаго окончанія фразы.

— Да чего она отъ меня хочетъ, эта барыня? продолжалъ онъ, удерживаясь отъ досады на эту недомолвку.

— Извините, ваше превосходительство! Я сказалъ—дама, а можетъ-быть надо было сказать просто—женщина. Она въ чепчикъ.

— Въ чепчикъ или въ шляпкѣ, да чтò ей надо?

— Господина Фальконэ.

— А! а! Ну?

— Ей отвѣчали, что такого господина не знаютъ; а она говорить:—я навѣрное знаю, что онъ обѣдаетъ сегодня съ генераломъ Рокфёлемъ; начала-было увѣрять, даже, что онъ уже здѣсь. Ее ничѣмъ не вразумишь; и она непременно хочетъ войти. Я пришелъ доложить объ этомъ вашему превосходительству: прикажете впустить ее?

— Въ минуту обѣда! Есть люди ужасно нахальные. Хоть бы, по-крайней-мѣрѣ, была молоденькая и хорошенькая. А ты скажешь, кажется, что нѣтъ?

— Я увѣренъ, что ваше превосходительство сами согласитесь съ этимъ, отвѣчалъ слуга съ лукавою улыбкой, неудавшейся ему въ первый разъ.

— Надо покориться судьбѣ; впусти эту женщину.

Фредерикъ вышелъ.

— Въ нашихъ обстоятельствахъ, сказалъ тогда Рокфэль: — невозможно оставить за дверями особу, которая знаетъ, по-видимому, господина Фальконэ. Однако, мнѣ пришло въ голову, — эта старуха, какъ говорить слуга, не мать ли или не тетка ли какой-нибудь изъ твоихъ жертвъ, и не пришла ли она выпаранать тебѣ глаза въ присутствіи будущаго тестя? Это было бы не очень-весело; впрочемъ, макануть свадьбу, молодой человекъ всегда долженъ ожидать маленькихъ неприятностей въ этомъ родѣ.

— Успокойтесь, дядюшка, отвѣчалъ, улыбаясь, Лобцовъ: — мнѣ нѣчего бояться за свои глаза; у меня еще нѣтъ жертвъ.

— Тѣмъ хуже для тебя; я въ твои лѣта считалъ ихъ дюжинами.

Въ это время, дверь отворилась. Генералъ и племянникъ его съ удивленіемъ увидѣли на порогѣ ту самую женщину съ мрачнымъ, печальнымъ лицомъ, которая обратила на себя ихъ вниманіе за нѣсколько минутъ предъ-тѣмъ.

II.

Гостя не въ пору.

По обычаю людей, не въ мѣру занятыхъ матеріальными наслажденіями, Рокфэль наблюдалъ величайшую точность въ своихъ обѣдахъ. Свѣтъ за столъ четвертью часа позже — этого было уже достаточно, чтобъ удвоить въ немъ его обыкновенную раздражительность. Въ настоящемъ случаѣ, дурное расположеніе духа, причиною котораго была неаккуратность гостей, удвоилось, когда въ

женщинъ, явившейся у входа въ комнату, онъ увидѣлъ ту самую печальную и страдающую физиономію, которую указывалъ ему въ окно племянникъ.

— Чортъ побери подобныя закуски! проговорилъ онъ сквозь зубы. — Я не знаю ничего неудобоваримѣ этихъ высохшихъ фигуръ, которыхъ каждый взглядъ точно упрекаетъ васъ въ аппетитъ. Право, мнѣ кажется, я теряю его. Порядочный человѣкъ долженъ быть учтивъ съ прекраснымъ поломъ, какъ его называютъ, справедливо ли нѣтъ ли, — а не то я спросилъ бы по-лынной настойки.

Женщина, которой видъ уже заранѣе разстроивалъ пищевареніе генерала, была, правда, лишена всего, что могло бы доставить ей хорошій пріемъ въ общество, собравшемся беззаботно насладиться тѣмъ изъ удовольствій жизни, котораго приверженцы составляютъ не самое меньшее число. Худая и слабая съ виду, согбенная, медленно движущаяся, съ безцвѣтнымъ лицомъ, стекляннымъ взоромъ, съ ранними морщинами на лбу, омраченномъ постоянною заботою, — она походила не столько на живое существо, сколько на мертвую, оставившую на минуту гробъ свой; чепчикъ, оскорбившій аристократическія предубѣжденія трактирнаго слуги, съ монастырскою строгостью облегалъ волоса, убѣленные горемъ больше, нежели годами. Шерстяная, полуизношенная шаль и платье темнаго цвѣта довершали костюмъ ея; несмотря на его малоцѣнность, въ немъ проглядывало какое-то достоинство, занятое, такъ-сказать, у благородства духа; несчастіе облагораживаетъ человека, — жалкая награда, которою оно иногда возвышаетъ своихъ жертвы.

Входя въ комнату, женщина, которой портретъ мы очертили, оглянула ее быстрымъ, пронизательнымъ и такъ-сказать заблудившимся взоромъ. Замѣтивъ, вмѣсто того, кого ожидала найдти здѣсь, только Рокфѣля и его племянника, она остановилась и лихорадочное безпокойство лица ея перешло въ выраженіе робости и замѣшательства. Генералъ замѣтилъ эту внезапную перемену и почувствовалъ, что бурная досада его переходитъ въ болѣе-человѣческое чувство.

— Мнѣ сказали, сударыня, произнесъ онъ почти учтиво: — что вы спрашиваете г. Фальконэ; онъ еще не пріѣзжалъ, но я жду его; если вы будете имѣть терпѣніе тоже обождать...

— Извините за нескромность, отвѣчала невѣстная слабымъ голосомъ. — Я дѣйствительно думала найдти здѣсь того, о комъ вы говорите, но такъ-какъ его еще нѣтъ, такъ я подожду внизу.

— На улицѣ, не такъ ли? гдѣ ждали до-сихъ-поръ? спросилъ старикъ съ своею привычною суровостью. — Здѣсь вамъ будетъ лучше.

— Но я боюсь...

— Обезпokoить насъ? Полно-те? войдите и садитесь.

Незнакомка осталась неподвижною на порогѣ.

— Войдите же и затворите двери, повторилъ генералъ:— развѣ вы не видите, что оставляете насъ на сквозномъ вѣтрѣ?

— Окно закрыто, дядюшка, сказалъ Анри, надѣясь этимъ замѣчаніемъ усмирить явное нетерпѣніе старика.

— Въмѣсто того, чтобъ говорить «черно», когда я говорю «бѣло», придвинь лучше стулъ; эта женщина, кажется, больна.

Незнакомка, лишившись, по-видимому, языка, блѣдная какъ смерть, стояла прислонясь къ наличнику двери.

— Чортъ меня возьми, ей дурно! воскликнулъ Рокфѣль, замѣтивъ, что она шатается.

Но Лобпенъ уже бросился къ блѣдной женщинѣ; онъ подержалъ ее въ ту самую минуту, когда она готова была упасть и довелъ ее почти бездыханную до дивана, гдѣ и посадилъ. Генералъ, съ своей стороны, позвонилъ такъ энергически, что снурокъ остался у него въ рукѣ.

— Стаканъ аликанте! загремѣлъ онъ громовымъ голосомъ двумъ или тремъ слугамъ, вбѣжавшимъ на оглушительный звонъ.

Слуги выбѣжали такъ же поспѣшно, какъ и вбѣжали.

— И крѣпкаго бульйона! закричалъ Рокфѣль, выбѣжавъ за ними въ корридоръ.

Между-тѣмъ, какъ другіе сибѣшили исполнить его приказанія, Анри нашелъ стаканъ воды и поднесъ его къ губамъ женщины, лишившейся чувствъ.

— Удивительное лекарство для полумертвой отъ голода! замѣтилъ генералъ, пожимая плечами.

— Повѣрьте, что здѣсь столько же нравственнаго страданія, сколько и физической слабости, отвѣчалъ молодой человѣкъ, во всѣхъ вещахъ видѣвшій сперва ихъ поэтическую сторону.

— Нравственное страданіе есть голодъ, произнесъ старикъ рѣшительно: — ты не знаешь этой болѣзни, но я испыталъ ее...

— Вы, дядюшка? прервалъ его Лобпенъ, невольно взглянувъ на колоссальную толщину генерала.

— Въ Россіи; но теперь дѣло не о московской ретирадѣ. Эта женщина дѣйствительно какъ-будто не вѣла цѣлюю медвѣлю. А! Вотъ она очнулась. Ну, какъ вы себя чувствуете?

Незнакомка, открывъ глаза, сжала губы, но не могла произнести ни слова; приложивъ одну руку къ сердцу, какъ-будто усиливаясь задавить въ немъ острую боль, другою она старалась взять стаканъ изъ рукъ Лобпена.

— Не пейте воды, сказалъ поспѣшно Рокфѣль, замѣтивъ это

движеніе: — что бы тамъ ни говорили гидропаты, а для желудка это ни къ чорту не годится.

Съ этими словами, старикъ откупорилъ бутылку аликанте, принесенную слугою, и налилъ въ стаканъ вина вровень съ краями.

— Благодарю васъ, сказала незнакомка едва-слышнымъ голосомъ, отклоняя стаканъ рукою:—я чувствую себя теперь совсѣмъ здоровою.

— Совсѣмъ-здоровою! сомнѣваюсь, судя по вашей блѣдности. Но вотъ бульйонъ; онъ подкрѣпитъ васъ.

— Мнѣ ничего не нужно; извините только, что я васъ такъ беспокою.

— Не о томъ рѣчь; вы голодны, надобно чего-нибудь съѣсть.

— Но...

— Кой чортъ! въ-сторону ложный стыдъ! Забыть позавтракать, и даже пообѣдать, — это можетъ случиться со всякимъ. Ваша болѣзнь—просто ослабленіе въ желудкѣ.

— Моя болѣзнь въ сердцѣ, отвѣчала незнакомка, снова приложивъ руку къ груди.

— Въ сердцѣ?

— И уже давно; теперь припадки стали чаще. Минуту назадъ, я думала, что это будетъ послѣдній.

Эти слова были произнесены такимъ страждущимъ голосомъ, что Лобпенъ былъ тронутъ до глубины души; дялюшка, напротивъ, опять впалъ въ свое обыкновенное дурное расположеніе духа. Безмѣрная любовь его къ сытому состоянію пробудила въ немъ состраданіе къ женщицѣ, которую онъ считалъ жертвою терзаній голода; но едва только увидѣлъ онъ свою ошибку, какъ эгонизмъ опять взялъ свое, и онъ находилъ это приключеніе неприятнымъ и неумѣстно-дерзкимъ.

— Кто подверженъ такимъ припадкамъ, тотъ не долженъ выходить одинъ, сказалъ онъ сердитымъ голосомъ: — это можетъ съ вами случиться и посреди улицы. Что тогда? Васъ раздавить какая-нибудь карета.

— Умереть такъ или иначе, не все ли равно?

— Чортъ возьми! Да это восточный фатализмъ, моя милая. Я видѣлъ не одно поле битвы, а признаюсь, не такъ къ этому равнодушенъ. Но на-счетъ господина Фальконэ, продолжалъ старикъ, желая сократить эту сцену: чуть ли не напрасно вы проходили. Онъ не является, и я начинаю терять надежду увидѣть его сегодня. Дѣло, о которомъ вы хотите поговорить съ нимъ, конечно, не очень къ-спѣху, и его можно отложить до-завтра.

— Мнѣ надо поговорить съ господиномъ Фальконэ сегодня же,

произнесла она съ энергіею, которой вовсе нельзя было ожидать отъ такой слабой женщины.

— Какъ угодно; но если хотите послушать добраго совѣта, воротитесь спокойно домой. Не боятесь ли вы, чтобъ Фальконэ не улетѣлъ? Онъ пробудетъ въ Парижѣ еще больше мѣсяца.

— Мнѣ нельзя ждать ни мѣсяца, ни дня.

— Чортъ возьми! такъ, значить, дѣло идетъ о жизни и смерти.

— Да.

Взглядъ, сопровождавшій это слово, выражалъ такое мрачное отчаяніе, что удвоилъ сострадательность Лобпена и произвелъ даже нѣкоторое впечатлѣніе на генерала, какъ мало ни былъ онъ расположенъ въ эту минуту къ нѣжнымъ чувствамъ.

— Пожалуй! сказалъ онъ ворча.—Дѣло о жизни и смерти всегда достойно уваженія. Дожидайтесь же, если вы уже рѣшились, вашего Фальконэ, да поразить его небо! Сорокъ-восемь минутъ сядьмаго! По милости этого шута я получу воспаленіе въ желудкъ.

Рокфѣль машинально взялъ небольшой хлѣбецъ, отрезалъ два-три ломтика и проглотилъ ихъ одинъ за другимъ, обмакнувъ въ оставшееся на столѣ аликанте. Исполнивъ почти съ благоговѣніемъ это дѣло, внушенное инстинктомъ самоохраненія, старый гастрономъ, съ немного-прояснившимся лицомъ, заговорилъ опять съ кисло-сладкою миною:

— Вздумать убѣдить женщину! О чемъ я думалъ? Да я лучше согласенъ командовать пятьюдесятью эскадронами кавалеріи на Карусельской-Площади, чѣмъ вырвать завиральную идею изъ женскаго мозга. Ясно, что Фальконэ не пріѣдетъ. Теперь я вспомнилъ, что онъ долженъ сегодня присутствовать на совѣщаніи у министра торговли вмѣстѣ съ прочими депутатами восточныхъ желѣзнодорожниковъ. Министръ, вѣроятно, не можетъ ихъ принять раньше окончанія засѣданія палаты,—а оно, безъ-сомнѣнія, продлится. Стало-быть, нѣ за что сердиться на бѣдняжку Фальконэ, что онъ измѣнилъ бѣсѣдъ. Я это говорю вовсе не съ тѣмъ, сударыня, чтобъ отклонить васъ отъ намѣренія дожидаться его. Вы можете ждать его здѣсь сколько вамъ угодно; только при вашей болѣзни было бы, можетъ-быть, благоразумнѣе возвратиться домой. Семейство ваше, вѣроятно, безпокоится; если вы согласны, я пошлю за каретой... на мой счетъ, разумѣется, прибавилъ старикъ, заключая изъ почти-нищенскаго одѣянія незнакомки, что такое предложеніе не только не оскорбитъ ея, но даже скорѣе склонитъ ее, можетъ-быть, удалиться.

Если и предположить,—что, впрочемъ, очень-сомнительно,— что болѣе или менѣе-чистосердечные доводы генерала произвели бы наконецъ нѣкоторое впечатлѣніе на особу, къ которой относились,

— то шума быстрыхъ шаговъ, раздавшихся въ это время въ корридоръ, было бы достаточно для уничтоженія этого вліянія. Почти въ ту же минуту дверь отворилась, и человекъ, котораго имя такъ часто упоминали въ предъидущемъ разговорѣ, вошелъ съ поспѣшностью сознающаго, что онъ опоздалъ.

Желѣзнодорожникъ, разбогатѣвшій отъ удачныхъ спекуляцій въ то самое время, когда бѣольшая часть его товарищей съ трудомъ поддерживала свои заведенія при совмѣстничествѣ иностранныхъ издѣлій; мэръ своей деревни, членъ генеральнаго совѣта своего департамента, уполномоченный по дѣламъ своихъ товарищей-заводчиковъ, и наконецъ, только за нѣсколько дней пожалованный кавалеромъ ордена почетнаго легіона, о чемъ возвѣщала всему міру новая красная ленточка, широко-повязанная въ петлицѣ, — Франсуа Фальконэ былъ одинъ изъ тѣхъ предприимчивыхъ, трудящихся и упорныхъ людей, которые, понавъ однажды на дорогу къ богатству, идутъ по ней рѣшительнымъ шагомъ, никогда не останавливаясь и не отступая. Для существъ подобнаго разбора, тропинки, среди которыхъ теряются люди съ воображеніемъ, миражи, обманывающіе умы химерическіе, всходы, у подошвы которыхъ теряютъ бодрость слабые, лужи, которыя обходятъ люди разборчивые, не смотря на то, что дорога отъ этого становится длиннѣе, — все это для нихъ пустой обманъ, слабое пренятствіе. Пускаясь въ путь, они устремляютъ взоръ на цѣль, идутъ впередъ неудержно, и тѣмъ болѣе увѣрены въ успѣхъ, что не боятся запачкаться въ грязи, лишь-бы дойти до цѣли.

Будущій тестъ графа Лоблена былъ человекъ лѣтъ пятидесяти-пяти, съ виду хилый, но сложенія крѣпкаго, — одинъ изъ тѣхъ худыхъ, жилистыхъ стариковъ, которымъ суждено прежить вѣкъ, и которымъ равно пристали два апитета, по-видимому противорѣчащіе: свѣжій и сухой. Цвѣтъ лица его, бывший когда-то румянымъ, уже давно потерялъ свою свѣжесть, почти-всегда исчезающую со временемъ, даже у самыхъ полнокровныхъ, среди распавшейся атмосферы горновъ. Нѣкоторые живописцы изображали циклоповъ румяными и писали Вулкана краснощекимъ: нѣтъ никакого сомнѣнія, что они мало заботились о мѣстной краскѣ и никогда не заходили въ кузницу.

Фальконэ, блѣдный наперекоръ своей натурѣ, испыталъ въ теченіи занятій своимъ ремесломъ несчастіе, которое сильнѣе этой искусственной блѣдности обезобразило лицо его, и безъ того мало привлекательное. Раскаленный шлакъ, отдѣляющійся отъ жѣлаза, когда оно плавится въ горнѣ, лишилъ его одного глаза при самомъ вступленіи его на это поприще, но не отнялъ охоты продолжать начатое. Какъ-будто въ вознагражденіе, могущее поддер-

жать медицинскую теорію Туанетты въ «Malade imaginaire», оставшіяся глазъ, казалось, наслаждался все имѣніе послѣ умершаго: такъ сильно сверкалъ онъ провозвѣстною ясностію зрѣнія и скрытымъ лукавствомъ. Этотъ взглядъ, который трудно было бы забыть, встрѣтивъ его хоть разъ, составлялъ, вмѣстѣ съ безпрестаннымъ и почти-судорожнымъ сжиманіемъ тонкихъ и блѣдныхъ губъ, главнѣйшую черту лица, въ которомъ дышала странная смѣсь упрямства, недоувѣрчивости, коварства и гордости.

Чтобъ докончить описаніе физиономіи описаніемъ одѣянія, дозволено будетъ прибавить, что Фальконе, по случаю аудіенціи у министра торговли, былъ съ ногъ до головы одѣтъ въ черное.

— Прощу тысячу разъ извиненія, любезный генералъ, что заставилъ ждать себя, сказалъ онъ входя. — Вышелъ изъ министерства, я имѣлъ съ товарищами совѣщаніе, отъ котораго насилу сейчасъ освободился. Но я вижу, что сынъ мой еще виновнѣе меня. Этотъ вѣтрогонъ Ренѣ только и знаетъ...

Фальконѣ вдругъ остановился; губы его сжались, и одинокій глазъ, открытый во все яблоко, устремился неподвижно на незнакомку, которую онъ сперва едва только замѣтилъ изъ-за широкихъ плечъ стараго генерала. Увидѣвъ челоуѣка, котораго ждала такъ долго и съ такимъ живымъ безпокойствомъ, она быстро встала, чтобъ идти ему на встрѣчу; но тѣлесныя или душевныя силы, конечно, измѣнили ей, потому-что она принуждена была прислониться на минуту къ перегородкѣ комнаты. Подавивъ, наконецъ, это движеніе, она сбѣжала нѣсколько шаговъ впередъ и неожиданно бросилась въ объятія Фальконѣ.

— Братъ мой! братъ мой! воскликнула она въ то же время голосомъ, прерываемымъ ручьями слезъ.

Фальконѣ, видимо озадаченный очень-непріятнымъ образомъ, отступилъ назадъ, какъ-будто желая избавиться отъ неожиданныхъ объятій; но онъ достигъ своей цѣли только вполонину: сестра прильнула къ нему съ такою же энергіей, съ какою утопающій хватается за веревку, надежду спасенія.

Лобпеизъ, очень-удивленный, смотрѣлъ на дѣйствующія лица этой неожиданной сцены, между-тѣмъ, какъ старыи генералъ, съ лицомъ, окончателно дохмурившимся при этомъ приключеніи, вращалъ глухо и дождавъ послѣдній ломтикъ хлѣба съ виномъ.

— Не-уже-ли семь лѣтъ разлуки измѣнили черты мои до такой степени, что меня и узнать нельзя? спросила сестра госпоина Фальконѣ, замѣтивъ наконецъ, съ какою холодностію и замѣщательствомъ принимаютъ ея объятія.

— Первая минута... неожиданность... проговорилъ запинаясь желѣзнодорожникъ, оглядывавшій своимъ маленькимъ лукавымъ

глазомъ то одежду, то лицо сестры своей, и больше устыдившійся первой, чѣмъ тронутый выраженіемъ втораго.

— Я столько страдала въ послѣднее время, что съ трудомъ и сама себя узнаю.

— Такъ немудрено, что я сначала приостановился, замѣтилъ Фальконэ, стараясь ободриться.—Кромъ того, я вовсе не ожидалъ васъ видѣть... особенно здѣсь... Сдѣлайте милость, извините, генералъ...

— А въ чемъ бы это? отвѣчалъ Рокфѣль, произнося эти слова почти съ тою же учтивостью, съ какою кабанъ наноситъ ударъ клыками.

— Въ томъ, что васъ заставилъ быть свидѣтелемъ небольшой семейной сцены, которая не можетъ имѣть для васъ ничего занимательнаго, и потому должна вамъ казаться очень-неумѣстной.

— Это то же, что сказать мнѣ на-прямикъ, что мы съ племянникомъ здѣсь лишніе; да я и самъ долженъ бы былъ это замѣтить.

— Ахъ, генералъ, можете ли вы думать...

— Ваша сестрица, съ которой мы имѣли уже честь провести полчаса, конечно, желаетъ поговорить съ вами объ очень-интересныхъ вещахъ; мы были бы вамъ помѣхой. Анрі, бери-ка шляпу.

— Но, генералъ, я ни за что не соглашусь... умоляю васъ, не беспокойтесь... я прикажу отворить себѣ особую комнату... въ двѣ минуты я опять къ вашимъ услугамъ.

— Нѣтъ, сказалъ генералъ, останавливая Фальконэ, когда онъ хотѣлъ уже выйдти, бросивъ предварительно холоднымъ взглядомъ сестрѣ своей приказаніе за собою слѣдовать: — женщины имѣютъ свои привилегіи, и я, старый солдатъ, долженъ первый возвыситься за нихъ голосъ. Мы уступаемъ вамъ мѣсто. Кромъ того, такъ-какъ теперь уже, кажется, рѣшено, что обѣдъ нашъ превратится въ ужинъ, такъ я очень-охотно прогуляюсь.

Попробовавъ отклонить генерала отъ его намѣренія, сколько того требовала учтивость, Фальконэ, сильно желая прекратить сцену, отъ которой страдало его тщеславіе, уступилъ наконецъ, и выпустилъ дядю съ племянникомъ.

— Прошу у васъ только пяти минутъ, шепнулъ онъ въ-полголоса первому:—между-тѣмъ, откроютъ устрицы.

Затворивъ двери, онъ медленно возвратился къ этой страждущей, несчастной сестрѣ, которой не видалъ семь лѣтъ, и остановился передъ нею съ лелаяною физиономіею, на которой тщетно искали бы вы и малѣйшей искры братской любви.

III.

Сомонскій-Пассажъ.

Сходя по лѣстницѣ Рошѣ-де-Канкаль, Рокфѣль обратился къ первому встрѣтившемуся ему слугѣ.

— Когда женщина, что теперь въ комнату, гдѣ мы будемъ обѣдать, уйдетъ, такъ прійди сказать мнѣ; я буду здѣсь возлѣ, въ пассажѣ.

Отдавъ это приказаніе, генераль пошелъ дальше и вышелъ съ Лобпенюмъ отъ ресторатѣра. Черезъ минуту, дядя и племянникъ были уже въ Сомонскомъ-Пассажѣ. Они прошли его изъ конца въ конецъ, не вымолвивъ ни слова. Аврї шелъ съ опущенною головою и, казалось, о чемъ-то задумался; Рокфѣль кусалъ усы, забывъ, что это можетъ измѣнить цвѣтъ ихъ; за недостаткомъ вкуснѣйшей пищи, онъ, казалось, пережевывалъ свою досаду.

Наконецъ, Лобпенъ прервалъ молчаніе.

— Дядюшка, сказалъ онъ: — позвольте предложить вамъ вопросъ.

— Говори, отрывисто отвѣчалъ генераль.

— Знали вы, что у Фальконѣ есть сестра?

— А почему бы у Фальконѣ не быть сестрѣ? У меня же есть.

— Знаю, потому-что я этому обязанъ честію быть вашимъ племянникомъ. Я хотѣлъ сказать: такая сестра, какую мы только-что видѣли.

— А! ваше сіятельство! вы утверждаете, что освободились отъ предрасудковъ нашей касты; теперь я поймалъ васъ съ поличнымъ.

— Меня, дядюшка?

— Тебя. Признайся, что тартанъ и чепчикъ поразили тебя неприятно.

— Но вы сами...

— Нисколько.

— Мнѣ показалось, однакожь, что сцена, которой мы сейчасъ были свидѣтелями, нисколько поколебала расположеніе вашего духа.

— Поколебала расположеніе моего духа! Смѣешься ты надо мною, что ли?

— Дядюшка!

— Ты очень-хорошо знаешь, что всегдашнее расположеніе моего духа—сердиться; это мой темпераментъ. Моя ли вина, что въ шестьдесятъ лѣтъ кровь у меня кипитъ какъ въ двадцать-пять! Если что

меня раздражаетъ, сердить, бѣсить въ эту минуту, что внушаетъ мнѣ сильное желаніе попочивать тростью всѣхъ этихъ ротозѣевъ, которые, кажется, находятъ удовольствіе загоразживать намъ дорогу, — такъ ужь вовсе не слишкомъ-плебейскій нарядъ твоей будущей тетки; согласенъ, добрая старушка играла бы жалкую роль въ салонѣ твоей благородной матушки; но зато очень-невероятно, чтобы она когда-нибудь ступила туда ногою. Такъ пусть же она носитъ платокъ вмѣсто чепца, если ей угодно. Нѣтъ, не это меня сердить.

— Что же, дядюшка?

— Несчастный! ты и не помышляешь о томъ, что скоро четверть восьмаго! воскликнулъ генералъ въ гастрономическомъ негодованіи. — Четверть восьмаго! А я завтракаю въ десять! Мало того только, чтобы хорошо обѣдать: надо обѣдать и во-время, или, лучше сказать, обѣдъ, запоздавшій четвертью часа, не можетъ быть хорошъ. Не понимаю, какъ люди, гордящіеся тѣмъ, что они цивилизованныя существа, такъ мало постигаютъ уваженіе, которымъ они обязаны желудку. Отъ долгаго ожиданія, этотъ существенный органъ, — органъ, котораго превосходство чувствуютъ всѣ прочіе, устааетъ, унываетъ, упрямится; воображеніе его угасаетъ...

— Воображеніе желудка! повторилъ со смѣхомъ Лобпенъ.

— Онъ становится безпокойнымъ, впадаетъ въ меланхолію...

— Меланхолія желудка! повторилъ опять молодой человекъ, засмѣявшись еще сильнѣе.

— Да, господинъ-насмѣшникъ, меланхолія желудка; она немножко-посущественнѣе меланхоліи сердца, не во гнѣвъ вашимъ романтическимъ поэтамъ.

— Любезный дядюшка, сказалъ опять серьезно Аврі: — позвольте замѣтить, что вы не отвѣчали на мой вопросъ. Знали вы сестру господина Фальконэ?

— Я вижу, ты рѣшился поставить меня къ допросу: и такъ буду отвѣчать по пунктамъ. Нѣтъ, я не зналъ сестры господина Фальконэ, но я зналъ, что у господина Фальконэ есть сестра. Эта сестра, которой я не видалъ до нынѣшняго дня, была сперва замужемъ за капитаномъ артиллеріи Мейнаромъ, отъ котораго и остался у нея, кажется, ребенокъ; нѣсколько лѣтъ назадъ, она вышла вторично замужъ, за какого-то Брусселя, стараго повѣреннаго по заводу у Фальконэ, лѣннивца, пьяницу и обжору, по словамъ его шурина, — словомъ, за одного изъ тѣхъ людей, которые разоряютъ всякое хозяйство. Прибавь къ этому, что вышереченный Бруссель десяткомъ лѣтъ моложе своей жены, что она влюбилась въ него съ-дуру послѣ смерти перваго мужа, и ты поймешь, что это неразумное созданіе имѣетъ много причинъ быть не очень-счастливою.

Это, я думаю, достаточно объяснить тебѣ старую шаль, поношенное платьѣ и плачевную фигуру твоей будущей тетки.

— Моей будущей теткѣ! съ нетерпѣніемъ повторилъ Лобпенъ. — Я еще не женился.

— Потому именно я и говорю: твоей «будущей» теткѣ. Еслибъ ты былъ женатъ, я долженъ бы сказать просто: «теткѣ».

— Она, можетъ-быть, никогда не будетъ ею.

— Чтѣ, ты опять ребячишься? сказалъ Рокфѣль, пожмая плечами. — Я считалъ тебя благоразумнѣе. Безспорно, чортъ возьми, что ты женишься ни на Монморанси, ни на Роанъ, ни на Латремуиль; но въ нашъ денежный вѣкъ настоящія поля увольняютъ отъ гербовыхъ. А твоей нареченной достались превосходные лѣса отъ матери, не считая червонцевъ съ желѣзныхъ заводовъ.

— Да, отвѣчалъ съ горечью Лобпенъ: — я женюсь на приданомъ, а мамзель Фальконѣ выходитъ замужъ за титуло.

— И, следовательно, вы квиты. Кой-чортъ! Чего же ты еще хочешь? Ты скажешь, конечно, что какъ ни золоті неровный бракъ, онъ все-таки непріятенъ. Неровный бракъ! Развѣ эти слова значать еще что-нибудь? Теперь вѣтъ во Франціи ни одной дворянской фамиліи, — я говорю о лучшихъ, — которая близко ли, далеко ли не примыкала бы къ какому-нибудь деревенскому сапожнику или горшечнику. Примирись же, какъ порядочный дворянинъ, съ чепчикомъ, а по нуждѣ и съ повязкой госпожи Брюссель. Кроме того, почтенная старушонка гнѣздится въ какомъ-то темномъ кварталѣ Парижа; женившись, ты будешь жить въ Нансі, стало-быть, очень-рѣдко будешь имѣть случай встрѣтиться съ ней, и отъ тебя зависить не встрѣтиться вовсе.

— Вы меня худо поняли, отвѣчалъ серьезно молодой графъ. — Меня оскорбила не жалкая одежда госпожи Брюссель. Благодаря Бога, несчастье никогда не останавливало меня, но пробуждало во мнѣ состраданіе. Бѣдная и страждущая, эта женщина тѣмъ болѣе заслуживаетъ уваженія, и вы увидите, если я женюсь когда-нибудь на ея племянницѣ, что поступки мои въ-отношеніи къ ней будутъ согласны съ тѣмъ, чтѣ я говорю теперь.

— Такъ чтѣ же тебя такъ разсердило?

— Поведеніе господина Фальконѣ. Видѣли вы, какъ онъ принималъ сестру? какъ худо скрылъ онъ свое замѣшательство? какъ равнодушно-холодно встрѣтилъ ее? Отвѣчалъ ли онъ на ея ласки хоть одною ласкою? Онъ посмотрѣлъ сначала не на лицо ея, а на одежду. И, не смотря на всѣ свои усилія, какъ видимо досадовалъ онъ, что намъ случилось быть свидѣтелями подобной сцены! У этого человѣка сердце камень; съ головы до ногъ онъ весь эгоизмъ, тщеславіе и скупость.

— Съ этими-то недостатками составляютъ себя хорошее состояніе, холодно отвѣчалъ Рокфѣль. — Скупость, въ которой ты упрекаешь господина Фальконэ, ежедневно увеличиваетъ приданое его дочери; тебѣ ли на это жаловаться?

— Не могу вамъ выразить, какъ мало достойнымъ почтенія кажется мнѣ богатство, почерпнутое изъ такого источника.

— Вздоръ. Золото никогда не пахнетъ дурно, говорилъ римскій императоръ.

— Наконецъ, дядюшка, не-уже-ли вы не понимаете, что если тяжело, когда не можешь любить жены своей, такъ и не легче, когда не можешь уважать тестя?

— Убирайся къ чоргу! вскрикнулъ раздражительный старикъ, окончательно разсердившись. — Не прикажешь ли мнѣ защищать предъ твоимъ высокимъ судилищемъ г. Фальконэ, какъ защищалъ я дочь его? Женись или нѣтъ, мнѣ-то что изъ этого? Довольно уже и того, что я пустился въ разсужденія съ такимъ упрямымъ. Другой, на твоемъ мѣстѣ, понялъ бы, что я голодаю уже довольно-долго, и что теперь не время докучать мнѣ этими жалобами; но ты думаешь только о себѣ, а говоришь мнѣ объ эгоизмѣ другихъ! Ни слова больше не буду отвѣчать тебѣ. Желудокъ мой и такъ уже разстроены;—стану я еще надрывать легкія!

Говоря такимъ образомъ, генералъ въ-сердцахъ прибавилъ шагу и дѣлалъ энергическіе жесты, не заботясь о томъ, что такая горячая мимика могла нанести ущербъ въ тѣсномъ переулкѣ, наполненномъ проходящими и гуляющими. Генералъ пробирался въ толпу, какъ кабанъ въ чащу лѣса, — но наконецъ встрѣтилъ сильное препятствіе въ человѣкѣ, уже нѣсколько минутъ стоявшемъ передъ однимъ моднымъ магазиномъ. Нѣтъ ничего труднѣе, какъ предузнать результатъ столкновенія влотнои массы Рокфѣля, которой сила, согласно законамъ статики, была увеличена скоростью движенія, и другаго тѣла, отъ природы сильного, но у котораго нескромное желаніе видѣть, что происходитъ внутри магазина, отняло, въ-слѣдствіе наклоненнаго положенія, три четверти его силы. Любопытный, нечаянно почувствовавшій толчокъ отъ широкой груди генерала, потерялъ равновѣсіе; шляпа его упала въ сторону, трость въ другую, и самъ онъ, отлетѣвъ вкось къ дверямъ магазина, съ трудомъ удержался отъ совершеннаго паденія.

— Вы можете похвалиться своею ловкостью, сказалъ ему, вмѣсто извиненія, старикъ, котораго врожденное правдушіе было на минуту затемнено увлекшими его мыслями.

Человѣкъ, котораго наблюдательное положеніе нарушила такъ нескромно, поднявъ шляпу и палку, сталъ тверже на ноги и оборотился къ Рокфѣлю. Генералъ увидѣлъ озадаченную физиономію,

дурную отъ природы и еще-болѣе обезображенную рыжею рѣдкою бородою. Массивныя плечи, которымъ было очень-неловко въ проймахъ платья, очевидно надѣтаго въ первый разъ, большія ноги, еще сильнѣе страдающія въ лакированныхъ сапогахъ, толстыя руки, уже отомстившія желтымъ перчаткамъ новымъ, но лопнувшимъ, — вотъ характеристическая черта наружности этого чловѣка; ему было едва лѣтъ двадцать-пять, и въ костюмѣ его соединялись всѣ смѣшныя крайности, въ которыя вовлекаетъ дурной вкусъ нѣкоторыхъ молодыхъ людей, несчастныхъ поклонниковъ моды.

При видѣ пламенной фizioноміи стараго кавалерійскаго генерала, который, вспоминая, можетъ-быть, въ эту минуту свое воинское призваніе, готовъ былъ по-видимому разразиться при первомъ непріятельскомъ движеніи и уничтожить врага, — статскій съ рыжею бородою остановился въ изумленіи, потомъ улыбнулся довольно-неловко и сказалъ голосомъ, измѣнившимся отъ невольнаго движенія:

— Но, кажется, не я васъ толкнулъ, генералъ; напротивъ того, вы...

— А, а! мсьё Рене Фальконэ, прервалъ его старикъ, узнавъ въ новомъ лицѣ сына желѣзнодорожника, четвертаго, очень-неисправнаго участника въ обѣдѣ, становившемся все больше-я-больше проблематическимъ. — Очень-радъ васъ видѣть! Скажите, сдѣлайте милость, куда это вы идете?

— Генералъ! вамъ это очень-хорошо извѣстно; я иду въ Рошэ-де-Канкаль.

— Право! Въ Рошэ де-Канкаль?

— Развѣ я ошибся? спросилъ Рене Фальконэ, не понимая, за что сердится старикъ: — кажется, сегодня мы имѣемъ честь обѣдать съ вами, я и батюшка?

— Да, дѣйствительно, вы обѣщали оказать мнѣ эту честь сегодня. Позвольте узнать, который часъ?

— Ужъ не опоздалъ ли я? отвѣчалъ молодой чловѣкъ, вынимая часы. — Ну, вѣтъ, не очень: десять минутъ восьмага, — льготныя четверть часа еще не прошли.

— Льготныя четверть часа? воскликнулъ генералъ. — Вы шутите очень-много; но я беру смѣлость замѣтить вамъ, что вы еще слишкомъ-молоды, и потому не должны выказывать столько остроумія. Льготныя четверть часа! Я приглашаю васъ обѣдать въ шесть часовъ, а въ восемнадцать минутъ восьмага, — теперь восемнадцать, а не десять минутъ восьмага, продолжалъ онъ, взглянувъ на свои часы: — я васъ застаю за лорированіемъ гризетокъ! И вы мнѣ очень-спокойно говорите о льготной четверти часа!

— Генераль! проговорилъ запинаясь Ренé:— я понялъ, что обѣдъ назначенъ въ семь часовъ.

— Это доказываетъ, сударь, какого вниманія удостоиваете вы слова мои.

— Увѣрю васъ, генераль...

— У меня былъ адъютантъ, сынъ одного изъ лучшихъ друзей моихъ, очень-похожій на васъ, не лицомъ, — онъ былъ очень-хорошъ собою, — но своею неаккуратностью. Знаете ли, какъ я отучилъ его отъ этого? По-военному, сударь, по-военному. Сколько минутъ просрочить, на столько дней подъ арестъ. Въ два мѣсяца я сдѣлалъ изъ него самаго аккуратнаго офицера въ цѣломъ штабѣ. Позвольте сказать вамъ, что подобное леченіе не вовсе было бы и для васъ бесполезно.

— Я въ отчаяніи отъ такого недоразумѣнія, генераль, сказалъ Ренé Фальковѣ, покраснѣвъ, какъ борода его: — но увѣрю васъ честью...

— Хорошо, милостивый государь, хорошо, прервалъ его Рокфѣль, не слушая оправданія. — Вы батюшкинъ сыночекъ, — этимъ все сказано.

Произнося эти слова, смыслъ которыхъ долженъ былъ показаться тайнымъ для Ренé, генераль пошелъ еще поспѣшнѣе прежняго.

— Здравствуйте, любезный графъ, сказалъ тогда Ренé своему будущему зятю: — что съ вашимъ дядюшкой?

— Онъ голоденъ, лаконически отвѣчалъ Анрі.

— Въ такомъ случаѣ, зачѣмъ же мы не идемъ обѣдать?

— Это объяснить вамъ вашъ батюшка.

— Что до меня, такъ мнѣ совершенно все равно, продолжалъ Ренé, схвативъ подъ руку Лобпена, которому эта короткость не очень поправилась. — Я позавтракалъ въ Кафѣ-де-Пари съ нѣсколькими милыми вивѣрами, и готовъ ждать обѣда сколько угодно.

— Такъ вы завтракаете теперь въ Кафѣ-де-Пари?

— Одно что-нибудь: быть или не быть львомъ, произнесъ молодой провинціалъ съ смѣшною рѣшительностью. — Кстати: что, вы находите, что я дѣлаю честь вашему портному?

— Тысячу разъ больше, нежели я самъ, отвѣчалъ графъ, взглянувъ насмѣшливо на высокаторжественный видъ своего спутника.

— Надо сознаться, что, одѣваясь хорошо, ничего не испортишь, продолжалъ Ренé, окинувъ себя довольнымъ взглядомъ съ ногъ до головы. — Въ деревнѣ я неглижировалъ собою; знаете: охота, рыбная ловля, ну, надо побывать и на заводѣ, вѣчно на свѣжемъ воздухѣ, лѣтомъ какъ и зимою, — все это не краситъ человѣка; но я рѣшился возвратиться въ Лорренъ рѣшительнымъ львомъ.

— Вы и такъ недурны.

— Вы находите? Вѣрно, по-крайней-мѣрѣ, то, что въ эти двѣ недѣли съ прїѣзда нашего въ Парижъ, я не терялъ даромъ времени. Я заказалъ вашему портному, то-есть моему, потому-что впередъ онъ будетъ на меня работать, еще два фрака, четыре скюртука, не помню сколько-то брюкъ, жилетовъ, пальто, халатовъ и прочей чертовщины.

— Однако, эта чертовщина разоритъ вашего батюшку.

— Батюшку! Еслибъ онъ былъ обязанъ платить по всемъ моимъ счетамъ за часы, булавки, трости, цѣпочки, сапоги, бѣлье и прочее,—онъ былъ бы въ-состояніи проклясть меня. Къ-счастью, ему нечего совать сюда носъ. Я совершеннолѣтнень, пользуюсь имѣніемъ моей матери и никому нѣтъ дѣла, если мнѣ угодно протирать глаза своимъ червончкамъ.

Прознося эти слова, въ которыхъ, по его мнѣнію, такъ и вылилась его львиная натура, Ренѣ Фальконѣ плутовски улыбнулся, какъ человѣкъ, вовсе нерасположенный признаваться въ своихъ грѣшкахъ и умалчивающій о лучшихъ изъ нихъ.

Въ-продолженіи этого разговора, поддерживаемаго почти единственно провинціаломъ, упоевавшимся собственною своею особою, Рокфѣль, въ сопровожденіи молодыхъ людей, прошелъ до поворота въ улицу Монмартръ, и потомъ воротился назадъ. Гдѣ-то его по-немвогу утихъ. Онъ началъ разсуждать безпристрастнѣе и нашель, что молодой Фальконѣ вѣроятно не притворяется, и что, слѣдовательно, его можно простить за невольное недоразумѣніе. Кромѣ того, мы уже знаемъ, что генералъ рѣшился отдать свой капиталъ въ безвозвратный заемъ, и выдумалъ, какъ вознаграждать племянника. Мысль была совершенно-эгоистическая: женить Лобпена на богатой женщинѣ — превосходное средство исполнить, не трогая кошелекъ, долгъ дяди. Старикъ дорожилъ женитьбою племянника на дѣвицѣ Фальконѣ, — а грубить брату было плохое средство получить руку сестры его; по-этому генералъ сейчасъ же рѣшился умягчить ласковыми словами раны, такъ недавно имъ нанесенныя.

Въ эту минуту, всѣ трое опять дошли до моднаго магазина, гдѣ такъ бурно встрѣтились Ренѣ и Рокфѣль; генералъ вдругъ взглянулъ на своихъ спутниковъ. На лицѣ его не было уже и слѣда бури; съ простодушною веселостью обратился онъ къ деревенскому дяди.

— Если вы хотите, чтобъ я простилъ вамъ эту знаменитую четверть часа льготы, которая продолжается вотъ уже полтора часа, покажите мнѣ сирену, приковавшую васъ къ стекламъ этого магазина. Въ молодости, я слылъ знатокомъ; я скажу вамъ, хорошъ ли у васъ вкусъ.

— Въ вашей молодости, генералъ! отвѣчалъ Фальконэ.

Онъ былъ въ восторгъ отъ этой короткости; генералъ пользовался славою совершеннаго вивѣра, и Фальконэ смотрѣлъ на него съ особеннымъ уваженіемъ.

— Да вы моложе насъ, если вѣрить кой-какимъ слухамъ въ Кафэ-де-Пари, продолжалъ онъ.

По обыкновенію всѣхъ метящихъ въ лвы, Кафэ-де-Пари не сходилъ у Фальконэ съ языка, и должно признаться, онъ имѣлъ на это больше права, чѣмъ многіе изъ его собратій: онъ обедалъ тамъ два раза.

— Клевета, чистая клевета! отвѣчалъ старикъ съ улыбкою, которая доказывала, что онъ не вовсе-нечувствителенъ къ complimentамъ подобнаго рода.— Впрочемъ, не обо мнѣ рѣчь, а объ васъ. Гдѣ же гнѣздится голубка-то?

— Истинно голубка, по волосамъ, по-крайней-мѣрѣ. Блондинка, пьѣта кофе со сливками, престо чудо! И одѣта... Да вотъ, генералъ, не угодно ли вамъ подойти? вы увидите ее сквозь отверстіе въ занавѣскѣ.

IV.

Модный магазинъ.

Торговцы Сомонскаго-Пассажа, находясь въ центрѣ торговаго, многолюднаго квартала, по-необходимости стараются приравливать свои произведенія къ нѣскольکو-пошлomu вкусу и расчетливости своихъ обыкновенныхъ покупателей. Дешево и безвкусно, однакожь не въ равной степени: — таковъ, кажется, общій девизъ этого базара, впрочемъ, очень-красиваго; но модные магазины заслуживаютъ въ этомъ отношеніи особеннаго вниманія. Они близки сердцу прекраснаго пола центральныхъ округовъ, какъ близки еще сердцу иныхъ уѣздныхъ щеголихъ магазины Пале-Руаяля, и изъ ихъ-то мастерскихъ выходятъ желтыя шляпы съ пунцовыми лентами, голубыя капоты съ розовыми гирляндами, всецвѣтныя накладки, подозрительныя марабу, пламенныя перья, словомъ, всѣ баснословныя уборы, которые лѣтомъ, по воскресеньямъ, такъ снисходительно являются на изумленіе публики по бульварамъ и въ Елисейскихъ-Поляхъ.

Генералъ Рокфѣль и двое его товарищей остановились передъ заведеніемъ этого рода. Три газовыя лампы обливали внутренность потоками яркаго свѣта. За стеклами оконъ фасада были

выставлены на-показъ, съ ученою симметрией, десятка три шляпъ въ упомянутомъ родѣ, и очаровывали взоръ пестротою цвѣтовъ; переходившихъ по всѣмъ отбѣлкамъ своей гаммы. Шелковый зеленый занавѣсъ, подобно полю, усыянному тысячею цвѣтовъ, служилъ фономъ соблазнительной картинѣ, и темноватый цвѣтъ его дѣлалъ краски еще ярче. Кромѣ этого ловко-разсчитаннаго эффекта, занавѣсъ вмѣлъ еще другое назначеніе: онъ защищалъ отъ нескромныхъ взоровъ гуляющихъ въ пассажѣ полдюжины молодыхъ дѣвушекъ, сидѣвшихъ внутри магазина, и предохранялъ довольно-любопытную группу ихъ отъ всякаго развлеченія, вреднаго для работы. Но мы должны сознаться, что эту последнюю двойную должность занавѣсъ исполнялъ плохо.

Между сторою и внутреннимъ косякомъ окна находился почти незамѣтный промежутокъ; его всегда устриваетъ въ подобныхъ мѣстахъ случай или какой-нибудь силфъ, покровитель юности, и сивозъ него внимательный глазъ можетъ довольно-явственно рассмотреть комвату, занятую модистками. Надо все досказать: быстрые глазки швей часто украдкою поглядывали въ эту сторону—слабый пунктъ укрѣпленій, выражающій стратегически; они какъ-будто хотѣли намекнуть, что, въ случаѣ атаки, осаждающіе найдутъ не одного союзника внутри крепости.

Этой-то предательской скважиной, нѣскольکو минутъ тому назадъ, такъ нескромно воспользовался Ренѣ Фальконѣ, и къ ней же прильнулъ въ свою очередь генералъ Рокфѣль; онъ не находилъ, чтобъ старику неприлично было подсматривать.

Пять молодыхъ дѣвушекъ были заняты своимъ дѣломъ: одна художнически теребила бантъ, другая укрѣпляла булавками цвѣточную гирлянду, третья пришивала подкладку, четвертая прикрѣпляла ленты, пятая оторачивала шапочку. Онѣ сидѣли по сторонамъ конторки, служившей имъ рабочимъ столомъ.

Двѣ изъ нихъ были незначительныя лица, по которымъ взоръ скользить, не останавливался.

Третья — брюнетка, лѣтъ шестнадцати, живая и проворная, не смотря на очевидное расположеніе къ полнотѣ — лукавое, капризное личико, быстрые глазѣнки, бѣлые зубы, свѣжая, какъ персикъ, во всемъ цвѣтъ здоровья. Она-то привлекла особенное вниманіе генерала, и онъ удостоилъ ее подробнаго разсмотрѣнія.

Сосѣдка ея, — мы должны бы упомянуть объ ней первой: она завѣдывала работами всей милой компаніи, и компанія признавала въ ней старшую, — блондинка, красота которой покорила пламенное сердце молодого провинциала. Она была высока ростомъ и худа, и (что, по его мнѣнію, придавало ей характеръ аристократическій) красота ея была довольно-правильная, но приторно-ма-

нервая, и вообще уже слегка поблеклая, что часто случается съ блондинками лѣтъ подѣ тридцать. Но всего болѣе начальница модистокъ отличалась роскошью волосъ, безчисленными тирбушонами ниспадавшихъ на плечи. Это море волосъ приближалось цвѣтомъ своимъ, какъ простоудушно замѣтилъ Ренѣ, къ кофе со сливками и какъ-то сентиментально сливалось съ небесно-голубымъ оттѣнкомъ шелкового платья, украшеннаго, въ слѣдствіе мысли болѣе изысканной, чѣмъ счастливой, узкимъ передникомъ изъ розовой тафты. Большой поддѣльный камень, оправленный въ сомнительный металлъ, лежалъ на вырѣзкѣ спереди корсажа. Этотъ чудовищный фермуаръ, серьги не менѣе страшныя, цѣпь въ томъ же родѣ, съ привѣшеннымъ къ ней, за рѣшительнымъ отсутствіемъ часовъ, флакономъ, отъ котораго такъ и разлило мускусомъ, наконецъ перстни почти на всѣхъ пальцахъ, выказывали въ этой интересной особѣ такую любовь къ галантерейнымъ вещамъ, что на нихъ не достало бы всего ея годоваго бюджета; развѣ кой-какіе доходы сверхъ оффиціальнаго жалованья модистки, тайно восстанавливали равновѣсіе въ кошелкѣ ея.

Въ концѣ конторки, отдѣльно отъ прочихъ, сидѣла молодая дѣвушка, съ виду слабая, скромно одѣтая въ черное мериносое платье: она работала, склонивъ голову, и, казалось, такъ углубилась въ свое занятіе, а можетъ-быть и въ мысли, что Рокфѣль, не смотря на желаніе свое разсмотрѣть все, не могъ увидѣть лица ея.

— Ну, что, генераль? какъ вы ее находите? спросилъ съ самодовольнымъ видомъ Ренѣ, наклонясь къ уху старика.

— Кого? отвѣчалъ онъ.

— Блондинку! Ужъ послѣ нея нельзя смотреть на другихъ. Не правда ли, мила? И съ какимъ вкусомъ одѣта! Не правда ли, генераль?

— Позвольте мнѣ не раздѣлять вашего мнѣнія ни о вкусѣ ея костюма, ни о красотѣ ея, рѣко отвѣчалъ Рокфѣль. — Вашему кофе со сливками стукнуло уже тридцать лѣтъ; она худа, высушена; половина волосъ ея твореніе парикмахера, талія вся создана швейей. Это бракованная лошадь, молодой человекъ, бракованная лошадь.

— Ахъ, генераль! прервалъ его Ренѣ, оскорбленный такимъ вольнымъ заключеніемъ.

— Вотъ какъ вы, новички! васъ соблазняетъ поддѣльный доконъ, и вы влюбляетесь въ волосную юбку. Нашъ-братъ, тертый калачъ, идетъ прямо къ существенному; насъ не обманешь искусственною наружностію. Да вотъ, на-примѣръ, возлѣ вашей инфанты сидитъ маленькая брюнетка, съ лукавою мордочкой; я ставлю ее на его выстрѣловъ выше.

— Какъ, генералъ! эту коротконожку въ зеленомъ платьѣ?

— Да, сударь, эту коротконожку въ зеленомъ платьѣ. Она дурно одѣта, согласенъ; у ней нѣтъ никакой манеры, это правда. Чортъ ли въ такой красотѣ, скажете вы; да въ томъ-то и дѣло, что въ этой красотѣ самъ чортъ, то-есть молодость.

— Генералъ! продолжалъ Ренѣ, отважившись на насмѣшливую улыбку:—какъ ни великъ вашъ авторитетъ, вы мнѣ позволите остаться при своемъ мнѣнїи. Я больше всего люблю, чтобъ въ женщинѣ было нѣчто особенное, и вы, конечно, согласитесь, что по-крайней-мѣрѣ въ этомъ отношенїи...

— А я больше всего люблю, чтобъ въ женщинѣ... Но не въ томъ дѣло, сказалъ генералъ, прерывая самого-себя (онъ нашелъ, конечно, дальнѣйшую откровенность излишнею). — Восхищайтесь вашею блондинкою, тощею, не смотря на зрѣлость лѣтъ,—я вамъ не мѣшаю: о вкусахъ спорить нѣчего. Признаюсь вамъ, я охотникъ до хорошо-вылежавшейся дичи, такъ зачѣмъ же мнѣ осуждать въ васъ склонность, въ своемъ родѣ аналогическую?

Не сдѣлавъ никакого замѣчанїя на эту выходку, и даже не понимая ясно, можно ли подобное сближеніе почестъ непочтительнымъ къ предмету его обожанїя, Ренѣ отвѣчалъ очень-простоудушно:

— Да; можетъ-быть, насъ сближаетъ съ нею симпатїя цвѣтовъ; я самъ блондинъ...

— А! вы находите, что вы блондинъ, прервалъ его старикъ, глядя на волосы и бороду молодого провинціала. — Что жъ! Въ добрый часъ; я люблю, когда отдають себя справедливость. А! вы находите, что вы блондинъ?

— Да, больше или меньше; есть много оттѣнковъ, пробормоталъ Ренѣ, видимо смущенный насмѣшливымъ тономъ стараго генерала.

А генералъ едва могъ удержаться отъ смѣха; онъ опять закусилъ усы, которые и въ этотъ разъ съ честью выдержали испытанїе: они были выкрашены вдвойнѣ, какъ пурпуръ.

— Право, замѣтилъ Лобпенъ, почти нѣмой свидѣтель ихъ спора: — дядюшка, кажется, и не подозреваетъ, что если рыжїй не въ правѣ считать себя блондиномъ, такъ сѣдой точно такъ же не въ правѣ считать себя русымъ.

Рокфѣль замѣтилъ на лицѣ молодого Фальконѣ выраженїе досады; онъ подумалъ, не слишкомъ ли за-живо задѣлъ онъ его тщеславіе; желая сохранить въ немъ, какъ мы уже сказали, союзника и изгладить всякое непрїятное впечатлѣніе переменною разговоромъ, онъ обратился къ племяннику.

— Анрї, сказалъ онъ:—не будь ты женихомъ и, следовательно, уже теперъ образцомъ важности и суиружескаго воздержанїя, я

попросилъ бы тебя быть между нами судьбою и рѣшить нашъ споръ.

Справедливость требуетъ сказать, что злопамятства не было въ числѣ недостатковъ Рене Фальконэ.

— Какое тутъ дѣло до женитьбы нашего графа! сказалъ онъ. — У него есть глаза и вкусъ: этого достаточно для рѣшенія, кто изъ насъ правъ. Я готовъ признать приговоръ его.

— Но что скажетъ ваша сестрица? (она вѣдь, между нами будь сказано, довольно-чопорна), если узнаетъ, что мы пригласили будущаго супруга ея рѣшить вопросъ о красотѣ двухъ гризетокъ?

— Во-первыхъ, кто ей это расскажетъ?

— Правда. Мы не выдадимъ другъ друга. Къ дѣлу, Анри! Я впередъ соглашаюсь съ твоимъ рѣшеніемъ.

Больше изъ снисхожденія, чѣмъ изъ любопытства, Лобпенъ, въ свою очередь, началъ наблюдать; въ шелку занавѣски онъ свободно могъ разсмотрѣть всѣхъ модистокъ. Глаза его обращались попеременно съ глубокимъ равнодушіемъ на обѣихъ героинь, и онъ нашель, что блондинка и брюнетка равно недостойны, чтобъ порядочный человекъ подарилъ имъ хоть полминуты вниманія. Съ тѣмъ же презрѣніемъ взглянулъ онъ и на другихъ, незначительныя фізіономіи которыхъ мы не взяли на себя труда описывать. Это зрѣлище скоро ему надоело; онъ уже хотѣлъ отойти, какъ вдругъ, машинально пробѣгая глазами глубину магазина, замѣтилъ модистку, работавшую поодаль отъ другихъ, на концѣ конторки.

Въ ту самую минуту, когда взоръ Лобпена печально остановился на ней, эта молодая дѣвушка, очень-долго не измѣнявшая положенія, въ которомъ мы ее описали, уронила на колѣни работу, исключительный предметъ своего вниманія. Руки ея судорожно сжались, подавленный вздохъ шевельнулъ грудь, она быстро встала и подняла голову, какъ-будто проснулась отъ страшнаго сна. Лицо ея, вполнѣ освѣщенное бѣлымъ свѣтомъ газа, — отъ-чего, можетъ-быть, блѣдность его сдѣлалась еще поразительнѣе, — внезапно приковало къ себѣ взоры молодого графа, и онъ сдѣлался такъ же внимателенъ, какъ сначала былъ равнодушенъ.

Открытый, слегка-выпуклый лобъ, могъ бы показаться слишкомъ-большимъ; но его скрывали отчасти густые, шелковистые, пѣжно-каштановые волосы, ниспадавшіе по сторонамъ правильнымъ полукругомъ. Большіе черные глаза, съ бархатными зрачками, съ лазоревымъ отблѣскомъ въ прозрачномъ яблокѣ, удѣломъ дѣтства, обыкновенно мимолетнымъ, какъ дѣтство же; носъ почти орлиный, изящно, но не советомъ правильно-выгнутый, съ подвижными, страстными кудрями; ротъ, очерченный такъ удивительно, что даже среди молчанія выражалъ самыя мимолетныя движенія души,

— вотъ главные черты лица, которое, не смотря на овалъ, удлиненный худобою, сохранило тѣпъ граціозный и возвышенный.

Казалось, самыя разнородныя и самыя противорѣчащія чувства имѣли общее право одушевлять это привлекательное лицо. Одно за другимъ, часто почти въ одну и ту же минуту, въ немъ отражались, какъ въ зеркалѣ, сметливость умной женщины, любопытство ученицы, хитрость плутовки, стыдливость дѣвушки, энергія героини, простодушіе ребенка. Глядя на нее даже въ тѣ мертвыя минуты, когда выраженіе засыпаетъ и на самыхъ подвижныхъ лицахъ, легко можно было отгадать, какая молнія сверкнетъ въ этихъ огненныхъ глазахъ въ минуту гнѣва, какую сладострастную улыбку сорветъ любовь съ этихъ милыхъ губъ, наконецъ, какъ свѣтелъ былъ бы вѣнецъ счастья на этомъ чистомъ, поэтическомъ челѣ.

Въ эту минуту, самая глубокая меланхолія придавала этому привлекательному личику какой-то скорбный, трогательный, такъ-сказать роковой характеръ.

Молодая дѣвушка оставалась нѣсколько времени въ одномъ положеніи; руки ея были сложены на колѣняхъ, голова поднята, глаза неподвижны; она какъ-будто созерцала въ пространствѣ одно изъ тѣхъ мрачныхъ видѣній, которыя часто безъ причины создаетъ раздраженное или болѣзненное воображеніе, но которое часто также удваиваетъ своимъ идеальнымъ мученіемъ дѣйствительное несчастіе.

Эта мрачная мечтательность, странная въ существѣ, едва-вышедшемъ изъ дѣтства, была вдругъ прервана начальницею модистокъ, прежде всѣхъ это замѣтившею.

— Лаура, вы опять зѣваете по сторонамъ, сказала эта милая особа голосомъ, который Лобненъ, конечно, нашелъ бы очень-рѣзкимъ, еслибъ могъ его слышать.—Я говорю, что эта шапочка не будетъ окончена сегодня.

Молодая дѣвушка,—имя ея теперь извѣстно,—была на минуту поражена изумленіемъ, точно какъ-будто вдругъ разбудили ее; но она тотчасъ же пришла въ себя и отвѣчала на полученный выговоръ сверкающимъ взглядомъ презрѣнія. Она подняла свою работу, тихо наклонила голову и принялась опять за шитье, не удостоивъ начальницы ни однимъ словомъ.

— Грубиянка... дура... разиня.. ворчала блочуряя модистка, между-тѣмъ, какъ трое другихъ гризетокъ мнѣлись насмѣшливыми взглядами.

Лобненъ не пропустилъ ничего изъ этой маленькой сцены, и ему легко было отгадать смыслъ ея, хотя онъ видѣлъ только нѣмую пантомиму. Невольно принялъ онъ сторону молодой дѣвушки;

грусть ея пълнила его не меньше красоты; въ надеждѣ, что она опять подыметъ голову, и что ему еще разъ можно будетъ полюбоваться ею, онъ не отводилъ глазъ, забывъ, что дядя и будущій шуринъ ждутъ его рѣшенія.

— Кажется, она ему поправилась, сказалъ Рокфѣль Фальконѣ.

— Да, блондинка, отвѣчалъ Ренѣ.

— Брюнетка, чортъ возьми! Я стою на своемъ.

— А я на своемъ.

— Довольно, Анри, сказалъ генераль, дергая молодого человѣка за руку: — я увѣренъ, что царь Саломонъ скорѣе произнесъ свой знаменитый судъ, чѣмъ ты.

Лобнень оборотился; лицо его было одушевлено, глаза сверкали.

— Не правда ли: блондинка похожа на герцогиню? спросилъ Ренѣ Фальконѣ.

— Не правда ли, что брюнетка милашка? сказалъ въ свою очередь старикъ.

— Признайтесь: вы моего мнѣнія?

— Говори прямо. Ты согласенъ со мною?

— Прежде всего позвольте мнѣ имѣть свое собственное мнѣніе, отвѣчалъ графъ съ полуулыбкою.

— Одиакожь, кто изъ насъ, по-твоему, правъ?

— Никто. Блондинка приторна, брюнетка простовата; ни та, ни другая не стоять взгляда.

— Вотъ исторія многихъ рѣшеній, замѣтилъ Рокфѣль: — одинъ говорить «бѣло», другой «черно»; приходитъ третій судья и говорить «красно». Значитъ: оба правы, и дѣло отнесено въ архивъ. Полно же объ этомъ толковать. — Тридцать-четыре минуты восьмага, пробормоталъ онъ сквозь зубы, въ десятый разъ взглянувъ на часы. — Если я впередъ приглашу какого-нибудь Фальконѣ...

— Вы не смотрѣли на молодую дѣвушку, что сидитъ въ концѣ конторки? спросилъ Анри у своихъ собесѣдниковъ.

— Эта худенькая дѣвочка, что сидитъ уткнувши носъ въ работу? отвѣчалъ генераль, котораго лицо съ минуту уже видимо омрачалось.

— Конечно какая-нибудь ученица, созданіе совершенно подчиненное, замѣтилъ въ свою очередь сынъ желѣзнодорожника: — дрянное черное платьишко, даже нѣтъ серегъ.

— Да-съ, она! отвѣчалъ Лобнень довольно-презрительно. — Эта худая дѣвочка, въ дрянномъ черномъ платьишкѣ и даже безъ серегъ, столько же выше всего, что ее окружаетъ, сколько алмазъ чистой воды выше цѣлой кучи грубыхъ стразъ.

— Полно! сказалъ Рокфѣль. — Ну, что это! худа какъ ладонь...

— Я замѣтилъ ее, прибавилъ Фальконѣ: — лицо длинное, блѣдное,

какъ кусокъ бѣлаго воска; видъ плачевный, какъ-будто она только-что похоронила всѣхъ своихъ родныхъ.

Графъ невольно пожалъ плечами и ничего не отвѣчалъ.

— Никогда не повѣрю, чтобъ вы находили ее хорошенькой, продолжалъ молодой провинціалъ, задѣтый этою пантомимой.

— Я не нахожу ея хорошенькою, сказалъ Анри съ жаромъ:— хорошепкая — эпитетъ, приличный для кукольныхъ фигуръ, которыя приводятъ въ восторгъ глупцовъ; лицо, о которомъ мы говоримъ, заслуживаетъ лучшей похвалы. Разумная страсть, простодушная поэзія, божественная меланхолія, громовое негодованіе, — словомъ все нѣжное или ужасное, что только можетъ украсить лицо женщины, все это соединилось въ лицѣ этой дѣвушки. Это Ніобей-дитя, Ніобей, предчувствующая свои несчастія и страдающая, прежде, нежели ударъ нанесенъ.

— Ну! поэтъ сорвался съ цѣпи; спасайся, кто можетъ! сказалъ ироническимъ тономъ старикъ.

— Дядюшка, вы надо всѣмъ смѣетесь, но въ сущности вы умѣете оцѣнить истинно-прекрасное, продолжалъ Лобнень, одушевляясь болѣе и болѣе. Посмотрите внимательно на эту молодую дѣвушку и скажите, не счелъ ли бы Леонардо да-Винчи за счастье списать ее въ pendant къ своему очаровательному портрету Мона-Лизы?

— Чтобъ я опять приставилъ глазъ къ занавѣскѣ! вскричалъ генералъ, котораго терпѣніе истощилось.—Послѣ обѣда—почему бы и не такъ. Но въ эту минуту я готовъ промѣнять всѣхъ парижскихъ красавицъ на куропатку съ трюфлями. И такъ, модистокъ въ сторону. Честное слово, это становится невыносимо, безчеловѣчно; я увѣренъ, мнѣ не миновать воспаления въ желудкѣ. Чтобъ пятьсотъ чертей взяли всѣхъ неаккуратныхъ собесѣдниковъ, старыхъ и молодыхъ, такъ же, какъ и всѣхъ докучливыхъ, какого бы пола они ни были.

Едва Рокфѣль провзнесъ это ужасное проклятiе съ энергіею гастронома, доведеннаго до отчаянiя, какъ замѣтилъ въ двухъ шагахъ Фредерика, слугу ресторана; онъ уже съ минуту старался подойти, съ трудомъ очищая себѣ дорогу среди толпы, наполнявшей пассажъ. При видѣ слуги, генералъ ощутилъ невыразимо-пріятное чувство.

— Ну? сказалъ онъ тронутымъ голосомъ.

— Мѣсто свободно, ваше превосходительство, и уже открываютъ устрицъ, отвѣчалъ слуга голосомъ воина, принесшаго вѣсть победы.

— Впередъ! по три на лѣво! рысью! скомандовалъ старый ка-

валерійскій генералъ и самъ первый постышиль исполнить свою команду. Удвоеннымъ шагомъ отправился онъ къ Рошэ-де-Канкаль.

Въ ту минуту, когда трое собесѣдниковъ, и впереди ихъ Фредерикъ, выходили изъ Сомонскаго-Пассажа, вошла въ него госпожа Бруссель, еще блѣднѣе, печальнѣе и утомленнѣе, чѣмъ казалась за нѣсколько минутъ. Рокфёлъ, исключительно занятый своимъ обѣдомъ, прошелъ мимо, не замѣтивъ ея, но Анри поклонился ей почтительно, какъ принцессѣ королевской крови.

За семь лѣтъ, которыя госпожа Бруссель провела въ разлукѣ съ братомъ, страданія и горе такъ сильно измѣнили лицо ея, и одежда ея такъ много отличалась отъ той, какую она носила прежде въ Лорренѣ, что Ренэ не узналъ ея.

— Надо признаться, что для графа у васъ препотѣшныя знакомства, сказалъ онъ, зубоскаля. — Кто эта старая привратница, которой вы поклонились?

— Эта старая привратница ваша тетка, холодно отвѣчалъ Лобпенъ.

— Моя тетка! воскликнулъ Ренэ, вытаращивъ глаза: — это что за шутка?

— Вашъ батюшка сейчасъ объяснитъ вамъ, шутка ли это.

— Вы смѣетесь надо мною. Эта салопница — моя тетка!

— Госпожа Бруссель такъ же мало салопница, какъ и привратница, сухо отвѣчалъ Лобпенъ: — но она безспорно ваша тетка, и я советую вамъ примириться съ этою истиной.

При имени госпожи Бруссель, Ренэ Фальконэ покраснѣлъ до ушей, повѣсилъ носъ и замолчалъ сконфуженный.

Въ продолженіи этого разговора, женщина, бывшая предметомъ его, продолжала путь свой слабыми, невѣрными шагами. Дошедши до моднаго магазина, о которомъ мы говорили, она остановилась и также приложила глазъ къ отверстию въ занавѣскѣ, столь удачно служившему, за минуту предъ тѣмъ, любопытству болѣе легкомысленному. Она смотрѣла долго, съ грустью и отчаяніемъ; наконецъ оторвалась отъ окна съ сердцемъ, полнымъ вздохомъ, и вышла изъ переулка.

Нѣсколько минутъ спустя, можно было видѣть, какъ госпожа Бруссель вошла въ домъ печальной наружности, посреди одной изъ тѣхъ узкихъ, сырыхъ, мрачныхъ улицъ, изъ которыхъ состоитъ большая часть Монмартрскаго-Квартала.

V.

БРАТЪ И СЕСТРА.

Когда Фальконэ и сестра его остались лицомъ-къ-лицу наединѣ, настала минута нервнѣйшей тишины и молчанія.

Госпожа Бруссель, ослабѣвшая отъ болѣзни и горя, принуждена была състь; она подняла на брата взоръ, полный душевной тревоги, и ждала, казалось, не проронить ли онъ теплаго словечка, которое дастъ ей силу объяснить, зачѣмъ пришла она.

Желѣзнодорожникъ, стоя, смотрѣлъ на нее холодно и недовольно, и рѣшился, по-видимому, предоставить ей начать разговоръ, котораго неизвѣстный, но подозрѣваемый предметъ тревожилъ его, не смотря на всѣ его усилія казаться совершенно равнодушнымъ. Видя, наконецъ, что душевное волненіе не позволяло сестрѣ его говорить, онъ рѣшился начать разговоръ, и сказалъ принужденнымъ голосомъ:

— Вы видите, господинъ Рокфѣль вышелъ, чтобъ не мѣшать намъ; конечно, вы согласитесь со мною, что не слѣдуетъ употребить во зло его снисходительность и заставить его ждать. Скажите же въ двухъ словахъ, чего вы отъ меня хотите?

Эти слова, произнесенныя голосомъ, въ которомъ слышалось только желаніе сократить непріятную сцену, сжали, какъ ледяною рукою, и безъ того уже убитое сердце госпожи Бруссель; вместо отвѣта, она опустила голову; двѣ слезы набѣжали на ея ресницахъ и тихо скатились по исхудавшимъ щекамъ.

— Ну! начинается проливной дождь! проговорилъ въ-полголоса желѣзнодорожникъ.

Нѣсколько минутъ царствовало молчаніе; Фальконэ снова рѣшился прервать его.

— Я не могу себѣ представить, чтобъ вы пришли сюда единственно для доставленія мнѣ удовольствія посмотреть на пантомиму, конечно, очень-краснорѣчивую, но которую я знаю уже давно наизусть, потому-что слезныя фибры были у васъ всегда очень-раздражительны. Угодно-ли вамъ сказать мнѣ, что доставляетъ мнѣ удовольствіе васъ видѣть? да, или нѣтъ?

Г-жа Бруссель подняла голову; глаза ея были сухи; грубость брата подавила въ ней слезы.

— Я думала, что я несчастна, какъ только можетъ быть несчастна женщина, сказала она глухимъ голосомъ:—но вы мнѣ доказываете, что горе неисчерпаемо. Такъ-то принимаете вы меня послѣ семи лѣтъ разлуки, меня, сестру свою, меня, страдающую

и удрученную, меня, въ васъ полагавшую свою послѣднюю надежду! Какъ! ни ласковаго взгляда, ни ласковаго слова, ни одного пожатія руки! Что же сдѣлала я вамъ, что вы обращаетесь со мною такъ жестко? Правда, когда мы разстались, вы были недовольны мною; конечно, вы были правы, я виновата, я должна была послѣдовать вашимъ советамъ...

— Наконецъ-то вы съ этихъ согласились! прервалъ ее съ фронтоной Фальконэ. — Къ-несчастью, теперь немного-поздно.

— Но еслибъ ошибки мои были и въ тысячу разъ большіе, должно ли изъ-за этого отказывать мнѣ въ ласкѣ или по-крайней-мѣрѣ въ состраданіи, которое только-что оказали мнѣ чужіе? Можеть ли братъ, въ тайномъ справедливомъ негодованіи, питать враждебное чувство къ сестрѣ, когда она пришла сказать ему: я несчастна и имѣю въ тебѣ нужду?

— Нужду во мнѣ? Ну, такі! прошепталъ желѣзнодорожникъ, и ослабѣнное лицо его стало еще мрачнѣе.

— Но что сдѣлала я вамъ, Франсуа? что я вамъ сдѣлала?

— Что вы мнѣ сдѣлали? отвѣчалъ Фальконэ, сердясь насильно, какъ волкъ въ баснѣ, чтобъ ускользнуть побрѣдствомъ какой бы то ни было сторы отъ просьбы, страшныхъ для его скупости и въ-самомъ-дѣлѣ очень-вероятныхъ, судя по жалкому одѣянію г-жи Бруссель: — что вы мнѣ сдѣлали! Во-первыхъ, не думаете ли вы, что мнѣ очень-пріятно въ присутствіи такихъ лицъ, какъ генералъ Рокфелъ и графъ Лобпенъ, съ которыми я готовлюсь порешить дѣло чрезвычайно-важное, — не думаете ли вы, говорю я, что мнѣ очень-пріятно видѣть, какъ вы точно съ неба свалились въ костюмѣ, отъ котораго покраснѣла бы жена послѣдняго изъ кузнецовъ моихъ? Если вы рѣшились уже преслѣдовать меня даже сюда, не-уже-ли вы не могли одѣться пристойнѣе, — вы, которая во время оно такъ любили шеголять!

— Я и теперь люблю шеголять, отвѣчала г-жа Бруссель улыбаясь, но улыбка эта была горька и изобличала во лжи притворную веселость ея словъ. — Вы видите, я принарядилась: чтобъ явиться къ вамъ, я постаралась надѣть свою лучшую шаль и лучшее платье.

— И зачѣмъ приходите сюда, а не въ отель, гдѣ я живу? продолжалъ Фальконэ, слыша остановитъ первое обвиненіе, нашедшее рѣчь именно на тотъ предметъ, котораго скупецъ всего болѣе желалъ избѣжать.

— Въ эти два дня я пять разъ приходила въ турскую отель, и всякій разъ бесполезно. Только сегодня утромъ узнала я, что вы будете обитать здѣсь съ госпожиною Рокфелемъ.

— Мнѣ ни слова объ этомъ не говорили.

— Я предвидѣла, что вамъ будетъ, можетъ-быть, непріятно, если я скажусь вашею сестрою, и не объявляла своего имени; но вамъ вѣрно говорили, что какая-то женщина приходила нѣсколько разъ.

— Въ Парижѣ столько женщинъ! А позвольте спросить, какъ узнали вы, что я живу въ турской отели? продолжалъ желѣзнодорожникъ съсивымъ тономъ. — Я и не воображалъ, чтобъ за мною такъ зорко присматривали.

— Одинъ лорренскій знакомецъ моего мужа сказалъ ему, что вы пріѣхали въ Парижъ и назвалъ отель, въ которомъ вы оставились.

— По-видимому, почтенный зятюшка не заблагоразсудилъ почтить меня своимъ посѣщеніемъ? Признаюсь, я очень-благодаренъ ему за такую разборчивость.

— Конечно, я должна была бы сдѣлать то же, потому-что вижу, сколько посѣщеніе мое для васъ непріятно; но бываютъ обстоятельства столь требовательныя, мужа столь ужасная...

— Благородный Бруссель! сказалъ желѣзнодорожникъ, снѣта перебить рѣчь сестры. — Надѣюсь, онъ по-прежнему любезенъ? По крайней-мѣрѣ, простить ли онъ мнѣ, что я отказался принять его въ компанію? За это, кажется, если не ошибаюсь, мы и нессорились. Какую глупость я сдѣлалъ! Такой трудолюбивый, способный, примѣрный человѣкъ!

Г-жа Бруссель мрачно слушала эту ироническую похвалу своему мужу.

— Братецъ! сказала она черезъ минуту, собравъ всю свою энергію: — хотите ли вы меня выслушать?

— Зачѣмъ это? развѣ я не знаю впередъ, что вы мнѣ скажете? отвѣчалъ Фальконё. Видя, что ему уже невозможно отгнать атаки, грозившей, какъ онъ думалъ, кошельку его, онъ вдругъ рѣшился отразить ее быстрымъ движеніемъ на встрѣчу опасности. — Выслушайте и скажите сами, ошибаюсь ли я. Бруссель, какъ я вамъ когда-то предсказывалъ, съѣлъ все ваше имущество, можетъ-быть даже и бездѣлицу, оставленную дочери вашей вашимъ первымъ мужемъ. Проектъ его основать заведеніе въ Парижѣ — мечта! Надежда найти заводящихъ, которые согласились бы доверить ему капиталы — мечта! Открытія его въ металлургіи — мечты! Его знаменитый секретъ очищать желѣзо, сберегая три четверти топлива — мечта! Все мечта! Бруссель безумецъ и еще хуже... Вы, безъ сомнѣнія, понимаете меня слишкомъ хорошо, и мнѣ не для чего распространяться. Прежде, когда я старался отклонить васъ отъ этого замужства, вы не хотѣли меня выслушать; теперь вы наказаны за упрямство. Что могу я тутъ сдѣлать?

— Братецъ! Несчастіе...

— Несчастіе! Вотъ оно, великое слово!.. Мнѣ всегда кажется, что несчастіе, въ которомъ человекъ самъ виноватъ, заслуживаетъ очень-мало вниманія, а вы виноваты въ своемъ несчастіи. Теперь ваше положеніе стѣснено, тягостно: это невесело, согласенъ; но, еще разъ, что я тутъ могу сдѣлать? Вы сказали самой-себѣ: братъ мой богатъ, у него доброе сердце, онъ легко забудетъ наши старинныя ссоры; мнѣ стѣитъ только сказать ему слово, и онъ поспѣшитъ къ намъ на помощь, онъ поставитъ насъ опять на ноги. Во-первыхъ, я далеко не такъ богатъ, какъ предполагаютъ: у меня много обязанностей; рынки завалены желѣзомъ, заводскія дѣла съ каждымъ днемъ идутъ хуже, прибыли нѣтъ... Правда, я кое-какъ держусь; но и только.

— Братецъ...

— Впрочемъ, если я въ-продолженіи многолѣтняго трудового прищипа своего и собралъ небольшіе барыши и отложилъ небольшія деньги, справедливо ли будетъ съ моей стороны употребить этотъ скромный выигрышъ, плодъ моего труда, хлѣбъ дѣтей моихъ, на поправленіе чужихъ глупостей? Я нигдѣ не видѣлъ, чтобъ порядокъ долженъ былъ платитъ за безпутство. Еслибъ вы овладѣли во второй разъ — и это лучшая участь, какой только я могу пожелать вамъ, — конечно, я не оставилъ бы ни васъ, ни вашей дочери; но бросить въ бездну, которая называется Брюсселемъ, малѣйшую лепту имѣнія, приобретеннаго въ потъ лица, — потому что я всѣмъ обязанъ только самому-себѣ, — было бы слабостію, глупостію, безумствомъ, и, чтобъ избавить васъ отъ бесполезныхъ просьбъ, клянусь вамъ, я не сдѣлаю такого безумства.

Фальконѣ естановился, очень-довольный, что такъ ловко прикрылъ сносными фразами свое рѣшеніе, плодъ самаго жестокаго эгоизма и недоступной скупости. Особенно слова: «еслибъ вы овладѣли въ другой разъ» казались ему гениальною выходкою. Этого нагулебачанія, условнаго благодѣанія было, по его мнѣнію, достаточно, чтобъ очистить его отъ всякихъ упрековъ за рѣшимость не трогать своего имѣнія въ пользу несчастной сестры; къ-тому же, ловко ограждая настоящее, онъ такъ мало связывался будущимъ! Не говоря уже о тѣлесной и душевной болѣзни, видимо сдѣдавшей госпожу Брюссаль, мужъ ея, очень-здоровый, былъ десятью годами моложе ея.

Фальконѣ уже нѣсколько лѣтъ не видалъ сестры своей; сухое, жадное сердце его никогда не знало великодушныхъ чувствъ, и онъ видѣлъ въ ней только врага своей шкатулки; въ-слѣдствіе этого, онъ, преспokoйно забывъ всякое братство, изъ веѣхъ силъ защищалъ этотъ милый и единственный предметъ своей любви.

— Еслибъ вы согласились меня выслушать, отвѣчала госпожа

Бруссель, когда братья ей дали наконецъ возможность говорить: — вы пощадили бы меня отъ бесполезно-жестокихъ упрековъ, которые я должна была выслушать. Мы бѣдны, правда, очень-бѣдны; но я къ этому привыкла. Я уже такъ давно страдаю отъ различныхъ неудобствъ, лишеній, иногда даже, — сказать ли? отъ нужды, что мысль объ обезпеченномъ состояннн, о жизни счастливой или, по-крайней-мѣрѣ, спокойной представляется мнѣ однимъ изъ тѣхъ мечтаній, которыя никогда на землѣ не осуществляются. Да, у меня уже не достаетъ и энергнн желать роскоши, или даже довольства, однимъ словомъ, я предалась судьбѣ своей, по-крайней-мѣрѣ, части судьбы своей, которая называется нищетою.

Фальконѣ съ удивленіемъ смотрѣлъ на сестру; онъ думалъ, что разгадалъ ее, а теперь она стала для него опять загадкою.

— Будьте же богаты, братецъ, продолжала она, печально улыбаясь: — да умножается богатство ваше съ каждымъ днемъ; это мое чистосердечное, и, могу сказать, безкорыстное желаніе. Не думайте, чтобъ я пришла бѣдностью своею тревожить вашу благотворительность, или требовать, не имѣя на то никакого права, своей части въ плодахъ вашего труда. Каждому своя награда за дѣла: вамъ, умному и трудолюбивому — богатство; мнѣ, неразумной и глупой — бѣдность. Этотъ раздѣлъ справедливъ, и я не имѣю права на него жаловаться. И такъ, повторяю: если вы думали найти во мнѣ докучную нищую, успокойтесь: я не денегъ у васъ прошу.

Не замѣчая горькаго презрѣнія, невольно высказывавшагося въ голосѣ сестры, желѣзнодорожникъ, еще болѣе сбитый съ толка, отвѣчалъ:

— Вы у меня просите не денегъ! Такъ чего же?

— Того, что въ тысячу разъ дороже!

— Что въ тысячу разъ дороже денегъ! воскликнулъ Фальконѣ... Опасенія его опять вдругъ пробудились, потому-что, исключая жизни, что же могло быть на свѣтѣ дороже денегъ?

— Я прошу у васъ вашей дружбы, сказала госпожа Бруссель тономъ, который тронулъ бы самое безчувственное сердце.

— Моей дружбы! вы имѣете ее, клянусь вамъ, что вы ее имѣете, поспѣшно отвѣчалъ желѣзнодорожникъ, и снова почувствовалъ облегченіе, видя, что просьба сестры ограничивается такимъ дешевымъ предметомъ.

— Хочу вѣрить вамъ, братецъ; да, я вѣрю вамъ, продолжала госпожа Бруссель съ какою-то торжественностью. — Теперь, выслушайте. Скоро, можетъ-быть, дружба, въ которой вы меня застряете, будетъ подвергнута испытанію. Вотъ уже нѣсколько мѣсяцевъ

я очень-болжна; болѣзнь моя съ каждыиъ днемъ становится хуже; словомъ, я чувствую, что мнѣ недолго остается жить.

— Полно-те! прервалъ ее Фальконэ, рассчитывая, что надо же сдѣлать честь только-что заключенной братской дружбѣ. — Не забывайте себя въ голову такихъ мыслей! Конечно, съ виду вы не очень-здоровы; но что значитъ наружность? Вы немножко-худы; а я развѣ не худъ? Однакожь, у меня желѣзное здоровье; мы все въ нашемъ семействѣ худы, исключая, впрочемъ, Ренэ: онъ геркулесъ, въ родъ своей матушки, что, впрочемъ, не помѣшало ей умереть сорока-трехъ лѣтъ. Вы видите, что ваши опасенія неосновательны.

— Я не боюсь смерти; у меня такъ мало причинъ жалѣть о жизни! И я не обманываю себя; къ-тому же, докторъ мой, когда я была еще въ состояннн имѣть доктора, былъ откровененъ: онъ не оставилъ меня въ невѣдѣннн на счетъ ожидающей меня участи.

— Да чѣмъ же вы больны?

— Болѣзнию сердца, аневризмомъ.

— Э! Вотъ ужѣ десять лѣтъ, какъ вы воображали, что страдаете грудью, а теперь вамъ чудится аневризмъ! Это все фантазія!

— Я ошибалась десять лѣтъ тому назадъ; теперь я не ошибаюсь.

— Мечты, говорю я вамъ!

— Пожалуй, вѣрѣте, что это фантазія, мечты; но допустимъ же, что предчувствія мои могутъ наконецъ и сбыться. Съ аневризмомъ должно ждать всего каждое мгновеніе; нѣсколько минутъ назадъ, я уже думала, что насталъ конецъ моихъ страданій. Наконецъ, если я умру, — а это можетъ случиться завтра, — что станется съ моею дочерью? воскликнула г-жа Бруссель съ внезапнымъ порывомъ. — Что станется съ бѣдной дѣвушкой, уже столько несчастной отъ самаго рожденія? Дитя благороднаго Мейнара, котораго мамаша почила я такъ мало, мое единственное дитя, дочь моя... что станется съ нею, когда я умру?

— Развѣ у ней нѣтъ вѣтчимъ? спросилъ Фальконэ, и маленькій глазъ его потускнѣлъ.

Г-жа Бруссель вдругъ вздрогнула, и мускулы лица ея странно сдвинулись.

— Конечно, отвѣчала она съ усиленіемъ: — конечно; но приличная ли это для нея защита? Послѣ моей смерти, Бруссель ничего не будетъ значить для моей дочери.

— Ну, фамилія Мейнаровъ; это ихъ дѣло по всемъ правамъ, потому-что дочь ваша носитъ ихъ имя.

— Первый мужъ мой оставилъ по себѣ только дальнихъ родственникововъ; я никогда не имѣла съ ними никакихъ сношеній, и

они живутъ далеко, въ Бретани. Если я умру внезапно, что могутъ они сдѣлать для моей дочери на такомъ разстояніи, если даже и предположить, что они захотятъ взять на себя это бремя?

— Бремя — настоящее выраженіе, потому-что сирота тяжкое бремя, сказалъ Фальконё, становившійся все холоднѣе и недоступнѣе.

— Только одно лицо въ цѣломъ мірѣ можетъ замѣнить меня для моей дочери, и это лицо, на котораго возлагаю я свою послѣднюю надежду, которое только-что говорило мнѣ о своей дружбѣ... вы догадываетесь, братецъ, кто оно?

— Догадываюсь... то-есть... почти... да, я думаю, что понялъ вѣкъ, пробормоталъ старый скряга съ принужденіемъ, отъ котораго дрожали его безцвѣтныя губы.

— Что же? Подарите меня добрымъ чувствомъ. Не рассчитывайте, послушайте сердца. Мнѣ, повторю вамъ, ничего не нужно; но обѣщайте быть вторымъ отцомъ для моей дочери. Премба моя немногаго будетъ вамъ стѣять! Бѣдняжка не избалована, уверю васъ; въ-сравненіи съ почтальной мианью, какую влечетъ она теперь, великое спасибо существованіе покажется ей счастьемъ. Вашъ домъ такъ великъ!.. самый маленькій уголокъ...

Фальконё не могъ дальнѣе удерживаться.

— Кой-чертъ, сестра! прервалъ онъ ея: — этотъ разговоръ былъ бы у мѣста, еслибъ вы думали на смертномъ адѣ; но, благодаря Бога, мы еще до этого не дожили. Что ни говорите, а вы вѣчно здоровы, и, по вѣрному вѣроятію, вы будете меня хоронить, потому-что вы шестью годами моложе. Женщины долговѣннѣе насъ, это доказано. Къ-чему же заранѣе предаваться мрачнымъ мыслямъ и горевать о томъ, что можетъ случиться съ вашею дочерью, когда вы еще умрете?

— Ахъ, братецъ! у васъ есть дѣти, и вы не понимаете межд!

— Полно-те, успокойтесь; у васъ всегда было пылкое воображеніе; я человекъ разсудительный и, право, не понимаю вашихъ фантазій.

— Но вы не отвѣчали мнѣ! сказала г-жа Бруссель со страхомъ. — Если я умру, дочь моя будетъ покинута?

— Не объ этомъ рѣчь, отвѣчалъ желѣзнодорожникъ послѣ минутнаго размышленія; онъ рассчиталъ, что единственное средство окончить эту неприятную сцену было согласиться съ мыслями сестры и успокоить ее какимъ-нибудь обѣщаніемъ въ далекомъ будущемъ, обыкновенною щедростью скупыхъ. — Ваша дочь мнѣ племянница, и если, противъ всякаго вѣроятія, вы умрете прежде меня, вы можете быть уверены, что я ея не оставлю.

— Вы не доверите ея чужимъ, вы возьмете ее къ себѣ! воск-

кликнула г-жа Бруссель, и на увидѣшемъ лицъ ея блеснула лучъ радости.

— Согласенъ; она будетъ жить у меня, и ей ни въ чемъ не будетъ отказано.

— Братъ!

— И даже, продолжалъ Фальконэ, не видя никакой опасности выказать совершенное великодушiе въ воображаемой благотворительности:—если въ послѣдствii времени ей представится приличная партiя, и, чтобъ покончить дѣло, нужно будетъ только приданое...

— Добрый братъ! я не понимала васъ!

— Это очень-просто; я снаружи холоденъ, неразговорчивъ, не щеголяю фразами, но въ душѣ...

— Вы лучший изъ людей!

— Итакъ, вы можете быть покойны. Показаться я живъ, буду для вашей дочери, какъ вы сказали, вторымъ отцомъ. Конечно, въ этомъ состоитъ вся ваша просьба? Я боюсь, чтобъ г. Рокель...

— Благодарю васъ, братецъ, благодарю васъ! пронесла г-жа Бруссель, судорожно сжимая руку Фальконэ: вы пробудили во мнѣ чувство радости, которой давно уже я не помню. Еслибъ вы знали, отъ какихъ ужасныхъ опасенiй избавляетъ меня ваше обѣщанiе! Итакъ, дочь моя спасена! Но, братецъ, вы должны доказать свое расположенiе къ ней не только послѣ смерти моей, а сейчасъ, завтра же.

— Завтра же! Что это значить? воскликнулъ Фальконэ. Физиономiя его, изъ которой онъ за нѣсколько минутъ выжалъ отеческое выраженiе, вдругъ ясно высказала замѣшательство лисицы, пойманной въ капканъ.

Г-жа Бруссель отвѣчала не тотчасъ; она очевидно была въ замѣшательствѣ, которое братъ ея замѣтилъ бы непременно, еслибъ самъ въ эту минуту не потерялъ съ хладнокровiемъ своимъ и части своей всегдашней проникательности.

— Я чувствую себя такъ дурно, пронесла она наконецъ, останавливаясь на каждомъ словѣ,—что, предчувствуя смерть, все еще боюсь, какъ бы она не застала меня въ распахъ. Бѣдная дочь моя очень-молода, слишкомъ-чувствительна, сама очень-слаба! Я желала бы избавить ее отъ печальной сцены, которая будетъ ей, можетъ-быть, не по силамъ. Прошу васъ, братецъ, не ждите послѣдней минуты, чтобъ осуществить ваши добрыя намѣренiя; усладите горечь немногихъ дней, которые остается прожить мнѣ: исполните теперь же свое обѣщанiе. Пусть дочь моя сегодня же найдетъ гостепрiимство въ вашемъ домѣ, а въ сердцѣ вашемъ частичъ

ку дружбы, общинной матери; тогда я умру, — не могу сказать счастливою, но спокойною, благодарною и утѣшенною.

Совершеннѣйшіе эгоисты могутъ попасть въ-просакъ; но они скоро находятся и ужь другой разъ не попадутся. Случится ли имъ сбиться съ дороги и попасть на тернистую тропинку, гдѣ овечья порода людей чувствительныхъ всегда оставитъ нѣсколько клочковъ своей шерсти, они владѣютъ искусствомъ проходить сквозь засѣки и кустарникъ, нигдѣ не зацѣпляясь. Въ настоящемъ случаѣ, желѣзный заводчикъ, оцлошавшій на минуту, тотчасъ же заслонился остроумнѣйшею выходкою, какая только можетъ прийдти въ голову самолюбію и скупости вмѣстѣ.

— Не вѣрю ушамъ своимъ и боюсь понять васъ! воскликнула онъ голосомъ возмущенной честности. — Какъ! чтобъ я, изъ преступнаго снисхожденія къ какимъ-то мечтамъ необузданной чувствительности, чтобъ я удалилъ дочь отъ матери въ ту минуту, когда мать ожидаетъ послѣдняго часа своего! Да знаете ли, что вы предлагаете мнѣ участвовать въ дѣлѣ неважномъ, неслыханномъ, возмутительномъ, — въ дѣлѣ, противномъ всемъ человѣческимъ и божескимъ законамъ! Если вы должны скоро умереть, — а я все еще утверждаю, что подобное опасеніе безразумно, — мѣсто вашей дочери возлѣ васъ, у изголовья вашей постели; она должна оказать вамъ послѣднія услуги, продолжалъ Фальконэ адвокатскимпатетическимъ тономъ: принять послѣдній вздохъ вашъ, закрыть вамъ глаза; такова обязанность ея, священная обязанность, и я слишкомъ-хорошаго мнѣнія о моей племянницѣ... не могу предположить, чтобъ она согласилась забыть эту обязанность.

— О! братецъ, сказала г-жа Бруссель, заливаясь слезами: — не вѣрьте, что только сильная, неотклонимая причина можетъ меня заставить добровольно отказаться отъ присутствія дочери, единственнаго существа, которое могло бы облегчить предсмертныя муки...

— Какая это причина?

— Увольте меня отъ дальнѣйшихъ объясненій.

— Какъ же мнѣ понять васъ, если вы не хотите изъясниться?

— Нужны ли изъясненія, чтобъ сдѣлать мнѣ единственное, первое и послѣднее благодѣаніе, о которомъ прошу васъ?

— Я не привыкъ покупать товаръ по ярлыку, сухо отвѣчалъ старикъ. — Я слышу отъ васъ просьбу, которая въ устахъ матери кажется мнѣ странною, непонятною, неизъяснимою; долженъ я поменьшей-мѣрѣ знать побудительную ея причину.

— Умоляю васъ, братецъ, не спрашивайте больше, сказала г-жа Бруссель глубоко-тронутымъ гологомъ: — есть вещи, отъ которыхъ страдаешь, умираешь, но о которыхъ не говоришь.

— Вы предполагаете, стало-быть, что я проведу вечеръ въ разгадываніи

визитъ парадъ... Словомъ, зачѣмъ хотите вы разстаться съ дочерью? Вы понимаете, что со мною нельзя расплатиться разными усовершенствованіями по части чувствительности, на которыхъ вы подумали вывѣзвать.

— Умеваю васъ, не спрашивайте.

— Понимаю, сказалъ Фальконэ послѣ минутнаго размышленія. — Безъ сомнѣнія, Вруссель ведетъ себя такъ же дурно противъ вашей дочери, какъ и противъ васъ. Обыкновенно, матушки дѣлаютъ жизнь дочки своего мужа пасоною; но матушки бываютъ и мужскаго рада. Я отгадалъ, не правда ли? Вруссель обижаетъ дочь вашу?

— Нѣтъ, отвѣчала госпожа Вруссель, и опять вздрогнула. Эта страшная дрожь пробѣгала по ея членамъ всякій разъ, какъ только произносилось имя ея мужа.

— Вы можете говорить «нѣтъ», но я вижу по вашимъ глазамъ, что поцѣлъ въ цѣль.

— Клянусь вамъ...

— И это не удивляетъ меня; я давно знаю Врусселя за него-дья.

— Ни слова больше! воспаликнула госпожа Вруссель, блѣдное лицо которой познѣдо.

— Пожалуй, ни слова больше; но за то, въ чемъ бы ни состояло поведеніе мужа вашего противъ васъ и вашей дочери, я могу вамъ поверить только одно: покориться судьбѣ своей. Теперь я вижу ясно, чего вы отъ меня ждали. Подъ предлогомъ покровительства дочери, вы хотѣли свести меня съ Врусселемъ; но этого никогда не будетъ. Ваши домашнія ссоры нисколько до меня не касаются, и я рѣшился ни во что не вмѣшиваться. Есть пословица: не клади пальца между корою и деревомъ, и въ настоящемъ случаѣ мудрѣе ей неслѣдовать. Итакъ, съ вашего позволенія, я останусь въ сторонѣ.

— Это ли вы мнѣ обѣщали?

— Обѣщаніе мое, вы знаете, условно.

— А условіе — смерть моя? сказала сестра его съ горькою улыбкою.

— Условіе, которое, надѣюсь, не исполнится при моей жизни, холодно отвѣчалъ Фальконэ.

— Итакъ, вы отвергаете мою просьбу? спросила госпожа Вруссель едва-слышнымъ голосомъ.

— Съ сожалѣніемъ; но разсудокъ такъ повелѣваетъ.

— Вы отталкиваете дочь мою?

— Ея мѣсто при васъ.

— Еслибъ она даже была на цѣмъ несчастна?

— У всякаго свое горе,

— Еслибъ даже она должна была умереть съ горя?

— Никто не умираетъ съ горя.

— Еслибъ даже ей пришлось испытать участь ужаснѣе смерти?

— Вы вѣчно все преувеличиваете!

Быстро и неожиданно госпожа Бруссель бросилась къ ногамъ своего брата.

— Именемъ матери нашей, произнесла она раздирающимъ голосомъ: — именемъ дѣтей вашихъ...

— Подумайте, сестрица! прервалъ ее Фальконэ, стараясь поднять ее. — Мы здѣсь въ Роше-де-Канкаль, а не въ Порт-Сен-Мартенскомъ-Театрѣ.

— Вспомните о вашей дочери! продолжала несчастная на коленяхъ. — Дай Богъ, чтобъ вамъ никогда не пришлось просить для нея той милости, которой я прошу теперь для моей!

— Именно, думая о моей дочери, я долженъ устоять въ своемъ отказѣ, отвѣчалъ скупой старикъ съ присутствіемъ духа, которое стояло бы удивленія, если бъ защищало предметы болѣе благородныя. Что сказала бы бѣдная Фальконэ, видя, что я дѣлаю для племянницы то, чего не дѣлалъ даже для нея?

Госпожа Бруссель встала съ трудомъ и смотрѣла на брата, не принимая его.

— Въместо того, чтобъ разыгрывать мелодраму, поговоримъ спокойно, продолжалъ онъ. — То, что вы считаете во мнѣ недостаткомъ чувствительности, можетъ-быть, даже эгоизмомъ, просто слѣдствіе убѣжденія; итакъ, вы были бы очень-неправы, сердясь на меня въ этомъ случаѣ; что можетъ быть священнѣе убѣжденія?

Не получивъ отвѣта на этотъ какъ-бы вопросъ, Фальконэ продолжалъ голосомъ все болѣе и болѣе спокойнымъ и кроткимъ:

— Вспомните, что было во время кончины жены моей. Я не только поклялся не жениться въ другой разъ, но при васъ же далъ обѣтъ никогда и ни подъ какимъ предлогомъ не дѣлать женщины главою моего дома. Я очень-далекъ отъ мысли порицать покойницу: во-первыхъ, смерть священна; во-вторыхъ, бѣдняжка была исполнена добрыхъ качествъ и добродѣтелей; но, не нарушая уваженія къ ея памяти, мнѣ позволено, надѣюсь, замѣтить, что склонности ея дѣлать глупыя издержки я обязанъ не одною мучительною минутой. Глупцы увѣряютъ, что женщина необходима въ хозяйствѣ; что она сохраняетъ порядокъ и поддерживаетъ экономію; желаю этимъ почтеннымъ господамъ просвѣтить свое вѣрованіе хоть частицею испытаній, бывшихъ моимъ удѣломъ при жизни покойницы. Вы, конечно, помните, сестрица?

Госпожа Бруссель опять ничего не отвѣчала; она, казалось, слушала брата, но ничего не слыхала.

— Вѣчные праздники, продолжалъ скрѣта, невольнo горячась при воспоминаніи о своихъ давнопрошеднихъ терзаніяхъ:—каждую минуту гулянья; каждую недѣлю балы; иногда двадцать человекъ гостятъ на заводѣ, не считая прислуги и лошадей; Богу известно, сколько они выпили вина и съѣли сѣна! А наряды!.. Въ Намси все было негодно: шляпки надо было выписывать изъ Парижа. Однажды, помню какъ теперь: является съ почтой, по случаю какой-то свадьбы, букетъ отъ мамзель Превэ изъ Пале Руаяля; букетъ съ пересылкой стоѣлъ пятьдесятъ-четыре франка. Это просто грабѣжъ! Еслибъ такой порядокъ еще продолжался, я умеръ бы съ тоски. Я вовсе не хочу упрекать покойницу; бѣдняжка скончалась, и я оплакиваю ее каждый день; и такъ, да проститъ ей Богъ, какъ я ее прощаю. Но я поклялся, что подобное разореніе не повторится въ другой разъ, и что никогда женщина не будетъ управлять моимъ хозяйствомъ. Надѣюсь, вы меня поняли!

— Не знаю, отвѣчала госпожа Бруссель съ усміемъ:—голова у меня такъ слаба...

— А, кажется, я говорю ясно. Никакой женщины въ моемъ домѣ — вотъ мое правило, и уже десять лѣтъ убѣждаюсь, что оно очень-полезно. Согласно съ этимъ закономъ, предписаннымъ самому-себѣ, я помѣстилъ дочь свою въ одинъ пансіонъ въ Парижѣ, и она выйдетъ изъ него только замужъ; но, замѣьте: ни она, ни будущій зять мой не будутъ жить у меня. Когда Ренé женится въ свою очередь, я поселю его на брѣйльскомъ заводѣ и буду жить по-своему, тихо и скромно, небольшимъ домомъ, какъ вдовецъ. Вотъ мой планъ, и онъ неизмѣнимъ. Какъ же вы хотите, чтобъ я взялъ къ себѣ племянницу, когда я рѣшился не брать ни невѣстки, ни даже родной дочери?

Фальконэ умолкъ и въ морганіи одинокаго глаза его видно было удовольствіе спорящаго, когда онъ думаетъ, что зажалъ уста своему противнику неопровержимымъ доказательствомъ.

Госпожа Бруссель поняла изъ всего этого потока доводовъ только одно — что братъ ея упорствуетъ въ своемъ отказѣ.

— И такъ вы неумолимы? спросила она дрожащимъ голосомъ.

— Развѣ я не доказалъ вамъ, что не могу поступить иначе?

— И ваше рѣшеніе...

— Непокосленимо; пріймите свои мѣры.

Жельзозаводчикъ произнесъ эти послѣднія слова такимъ сухимъ, жесткимъ, положительнымъ тономъ, что госпожа Бруссель, пораженная до глубины сердца, поняла, что новыя мольбы будутъ бесполезны; нѣсколько минутъ простояла она наклонивъ голову, и черты ея вдругъ измѣнились, какъ-будто она почувствовала ужасное приближеніе предсмертныхъ мукъ; собрать наконецъ

остатокъ силъ, она подняла голову и устремила на брата взоръ, въ которомъ негодованіе боролось съ отчаяніемъ.

— Прощайте, сказала она:—душа безжалостная! Вы не увидите меня больше; но, конечно, скоро услышите объ ужасной катастрофѣ, которую могли отворотить. Можетъ-быть, вы и пожалѣете, но будетъ уже поздно. Я не буду уже въ живыхъ, умру, проклятая васъ, потому-что вы для меня безъ сердца. Прощайте; вашу эгоизмъ произнесъ смертный приговоръ; да падетъ же на васъ кровь моя и моей дочери!

Съ этими словами, сказанными съ энергіею, какъ-бы въ помѣшательствѣ, госпожа Бруссель быстро вышла изъ комнаты; жеманозаводчикъ, озадаченный, не попробовалъ остано­вить ее. Когда прошла минута перваго замѣшательства, онъ бросился за нею въ корридоръ; но было уже поздно: сестра его исчезла. Фальконэ возвратился въ комнату и нѣсколько времени ходилъ взадъ-и-впередъ, встревоженный больше, нежели хотѣлъ въ томъ сознаться. Наконецъ, ему удалось подавить это непріятное чувство и оправдать въ собственныхъ глазахъ свое поведеніе.

— Что за глупость тревожиться изъ подобнаго вздора! подумалъ онъ. — Женщины, которыя только и говорятъ, что о своей смерти, живутъ дольше всѣхъ. Моя ли вина, что сестра моя мечтательница, у которой воображеніе раздражено чтеніемъ романовъ, и что она бредитъ только трагическими катастрофами? Кажется, я представилъ ей довольно-ясные доводы; тѣмъ хуже для нея, если она ими недовольна. Я не могу, я не долженъ сдѣлать для племянницы то, чего не сдѣлаю ни для невестки, ни для дочери. На это нечего возражать.

Успокоивъ совѣсть такимъ разсужденіемъ, Фальконэ сѣлъ на диванъ, гдѣ и нашелъ его черезъ минуту Рокфѣль съ двумя своими товарищами. Фальконэ уже совершенно оправился отъ выдержанной сцены, и съ добродѣтельнымъ негодованіемъ скупяго разсматривалъ непомѣрныхъ, по его мнѣнію, цѣны на картѣ ресторатѣра.

VI.

Правда въ винѣ.

Четыре собесѣдника сошлись наконецъ къ обѣду; но за обѣдомъ не случилось ничего особеннаго. Рокфѣль повеселятъ въ одну минуту, взглянувъ на блюда; обѣдъ былъ организованъ безукоризненно, и, не говоря уже о гастрономическихъ наслажденіяхъ, Рокфѣль имѣлъ полное право гордиться имъ, какъ гордится авторъ, совер-

чая свое твореніе. За первымъ же блюдомъ, генераль сдѣлался очень-любезенъ и принялся за должностъ амфитріона съ ловкостью свѣтскаго человѣка и увлеченіемъ гастронома.

Фальконѣ вгдѣ не оказывался врагомъ роскошнаго стола, неключая развѣ случаевъ, когда обѣдывалъ у себя, дома; нетревожимый никакой досадною мыслью, потому-что расчетъ до него не касался, онъ обнаруживалъ не малое вниманіе обѣду и не думалъ о сестрѣ, какъ-будто она и не существовала. Старый скрага хотѣлъ, казалось, доказать истину пословицы, происшедшей отъ частаго соединенія дурнаго сердца съ превосходнымъ желудкомъ.

Ренѣ Фальконѣ оказался достойнымъ сыномъ такого отца и по-крайней-мѣрѣ неукротимымъ апетитомъ оправдывалъ свое прѣзрѣніе на имя лая. Видя, какъ онъ ѣлъ все кушанья и пилъ все вина, никто и не подозревалъ бы, что онъ за нѣсколько часовъ плотно позавтракалъ въ Касс-де-Шарп. Вѣдной частицы здраваго смысла, обитавшей въ мозгъ провинціала, трудно было держаться противъ безмѣрныхъ возлѣпій, предательски-ободряющихъ Рокфелемъ; за обѣдомъ, откуда возникъ эткетъ, старый ветеранъ рвдо отназначаетъ себя въ удовольствіи испытать стойкость (доброту) тщеславнаго мочича. Еще не подавали кофе, а Ренѣ Фальконѣ уже переступилъ за границу опьянѣнія; и даже на этой скользкой арена держался такъ твердо, что старый генераль, цѣнившій его до-сихѣ-моря очень-мало, не могъ отказать ему, какъ дитуху, въ нѣкоторомъ уваженіи.

— Я былъ неправъ, отрицая всякое достоинство въ этомъ блухѣ, сказалъ онъ самъ себѣ: — у него есть, по-крайней-мѣрѣ, качества губки.

Среди такихъ веселыхъ собесѣдниковъ, Анри де-Лобпенъ былъ лицомъ печальнымъ: онъ ѣлъ мало, пилъ еще меньше, от-вѣчалъ полусловами, и то когда прямой вопросъ поставлялъ его въ необходимость говорить. Онъ казался разсѣяннымъ и чѣмъ-то озабченнымъ. Для безуспѣшно старался пробудить его отъ этой упорной задумчивости то сердитымъ взглядомъ, то болѣе-выразительнымъ знакомъ подъ столомъ; молодой графъ, всякій разъ, когда до него доходилъ подобный нѣмой выговоръ, одушевлялся какъ автоматъ, котораго тронули за пружину; онъ наливалъ вина своимъ сосѣдамъ, брался за первое блюдо, принимался разрѣзывать его, произносилъ нѣсколько словъ кстати или некстати, и потомъ снова погружался въ размышленія очень-серьезныя, судя по важному выраженію его лица.

Палишнѣ говорить, что въ-продолженіи обѣда о г-жѣ Бруссель не было упомянуто ни однимъ словомъ; всѣ молча и легко согла-

знаются не упоминать въ разговоръ о предметъ, для всѣхъ досадномъ.

Выпивъ кофе, генералъ подалъ желѣзнодорожнику назидную сигарочницу и произнесъ заветныя слова:

— Настоящій гаванскіа!

Старый скряга не курилъ дома, считая табакъ излишнему роскошью, но взялъ три, четыре сигары и спряталъ ихъ въ карманъ.

— Я выкурю ихъ послѣ, сказалъ онъ:—теперь я долженъ васъ оставить.

— Такъ скоро? учтиво сказалъ Рокфелъ.

— Теперь уже одиннадцатый часъ; сегодня приемный день у министра торговли; онъ давалъ намъ сегодня аудіенцію, мы и мымъ товарищамъ, и мы согласились явиться къ нему опять вечеромъ; онъ, говорятъ, любитъ, чтобъ салоны его не были пусты, а бѣдняжки-просители ничѣмъ не должны пренебрегать.

— О чемъ же просить эти бѣдняжки-просители, большою частію мильйонеры?

— О чемъ же просить намъ, кромѣ увеличенія пошлины на иностранное желѣзо?

— Правда, сказалъ генералъ со смѣхомъ.—Франція погибнетъ, если впуститъ бельгійское желѣзо: вы только эту пьсню и знаете, господа желѣзнодорожники, но должно признаться, что вы побте ее хороніа.

— Что дѣлать! отвѣчалъ Фальконэ, смѣясь въ свою очередь:— у кого дочь невѣста, тому позволительно позаняться своими доходами.

— Я совершенно-согласенъ съ вами, такъ же, какъ, безъ сомнѣнія, и мой племянникъ.

Генералъ попробовалъ взглядомъ дать понятіе Лобпену, что ему не мѣшало бы вступить въ разговоръ, когда дѣло коснулось женщины, на которой онъ долженъ жениться. Но молодой графъ не обращалъ никакого вниманія на этотъ намекъ и продолжалъ молчать.

Фальконэ искоса смотрѣлъ на будущаго своего зятя, котораго поведеніе начинало казаться ему страннымъ.

— Кажется, мы наскучаемъ господину Лобпену, произнесъ въ кисло-сладкимъ голосомъ.—Его насколько не интересуютъ желѣзные надѣяія.

— Искаючая цѣвей, потому-что онъ женится, замѣтилъ Ренэ, переставъ на минуту сгущать облако дыма, среди котораго его румяное лицо и пламенная борода начинали уже исчезать, какъ солнце въ туманѣ.

Остроумный намекъ на брачныя цѣпи не имѣлъ успѣха. Тѣмъ

но провинціалъ самъ громко захохоталъ при этомъ покушеніи на шутку: никто не отозвался на его веселость. Рокфѣль кусалъ усы, — это была привычка его, когда что-нибудь случалось не по-немъ; губы старика судорожно задрожали, — другой непреложный знакъ досады; Анри, казалось, совершенно былъ занятъ выборомъ сигары и очевидно не обращалъ никакого вниманія на все, что имъ говорилось вокругъ его.

Фалькенé всталъ и прекратилъ молчаніе, становившееся уже неловкимъ.

— Извините меня, генералъ, сказалъ онъ. — Я уже сказалъ вамъ, что долженъ продолжать роль просителя, потому что во мнѣ не достаетъ гордаго равнодушія господина Лоблена къ процвѣтанію моей торговли.

— Мы выйдемъ вмѣстѣ, отвѣчалъ Рокфѣль. — Онъ охотно отдалъ бы свое трехмѣсячное жалованье за право примѣнить къ своему племяннику энергическія исправительныя мѣры...

— Вы, можетъ-быть, собираетесь провести здѣсь вечеръ?

— Но вы насъ оставляете: такъ я поѣду въ клубъ; однакожъ, я завезу васъ прежде къ вашему министру; карета моя должна быть здѣсь.

Старый скряга ничего не возразилъ на предложеніе, избавляющее его отъ платы извозчику. Черезъ минуту, всѣ четверо вышли изъ Рондэ-де-Канкаль. Экипажъ генерала ожидалъ его у подъезда уже болѣе часа; пустивъ впередъ желѣзнодорожника, Рокфѣль сѣлъ въ слѣдъ за нимъ; но, наклонясь къ Ренé, стоявшему у дверецъ, онъ сказалъ ему:

— Экипажъ мой слишкомъ-тѣсенъ, и я не могу предложить вамъ мѣсто; впрочемъ, кажется, мои сигары вамъ по вкусу, — вотъ пачка: она поможетъ вамъ переварить нашъ скромный обѣдъ.

Генералъ подаль ему сигарочницу, Ренé не заставлялъ его повторить предложеніе и принялъ подарокъ, который могъ означать только куральщикъ-знатокъ. Почти въ ту же минуту, карета тронулась съ мѣста.

Быстрый переходъ изъ теплой атмосферы столовой на свѣжій воздухъ холоднаго весенняго вечера увеличилъ безпорядокъ, царствовавшій въ головѣ Ренé отъ винныхъ паровъ и сигарочнаго дыма. Онъ былъ не совсемъ-пьянъ, но съ этой минуты почувствовалъ какую-то слабость и головокруженіе, отъзывавшіяся и въ походкѣ его и въ рѣчахъ.

— Съ Богомъ, старье! сказалъ онъ, глядя въ слѣдъ удаляющейся кареты. — Теперь молодая Франція сама себя укажетъ: давай же сдѣлаться!

— Мнѣ кажется, вы только этимъ и занимались въ-продолженіи обѣда, отвѣчалъ Лобпенъ, къ которому обращена была рѣчь.

— Ошибаетесь, душа моя, графъ! я другимъ занимался; во-первыхъ, ѣлъ, и во-вторыхъ, пилъ, могу сказать, геройски. Надо отдать справедливость вашему дялюшкѣ: инвалидъ-то, — какъ онъ тамъ ни раскрашивай усы, а я стою на томъ, что онъ инвалидъ, — инвалидъ, говорю я, вель себя хорошо. И я уважаю его отъ всей души. Чтò за пиръ балтазаровскій! А онъ еще называетъ это скромнымъ обѣдомъ!

— Дялюшка, конечно, былъ бы въ восторгѣ отъ вашихъ похвалъ; но онъ подумалъ бы, что вы ему льстите.

— Я льщу? Никогда! Я признаю достоинства въ старомъ воркушѣ, но за то вижу и слабости. Онъ знаетъ толкъ въ винѣ и сигарахъ, согласенъ; но въ женщинахъ — нѣтъ, говорю я! и скажу ему это въ глаза. Ну, чтò же мы будемъ дѣлать?

— Теперь уже поздно, отвѣчалъ Лобпенъ, желая избавиться отъ своего товарища. — Я думаю, лучше всего разойдитесь по домамъ.

— По домамъ! Вы это серьезно говорите?

— Очень-серьезно.

— Вы можете похвалиться, что поражаете меня неожиданностями, сказалъ Ренѣ, и слышно было, что языкъ его отяжелѣлъ: — когда я васъ увидѣлъ въ первый разъ, я принялъ васъ за повѣсу въ моемъ родѣ.

— А теперь? спросилъ графъ улыбаясь.

— Теперь, признаюсь, вы видимо падаете въ моемъ мнѣніи.

— Какъ такъ?

— Вы ѣдите какъ жаворонокъ, пьете одну воду, сердитесь за малѣйшую шутку, зажжете сигару и сейчасъ же бросите; наконецъ предлагаете идти домой, какъ-будто боитесь опасностей, которыя встрѣчаетъ добродѣтель, блуждая по улицамъ въ такое время.

Лобпенъ съ ироническимъ видомъ выслушалъ всѣ обвинительные пункты и забавилъ себя отъ труда отвѣчать на нихъ.

— Будь вы женщина, я сказалъ бы: экая простоволосая! продолжалъ Ренѣ, пожимая плечами.

— Мнѣ, право, жаль, что вы составили обо мнѣ такое дурное мнѣніе.

— Хотите ли, я буду говорить откровенно?

— Сдѣлайте одолженіе.

— Слушайте жь! Я думаю, что вы вотъ уже нѣсколько дней играете комедію. Я ни слова не сказалъ бы, еслибъ она была забавна, эта комедія, да то-то и есть, что нѣтъ.

— Комедія! Съ какою цѣлью?

— Подно-те! Я вѣдь все вижу очеңь-ясно. Вы хотите жениться на сестрѣ моей, и я понимаю, въ чемъ дѣло. Фелисите дурна себою, это такъ; но у ней есть денежки, не говоря уже о томъ, что старикашка Фальконэ ведетъ дѣла свои надурно, хотъ и жадуется каждый день, что сбыть все хуже и хуже.

Слыша это грубое, но правдивое наложение причинъ, побуждавшихъ мать и дялю его устроить союзъ его съ фамиліей Фальконэ, Анри невольно сдѣлалъ жестъ, изрѣдичавшій въ немъ досаду; но товарищъ его не обратилъ на то вниманія.

— Такъ вы очеңь-люблены въ приданое моей сестры? И какъ вы замѣтили, что мамзель-то немножко-чопорна, немножко-ворчлива и немножко ханжитъ, такъ и боитесь, какъ бы не испортить дѣла свои, являясь такимъ, каковы вы въ-самомъ-дѣлѣ. Не правда ли?

— Еслибъ видо не имѣло своцхъ привилегій, я сказалъ бы вамъ, что вы несете чушь, отвѣчалъ Добнецъ невольно.

— А! чушь! милое слово. Чушь! Такъ знайте же, что вы человекъ неблагодарный.

— Неблагодарный?

— Да, неблагодарный—и въ высочайшей степени, продолжалъ Рене внезапно разнѣжившись, что часто случается въ первые минуты опьяннія.—Вы грубите мнѣ, а у меня благороднѣйшія намеренія. Изумствуйте съ Фелисите, я вамъ ни слова; но поступать со мною, какъ-будто вы считаете меня способнымъ замѣнить вамъ, какъ-будто я стану переносить ваши проказы сестры, вотъ что мнѣ больно. Да, Анри, это мнѣ очень-больно.

Рене былъ очень тронутъ и поднесъ руку къ газамъ.

— Э! Вы дурачитесь, воскликнулъ Добнецъ съ матерщиницмъ.

— Человеку съ чувствомъ горько быть депопатымъ; а съ другаго раза почувствовать къ вамъ дружбу. Отправляясь въ Парижъ, я радовался, что опять васъ увижу! Я рассчитывалъ на васъ, жадая броситься въ общество, гдѣ люди веселятся. Вы обманули меня, Анри, жестоко обманули!

— Перестаньте! Вы только тѣшите проходящихъ.

— И вы можете не доверять мнѣ! продолжалъ Рене, еще владѣвнѣйшимъ голосомъ.—Почитать меня способнымъ повредить вамъ во мнѣніи сестры! Важная вещь сестра!

— Въместо того, чтобъ ораторствовать съ такими жестами, постарайтесь дойти до первой биржи; мы возьмемъ извѣстника, я доведу васъ домой, и вы можете лечь спать.

— Спать? Что жъ, вы меня считаете больнымъ что ли?

— Да, болѣзнію очень-мимолетною, отъ которой завтра утромъ не останется и слѣда.

— Понимаю; то-есть, вы воображаете, что я оказалъ слишкомъ много чести винамъ Рошэ-де-Канкаля, отвѣчалъ Ренэ, стараясь говорить и стоять тверже. — Ошибаетесь, любезнѣйшій; я еще никогда не былъ такъ свѣжъ. Впрочемъ, позвольте сказать, что сестра моя дура, и что я неспособенъ взять ей сторону противъ васъ. Васъ я люблю, а ее нѣтъ.

— За что же? спросилъ Лобценъ, почти съ любопытствомъ.

— Я сердитъ на нее кое-за-что, отвѣчалъ Ренэ въ-недогорса.

— Право?

Ренэ захохоталъ.

— Катая; Фелиситэ на меня тоже кое-за-что очень сердита. Еслибъ вы вели себя лучше, я рассказалъ бы вамъ эту исторію.

— Расскажите.

— Нѣтъ! Вы не заслужили этого, да и Фелиситэ выпарапаетъ мнѣ глаза, если узнаетъ, что я вамъ рассказалъ.

— Вы клеветаете на свою сестру; она не способна...

— Выпаранать мнѣ глаза? можетъ-быть, потому-что в дѣ этого не допущу; но попытаться... это случилось бы уже не въ первый разъ.

— Какъ! Фелиситэ, которую я считалъ самою кротостью...

— Да, при васъ; а, тогда она просто сахаръ, такъ же какъ и вы чуть не святой. На одного плута волтора плута...

— Ваши слова удивляютъ меня до такой степени, что я едва могу имъ вѣрить.

— Не вѣрьте, если угодно; но, когда женитесь, смотрите, берегите свои глаза... Больше я ничего не скажу.

Анри де-Лобценъ зналъ, что новость его дурна робомъ, глупо, ничтожна, словомъ, очень мало достойна любви; по-крайней-мѣрѣ, думалъ онъ, она тиха, кротка, снисходительна; этия качествами природа часто надбляетъ обиженнымъ существомъ, дакъ будто въ скромное, но прочное вознагражденіе. Необдуманная слова, произнесенныя Ренэ въ минуту опьянтія, заставили молодого графа взглянуть на свою женатбу съ совершенно-новой точки. Съ минуту, размышляя онъ о слышанномъ, и доуслуживалъ, какъ удвоилось въ немъ отвращеніе къ союзу, назначенному его матерью.

Настала минута молчанія. Ренэ, котораго разеудокъ былъ не совсемъ еще уничтоженъ, понялъ, что онъ сказалъ слишкомъ много и что неблагоразумная откровенность его, должна была произвести на будущаго зятя впечатаніе, способное отратить его отъ этого брака.

— Не принимайте за серьезное, что я вамъ сказалъ, замечать онъ, желая поправить свою ошибку: — на-самомъ-дѣлѣ, Фелиситэ

чудесная дѣвушка; я ручаюсь вамъ, что вы будете съ нею очень-счастливы.

— И за глаза мои ручаетесь? спросилъ Анри съ ироническою улыбкою.

— Да развѣ вы не видите, что я шутилъ? Вы знаете: братъ и сестра вѣчно дразнить другъ друга.

— Но за что же вы сердиты на Фелиситэ?

— Ребачество; расскажу когда-нибудь въ другой разъ.

— Почему же не теперь? спросилъ Анри, желая добиться полнаго объясненія.

— Теперь поздно, отвѣчалъ Ренэ въ припадкѣ скромной молчаливости:— я думаю, не худо послѣдовать вашему совету и разойтись по домамъ.

— И! полно-те!

— Мнѣ что-то тяжело на желудкѣ, и, кажется, это проклятое шампанское шумитъ въ головѣ.

— На чистомъ воздухѣ все пройдетъ. Пойдемъ-те, пройдемся по бульварамъ.

— Нѣтъ, лучше ужъ лечь спать: не сами ли вы только-что совѣтовали это?

— Лечь спать въ одиннадцатомъ часу! вамъ, молодому человѣку! вамъ... лъву! Полно-те, это значитъ потерять на всегда доброе имя.

Какъ сильно желалъ Лобпенъ, нѣсколько минутъ назадъ, отвязаться отъ своего товарища, такъ теперь старался удержать его; отъ него только могъ онъ узнать, что его такъ интересовало. Не-уже-ли Фелиситэ Фальконэ была такъ же дурна въ нравственномъ, какъ и въ физическомъ отношеніи? Для женаха, такой вопросъ, конечно, стоилъ разрѣшенія. Разспрашивать кого-нибудь о третьемъ лицѣ, конечно, не станеть порядочно-воспитанный человѣкъ; но бывають случаи, и въ числѣ ихъ близкая свадьба, когда такая разборчивость была бы глупостью.

И такъ, Анри не стелъ благороднымъ вырвать у подгулявшаго Ренэ признаніе, котораго онъ, конечно, никогда бы отъ него не услышалъ, еслибъ дагъ ему время опомниться.

— Ну, такъ ступайте спать, если у васъ такая слабая голова, сказалъ онъ, стараясь кольнуть его самолюбіе:— однакожъ надѣюсь, вы не откажетесь зайти прежде выпить со мною стаканъ пунша?

— Вотъ первое умное слово, которое я слышу отъ васъ сегодня, отвѣчалъ Ренэ, будучи не въ состояніи противиться приглашенію, взроломства котораго онъ не подозрѣвалъ. — Пуншъ, такъ пуншъ! Эти дьявольскія вина такъ меня подкосили, что я очень-радъ освѣжиться.

Молодые люди разговаривали на троттуарѣ у входа въ Рошэ-де-Канкаль. Теперь они пошли дальше и за нѣсколько шаговъ оттуда вошли въ кафе, на углу Сомонскаго — Пассажа. Лобпенъ спросилъ пунша и началъ щедро угощать своего товарища; Ренэ, думая освѣжиться, прилежно опустошалъ свой стаканъ. Это значило, какъ говорится, лить масло на огонь. Замѣтивъ, что Фальконэ вытаращилъ глаза такъ непомѣрно, что они готовы были выскочить, Анри подумалъ, что уже довелъ его до той точки, когда у пьянаго не бываетъ тайнъ.

— Давно вы видѣли свою сестрицу? спросилъ онъ небрежно.

— Сестрицу! А! Вотъ оно что! пролетѣлъ Ренэ. — Вамъ хочется, чтобъ я проболтался, да, да! Вашъ пуншъ не дурень; только онъ вовсе не утоляетъ жажды.

Лобпенъ наполнилъ поданный ему стаканъ и продолжалъ съ тою же точностью дипломата:

— Вамъ нѣчего удивляться, что въ настоящихъ обстоятельствахъ я нахожу удовольствіе говорить о вашей сестрѣ.

Фальконэ какъ-будто поразила вѣрность этого замѣчанія.

— Въ такомъ случаѣ, отвѣчалъ онъ: — вы точь-въ-точь, какъ Фелиситэ: она дьявольски любитъ говорить о васъ.

— Право? сказалъ графъ, принимая радостный видъ: — а что она говорить обо мнѣ?

— Вы понимаете: она такъ глупа, что не можетъ находить васъ красивымъ мужчиною; да и объ умѣ вашемъ она не распространяется, а есть другой предметъ, и тутъ нѣтъ конца ея разсказамъ... Честное слово, это просто убійственно!

— О чемъ же это она говорить?

— Объ имени вашемъ, о титлѣ, о гербѣ; гербъ вашъ она знаетъ.

— Ба! она знаетъ мой гербъ?

— Да и я его, чортъ возьми, знаю; у нея только и на языкѣ, что вашъ гербъ: три серебряныя раковины въ золотомъ полѣ. Батюшка обожасть эти два металла, и находить, что гербъ вашъ чудо-какъ хорошъ.

Лобпенъ не могъ удержаться отъ улыбки.

— Боюсь, какъ бы ваша сестрица не предалась ереси, обогащая мой гербъ на зло законамъ геральдики, и какъ бы не огорчился г. Фальконэ, когда узнаеть, что я имѣю право только на дешевѣйшій изъ двухъ обожаемыхъ имъ металловъ.

— Такъ поле не золотое?

— Увы, нѣтъ: песчаное.

— Такъ продайте его батюшкѣ, сказалъ Ренэ, захохотавъ: — я вамъ ружаюсь, что онъ скоро превратитъ песокъ въ золото.

Апріи, казалось, нашелъ эту шутку очень-милою и улыбкою отвѣчалъ на шумливую веселость своего товарища.

— Прекрасно! продолжалъ Ренѣ, завкаясь все больше и больше. — Наконецъ-то вы становитесь добрымъ малымъ: пьете, съезаетесь, и съ вами весело поболтать. Это не то, что эта Фря Фелисите; съ тѣхъ-поръ, какъ рѣшено, что вы на ней женитесь, къ ней и приступа нѣтъ.

— Право?

— Обходится со всѣми свысока, особенно со мною, точно какъ-будто выходитъ за первѣйшаго вельможу. Я говорю это не въ обиду вамъ, а такъ: она меня ужасно мучить, и если это будетъ продолжаться, я ужь отомщу ей.

— Надѣюсь, негодный пьяница, подумалъ Лобпенъ, наполняя въ шестой разъ стаканъ Фальконѣ:—еслибъ даже пришлось потребовать еще бутылку, ты не выйдешь отсюда, не отомстивъ ей.

Пуншъ совершенно выгналъ изъ памяти Ренѣ рѣшимость не произносить ни слова во вредъ сестрѣ, и онъ доверчиво предался разговору.

— Надо ее послушать, когда она начнетъ важничать, продолжалъ онъ, разгорячаясь съ каждымъ словомъ:—было бы чему посмѣяться, еслибъ это не вывело васъ наконецъ изъ терпѣнія! Я-то и мадамъ Лобпенъ, я-то и графиня, и у меня-то будетъ свом ливрея и гербъ на экипажахъ; въ гостяхъ докладываютъ: ея сиятельство, графиня така-то, а твоя жена, если ты женишься, вѣчно будетъ мѣшанкой. Словомъ, чего не выдумаетъ, чтобъ разсердить меня! Какъ бы она была рада, еслибъ ей удалось взбѣсить меня!

— Что ей за радость?

— А ищете! Развѣ вы его считаете за ничто?

— Ищите!

— Да, она злопамятна на въ-половину, моя любовная сестрица.

— Ахъ, да! прѣдвѣсь граць размнодило! — вы вѣдь говорите, что она остритъ на васъ зубы.

— Именно. Рассказывалъ я вамъ эту исторію?

— Не сорѣшь.

— А! такъ я расскажу вамъ. Фелисите взбѣсится, да по мнѣ все равно: она то-и-дѣло мучить меня, такъ я плачу ей тѣмъ же. Не правъ ли я?

— Да, не то, чтобъ неправы...

— Вотъ видите ли, сказалъ Фальконѣ, осушивъ стаканъ: — въ дѣтствѣ мы съ сестрой вѣчно дрались. Я, естественно, былъ сильнѣе, за то она была дьявольски лукава, и я охотнѣе схватывался бы съ мальчикомъ моихъ лѣтъ. Главная ея штука состояла въ томъ,

что она бросалась мнѣ въ глаза; ногти она стригла очень-редко, — ведь этакая злость! — и слезы ихъ почти не сходили у меня съ лица.

— Милый нравъ! подумалъ Лобпень: — эти невинныя игры обещаютъ въ будущемъ кроткую жену.

— Несколько разъ я говорилъ, что она царапается ужь не-въ-шутку, и что я разсержусь. Да это все равно, что сказать кошке, чтобъ она не выпускала когтей, когда сердится. Вотъ, однажды, мы схватились по обыкновенію. Вдругъ, не говоря ни слова, Фелисите бросилась мнѣ въ лицо и впилась въ него всеми десятью пальцами. Я сначала подумалъ, что ослѣпну, или по-крайней-мѣрѣ окривѣю. Кровь текла, какъ-будто мнѣ взрѣзали лицо. Словомъ, на носу и на щекахъ у меня оставались больше двухъ мѣсяцевъ слезы этихъ ногтей.

— Чортъ возьми! Видно, ваша сестрица не любитъ спускаться.

— Надѣюсь! Я, разумеется, забѣжала и хватилъ ее кулакомъ, чтобъ обить ей ногти. Чорта съ дедъ! Фелисите была какъ борея, и была уже шаговъ за тридцать.

— Вы, конечно, побѣдили за ней?

— Она проворнее меня, и я никогда бы ее не достигъ. Шутъ, я же побѣждалъ за нею, а подкинулъ камень. Въ эту минуту, она оборотилась и сделала мнѣ гримасу, необыкновенную гримасу! Я не выдержалъ и пустилъ въ нее камень; онъ прилетѣлъ какъ-разъ ей въ лицо. Надо вамъ сказать, что я тогда очень-точно бросалъ камни.

— Вероятно; чѣмъ же кончилась ваша битва?

— А чѣмъ, что я выбилъ ей зубъ, да еще и передній.

— Да, вы, чортъ возьми, дѣйствовали съ сестрой по древнему закону: око за око и зубъ за зубъ.

— Или, лучше сказать, зубъ за око. Вотъ этотъ-то зубокъ и толкнулъ на меня сестрица. Подумайте только: передній зубъ!

— Однакожъ, онъ, вероятно, опять выросъ. Ведь вы тогда были еще дѣти...

— Ну, не совсемъ-то дѣти; Фелисите было тринадцать лѣтъ, а въ этомъ возрастѣ зубы уже не растутъ.

— Но я не замечалъ, чтобъ у вашей сестрицы не доставало одного зуба.

— Э, любезнѣйшій, какъ вы просты! Развѣ ей не могли вставить фальшиваго? сказалъ Фальконѣ, не будучи уже въ состояніи понять важности такого признанія.

Анри смотрѣлъ на брата Фелисите съ какими-то ужасомъ.

— Да, ей вставили искусственный, проговорилъ онъ, ударяя на каждомъ словѣ.

— Хорошо, что вы мнѣ сказали, а то бы я никогда не догадался.

— Зубъ прилаженъ очень-искусно; ничего нельзя замѣтить. Впрочемъ, теперь, зная, вы его легко отличите: сверху, одинъ изъ рѣзцовъ; да онъ и немного-бѣлѣе прочихъ. Когда женитесь на сестрѣ, попробуйте только заговорить съ ней объ этомъ зубѣ: посмотрите, какъ она забѣсится.

Что-то въ родъ угрызенія совѣсти мелькнуло въ эту минуту среди тумана, омрачавшаго разсудокъ Фальконэ.

— Можетъ-быть, мнѣ и не слѣдовало бы говорить вамъ это, прибавилъ онъ:—но зачѣмъ же Фелисите вѣчно старается меня терзать?

Лобпенъ невнятно свиснулъ.

— Фальшивый зубъ! подумалъ онъ:—интересно бы мнѣ послушать, какъ дядюшка станетъ доказывать, что и это достоинство.

— Этотъ несчастный зубъ былъ предметомъ ссоръ въ нашемъ семействѣ, продолжалъ Фальконэ. — Не говорю о сестрѣ, которая все еще сердится; но батюшка, вы знаете, не такъ-то легко открываетъ кошелекъ свой: онъ не хотѣлъ и слышать о томъ, чтобъ пригласить дантиста; онъ утверждалъ, что зубомъ меньше или больше отъ этого лицо не испортится, а чтобъ проѣсть свое имущество, ихъ всегда останется довольно. Но сестра, которая, не смотря на свою набожность, любитъ пожеветничать, — до того плакала, что бдѣнничка Фальконэ принужденъ былъ исполнить ея желаніе; впрочемъ, я увѣренъ, что онъ и теперь считаетъ эти деньги брошенными.

— Фальшивый зубъ не большая бѣда, сказалъ Анри, думая совершенно-противное: — надѣюсь, у вашей сестрицы только и есть поддѣльного?

— А волосы-то? отвѣчалъ Ренэ съ сардоническою улыбкою.

— И волосы тоже?

— Не всѣ, но добрая половина. Куда-какъ ей пристало прекрѣпать меня безпрестанно моими красными волосами! ужъ лучше быть немножко-странно-блѣдымъ, чѣмъ носить фальшивыя косы.

— Смѣлый! подумалъ Лобпенъ: — еще нѣсколько открытій въ томъ же родѣ, и дезабилье окончено.

Братъ Фелисите налилъ себѣ еще стаканъ пунша, выпилъ его разомъ и началъ смѣяться молча съ лукавымъ видомъ.

— Что вы тамъ посмѣиваетесь? спросилъ молодой графъ, догадавшись, что, благодаря почти пустой бутылкѣ, третье открытіе не замедлитъ явиться за двумя первыми.

— Мнѣ пришла въ голову мысль, отвѣчалъ Фальконэ, продолжая смѣяться про себя.

— Скажите мнѣ; вы знаете, что я нахожу ваши мысли очень-интересными.

— Я подумалъ—все-таки на счетъ сестры—что, конечно, позволительно не имѣть чего-нибудь, когда съ другой стороны есть что-нибудь лишнее; одно вознаграждается другимъ.

— Такъ у Фелиситѣ есть что-нибудь лишнее? воскликнулъ Лобпень, еще болѣе удивленный.

Вмѣсто отвѣта, Фальконѣ упалъ на спинку скамьи, на которой сидѣлъ, и началъ смѣяться такъ таинственно, что любопытство его собесѣдника удвоилось.

— Вы заставляете меня болтать какъ сороку, сказалъ онъ, когда припадокъ миновалъ:—но на этотъ разъ вы не вырвете у меня ни слова больше.

— Позвольте замѣтить вамъ, что я васъ не спрашиваю; но я слушаю васъ съ удовольствіемъ, потому-что вы рассказываете очень-пріятно.

Этотъ ловкій комплиментъ не имѣлъ того успѣха, котораго ждалъ Лобеспень.

— Хорошо, хорошо, отвѣчалъ Ренѣ:—вы льстите, чтобъ заставить меня говорить; но вы теряете только время. Если я вамъ расскажу, о чемъ теперь думаю, такъ сестра съ особеннымъ удовольствіемъ выпаращаетъ мнѣ за это глаза, и, право, это не будетъ съ ея стороны преступленіемъ. Впрочемъ, надъ природными недостатками не должно смѣяться, особенно брату надъ сестрой.

— На счетъ этого я согласенъ съ вами, сказалъ Лобпень, видя необходимость схитрить. — Я съ удовольствіемъ вижу, что объ этомъ предметѣ вы совершенно однихъ мыслей съ мадамъ Фелиситѣ. Она тоже не только не выставляетъ вашихъ недостатковъ, но, напротивъ того, старается прикрыть ихъ. Я имѣю на это доказательства.

Говоря такимъ образомъ, Лобпень доказалъ, что хорошо знаетъ раздражительное самолюбіе своего собесѣдника.

— Какіе недостатки? спросилъ Фальконѣ. Щекотливость его вдругъ пробудилась.

— Будущіе зятя могутъ говорить другъ другу подобныя истины; да и, кромѣ того, вы такъ умны, что не сочтете важнымъ подобный вздоръ.

— Какой вздоръ? спросилъ молодой провинціалъ, хмуря брови.

— Намедни, какъ мы ѣздили въ пансіонъ въ гости къ вашей сестрицѣ, помните: я разговаривалъ съ нею, а вы разсматривали съ батюшкой какую-то картину возлѣ каминна?

— Помню очень-хорошо.

— Въ этотъ день, вы блистали какъ солнце въ своемъ новомъ

платъ. Позвню въ сторону—вы были очень-хороши собою, и сестра ваша замѣтила мнѣ это; только, по ея мнѣнію, — такъ-какъ на землѣ нѣтъ ничего совершеннаго, — маленькій недостатокъ слегка портитъ прекрасную общность.

— И этотъ маленький недостатокъ—позволено его узнать? спросилъ Ренé со смѣхомъ, въ которомъ слышался страхъ ожиданія.

— Конечно; это меньше, нежели ничто. Сестрица ваша сказала мнѣ въ-полголоса: «братъ мой, действительно, очень-хорошъ собою, но напрасно носить онъ лакированные сапоги; съ его ногой не следовало бы выказывать притязанія на щегольскую обувь.»

— Она это сказала? вскричалъ Фальконé, ударивъ кулакомъ по столу и чуть-чуть не разбивъ чашу съ пуншемъ.

Лобпенъ совершенно-вечаянно выстрѣлилъ такъ мѣтко, что попалъ прямо въ цѣль.

— А! Мнѣ не идетъ носить лакированные сапоги! продолжалъ Ренé сердатымъ голосомъ: — а! у меня нога неуклюжа! Да! ей очень-кстати; этой жеманницѣ, смѣть разсуждать о ногахъ! У ней же шесть пальцевъ на ногѣ!

— Шесть пальцевъ! повторилъ Лобпенъ въ изумленіи.

— На левой ногѣ. Вотъ тебѣ и тайна! И дажь себѣ слово не открывать рта; но она сама этого захотѣла.

— Шесть пальцевъ! говорятъ, это иногда случается; но, какъ бы то ни было, это странное явленіе, и я увѣренъ, она охотно отдала бы пол-мнѣнія, чтобъ только избавиться отъ этого излишества. Шесть пальцевъ! Да увѣрены ли вы въ томъ?

— Вотъ еще! Женитесь, такъ сами увидите: Между-прочимъ, надмузель Фелисите уже очень-довольно заплакала изъ-за этого пальца: Сколько ни повторялъ ей батюшка: чѣмъ за бѣда, что у тебѣ шесть пальцевъ вмѣсто пяти? отъ этого ты не испортишь больше башмаковъ, — нѣтъ никакого средства утѣшить ее.

Фальконé вынулъ себѣ въ стаканъ пуншъ, оставившійся на днѣ чаши, попивалъ его по-немногу и, прислонясь къ спинкѣ скамьи, закрылъ глаза, какъ-будто готовился заснуть; видя, что пить уже больше нечего.

— Благодатная чаша пунша, сколько обязанъ я тебѣ! подумалъ Лобпенъ: — въ какой шмельникъ попалъ бы я, можетъ-быть, безъ тебя! Фальшивыя косы, зубомъ меньше, пальцемъ больше! Это ужасъ!

Вдругъ Ренé вскочилъ отъ своего усыпленія и ударилъ себя ладонью по лбу.

— Вы такъ угостили меня пуншемъ, сказалъ онъ, что я совсемъ растерялся. Далеко мы отъ Сомонскаго-Пассажа?

— Мы въ немъ самомъ, отвѣчалъ графъ, смѣясь смущенной фи-

экономіи своего товарища: — отсюда есть выходъ прямо въ пассажъ.

— Такъ расплатитесь и пойдѣмъ. Надѣюсь, магазинъ еще не запертъ.

Какой магазинъ?

— Гдѣ эта милая блондинка, что не по вкусу вашему дялюшкѣ.

— Такъ она васъ пльнула?

— И дьявольски. Но позовите же человѣка; мнѣ хочется скорѣе посмотреть, не отпертъ ли еще магазинъ. Вѣроятно отпертъ: сегодня суббота.

Лобпенъ исполнилъ желаніе своего товарища, и тѣмъ охотнѣе, что въ эту минуту воображенію его представилась молодая дѣвушка, видѣнная имъ нѣсколько часовъ назадъ, со всею очарованіемъ ея умной и грустной красоты.

Черезъ минуту, оба молодые человѣка стояли опять у моднаго магазина, отпертаго еще, не смотря на позднее время.

VII.

Девая гризетокъ.

Множество газовыхъ лампъ и фонарей озаряла ослабительнымъ свѣтомъ Сомонскій-Пассажъ, не смотря на то, что некоторые магазины были уже заперты. Модный магазинъ, передъ которымъ опять остановились Лобпенъ и Фальконѣ, не составлялъ еще въ этомъ отношеніи примѣру своихъ сосѣдей, но по всему было замѣтно, что и онъ скоро будетъ запертъ. Снаружи — молодой прикащикъ закрывалъ ставни; внутри — модистки перестали уже работать. Трое изъ нихъ, скучныя и усталыя, прибирали различныя вещи, разбросанныя на конторкѣ; онѣ ночевали на скромныхъ чердакахъ магазина. Двое другихъ, начальница-блондинка и молодая мечтательница собирались уйдти.

Блондинка стояла передъ зеркаломъ въ маленькомъ кабинетѣ за магазиномъ; она была въ шляпкѣ изъ розоваго крепа, обвитой цвѣтымъ снопомъ цвѣтовъ; изъ-подъ туды, подобно волокнамъ изъ плода хлопчато-бумажнаго дерева, лились роскошныя волны волосъ, покрывшихъ сердце Ренѣ; изящный, но еще болѣе странный покрой фиолетовой съ отливомъ мантильи, которую она набрасывала въ это время на плеча, гармонировалъ съ изысканностью остальнаго костюма.

Лаура (имя молодой дѣвушки уже извѣстно) была готова; шел-

ковый черный шарфъ и соломенная шляпка, подвязанная лентою того же цвѣта, дополняли скромный нарядъ ея; надѣвая ихъ, она даже не потрудилась заглянуть въ зеркало; какъ ни маловажно было это обстоятельство, оно доказывало отсутствіе кокетства; впрочемъ, глубокая печаль на лицѣ говорила объ этомъ еще болѣе, нежели простота наряда.

— Она собирается выйти! сказалъ радостнымъ голосомъ Ренé; прикащикъ, запиравшій ставни магазина, не заперъ дверей, и Ренé съ трепетнымъ любопытствомъ слѣдилъ сквозь нихъ за малѣйшими движеніями блондинки.

— Вижу, отвѣчалъ Анри: — да вамъ-то что до этого за дѣло?

— Какъ что за дѣло?

— Развѣ вы собираетесь говорить съ ней?

— А зачѣмъ бы другимъ пришелъ я сюда?

— Какъ! не будучи знакомымъ?

— Можно познакомиться.

— На улицѣ?

— Да вы изъ какого монастыря, любезный графъ? Честное слово, вы ужъ черезъ-чуръ по-монашески простодушны! Гдѣ же мнѣ съ ней говорить?

— Нигдѣ, если хотите меня послушать; по-моему, она не стоить этого труда. Впрочемъ, если вы уже рѣшились, такъ въ магазинѣ это приличнѣе, чѣмъ пристать къ ней на улицѣ.

— А подѣ какимъ предлогомъ войти въ магазинъ?

— Купить шляпку, смѣясь отвѣчалъ графъ.

— Женскую шляпку, не правда ли? Это было бы забавно. Вы думаете, что я пріѣхалъ въ первый разъ въ Парижъ, такъ ничего и не знаю; но я заставлю васъ переменить мнѣніе. Пусть только она выйдетъ.

Въ опьянѣннѣхъ перѣдко бываютъ странныя явленія: Ренé-Фальконé, минутою назадъ владѣвшій только слабымъ отблескомъ разсудка, вдругъ сдѣлался гораздо-умнѣе: сердечные замыслы нейтрализировали винныя пары. Лицо его было, правда, похоже на зарево пожара; походка была не совсѣмъ-тверда и въ языкѣ чувствовалась какая-то тяжесть, вредившая чистотѣ выговора. Но, въ вознагражденіе за эти легкіе недостатки, Ренé чувствовалъ въ себѣ геройскую смѣлость; не смотря на хвастовство свое, онъ былъ съ женщинами столько же робокъ, сколько и неопытенъ, и потому очень-естественно, что, нечаянно почуввъ въ себѣ храбрость, онъ крѣпко ухватился за такое благопріятное обстоятельство.

— Вотъ видите ли, у насъ въ Каннѣ, продолжалъ онъ:—мы просто охотимся за гризетками. Пусть только выйдетъ изъ магазина,

говору я вамъ! Если я ее не подстрѣлю, какъ дикую утку, я дамъ вамъ расписку, что я смѣшонъ.

— Взоводите курокъ, отвѣчалъ Лобпенъ: — вотъ она.

Блондинка дѣйствительно выступила изъ магазина заученою постоуною актриссы, выходящей на сцену: голова вверхъ, на лицѣ выраженіе величія, бюстъ на виду, локти къ бокамъ— чтобъ стянуть мантилью и выказать всю прелесть талии, хотя и вполонину-поддвальной. Проходя мимо молодыхъ людей, посторонившихся, чтобъ дать ей дорогу, интересная красавица бросила на Ренѣ взглядъ, который могъ бы пробудить въ немъ смѣлость, еслибъ онъ и не чувствовалъ ея въ полной мѣртвѣ, благодаря пуншу; потому она продолжала путь свой тихимъ и степеннымъ шагомъ къ улицѣ Монмартръ.

— Замѣтили вы, какой взглядъ она мнѣ бросила? спросилъ Фальконэ, покраснѣвшій отъ волненія.

— Мнѣ кажется, этотъ взглядъ былъ брошенъ глазомъ удивительно-наметаннымъ, отвѣчалъ Анри.

— Прощайте, сказалъ Ренѣ, судорожно сжимая руку графа: — завтра я расскажу вамъ, чѣмъ кончится мое похождение.

И воспламененный провинціалъ въ ту же минуту отправился дальше, стараясь соображаться въ походкѣ съ модисткою.

Въ это время, вышла изъ магазина и молодая дѣвушка, невольнo занимавшая Лобпена. Костюмъ ея, весь черный, доказывалъ, что она была въ траурѣ, и сердце ея было, по-видимому, еще печальнѣе одежды. Она не обратила никакого вниманія на молодого графа, который, чтобъ лучше рассмотретьъ ее, остался неподвиженъ на томъ мѣстѣ, гдѣ оставилъ его Ренѣ. Она пошла по одной дорогѣ съ блондинкой, но стараясь, впрочемъ, догнать ее.

Стояло только взглянуть на этихъ двухъ женщинъ, какъ онѣ целый день работали вмѣстѣ, и окончивъ работу разстались, не подаривъ другъ друга ни однимъ дружескимъ знакомъ, не сказавъ другъ другу ни слова на прощанье,— и легко было убѣдиться, что разность ихъ фязіономій переходила даже въ разность характеровъ. Между ними дѣйствительно не было ничего общаго, и какъ ни рѣзка была противоположность ихъ манеръ, чувства ихъ различались еще рѣзче. Часто изъ такой совершенной разнородности прорастаетъ страстная дружба, но еще чаще, какъ было и въ этомъ случаѣ, непобѣдимая антипатія.

На подорогѣ отъ магазина къ концу пассажа, молодая модистка обогнала Фальконэ; онъ пошелъ тише, чтобъ дать Анри время подойти.

— Какъ это досадно! сказалъ онъ.—Вѣдь нужно же этой дурочкѣ бѣжать за моею милою блондинкой.

— Она бежитъ очень-тихими шагами; мнѣ кажется, она вовсе не имѣетъ желанія подойти къ ней, — или я сильно ошибаюсь.

— Да услышите васъ небо! Чувствую, что я въ ударѣ, а стоишь упустить случай. Другой разъ не найдешь его... Да вы, кажется, правы; вотъ онъ и вмѣстѣ, а не говорятъ ни слова. Кажется, онъ что-то не дружны.

— Дружны! повторилъ Лобпенъ съ ироническимъ видомъ: — престодушная грація и жеманство, полное притязаній, могутъ ли быть дружны?

Оба модистки дошли до конца пассажа. Не говоря ни слова, даже не взглянувъ другъ на друга, онъ пошла по троттуарамъ, старшая на-право, младшая на-лѣво.

— Если вы находите, что эта прогулка такъ исполнена граціи, что жъ вы не попытаете у ней счастья? сказалъ Фальконэ, прибавляя шага.—Клянусь вамъ, что ни слова не скажу объ этомъ себѣ.

— Почему бы не сказать прямо, что я вамъ мѣшаю? отвѣчалъ Лобпенъ.

— Вѣчно Тартюфомъ! Не хотите ли пари, что только я съ глазъ, вы поспѣшите за нею.

— Можетъ-быть; я чувствую, что завоевательный духъ вашъ неразвѣденъ.

— Въ такомъ случаѣ, вамъ брюнетка, мнѣ блондинка! воскликнулъ Рене, и въ то же мгновеніе бросился въ-слѣдъ за своей добычей, какъ леопардъ бросается за газелью.

Лобпенъ съ минуту смотрѣлъ на эту охоту; преслѣдуемая была испугана очень-мало и шла спокойно; влюбленный преслѣдователь шагнулъ за нею большими шагами; все это предсказывало скорую развязку, чтобъ не сказать счастливый успѣхъ. Обративъ снова вниманіе свое на предметъ, занимавшій его гораздо-сильнѣе, Лобпенъ искалъ глазами молодую дѣвушку въ траурѣ. Она шла по совершенно-другому направленію, нежели ея сотрудница. Походка ея, то тихая, то олушевленная, то плавная, то отрывистая, могла бы, въ такой поздній часъ, подать поводъ къ самымъ неблагоприятнымъ толкованіямъ. Однакоже, Лобпену и въ умъ не приходило видѣть тутъ что-нибудь двумысленное. Въ чемъ другой видѣлъ бы хитрый маневръ, онъ видѣлъ только странность; нисколько непораженный, онъ чувствовалъ, что впечатлѣніе, сдѣланное на него этою странною дѣвушкою, удвоилось отъ сильно-возбужденнаго любопытства.

— Что съ ней? подумалъ онъ: — какое чувство волнуешь ее до такой степени? Малѣйшіе жесты ея свидѣтельствуютъ о душевной тревогѣ, близкой къ помѣшательству. Только у страсти бывае

еть такая бурная, неровная поступь. Страсть... можетъ-быть, безумство.

Пораженныйъ этою мыслию, уступая какому-то неопредѣленному влеченію, Андрей шелъ за молодою модисткою; но онъ не забылъ сдѣлать за нею только издали, — скромность, которой вовсе не придерживался въ эту минуту Ренѣ, и которую предметъ его преслѣдованія нащелъ бы, можетъ-быть, достойною глубокаго презрѣнія.

Было близко полночи, но улица Монмартръ не была еще пуста; впрочемъ, прохожіе показывались все рѣже и рѣже. Молодая дѣвушка, не подозревая, что ее преслѣдуютъ, шла нѣсколько времени, быстро измѣняя свою походку; вдругъ она остановилась, очевидно встревоженная. Минута нерѣшительности миновала, и она пошла назадъ до угла Жюссьерской-Улицы; она, казалось, хотѣла войти въ эту улицу, но мысли ея мгновенно перемѣнились, и она пошла прежней дорогой, быстро, какъ-будто въ страхъ или въ безумствѣ.

Шаговъ за это, Лаура опять остановилась и задумалась; потомъ перешла черезъ улицу, и вошла въ ярко-освѣщенную лавку. По широкимъ, разбросаннымъ свѣтлымъ лучамъ, далеко отражавшимся на мостовой отъ четырехъ большихъ склянокъ, выставленныхъ напоказъ, Лобпенъ узналъ аптеку. Онъ также перешелъ черезъ улицу, и наклонился къ окну фасада, откуда легко могъ разсмотрѣть все, что было внутри.

Лаура приблизилась къ конторкѣ; человекъ небольшого роста, сухой и блѣдный, взвѣшивалъ на вѣскахъ медикаменты съ такимъ глубокимъ вниманіемъ, что сначала едва замѣтилъ вошедшую; но только-что она открыла ротъ, какъ онъ быстро поднялъ голову.

Лобпенъ не безъ удивленія замѣтилъ испугъ, изобразившійся на лицѣ этого человека; аптекарь обратился къ одному изъ своихъ помощниковъ, также занятому своимъ дѣломъ въ глубинѣ аптеки, и сказалъ ему нѣсколько словъ съ странною живостью. Помощникъ вздрогнулъ въ свою очередь, какъ-будто его нечаянно ужалила змѣя. Потомъ оба она устремили на молодую дѣвушку любопытный, строгій, почти-угрожающій взоръ. Было произнесено нѣсколько словъ. Модистка, съ спокойнымъ выраженіемъ лица, котораго не было прежде, казалось, настоятельно требовала жезасаго. Аптекарь и помощникъ его, съ своей стороны, змурман брови, качая головой въ знакъ отказа, и наконецъ подошли къ дверямъ съ яснымъ намѣреніемъ вывести молодую дѣвушку.

Видя, что просьбы бесполезны, Лаура опустила голову, остановилась на минуту въ раздумь, и наконецъ вышла съ улыбкою, полным горечи. Она пошла далѣе, преслѣдуемая Лобспенемъ, въ которомъ этотъ случай удвоилъ любопытство.

— Купецъ, который отказывается продать товаръ, это что-то новое, подумалъ онъ. — Что бы такое она спрашивала? Конечно, ужъ ни говорящей птицы, ни поющего дерева, ни другихъ диковинокъ «Тысячи и Одной Ночи»; что-нибудь очень существенное, и что можно достать въ аптекъ. Почему же эти пергаментныя физиономіи такъ грубо отказали ей въ просьбѣ?

Между-тѣмъ, какъ Лобпенъ напрасно старался разгадать эту загадку, молодая дѣвушка, за которою онъ на минуту пересталъ слѣдить глазами, внезапно исчезла; онъ прибавилъ шагу и скоро увидѣлъ, что она вошла въ другую аптеку, бывшую педалеко отъ первой. Тутъ былъ только хозяинъ, молодой человекъ съ пріятнымъ лицомъ, завитый, раздушенный, нѣсколько-жеманный и, можетъ-быть, слишкомъ-красивый для такого важнаго занятія; сидя въ изящныхъ креслахъ, онъ, въ ожиданіи покупателей, читалъ, вмѣсто аптекарскаго устава, новый романъ.

При видѣ молодой модистки, любезный аптекаръ всталъ поспѣшно, положилъ книгу на конторку, облокотился на нее обѣими руками, и въ наклоненномъ положеніи, съ самою граціозною улыбкою ждалъ, чтобъ она объявила, что ей угодно. Но съ первыхъ словъ лицо его видимо измѣнилось; томный взглядъ его сдѣлался неподвижнымъ, и губы, изображавшія что-то въ родѣ сердца, вдругъ раздвинулись и образовали кругъ.

— П bon Josani, сказалъ самъ себѣ Лобпенъ, не терявшій, съ улыбки, ни малѣйшей подробности этой сцены.

Послѣдовало почти совершенное повтореніе того же, что было и въ первой аптекъ; только хорошенькій аптекаръ выразилъ свое удивленіе нѣжнѣе и сдѣлалъ отказъ съ медовою учтивостью, какую обещала его физиономія. Послѣ краткаго разговора, молодая дѣвушка съ омраченными челомъ сдѣлала шагъ къ дверямъ; аптекаръ тотчасъ же вышелъ изъ-за конторки и проводилъ ее, разсыпаясь въ извиненіяхъ; онъ извинялся даже, отворивъ двери, такъ-что графъ, стоявшій въ двухъ шагахъ, могъ слышать послѣднія слова:

— Я въ отчаяніи, сударыня, совершенно въ отчаяніи; я готовъ все въ пожертвовать, чтобъ исполнить ваше желаніе, но это невозможно: мы имѣемъ формальное предписаніе отъ полиціи. Это запрещено подъ опасеніемъ строжайшаго наказанія, рѣшительно запрещено.

Аптекаря произнесъ эти слова самымъ сладкимъ голосомъ, какъ человекъ, привыкшій золотить пилюли. Видя, что дѣвушка его не слушаетъ, онъ важно поклонился и вошелъ опять въ магазинъ.

— Приказанія полиціи, мысленно повторилъ Лобпенъ, пора-

женный этими словами.—Что же можетъ быть общаго между такою милою дѣвушкою и полицейскими приказаніями?

Модистка пошла скорѣе прежняго. Рѣшившись проникнуть тайну, въ высочайшей степени подстрекавшую его любопытство, молодой человекъ также ускорилъ шаги. Случай, котораго онъ ждалъ, не замедлилъ явиться. Въ небольшомъ разстояніи отъ Церкви-св.—Эсташи, которой верхушку можно было уже разглядѣть при свѣтѣ луны, молодая дѣвушка нашла третью аптеку; не смотря на неудачу въ первыхъ двухъ, она тотчасъ же вошла и въ эту, какъ предвидѣлъ Лобненъ; но на этотъ разъ, она вошла не одна.

Въ аптеку было три человекъ. Въ углубленіи главной конторки сидѣлъ блѣдный толстякъ, съ черною шелковою шапочкою на головѣ; прислонясь спиною къ углу, онъ, по-видимому, предвкушалъ ночное успокоеніе; по всѣмъ уважаемому сну его легко было признать въ немъ хозяина. Прямо противъ него, за другою конторкою, молодой человекъ, хилой наружности, судорожно зѣвалъ и готовъ былъ, кажется, послѣдовать примѣру начальника. Въ глубинѣ столѣ передъ маленькимъ столикомъ аптекарскій мальчикъ съ такими же усталыми глазами; онъ вырѣзывалъ ярлыки и наклеивалъ ихъ на стеклянки различной величины.

Лобненъ пошелъ прямо къ этому мальчику, какъ-будто не обращая ни малѣйшаго вниманія на модистку, и спросилъ первое вспавшее ему на умъ лекарство. Дѣвушка, между-тѣмъ, подошла сначала прямо къ хозяину, но видя, что онъ спитъ, отправилась въ противоположный конецъ аптеки, къ другой конторкѣ. Три-четыре слова, сказанныя ею тихонько молодому человеку, какъ-будто волшебною силою разсѣяли сонъ, которому онъ не могъ уже почти противиться. Онъ вытаращилъ глаза и быстро вскочилъ.

— Мышьяку! вскричалъ онъ:— вы спрашиваете мышьяку?

При этомъ восклицаніи, Лобненъ, слушавшій внимательно, невольно оборотился и устремилъ на молодую дѣвушку пронизательный взоръ. Мальчикъ выронилъ изъ рукъ стеклянку. Шумъ отъ разбиившагося въ куски стекла разбудилъ хозяина. Онъ тяжело повернулся въ нишѣ, какъ сердитая медеальская собака въ своей каюрь, протеръ глаза кулаками, потянулся, зѣвая, и наконецъ стряхнулъ сонъ хоть въ половину.

— Что тамъ такое? спросилъ онъ сердито:— что этотъ болванъ Сильвестръ опять разбилъ?

Теперь только замѣтилъ онъ, что въ аптеку есть посторонніе; блѣдный толстякъ вдругъ переѣвилъ тонъ; сердитый видъ его уступилъ мѣсто внимательной угодливости, обыкновенно выражающейся на лицѣ купца при видѣ покупателя.

— Подайте же имъ, что нужно, сказалъ онъ мальчику:—вамъ что угодно, сударыня?

— Имъ угодно мышьяку, важно отвѣчалъ лаборантъ, выразительно подмигнувъ глазомъ.

— Мышьяковую соду, поташъ или аммоньякъ? спросилъ аптекаръ, не обнаруживая никакого удивленія.—Вѣроятно, какую-нибудь мазь для втиранія? Мышьяковые препараты теперь очень въ употребленіи при кожныхъ болезняхъ.

Въ самыхъ важныхъ и даже трагическихъ обстоятельствахъ, женщина никогда не отказывается вполне отъ кокетства, естественной принадлежности своего пола. Предположеніе аптекаря вызвало на блѣдныя щеки молодой дѣвушки внезапную краску, и она бросила на него поражающій взглядъ.

— Я не больна, сказала она сухо.

— Я и не утверждаю, сударыня, чтобъ препаратъ, о которомъ говорю, былъ вамъ нуженъ для вашего личнаго употребленія, отвѣчалъ аптекаръ, утихо улыбаясь.—Такой милой особѣ, конечно, онъ не нуженъ. Но позвольте взглянуть на рецептъ.

— У нихъ нѣтъ рецепта, замѣтилъ эмфатически лаборантъ.

— Нѣтъ рецепта! повторилъ аптекаръ, какъ-будто донавъ намъ конецъ знаки, дѣлаемые ему его подчиненными. — Безъ рецепта мы не продаемъ мышьяку, сударыня, особенно лицамъ вашего возраста. А на что вамъ нуженъ мышьякъ?

Молодая дѣвушка, конечно, предвидѣла этотъ вопросъ, потому-что самымъ спокойнымъ голосомъ дала такой очевидно-приготовленный отвѣтъ:

— У насъ въ квартирѣ очень-много мышей, и мнѣ хотѣлось бы истребить ихъ.

— Гмъ! Много мышей! отвѣчалъ толстякъ, недоверчиво качая головой, между-тѣмъ, какъ помощникъ его улыбался молча.—Такъ вы спрашиваете, значитъ, шариковъ, приготовленныхъ съ какимъ-нибудь арсенитомъ?

— Нѣтъ, просто мышьяку; дома все пригодно.

— Гм! Просто мышьяку, повторилъ аптекаръ съ возрастающею недоверчивостью. Я думаю, сударыня, что у васъ на умъ большо дурныхъ мыслей, чѣмъ мышей на квартирѣ.

— Однакоже...

— Если ваши мыши не выдумка, такъ пускай вашъ батюшка потрудится самъ прийти.

Лицо молодой дѣвушки омрачилось.

— Отца моего нѣтъ въ живыхъ, сказала она печально.

— Такъ кто-нибудь изъ родныхъ.

— У меня нѣтъ родныхъ.

— По-крайней-мѣрѣ, кто-нибудь изъ людей почтенныхъ... глава семейства, который бы хорошо васъ зналъ.

— Я никого не знаю.

— Это что-то неладно, сказалъ аптекаръ, нахмуривъ брови.— У васъ нѣтъ ни отца, ни родныхъ, ни кого-нибудь изъ знакомыхъ, кто бы могъ отвѣчать за васъ; и вы спрашиваете одинъ изъ сильнѣйшихъ ядовъ такъ же спокойно, какъ яблочной пастилы. Тутъ что-то очень неладно, говорю я вамъ. Гдѣ вы живете, сударыня?

Чувствовала ли она тяжесть своего одиночества, горькія ли воспоминанія пришли ей на память, или раннія угрызения совѣсти потревожили ея душу, — только молодая дѣвушка съ минуту казалась сильно-удрученною. Вопросъ аптекаря вывелъ ее изъ этого само-забвенія.

— Какое вамъ до этого дѣло? спросила она, поднимъ голову.

— И очень дѣло, отвѣчалъ толстякъ.— Молодая дѣвушка, бродящая по улицамъ одна около полуночи, чтобъ купить яду, кажется мнѣ чрезвычайно-подозрительною, и отвѣтственность, лежащая на моемъ званіи, вмѣняетъ мнѣ въ обязанность сдѣлать ей допросъ. Слѣдовательно, прошу васъ покорно отвѣчать мнѣ. Гдѣ вы живете?

— Я не признаю въ васъ права спрашивать меня, сказала Лаура съ сверкающимъ взглядомъ.

— Въ третій разъ, гдѣ вы живете?

— Я не буду вамъ отвѣчать.

— Берегитесь, сударыня! сказалъ аптекаръ съ угрозою.— Я знаю средство заставить васъ говорить; не заставляйте меня прибѣгнуть къ нему. Дѣ, или нѣтъ,—угодно ли вамъ отвѣчать?

Молодая дѣвушка взглянула на него свысока, улыбнулась съ презрѣніемъ и пошла къ дверямъ герцога, какъ царица.

— Денизъ, не выпускай ея! закричалъ толстякъ, раздраженный этой пантомимой:— а ты, Сильвестръ, сбѣгай-ка въ Сент-Эстанъ за полицейскимъ; посмотримъ, не рвнится ли она заговорить въ караульнѣ.

Пока толстый аптекаръ вѣречался въ своей циннѣ и съ трудомъ старался оттуда выйдти, Денизъ, будучи полегче и попроворнѣе, сталъ между дверьми и молодою дѣвучкою; конечно, для болѣе увѣренности, схватилъ онъ ее за руку, но въ ту же минуту онъ почувствовалъ, что и его схватила чья-то сильная рука, и грубо отбросила къ конторкѣ.

— Не бойтесь ничего, сударыня, сказалъ Лобпенъ, подавшій ей эту неожиданную помощь.

— Но, милостивый государь, воскликнулъ аптекаръ, не находя больше словъ для выраженія своего замѣшательства.

— Вы были правы, сударь, отвѣчалъ графъ твердо:— отказавшись продать ей то, чего она требовала; но вы не правы, удерживая ее противъ воли. Подобное насиліе не въ числѣ вашихъ обязанностей. Вашъ долгъ продавать разныя разности, а не производить слѣдствіе.

— Разныя разности! воскликнулъ аптекаръ, оскорбленный этимъ выраженіемъ.—Я продаю, сударь, медикаменты, а не разныя разности. Что же касается до нея...

Вмѣсто того, чтобъ слушать толстяка, Лобнень отворилъ дверь.

— Вы можете выйти, сударыня, сказалъ онъ молодой дѣвушкѣ.

Лаура поглядѣла на него пристально, слегка улыбнулась, какъ будто въ знакъ благодарности, и выпорхнула на улицу съ легкостью птицы, выпущенной на волю.

— Это не пройдетъ вамъ даромъ, сказалъ тогда аптекаръ, поглядывая болѣе обыкновеннаго.—Я не позволю оскорблять себя у себя дома.

— Нѣтъ, это такъ не пройдетъ! повторилъ его помощникъ, потирая ногу, не очень-нѣжно встрѣтившуюся съ угломъ конторки.

— Заступаться за отравительницу потому только, что она хороша собой! продолжалъ толстякъ.—Не смотря на красивые глазки, она рѣшительно смотритъ отравительницею: это плутовка.

— Я это сейчасъ же подумалъ, прибавилъ Денизъ, бросая на графа сердитый взглядъ.

— Развѣ вы всѣ ослѣпли? сказалъ Лобнень. — Развѣ вы не видите, что дѣло идетъ о самоубійствѣ?

Съ этими словами, сказанными въ сильномъ волненіи, онъ бросилъ на конторку монету въ пять франковъ и выбѣжалъ изъ аптеки.

— Вотъ покупатель! сказалъ мальчикъ, смотрящій на эту сцену съ разинутымъ ртомъ и вытаращенными глазами.

— Этотъ молодой человекъ просто сумасшедшій; а не то я поучилъ бы его учтивости, сказалъ помощникъ, стараясь выразить въ улыбку своей презрѣніе, но дѣйствительно выразилъ только досаду.

— Конечно, сумасшедшій! прибавилъ мальчикъ, показывая небольшую коробочку:—спрашиваетъ грудныхъ лепешекъ, а потомъ пропадаетъ не взявши.

— Ну, въ этомъ его упрекнуть нельзя; онъ заплатилъ за нихъ, замѣтилъ снисходительнымъ тономъ толстый аптекаръ, съ философскимъ спокойствіемъ спрятавъ монету въ конторку.

VIII.

НА-МОСТУ.

Вышедъ изъ аптеки, Лобпенъ осматривался во всѣ стороны и при свѣтѣ фонаря скоро замѣтилъ молодую дѣвушку. Она быстро удалялась по направленію къ шпицу св. Эсташа. Онъ бросился въ ту же сторону. Мучительное безпокойство, неподдѣльное участіе снѣжило въ немъ чувство простаго любопытства или по-большой-мѣрѣ ни на чемъ неоснованный интересъ, до-сихъ-поръ увлекавшій его по слѣдамъ модистки.

— Бѣднѣжка! сказалъ онъ самъ себѣ:—едва восемнадцать лѣтъ, и уже знакома съ отчаяніемъ. Въ этомъ нельзя сомнѣваться; только эти глупцы могли тутъ обмануться. Ядъ былъ для нея. Конечно, какое-нибудь любовное очарованіе; что дурное могло бы молодую дѣвушку заставить желать смерти?

Лаура прошла Церковь-св.-Эсташа и перешла конецъ Рынка-Невинныхъ, пробираясь съ удивительнымъ присутствіемъ духа посреди фуръ, уже начинавшихъ тутъ появляться. На углу Тоннельерійской-Улицы неожиданный случай замедлилъ на минуту ея шаги.

Изъ грязной таверны, какія терпитъ полиція въ этомъ мѣствѣ, вышелъ, шатаясь, человекъ въ блузѣ и дрянномъ картузѣ. Молодая дѣвушка отворотилась, чтобъ пройти мимо его; но онъ, очевидно пьяный, замѣтивъ ее, поспѣшилъ загородить ей дорогу; однакожь онъ не успѣлъ исполнить своего намеренія. Только-что хотѣлъ онъ ее схватить за руку, какъ чья-то сильная рука схватила его-самого за воротъ и остановила на мѣствѣ.

— Не смѣйте ни слова сказать ей, воскликнулъ въ то же время Лобпенъ, котораго читатель, конечно, узналъ уже.

— А почему бы мнѣ не поговорить съ нею? отвѣчалъ человекъ въ блузѣ. — Онъ попробовалъ-было бороться, но Лобпенъ былъ сильнѣе, еслибъ даже вино и не ослабило нѣсколько его противника, и попытка была бесполезна.

— Потому, что если вы скажете хоть слово, если сдѣлаете хоть одинъ жестъ, я новалю васъ на мостовую.

— Какъ-будто я и безъ васъ не могу лечь спать! Приходите черезъ часъ, и будьте увѣрены, что найдете меня здѣсь, на мостовой.

Лобпенъ съ омерзевіемъ оставилъ пьяницу.

— Если эта дѣвушка ваша жена, продолжалъ онъ запинаясь:—такъ отъ-чего жъ вы не ведете ее подъ руку? Порядокный чело-

вѣкъ всегда водить жену свою подъ-руку; я всегда вожу свою. Видно, вы хорошо живете, и она васъ любитъ въ-обрьзъ; посмотрите-ка, какъ улечетывается!

Молодая дѣвушка испугалась схватки, которой была невольною причиною, и дѣйствительно удалялась такъ быстро, что это походило на бѣгство. Лобпенъ опять пошелъ за нею, но, догнавъ ее довольно-близко, умѣрилъ шагъ, чтобъ не испугать ее снова; ему очень хотѣлось заговорить съ нею, но онъ удовольствовался тѣмъ только, что слѣдилъ ее издали.

Лаура шла своею дорогою, не замѣчая, что за нею слѣдятъ такъ внимательно и постоянно. Прощедши улицу Ферронери (железный рядъ), она вошла въ лабиринтъ, ведущій вкось отъ Рынка-Невинныхъ къ Мосту au Change, и вскоре очутилась на площади Шатле, все преслѣдуемая своимъ скромнымъ покровителемъ.

Въ эту минуту, луна выглянула изъ-за окружавшихъ ее облаковъ и свѣтлою скатерью покрывла обширное пространство Сены и береговъ ея. Чистый свѣтъ, смѣнившій мракъ тѣснаго квартала, свѣжій, живительный воздухъ, пахнувшій при выходѣ изъ этихъ грязныхъ закоулковъ, освѣжили сердце молодой дѣвушки и разсѣяли на минуту ея мрачныя мысли. Она вдругъ остановилась при входѣ на площадь, начала дышать съ жадностью и утомленнымъ взоромъ оглядывала окрестность. Передъ нею дѣйствительно была одна изъ тѣхъ картинъ, которыя поражаютъ своею неожиданностью и пробуждаютъ какую-то неопредѣленную меланхолю даже въ душѣ, очень мало расположенной къ мечтательности.

Посреди площади столбъ фонтана отражалъ лучи мѣсяца, и вѣчающія его золотыя пальмовыя вѣтви блистали, какъ маякъ. Изъ предѣстала съ монотоннымъ журчаніемъ текла вода, и съ шумомъ ея смѣшивался по-временамъ глухой плескъ рѣки. Вдали, по ту сторону Сены, взоръ встрѣчалъ величественную массу Ситѣ; тамъ и-сямъ отдѣлялись отъ нея старинныя ея памятники, направо башни Palais de Justice, налѣво Notre-Dame; самыя мрачныя легенды лицомъ къ-лицу съ самыми благочестивыми воспоминаніями; посерединѣ, цвѣточная набережная закрывала вѣтвистыми деревьями своими эти опасныя притоцы, гдѣ накопляется и живетъ плесень парижскаго народонаселенія. Вблизи, конечно, можно было бы замѣтить, что въ предательской чашѣ скрываются змѣи, но въ такомъ разстояніи всякій счелъ бы ее самою невинною сѣною, и едва-ли бы удивился, услышавъ вдругъ пѣніе соловья.

Удивленный внезапною неподвижностью молодой дѣвушки, Лобпенъ прошелъ мимо и постарался скрыться въ тѣни домовъ, на западной сторонѣ площади; отсюда онъ могъ свободно разсмотрѣть ее: она стояла вся въ свѣту, и подіяла въ созерцаніи голову.

Сильныя и скорбыя ощущенія, такъ быстро смѣнявшіяся на этой каждаго мизантропа, утихли; казалось, въ эту минуту; вмѣсто мрачнаго упрека; съ минуту назадъ искажавшаго лицо модистки, торбы ея выражали теперь только тихую, спокойную печаль, какъ-будто тишина ночи пролила въ эту страдающую душу часть своей невыразимой жености.

— Лаура, сложивъ руки на груди и поднявъ глаза къ небу, стояла несколько времени въ той непорочной, благочестиво-покорной позѣ, въ которой воображеніе рисуешь христіанскихъ дѣвъ, преданныхъ жестокому фанатизмомъ въ жертву львамъ амфитеатра. Потомъ она твердымъ шагомъ перешла черезъ площадь и вошла на Мостъ au Change.

Въ эту минуту, луна скрылась за густымъ облакомъ. Лобнень воспользовался этою темнотою и приблизился къ молодой дѣвушкѣ: онъ достигъ ее въ ту самую минуту, когда она остановилась на срединѣ моста.

— Я не ошибся, подумалъ онъ, содрогаясь.

Лаура сняла шляпку, положила ее на троттуаръ, и пригладила волосы обѣими руками такъ же тщательно, какъ-будто собираясь на балъ. За тѣмъ она стала на колѣни и молилась долго и съ жаромъ. Когда она встала, щеки ея были смочены слезами, но на все выражалась прежняя рѣшимость. Она медленно перекрестилась; достала съ груди маленькій медальонъ и прижала его къ губамъ. Наконецъ, изъ стыдливой предусмотрительности, достойной Виргини, сняла шарфъ, и связала имъ подошвы своего платья.

Осмысливъ эти приготовленія съ непонятнымъ изидокровіемъ, молодая дѣвушка склонилась на перила и съ минуту смотрѣла въ рѣку.

— Когда проглянетъ луна, пронесла она въ-полголоса. — Эта ночь слишкомъ-мрачна.

— Она подняла глаза и устремила ихъ въ ту точку небосклона, гдѣ скрывалась луна. Скоро туманная полена прояснилась, и сквозь нее проглянулъ слабый свѣтъ; черезъ минуту, облако пронеслось; луна опять засіяла, и рѣка, посеребренная ея лучами, какъ-бы пригладилась для встрѣчи отчаянія.

Въ это мгновеніе дѣвушка хотѣла броситься черезъ перила, но Анри уже распростеръ руки; и ему оставалось сдѣлать только шагъ, чтобы удержать ее. Она глухо вскрикнула; сопротивлялась съ минуту и лишилась чувствъ. Въ энергическихъ, но раздражительныхъ характерахъ бываетъ часто странное противорѣчіе, высказавшееся въ эту минуту и въ Лаурѣ: она безъ страха готова была идти на встрѣчу смерти, и не могла устоять противъ внезапнаго вѣзуга. Анри поддерживалъ ее одною рукою, другою развязалъ шарфъ,

окужавшей платье, надѣлъ его опять на ея плечи, а шляпку на голову; потомъ взялъ ее на руки, бѣгомъ донесъ до цветочнаго рынка, посадилъ на скамью и сѣлъ самъ, продолжая ее поддерживать.

— Если ея обморокъ продлится, подумалъ онъ:— я потребую помощи изъ караула въ Palais de Justice. Но только крайняя необходимость заставитъ меня предать эту несчастную грубому любовничеству солдатъ.

Торсти воды, зачерпнутой имъ въ одномъ изъ фонтановъ рынка, было достаточно для приведенія дѣвушки въ чувство. Едва коснулось ея нѣсколько капель, она вздрогнула, судорожно сощурилась и глухо вздохнула; а между-тѣмъ двѣ слезы тихо набѣжали на ея рѣсницахъ. Вскорѣ она открыла глаза и обвела ими кругомъ себя. Но по вѣх неподвижному и угрюмому выраженію Лобпенъ догадался, что она смотритъ, но не видитъ, и что чувства ея, потрясенныя такимъ сильнымъ ударомъ, не пришли еще въ спокойное состояніе.

— Это вы, батюшка? произнесла она наконецъ, неопредѣленно протягивая руки, какъ-будто желая обнять невидимое существо.

— Да, вы увидите вашего отца, отвѣчалъ Анри, тронутый этимъ безумствомъ, первое слово котораго было воплемъ дѣтской любви.

— Скоро? спросила она умоляющимъ голосомъ.

— Если хотите увидѣть батюшку, прежде всего должно успокоиться. Не разговаривайте, не вставайте и старайтесь привести въ порядокъ свои мысли.

Лаура исполнила эти приказанія съ послушностью ребенка. Она замолчала, не двигалась, и нѣсколько разъ повела рукою по лбу, какъ-будто разсуждая.

— Я не вижу, но слышу, сказала она послѣ минутнаго молчанія, какъ-будто говоря сама съ собою. — Да, я слышала голосъ, пріятный голосъ; онъ мнѣ нравился; я желала бы, чтобъ онъ заговорилъ еще.

— Какъ вы себя теперь чувствуете? отвѣчалъ Анри нѣжнымъ голосомъ.

— Да, это тотъ самый голосъ, сказала молодая дѣвушка съ радостнымъ чувствомъ.— Мы на небесахъ, не правда ли? Отецъ мой можетъ быть только тамъ, а вы сказали мнѣ, что я его скоро увижу.

— Бѣдняжка! подумалъ Лобпенъ. — Не-уже-ли она ускользнула отъ ужасной смерти только за тѣмъ, чтобъ потерять рассудокъ?

— Я тоже буду на небесахъ, потому-что никогда не дѣлала зла, продолжала Лаура. Съ ясностью, свойственною этому роду

помышательства, она преслѣдовала нить своихъ мыслей сквозь безпорядокъ, царствовавшій въ душѣ ея.

Лаура опустила голову на руки, облокотилась на колѣни и за-лилась слезами. Нѣсколько времени плакала она на-взрыдъ, такъ, что Лобненъ, бесполезно стараясь утѣшить ее, началъ наконецъ опасаться новаго обморока. Дѣйствительно, насталъ переломъ. Воспоминаніе несчастій разсыяло видѣніе молодой дѣвушки. Вдругъ, возвратившись къ сознанию дѣйствительности, она встала, взглянула съ ужасомъ вокругъ, и, обратясь къ Лобнену, спросила:

— Гдѣ мы? кто вы такой?

Вашъ другъ, отвѣчалъ графъ.

У меня нѣтъ друзей. Но вы не говорите, гдѣ мы? Теперь ночь и мнѣ страшно.

— Вамъ нечего бояться, сказалъ Анрі, и взялъ ее за руку, стараясь успокоить.

Молодая дѣвушка вскрикнула, освободилась внезапнымъ скачкомъ, и, гонимая страхомъ отъ воображаемой опасности, бросилась изъ аллеи и перебѣжала набережную; перила вдругъ остановили ее.

При видѣ Сены, которой темножелтыя воды съ глухимъ шумомъ крутились подъ арками моста, она остановилась какъ прикованная. Вдругъ склонилась она назадъ и, запыхавшись, упала на руки Лобнену.

— Спасите меня! произнесла она съ невыразимымъ ужасомъ.— Видите, какъ подымается рѣка? Она поглотитъ меня, а я не хочу утонуть... вода такъ темна! посмотрите, какъ она кипитъ; послушайте, какъ реветъ! Не мое ли имя произносить она, разбиваясь о столбы моста? О! спасите меня! Смерть ужасна... я хочу жить!

Лобненъ воспользовался этимъ страхомъ, близкимъ къ сумасшествію; онъ взялъ дѣвушку за руку и проворно отвелъ отъ перилъ, чтобъ удалить ее отъ мрачнаго видѣнія, такъ сильно и вѣсть съ тѣмъ такъ естественно поразившаго ее ужасомъ. Мысль о самоубійствѣ раздражаетъ душу; но за нею слѣдуетъ расслабленіе, и нѣтъ ничего обыкновеннѣе, какъ встрѣтить совершеннѣйшее безсиліе въ-слѣдъ за энергическимъ отчаяніемъ.

Минуту спустя, Анрі и Лаура переходили мостъ; Лобненъ съ братскою заботливостью направлялъ невѣрные шаги молодой дѣвушки. Вдругъ она остановилась.

— Странно! сказала она, глядя испуганнымъ взоромъ въ мрачное пространство, неясно являвшееся ей по обѣ стороны перилъ:— въ этой улицѣ нѣтъ домовъ.

— Это не улица, отвѣчалъ Анрі.

— Если это не улица, такъ гдѣ же мы?

— На Мосту au Change.

— На мосту! вскрикнула Лаура съ новымъ испугомъ. — Значить, падъ рѣкою... надъ мрачною водою, которая шумитъ и зоветъ меня! Спасемся!

Она хотѣла бѣжать, но колѣни ея задрожали, и ноги подогнулись.

— Чувствуете ли вы: мостъ рушится, сказала она, приписывая въ безпамятствѣ свое первое сотрясеніе колебанію земли.

— Успокойтесь; еще нѣсколько шаговъ, и мы на набережной.

— Побѣжимъ; мнѣ не хочется умирать. Утонувшіе, говорятъ, страшны.

Она хотѣла идти, но ноги ея подкосились, и она упала бы, еслибъ не поддержалъ ея Лобпенъ. Видя; что она не въ состояніи сдѣлать ни шага, онъ взялъ ее на руки безъ малѣйшаго сопротивленія и донесъ до конца моста.

— Вотъ мы и на твердой землѣ, сказалъ онъ, невольно улыбаясь. — Можете вы теперь идти?

Она сдѣлала движеніе, чтобъ освободиться изъ его рукъ, и онъ тихо поставилъ ее на землю.

— Мы все еще недалеко отъ рѣки! сказала она, бросивъ назадъ боязливый взглядъ.

— Вы правы: удалимся. Я вижу, вы уже не такъ дрожите.

— Я не дрожу, отвѣчала она; старалась тверже стоять на ногахъ; — у меня достанетъ смѣлости, лишь бы свастась.

Лобпенъ улыбнулся и предложилъ ей руку; она взяла ее машинально.

Нѣсколько времени шли они молча и наконецъ повернули въ улицу Сен-Денн.

— Безъ сомнѣнія, она живетъ недалеко отъ магазина, гдѣ работаетъ, подумала молодой графъ; — следовательно, возвратиться въ Сомонскій-Пассажъ — лучшее средство приблизиться къ ея жилищу.

На пути, Лаура въ какомъ-то ошмѣннѣй разсматривала совершенно-новый для нея видъ этихъ мѣстъ. Стария аданн Сен-Деннскаго-Квартала, справа освѣщенные луною по верхнимъ этажамъ, тогда какъ все остальное скрывалось во мракѣ; темнота самой улицы, едва нарушаемая тамъ-и-сямъ фонаремъ; пустынность этихъ мѣстъ, столь живыхъ днемъ, но теперь почти-безлюдныхъ; глубокая тѣнина, слабо нарушаемая изрѣдка далекимъ шумомъ экипажа, — все это поразило молодую дѣвушку страннымъ изумленіемъ, и смутное воспоминаніе только-что случившагося присоединыло къ этому еще впечатлѣніе ужаса. Но-временамъ, она оборачивала голову къ своему проводнику и поглядывала на него украдкой съ любопытствомъ и удивленіемъ.

— Какой странный сонъ! говорила она сама себѣ. — Я еще никогда не видала сна, такъ рѣзко похожаго на дѣйствительность.

— Лучше ли вамъ теперь? спросилъ ее Лобпенъ послѣ довольно-долгого молчанія.

— Это не сомнѣ! вскричала Лаура, затрепетавъ.— Голось во снѣ говорить душѣ, а не слуху. Чтѣ же такое со мною было? Я на улицѣ, и теперь ночь. Мнѣ уже давно должны бы быть дома. Какъ беснокоится, я думаю, бѣдная матушка.

— Я веду васъ къ ней, какъ-то сказалъ Анри.

— Умоляю васъ, пойдете скорѣе. Бѣдная матушка!

— Да, не забывайте матери! сказалъ молодой человекъ голо-
сомъ болѣе-важнѣмъ: — думайте о ней часто, особенно, когда
будете сознавать свое несчастіе.

Лаура остановилась.

— Кто же вы такой? спросила она, стараясь освободить свою
руку; но Лобпену удалось удержать ее безъ насилія.

— Я уже сказалъ вамъ: другъ вашъ.

— Но я васъ не знаю, я васъ никогда не видала. Впрочемъ,
нѣтъ, продолжала молодая дѣвушка, какъ-будто что-то припоми-
ная: — кажется, я васъ уже видѣла... Недавно... Но гдѣ? Еслибъ
голова моя была не въ такомъ безпорядкѣ...

— Не думайте, прервалъ ее Лобпенъ: — это утомляетъ голову,
а вамъ нуженъ покой.

— Вы говорите правду, отвѣчала Лаура, приложивъ руку ко
лбу:— голова у меня горитъ, и чѣмъ больше я стараюсь объяснить
себѣ, чтѣ такое случилось со мною, тѣмъ больше становится жаръ.
А мнѣ хотѣлось бы знать, гдѣ я васъ видѣла.

— Я могу вамъ это сказать, отвѣчалъ Лобпенъ послѣ минут-
ной нерѣшительности; онъ боялся пробудить въ ней тягостное
чувство, напомнивъ ей объ отчаянномъ поступкѣ, о которомъ она
по-видимому забыла, благодаря минутному помѣшательству.

— Такъ скажите же, провизнесла она съ нетерпѣніемъ.

— Помните ли, что вы заходили въ магазинъ на улицѣ Мон-
мартръ?

— Въ магазинъ—на улицѣ Монмартръ? повторила Лаура, какъ-
будто глубоко разсуждая:— да, теперь припоминаю: кажется, я за-
ходила въ магазинъ... даже не въ одинъ.

— Близъ Церкви-св.-Эсташа?

— Да, такъ.

— Въ аптеку?

— О! теперь помню, сказала Лаура въ сильномъ волненіи: —
вы отворили мнѣ двери, когда другіе хотѣли удержать меня.

— Вы помните также, зачѣмъ вы пришли въ эту аптеку? спро-
силъ Лобпенъ, глядя на нее пристально.

Дрожь пробѣжала по членамъ молодой дѣвушки; вмѣсто отвѣта, она въ судорожномъ движеніи сжала руку своего спасителя.

— Несчастная! продолжалъ онъ съ важностью и состраданіемъ: — вы хотѣли умереть, а у васъ есть мать!

Лаура вздохнула глубоко и склонила на грудь голову. По дрожавію плечь и худо-подавляемымъ вздохамъ, Анріи попалъ, что тронулъ чувствительную струну ея страждущаго сердца.

— Такъ вы не думали объ ней? продолжалъ онъ тономъ легкаго упрека. — Однакожъ, вы ее любите, потому-что уже одно имя ея пугаетъ васъ до такой степени. И какъ должна любить васъ эта бѣдная мать! Вы, конечно, составляете для нея и радость, и счастье, и гордость! Она о васъ мечтаетъ, для васъ надѣется. Словомъ, вы для нея жизнь, потому-что мать живетъ въ своемъ дитяти, — и вы хотѣли лишиться себя жизни! Увѣрены ли вы, что это не значило бы убить и ее?

— О, я преступная дочь! сказала Лаура рыдая.

— Нѣтъ, вы просто неопытное дитя, принявшее первое горе свое за неисправимое несчастіе.

— Мое первое горе! Я уже не помню его, отвѣчала молодая дѣвушка, и слезы ея вдругъ исчезли. — Счастливы могущіе припомнить первое горе свое! Они мало страдали.

— Такъ вы страдали много? спросилъ Лобненъ съ участіемъ.

— Кому охота умирать въ счастіи?

— Но кто же на землѣ совершенно-счастливъ? Никто. Зачемъ же требовать отъ судьбы, чего она не можетъ дать? Въ ваши лѣта, впрочемъ, доживаютъ до зла неспѣлимаго? Вы забыли, говорите вы, свое первое горе? черезъ нѣсколько лѣтъ, вамъ трудно будетъ припомнить теперешнее отчаяніе.

— Ваши слова уже не трогаютъ меня, прервала его Лаура: — если хотите, чтобъ я жила, говорите мнѣ о моей матери: ее, а не разсудокъ должно поставить между мною и смертию.

Лобненъ понялъ, что, имѣя дѣло съ такимъ характеромъ, должно дѣйствовать на сердце, а не на разсудокъ.

— Да, будемъ говорить о вашей матушкѣ, сказалъ онъ: — поговоримъ о счастіи, которое доставитъ ей ваше возвращеніе. Теперь она ждетъ васъ, безпокоится, считаетъ минуты; но какъ она обрадуется, когда васъ увидитъ!

— Пойдемте скорѣе; вы правы; матушка, навѣрно, безпокоится, а душевные движенія ей такъ вредны!

Лобненъ и молодая дѣвушка уже нѣсколько времени были въ улицѣ Монмартръ и приближались къ Сомонскому-Пассажу.

— Мы скоро прійдемъ? спросилъ Анріи.

— Такъ вы знаете, гдѣ я живу? отвѣчала она, Google

— Нѣтъ, но, вѣроятно, недалеко отъ вашего магазина.

— Отъ моего магазина? спросила она удивленнымъ голосомъ.

Онъ разсказалъ ей, какимъ случаемъ замѣтилъ ее; сперва, какое впечатлѣніе произвела на него грусть ея; потомъ сдѣленіе обстоятельствъ, приведшее его отъ моднаго магазина въ Сомонскомъ-Пассажѣ до перилъ Моста au Change.

Молодая дѣвушка разсѣянно слушала разсказъ его; она испытывала новое чувство, тягостнѣе всѣхъ, испытанныхъ ею до-сихъ-поръ. Глаза ея блуждали во всѣ стороны и старались проникнуть мракъ; она ежеминутно оборачивалась съ безпокойствомъ, какъ-будто страшась какой-то опасности.

— Вы боитесь? спросилъ Анрі, ложно изъясняя это движеніе.

— Дѣ, отвѣчала она глухо.

— Не бойтесь. Эти люди, что проходятъ то тамъ, то здѣсь, — вы почитаете ихъ, можетъ-быть, за злодѣевъ: это добрые прохожіе; они возвращаются домой немного-поздно, такъ же какъ и мы, но ихъ нѣчего бояться.

— Я не боюсь разбойниковъ.

— Однакожъ вы дрожите. Чего же вы боитесь?

Вмѣсто отвѣта, Лаура остановилась.

— Вотъ Жюссенская-Улица, сказала она:—теперь мнѣ остается пройти только нѣсколько шаговъ, и я не хочу утруждать вась долгъ.

— Я оставляю вась не прежде, какъ увидѣвъ, что вы вошли домой, къ вашей матушкѣ, отвѣчалъ Лобпенъ, неожиданный такихъ словъ.

Безпокойство молодой дѣвушки безпрестанно увеличивалось; она наставляла, чтобъ Лобпенъ не провожалъ ея далѣе; но всѣ слова ея были бесполезны.

— Пока вы не возвратились къ матушкѣ, я отвѣчаю за вась предъ Богомъ, торжественно сказалъ Анрі. — Я никогда не прощу себѣ, если съ вами что-нибудь случится. Какъ хотите, а я вась не оставляю.

— Въ такомъ случаѣ, пойдите скорѣе, отвѣчала Лаура, и быстро пошла впередъ, безпрестанно ускоряя шаги.

— Но отъ-чего вы такъ дрожите? спросилъ Лобпенъ, удивляясь все больше и больше:—если на вась и нападутъ, чего, впрочемъ, не случится, развѣ вы думаете, что я не въ состояніи защитить вась?

— Не видите ли вы вонъ-тамъ у воротъ человека? спросила молодая дѣвушка измѣнившимся голосомъ.

— Тамъ пѣтъ никого.

— Пойдемте скорѣе.

— Ради Бога, успокойтесь; чего вамъ бояться со мною?

Лаура не отвѣчала; но отрывистое дыханіе, нервическая дрожь и взоры, которые она бросала вокругъ себя, изобличали въ ней совершенный ужасъ.

— Наконецъ мы здѣсь, сказала она, дошедъ до угла улицы Пажевень.

Почти посрединѣ улицы, въ третьемъ этажѣ узкаго дома, одно окно было открыто и освѣщено: явленіе довольно-странное въ такой поздней часъ, и тѣмъ болѣе привлекавшее вниманіе, что въ окнахъ сосѣднихъ домовъ царствовалъ совершенный мракъ.

Посреди рамы, на грунтѣ, освѣщенномъ изнутри комнаты, обрисовывался силуэтъ женской фигуры, такъ далеко наклонившейся изъ окна, что было страшно, какъ бы не упала она на улицѣ.

— Вотъ ваша матушка, сказалъ Лобпенъ; въ этой позѣ, полной ожиданія, онъ узналъ материнскую любовь.

Лаура, не отвѣчая ни слова, оставила его руку и побѣжала къ полураствореннымъ дверямъ дома. Въ ту минуту, когда она оборотилась на порогъ, можетъ-быть, съ намѣреніемъ бросить прощальный знакъ своему спасителю, въ улицѣ недалеко послышались поспѣшные шаги. При этомъ шумѣ, молодая дѣвушка бросилась въ домъ, какъ лань въ чашу лѣса, и двери затворились.

Лобпенъ не успѣлъ еще опомниться, какъ передъ нимъ неожиданно остановился сильный, красивый и молодой человекъ, сколько можно было разглядѣть въ темнотѣ.

— Прекрасный рыцарь, мы съ вами еще увидимся! сказалъ незнакомецъ съ иронической угрозой. Поглядѣвъ съ минуту на Лобпена, онъ подошелъ къ дверямъ, куда вошла Лаура, досталъ изъ кармана ключъ, отворилъ ихъ, и, вошедши въ домъ, проворно заперъ ихъ за собою.

Немножко-разочарованный такою прозаической развязкой, Лобпенъ остался неподвиженъ посреди улицы. Черезъ нѣсколько секундъ, онъ машинально поднялъ голову; женщины уже не было у окна. Немного спустя, до слуха его долетѣлъ неясный шумъ голосовъ, и вскорѣ онъ могъ разслушать сильный споръ. Человекъ, котораго черты онъ не могъ рассмотреть, но который ростомъ напоминалъ незнакомца, только-что говорившаго съ Лобпеномъ, вдругъ показался у окна и заперъ его, такъ-что оно чуть не разлетѣлось въ дребезги.

— Вотъ и занавѣсъ опустился, сказалъ самъ-себѣ Лобпенъ, стараясь посмѣяться своей неудачѣ: — теперь, кажется, лучше всего пойти лечь спать.

Впрочемъ, прежде осуществленія этой благоразумной мысли, онъ постарался разобрать нумеръ дома, чтобъ узнать его днемъ.

— Номеръ семнадцатый, въ третьемъ этажѣ, сказалъ онъ уходя:— да, мы еще увидимся, жестокий тиранъ!

IX.

СЕМЕЙСТВО ЖЕНИХА.

На другой день, часу въ двѣнадцатомъ утра, Рокфёлъ лежалъ на широкой бержеркѣ. Съ сигарой въ зубахъ и газетой въ рукѣ, онъ широкъ отдыхалъ послѣ сочнаго завтрака, которому обѣдъ въ Рошѣ-де-Канкаль не повредилъ нисколько. По непринужденному положенію и особенно по беззаботности, съ которою онъ коптилъ комнату, можно было бы подумать, что генералъ у себя дома; но стоило только взглянуть на комнату, чтобъ удостовѣриться въ неправдоподобности такого предположенія.

На сѣзвотомъ грунтѣ стѣны выступало нѣсколько гравюръ въ великолѣпныхъ рамкахъ; на нихъ изображались различныя сцены благочестиваго содержания: тутъ висѣло «Преображеніе» возлѣ Спранго, «Снятіе со креста» Рубенса возлѣ «Тайной Вечери» Леонардо да-Винчи. Выборъ подобныхъ предметовъ придавалъ комнатѣ, меблированной очень-скромно, характеръ, который, конечно, показался бы страннымъ въ жилищѣ стараго солдата, рѣшительнаго вивѣра, очень-склоннаго къ материализму.

Генералъ уже съ полчаса предавался этому тройкому препровожденію времени: лежалъ, курилъ и читалъ. По долготѣтней привычкѣ, онъ считалъ это занятіе чрезвычайно-полезнымъ для пищеваренія... Чувственный старикъ началъ уже дремать, убаюкиваемый табачнымъ дымомъ на мягкомъ диванѣ; какъ вдругъ эту блаженную дремоту нарушилъ шумъ отворившейся двери; онъ поднялъ голову, уже склонившуюся было на спинку бержерки, и взглянулъ полуоткрытыми глазами на дверь.

Вшла женщина лѣтъ пятидесяти, одѣтая съ ученою и умеренною изящностью. Въ рукахъ у нея была книжка въ фиолетовомъ бархатномъ переплетѣ съ серебряными застѣжками. На ней не было ни изысканныхъ бездѣлицъ, ни яркихъ красокъ, ни цвѣтвыхъ, ни всей этой пустой мишуры, которою обыкновенно дорожатъ красавицы на склонѣ лѣтъ; она была одѣта прилично времени года, часу дня и особенно лѣтамъ своимъ; въ костюмѣ ея виднѣнъ былъ вкусъ правильный, серьезный, такъ-сказать строгій. Она была довольно-плотна, но, не смотря на это, въ поступи и осанкѣ ея было

выраженіе достоинства; лицо ея, обыкновенно холодно-важное и гордое, было когда-то вѣроятно очень-красиво; въ немъ было много сходства съ Рокфёлемъ; но это сходство ограничивалось только чертами; въ выраженіи не было ничего похожего между этими лицами.

— Здравствуйте, сестрица, сказалъ генералъ, не оставяя ни газети, ни сигары. — По служебнику, который у васъ въ рукахъ, я догадываюсь, что вы пришли отъ обѣдни.

Вмѣсто отвѣта, мать Анри де-Лобпена быстро прошла черезъ комнату и растворила оба окна. Потомъ обратилась къ брату, съ улыбкой смотрѣвшему на это распоряженіе; лицо ея выражало состояніе человѣка, котораго душатъ.

— Боже мой, генералъ! сказала она довольно-живо:—не-уже-ли вы никогда не отстанете отъ этой гадкой привычки?

— Какой привычки? спросилъ Рокфёлъ совершенно-равнодушно.

— Отъ этихъ мерзкихъ сигаръ.

— Какъ, мерзкихъ? У меня превосходнѣйшія сигары; спросите у вашего сына.

— Вамъ-таки удалось передвѣлать его по-своему? сказала графиня съ досадою.

— По-бѣму! Между нами будь сказано, мнѣ кажется, онъ для этого черезъ-чуръ воспитанъ. Благодаря вашей прекрасной системѣ воспитанія, отъ бѣдняжки Анри можно ожидать только достоинствъ дѣвушки.

— И это по мнѣ лучше, чѣмъ видѣть въ немъ недостатки пандура, сухо отвѣчала г-жа Лобпень.

— Благодарю за комплементъ, сказалъ генералъ, иронически кивнувъ головою. — Пандуръ! это мнѣ нравится. Намедни, тоже по поводу ужасныхъ пороковъ, которые, по вашему мнѣнію, я стараюсь привить къ вашему сыну, вы употребили слово «рубака»; это уже очень-мило, но пандуръ еще лучше.

— Пожалуйста, братецъ, оставьте нашъ ежедневный споръ. Я понимаю, почему вы не одобряете воспитанія, которое такъ противорѣчитъ вашимъ привычкамъ; но пусть я ошибаюсь или нѣтъ, — я мать Анри и, кажется, имѣю право вести его по пути, который считаю лучшимъ.

— Я не отрицаю вашихъ правъ; боюсь только, не слишкомъ ли вы ими пользуетесь.

— Хорошее не вредно ни въ какомъ количествѣ, отвѣчала графиня догматическимъ тономъ.

— Ошибаетесь, сестрица; я вамъ сейчасъ это докажу. Въ военномъ смыслѣ, порохъ очень-хорошая вещь, пушка тоже; однако же, увеличьте зарядъ не въ мѣру — пушку разорветъ; вотъ чѣмъ грозитъ преувеличеніе.

— Признаюсь вамъ, генераль, я никакъ не могу понять, какое отношеніе можетъ быть между воспитаніемъ моего сына и сравненіемъ...

— Сравненіемъ съ пандуромъ, хотите вы сказать? Не женируйтесь; я привыкъ къ этимъ братскимъ любезностямъ. Отношеніе вотъ какое: какъ пушка не можетъ выдержать болѣе известнаго заряда пороха, такъ и человекъ не можетъ переварить болѣе известной порціи добродѣтели; а вы такъ начинили этого бѣднаго Анрі́ религиозными правилами, моральными сентенціями, благочестивыми апофегами, что, мнѣ кажется, мудро, чтобъ пушку не разорвало.

Г-жа де-Лобпенъ нахмурила брови и отвѣчала полусардонически, полузаботливо:

— Конечно, для отвращенія этого взрыва, вы заставили вчера своего племянника принять участіе въ обѣдѣ, или, можетъ-быть, вървѣ: въ оргіи, продолжавшейся до двухъ часовъ утра?

— До двухъ часовъ утра! воскликнулъ Рокфёль.—Анрі́ возвратился такъ поздно?

— Вамъ, конечно, что-нибудь объ этомъ известно. Лорренъ доложилъ мнѣ, что Анрі́ возвратился въ половинѣ третьяго.

— А! а! продолжалъ генераль смѣясь.—Не-уже-ли нашъ милый Анрі́ не такая дѣвушка, какъ я предполагалъ?

— Пожалуйста, не шутите на счетъ дѣла, которое я считаю важнымъ. Вы знаете, какой точности требовала я всегда отъ моего сына, и мнѣ кажется, въ настоящемъ случаѣ вы должны бы уважить мои чувства, или, если хотите, мои предразсудки.

— Объяснимся, сестрица; не хотите ли вы, чтобъ я отвѣчалъ за позднее возвращеніе Анрі́?

— Такъ-какъ онъ былъ съ вами...

— До десяти часовъ съ небольшимъ, *concedo*; позже—него.

— Такъ онъ васъ оставилъ...

— Въ десять часовъ, какъ я вамъ сказалъ. Если послѣ этого времени онъ совершилъ всѣ возможные преступленія, я умываю руки. Въ десять часовъ съ небольшимъ, когда обѣдъ былъ оконченъ (порядочный обѣдъ; онъ мнѣ прійдется, чортъ возьми! Франковъ по шестидесяти съ персоны!), когда обѣдъ, говорю я, былъ оконченъ, я отвезъ Фальконэ въ министерство торговли, а самъ поѣхалъ въ клубъ невинно дотянуть вечеръ. Въ клубѣ я выигралъ въ бульйоттѣ двести-пятьдесятъ франковъ—почти то же, чего стоить обѣдъ.

— А Анрі́?

— Я оставилъ его у дверей Рошэ-де-Канкаль въ совершенномъ здравіи съ Рене Фальконэ, известнымъ вамъ олухомъ; впрочемъ,

за недостаткомъ другихъ достоинствъ, я почти открылъ въ немъ способности пьяницы.

— Право, вы меня пугаете, братецъ! Что же могло съ нимъ быть отъ десяти до половины третьяго?

— Я не объясню вамъ этого по двумъ причинамъ: во-первыхъ, потому-что вы добродѣтельная женщина, а во-вторыхъ, боюсь опять явиться въ вашихъ глазахъ пандуромъ.

— Пришелъ въ половинъ третьяго, и опять ушелъ въ семь, сказала задумавшись г-жа де-Лобпенъ.

— Ушелъ въ семь часовъ?

— Это случилось съ нимъ, можетъ-быть, въ первый разъ; утро посвящаетъ онъ обыкновенно живописи или чтенію.

— А! сказалъ Рокфёль весело:—ученикъ прогулялъ урокъ и это подтверждаетъ, кажется, слова мои.

— Какія слова?

— Которыя уже прежде меня сказаны въ одной пьснѣ: «добродѣтель хороша, но всему есть мѣра». Вы воспитали сына, какъ-будто готовя его подъ клобукъ, въ монахи; и вотъ теперь клобукъ полетѣлъ въ сторону, судя по всей вѣроятности... Такой конецъ легко было предвидѣть: я предсказывалъ вамъ это сто разъ. А чтобъ вы были противнаго мнѣнія, достаточно, чтобъ я это сказалъ.

— По-вашему, что же надо было дѣлать? сказала графиня довольно-презрительнымъ тономъ.

— То, что дѣлаютъ всѣ, или по-крайней-мѣрѣ благоразумные люди: предоставить молодому человѣку столько свободы, чтобъ онъ могъ растрчивать избытокъ своей энергіи; а вы, вмѣсто того, только раздражаете эту энергію, сдерживая ее систематически, и рано или поздно это усиліе должно оказаться безсильнымъ. Въ каждой паровой машинѣ дѣлаютъ отдушину; вы не позаботились объ этомъ, а теперь того-и-смотри, что машину взорветъ. Кто виноватъ?

— Право, братецъ, иронически замѣтила г-жа де-Лобпенъ:—вы рѣшительно любите метафоры. Вы изъ всего дѣлаете стрѣлы, чтобъ пронзить меня. Анри недавно былъ пушкой, теперь онъ паровая машина: что намъ рены вы сдѣлать изъ него дальше!

— Ничего, отвѣчалъ генералъ сухо:—ни даже мужа мамзель Фальконэ.

Графиня де-Лобпенъ внимательно посмотрѣла на своего брата, и на лицѣ ея выразилось удивленіе, смѣшанное съ безпокойствомъ.

— Оставимъ колкости, сказала она пѣвнѣе:—вы такъ же, какъ и я, желаете, чтобъ Анри женился на Фальконэ; что же значатъ ваши слова?

— А то, что если вашъ сынокъ, на зло ультра-добродѣтельному воспитанію, дѣлается слегка повѣсою, такъ, по-моему, это еще не большая бѣда; но въ немъ внезапно появилась антипатія къ породѣ Фальконэ вообще, и къ мамзель Фелиситэ въ особенности; это кажется поважнѣе.

— И очень. Это уничтожило бы планъ, который я обдумываю уже шесть лѣтъ; но увѣрены ли вы въ томъ, что говорите?

— Совершенно-увѣранъ.

— Вы меня удивляете. Я знаю, сначала, Анри былъ не совсѣмъ сговорчивъ, но съ нѣкотораго времени онъ по-видимому соглашался съ моими доводами. Что же заставляетъ васъ думать, что этотъ бракъ опять его отталкиваетъ?

— Вчерашнее его поведеніе.

— Что же такое было вчера?

— Я избавляю васъ отъ жалобъ, съ которыми онъ заблагодарсудилъ обратиться ко мнѣ: Фелиситэ дурна собой, Фелиситэ глупа, я никогда не могу любить Фелиситэ,—словомъ, онъ говорилъ все, что только можетъ сказать молодой человѣкъ, недурной собой, котораго хотятъ женить на уродѣ. Покамѣстъ мы были одни, въ этомъ противобрачномъ антифонѣ не было ничего неприличнаго, и я не прекословилъ. Но когда прѣвхали Фальконэ, дѣло стало серъезнѣе.

— Онъ принялъ ихъ холодно?

— Какъ ледъ. Ни слова ни отцу, ни сыну. Онъ былъ разсѣянъ, угрюмъ, скученъ. Сколько я ни бросалъ ему значительныхъ взглядовъ и даже наступалъ иногда на ноги, все напрасно. Точно моя кобыла Фодлетъ: ни мундштукъ, ни шпоры, — ничто не беретъ. Словомъ, онъ меня бѣсилъ до такой степени, что я разъ десять готовъ былъ вспыхнуть, и вы потому только видите меня сегодня здѣсь, что я хочу хорошенько вымыть ему голову.

— Можетъ-быть, лучше поговорить съ нимъ хладнокровно.

— За это ужъ вы возьмитесь; онъ меня разсердилъ, и если я стану говорить съ нимъ, я его выберано: это неизбѣжно.

— Такой выгодный бракъ! сказала задумчиво г-жа де-Добпенъ, послѣ минутнаго молчанія.

— Конечно, отвѣчалъ генералъ:— въ-отношеніи къ богатству лучше желать нечего. Послѣ смерти госпожи Фальконэ, имѣніе ея было отдѣлено отъ имѣнія мужа; дѣти, наследники ея, получили пополамъ законное наследство въ пятьдесятъ-четыре тысячи ливровъ годоваго дохода. Стало-быть, у Фелиситэ уже теперь двадцать-семь тысячъ ливровъ, не считая маленькаго миліончика, который, безъ сомнѣнія, оставитъ ей отецъ.

— Я думаю, вы нѣсколько уменьшаете состояніе невесты, сказала графиня съ видимымъ участіемъ: — въ-теченіе десятилѣтняго

вдовства, господинъ Фальконэ истратилъ на воспитаніе своей дочери очень-незначительную часть этого дохода. Положимъ тысячу экю въ годъ,—это ужь слишкомъ-много для молодой дѣвушки; остается въ годъ двадцать-четыре тысячи франковъ, которыя онъ долженъ былъ откладывать въ сторону; помноживъ ихъ на десять, выйдетъ перюдочная сумма.

— И вы, конечно, ожидаете увидѣть эту сумму въ контрактѣ? сказалъ генералъ съ улыбкой.

— Миѣ кажется, что, не смотря на извѣстную свою жадность, Фальконэ не посмѣетъ присвоить себѣ деньги, очевидно принадлежащія дочери?

— Посмѣетъ, не сомнѣвайтесь въ томъ! Худо вы знаете этого почтеннаго человека, если думаете, что онъ въ-состояніи возвратить капиталъ, который можетъ удержать по закону.

— Но, по-крайней-мѣрѣ, онъ долженъ отдать Фелиситэ доходы, которые получалъ за нее, съ-тѣхъ-поръ, какъ ей исполнилось восемнадцать лѣтъ.

— Конечно; и такъ—какъ ей теперь двадцать-два года, то приданое этой милой особы можетъ состоять тысячъ изъ тридцати ливровъ годоваго дохода, не считая отцовскаго имѣнія.

— По моему разсчету больше, сказала графиня, неволью одушевляясь. — Долженъ же быть опекунскій счетъ, и какъ бы Фальконэ ни желалъ удержать все или часть принадлежащаго дочери, онъ долженъ его представить.

— Я не совѣтую вамъ трогать этой струны, холодно отвѣчалъ Рокфѣль.

— Какой струны?

— Опекунскаго счета.

— Почему?

— Потому-что это почти вѣрное средство разстроить свадьбу.

— Вы думаете, что господинъ Фальконэ...

— Похожъ на многихъ отцовъ, впрочемъ очень-почтенныхъ, но которые не любятъ, чтобъ ихъ безпокоили касательно счетовъ по опеку. Фальконэ привыкъ пользоваться имуществомъ своихъ дѣтей; онъ заболѣлъ, когда сынъ достигъ совершеннолѣтія и принужденъ былъ выдать его капиталъ; замужство дочери убьетъ его, если это принудитъ его къ подобной же платѣ.

— Что за человекъ! сказала графиня, поднявъ глаза къ небу. Сколько чувствъ должна я побѣдить, чтобъ привыкнуть къ подобному существу! Но выгода сына для меня выше всего. Мать должна жертвовать собою для дѣтей:

— Ваша жертва тѣмъ достойнѣе, замѣтилъ генералъ насмѣшливо:—что Анри до-сихъ-поръ очень-мало вамъ за нее благодаренъ.

— Со-временемъ, онъ отдастъ мнѣ справедливость. Признаюсь вамъ, то, что вы говорите о хищности господина Фальконэ, меня немного огорчаетъ.

— Впрочемъ, что за важность тысячь сто франковъ больше или меньше въ настоящемъ? Вы можете быть увѣрены, что въ рукахъ этого гарпагона эта сумма еще увеличится, и рано или поздно достанется вашему сыну.

— Да, лѣтъ черезъ тридцать; у этого негодая желѣзное здоровье, и притомъ скушые живутъ долго. Однакожъ, вы правы: неблагоприятно было бы заводить объ этомъ споръ. Выгоды брака такъ велики, что надо быть стоворчливыми въ частностяхъ.

Графиня де-Лобпенъ до-сихъ-поръ стояла. Теперь она положила молитвенникъ на столъ, сняла шаль и шляпку и съѣла воякъ своего брата. Кисло-сладкое, степенное выраженіе лица ея вдругъ измѣнилось; она улыбнулась и стала очень-любезна.

— Я думаю, мы оклеветали бѣднаго Анри, сказала она:— онъ, вѣрно, придетъ скоро, и вы увидите, объяснитъ намъ свое вторичную шалость удовлетворительно. Вы завтракаете съ нами?

— Нѣтъ, сестрица, отвѣчалъ генералъ.

— Почему же?

— По двумъ причинамъ: во-первыхъ, я уже завтракалъ; во-вторыхъ, я поклялся не завтракать и не обѣдать у васъ, пока у васъ нухаркой все та же негодаяшка Мадлена.

— Такъ вы все-еще противъ нея, противъ этой бѣдной Мадлены?

— Я никогда не прошу ей этого адскаго фрикасэ изъ пылать, котораго я виждь несчастіе отвѣдать, когда обѣдалъ у васъ въ послѣдній разъ; муки безъ числа и мѣры, вмѣсто лимона—уксусъ, —словомъ, что-то такое, чему и названія нѣтъ, похлѣбка макбетовскихъ вѣдьмъ!

— Знаете, братецъ, ваше негодование отзывается поэзією! сказала графиня, смѣясь очень-весело.

— И что за жаркія? продолжалъ съ ужасомъ старый гастрономъ:— всегда сыро или подожжено; середины не бываетъ. О соусъ я ужъ ни слова; у чорта въ адской кухнѣ, которой я, по вашему мнѣнію, рано или поздно непремѣнно отвѣдаю, конечно, нѣтъ ничего подобнаго.

— Братецъ...

— Извините; я забылъ, что вы такъ богомольны. А что касается до Мадлены, я, на вашемъ мѣстѣ, ужъ давнымъ-давно обвинилъ бы ее предъ судомъ, какъ отравительницу.

— Конечно, бѣдняжка не гений кухни, но за то у нея есть другія достоинства.

— Безъ сомнѣнія! насмѣшливо продолжалъ генералъ. — Призѣюсь, сестрица, что касается до кухни, я очень-мало цѣню эти достоинства.

— Оставимъ Мадлену. Вы завтракали, и, конечно, лучше не жели у меня; следовательно, я не настаиваю въ приглашеніи. Однако, вы не откажетесь отъ рюмки пакарѣ.

— Это другое дѣло. Какъ вамъ извѣстно, я нахожу, что ваше пакарѣ очень-хорошо, и заговорить о немъ—значить тронуть мою слабую струну. Извольте, для компаніи я готовъ выпить рюмку вина съ бисквитомъ.

Графиня позвонила.

— Лоррентъ! сказала она слугѣ, прибѣжавшему на звонокъ: — принеси бутылку пакарѣ; но прежде зажги свѣчу.

— Свѣчу! окаялъ генералъ. — Зажечь?

— Ваша сигарка погасла; не хотите ли зажечь ее снова?

Въ чертахъ старика выразилось удивленіе; подумавъ съ минуту, онъ далъ Лоррену знакъ удалиться, говоря:

— Я не буду больше курить.

Когда слуга вышелъ, Ромбаль устремилъ на графиню испуганную, лупавую взоръ.

— Что жь? сказала онъ: — заключивъ договоръ. Чего вы отъ меня хотите?

— Я!.. Ничего, отвѣчала г-жа де-Лобленъ, вѣжливо обшаривъ.

— Полно-те, сестрица! мы давно знаемъ другъ друга; и дипломатическія хитрости не могутъ намъ удаваться. Вы удивляете пакарѣ почти наравнѣ съ вашимъ исповѣданіемъ, нечаянно табакъ какъ дьявола, и — угощаете меня виномъ и позволяете курить! Это неестественно. Очевидно, что эта дорожка, которую вы такъ мило усыпаете цвѣтами, куда-нибудь ведетъ насъ.

— Что за глупости!

— Вы оказали терпимость къ моимъ сигарамъ только два раза въ жизни: въ первый разъ, когда, послѣ смерти мужа, вамъ понадобились десять тысячъ франковъ, и вы заняли ихъ у меня, и, мимоходомъ сказать, до-сихъ-поръ не отдали; во второй разъ, когда вы мнѣ изъявили желаніе, чтобъ я уступилъ Солимана Анри... бѣдный конь! лучшаго у меня не было на конюшнѣ, и я долго жалѣлъ о немъ. Ясно, что у васъ есть теперь до меня просьба. Говорите, я васъ слушаю.

Графиня де-Лобленъ скрыла, какъ умѣла, досаду на пронзительность брата и старалась придать физиономіи своей выраженіе игриваго неудовольствія.

— Злой Гюставъ, сказала она: — съ нимъ нѣтъ никакой возможности говорить. Употребляешь все искусство, а онъ однимъ словомъ

разрушаетъ хитрости такъ же просто, какъ прежде врубался въ батальоны Русскихъ и Австрійцевъ.

— Даже и лесть! отвѣчалъ старый генералъ съ возрастающею ироніей: — а! должно быть что-нибудь важное?

— Вы, право, нестерпимы съ своей насмѣшливой улыбкой, и, по-настоящему, заслуживаете, чтобъ я вамъ не отвѣчала. Но мнѣ жаль вашего любопытства, и я не хочу, чтобъ воображеніе ваше разъигралось; я знаю, въ немъ такъ много поэзіи... доказательство— макбетовскія вѣдьмы въ разговоръ о кухаркѣ, а то, что я хочу сказать вамъ, такъ просто, такъ земно, такая проза...

— Увидимъ, сказалъ Рокфѣль: — не угодно ли вамъ совратить предисловіе?

Послѣ минутнаго молчанія, г-жа де-Лобпенъ заговорила тономъ шутки; но притворная улыбка изобличала этотъ тонъ во лжи.

— Не для чего говорить вамъ, что подобная мысль никогда не пришла бы мнѣ въ голову. Она взбрела на умъ Фальконэ, и онъ говорилъ мнѣ объ этомъ третьяго-дня.

— Что жъ такое взбрело на умъ этому Фальконэ? серьезно спросилъ Рокфѣль.

— Онъ знаетъ, какъ вы любите Анри, отвѣчала графиня, съ трудомъ прискивая слова: — онъ знаетъ, что вы всегда изъявляли къ нему отеческую привязанность... что у васъ нѣтъ родственниковъ ближе его... что, слѣдовательно, нельзя сомнѣваться въ намереніяхъ вашихъ относительно его. Г. Фальконэ думаетъ, что по случаю этой свадьбы... вы не откажетесь дать племяннику... доказательство своей любви... которое со стороны дяди... нежно любящаго...

— Какое доказательство любви? спросилъ Рокфѣль отрывисто.

— Фальконэ сказалъ мнѣ... онъ надѣется... что, подписывая контрактъ... вы велите вставить... статью...

— Статью...

— Словомъ, Фальконэ ожидаетъ отъ васъ, что, желая уменьшить неравность состоянія между его дочерью и вашимъ племянникомъ... вы обезпечите ему... въ свадебномъ контрактѣ...

— Да что же, чортъ возьми? я еще никогда не видѣлъ, чтобъ такъ мамляли.

— Боже мой, братецъ, есть слова... которыя, въ извѣстныхъ обстоятельствахъ... какъ-будто трудно вымолвить.

— Я помогу вамъ, потому-что иначе мы не кончимъ, сказалъ Рокфѣль, и всталъ такъ быстро, что графиня вадрогнула. — Фальконэ ожидаетъ, что я откажу свое имѣніе Анри, не такъ ли? это взбрело ему на умъ?

— Да, братецъ; что касается до меня, вы конечно понимаете...

— Что и говорить, чортъ возьми! сказалъ генералъ громовымъ голосомъ: — эта скряга, этотъ ростовщикъ, адъютантъ готовить вексель на мое имѣніе!

— Но, генераль...

— Онъ, который объявилъ, что не дастъ ни гроша пенсін своей дочери, онъ воображаетъ, что я ограблю себя въ пользу племянника?

— Но дѣло идетъ не объ уступкѣ за-живо.

— Только этого и не доставало! сказалъ старикъ еще болѣе разсерженный: — я хотѣлъ-было поступить щедро: подарить моей племянницѣ брильянты, хотъ они ей такъ же къ лицу, какъ мнѣ дамская шляпка; но если такъ, — я уничтожаю свадебный подарокъ. А любезнѣйшій племянникъ удовольствуется моимъ благословеніемъ...

— Позвольте замѣтить вамъ, что вы горячитесь безъ причины.

— Безъ причины! Что жъ, вы думаете, мнѣ очень-пріятно слышать, какъ рассчитываютъ на мою смерть?

— Ахъ, братецъ! можете ли вы думать...

— Отречься отъ своей собственности! Низойди на степенъ чужаго нахлѣбника! Раздѣться за-живо! И меня сочли способнымъ на такую глупость? Да кто же сказалъ вамъ, что я отказался отъ женитьбы?

— Въ ваши лѣта! сказала графиня.

— Ужъ не насчитали ли мнѣ сотни лѣтъ? Что жъ вы думаете, если я захочу взять на себя трудъ поискать, такъ не найду женщины, которая почтетъ за счастье за меня выйти? Равиньякъ, который только генерал-майоръ, Равиньякъ, который только баронъ, и который двумя годами старше меня, Равиньякъ женился на вдовѣ тридцати-шести лѣтъ, съ двадцатью-пятью тысячами ливровъ годового дохода. А я, генераль-лейтенантъ, я, маркизъ, еще довольно-свѣжій, прибавилъ Рокфѣль, взглянувъ въ висѣвшее передъ нимъ зеркало: — чортъ меня возьми, если я не найду по-крайней-мѣрѣ такой же невѣсты!

— Безъ всякаго сомнѣнія вы найдете и лучшую, сказала графиня: — но имѣнія ваши объ этомъ предметѣ слишкомъ-хорошо известны, и невозможно думать, чтобъ вы когда-нибудь согласились ограничить свою свободу. Скорѣе, чѣмъ допустить осуществленіе вашихъ брачныхъ предположеній, скорѣе повѣрю я увѣреніямъ господина Фальконэ... и Богъ-знаетъ еще, глупы ли они.

— Опять Фальконэ! Какія увѣренія?

— Господинъ Фальконэ увѣряетъ, что ему навѣрное известно, что вы хотите отдать свой капиталъ въ безвозвратный заемъ. Объ этомъ извѣстилъ его, какъ онъ говоритъ, одинъ изъ старинныхъ

друзей его, служащий теперь въ какой-то компаніи пожизненныхъ займовъ. Разумѣется, я не вѣрю ни одному слову изъ этой милой выдумки.

Рокфѣль, постепенно дошедшій до апогея своего гнѣва, готовъ былъ дать ему полную свободу; но, не смотря на пылкость характера, умѣлъ еще удержаться. Это была одна изъ величайшихъ побѣдъ, какъ сознавался онъ послѣ, одержанныхъ имъ надъ самимъ-собою.

— Можетъ-быть, вы напрасно такъ недоверчивы, сказалъ онъ сестрѣ такъ холодно, какъ только позволяла ему кипящая кровь.

— Такъ это правда? воскликнула графиня, невольно нарушивъ заученое спокойствіе.

— Не совсемъ еще; однакожъ, можетъ-быть.

— Вы признаетесь?

— Почему же не признаться? Развѣ я не въ правѣ распоряжаться своимъ имѣніемъ, какъ мнѣ угодно?

— И такъ, вы лишаете племянника наследства?

— Я ничѣмъ не обязанъ моему племяннику. Я оставляю ему свое имѣніе, если мнѣ вздумается; а если не вздумается, такъ и не оставляю.

— О! вижу, что вы захотите не оставить, отвѣчала г-жа де-Лобенъ съ сардоническою улыбкою.

— Теперь это вѣроятно.

— Скажите: вѣрно.

— Если вамъ угодно—вѣрно.

— Братецъ! сказала графиня взволнованнымъ голосомъ:—я уже давно знаю вашъ эгоизмъ, но никогда не считала васъ способнымъ довести его до такой степени.

— А! Я эгоистъ! отвѣчалъ генералъ, краснѣя отъ гнѣва:—но, позвольте васъ спросить, что же вы такое?

— Я?

— Вы! Не думаете ли вы, что обманули меня, выставляя передо мною свои прекрасныя чувства? Что я прийму за наличныя деньги ваши патетическія фразы о материнской любви? Вы — живая мать? Вы — любящая мать? Рассказывайте это другимъ! Осмѣлитесь ли вы сказать, что жертвуете собою сыну, тогда-какъ, напротивъ, вы имъ жертвуете своему тщеславію?

— Какое ужасное обвиненіе! сказала графиня съ негодованіемъ.

— Пусть оно ужасно, если вамъ угодно, но оно истинно. Стараясь устроить этотъ бракъ, подумали ли вы хоть на минуту о счастьи Аврѣ?

— Думала ли я о счастьи моего сына?

— Объ этомъ вы заботились всего меньше, слышите ли, ваше сіятельство!

— Это наконецъ невыносимо!

— Я скажу еще болѣе; не думайте, чтобъ ваши грозные взоры не дали мнѣ высказать, что у меня на сердцѣ. Я старый пандуръ, а пандура не такъ-то легко запугать; я слишкомъ-часто врубался въ русскіе батальіоны, какъ недавно замѣтили вы съ такою любезностью, — и гнѣвъ женщины, хоть будь она богомолка, не обратитъ меня въ бѣгство.

— Генералъ! сказала г-жа де-Лобпенъ, дрожа отъ гнѣва: — Нельзя больше забыть почтенія, которымъ вы мнѣ обязаны.

— Кѣмъ-чортъ! Съ чего вы взяли, что я, будучи старше васъ десятью годами, обязанъ вамъ почтеніемъ?

— Еще одно слово, и я уйду.

— Но прежде выслушаете, что я имѣю еще сказать вамъ. Въ этомъ случаѣ, вы не упускаете изъ вида только одного — своего личнаго интереса; вы устроили богатый бракъ для единъ только въ надеждѣ пользоваться имъ самою. Гордость ваша страдаетъ уже давно, потому-что вы принужданы раздѣлять въ Парижѣ жалкую роль съ вашими шестью-семью тысячами франковъ дохода, съ маленькимъ салономъ, плохо-мѣблированнымъ, съ отвратительницею Мадденою, и съ вашимъ Дорреномъ, полукучеромъ, полукаммердинеромъ, въ родѣ раздѣжей лошади, отъ какой да сохранить судьба мою конюшню! Вы надѣетесь, что жеритьба сына положить конецъ этому лицемерному существованію. Сынъ ваши уже давно разставлены, и бѣдняжка Анри попалъ въ нихъ, какъ дуракъ. Развѣ не рѣшено, что вы будете жить общимъ хозяйствомъ? Если вашъ сынъ и невѣста его не поняли цѣли этого распоряженія, такъ я вижу ее ясно.

— Какъ! вы несправедливы до такой степени, что вмѣняете мнѣ въ преступленіе чувство, которое влечетъ меня не разставаться съ сыномъ?

— Полно-те! вы не хотите разстаться только съ приданнымъ невѣстки. Что, вы думаете, я слѣпъ что ли? Вы очень-хорошо знаете, что будете настоящей хозяйкой въ домѣ. Вѣроятно ли, чтобъ эта пансіонерка Фелиситэ осмѣлилась съ вами тягаться? Сорокъ тысячъ ливровъ въ годъ, ваши и Анри вмѣстѣ, — въ провинціи это не дурно, особенно, если тамъ поселится только на первый случай. Богатство Фальконэ — вотъ онъ, лакомый кусочикъ; за то съ какимъ же чувственнымъ вождельніемъ пожираете вы его глазами! Богомолка все-таки женщина. Сколько богатыхъ мѣбелей, щегольскихъ каретъ, роскошныхъ ливрей покупаетъ уже заранѣе ваше воображеніе на деньги старика! Бѣдный Фальконэ! Еслибъ онъ

зналъ, сколько вы желаете ему быть вблизи отъ царства небеснаго! Когда онъ обрѣтетъ его, вы сдѣлаетесь царицею въ Нанси, царицею нѣсколько-зрѣлою, правда, — но все-таки царицею! И что за царство! Самое прочное: деньги!

Графиня съ стиснутыми зубами, съ слезами на глазахъ, блѣдная отъ гнѣва, выслушала эту выходку, произнесенную съ самою безпощадною проницей.

— Будь я мужчина, вы не говорили бы такъ со мною! сказала она, стараясь уязвить брата, какъ змѣя старается ужалить ногу, которая ее давить.

Эти слова, какъ и предполагала графиня, задѣли раздражительнаго старика, хотя несомнѣнная храбрость его и давала ему полное право отвѣчать на нихъ презрѣніемъ; лицо его вспыхнуло, жилы наполнились кровью, и онъ сжалъ правую руку, какъ-будто хватаясь за эфесъ сабли.

— Будь вы мужчина!.. воскликнулъ онъ такъ горячо, что можно было ожидать самаго энергическаго окончанія фразы.

— Угрозы... у меня въ домѣ! сказала графиня съ тѣмъ видомъ, который, вѣроятно, имѣла королева Елизавета, когда дала пощечину графу Эссексу.

Рокфѣль тотчасъ понялъ безпечность и неумѣстность своего гнѣва; онъ пожалъ плечами, и, глядя сестрѣ прямо въ лицо, сказалъ съ усмѣшкою:

— Не о гнѣвѣ ли проповѣдывали вамъ сегодня?

Г-жа де-Лобпенъ не успѣла еще отвѣчать на этотъ новый сарказмъ, который въ устахъ челоуѣка, раздраженнаго до такой степени, неблагоуразумно вызывалъ на битву, — какъ вдругъ раздался звонъ колокольчика.

— Это сынъ мой, сказала она, мгновенно измѣнивъ физиономію. — Пожалуйста, ни слова больше. Анри горячъ; пусть же никогда не узнаетъ онъ, какъ вы обращаетесь съ его матерью.

— Согласенъ на перемиріе, потому что вы его просите, отвѣчалъ Рокфѣль тономъ челоуѣка, который, одержавъ побѣду, считаетъ обязанностью быть великодушнымъ. — Но знайте, что если вы вздумаете опять начать непріятельскія дѣйствія, вы найдете меня въ боевомъ порядкѣ.

Генераль, съ лицомъ, не въ мѣру раскраснѣвшимся отъ душевнаго волненія, взялся опять за газету и сѣлъ на бержерку; графиня, на которую гнѣвъ произвелъ совершенно-противоположное вліяніе, была зеленатовато-блѣдна; она подошла къ цвѣтамъ и начала ихъ разсматривать.

Черезъ минуту, въ салонъ вошелъ Анри де-Лобпенъ.

X.

Отказъ.

Лицо Лобнена было холодно и важно; во всякомъ другомъ случаѣ, это поразило бы его дядю, и особенно мать; но въ эту минуту, они не обратили вниманія, потому-что сами были заняты усиліемъ, какъ бы сдѣлать лицо поспокойнѣе, чтобъ никто не могъ догадаться о предшествовавшей бурной сценѣ.

— Знаешь ты, что уже скоро полдень? спросила его госпожа де-Лобненъ съ дружескимъ упрекомъ.

— Надѣюсь, вы не ждали меня завтракать? отвѣчалъ Анри.

— Ты знаешь, что безъ тебя я плохо завтракаю, отвѣчала графиня съ заученною важностію, такъ - что на губахъ стараго генерала мелькнула насмѣшливая улыбка.

— Если я опоздалъ сегодня, такъ въ этомъ виноватъ дядюшка, сказалъ Лобненъ, стараясь придать словамъ своимъ тонъ шутки.

— Вотъ новость! отвѣчалъ Рокфѣль: — любопытно знать, какъ я виноватъ, что, ушедъ со двора въ семь часовъ поутру, ты явилась въ полдень.

— Да, дядюшка, если кто-нибудь въ этомъ виноватъ, такъ это вы, или, лучше сказать, вашъ вчерашній обѣдъ: онъ былъ такъ хорошъ, и я столько оказалъ ему вниманія, что сегодня болитъ у меня голова, и боль эту не совсѣмъ разогнала даже пятичасовая прогулка.

— Какая упорная боль! замѣтилъ генералъ съ насмѣшливою важностію. — Пять часовъ гулялъ сегодня утромъ, почти столько же вчера ночью, и все не помогаетъ!

Лобненъ невольно покраснѣлъ.

— Это тѣмъ болѣе удивительно, продолжалъ безпопашный старикъ: — что вчера ты почти ничего не ѣлъ, а пилъ только воду. Вотъ, если Рене Фальконѣ заговорить о головной боли, когда я буду имѣть удовольствіе съ нимъ увидѣться, я повѣрю ему на слово; но признаюсь, тебѣ что-то мудрено повѣрить.

Доложили, что завтракъ готовъ; это избавило графа отъ необходимости отвѣчать и вывело его изъ затрудненія. Взранный преданіямъ французской важливости, генералъ, сохраняя гибъ въ душѣ, подавъ сестрѣ руку, влучи въ столовую.

— Тутъ что-то да есть, сказалъ онъ ей на ухо. — Онъ жметъ смѣло, и, сколько мнѣ извѣстно, это случается съ нимъ въ первый разъ.

— Въ-продолженіе завтрака, говорили объ обыкновенныхъ вещахъ, потому-что тутъ былъ слуга; но, возвратясь въ салонъ, г-жа Лобненъ продолжала разговоръ, начатый Рокфѣлемъ.

— Я согласна съ твоимъ дялюшкой, сказала она съ недоувѣрчивою улыбкой:—головная боль, которую не могла разсѣять прогулка въ—продолженіе девяти часовъ, кажется слишкомъ—упорна; если она продолжится еще, тебѣ надо будетъ посовѣтоваться съ докторомъ.

— Конечно, Лорренъ сказалъ вамъ, что я возвратился немножко—холодно? спросилъ Лобпенъ, нахмуривъ брови.

— Онъ исполнилъ долгъ свой, отвѣчала графиня; ей показалось страннымъ, что сынъ, столь покорный до—сихъ—поръ, позволяеть себѣ вмѣсто отвѣта предлагать ей вопросы.

— Быть шпиономъ при своемъ господинѣ — не можетъ быть долгомъ слуги, отвѣчалъ Анрі съ живостью, и тотчасъ же въ ней раскаялся.

— При господинѣ! Да я-то кто же? воскликнула г-жа Лобпенъ, еще болѣе оскорбленная новымъ для нея тономъ.

— Извините, маменька; я и не думаю нападать на вашу власть... мнѣ очень-жаль, что я употребилъ выраженіе, которое васъ оскорбило. Я долженъ бы изъявить свое неудовольствіе не вамъ, а Лоррену.

— Пока ты изъявишь свое неудовольствіе кому бы то ни было, позволь объявить тебѣ, что я тобою недовольна. Ты знаешь, какъ я всегда безпокоюсь, когда ты возвращаешься позже обыкновеннаго; слѣдовательно, ты поймешь, какое впечатлѣніе сдѣлало на меня твое отсутствіе вчерашнею ночью.

— Мнѣ очень-жаль, что я заставилъ васъ безпокоиться; но это безпокойство, позвольте замѣтить, вовсе—неосновательно. Я уже не ребенокъ, маменька, хоть вы и обходитесь со мною какъ съ ребенкомъ.

— Не этими ли неумѣстными словами хочешь ты оправдать свое поведеніе?

— Мое поведеніе не требуетъ оправданія, а что до моихъ словъ, такъ я не думаю, чтобъ было неумѣстно напомнить вамъ, что мнѣ двадцать—семь лѣтъ.

Анрі никогда не говорилъ съ своею матерью такъ твердо и рѣшительно; теперь въ первый разъ воспользовался онъ правами своего возраста. Въ этихъ трехъ словахъ, сказанныхъ значительно: «мнѣ двадцать—семь лѣтъ», таился явный бунтъ, можетъ—быть даже революція, близкая къ своему окончанію; между матерью, слишкомъ—долго вздумавшею сохранять власть свою, и сыномъ, въ которомъ пробудилось желаніе сдѣлаться свободнымъ, борьба не можетъ быть продолжительна.

Г-жа де-Лобпенъ посмотрѣла на Анрі съ безмолвнымъ удивленіемъ и подняла глаза къ небу, какъ—будто взывая къ Богу объ этомъ неожиданномъ крестѣ; потомъ обратилась къ брату.

— Вы слышите? сказала она съ горькимъ выраженіемъ.

— И очень-явственно, отвѣчалъ генералъ съ язвительною улыбкою:— вы не можете упрекнуть Анри, въ чемъ сейчасъ упрекали меня: будто я говорю все метафорами. Онъ, кажется, выражается ясно, и не боится называть вещи настоящимъ именемъ.

Графиня надѣялась найти въ братъ союзника; старшіе родственники обыкновенно подадутъ другъ другу помощь, когда дѣло идетъ о томъ, чтобъ усмирить непокорную юность. Но старикъ не былъ столько великодушень, и въ настоящемъ случаѣ, вмѣсто того, чтобъ принять сторону материнской власти, онъ вынулъ только голосу своего гнѣва.

Покинутая своимъ естественнымъ союзникомъ, г-жа де-Лобпенъ почувствовала, что всего благоразумнѣе прекратить споръ, который могъ кончиться ослабленіемъ ея авторитета. Она величественно поднялась съ мѣста, медленно прошла черезъ комнату и у дверей обернулась назадъ.

— Пойди, одѣнься, сказала она Анри. Конечно, эта прекрасно-изобретенная мигрень не дастъ тебѣ подумать о туалетѣ; я никогда не видѣла тебя такъ небрежно-одѣтымъ.

— Мнѣ кажется, я одѣтъ сегодня какъ и вчера, отвѣчалъ Лобпенъ, глядя на свое платье.

— Сегодня ты долженъ позаботиться о своемъ костюмѣ больше обыкновеннаго.

— Нѣ потому ли, что сегодня воскресенье? спросилъ графъ улыбаясь.

— Потому-что мы должны вѣхать къ мадамъзель Фальконѣ. Развѣ ты забылъ ее?

— Лобпенъ опять сдѣлался серьезень.

— Прошу васъ покорно изъавить меня отъ этого посвѣщенія, сказалъ онъ почтительно, но твердо.

— Зачѣмъ это? спросила графиня съ гордостью, худо-скрывавшею тайное безпокойство.

— Теперь нѣ для чего ѣздить къ мадамъзель Фальконѣ, потому-что я никогда не женюсь на ней.

Хотя слова брата и пробудили въ ней уже опасенія на-счетъ затрудненій, которыя Анри, казалось, хотѣлъ противопоставить браку, почти уже рѣшенному, однако г-жа де-Лобпенъ не ожидала такого формальнаго отказа; она неволью подошла къ сыну и устремила прямо на него взоръ, какъ-будто надѣясь испугать его.

— Ты знаешь, что я дала уже мое слово, сказала она глухимъ голосомъ.

— Я своего еще не давалъ, спокойно отвѣчалъ Лобпенъ. — Вы можете считать себя связанною; я считаю себя свободнымъ.

— Неблагодарный! воскликнула графиня, хотя она была бы въ большомъ затрудненіи, еслибъ ей пришлось оправдывать подобный эпитетъ.

Рокфёлъ взялся за шляпу.

— Кончите это дѣло между собою, сказалъ онъ:—погода прекрасная; я поѣду верхомъ.

— Дядюшка, подарите мнѣ нѣсколько минутъ, сказалъ Лобнень.
— До-сихъ-поръ вы, по-видимому, интересовались этой свадьбой; справедливость требуетъ, чтобъ я въ вашемъ присутствіи изложилъ причины, которыя заставляютъ меня отказаться отъ нея.

— Да развѣ я не знаю этихъ причинъ?

— Не всѣ.

— А кажется, вчера ты ничего не забылъ; мадамъзель Фальконе дурна собой, глупа... объ остальномъ я умалчиваю. Что еще можешь ты прибавить къ такому полному пантегрику?

— Развѣ, кромѣ недостатковъ, которые всякому бросаются въ глаза, мадамъзель Фальконе не можетъ имѣть еще другихъ, которые отъ васъ ускользнули?

— Правду сказать, я до-сихъ-поръ меншого въ нее замечивался, отвѣчалъ старикъ:—согласенъ, что она довольно-безобразна; а мои глаза останавливаются только на херошенихъ.

— Но я въ нее исматривалась, съ жаромъ сказала графиня.— Я изучала ее съ самымъ тщательнымъ вниманіемъ; всякій разъ, когда я ее вижу, я рассматриваю ее подробно. И что же? я должна сказать, что Фелисите, конечно, не красавица, но въ ней нѣтъ ничего безобразнаго, отталкивающаго, ничего такого, за что пришлось бы краснѣть мужу. Въ физическомъ отношеніи, половина людей гораздо-хуже.

Такъ-какъ вы рассматривали мадамъзель Фальконе съ такимъ вниманіемъ, замѣтилъ Анри съ сардоническою улыбкой:— то вы конечно замѣтили ея фальшивыя косы?

Маленькая туалетная поддѣлка, въ которой графъ обвинялъ свою невесту какъ въ преступленіи, действительно не ускользнула отъ г-жи де-Лобнень, зоркой въ этихъ вещахъ, какъ всѣ женщины, и еще болѣе—какъ всѣ богомолки. Впрочемъ, она считала лишнимъ говорить объ этомъ открытіи сыну.

— Дитя! сказала она весело, видя, что единственное средство взять верхъ въ этомъ спорѣ—обратить его въ шутку.— Вотъ что тебѣ огорчаетъ! накладныя косы! Да три четверти женщинъ носятъ ихъ такъ же, какъ Фелисите.

— Сестрица, вы высказываете государственную тайну! важно замѣтилъ Рокфёлъ.

— Развѣ маскарадную. Всякій знаетъ цѣну роскошной при-

чески некоторыхъ женщинъ. Накладныя косы! Да ихъ всё носить; это принято, принято какъ корсетъ.

— Мать твоя права, сказалъ старый генералъ: — ты считаешь пустяки чѣмъ-то важнымъ.

— Фальшивыя волосы пустяки!

— Позвольте мнѣ, сестрица, сдѣлать пандурское сравненіе; оно докажетъ этому упряму, какъ онъ неосновательно судить. Продажа лошади никогда не уничтожается изъ-за нѣсколькихъ волосъ больше или меньше; это не принадлежитъ къ числу тѣхъ пороковъ, которые даютъ право возвратитъ свою покупку назадъ.

— А недостатокъ зуба, передняго зуба, принадлежитъ къ ихъ числу? сказалъ Лобпенъ, прерывая дядю.

— Недостатокъ зуба! повторилъ генералъ.

— Что это значить? спросила госпожа Лобпенъ.

— Это значить, маменька, что, хоть вы, какъ говорите, и подробно разсматривали мадмуазель Фальконэ, некоторые изъ маленькихъ недостатковъ ея отъ васъ ускользнули. Напримѣръ, вставной зубъ.

— Да кой чортъ, откуда ты знаешь, что у нея вставной зубъ? спросилъ Рокфѣль съ удивленіемъ.

— Сейчасъ скажу; только прежде позвольте предложить вамъ еще одинъ вопросъ. Шесть пальцевъ на лѣвой ногѣ вместо пяти, это какъ по-вашему? уничтожаетъ торгъ?

— Шесть пальцевъ на лѣвой ногѣ! воскликнули вмѣстѣ генералъ и сестра его, и взглянули другъ на друга въ недоумѣніи.

— Именно столько, холодно прибавилъ Лобпенъ.

— Это вздорная сказка, сказала графиня послѣ минутнаго замѣшательства: — такого чуда никогда еще не слыхано.

— Нѣтъ-съ, извините, отвѣчалъ Рокфѣль, подстрекаемый большимъ духомъ противорѣчія, чѣмъ безпристрастія: — такой странной игрѣ природы бывають примѣры; въ рекрутскихъ присутствіяхъ за это не принимаютъ даже въ солдаты, хотя лишній палецъ нѣсколько не мѣшаетъ ходьбѣ, такъ же, какъ если и не достаетъ одного пальца.

— Я согласенъ съ мнѣніемъ рекрутскихъ присутствій, насмѣшливо сказалъ Анри.

Госпожа де-Лобпенъ, встревоженная, погрузилась въ глубокое раздумье.

— Положимъ, что все эти подробности и вѣрны, сказала она въ полголоса, говоря сама съ собой: — ихъ могла разсказать только палсіонская подруга.

— Чему я всего больше удивляюсь въ женщинахъ, громко заявилъ генералъ: — такъ это доброму мнѣнію, которымъ онъ та

охотно награждаютъ другъ друга. Почему же именно пансіонская подруга, а не кто-нибудь другой?

— Потому-что друзья измѣняютъ намъ такъ же часто, какъ родственники, отвѣчала мать Аврїи, взглянувъ съ упрекомъ на брата.

Вмѣсто отвѣта на это нападеніе, Рокфёль обратился къ племяннику:

— Я думаю, что ты вычислилъ уже весь пороки; скажешь ли ты намъ, въ заключеніе, какому семейному демону обязанъ ты этими дьявольскими извѣстіями?

— Во-первыхъ вамъ, любезнѣйшій дядюшка, отвѣчалъ Лобвентъ съ улыбкою:—и нѣ для чего, кажется, прибавлять, что я буду вамъ вѣчно за это обязанъ.

— Мнѣ? ты шутишь.

— Не вамъ, такъ вашему вчерашнему обѣду.

— Это, конечно, какая-нибудь новая любезность, подъ-пару къ головной боли.

— Съ тою только разницею, что вы не повѣрили головной боли, а поневолю повѣрите тому, что я скажу вамъ.

— Такъ говори же. Хорошій рассказъ, какъ я хорошіи обѣдъ, долженъ поспѣть во-время, а предисловіе твое тянется уже давно.

— Если вы замѣтили, что я пилъ вчера только воду, то, конечно, отъ васъ не скрылось, что прочіе не старались подражать моей трезвости?

— Конечно; отецъ и сынъ вели себя храбро, особенно сынъ. Знаешь ли, что этотъ олухъ не вовсе безъ достоинствъ?

— Въ моихъ глазахъ, у него есть одно великое достоинство.

— Какое?

— То, что онъ нарисовалъ мнѣ вѣрный, неподрумяненный портретъ своей сестрицы.

— Такъ это онъ зажегъ порохъ?

— Благодаря вашему щедрому угощенію и чашѣ пунша, которую я приложилъ къ дѣлу по всѣмъ правамъ, если взять во вниманіе важность обстоятельствъ.

— Послѣ обѣда съ хорошимъ виномъ, чаша пунша недурное орудіе для атаки, сказалъ старый генералъ, кивая головою въ знакъ одобренія. — Говоря по-военному, я долженъ отдать справедливость твоему манёвру.

— И такъ, причиной всего зла—эта оргія! воскликнула графиня, выведенная изъ себя самою жестокою неудачей, какую ей случилось испытать.

— Какъ, маменька! не-уже-ли вы не радуетесь вмѣстѣ со мною, что я ускользнулъ отъ такой ловушки?

— Въ-самомъ-дѣлѣ, Анри не совсѣмъ неправъ, сказалъ Рокфѣль: — лишній зубъ никогда не помѣшаетъ жеванью, а, съ другой стороны, этотъ шестой палецъ дьявольски поправится воображенію.

— Вотъ каковы вы, мужчины! сказала госпожа де-Лобпенъ, сдерживая свое неудовольствіе: — вы цѣните только наружныя достоинства; истинныя добродѣтели, достоинства сердца занимаютъ васъ всего меньше.

— Позвольте сказать вамъ, маменька, что, по-крайней-мѣрѣ, въ-отношеніи ко мнѣ вы въ этомъ случаѣ ошибаетесь. Именно потому, что я безконечно цѣню достоинства сердца, я рѣшился не жениться на мадмуазель Фелиситѣ. Я простилъ бы ей, можетъ-быть, и искусственную прическу, и вставной зубъ, и даже шестипалую ногу, но, какъ мужу, мнѣ невозможно примириться съ ея дурнымъ характеромъ.

— Дурнымъ характеромъ! воскликнула госпожа де-Лобпенъ: — но бѣдная Фелиситѣ, напротивъ, сама кротость; это просто ангель!

— Ангель, у котораго когти длиннѣе крыль.

— Кто это говорить?

— Братъ ея. Признайтесь, вѣдь ему, должно-быть, кое-что объ этомъ извѣстно?

— Можешь ли ты вѣрить клеветѣ этого негодяя!

— А зачѣмъ бы ему клеветать на сестру, когда онъ самъ желаетъ нашей свадьбы? Впрочемъ, факты, которые онъ мнѣ сообщилъ, такъ ясны и опредѣленны, что очевидно они не выдумка. Доказано, что у мадмуазель Фелиситѣ нѣтъ ни одного нравственнаго достоинства, какія я въ правѣ требовать отъ своей будущей жены. Она сдѣлала бы меня несчастнымъ, и сама была бы несчастна, потому-что я вовсе не чувствую въ себѣ призванія быть мученикомъ, и сопротивлялся бы, а не терпѣлъ. Это была бы вѣчная война, семейныя ссоры, — а за эту цѣну я не хочу и престола.

Въ тоиъ Лобпена замѣтна была такая непоколебимая рѣшимость, что графиня сочла за лучшее отказаться на время отъ явной борьбы. Она рѣшилась лучше немного отступить, нежели утратить все въ несвоевременномъ противоборствѣ, и, нисколько не колеблясь, приняла систему выжиданія, къ которой охотно прибѣгаютъ сметливые люди, чувствуя себя слабѣйшими.

— Поговоримъ объ этомъ послѣ, сказала она сыну: — теперь ты разгорячился, а этотъ предметъ должно обсудить спокойно. Если ты и находишь иногда, что я немного-строга, надѣюсь, ты не сомнѣваешься въ моей къ тебѣ любви, продолжала она съ чувствомъ. — Если Фелиситѣ действительно лишена достоинствъ, которыя я въ ней предполагала, которыя больше ея богатства

заставляли меня желать этого брака, ты можешь быть уверенъ, что я первая скажу тебѣ: не женись на ней.

— Эти слова снова дѣлаютъ меня несовершеннолѣтнимъ, отвѣчалъ улыбаясь Лобпенъ.

— Такъ ты сознаешься, что отвергъ власть мою, злой мальчикъ? спросила графиня.

— Можетъ-быть слишкомъ; но простите меня: меня раздражили пороки моей милой невѣсты.

— Я не требую, чтобъ ты вѣхалъ со мною въ пансіонъ; я найду отговорку.

— Такъ вы таки-ѣдете къ ней, не смотря на все, что я вамъ рассказалъ?

— Нельзя иначе; мы условились видѣться сегодня еще въ четвертъ. Положимъ, что все это и повлечетъ за собою разрывъ, приличіе все-таки надо сохранить. Не проводите ли вы меня вмѣсто Анри, генераль?

— Нѣтъ, отвѣчалъ Рокфелъ.—Въ этомъ пансіонѣ нѣтъ ни одного хорошенькаго личика. Я лучше поѣду верхомъ.

Въ ту минуту вошелъ въ комнату Лорренъ.

— Господинъ Ренѣ Фальконѣ, сказалъ онъ:—спрашиваетъ, принимаете ли вы, ваше сіятельство?

Услышавъ имя откровеннаго пьяницы, которому приписывала, и не безъ основанія, почти-совершенное низпроверженіе своего задушевнѣйшаго плана, госпожа де-Лобпенъ невольно сдѣлала движеніе досады. Генераль улыбнулся.

— Прійми его въ своей комнату, сказала она сыну, давъ слугѣ знакъ удалиться. — Я ненавижу пьяницъ, и, можетъ-быть, невольно выкажу ему отвращеніе.

Говоря такимъ образомъ, графиня не преувеличивала ненависти, по ея мнѣнію, очень-основательной, какую чувствовала къ брату Фелиситѣ.

Лобпенъ почиталъ этотъ союзъ окончательно-разорваннымъ; онъ чувствовалъ, что освободился отъ этой стѣны, поклонился матери и дядѣ и пошелъ встрѣтить Ренѣ.

XI.

Мамзель Атала.

На физиономіи Ренѣ видны были слѣды вчерашняго объѣда: лицо его, обыкновенно румяное, было блѣдно, и пламенный колоритъ волосъ бросался въ глаза еще сильнѣе; но въ усталыхъ чер-

тахъ его блистала лучъ торжества; лицо казалось изнуреннымъ, но выраженіе его было побѣдоносно. Ренé съ гордой осанкой заложилъ большой палецъ лѣвой руки въ пройму ярко-желтаго жилета, выставившагося цѣликомъ наружу изъ-подъ короткаго синяго сюртука съ отворотами, немилосердо-откинутыми въ сторону; другою рукою онъ, съ заученою ловкостью, игралъ легкою тростью съ золотымъ набалдашиникомъ.

— А! bonjour, милый графъ! сказалъ онъ, увидя Лоббена: — что, какъ живется съ-тѣхъ-поръ, какъ я имѣлъ удовольствіе васъ видѣть?

— Хорошо; а вы какъ? отвѣчалъ Анри... Онъ не могъ не улыбнуться, видя, какъ неуклюже силится Ренé принять видъ вѣтреннаго повѣсы.

— А знаете ли, вчера вѣдь ужъ это начинало походить на оргію? Вы-было такъ расходились, да и самъ я...

— Вы! полно-те! Да вы были страшно-воздержны. Говоря откровенно, я ожидалъ отъ васъ больше молодечества.

— Пожалуй, думайте, что вамъ угодно; но, не смотря на эту страшную воздержность, только-что я легъ въ постель, какъ и полетѣлъ на почтовыхъ, да вѣдь летѣлъ всю ночь.

— На почтовыхъ? спросилъ Лоббень, не понявъ смысла этого живописнаго выраженія.

— Знаете? Какъ мозгъ вертится горизонтально, когда выпьешь шампанскаго черезъ край.

— А теперь вы здоровы?

— Совершенно-здоровъ; только голова ужасно болитъ; да мнѣ не до головной боли.

Фальконé очевидно пришелъ рассказать что-то и смертельно желалъ начать рассказъ.

Это посѣщеніе было для Анри очень не во-время, по причинамъ, которыя мы изъяснимъ ниже. Онъ увидѣлъ, что единственное средство сократить свиданіе было пойдти кратчайшей дорожкой на встрѣчу тайному желанію тщеславнаго провинціала.

— Что жъ вы ничего не говорите о своемъ вчерашнемъ походе? спросилъ онъ съ притворнымъ любопытствомъ.

Ренé только и ждалъ этого вопроса, чтобъ начать рассказъ о своихъ подвигахъ.

— Вообразите себѣ...

Онъ пріостановился, поднесъ къ губамъ сложенные пальцы правой руки и пустилъ поцалуй къ потолку.

— Премилая женщина! продолжалъ онъ, дополняя странную пантомиму этими словами, сказанными съ энтузіазмомъ.

— Право? спросилъ Лоббень ободрительнымъ тономъ.

— Умна, воспитана, манеры самыя граціозныя; словомъ, чудесная женщина.

— Вы узнали все это вчера вечеромъ?

— Мнѣ немного нужно времени, чтобъ увидѣть, съ кѣмъ я имѣю дѣло.

— Такъ она приняла васъ у себя?

— Чтò за вопросъ! Прилично ли это? Нѣтъ, она не принимала меня у себя, но у насъ былъ очень-длинный разговоръ, и, смѣю сказать, очень-интересный.

— На улицѣ?

— Безъ сомнѣнія; при лунномъ свѣтѣ. Это было такъ чувствительно, такъ романтически!

— Ромео и Джульетта, сказалъ графъ съ величайшимъ хладнокровіемъ.

— Не знаю, гуляли ли Ромео и Джульетта при свѣтѣ луны, но вѣрно то, что прошедшей ночью гуляли при лучахъ ея Атала и Ренé.

— Такъ ее зовутъ Атала?

— Атала де-Борперъ. Гм! Какая странная судьба! Меня зовутъ Ренé! Атала и Ренé! Любовники въ романъ Шатобріана; точно какъ Павелъ и Виргинія!

Анрі немного озадачила, но и позабавила сбивчивость литературныхъ свѣдній молодаго провинціала на счетъ двухъ безсмертныхъ типовъ, созданныхъ однимъ изъ первыхъ французскихъ писателей; но онъ счелъ бесполезнымъ вступить за права Шаптаса.

— Погулявъ довольно-долго, продолжалъ Фальконé:— я проводилъ ее домой, въ улицу Монмартръ, № 215; и тамъ, у воротъ, мы еще разговаривали почти до часа.

— Значить, она не боялась, что дворникъ заснетъ и оставитъ ее на улицѣ?

— Онъ, кажется, очень уважаетъ ее, сказалъ Ренé очень-серьезно.

— А! дворникъ ее уважаетъ! отвѣчалъ Лобпенъ также важно. Я начинаю соглашаться съ вами: это должна быть чудесная женщина.

— Вы смѣетесь? Мнѣ бы хотѣлось только, чтобъ вы поговорили съ ней четверть часа; она васъ очаровала бы.

— Не сомнѣваюсь; да я и не думаю шутить.

— Кромъ того, она прекрасной фамиліи. Атала де-Борперъ... это изъ вашей касты. Отецъ ея, полковникъ имперіи, убитъ подъ Ватерлоо.

— Подъ Ватерлоо! съ удивленіемъ сказалъ Анрі.

— Да, какъ я имѣю честь вамъ докладывать. Будь онъ живъ, онъ былъ бы теперь маршаломъ французскимъ, какъ многіе другіе.

— Это, кажется, не подлежитъ сомнѣнію; но въ такомъ случаѣ,

Атала вѣроятно не работала бы въ модномъ магазинѣ и вы лишились бы удовольствія познакомиться съ нею при лунномъ свѣтѣ.

— Я и самъ то же думалъ; но все равно, тяжело дѣвушка, шедшей на встрѣчу блестящей будущности, быть принужденной работать изъ куска хлѣба.

— Такъ отецъ ея, полковникъ, убитый при Ватерлоо, не оставилъ ей никакого состоянія?

— Напротивъ, очень-большое; но обманщики-одекуны, грабители повѣренные, несостоятельные должники, пожаръ, истребившій до тла великолѣпный домъ въ Парижѣ...

— Вѣроятно, незастрахованный?

— Къ-несчастью; будь онъ застрахованъ, уже одинъ этотъ домъ составилъ бы теперь ей большое состояніе. Словомъ, она мнѣ все рассказала. Неожиданные удары судьбы не лишили ея бодрости духа. Двадцать разъ дѣлали ей самыя блестящія предложенія, но она всегда предпочитала честную и трудовую жизнь всѣмъ соблазнамъ роскоши. Вотъ какъ случилось, что женщина хорошей фамилии, прекрасно-образованная, низошла на степень модистки.

— И вижу, исторію этого милаго существа можно выразить въ двухъ словахъ: трудъ и добродѣтель.

— Это случается рѣдко, не правда ли?

— Довольно-рѣдко.

— Впрочемъ, она мнѣ сказала, что въ Парижѣ много молодыхъ дѣвушекъ въ томъ же положеніи, въ какомъ она.

— Т. е. дочерей полковниковъ, павшихъ при Ватерлоо? Дѣйствительно, ихъ пропасть, особенно между модистками.

— Исторія ея очень-трогательна.

— А вы... вы-то, кажется, именно и хотѣли ее заинтересовать; что жъ, рассказали вы ей свою исторію?

— Мою? сказалъ Фальконэ, опять принимая видъ повѣсы:—ну, моей исторіи трудно было бы дать заглавіе: «трудъ и добродѣтель». Я никакъ не хотѣлъ ничего дѣлать, и ужъ нисколько не добродѣтеленъ.

— Вы ни трудолюбивы, ни добродѣтельны, пусть такъ; но вы богаты, а говорятъ, что въ глазахъ женщинъ самыя безкорыстныхъ это не дурная рекомендація.

— Знаю; и такъ-какъ я не имѣю чести быть сыномъ полковника, павшаго при Ватерлоо, я смѣло выставилъ на видъ свои тридцать тысячъ ливровъ въ годъ.

— И хорошо сдѣлали. Ну, а какъ вы думаете, это остроумное извѣстіе произвело впечатлѣніе?

— Какое впечатлѣніе могло оно произвести на женщину съ такимъ характеромъ? Но все равно, это ставитъ человека на хоро-

шую ногу. Я былъ очень-радъ случаю объяснить ей, что она имѣетъ дѣло не съ студентомъ медицины, не съ купеческимъ прикащикомъ.

— Надѣетесь ли вы увидѣть ее еще разъ, эту дивную женщину?

— Надѣюсь ли я! не дальше, какъ черезъ сорокъ-пять минутъ... Если не ошибаюсь, теперь уже четверть второго.

— Такъ у васъ назначено свиданіе?

— Ни мало; для этого она слишкомъ-хорошо воспитана; я только спросилъ ее, какъ она проводитъ время, и она сказала, что въ воскресенье она свободна и около двухъ часовъ гуляетъ обыкновенно въ Тюльери, на береговой террасѣ.

— Такъ это, по-вашему, не назначенное свиданіе?

Въ душѣ Рене врожденная хвастливость боролась съ желаніемъ возвысить цѣну своей победы ликомъ добродѣтели; наконецъ, первое чувство одержало верхъ.

— Говоря откровенно, сказалъ онъ съ улыбкою Ловеласа: — я думаю, что это можно назвать назначеннымъ свиданіемъ.

— Право, отвѣчалъ Лобпенъ, смѣясь въ свою очередь: — вы поражаете съ быстротою Цезаря: вчера увидѣли ее въ первый разъ, а сегодня уже интрига въ полной формѣ.

— Какъ честный человекъ, я долженъ васъ разувѣрить, продолжалъ Фальконэ торжественно: — женщина, которая сейчасъ же назначила бы свиданіе на завтра, дала бы жалкое понятіе о своихъ правилахъ. Тутъ нѣтъ ничего подобнаго. Завтра недѣля, какъ я за ней волочусь.

— Недѣля! Да, въ такомъ случаѣ, конечно, это другое дѣло.

— Надо рассказать вамъ, какъ все это случилось. Это было въ прошедшій понедѣльникъ. Я шелъ по Сомонскому-Пассажу, купилъ тамъ перчатки...

— Такъ лэвы покупаютъ теперь перчатки въ Сомонскомъ-Пассажѣ?

— Сомонскій-Пассажъ имѣетъ свои достоинства; не тамъ ли открылъ я Аталу? Она входила въ свой магазинъ, когда я увидѣлъ ее въ первый разъ, и образъ ея воспламенилъ меня до глубины души. Съ понедѣльника я нѣсколько разъ искалъ случая поговорить съ нею, но не могъ; она никогда не выходила одна, и до вчерашняго вечера я долженъ былъ довольствоваться разговоромъ глазъ.

— Но вчера вы, конечно, вознаградили эту неудачу?

— Рѣшительно; безъ хвастовства, я доволенъ собою; я никогда еще не былъ такъ краснорѣчивъ.

Лобпенъ, находя эту исповѣдь нѣсколько-длинною, попробовалъ было прекратить ее.

— Не опоздать бы вамъ, сказалъ онъ. — Свиданіе назначено у васъ въ два часа, а теперь уже половина втораго.

— Половина втораго, воскликнулъ Фальконé, быстро оборотясь къ часамъ.—Ваша правда. Я не думалъ, что уже такъ поздно.

— Время идетъ быстро, когда говоришь о любимомъ предметъ.

— Вы сказали меткую истину; я ѣду; опоздать неучтиво; это никогда не дѣлается.

— По-крайней-мѣрѣ, въ первый разъ.

— Вы остаетесь дома?

— Нѣтъ; я уже давно вышелъ бы, еслибъ вы не пріѣхали.

— Вы не въ ту ли сторону, къ Тюльери?

— Почти.

— Въ такомъ случаѣ, сказалъ Фальконé, стараясь принять видъ знатнаго барина: — вы сядете въ мой купé; я высажу васъ гдѣ угодно.

— Такъ у васъ теперь карета?

— Покамѣстъ на мѣсяць.

— А что говорить на это господинъ Фальконé?

— Ничего, потому-что ничего объ этомъ не знаетъ.

— Какъ же вы это дѣлаете, что онъ ничего не знаетъ?

— Купé не является въ турецкую отель, а ждетъ по ту сторону биржи; мнѣ остается только перейти черезъ площадь.

— Въ случаѣ дождя это не очень-ловко.

— Ловко ли, нѣтъ ли, а другаго средства не было. Признаться отцу, что у меня есть своя карета! Онъ умеръ бы отъ удара. Ѣдемте?

— Ѣдемъ, отвѣчалъ Лобпенъ, и взялъ шляпу.

Минуту спустя, молодые люди сѣли въ наемной каретѣ; скоро выѣхали они изъ улицы ла-Планшъ, гдѣ жила графиня де-Лобпенъ, и покатали къ мѣсту назначеннаго свиданія.

— Вы хотите выйдти въ Тюльери, сказалъ Ренé:—такъ извольте, вы ее увидите; только, пожалуйста, безъ выходокъ, которыя могли бы ее испугать.

— Я не думаю, чтобъ она была такъ пуглива. Впрочемъ, будьте покойны, я буду вести себя со всевозможною скромностью. Мы разстанемся при входѣ въ садъ.

— Хорошо; такимъ образомъ она подумаетъ, что я пріѣхалъ одинъ, и никому не сообщилъ о свиданіи. Вы понимаете: женщина, уважающая сама себя, всегда боится, чтобъ ее не окомпрометтровали.

— Успокойтесь; если она уважаетъ сама себя, мы ее не окомпрометтруемъ.

— Я увѣренъ, продолжалъ Ренé, улыбаясь самъ себѣ:—что она

чудо-какъ одѣлась; по-видимому, у нея есть превосходнѣйшія платья. Это не то, что эта чернушка Лаура.

— О комъ вы говорите? живо спросилъ Анри.

— Объ этой дѣвочкѣ въ траурѣ, къ которой вы такъ пристрастились вчера вечеромъ.

— Вы знаете, какъ ее зовутъ?

— Атала сказала мнѣ; мы говорили о многомъ.

Лобненъ съ какими-то чувствомъ удовольствія и вмѣстѣ досады услышалъ изъ устъ своего потѣшнаго собесѣдника имя молодой дѣвушки, возбуждавшей участіе его съ каждою минутою больше и больше.

— Лаура прекрасное имя, подумалъ онъ. — Но зачѣмъ профанируютъ его губы этого болвана?

— Между нами будь сказано, проделжалъ Ренé: — я подозреваю, что Атала любитъ немножко поглословить. Чего не наговорила она на своихъ магазинныхъ сотрудницъ! Особенно нападаетъ она на эту Лауру.

— За что? спросилъ Лобненъ, подстрекаемый любовью.

— Кажется, эта маленькая штучка очень-горда и ни съ кѣмъ не хочетъ знаться; она воображаетъ себя, что она герцогиня, хотя родители ея въ нищетѣ, или близки къ нищетѣ.

— Вы знаете, конечно, и имя ея родителей?

— Нѣтъ; Атала, говоря объ ней, называла ее только Лаурой.

— И вы говорите, она воображаетъ себя, что герцогиня?

— До костей проникнута гордостью, какъ говоритъ Атала; шьетъ всегда, какъ вы сами видѣли, прильнувъ глазами къ работѣ; никогда ни слова ни съ кѣмъ не говоритъ; едва отвѣчаетъ, когда ее спрашиваютъ; словомъ — прескверный нравъ, нелюдимый характеръ.

— Невѣроятно, чтобъ этотъ нелюдимый характеръ не дѣлался по-временамъ сообщительнѣе.

— Никогда, какъ увѣряетъ Атала.

— Дá, съ магазинными подругами — дѣло возможное; но, вѣроятно у нея есть...

Разспрашивавшій остановился.

— Что у ней есть? спросилъ Фальконé.

— Любовникъ! отвѣчалъ Анри немного-стѣсненнымъ голосомъ.

— Атала сказала бы это, потому-что она ее ненавидитъ.

— Такъ она вамъ этого не говорила? отвѣчалъ молодой графъ. Онъ съ трудомъ могъ бы объяснить себя, почему при словахъ Ренé онъ почувствовалъ какое-то облегченіе.

— Надо сказать правду, она мнѣ этого не говорила; да что вамъ до того за дѣло, есть ли у этой дѣвочки любовникъ, или нѣтъ?

- Конечно, мнѣ все равно, отвѣчалъ Лобпенъ равнодушно.
- Да! сказалъ Фальконэ, пораженный внезапною мыслью: — вчера, когда мы разстались, вѣдь вы хотѣли подойти къ ней?
- Нисколько.
- Такъ вы съ ней не говорили?
- Нѣтъ, отвѣчалъ Анри, не считая стыдомъ солгать.
- И прекрасно! замѣтилъ Ренэ. — Мнѣ было бы досадно, еслибъ вы въ нее влюбились. Мнѣ можно пускаться въ приключенія, я не думаю жениться; но вамъ, жениху сестры моей, оно не кстатя. Бѣдная Фелиситэ! Какъ огорчило бы ее это!
- Лобпенъ не отвѣчалъ.
- Не говорили ли мы объ ней вчера ввечеру? продолжалъ Фальконэ, искоса поглядывая на графа.
- Почти нѣтъ; я спросилъ о ея здоровьѣ, вотъ и все.
- Увѣрены ли вы въ этомъ?
- Совершенно-увѣренъ.

Хотя Фальконэ помнилъ очень-снотно, что происходило вчера ввечеру, однако въ немъ осталось жалкое воспоминаніе, что слыша онъ высказалъ вещи, которыхъ говорить не следовало; онъ дѣйствительно желалъ, чтобъ сестра его вышла за Лобпена, и это воспоминаніе очень тревожило его.

— Дядюшка вашъ заставлялъ насъ нить безъ штры, продолжалъ онъ, все наблюдая украдкою лицо Анри: — а чуть у меня въ головѣ зашумитъ шампанское, языкъ у меня становится дьявольски-золъ; мало того что золъ, — я выдумываю нѣкую кучу сказокъ. Легко можетъ быть, что я вчера говорилъ что-нибудь на-счетъ Фелиситэ, чего не должно принимать за серьезное.

— Не знаю, о чемъ вы хотите говорить, отвѣчалъ Лобпенъ безстрастнымъ голосомъ.

— Вѣрно это мнѣ показалось, сказалъ въ-полголоса Ренэ, и былъ очень-радъ, что не такъ провинился, какъ думалъ.

Карета остановилась на Тюльерійской-Набережной у входа въ садъ. Молодые люди вышли и тотчасъ же разстались, какъ условились, изъ уваженія къ стыдливости Аталы. Ренэ быстро прешелъ склонъ, ведущій къ береговой террасѣ, и тотчасъ же примѣтилъ предметъ своего пламени, величественно-гуляющій въ некоторомъ разстояніи. Ослѣпленная, можетъ-быть, тридцатью тысячами ливровъ своего обожателя такъ же, какъ его соблазнили сгорѣвшій домъ и полковникъ, павшій при Ватерлоо, — модистка, разряженная въ лучшіе свои уборы, первая явилась на свиданіе.

— Атама и Ренэ! сказалъ Лобпенъ, глядя на нихъ издали. — У случая, нарядившаго въ эти поэтическія имена два существа,

столько смѣшныя, право, бываютъ странные капризы. Такъ точно моего горбатаго портнаго зовутъ Наполеономъ.

Предоставивъ влюбленную пару судьбѣ ея, Анри прошелъ садъ и сѣлъ въ наемный кабріолетъ на углу улицы Риволи.

— Куда прикажете? спросилъ кучеръ.

— Къ углу улицъ Жюссень и Пажвель.

ХИ.

Домъ въ улицѣ Пажвель.

Возвратясь домой позже двухъ часовъ утра, Лобненъ легъ, но спалъ очень-мало. Приключеніе, въ которомъ онъ самъ только-что игралъ роль, не давало ему уснуть въ-продолженіи цѣлой ночи. Онъ вспоминалъ малѣйшія подробности съ волненіемъ, какое производятъ въ душѣ чтеніе завлекательнаго романа.

Въ глазахъ людей, которыхъ жизнь такъ полна приключеній, что сбиваетъ съ толку трудолюбивую точность біографовъ, спасеніе молодой дѣвушки отъ самоубійства, конечно, показалось бы происшествіемъ довольно-обыкновеннымъ, и очень-невероятно, чтобъ воспоминаніе о такомъ случаѣ не тревожило бы ихъ сонъ; но Анри тѣмъ больше почувствовалъ симпатіи къ этой драмѣ, что она рѣзко отдѣлялась отъ довольно-безцвѣтнаго грунта жизни его, до-сихъ-поръ монотонной.

Строго-воспитанный своею матерью, графъ, въ-продолженіи цѣлыхъ шести лѣтъ послѣ своего совершеннолѣтія, сохранялъ къ ней почтеніе, полное покорности, и это происходило столько же отъ привычки, сколько отъ чувства преданности. Онъ очень-мало зналъ жизнь разсѣянную, полную приключеній и иногда даже бурную, — законное достояніе молодости. Строгія правила материнскаго воспитанія встрѣтились въ немъ съ душою послушною, иногда раздражительною, но постоянно почтительною. Въ характеръ его, живомъ и вмѣстѣ съ тѣмъ разсудительномъ, была кромѣ того какакто разборчивость, немного-горделивая; она удаляла его отъ безсмысленныхъ удовольствій, которымъ безъ разбора предавалась большая часть его пріятелей. Слишкомъ-умный, по ихъ мнѣнію, онъ находилъ, что они грубы, и, изучая ихъ пороки, избѣгалъ этихъ пороковъ. Какъ молодые Спартанцы, онъ привязывался къ трезвости, глядя на пьянство мотовъ.

Изъ почтенія къ матери, изъ уваженія къ самому-себѣ, отчасти изъ презрѣнія къ вещамъ обыкновеннымъ, а всего болѣе изъ ро-

бости сердца, такъ легко соединяющейся съ гордостью души, Лобненъ велъ до-сихъ-поръ уединенную, скромную, можно сказать, сонную жизнь. Такая жизнь, какъ тихая вода, имѣетъ свои опасности: подъ спокойною поверхностью часто таится бездна. Не общаясь ни съ кѣмъ, духъ сосредоточивается въ-самомъ-себѣ; мечтательность заступаетъ мѣсто дѣлъ, область дѣйствительности очерчена тѣсными границами, а царство воображенія раздвигаетъ ихъ въ безконечную даль.

Въ душѣ Лобненъ возставалъ на духъ эгоизма и расчета, управлявшій малѣйшими поступками его матери, но на практикѣ онъ подчинялся ея вліянію. Такъ случилось, что, не смотря на свое отвращеніе ко всѣмъ бракамъ по расчету, онъ сначала согласился жениться на Фелиситѣ. Но чѣмъ больше приближалась рѣшительная минута, тѣмъ болѣе отвращенія чувствовалъ онъ въ своемъ сердцѣ.

— Поэтическіе сны моей юности! говорилъ онъ самъ себѣ: — какимъ пошлымъ пробужденіемъ разрѣшаетесь вы! Деньги вмѣсто славы! деньги вмѣсто славы!

Преслѣдуемый этою неотступною мыслью, Анріи явился на объѣздъ лѣди въ раздраженномъ, грустномъ расположеніи духа, какое часто овладѣваетъ самымъ мягкимъ характеромъ, когда ему придется исполнить непріятный долгъ. Странные рассказы Ренѣ разогнали эту случайную мрачность и подали молодому графу сносный предлогъ отказаться отъ своего слова. Анріи рѣшился лучше возстать противъ авторитета матери, до-сихъ-поръ неоспоримаго, чѣмъ жениться на мадмуазель Фальконѣ, и вдругъ почувствовалъ, что на душѣ у него стало легко: это было слѣдствіемъ твердо-принятаго намѣренія.

— Я свободенъ, сказалъ онъ съ живѣйшимъ движеніемъ радости, которой еще никогда не испытывалъ.

Первое, на что Лобненъ употребилъ счастливо-пріобрѣтенную свободу, было, какъ вѣроятно догадались, — протянуть руки къ цѣпямъ новаго рабства.

Жизнь женщины, достойной любви, не спасаютъ безнаказанно: графъ испыталъ это на себѣ. Послѣ безсонной ночи, въ-продолженіе которой милый образъ Лауры въ свѣтломъ ореолѣ не переставалъ ему являться, онъ вышелъ и пошелъ на-удачу, въ какомъ-то лихорадочномъ волненіи. Случай, что легко было предвидѣть, привелъ его въ Сомонскій-Пассажъ, гдѣ ожидала его первая неудача. Погруженный въ раздумье, онъ забылъ, что сегодня воскресенье, и его непріятно поразилъ видъ запертаго магазина.

Подумавъ съ минуту, Анріи отправился въ улицу Пажвепъ; онъ прошелъ по ней нѣсколько разъ изъ конца въ конецъ, каждый

разъ съ особеннымъ участіемъ разсматривая домъ, въ который вошла молодая дѣвушка.

Это былъ мрачный, сырой, плохой домъ, какихъ въ Парижѣ еще много по старымъ кварталамъ. Фасадъ, только съ двумя окнами, былъ окрашенъ темнымъ цвѣтомъ выше чѣмъ до половины. Ничто особеннаго не отличало верхніе этажи. Внизу была дрянная лавчонка красильщика, отдѣленная перегородкой отъ мрачнаго входа, ведущаго къ другимъ жильямъ этого мрачнаго дома.

Лобненъ обратилъ свое вниманіе преимущественно на третій этажъ, гдѣ, по всей вѣроятности, жила Лаура съ своею матерью. Оба окна были заперты, и надежда увидѣть въ нихъ блѣдное, меланхолическое лицо дѣвушки, исчезла.

— Бѣдность заслуживаетъ столько же почтенія, какъ и богатство, подумалъ онъ.— Неловко явиться къ ней такъ рано; кромѣ того, я прежде всего хочу рѣшительно объясниться съ матушкой: покаместъ эта проклятая свадьба не разстроена окончательно, я не могу дышать свободно.

Апрѣ, какъ видитъ читатель, рѣшился опять увидѣть Лауру и проникнуть трагическую тайну ея жизни. Онъ нашелъ бы предлогъ войти въ домъ. Не было ли его обязанностию извѣстить мать, на какой отчаянный поступокъ покушалась дочь ея,—поступокъ, отъ котораго она, можетъ-быть, и теперь еще не отказалась. Еслибъ женщина, спасенная Лобненомъ отъ смерти, не была ни молода, ни хороша собою, онъ, конечно, и тогда не отказался бы отъ этого намѣренія, котораго требовало отъ него самое простое челолюбіе; но позволено сомнѣваться, успѣшилъ ли бы исполнить его съ такимъ жаромъ.

Изяснившись съ своею матерью, какъ уже извѣстно, и отдѣлавшись отъ Ренѣ, молодой графъ поспѣшилъ въ улицу Шаживень. Въ продолженіе переезда, очень-долгаго, благодаря медленности экипажа, въ которомъ онъ принужденъ былъ ѣхать, онъ предложилъ себя, можетъ-быть въ десятый разъ, вопросъ, на который до-сихъ-поръ находилъ очень-непріятный отвѣтъ, и потому все еще искалъ другаго. Чтò могло довести до самоубійства такую милую и молодую женщину? Конечно, любовь, отвѣчалъ онъ съ перваго раза, и чѣмъ болѣе онъ разсуждалъ, тѣмъ болѣе находилъ этотъ отвѣтъ единственно-вѣроятнымъ. Медальионъ, который Лаура прижала къ губамъ въ ту самую минуту, когда хотѣла лишить себя жизни, не подтверждалъ ли этой догадки самымъ рѣшительнымъ образомъ?

— Я не долженъ себя обманывать, подумалъ онъ наконецъ, стараясь поколебать невольное чувство печали:—она любила, она любить... Но чтò мнѣ до того за дѣло? Она вдохнула въ меня не лю-

бовь, а братское участіе? Пусть будетъ она счастлива; больше ничего я не желаю.

Пріѣхавъ на мѣсто, Лобпенъ вышелъ изъ кабриолета и отправился къ дому въ улицѣ Пажвенъ. Входъ былъ мраченъ и тѣсенъ, и онъ бесполезно искалъ здѣсь коморку дворника; изъ экономіи, которую легко поймутъ мелочные владѣльцы, въ этомъ домѣ, приносившемъ небольшой доходъ, не было занимательнаго лица дворника, и входящіе сюда въ первый разъ должны были сами отыскивать по всѣмъ этажамъ жилья, къ которому пришли.

Отыскавъ путь среди мрака, увеличивавшагося по мѣрѣ удаленія отъ входа, Анрі прошелъ мимо лѣстницы, не замѣтивъ ея, и очутился на дворикѣ немного-побольше порядочнаго колодца; сюда даже и въ полдень не проникали солнечные лучи. Глаза его привыкли по-немпогу къ темнотѣ этой сырой ямы, и наконецъ онъ неясно разсмотрѣлъ какія-то вещи, развѣшанныя на шестахъ: это былъ сбродъ всякаго платья, почти совсѣмъ изношеннаго; онъ вышелъ изъ котла красильщика и окончательно молодѣли здѣсь, просыхая безъ участія солнца. Насупротивъ, подъ навѣсомъ, желѣзные рѣшетки, балконныя перила, садовыя скамьи и другіе образчики дугаго желѣза,—промышленности тогда еще новой, лежали въ беспорядкѣ, и покрывавшая ихъ ржа свидѣтельствовала, что они уже давно напрасно ждутъ покупателя.

Лобпенъ окинулъ взглядомъ эти предметы и опять пошелъ къ воротамъ, гдѣ отыскалъ, наконецъ, въ углубленіи, направо, первыя ступени лѣстницы. Онъ двигался сперва ощупью по этому неровному всходу, но темнота разсѣивалась мало-по-малу и когда онъ вошелъ на третій этажъ, стало почти свѣтло. Здѣсь замѣтилъ онъ только одну дверь, которой желтыя засаленныя подовники очень-хорошо соответствовали грязной древности желтой краски, покрывавшей стѣны.

Пойскавъ ручку колокольчика, никогда-несуществовавшаго, Лобпенъ скромно ударилъ въ дверь: никто не отворялъ ея. Онъ ударилъ еще нѣсколько разъ, но внутри не слышно было никакого движенія, которое доказало бы, что стукъ его услышанъ. Онъ полагалъ навѣрное, что Лауры и матери ея нѣтъ дома, и хотѣлъ уже уйдти; но поворачиваясь, онъ нечаянно тронулъ ручку замка и замѣтилъ, что дверь отворяется.

Графъ помедлилъ нѣсколько времени; но посѣщеніе его было такъ важно, что онъ не могъ отложить его изъ опасенія показаться нескромнымъ. Лобпенъ вошелъ въ корридоръ, освѣщаемый только сквозь двери, къ которымъ велъ онъ, и, слѣдовательно, совершенно-темный, когда онъ были заперты. Всю мебель этого корридора составляли нѣсколько стульевъ изъ дугаго желѣза, похожихъ на

вещи, видѣнные имъ на дворѣ. Двѣ двери тотчасъ привлекли его вниманіе: одна на-лѣво, другая въ концѣ корридора; онъ пошелъ къ послѣдней изъ нихъ, справедливо заключая, что она ведетъ въ главное отдѣленіе жилья.

— Войдите, сказалъ женскій голосъ, когда онъ постучался.

Комната, въ которую вошелъ Лобпенъ, была довольно-обширна; она занимала весь фасадъ дома, выходившій на улицу; но величина эта только яснѣе выказывала ея голъ и ветхость. Противъ оконъ стояла крашеная деревянная кровать, въ углу мраморный взломанный коммодъ, посрединѣ ореховый столъ съ остатками бѣднаго завтрака; онъ же служилъ и писчимъ столомъ, въ чемъ свидѣтельствовали книги и бумаги, лѣжавшія между тарелокъ. Кое-гдѣ были разрозненные стулья. Такъ была меблирована эта комната, въ которой все дышало беспорядкомъ и безпечностью, обыкновенными спутниками нищеты.

Графъ слегка замѣтилъ эти предметы, потому-что вниманіе его тотчасъ обратилось къ женщинѣ, сидѣвшей въ старыхъ креслахъ у окна. Въ этой женщинѣ, одѣтой бѣдно, какъ бѣдна была комната, онъ съ глубокимъ изумленіемъ узналъ сестру г. Фальконэ.

Г-жа Бруссель не забыла лица молодаго чедовѣка, подававшаго ей вчера помощь, когда она лишилась чувствъ. Стыдясь принять его въ такомъ жалкомъ жилищѣ, она слегка покраснѣла и сдѣлала тяжелое усиліе, стараясь встать.

— Умоляю васъ, сударыня, не безпокойтесь, сказалъ Анри, кланяясь съ почтительнымъ состраданіемъ.

— Вамъ, конечно, угодно говорить съ моимъ мужемъ? спросила она слабымъ голосомъ.

Лобпенъ тотчасъ припомнилъ, что говорилъ ему наканунѣ дядя на-счетъ вторичнаго замужства сестры Фальконэ. Это воспоминаніе сдѣлалось для него откровеніемъ, и ему показалось, что самое темное обстоятельство въ приключеніи прошедшей ночи вдругъ объяснилось. Лаура была, безъ сомнѣнія, дочь капитана Менара, перваго мужа женщины, предъ которой онъ стоялъ, и чедовѣкъ, такъ грозно заговорившій съ нимъ у дверей, могъ быть только Бруссель, вотчимъ молодой дѣвушки.

— Я желаю говорить не съ г. Брусселемъ, а съ вами, сударыня, сказалъ онъ, какъ-будто нерѣшительно.

— Со мною? съ удивленіемъ спросила мать Лауры.

— Посѣщеніе мое можетъ показаться вамъ неучтивымъ, потому-что я не имѣю чести быть съ вами знакомымъ; но я знакомъ съ г. Фальконэ, и надѣюсь, что вы хоть по этому удостоите меня минутнаго разговора.

При имени брата, горькая улыбка явилась на губах г-жи Бруссель; но отивътвшее лицо ея почти-тотчасъ же озарилось лучемъ надежды.

— Вы отъ моего брата? спросила она съ лихорадочною живостью.

— Нѣтъ, отвѣчалъ Анри:—я пришелъ по болѣе-важному дѣлу. Г-жа Бруссель опять упала въ кресла, изъ которыхъ-было немного приподнялась; лицо ея, на минуту оживленное надеждою, приняло опять выраженіе нѣмой скорби.

Помолчавъ съ минуту, Лобпенъ опять заговорилъ.

— У васъ есть дочь, сударыня? сказалъ онъ въ-полголоса, какъ-будто опасаясь, чтобъ его не услышали стѣны этого жалкаго жилища.

Глаза г-жи Бруссель оживились.

— Вы говорите о моей дочери? сказала она въ волненіи.

— Ее зовутъ Лаурой?

— Да.

— Ей восемнадцать лѣтъ?

— Нѣтъ еще; но что значить...

— Она очень-хороша собою?

— Красота при бѣдности—несчастіе.

— Такъ вы знаете, что дочь ваша несчастна? живо спросилъ Лобпенъ.

— Какъ вы это знаете? отвѣчала г-жа Бруссель, бросивъ на молодого человѣка взоръ недоумѣванія?

— Простите, что я усиливаю ваше горе, продолжалъ Анри съ глубокимъ сочувствіемъ:—долгъ мой говорить, еслибъ это и увеличило вашу скорбь.

— Это невозможно! глухо проговорила мать Лауры.

— Вы знаете, что дочь ваша несчастна, но не знаете, до какой степени. Вы и не подозреваете, до какой ужасной крайности можетъ увлечь глубокое, но, я думаю, неизлечимое горе эту бѣдную дѣвушку, столько достойную вашей нѣжности.

— Говорите тише, сказала г-жа Бруссель со страхомъ: — она не можетъ слышать.

— Такъ она здѣсь? спросилъ Анри, сердце котораго вдругъ забилось.

— Тамъ, тихо отвѣчала мать молодой дѣвушки, указывая на дверь противъ оконъ, въ нѣкоторомъ разстояніи отъ той, въ которую вошелъ Анри.—Она спитъ, и мнѣ не хотѣлось бы будить ее; сонъ—забвеніе.

— Смерть—тоже забвеніе.

— Надѣюсь.

— Когда человекъ несчастенъ, забвеніе сна кажется ему слишкомъ-мимолетнымъ; онъ желаетъ болѣе-постояннаго.

— Онъ желаетъ вѣчнаго.

— Мысль привыкаетъ къ самымъ мрачнымъ думамъ. Отвращеніе къ жизни проникаетъ до глубины души; словомъ, желаешь смерти, и смерть не является; идешь ей на встрѣчу...

— Напрасный трудъ! отвѣчала г-жа Бруссель, съ ироническою улыбкою отчаянія положивъ руку на сердце. — Смерть прійдетъ.

— Но я говорю не объ васъ, а о вашей дочери! сказалъ Лобпенъ, обвиняя въ эту минуту въ эгоизмъ умирающую женщину.

— О моей дочери! Что вы говорите?

— Ей надоела жизнь, она ищетъ смерти; нынче ночью, она хотѣла лишиться себя жизни.

Г-жа Бруссель вдругъ поднялась съ невѣроятною энергіею.

— Нынче ночью! вскричала она: — лишиться себя жизни... дочь моя!

И въ ту же минуту она опять упала въ кресла, какъ трупъ, нагальванизованный на мгновеніе.

Восклицаніе г-жи Бруссель отдалось въ сосѣдней комнатѣ, и оттуда тотчасъ отворилась дверь. Лаура, беспорядочно одѣтая, съ лицомъ, искаженнымъ отъ испуга, быстро бросилась полумертвая въ объятія своей матери.

ХІІІ.

Плохое житіе.

Мать и дочь съ минуту оставались въ объятіяхъ другъ друга. По этому скорбному и нѣжному сліянію, по рыданію ихъ, Лобпенъ понялъ, что общность несчастія создала въ этихъ двухъ женщинахъ всемогущую симпатію, которой не можетъ иногда произвести кровное родство.

Лаура прежде всѣхъ была въ состояніи говорить.

— Вашъ крикъ пронизалъ мнѣ сердце, сказала она: — я думала, что онъ возвратился.

Эти слова, произнесенныя съ выраженіемъ ужаса, заставили г-жу Бруссель вздрогнуть.

— Пусть прійдетъ! сказала она съ мрачною готовностью.

— Теперь онъ убьетъ васъ!

— Пусть убьетъ! Я буду ему благодарна! Но ты, мое бедное дитя, ты, доведенная этимъ чудовищемъ до отчаянія!

Молодая дѣвушка склонилась къ матери; мать опять сжала еѣ въ своихъ объятіяхъ.

— Милая Лаура! повторила она, заливаясь слезами. — Милая, несчастная дочь! ты хотѣла умереть!

Лаура быстро поднялась и оборотилась къ Лобпену, который изъ учтивости отошелъ въ уголь комнаты. Погруженная сначала совершенно въ собственное свое чувство, она едва его примѣтила. Теперь она устремила на него провицательный взоръ и тотчасъ его узнала.

— Вы человекъ безъ сердца? сказала она ему съ неожиданною страстью. — Вы видите, въ какомъ состояніи матушка, и не побоялись прибавить къ нему новое огорченіе!

Лобпенъ подошелъ къ женщинамъ.

— Я долженъ былъ извѣстить вашу матушку о происходившемъ нынѣ ночью; отвѣчалъ онъ важнымъ, страстнымъ голосомъ. — Теперь ваша очередь изглядить скорбь, которую причинила ей моя необходимая откровенность. Поклянитесь ей, что вы оставите свои мрачные замыслы, что будете переносить бѣдствія, жить для нея, и вы скоро увидите, какъ оживетъ она въ вашихъ объятіяхъ и сама полюбитъ жизнь.

Впечатлѣнія Лауры были очень-подвижны, — это была черта ея характера; она легко перешла отъ раздраженія къ нѣжности, стала на колѣни передъ матерью и взяла ее за руки.

— Простите! сказала она прерывающимся голосомъ: — я много виновата. Вы уже столько перестрадали! За меня вы были такъ несчастны! Я должна бы умѣть страдать въ свою очередь; но во мнѣ нѣтъ твердости... Сколько несчастія причиняетъ горе! Когда сердце мое болитъ, я теряю голову; я дѣлаюсь безумною и хочу соединиться съ отцомъ моимъ.

— Безъ меня, жестокое дитя? воскликнула г-жа Бруссель.

— Несчастіе дѣлаетъ человека эгоистомъ.

— Тебѣ умереть прежде меня, когда мнѣ остается жить такъ мало!

— Прежде васъ, или съ вами...

— Дѣ, со мною! сказала мать какъ-будто въ безпамятствѣ.

— Сударыня! возразилъ Лобпенъ съ упрекомъ.

Г-жа Бруссель устремила на спасителя своей дочери ясный взоръ и старалась какъ-будто объяснить себѣ, по какому случаю онъ здѣсь; понемногу, однакожь, лицо ея приняло выраженіе блѣднѣ-мягкое, и улыбка, полная горести, оживила ея безцвѣтныя губы.

— Простите бѣдной страдающей женщиной, что она принимаетъ васъ такъ дурно, сказала она. — Вы приобрѣли вѣчное право на мою

признательность, а я ничѣмъ не могу доказать вамъ ее. Благодарность ничтожная, но прямо отъ сердца—вотъ все, что могу я предложить вамъ.

— Я буду слишкомъ вознагражденъ, отвѣчалъ Анрі:—если вынесу отсюда надежду, что несчастія ваши скоро прекратятся.

Г-жа Бруссель съ минуто смотрѣла на молодого графа съ какимъ-то страннымъ вниманіемъ; его лицо выражало глубокое и чисто-сердечное участіе.

— Кажется, я имѣю честь видѣть у себя господина де-Лобпена? сказала она, подумавъ немного.

— Вы знаете мое имя? спросилъ Анрі, не будучи въ состояніи скрыть своего удивленія.

Вмѣсто отвѣта, г-жа Бруссель оборотилась къ своей дочери, также обнаружившей невольное удивленіе.

— Дитя мое, сказала она нѣжно: — ты забыла, что тебѣ надо окончить работу.

— Дѣ, правда, отвѣчала Лаура, отирая глаза: — я обѣщала доставить ее завтра утромъ, и едва-ли успѣю кончить.

— Но сегодня воскресенье! воскликнулъ Лобпенъ, взглянувъ на молодую дѣвушку съ нѣжнымъ состраданіемъ.

— У бѣдныхъ нѣтъ воскресенья, отвѣчала она просто.

— Слѣдовательно, вы работаете всякій день?

— Я на это не жалуясь; чѣмъ больше работы, тѣмъ меньше времени думать.

Лаура наклонилась къ матери и обмѣнялась съ ней нѣсколькими словами въ-полголоса. Потомъ она взглянула на Лобпена съ дѣтскимъ любопытствомъ, поклонилась ему съ улыбкою, и ушла въ свою комнату. Но тотчасъ же, изъ капризнаго любопытства, столь естественнаго въ ея характеръ, что даже и привычка страдать не могла подавить его вполнѣ,—она отворила дверь вполвину и выставила свое милое личико.

— Не будь я бѣдная модистка, сказала она Лобпену: — не будь вы знатымъ дворяниномъ, я сказала бы вамъ: «до свиданія, братецъ».

Въ то же мгновеніе, она исчезла и затворила дверь.

Анрі съ минуто молчалъ отъ удивленія.

— Она дитя, простите ей! сказала г-жа Бруссель:—я должна бы побранить ее, но у меня не достаетъ духа: я такъ давно не видала, какъ она улыбается!

— Стало-быть, вы слышали, что я долженъ жениться на мамзель Фальконѣ, вашей племянницѣ? спросилъ Лобпенъ.

— Нѣсколько дней тому назадъ мы говорили объ этой свадьбѣ.

Вчера, когда вы выходили съ вашимъ дядюшкой, братъ мой призналъ ваше имя, и сегодня я васъ тотчасъ узнала.

Г-жа Бруссель какъ-будто не рѣшалась продолжать говорить, но скоро нервнтельность совершенно исчезла съ лица ея, и она заговорила съ отчаянною энергіею игрока, который ставитъ весь остатокъ своего достоянія на одну карту.

— Я должна поговорить съ вами, господинъ де-Лобень, сказала она:—но то, что я имѣю сказать вамъ, не долженъ слышать никто, кромѣ васъ; для этого-то я и выслала дочь. Сядьте же возлѣ меня. Я не въ силахъ говорить громко, и ни одно слово изъ нашего разговора не должно дойти до Лауры.

Анри повиновался молча; видъ несчастія всегда возбуждаетъ въ великодушномъ сердцѣ чувство почтительности, и Лобень старался скрыть свое живое любопытство подъ видомъ терпеливаго вниманія.

— Просьба, съ которою я хочу къ вамъ обратиться, такъ необыкновенна, продолжала мать Лауры тихимъ голосомъ: — что считаю долгомъ объяснить вамъ сперва причины, побудившія меня къ такому поступку. Я вижу васъ сегодня только во второй разъ, и при всемъ томъ мнѣ кажется, какъ-будто я давно васъ знаю. Честь и прямоту видны въ чертахъ лица вашего; онѣ внушаютъ мнѣ довѣренность, къ которой я уже считала себя неспособною. И какъ не довѣрять мнѣ вамъ? Не вы ли спасли сегодня ночью жизнь моей дочери? Конечно, странная признательность за великое благодѣяніе — найдти въ немъ право на требованіе новаго благодѣянія; но повѣрьте, признательность просящая часто глубже награждающей.

— Испытайте мою признательность; это единственная награда, какой я желаю.

— Другое обстоятельство, можетъ-быть, слабѣйшее, даетъ мнѣ также право на ваше расположеніе. Вы женитесь на моей племянницѣ, и эта свадьба породнитъ насъ. Знаю, что для чловѣка вашего званія ни пріятно, ни лестно сдѣлаться племянникомъ такой бѣдной женщины; но вы, конечно, такъ благородны, что не станете краснѣть за нищету родственниковъ; такимъ, по-крайней-мѣрѣ, я васъ почитаю.

— Вы не ошибаетесь, отвѣчалъ молодой графъ такъ просто, что нельзя было не видѣть чистосердечности въ его словахъ: — если эта свадьба состоится, вы найдете во мнѣ родственника преданнаго и почтительнаго. Но родство не можетъ увеличить моего теперешняго желанія услужить вамъ.

Хотя Анри и твердо рѣшился не жениться на Фелиситѣ, но счелъ лишнимъ говорить объ этомъ теперь; онъ опасался, чтобъ подоб-

ное признаніе не отклонило просьбы г-жи Бруссель, въ которой онъ уже напередъ принималъ живое участіе, потому-что можно было предполагать почти-навѣрное, что главнымъ предметомъ ея будетъ Лаура.

— Спаситель моей дочери и будущій родственникъ, продолжала г-жа Бруссель, стараясь улыбнуться:— вотъ два обстоятельства, которыя даютъ мнѣ право быть откровенной. Впрочемъ, кому доверять то, о чемъ я хочу говорить вамъ? У меня нѣтъ друзей, ни одного...

— Братъ вашъ...

— У меня нѣтъ ни брата, ни мужа,— я одна въ этомъ мірѣ... Нѣтъ, не одна. Будь я одна, я умерла бы молча; но у меня есть дочь, и я должна говорить. Она хотѣла лишиться себя жизни, говорите вы? Молчать дольше было бы преступленіе. Дѣ, вы все узнаете. Рану, которую я скрывала отъ цѣлаго міра, кровавую, отвратительную рану, за которую я принуждена краснѣть... я открою ее вамъ, спасителю моей дочери.

Г-жа Бруссель остановилась на минуту, желая успокоить голодъ, дрожавшій отъ душевнаго движенія.

— Увидѣвъ меня въ первый разъ, продолжала она:— вы подумали: вотъ страждущая женщина; но вы не могли вообразить себѣ всей необъятности моихъ страданій. Если васъ поразило физическое страданіе, какъ могли вы разгадать душевную пытку? Вошедъ въ эту комнату, вы подумали: вотъ жилище нищеты; но вы не могли и подозревать, что нищета— послѣднее изъ бѣдствій, свирѣпствующихъ въ этомъ печальномъ убѣжищѣ. Въ этомъ жилищѣ, какъ-будто пораженномъ проклятіемъ Бога, есть три существа: ангель—это дочь моя; умирающая—я; чудовище... вы догадываетесь, кто!

Мать Лауры опять остановилась и прижала руку къ сердцу, какъ-будто почувствовала внезапную боль.

— Жизнь, сказала она:— даетъ ужасный урокъ неблагоразумнымъ женщинамъ, выходящимъ за людей, которыя моложе ихъ. Между Менаромъ, отцомъ Лауры, и мною, все было въ должномъ отношеніи: и возрастъ и характеры. И мы были счастливы... о! слишкомъ-счастливы, потому-что воспоминаніе объ этомъ блаженномъ времени удваиваетъ муки моего настоящаго существованія. Я должна бы была навсегда сохранить въ сердцѣ образъ этого благороднаго, добраго человека; остатокъ жизни я должна была бы посвятить его памяти; я должна бы была, подобно дочери моей, которая и теперь, по прошествіи девяти лѣтъ, все еще въ траурѣ по отцу, ходить во вдовьемъ платьѣ до конца моей жизни. Вотъ что должна была я сдѣлать, и вотъ въ чемъ мой проступокъ!

онъ великъ, но каково же и наказаніе!... Не говорю вамъ о своемъ состояніи, растерянномъ въ безразсудныхъ спекуляціяхъ; о неудобствахъ жизни, замѣнившихъ мѣсто довольства; о дочери, которой натура сдѣлала бы честь самому высокому мѣсту въ обществѣ, и которая принуждена работать, чтобъ помочь намъ жить. Работа эта опасна: тысяча сѣтей окружаютъ молодую дѣвушку, доступную въ магазинѣ для взоровъ публики; работа безъ отдыха—вы сами тому свидѣтель; работа убійственная... здоровье Лауры уже замѣтно измѣнилось; за усталостью явится истощеніе, за истощеніемъ смерть.

— Бѣдная дѣвушка! съ чувствомъ сказалъ Лобпенъ.

— Не говорю вамъ о тысячахъ страданій, о которыхъ вы не можете и догадываться и которыя выражаются однимъ словомъ: нищета. Не говорю о болѣзни, которая скоро убьетъ меня и которая развилась отъ огорченій. Трудъ, бѣдность, болѣзнь — все это можно перенести; но есть испытаніе, изъ котораго сердце женщины не выходитъ живымъ:—это забвеніе, неблагодарность, измѣна человѣка, которому все принесено въ жертву. Бруссель десятью годами моложе меня; въ глазахъ многихъ людей, это извиненіе, я знаю; и если бъ я проронила жалобу, они, конечно, сказали бы, что я сама виновата въ своемъ горь; но виновата ли я, вѣтъ ли, а я несчастна,—несчастна до такой степени, что, не смотря на неизлечимую болѣзнь, которая не замедлитъ разрѣшиться смертью, мысль о самоубійствѣ, преслѣдующая бѣдную дочь мою, приходила не разъ и мнѣ въ голову.

— Не-уже-ли?

— Дѣ, и не разъ, особенно ночью, когда мнѣ, бывало, не спалось... мрачныя мысли приходятъ во время безсонницы. Въ этой маленькой, печальной, темной комнаткѣ, гдѣ работаетъ теперь Лаура, и гдѣ я сплю возлѣ нея, я часто, видя, какъ она блѣдна, печальна, устала, какъ наконецъ засыпаетъ она сномъ, возмущаемымъ мрачными видѣніями, я часто думала: не лучше ли умереть вмѣстѣ?

— Умереть вмѣстѣ! воскликнулъ Любпенъ.

— Вы находите, что я большая преступница, не правда ли? Мать хочетъ увести дочь съ собою въ могилу! Это дѣтоубійство!

— Какъ глубока должна быть бездна скорби, изъ которой вышла эта ужасная мысль!

— Нѣсколько разъ я хотѣла разложить угли, но меня останавливало опасеніе, чтобъ Лаура не проснулась и не страдала передъ смертью.

— Жалью васъ!

— Жальте о моей дочери; я еще не все вамъ сказала, и мылошли теперъ до самой ужасной части моей исповѣди.

Въ это время, Лаура быстро открыла двери своей комнаты.

— Онъ здѣсь, сказала она голосомъ, полнымъ ужаса: — онъ идетъ по лестницѣ; я узнала его походку.

— Что скажете онъ, увидя васъ здѣсь? сказала г-жа Бруссель, встревожившись не меньше дочери.

— Успокойтесь, отвѣчалъ Лобпенъ, который также почувствовалъ невольное волненіе: — будущая женитьба моя оправдаетъ въ его глазахъ мое посрѣщеніе.

Лаура быстро и неожиданно приблизилась къ нему.

— Мнѣ надо съ вами поговорить, сказала она такъ тихо, чтобы мать не могла ее слышать. — Когда будете сходить, остановитесь въ первомъ этажѣ и стукните два раза въ дверь, что на-право.

Съ этими словами она убѣжала въ свою комнату и заперлась.

Черезъ минуту открылись наружныя двери; звуки шаговъ раздались въ корридоръ, и Бруссель явился передъ своею женою и г. Лобпенемъ.

Жоржъ Бруссель (прозванный въ молодости Брусселемъ-красавцемъ) былъ человекъ лѣтъ сорока, высокаго роста, хорошо-сложенный и замѣчательно-сильный. Черты его, правильныя, холодныя и спокойныя, безъ особенной выразительности, не могли дать и намека о бурномъ, безнравственномъ характерѣ его, сдѣлавшемъ его бичомъ своего семейства и виновникомъ собственной нищеты. Однакожъ, рассматривая его ближе, можно было замѣтить глубокую морщину между бровями, мрачный цвѣтъ въ черныхъ, впалыхъ глазахъ, и на тонкихъ губахъ медовую сладость, которая понемногу пробуждала въ васъ недоверчивость; у него былъ лобъ честолюбца, взглядъ человека страстнаго, улыбка лицебра; а отъ соединенія этихъ трехъ элементовъ рождался характеръ столько же страшный въ нравственномъ мѣрѣ, сколько страшна можетъ быть въ физическомъ смѣсь сѣры, угля и селитры.

Странное противорѣчіе: въ одеждѣ вотчина Лауры не было и слѣда бѣдности, видимой въ его жилищѣ. Сюртукъ неукориченнаго покроя ловко выказывалъ его прекрасную талію; новал шланца, блестящіе сапоги, очень-чистыя перчатки... последнее было особенно-характерическою чертою, потому-что перчатки первое, отъ чего избавляетъ бѣдность; словомъ, весь костюмъ его былъ такъ хорошъ, что его не постыдилъ бы и щеголь. Въ такомъ видѣ вошелъ Бруссель въ бѣдную комнату, гдѣ ожидали его жена и Анри де-Лобпенъ.

При видѣ графа, Бруссель невольно удивился, и черныя зрачки его глазъ вспыхнули какъ у тигра, завидѣвшаго добычу; какъ ни сильно, однакожъ, было, по-видимому, это чувство, онъ тотчасъ подавилъ его; черты его выражали только холодную ути-

вость, которою ограничивается свѣтскій человѣкъ, принимая у себя въ домъ незнакомаго.

— Смѣю ли спросить, съ кѣмъ имѣю честь говорить? спросилъ онъ, отвѣчая на поклонъ Анри.

Хорошъ ли, дуренъ ли, отвѣтъ Лобнена былъ уже готовъ.

— Посѣщеніе мое удивляетъ васъ, можетъ-быть, такъ же, какъ удивило и вашу супругу; но, надѣюсь, вы простите мнѣ, что я явился такъ запросто, когда узнаете цѣль этого визита. Меня зовутъ Анри де-Лобненъ...

При этихъ словахъ, лицо Брусселя опять выразило удивленіе, и графъ замѣтилъ это.

— Я вижу, что имя мое вамъ не безъизвѣстно, замѣтилъ Анри.

— Имя ваше, милостивый государь, слишкомъ-извѣстно въ Лорренъ, и я слышалъ его нѣсколько разъ, отвѣчалъ зять желѣзно-заводчика съ иронической улыбкой.

— Можетъ-быть, вы слышали также о предполагаемомъ союзѣ фамиліи Фальконэ съ моею? отвѣчалъ Анри, давъ себѣ слово сохранять непоколебимое хладнокровіе.

— Да, слышалъ. Васъ женить на Фелиситѣ Фальконэ, моею любезной племянницѣ. Поздравляю васъ; вы сладили недурное дѣльцо: въ шкатулкѣ моего шурина найдется чѣмъ поновить вашу графскую корону; а то золото-то съ нею немного стерлось, какъ поговариваютъ въ Лорренъ.

Анри покраснѣлъ, но имѣлъ довольно силы надъ собою, чтобъ не отвѣчать на эту насмѣшку.

— Теперь, продолжалъ Бруссель съ такою же ироніею:—будете ли вы такъ свисходительны, объясните ли, какое отношеніе между вашею будущею свадьбою и настоящимъ посѣщеніемъ?

— Въ свѣтъ уже принято, что женихъ посѣщаетъ родственниковъ своей невѣсты.

— Да; однако, кажется, не принято являться одному. Чтобъ все было въ порядкѣ, такъ, сколько мнѣ извѣстно, господину Фальконэ слѣдовало бы потрудиться пріѣхать съ вами. Онъ забывилъ себя отъ этого труда, и онъ правъ: прыгнуть съ третьяго этажа въ окно,—плохо, а другаго пріема ему отъ меня не ждать.

Не обращая вниманія на оскорбительность этой угрозы противъ отсутствующаго, Лобненъ сказалъ спокойно:

— Я знаю, отношенія ваши къ господину Фальконэ уже давно не таковы, какія обыкновенно бываютъ между такими близкими родственниками. И по-этому-то я рѣшился явиться одинъ, имѣя въ виду примиреніе...

— Вы пришли съ оливковою вѣтвиею, прервалъ Бруссель съ сардоническимъ смѣхомъ.—Право, я не ожидалъ увидѣть васъ въ

роли голубя-миротворца, когда вы, кажется, гораздо-охотѣе беретесь за роль коршуна-похитителя.

Взоръ, острый какъ лезвіе кинжала, сопровождалъ эти слова.

— Онъ узналъ меня, подумалъ Лобпенъ. Видя, что хитрость не удалась, онъ принялъ гордый видъ.

— Если вы действительно графъ де-Лобпенъ...

— Милостивый государь... прервалъ его Анри, удерживаясь съ трудомъ.

— Если вы действительно графъ де-Лобпенъ, повторилъ Брюссель съ самымъ оскорбительнымъ хладнокровіемъ: — скажите вашему будущему тестю, что я поклялся ненавидѣть его до гроба. Конечно, такой врагъ, какъ я, покажется ему очень-слабымъ, безсильнымъ, презрѣннымъ; но пусть онъ не дремлетъ среди своего презрѣнія: зубъ моей бѣдности ближе, можетъ-быть, къ сердцу его богатства, нежели онъ думаетъ.

Звѣрская улыбка оварила лицо Брюсселя; онъ, кажется, наслаждался мыслями мщенія, зашевелившимися въ глубинѣ его сердца при имени шурина.

— Чтò до васъ, продолжалъ онъ хладнокровіе: — мнѣ нужно сказать вамъ нѣсколько словъ. Избавьте, однакожь, если вы согласны, большую жену мою отъ непріятности слышать дальнѣйшій разговоръ нашъ.

Такое предложеніе, подкрѣпленное жестомъ и нѣсколькими шагами къ дверямъ, не допускало ни возраженія, ни отсрочки. Лобпенъ поклонился госпожѣ Брюссель и отвѣчалъ на умоляющій взоръ ея знакомъ, обшавшимъ безусловную преданность.

Брюссель, вышедши съ Анри изъ комнаты, остановился на площадкѣ лѣстницы.

— Странная пріемная! сказалъ онъ ироническимъ тономъ, который характеризовалъ всѣ слова его съ самаго начала сцены: — но мнѣ нѣгдѣ принять васъ больше. Впрочемъ, бѣдность избавляетъ отъ этикета.

— Я слушаю васъ, серьезно отвѣчалъ Лобпенъ.

— Я вотчимъ молодой дѣвушки, которую вы проводили сегодня ночью до дому; это значитъ, что всѣ ваши попытки увидѣть ее опять будутъ бесполезны: я буду наблюдать за этимъ. Смотри на упорству, съ какимъ вы вздумаете ее преслѣдовать, дѣло можетъ кончиться смертью одного изъ насъ. Вотъ чтò я имѣлъ сказать вамъ.

Брюссель поклонился Лобпену очень-спокойно, вошелъ въ корридоръ и заперъ двери. Черезъ минуту, онъ возвратился къ кресламъ, въ которыхъ жена его, все болѣе и болѣе теряющая слухъ, съ трепетомъ ждала его возвращенія.

— Еда Лаура? спросилъ онъ ее съ грубостью, резко отличавшеюся отъ предшествовавшаго тона холодной ироніи.

— Въ своей комнатѣ, отвѣчала госпожа Бруссель, очевидно въ страхѣ отъ присутствія мужа.

Вотчимъ Лауры подошелъ къ дверямъ и попробовалъ отворить ихъ, но бесполезно.

— Опять заперлась! вскричалъ онъ съ гнѣвомъ.

— Она очень устала, сказала умоляющимъ голосомъ госпожа Бруссель:—вѣрно она легла немного отдохнуть.

— Лаура! вскричалъ Бруссель, не слушая жены.

Никто не отвѣчалъ.

— Лаура! повторилъ онъ, возвышая голосъ.

Не слышно было никакого движенія.

— Лаура! закричалъ онъ въ третій разъ съ яростью.

Молчаніе продолжало царствовать въ комнатѣ молодой дѣвушки.

Бруссель бросился къ камину и схватилъ желѣзную рѣшетку.

— Вы убьете ее! вскричала несчастная женщина, вставая, чтобъ остановить мужа.

Бруссель грубо оттолкнулъ ее; потомъ нѣсколькими ударами отбилъ замокъ.

— Ея нѣтъ здѣсь! сказалъ онъ, отворивъ двери.

— Благодарю Тебя, Боже! Она не видѣла этого новаго насидя.

— Давно ли она вышла? спросилъ Бруссель, обращаясь къ жонъ съ блѣднымъ отъ злобы лицомъ.

— Нѣсколько минутъ назадъ; она только-что была здѣсь.

— Такъ она видѣла этого молодаго человѣка?

— Нѣтъ, отвѣчала госпожа Бруссель; непобѣдимый страхъ передъ мужемъ заставлялъ ее солгать: — она не выходила изъ своей комнаты.

Бруссель, казалось, успокоился.

— Куда она пошла? спросилъ онъ терезъ минутой.

— Вѣроятно въ магазинъ, отнести работу.

— Работа здѣсь, а магазинъ запертъ.

— Такъ въ церковь; вы знаете, что когда ей есть время, она всегда ходитъ по воскресеньямъ въ церковь.

— Пусть ходитъ къ обѣднѣ, — я ни слова; но у ней какая-то своя религія, и это кончится помѣшательствомъ; она ходитъ въ церковь не во время службы, а когда думаетъ, что тамъ никого нѣтъ. Она идетъ въ самый мрачный уголокъ, за столбомъ становится на колѣни и плачетъ; вотъ что называетъ она своею религіею.

— Это религія многихъ несчастныхъ.

— Пусть такъ; но, предаваясь ей съ дикимъ увлеченіемъ, какое

видно во всѣхъ поступкахъ ея, она прямохонокъ дойдетъ до сумасшествія, къ которому уже и такъ близка. Я не хочу, чтобъ она ходила въ церковь.

— Она будетъ плакать здѣсь.

— Эта комната, гдѣ лѣтомъ холодно, гдѣ въ полдень едва видно и откуда ея ничѣмъ не выманишь, — вотъ-что причиною всѣхъ этихъ мрачныхъ идей. Всѣ эти меланхолическія мечты исчезнутъ, если ей дать комнату посвѣтлѣе и долучше-мѣблированную.

— Бѣдное дитя! Она прикована къ этому печальному жилищу! Я скоро его оставлю; но она?..

— Тоже скоро и вмѣстѣ съ вами, сказалъ Бруссель не такъ грубо. — Сегодня воскресенье, а то я пошелъ бы нанять другую квартиру; завтра пойду непременно.

— Другую квартиру? спросила съ удивленіемъ мать Лауры.

— Сегодняшнее утро, по-крайней-мѣрѣ, я не потерялъ даромъ. Я купилъ мѣбель, довольно-скромную, правда, но въ сравненіи съ этою дрянью — она просто роскошь.

— Мѣбель! воскликнула госпожа Бруссель съ возрастающимъ удивленіемъ.

— Да, будетъ новая квартира и новая мѣбель; словомъ, слѣдается совершенное превращеніе; если бѣ вы удостоили меня взгляда, то замѣтили бы, что это превращеніе уже началось.

— Точно, на васъ платье, котораго я еще не видала, отвѣчала она, разглядывая одежду мужа.

— Не находите ли вы, что мнѣ въ немъ лучше, чѣмъ въ тѣхъ отредьяхъ? спросилъ Бруссель съ самодовольствіемъ, любуясь собою въ разбитое зеркало, висѣвшее надъ каминомъ. Онъ естественно очень гордился физической красотой своею, но уже давно принужденъ былъ отказаться отъ удовольствія сдѣлать ее еще разительнѣе изящнымъ костюмомъ.

Госпожа Бруссель ничего не отвѣчала. Она горячо когда-то любила своего мужа, но послѣ возненавидѣла его такъ глубоко, что и минуты не могла говорить съ нимъ дружески.

— Надюсь, зрѣя обличила совершенно, продолжалъ Бруссель, бросая въ зеркало послѣдній взглядъ.

— Такъ у васъ есть деньги? спросила его жена. Она привыкла отчаяваться въ счастьи, и съ трудомъ могла повѣрить, что въ жизни ихъ можетъ что-нибудь сдѣлаться хоть на волосъ лучше.

— Вѣроятно; безъ денегъ не достанешь ни платья, ни мѣбели, ни квартиры.

— Но откуда же эти деньги?

— Неожиданный доходъ...

— Никто ничего намъ не былъ долженъ.

— Увѣрены вы въ этомъ?

— Слишкомъ увѣрена. Нѣтъ, намъ никто не былъ долженъ, и вы хотите обмануть меня.

— Для сокращенія разговора, положимъ, что я хочу обмануть васъ; по-моему, это очень-неважно. Главное то, что мы сегодня не такъ жалки, какъ были вчера. Наше имѣнiе, конечно, песчинка, но я ограню ее въ брилльянтъ.

— Вѣчно мечты!

— Вѣчно. Чтò была бы жизнь безъ мечтанiй? Такъ-какъ мы можемъ жить теперь немного лучше, я не хочу, чтобъ Лаура работала въ магазинъ. Магазинъ, въ которомъ по субботамъ задерживаютъ швей до часа утра, мнѣ не нравится. Правда, я что-то не вѣрю въ эту исторiю, и она, кажется, дѣлаетъ много чести воображенiю вашей дочери. Еслибъ я самъ не возвратился вчера очень-поздно, то сейчасъ узналъ бы въ чемъ дѣло; но я и теперь узнаю черезъ четверть часа. Хотя магазинъ сегодня и запертъ, я, конечно, увижу мадамъ Мэссоньё; я отдамъ ей работу Лауры и сейчасъ же покончу дѣло.

Бруссель пошелъ въ комнату молодой дѣвушки, взялъ съ маленькаго столика работу, которую она обѣщала кончить къ завтрашнему дню, и вышелъ изъ дома; жена его не сдѣлала никакого возраженiя противъ намѣренiя, которое онъ объявилъ ей такъ неожиданно.

По уходъ мужа, госпожа Бруссель съ минуту оставалась въ креслахъ неподвижною, въ совершенномъ безсильи.

— Деньги! повторяла она въ-полголоса: — откуда онъ взялъ деньги?

Вдругъ ее поразила мысль, отъ которой она сдѣлалась еще блѣднѣе. Она встала и съ трудомъ добралась до коммоды, стоявшаго въ углу комнаты, выдвинула одинъ изъ ящичковъ, взяла изъ кучи лохмотьевъ старое темное платье и начала разсматривать его съ безпокойствомъ, скоро перешедшимъ въ отчаянiе. Широкая прорѣха въ корсажѣ, куда прежде всего протянула она руку, поразила ее такъ сильно, что она едва устояла на ногахъ, прислонясь къ коммоду. Въ отчаянiи она засунула руку въ отверстiе, ясно носившее на себѣ слѣды ножницъ, и рылась нѣсколько времени между платьемъ и подкладкой; но поиски ея были тщетны: то, чтò она искала, исчезло.

— Украдены! сказала она умирающимъ голосомъ. — Последнее достоянiе дочери моей... священная сумма, которая дала бы ей пропитанiе, и возлѣ которой я умерла бы съ голода... ничего нѣтъ... онъ не могъ обезчестить ее, онъ ее обкрадываетъ! О, это ужасно!

Госпожа Бруссель почувствовала смертный холодъ въ крови; она хотѣла дойти до креселъ, но на половинѣ пути силы ее оставили, и она безъ чувствъ упала на полъ.

XIV.

На-в д н я .

Не смотря на принятое намѣреніе сохранять примѣрное хладнокровіе, Лобпенъ не могъ побѣдить неприятнаго впечатлѣнія, когда остался одинъ на лѣстницѣ, противъ двери, которую только-что захлопнулъ передъ нимъ Бруссель. Никогда не обращались съ нимъ такъ неуважительно, и онъ готовъ былъ снова постучать въ дверь и напомнить хозяину законы общежитія, — но новая мысль остановила его.

— Лаура, безъ сомнѣнія, ожидаетъ меня, подумалъ онъ: — и этотъ семейный тиранъ выиграетъ свою грубостью только то, что я увижу ее нѣсколько-раньше.

Старый мужъ, опекунъ, вотчимъ, — это въчю исторія Арнеола и Агнесы: лучшія соображенія защиты обращаются въ пользу нападенія.

Графъ тотчасъ сбѣжалъ по лѣстницѣ, остановился въ первомъ этажѣ и легонько постучался въ дверь направо. Дверь тотчасъ отворилась безъ шума.

— Войдите скорее, сказала ему Лаура, которая ждала его, прислушиваясь съ трепещущимъ сердцемъ.

Анри спѣшилъ повиноваться. Только-что онъ вошелъ, дверь затворилась такъ же тихо, какъ была отворена.

Комната, въ которой находились графъ и молодая дѣвушка, одна занимала весь нижній этажъ флигеля; флигель былъ пристроенъ сзади, вдавался во дворъ и окончательно лишалъ его воздуха и свѣта. Мѣбель ея была самая скромная: кровать ореховаго дерева, такой же небольшой коммодъ, нѣсколько соломенныхъ стульевъ, рабочій столъ, на каминѣ ваза простаго фарфора, между двумя мѣдными посеребренными подсвѣчниками, начинавшими уже линять: таковы были главнѣйшія ея принадлежности. Здѣсь виднѣлась та же самая бѣдность, что и въ третьемъ этажѣ, но близина занавѣсокъ, тщательно-натертый полъ, кой-какіе цвѣты въ вазѣ, показывали, что отчаяніе не проникало еще въ это скромное жилище за вышетою.

— Сильны ли вы? сказала Лаура Лобпену, неподвижно устремивъ на него глаза.

Не столько щекотливый, какъ донъ-Родриго, молодой человекъ отвѣчалъ улыбаясь:

— Я думаю.

— Этого мало; надо быть уврену.

— Я уврениъ, возразилъ Анри, продолжая улыбаться.

— Мнѣ страшно. И если ваше сердце не тверже моего, что съ нами будетъ, если онъ найдетъ насъ здѣсь!

— Не бойтесь ничего. Если онъ придетъ, я постою за себя и за васъ.

— Вы не знаете, какъ ужасенъ его гнѣвъ! Теперь я раскаиваюсь въ томъ, что сдѣлала, и мнѣ кажется, что ваше пребываніе здѣсь не успокоиваетъ, а пугаетъ меня. Я никогда себя не прошу, если за меня васъ постигнетъ какое-нибудь несчастье. Еще есть время: уйдемте, пока онъ еще наверху.

— Я не уйду до-тѣхъ-поръ, пока не узнаю, что вы мнѣ хотѣли сказать.

— Да, вы смѣлы, возразила Лаура, гордо поднимая голову:—ваши глаза сверкаютъ, голосъ вашъ рвѣтителенъ, осанка ваша горда, и я уврениа, что сердце у васъ не дрожитъ.

— Въ последнемъ вы ошибаетесь, отвѣчалъ Анри. По невольному увлеченію, схватилъ онъ руку молодой дѣвушки и прижалъ къ сердцу.

Лаура отняла руку, слегка покрасѣла и; потупивъ глаза, нѣсколько минутъ стояла противъ Лобпена, который смотрѣлъ на нее съ нѣмымъ восторгомъ.

— Страхъ мой былъ неоснователенъ, начала она немного дрожащимъ голосомъ:—онъ не подозреваетъ, что я здѣсь, и намъ нѣчего опасаться его прихода.

— Но гдѣ же мы? спросилъ графъ.

— У одной очень-бѣдной, очень-трудолюбивой и очень-честной женщины; которая любитъ меня. Когда она уходитъ изъ дому, ключъ отъ ея комнаты остается у меня, чтобъ въ случаѣ надобности я могла имѣть убежище.

— Вотъ какова ваша жизнь, бѣдная Лаура! Работа свыше силъ, горестъ при видѣ больной матери и наконецъ—ужасъ, внушаемый этимъ ненавистнымъ человекомъ!

— Не будемъ говорить о немъ, произнесла молодая дѣвушка робко, понижая голосъ:—одно имя его дѣлаетъ меня больною.

— Правда. Не будемъ говорить о немъ, поговоримъ о васъ.

— Обо мнѣ? Тутъ начево нѣтъ занимательнаго, а я имѣю сказать вамъ много важнаго.

— Говорите, кузина, сказала Лобпенъ съ веселой улыбкой.

Лаура съ дѣтскимъ самодовольствіемъ улыбнулась въ свою очередь.

— Хорошо, сказала она: — вы не гордецъ; это мнѣ нравится. Я было-раскаивалась уже, что назвала васъ своимъ братомъ; я боялась, не оскорбить ли это васъ, а вотъ вы отвѣчаете мнѣ тѣмъ же. Это очень-хорошо. Значитъ, я васъ не оскорбила?

— Вы? меня оскорбили? Возможно ли!

— И удивительно, что, назвавъ меня кузиной, вы коснулись этимъ словомъ именно того предмета, о которомъ я хотѣла поговорить съ вами! Выслушайте же меня, и если въ словахъ моихъ вы найдете что-нибудь дурное, простите. Можетъ-быть, непріятно, чтобъ дѣвушка моихъ лѣтъ говорила такъ свободно съ молодымъ человекомъ; но дѣло касается моей матушки, моей бѣдной, больной, несчастной матушки, и мнѣ кажется, что такой священный предметъ оправдываетъ смѣлость моего поведенія.

— Я слушаю васъ съ такимъ почтеніемъ, съ какимъ слушаю бы королеву.

— Вотъ еще слово, которое мнѣ нравится. Королева! Знайте: я очень горда и люблю, чтобъ меня сравнивали съ королевой.

— Я долженъ бы сказать: съ ангеломъ.

— Нѣтъ! Ангелы видятъ Бога. Я не скажу, чтобъ въ душѣ моей я тоже не видѣла иногда Бога... Но дѣло не объ этомъ. О чемъ мы говорили?

— Вы хотѣли что-то спросить у меня, отвѣчалъ Лобпенъ, пораженный необыкновеннымъ одушевленіемъ, на минуту блеснувшимъ во взоръ молодой дѣвушки.

Лаура нѣсколько разъ провела рукою по лбу.

— Когда я начинаю думать объ ангелахъ, сказала она въ полголоса: — голова моя горитъ... Въ церкви это бываетъ со мною всегда; но сегодня я не хочу предаться своимъ прежнимъ мыслямъ, и вы увидите, что, въ случаѣ нужды, я умѣю быть очень-разсудительной.

Молодая дѣвушка остановилась, какъ-бы желая дать вѣснѣ успокоиться невольному увлеченію своихъ религіозныхъ мыслей.

— Вы женитесь на моей кузинѣ Фелиситѣ, начала она послѣ минутнаго молчанія спокойнымъ и серьезнымъ тономъ. — Имѣею этого брака умоляю васъ: будьте благосклонны къ моей матери. Жизнь ея—адъ, и вы одни можете облегчить ее. Моя кузина, или, лучше сказать, жена ваша...

— Но она еще не жена моя, прервалъ графъ, непріятно пораженный, что это титулъ, хотя и по ошибкѣ, приписывали мадамъ Фелиситѣ Фальконѣ.

— Позвольте мнѣ говорить—ваша жена; это тронетъ васъ больше, чѣмъ слово—кузина. У вашей жены въ Лоррени, близъ заводовъ моего дяди, есть небольшой домикъ, въ которомъ мы жили съ батюшкой... Бѣдный батюшка!

Два слезы показались на рѣсницахъ Лауры. Она вынула изъ-подъ корсажа медальйонъ и поцаловала его.

— Этотъ медальйонъ былъ у васъ вчера? спросилъ Лобпенъ съ внезапнымъ волненіемъ.

— Я никогда не расстаюсь съ нимъ.

— И... это подарокъ вашего отца? прибавилъ онъ, заинтересовавшись.

— Это его портретъ. Я не показываю его никому, даже матушкѣ: она очень плачетъ, когда посмотритъ на него! но вамъ я покажу его, потому-что считаю васъ достойнымъ этого.

Она показала медальйонъ Лобпену. Графъ съ минуту смотрѣлъ на него и ничего не видѣлъ.

— Прелестное дитя! говорилъ онъ самъ себѣ въ пѣмомъ восторгѣ, — Еслибъ я смѣлъ, бросился бы къ ногамъ ея молить о прощеніи... Принять портретъ отца за залогъ любви!..

— Онъ былъ хорошъ собою, сказала Лаура задумчиво:—но кто зналъ его, тотъ думалъ только о добротѣ его сердца.

— На этомъ портретѣ вашего отца, произнесъ торжественно Лобпенъ:—клянусь вамъ въ вѣчной преданности. Испытайте меня.

— Вы благородный человекъ! вскричала молодая дѣвушка, схвативъ его за руку. Это былъ одинъ изъ тѣхъ пылкихъ жестовъ, которые составляли у нея какъ-бы естественное дополненіе словъ; но почти въ ту же минуту блескъ этого луча угасъ, и черты лица обнаружили новый ужасъ.

— Чтѣ съ вами? спросилъ Анрі, не выпуская руки Лауры.

— Молчите... Это онъ! отвѣчала она шопотомъ.

Шумъ мужскихъ шаговъ послышался наверху лѣстницы. Онъ приближался и дѣлался лѣственнѣй.

— Какъ вы узнали, что это онъ? спросилъ въ-полголоса Лобпенъ.

Вмѣсто отвѣта, Лаура закрыла ему ротъ другою рукой, оставшеюся на свободѣ.

Въ эту минуту, когда человекъ, сошедшій съ веру, проходилъ мимо дверей, Лаура почти безъ дыханія, по какому-то инстинктивному чувству, невольно прижалась къ Анрі и сильно сжала ему руку.

— Онъ ушелъ, сказала она наконецъ и вздохнула свободно, когда шаги затихли: — пойдите къ матушкѣ.

Она отворила немного дверь, и почти тотчасъ же затворила ее опять.

— Подождемъ съ минуту, произнесла она: — онъ можетъ воротиться.

Лобпенъ подвинулъ стулъ и просилъ молодую дѣвушку сѣсть. Она едва держалась на ногахъ.

— Всѣ эти ощущенія потрясаютъ васъ слишкомъ-глубоко, сказалъ онъ вѣжно: — думайте о чемъ-нибудь другомъ. Вы мнѣ говорили о небольшомъ домикѣ въ Лоррени, гдѣ вы когда-то жили съ вашимъ батюшкой.

— Этотъ домъ, составлявшій прежде часть имѣнiя моей тетки, принадлежитъ теперь моей кузинѣ, отвѣчала Лаура, стараясь успокоиться. Три-четыре комнаты, небольшой садикъ—вотъ все. Но въ моемъ счастливомъ дѣтствѣ это былъ рай! Туда-то желала бы я вновь переселить мою бѣдную мать, чтобъ она могла мирно окончить послѣднiе дни свои. Кузина моя такъ богата! Этотъ маленькiй домикъ ничего для нея не значитъ; а для насъ онъ былъ бы надежнымъ убѣжищемъ... Мы столько страдали, что, мнѣ кажется, имѣемъ на него нѣкоторое право.

— Такъ вотъ чего вы хотѣли у меня просить, сказалъ съ особеннымъ волненiемъ Лобпенъ: — пристанища!

— Я знаю, что кузина ничѣмъ намъ не обязана; но невозможно, чтобъ она вовсе забыла наше дѣтство.

— Вы, однакожъ, моложе ея.

— Она старѣе меня четырьмя годами, и, конечно, поэтому хотѣла всегда повелѣвать мною. Она мнѣ казалась тогда очень-злою.

— А, она вамъ казалась злою! отвѣчалъ Анри, вспомнивъ нескромные рассказы Ренѣ.

— Но я столько же была виновата, какъ и она. Я была такъ горда, что не хотѣла никому повиноваться; Фелиситѣ хотѣла всегда мною командовать, и ссоры наши были безконечны. Но теперь она, конечно, забыла всѣ эти мелкiя ссоры, и помнить только тѣ прiятныя минуты, когда мы бывали друзьями. Впрочемъ, пусть она не думаетъ, что мы будемъ ей въ тягость. Мы бѣдны, это правда, и матушка не въ состоянiи работать. Но я еще молода, здорова; я бы предалась труду съ жаромъ, еслибъ была одна съ матушкой въ этой бѣдной хижинѣ.

Лаура вдругъ остановилась и стала прислушиваться.

— Вотъ онъ возвращается, произнесла она блѣднѣя:—онъ взбѣшенъ; я узнаю это по его походкѣ.

Знакомый шумъ шаговъ послышался на лѣстницѣ. Минуту спустя, Жоржъ Брюссель, съ лицомъ, измѣнившимся отъ сдерживаемой ярости, вошелъ въ комнату, гдѣ жена его все-еще лежала безъ памяти.

XV.

ПЕРЕБРАНКИ.

Вошедъ къ себѣ, Бруссель сталъ искать глазами жену, безъ сомнѣнія готовая излить на нее свой гнѣвъ. Сначала, онъ ея не замѣтилъ, потому-что она упала за кресла, на которыхъ онъ привыкъ ее видѣть. Бруссель хотѣлъ уже пройти въ другую комнату, какъ вдругъ увидѣлъ жену. При взглядѣ на это неподвижное тѣло, онъ вдругъ остановился.

— Умерла! сказалъ онъ съ волненіемъ, въ которомъ проглядывало болѣе смущенія, чѣмъ сожалѣнія.

Онъ поднялъ ее своими мощными руками, отнесъ на постель, и только тогда замѣтилъ, что она просто въ обморокъ. Угрызенія совѣсти, которыя онъ невольно почувствовалъ въ первую минуту, тотчасъ уступили мѣсто досадѣ, выразившейся въ этомъ грубомъ восклицаніи:

— Ничего нѣтъ несомнѣнаго людей, которые каждую минуту умираютъ и вѣчно живы!

Вмѣсто того, чтобъ подать женѣ помощь, въ которой не отказалъ бы ей всякій посторонній человекъ, Бруссель ходилъ несколько времени по комнатѣ. Онъ похожъ былъ на возбужденнаго, который, не нашедъ жертвы, на которую рассчитывалъ, не знаетъ, куда обратить свою ярость. Вдругъ, бросивъ нечаянно взглядъ на коммодъ, онъ увидѣлъ, что одинъ изъ ящиковъ его не запертъ. Онъ подошелъ и поднялъ платье, которое мать Лауры уронила на пелъ. Оглядевъ его со всѣхъ сторонъ, онъ положилъ его въ ящикъ и заперъ.

— У насъ будетъ сейчасъ довольно-патетическая сцена, подумалъ онъ хладнокровно и принялся снова ходить.

Въ эту минуту, г-жа Бруссель глухо застонала, и, одолевъ надъ собой усміе, поднялась и сѣла на постели. Влуждающіе взоры ея, пробѣжавъ по комнатѣ, остановились на мужѣ.

— Это вѣдь не правда? не такъ ли? сказала она въ какомъ-то помѣшательствѣ:—я видѣла ужасный сонъ... Вѣдь это неправда?

— Что такое? спросилъ Бруссель, спокойно сядя на стулъ, стоявшій напротивъ кровати.

— Я считаю васъ способнымъ на все; но воровство... Это невозможно!

— Что называете вы воровствомъ? спросилъ Бруссель съ прежнимъ спокойствіемъ.

Г-жа Бруссель взглянула на коммодъ и, казалось, удивилась, что онъ запертъ.

— Да; это былъ сонъ, произнесла она тихо:—какъ ни черна душа его, онъ не способенъ на такое дѣло.

— Не заключается ли это дѣло, къ которому вы считаете меня неспособнымъ, напришвърь, въ находкѣ десяти банковыхъ билетовъ, еще вчера такъ сохранны лежавшихъ зашитыми въ одно изъ вашихъ платьевъ?

— Такъ это правда? вскричала г-жа Бруссель, бесполезно усиливаясь подняться.

— Совершенная правда. Я осмѣлился думать, что эти десять тысячъ франковъ будутъ въ такой же безопасности въ моемъ карманѣ, какъ и въ этомъ старомъ коммодѣ безъ замковъ. Постуцокъ, конечно, черный.

— Но эти деньги принадлежатъ моей дочери!

— Кто жь это отрицаетъ?

— И вы, вы смѣли ваять ихъ!

— Вироятно потому, что имѣю на то право.

— Чтѣ вы осмѣливаетесь говорить?

— Мнѣ кажется, что ваша дочь есть въ то же время моя падчерица.

— Къ-несчастію! Но какое право можете дать вамъ это невинное родство?

— Я вамъ тотчасъ поясню, если вы захотите сдѣлать мнѣ удовольствіе — слушать терпѣливо.

Пораженная хладнокровіемъ своего мужа, госпожа Бруссель замолчала.

— Вышедъ во второй разъ замужъ, вы потеряли право опеки надъ своею дочерью. Съ другой стороны, господинъ Фальконэ, назначенный отъ семейнаго совѣта опекуномъ на ваше мѣсто, ни разу не подумалъ объ исполненіи своихъ обязанностей. И такъ, остался только я, и мнѣ принадлежитъ право заботиться о выгодахъ вашей дочери. Десять тысячъ франковъ, конечно, не Богъ-знаетъ чтѣ, но мнѣ кажется, что и эту бездѣлицу можно употребить лучше, чѣмъ зашивать ее въ подкладку стараго платья. Съ вашего позволенія, я позабочусь найти этимъ деньгамъ лучшее мѣсто.

— Вы промотаете ихъ такъ же, какъ промотали мое имѣніе.

— Вы упрекаете меня въ своихъ несчастіяхъ? Это не совсемъ великодушно, сказалъ Бруссель съ притворной улыбкой.—Если я желалъ богатства, то желалъ его больше для васъ, чѣмъ для себя.

— Для меня! когда я двадцать разъ у ногъ вашихъ просила бросить разныя безразсудныя предпріятія.

— Да, для васъ, чтѣ бы вы ни говорили теперь, обвиняя меня

въ неудачахъ, которыя разрушили самыя лучшіе мои планы; вы утверждаете, что я честолюбивъ; можетъ-быть. Но поговоримъ немного и о вашемъ тщеславіи, о вашей любви къ роскоши, къ нарядамъ.

— Къ роскоши, къ нарядамъ? повторила госпожа Бруссель, съ грустной улыбкой посматривая на убранство комнаты и на свое платье.

— Я говорю о первомъ времени нашего брака, о началѣ нашего житья въ Парижѣ. Вмѣсто того, чтобъ проповѣдовать мнѣ благоразуміе и умѣренность, какъ дѣлали вы это послѣ, когда уже было поздно, не вы ли первая ободряли меня въ томъ, что называете теперь безразсудными предпріятіями?

— Никогда. Я всегда страдала отъ вашихъ льстивыхъ надеждъ и впередъ оплакивала ихъ гибельныя послѣдствія.

— Пусть такъ, сказалъ Жоржъ Бруссель тономъ насмѣшки: — вы вздыхали и плакали; я съ этимъ согласенъ: известно, что у васъ чрезвычайно-вздыхающая натура и слезъ вдоволь; но, продолжая вздыхать и плакать, мнѣ помнится, вы тѣмъ не менѣе охотно принимали подарки, которые я, какъ примѣрный мужъ, имѣлъ счастье предлагать вамъ. Такъ, напримѣръ, я очень помню, что однажды, когда я купилъ вамъ изумрудное ожерелье, вы, не смотря на свои слезы и вздохи, замѣтили, что изумруды вышли изъ моды, и что всѣ ваши знакомыя носятъ брильянты. И сколько проливали вы слезъ, сколько тратили вздоховъ всякій разъ, когда вамъ приходилось надѣвать ихъ на балъ или въ театр! А этотъ купѣ, который я имѣлъ слабость купить вамъ, потому-что прежній экипажъ нашъ казался вамъ слишкомъ неприличнымъ, мало ли обливали вы его слезами, оглушали вздохами, когда онъ возилъ васъ въ Булонскій-Лѣсъ? Между-тѣмъ, я осужденъ былъ на работу каторжника, чтобъ только кое-какъ поддерживать шаткое зданіе нашего благосостоянія, которое съ каждымъ днемъ колебалось болѣе и болѣе отъ излишней любви вашей къ роскоши и мотовству. Вы соперничали ими съ вашими друзьями! Отличные друзья! они не узнаютъ васъ нынче и топчутъ васъ въ грязь своими каретами!

Эти упреки, хотя преувеличенные и отчасти-несправедливые, въ сущности заключали въ себя истину, которой госпожа Бруссель не могла не признать. Въ-особенности, намекъ на забвеніе старыхъ друзей, покинувшихъ ее при первомъ приближеніи горя, произвелъ на нее столь тяжелое впечатлѣніе, что невольный вздохъ вырвался изъ ея груди.

— Правда, сказала она, печально опустивъ голову: — съ-такъ-поръ, какъ мы сдѣлались бѣдны, никто не навѣстилъ меня, никто!

— Я прометалъ ваше имѣніе! продолжалъ Бруссель тѣмъ же тономъ. — Это ложь, сказалъ бы я вамъ, еслибы вы были мужчина. Имущества вашего не ставало на удовлетвореніе вашихъ прихотей, и я старался увеличить его. Это была игра, подверженная, какъ и всѣ игры, самымъ противоположнымъ шансамъ: съ одной стороны — богатство, съ другой — разореніе. Мы могли выиграть, но мы проиграли. Вы, болѣе чѣмъ я, воспользовались бы плодами выигрыша: такъ умѣйте жь теперь, подобно мнѣ, сносить слѣдствія потери.

— Когда же жаловалась я на нашу нищету? спросила бѣдная женщина, которая отъ роли обвинительницы вдругъ низошла къ роли обвиненной.

— Я прометалъ ваше имѣніе, говорите вы? Знаете ли, что неблагоразумно напоминать мнѣ непрерывно о вашемъ имѣніи, и что это открываетъ мнѣ обширное поле обвинять васъ очень-справедливо? Развѣ нашъ бракъ былъ въ-самомъ-дѣлѣ такъ неравенъ, какъ вамъ угодно это утверждать? Этотъ вопросъ не худо бы рассмотреть. Когда я женился на васъ, вы, конечно, были богаче меня; но не-уже-ли вы ни за что считаете мои дарованія, твердость моего характера, — преимущества, которыя пережили единственное ваше достоинство, т. е. небольшую сумму?

Госпожа Бруссель подняла къ небу глаза, наполненные слезами.

— Я прометалъ ваше имѣніе! Но не-уже-ли вы думаете, что жизни бѣдетвія тяжеле моихъ? Вы все толкуете о своихъ слезахъ, о своихъ вздохахъ. Я не плачу и не вздыхаю. Но знаете ли вы, что я часто, можетъ-быть, гораздо-чаще чѣмъ вы, проклиналъ день нашего брака? Въ-продолженіе семи лѣтъ, съ-тѣхъ-поръ, какъ я влачу плачевные оковы, я не одинъ разъ помышлялъ разбить ихъ!

— О, ради Бога, разбейте! Для меня онъ столько же тяжелы, и я не имѣю силы носить ихъ.

— Вамъ очень бы хотѣлось, чтобъ я поймалъ васъ на словѣ, отвѣчалъ Бруссель съ презрительнымъ смѣхомъ: — какой прекрасный случай выставить себя жертвой, а меня палачомъ! Благодаря вамъ, мы давно уже разыгрываемъ эти роли для забавы любопытныхъ!

— Никогда ни одной жалобы не слышалъ отъ меня посторонній, сказала мать Лауры съ чувствомъ благородства: — но и у стѣнъ есть уши. Теперь, какъ и всегда, вы говорите такъ, что живущіе въ домѣ не могутъ не слышать васъ.

— Пусть слушаютъ! вскричалъ Бруссель, гнѣвно возвышая голосъ. — Не думаете ли вы, что это дурачье помѣшаетъ мнѣ говорить вамъ то, что я думаю? Палачъ и жертва! Да, я знаю, такъ говорить здѣсь въ домѣ и даже во всемъ кварталѣ; мы приобретаемъ

известность, и скоро все, что на происходит у насъ, будетъ имѣть честь дѣлаться всенароднымъ. Это должно вамъ нравиться; вы играете прекрасную роль. Жертва! это придаетъ женщинѣ интересъ!..

Госпожа Бруссель ничего не отвѣчала на этотъ сарказмъ. Голова ея снова упала на подушки.

— Что до меня, продолжалъ Жоржъ: — то я, безъ сомнѣнія, изблженъ въ грубости, безчеловѣчии, жестокости, лютой, словомъ, во всѣхъ достоинствахъ, которыми обыкновенно бывають одарены тираны. Когда я выхожу изъ дома, дѣти красильщика жмутся одинъ къ другому, какъ-будто они видятъ Синюю-Бороду; богомольная лавошница крестится, а продавецъ вина, у котораго убѣжала жена, закрываетъ лицо свое передникомъ! Не правда ли, это такъ же занимательно, какъ пьеса, разыгрываемая Арналемъ?

Мать Лауры отвѣчала глубокимъ выдохомъ на сардоническій смѣхъ, которымъ мужъ ея сопровождалъ послѣднiя слова свои.

— Вамъ пятьдесятъ лѣтъ, продолжалъ онъ: — вы не бережете себя, вы блѣды, худы, здоровье ваше разстроено, физиономiя жалостна — и вотъ вы жертва! Я молеже васъ десятью годами, здоровъ какъ-нельзя-лучше, говорю громко, у меня черная борода, плечи, которыя подымутъ лошадь, и кулаки, которыми можно убить ее съ-разу: я палачъ... Чортъ возьми! что жъ отвѣчать на такое основательное сужденiе!

— Жоржъ, принесла г-жа Бруссель слабымъ голосомъ: — жалитесь надо мною: я больна.

— Когда вы бываете здоровы! отвѣчалъ онъ съ движенiемъ нетерпѣнiя.

— Никогда я не чувствовала того, что теперь. У меня ходитъ по всему тѣлу; я не могу сдѣлать ни малѣйшаго движенiя. Голосъ вашъ раздается въ моемъ сердцѣ, и мнѣ кажется, что оно разрывается на части.

Не смотря на грубость своего характера, увеличенную тысяцью мелкихъ раздоровъ неровнаго брака, Бруссель безъ некотораго смущенiя не могъ видѣть положенiя, въ которомъ находится его жена.

— Я не буду больше говорить, сказалъ онъ ей смягченнымъ тономъ. — Въ-самомъ-дѣлѣ, вы, кажется, больны. Не нужно ли вамъ чего-нибудь? Не сходить ли за медикомъ?

— За медикомъ? Дá, это было бы хорошо, еслибъ у насъ были деньги.

— Столько-то денегъ у насъ есть, чтобъ вы не были лишены помощи, какую требуетъ ваше положенiе.

— Деньги!... Такъ у насъ остались еще деньги? Ахъ, да! ска-

зада г-жа Бруссель, пораженная мыслию, которая въ-продолженіе этой сцены совсѣмъ было-вышла у нея изъ головы:—деньги моей дочери!... Я знаю, что мнѣ надо было о чемъ-то спросить у васъ.

— Успокойтесь. Я пойду къ медику, который живетъ на углу Жюссенской-Улицы; это два шага. Въ четверть часа, я ворочусь съ нимъ вмѣстѣ.

— Мнѣ не нужно медика; отдайте мнѣ деньги Лауры. Еслибъ эти деньги были мои, вы давно бы ихъ получили вмѣстѣ съ остальными; но онѣ не мои: онѣ принадлежатъ моей дочери. Эти десять тысячъ франковъ — все, что оставилъ ей отецъ. Это залогъ священный.

— Для женщины существуютъ болѣе-священные обязанности, чѣмъ сохраненіе залога: это—не допустить умереть съ голоду мужа и дочь. А подобное обстоятельство случилось бы скоро, еслибъ вчера, въ то время, какъ васъ не было дома, я, перерывая старое платье, и ища, что бы заложить въ банкъ и взять деньжонокъ за умеренные проценты, не нашелъ этихъ десяти тысячъ франковъ.

— Именемъ неба прошу васъ, возвратите ихъ мнѣ. Я согласна, что виновата во всѣхъ нашихъ несчастіяхъ, что не имѣю права сдѣлать вамъ ни одного упрека; что я одна всему причиной,—только отдайте мнѣ эти деньги! Онѣ не мои и не ваши: онѣ моей дочери.

— Я отдамъ ей въ нихъ отчетъ, клянусь вамъ.

— И не сомнѣваюсь; но вы не выдержите: чтобъ возстановить наше состояніе, вы пуститесь вновь на предпріятія, и эта ничтожная сумма, которая, по-крайней-мѣрѣ, дала бы, послѣ моей смерти, кусокъ хлѣба Лаурѣ, исчезнетъ въ той же безднѣ, гдѣ исчезло и все остальное.

— Пожалуй, я готовъ исполнить ваше желаніе, отвѣчалъ Бруссель, притворяясь, будто уступаетъ просьбѣ своей жены.

— За это одно я прощаю вамъ все зло, которое сдѣлали вы мнѣ, произнесла г-жа Бруссель, протягивая къ мужу свою изсохшую руку.

— Поговоримъ о другомъ. Я не дошелъ до Сомонскаго-Пассажа, потому-что недалеко отъ дома встрѣтилъ г-жу Мессонье. Какъ я и подозревалъ, исторія, которую сплела намъ Лаура, ложь. Она вышла изъ магазина раньше одиннадцати часовъ. Что жъ она дѣлала съ того времени почти до двухъ часовъ утра?

— Она хотѣла лишить себя жизни, произнесла г-жа Бруссель, устремивъ на мужа взоръ, въ которомъ сосредоточилась вся горестъ, какую только можетъ чувствовать мать.

— Лишить себя жизни! вскричалъ вотчимъ Лауры, на этотъ разъ дѣйствительно тронутый.

— Жоржъ! въ глазахъ у меня темнѣетъ; я едва могу слышать тебя; я чувствую, что должна умереть. Выслушай мои послѣднія слова: подави эту ужасную страсть, которая надѣлала намъ весь столько зла. Развѣ не довольно сдѣлалъ ты се несчастною? Пощади ее! Я надѣюсь, что, по смерти моей, племянница не откажется взять къ себѣ эту бѣдную сироту. Поклянись мнѣ, что ты не будешь стараться видѣть ее. Поклянись мнѣ, Жоржъ. Этими однимъ ты можешь заслужить мое прошеніе.

— Лишить себя жизни! повторялъ Бруссель, видя себя. — Гдѣ же она теперь, великій Боже!

И, не слушая словъ своей жены, которая начинала бороться съ первыми муками смерти, онъ бросился вопъ изъ комнаты.

XVI.

СМЕРТНЫЙ ОДРЪ.

По уходѣ мужа, г-жа Бруссель была нѣкоторое время погружена въ какое-то забвеніе; она ничего не чувствовала, не думала, не страдала. Распростертая на постели, съ закрытыми глазами, со сложенными руками, она, казалось, начинала уже чувствовать смерть, и быстрое измѣненіе лица доказывало, что отъ начала испытанія до конца не болѣе, какъ шагъ.

Однакожь, черезъ минуту, жизнь вспыхнула въ ней еще разъ на мгновеніе, и несчастная женщина приподнялась и сѣла на кровати. Она открыла глаза и медленно повела ими вокругъ. Угасшіе, неподвижные взоры ея оживлялись мало-по-малу, по-мѣръ-того, какъ разсѣвался мракъ, которымъ вѣчная ночь начинала уже затмѣвать ея разсудокъ. Чувство возвратилось къ ней снова, а съ нимъ и память, то-есть, страданіе.

— Онъ ушелъ, произнесла она съ невыразимою горестью:— онъ не можетъ не видѣть, что я умираю, и онъ меня бросилъ! Онъ думаетъ только о ней! Какъ вскрикнулъ онъ, когда я сказала, что она хотѣла лишить себѣ жизни!.. О, Боже! не допусти, чтобъ въ минуту, когда я готовлюсь предстать предъ Тобою, я остановилась на мысли, которая терзаетъ меня уже два года... Ревность къ дочери!..

Дверь отворилась. Лаура вошла въ комнату и бросилась къ матери.

— Чтò съ вами? сказала она испуганнымъ голосомъ. — Зачѣмъ вы легли въ постель? Развѣ вамъ хуже?

— Это пройдетъ, отвѣчала г-жа Бруссель, усиливаясь казаться спокойною.

— Съ-тѣхъ-поръ, какъ я васъ оставила, лицо ваше страшно измѣнилось. Вы никогда не хотите мнѣ признаться, что больны, изъ опасенія огорчить меня; я вижу, вы страдаете ужасно.

— Это скоро пройдетъ; не безпокойся, дитя мое. Мнѣ не хуже, чѣмъ было поутру.

— Господинъ де-Лобпенъ! сказала Лаура, быстро обращаясь къ двери.

Анрі, оставшійся въ корридоръ, вошелъ. Съ перваго взгляда, онъ увидѣлъ, что г-жъ Бруссель остается жить только нѣсколько минутъ.

— Господинъ де-Лобпенъ, повторила молодая дѣвушка съ видомъ отчаянія: — взгляните на матушку. Не находите ли вы, что она очень измѣнилась?

— Въ-самомъ-дѣлѣ, сударыня: кажется, вы страдаете больше прежняго, сказалъ молодой графъ, приближаясь къ постели съ видомъ глубокаго состраданія.

— О, Боже! что жъ намъ дѣлать? вскричала Лаура, которая, по физиономіи Лобпена, замѣтила, что опасность сдѣлалась гораздо-больше, чѣмъ сколько она предполагала.

— Гдѣ живетъ вашъ медикъ? спросилъ Анрі.

— Дá, медика! ради-Бога, медика!

— Лаура! провзнесла г-жа Бруссель слабымъ голосомъ:—принеси изъ твоей комнаты пузырекъ со спиртомъ, который въ ящикѣ, въ рабочемъ столѣ.

Въ то время, какъ дочь бросилась исполнить приказаніе ея, умирающая наклонилась къ Лобпену, взяла его за руку и сказала шопотомъ:

— Не нужно медика, это бесполезно. Черезъ четверть часа я умру... Я была слишкомъ-несчастлива, и Богъ помилуеъ меня. Но... карету!

— Карету? повторилъ Анрі.

— Дá, карету къ подъезду... Вы повинаете... чтобъ увезти мою дочь, когда все кончится. Я вамъ поясню это, когда вы воротитесь; но поспѣшите; смерть не ждетъ. Ради Бога, карету!

— Сейчасъ, отвѣчалъ Лобпенъ съ волненіемъ, которое не могъ преодолѣть.

— Куда вы? спросила его Лаура, возвращаясь съ пузырькомъ.

— За медикомъ.

— Спѣшите, ради Бога, и да наградить васъ Господь!

Лобпенъ поспѣшно вышелъ.

Молодая дѣвушка откупорила пузырекъ и дала понюхать его матери, которая на минуту, казалось, оживилась.

— Не плачь, дитя мое, произнесла г-жа Бруссель съ нѣжностью, которую и ледяное прикосновеніе смерти не можетъ охладить въ сердцѣ матери.

— Я не плачу, отвѣчала Лаура, поспѣшно отирая глаза.

— Онъ видѣлъ тебя? спросила умирающая; говоря съ дочерью о своемъ мужѣ, она никогда не называла его по имени; ния было бесполезно: о какомъ другомъ мужчинѣ могли онъ говорить между собою?

— Я была въ комнатѣ Маргериты, а вы знаете, онъ и не подозреваетъ, что ключъ у меня.

— Онъ ушелъ?

— Ушелъ. Я слышала, какъ онъ пробѣжалъ по лѣстницѣ. Онъ куда-то спѣшилъ.

— Боюсь, не воротился бы онъ, сказала г-жа Бруссель, глядя на дверь.

— Не бойтесь. Я знаю, куда онъ пошелъ.

— Куда?

— Въ церковь Сент-Этацъ, безъ сомнѣнія. Съ тѣхъ-поръ, какъ онъ узналъ, что я хожу по воскресеньямъ въ эту церковь, онъ тоже началъ посѣщать ее. Нѣсколько разъ уже я видѣла, какъ онъ прятался за колонной.

— Онъ подсматриваетъ за тобой, сказала мать Лауры съ бодренной усмѣшкой.

— Подсматриваетъ! зачѣмъ же?

— Можетъ-быть, онъ думаетъ, что ты назначила кому-нибудь свиданіе въ церкви.

— Свиданіе въ церкви! отвѣчала молодая дѣвушка съ простодушнымъ удивленіемъ.

— Пусть онъ проходитъ только часъ; этого времени достаточно.

Г-жа Бруссель, употреблявшая нечеловѣческія усилія, чтобъ противиться страданію, которое мало-по-малу истощало ее силы, вдругъ ослабѣла, и послѣ тщетнаго усилія держаться, упала на подушки.

— Матушка! вскричала дѣвушка, обнявъ ее руками.

— Прощай, милая моя Лаура! шептала бѣдная женщина, думая, что конецъ ея насталъ.

— Прощай!.. Какое слово!.. Вы хотите видѣть меня мертвою у вашихъ ногъ?

— Не ты, а я должна умереть, моя бѣдная Лаура. Я это чувствую. Лишь бы это только не случилось до прихода господина Лоббена!

Лаура смотрѣла на нее неподвижно.

— Какъ стало холодно! произнесла госпожа Бруссель, дрожа всѣмъ тѣломъ. А кажется, теперь лѣто.

Молодая дѣвушка схватила руку своей матери: рука была какъ ледъ.

— Помогите! вскричала она, бросясь въ помѣшательствѣ къ дверямъ: — помогите! Матушка умираетъ!

— При входѣ въ корридоръ, она наткнулась на Лобнена.

— Гдѣ же докторъ? спросила Лаура отрывисто.

— Онъ сейчасъ будетъ, отвѣчалъ Анри, и повелъ ее къ постели умирающей.

— Наконецъ вы здѣсь! сказала госпожа Бруссель: — я боялась, чтобъ вы не опоздали.

— Гдѣ же докторъ? повторила Лаура: — не вы ли сказали, что онъ сейчасъ будетъ?

— Безполезно обманывать тебя болѣе, начала умирающая. — Намъ надо разстаться, мое бѣдное дитя. Минута, которой я страшилась за тебя, приблизилась: скоро ты будешь одна въ этомъ мірѣ.

Лаура, рыдая, бросилась въ объятія матери.

— О, да! останься здѣсь, шептала госпожа Бруссель, голосомъ болѣе и болѣе измѣняющимся: — умереть въ твоихъ рукахъ было мнѣ давнишнѣ желаніемъ! Да будетъ благословенъ Богъ, который исполнилъ его!

И умирающая прижимала дочь къ своему сердцу; но сердце Лауры замерло. Истощенная этимъ послѣднимъ усиліемъ, госпожа Бруссель опустила руки, и Лаура, въ безсознательствѣ, упала на полъ. Лобненъ, встревоженный, наклонился, чтобъ поднять ее.

— Оставьте ее, сказала умирающая съ улыбкой, раздирающей сердце: — Богъ сжалялся надъ нею и избавилъ ее отъ скорби — видѣть какъ я умираю.

Графъ, съ видомъ чловѣка глубоко-растроганнаго, смотрѣлъ попеременно то на одну, то на другую изъ этихъ несчастныхъ; младшая, казалось, предупредила старшую.

— Господинъ де-Лобненъ, начала мать Лауры, собравъ послѣднія силы: — наклонитесь: голосъ мнѣ измѣняется. Я спрятала въ этомъ комодѣ десять тысячъ франковъ, принадлежащихъ Лаурѣ. Я хотѣла ввѣрить вамъ эти деньги, и вы помѣстили бы дочь мою въ монастырь, въ пансіонъ, куда-нибудь, еслибы ея кузина отказалась принять ее къ себѣ. Но эти деньги украдены, и дочь моя остается ни съ чѣмъ. Что будетъ съ нею, великій Воже!

— Успокойтесь, сударыня, отвѣчалъ Анри, съ вѣжностью пожимая руку умирающей. — Нужды нѣтъ, что деньги пропали. Ваша послѣдняя воля священна для меня, и она будетъ испол-

непа во что бы то ни стало. Дочь ваша будетъ имѣть приста-
вище — клянусь вамъ памятью моего отца!

Госпожа Бруссель подняла на Лобпена взоръ, потемненный
смертной агоніей.

— Вы спасли ей жизнь; теперь вы спасете честь ея, произнесла
она съ выраженіемъ неизъяснимой благодарности: — да наградитъ
васъ за это благодѣяніе Богъ, предъ лицо котораго я сейчасъ
предстану.

— У дочери вашей есть братъ, отвѣчалъ Анрі, съ нѣжностью
простирая, въ знакъ своего покровительства, руку надъ головою
Лауры.

— Вы очень молоды! Обязанность, которую я возложила на
честь вашу, опасна.

— Лаура сестра моя, говорю я вамъ. Будьте покойны: вы
вѣрили ее честному человѣку.

Въ лицѣ и движеніяхъ молодаго графа проглядывало выраженіе
такого благородства, преданности и прямоты, что умирающая
не могла не убѣдиться въ истинѣ словъ его.

— Я вѣрю вамъ, сказала она:— и благословляю васъ, какъ бла-
гословила бы своего сына.

Лобпентъ наклонился благоговѣнно.

— Карета здѣсь? спросила мать Лауры, послѣ минутнаго мол-
чанія.

— Я оставилъ ее въ нѣсколькихъ шагахъ отъ дома, чтобъ не
возбудить подозрѣнія.

— Хорошо. Въ этомъ столѣ должны быть ножницы. Дайте
мнѣ ихъ.

Анрі исполнилъ приказаніе, которое показалось ему прихотью
умирающей.

Госпожа Бруссель взяла ножницы, дрожащею рукою поднесла
ихъ къ своимъ волосамъ, и кое-какъ отрезала локоны, который
подала Лобпену.

— Отдайте это моей дочери, сказала она:— эти волосы и портретъ
отца — вотъ все ея наслѣдство. Бѣдное дитя!

И она впала въ задумчивость.

— Я не думала, чтобъ было такъ трудно умереть, произнесла
она послѣ минутнаго молчанія.— Къ-счастью, обморокъ Лауры про-
должительенъ; и я надѣюсь, что когда она прійдетъ въ себя, все
будетъ кончено. Какъ только я умру, увезите ее. Но куда вы
намѣрены отвезти ее?

— Къ моей матери.

— Вы облегчаете смерть мою этимъ извѣстіемъ, котораго я не
смѣла надѣяться. Да, къ вашей матери... Теперь я спокойна...

Какъ только я умру, вы увезете ее. Не бойтесь оставить меня одну: мертвымъ нечего опасаться.

— Не имѣете ли вы еще чего приказать мнѣ? спросилъ Лобпенъ, котораго глаза были омочены слезами.

— Предупредите моего брата и скажите, что, умирая, я простила ему. Если когда-нибудь встрѣтите моего мужа, продолжала она съ увеличивающимся волненіемъ: — скажите и ему... да, скажите ему, что, умирая, я простила его...

Смертвныя муки увеличивались быстро; холодный потъ выступилъ на вискахъ умирающей, и въ теченіи нѣсколькихъ минутъ она, казалось, лишена была употребленія языка.

— Дочь моя!.. провзнесла она вдругъ: — поднимите ее; пусть я увижу ее въ послѣдній разъ... Скорѣе, скорѣе!... Сердце мое горитъ... Смерть...

Анрі взявъ на руки Лауру, лишенную чувствъ, и, поднявъ ее, показалъ матери.

— Гдѣ она? спросила госпожа Бруссель. — Я не вижу ея.

Лобпенъ взявъ руки умирающей и положилъ ихъ на голову Лауры. Госпожа Бруссель слабо пожала ее, и хотѣла приблизить къ себѣ, чтобъ напечатлѣть послѣдній поцалуй, но смерть не допустила...

— Я задыхаюсь! вскричала она голосомъ, который заставилъ задрожать Лобпена.

Артерія, на которой была аневризма, лопнула. Госпожа Бруссель, чувствуя, что ее душитъ, схватилась за шею и согнулась въ судорогахъ. Черезъ нѣсколько секундъ, ея уже не было.

Анрі нѣсколько минутъ безмысленно смотрѣлъ на это тѣло, которое было уже трупомъ. Онъ поднесъ къ устамъ страдальцы зеркало; ни малѣйшаго дыханія не отразилось на немъ.

— Умерла! сказалъ онъ, закрывая ей глаза съ благочестивымъ чувствомъ.

Минуту спустя, Анрі де-Лобпенъ осторожно спускался съ лѣстницы, неся въ рукахъ сироту, все еще лежавшую въ обморокъ. Дошедши до входа въ домъ, никѣмъ-незамѣченный, онъ съѣлъ знакъ кучеру фіакра, ожидавшему его въ нѣсколькихъ шагахъ. Карета подъѣхала; Лобпенъ положилъ въ нее Лауру и самъ сѣлъ насупротивъ.

— Куда прикажете? спросилъ кучеръ, запирая дверцы.

— Пшелъ вдоль бульваровъ; я скажу потомъ, куда вѣхать, отвѣчалъ Лобпенъ, который прежде, нежели на что-нибудь рѣшится, хотѣлъ нѣсколько прійти въ себя отъ ощущеній, порожденныхъ въ немъ этою печальною сценою.

Э Л Е Г И Я.

Нанъ каждый день приходится оплакать
Несбывшійся, но праведный порывъ.
Безплоденъ онъ въ грядущемъ остается,
Но чувствуешь, что, потрясенный имъ,
Становишься ты чище, благороднѣй...
О, жизнь, на что же ты? Какую жь дань
Мы приведемъ далекому потомству?
Гдѣ нашихъ рукъ дѣла? И какъ узнаютъ
Потомки имена отцовъ — не славныхъ,
Но чья душа сражалася съ судьбою,
Съ ея двумя оружьями — принайкомъ
Обѣтовъ лестныхъ, и нуждою блѣдной,
Чей духъ оернѣ въ святомъ негоднованьи
И убивать привыкъ своимъ надежды?...
Иль мы, несклонные главою падать
Предъ пошlostью лишь золотомъ могучей,
Лобзать привычную къ злодѣйству руку,
Иль мы насмѣшка демона надъ миромъ?..
Друзья мои, сдержите строгій судъ,
Не называйте робкихъ малодушьемъ
Моей души мучительную думу...
И въ пирѣ молкнетъ шутка у меня,
И кубокъ падаетъ, какъ эта дума
Внезапно сердце холодомъ охватить...
Такъ посреди безумства карнавала
Вдругъ падаютъ нестрѣющія маски,
И шарлатанъ и пестрый арлекнинъ
Исчезнутъ, какъ раздастся звонъ печальный,
И межъ толпы блѣднѣющей идуть
Суровые монахи и воютъ
Протяжнымъ голосомъ: «memento mori».

А. МАЙКОВЪ.

II.

НАУКИ И ХУДОЖЕСТВА.

КОРОНОВАНИЕ ИМПЕРАТРИЦЫ ЕКАТЕРИНЫ АЛЕКСЪЕВ- НЫ ПЕТРОМЪ-ВЕЛИКИМЪ

ВЪ 1724 ГОДУ. (*)

Въ 1724 году, зимою, Его Императорское Величество изволилъ съ своею Императорскою Высочайшею Фамиліею прійти въ Москву для коронованія любезной своей супруги, Государыни Императрицы Ека-

(*) Мы получили эту статью отъ Д. И. Языкова съ слѣдующимъ примѣчаніемъ:

• Одинъ знакомый подарилъ мнѣ рукопись, писанную скорописью въ четверку, которую, судя по почерку и содержанию, можно отнести къ временамъ Императора Петра II. Она начинается возвращеніемъ Петра-Великаго изъ Помераніи въ Петербургъ, въ исходѣ 1717, и кончается смертію Петра II, 1730 года. Окончаніе ея писано другою рукою и заключено такъ: «Конецъ дописалъ Яковъ Щепотевъ, 1757 июля 13.»

• Дѣянія Петра-Великаго, въ этой рукописи, очень-извѣстны изъ сочиненія Голикова и другихъ книгъ. О царствованіи Екатерины I сказано весьма-мало, а о Петрѣ II нѣсколько-болѣе.

• Мнѣ показались любопытными слѣдующія двѣ статьи: 1) «Коронаваніе Петромъ-Великимъ супруги своей Екатерины Алексѣевны», и 2) «Царствованіе Петра II.»

• Хотя торжество коронованія Екатерины было описано Голиковымъ въ «Дѣяніяхъ Петра Великаго» (IX, 92 и д.), но въ сокращенномъ видѣ. Моя рукопись дѣлаетъ подробное описаніе, которое замѣчательно еще потому, что изъ него можно видѣть костюмы тогдашняго времени.

Д. ЯЗЫКОВЪ (*).

• Санктпетербургъ, 28-го апрѣля 1844. »

(*) Другая рукопись, о которой упоминаетъ нашъ почтенный археологъ, — «Царствованіе Петра II» будетъ напечатана въ «Отечеств. Запискахъ» въ свое время.

Ред.

терины Алексѣевны. И того жъ года было коронаваніе сладующимъ образомъ.

Когда всѣ къ сему торжественному случаю потребныя предуготовленія къ окончанію пришли, тогда отъ Его Величества къ отправленію назначенъ былъ день 7 мая, и о томъ во всей Москвѣ, за два дни, съ обыкновенными церемоніями, съ трубачами и литаврами, публичное объявленіе учинено было.

Ради той торжественной церемоніи, въ Кремль (то-есть замокъ въ срединѣ города Москвы, въ которомъ прежніе Императоры всероссійскіе, предки нынѣ счастливо-владѣющаго Его Императорскаго Величества, обыкновенную свою резиденцію имѣли), на площади, предъ императорскими палатами, построены были два моста, шириною 15 футовъ, покрытые краснымъ сукномъ, одинъ отъ такъ-называемаго Краснаго-Крыльца (то-есть, большой лѣстницы), даже до дверей соборной церкви Успенской, а другой, отъ оной даже до церкви Михаила-Архангела.

Соборная церковь, гдѣ коронаціи церемонія отправлена быть имѣла, украшена была всякимъ дражайшимъ уборомъ, сколько по греческому закону позволяется; ибо, по греческому закону, позволено образы святыхъ шпалерами или иными украшеніями покрывать.

Между многими, въ церкви соборной висѣщими панкадилами, особливо украшено было большое, между столповъ, посреди церкви висѣщее, изъ литаго серебра сдѣланное, которое, ради чрезвычайной величины и дивной работы, весьма за надивнѣйшее во всей Европѣ почитено быть можетъ, и въ немъ поставлены золоченыя свѣчи.

Вдоль предъ алтаремъ три ступени, такожь и полъ церковный, отъ алтаря до трона и до мѣста Ея Величества Государыни Императрицы постланы были богатыми коврами золотыми.

По обѣимъ сторонамъ церкви, отъ алтаря даже до трона, внизу, на полу церковномъ, поставлены были скамьи, кармазиннымъ сукномъ обитыя, для архіереевъ и властей духовныхъ. Среди церкви, противъ алтаря, висѣлъ балдахинъ изъ кармазиннаго бархата, и на немъ, внутри, вышитъ былъ гербъ, всероссійскій орелъ, черный, у котораго на груди святой Георгій, вокругъ его кавалерія съ крестомъ святаго апостола Андрея, а по сторонамъ того герба шесть гербовъ: кіевскій, владимірскій, новгородскій, казанскій, астраханскій и сибирскій, каждый своимъ надлежащимъ колеромъ вышитъ.

Оный балдахинъ вышитъ былъ весь золотомъ высокою работою и убранъ богатою бахрамою, яблоками, кистями, шнурами золотыми, и прочее все богато зѣло убрано было, а утвержденъ былъ оный къ висѣщей цѣпи отъ свода церковнаго, позументомъ золотымъ обшито, и тремя кистями золотыми жъ украшенной, отъ четырехъ краевъ до верху толстая, изъ золота, съ краснымъ шелкомъ сдѣланная, веревъ (sic) пирамидою-привязана.

Подъ помѣнутымъ балдахиномъ утвержденъ былъ тронъ, весь позолоченъ и живописною работою украшенъ, вышиною въ три аршина, а шириною со всѣхъ сторонъ шесть аршинъ, о двѣнадцати ступеняхъ.

Вокругъ трона и по обѣимъ сторонамъ ступеней, до самаго низа, сдѣланы были перилы, въ три фута вышиною, изъ различныхъ іероглифическихъ фигуръ и рѣзбы, а для способнаго доступа, ради отправления церемоніи, оныя перилы, по обѣимъ сторонамъ, къ низу, къ алтарю расширились въ полдиркуля.

Полъ того трона и степени обиты были кармазиннымъ бархатомъ и золотымъ позументомъ, весьма-богато обшитыхъ.

На самомъ тронѣ, подъ вышеозначеннымъ балдахиномъ, поставлены были, въ размѣрномъ разстояніи между собою, Ихъ Императорскихъ Величествъ двоя кресла, драгоценными каменьями украшенныя, дрянной работы, одни на правой для Императора, а другія на лѣвой сторонѣ для Императрицы.

Тутъ же, немного вправо отъ креселъ Его Императорскаго Величества, стоялъ длинный столъ, покрытый бархатною золотою парчею до самаго пола, на которомъ положены были императорскія регаліи.

Ординарныя императорскія въ той церкви два мѣста обиты были, какъ внутри, такъ и снаружи, золотою парчею и золотыми богатыми подушками, подбиты подъ ногами алымъ бархатомъ съ позументомъ золотымъ.

Между двумя средними большими столами, по правой сторонѣ вдоль подлѣ ступеней отъ трона, построено было мѣсто съ изрядными шпалерами и обитое золотою парчею, на которой золотые орлы часто вышиты, съ котораго ихъ Императорскія Высочества Государыни Цесаревны, тако жъ и герцогиня мекленбургская и курляндская, всю церемонію смотрѣть изволили.

Позади того мѣста построено было мѣсто жъ особенное для его королевскаго высочества герцога голштинскаго, убито богатыми золотыми шпалерами и золотыми же коврами.

По лѣвой сторонѣ ординарнаго мѣста Ея Величества Государыни Императрицы также сдѣлано было малое мѣсто въ формѣ амфитеатра, гдѣ стояли тѣ пять дамъ, которыя во время церемоніи за Императрицею идти имѣли до Вознесенскаго-Монастыря, дабы имъ, по выходѣ Ея Величества изъ кареты, нести шлейфъ мантии, а именно: господъ генералъ-лейтенантовъ: Ягужинскаго, Матюшкина; генералъ-майоровъ: Гинтера, Балка и князя Трубецкаго жены.

Къ полуденнымъ дверямъ, гдѣ входъ быть имѣлъ, построено было мѣсто жъ, длиною въ 12 футовъ, шириною 8 футовъ, на которомъ стояли шесть генералъ-майоровъ, а именно: Чеканъ, Волковъ, Ушаковъ, князь Юсуповъ, Салтыковъ и контр-адмиралъ Сенявинъ, которые держали балдахинъ, весьма-богатый, о шести серебряныхъ штокахъ (*), на которыхъ было по 8 орловъ съ коронами, и по 4 цвѣтника вызолоченные, во время шествія, а у каждаго штока у балдахина имѣлись золотые шнуры съ кистями золотыми.

У западной стѣны соборной церкви построены были двѣ галереи,

(*) У Голикова: дрезкахъ.

въ формѣ амфитеатра, съ перилами, красивыми шпалерами обиты и перегороджены.

Въ первой галерей, въ первой перегородкѣ, по правой сторонѣ, стояли генералы и прочія знатныя особы, при этой церемоніи присутствующія, а въ другой перегородкѣ, ближе трона, по правой же рукѣ, знатнѣйшія дамы и дѣвицы.

Въ другой галерей, по лѣвой сторонѣ, такимъ же образомъ убрано, и въ первой галерей стояли чужестранные министры, а въ другой прочіе господа и кавалеры иностранные, которые ту славную церемонію смотрѣть желали.

Такія жь галереи построены были вдоль по обѣимъ сторонамъ церкви, на которыхъ стояли знатнѣйшаго женскаго пола особы, которымъ для входа въ церковь даны были билеты.

На нѣякъ полу вокругъ церкви, сдѣланъ былъ мостъ изъ досокъ, въ формѣ жь амфитеатра, на которомъ стояли кавалеры россійскіе, которые не были въ церемоніи.

Дамы и дѣвицы, которыя призваны были къ этой церемоніи, одѣты были въ придворномъ платьѣ, въ робахъ изъ золотыхъ и серебряныхъ парчей, такожъ золотомъ и серебромъ шитыхъ, и убраны премногими алмазными и бриллантовыми уборами, а господа и другіе кавалеры, такожъ пребогато убраны были.

Наканунъ дня коронаціи Ея Величества, Ихъ Императорскія Величества, со всею августѣйшею фамиліею, изволили пойти изъ своего Лѣтняго-Дома въ императорскую резиденцію Кремль (который стараніемъ верховнаго маршала, графа Толстаго, гдѣ надлежало, поправленъ былъ, потому-что больше двадцати лѣтъ Ихъ Императорскія Величества въ немъ не резидировали), и въ оныхъ покояхъ ночевать изволили.

По наступленіи той ночи ввечеру, какъ въ главномъ Успенскомъ, такъ и въ прочіихъ соборахъ, монастыряхъ и приходскихъ церквахъ, во всей Москвѣ, учиненъ былъ благовѣсть и звонъ во всѣ колокола, и отправлена была въ нихъ служба Божія обыкновенная передъ коронаціею.

Мая 7, поутру, оба полка гвардіи и прочіе полки пришли въ Кремль и поставлены были на Площади-Ивановской, подъ командою и управленіемъ генерал-бригадира и гвардіи майора Румянцова.

А отъ самыхъ апартаментовъ императорскихъ, какъ вверху къ большому крыльцу, называемому Красному, и по мосту, который отъ того крыльца до церкви соборной сдѣланъ былъ, поставлены были по обѣимъ сторонамъ гвардіи гренадеры, въ ихъ гренадерскихъ шапкахъ съ плюмажами.

А между-тѣмъ, знатнѣйшія персоны и прочіе чины, опредѣленные къ церемоніи, какъ мужскаго пола, такъ и женскаго, всѣ богато-убранные, собирались въ большой залъ, называемой Столовой, нарочно для того приготовленнымъ обрядомъ убранной, куда и его королевское высочество герцога голштинской, со всѣмъ своимъ дворомъ, въ пребогатомъ нарядѣ, прибыть изволилъ.

Въ началѣ 9-го часа по полуночи, въ Успенскомъ-Соборѣ начали въ

однаго большаго колоколъ благовѣстити, и собрався въ оной соборъ архіереи и власти духовныя, отправляя молебное пѣніе о многолѣтнемъ здравіи Ихъ Императорскихъ Величествъ; по окончаніи же молебна и часовъ къ литургіи, архіереи и власти, въ священномъ одѣяніи, ожидали въ оной соборной церкви пришествія Ихъ Императорскихъ Величествъ.

Его Императорское Величество, между-тѣмъ, изъ своихъ апартаментовъ вышелъ въ помянутую залу въ собраніе.

И когда Ея Императорское Величество въ своихъ апартаментахъ убраться изволила, и вся чины и потребности къ коронаціи приуготовлены были, тогда, въ 10 часу по полуночи, учинено изъ апартаментовъ императорскихъ шествіе Ихъ Величествъ въ Соборъ-Успенскій публично слѣдующимъ образомъ.

1.

Маршъ начался половиною кавалергардіи императорской съ офицерами ихъ.

2.

Слѣдовали пажы Ея Величества Императрицы съ своимъ губернаторомъ (*).

3.

За ними шелъ первый церемоніймейстеръ бригадиръ Шуваловъ, имѣя въ рукахъ посохъ (**) своего достоинства. Товарищи жь его Андрей Вельяминовъ и совѣтникъ камер-коллегии Наумовъ, были въ церкви, чтобъ уставить тѣ персоны, которыя для смотрѣнія въ оную пришли, такожъ и тѣ, которыя при церемоніи и въ процессіи были, какъ они въ помянутую церковь вошли.

4.

Слѣдовали гг. депутаты изъ провинцій; бригадеры и которыя въ рангъ бригадирскомъ; за ними гг. генерал-майоры и другіе того рангу; потомъ гг. генерал-лейтенанты, и за ними гг. генералы.

5.

За ними шли оба герольдмейстеры имперіи, г. Плещеевъ и г. графъ Сантій, со знаками своего достоинства, одѣты въ герольдмейстерское платье изъ кармазиннаго бархата, золотомъ вышитомъ, на которомъ былъ вышито императорскій гербъ.

6.

Слѣдовали регалии императорскія (которыя по-утру рано принесены были изъ казенной палаты на зѣло-богатыхъ золототканныхъ подушкахъ, и поставлены были на столъ въ одной залѣ тѣхъ палатъ, противъ покоевъ Ихъ Величествъ), а именно:

Императорская епанча, которую несли на двухъ подушкахъ гг. тайные, князь Голицынъ и баронъ Остерманъ.

За ними слѣдовали: тайный совѣтникъ князь Долгоруковъ, который

(*) У Голицова: гофмейстеромъ.

(**) У Голицова: жезлъ.

несъ державу на подушкѣ, и г. тайный дѣйствительный совѣтникъ графъ Мусинъ-Пушкинъ, который несъ скипетръ на подушкѣ жь.

За ними шелъ генералъ графъ Брюсъ, который несъ корону императорскую на подушкѣ жь.

7.

Слѣдовалъ г. графъ Толстой, верховный маршалъ, съ своимъ маршалскимъ штокомъ (*), на которомъ на верхнемъ концѣ сдѣланъ былъ императорскій гербъ золотой, а надъ гербомъ былъ изумрудъ съ лицо величиною (**).

8.

Его Императорское Величество, а по обѣ стороны, немного-позади, шли два ассистента, гг. генерал-фельдмаршалы князь Меншиковъ и князь Рѣпинъ.

9.

За Его Императорскимъ Величествомъ слѣдовала Ея Величество Государыня Императрица, которую велъ Его Королевское Высочество герцогъ голштинскій. Два ассистента, гг. генерал-адмиралъ графъ Апраксинъ и канцлеръ графъ Головкинъ.

Княгиня Меншикова и графиня Головкина; генеральша графиня Брюсова, генеральша Бутурлина и генеральша княгиня Трубецкая, несли шлейфъ императорской еванчи.

Гг. камергеры и кавалеры при Ея Величествѣ Императрицѣ шли другъ за другомъ, по обѣимъ сторонамъ тѣхъ госпожъ, которыя шлейфъ несли.

10.

Послѣ оныхъ слѣдовали госпожи и дѣвицы перваго класса, и Ея Величества штатс-дамы и прочія.

11.

Потомъ шли полковники, офицеры и прочее шляхетство національное, которые опредѣлены были къ той церемоніи.

12.

Другая половина кавалергардін замыкала сей маршъ.

13.

Егда началось шествіе Ихъ Величествъ изъ палатъ императорскихъ, тогда былъ звонъ во всѣ соборные колокола.

И во время шествія Ихъ Величествъ, всѣ въ строю стоящіе полки держали на караулъ съ играющею музыкою и съ барабаннымъ боемъ.

И когда императорскія регалии приблизились къ дверямъ соборной церкви, тогда всѣ архіереи и прочіе въ священномъ одѣяніи выступили изъ церкви на рундукъ. Изъ первыхъ архіереевъ, новгородской и псковской, почтили оныя регалии каженіемъ и водой кропленіемъ.

И егда Ихъ Величества сами изволили приблизиться къ помянутому рундуку, тогда архіерей новгородскій поднесъ благословящій крестъ

(*) У Головкина: жезломъ.

(**) У Головкина о изумрудѣ не сказано.

съ церемонією, а псковскій кропиль освященною водою. И перешли въ архіереи внутрь церкви, и пѣвчіе запыли псаломъ 100: «Милость и судъ воспою Тебѣ, Господи!» И вшедши въ церковь, становились архіерей и прочіе духовные подлѣ скамей, уготованныхъ для оныхъ.

Ожидая, пока Ихъ Императорскія Величества на тронъ взошли, г. генерал-поручикъ Ягужинскій, яко капитанъ кавалергардин, такожъ и г. генерал-майоръ Дмитріевъ-Мамоновъ, тогожь корпуса поручикъ, стали по обѣимъ сторонамъ большаго приступа на тронъ, для обереженія онаго. Другіе два господина офицеры тогожь корпуса, бригадиръ Леонтьевъ и полковникъ князь Мещерскій, стали по обѣимъ сторонамъ средняго приступа, между входомъ на тронъ. Вся четыре имѣя въ рукахъ посохи команды своей (*).

Оба герольдмейстера шли на тронъ передъ императорскими регалии, которыя несшіе положили, съ ихъ подушками, на столъ, который на то устроенъ былъ. Потомъ, оба герольдмейстера сошли съ трона и стали по обѣимъ сторонамъ первыхъ степеней, снизу перваго приступа, и какъ изъ оныхъ господъ которую регалию на помянутой столъ положить, то становились слѣдующимъ образомъ:

Графъ Брюсъ на первой степени входа.

Графъ Мусинъ-Пушкинъ на второй степени.

Князь Долгоруковъ на третьей степени.

Баронъ Остерманъ на четвертой степени.

Князь Голицынъ на пятой степени (**).

Его королевское высочество герцогъ шлезвигголттинскій велъ Ея Величество до низу трона и потомъ пошелъ на определенное ему мѣсто, и Его Величество Императоръ, подавъ руку Императрицѣ, пошли на тронъ.

Князь Меншиковъ и князь Рѣпинъ также взошли немного-позади по сторону Императора. Графы же Апраксинъ и Головкинъ взошли такожъ на тронъ со стороны императрицыной. Сии четверо господъ ассистентовъ стали прямо противъ балаясь по обѣимъ сторонамъ Ихъ Императорскихъ Величествъ для услуженія, какъ ассистенты.

Пять дамъ, определенныхъ для несенія шлейфа мантия, стали противъ балаясь позади кресловъ Ихъ Величествъ, дабы такожъ какъ и четыремъ господамъ ассистентамъ, быть въ близости ко вступленію въ свою должность, когда Ихъ Величества назадъ сойдутъ съ трона.

Верховный маршалъ держалъ свой маршальской штокъ, опираясь онымъ в ѿдучи передъ Ихъ Императорскими Величествами, провожалъ даже до верху трона, а потомъ съ трона шель и остановился на приступъ въ низу трона, на которомъ онъ одишъ стоялъ.

Господа генералы и прочія знатнѣйшія особы и дѣвицы пошли въ определенныя имъ галереи, гдѣ они во все время коронаціи стояли.

Полковники и прочее шляхетство російское, къ сей церемоніи опре-

(*) У Голикова: каждый изъ нихъ имѣлъ въ рукѣ своего достоинства знаки.

(**) У Голикова они не поименованы.

дьяконные, стали между двумя большими столпами, по лѣвой сторонѣ трона, а камергеры и прочіе офицеры и кавалеры Ея Величества Императрицы явились свои мѣста противъ большаго приступа по лѣвую сторону въ низу у трона.

И когда Ихъ Величества на тронѣ взошли и на своихъ императорскихъ креслахъ сѣли, Его Императорское Величество на правомъ, а Государыня Императрица на лѣвомъ, тогда и архіереи, и синодальные члены, и архимандриты, сѣли же на учрежденныхъ для нихъ скамьяхъ, а прочіе стояли, и тогда звонъ бытъ пересталъ и пѣвчіе умолчали.

Его Императорское Величество встать изволилъ и съ стоящаго стола изволилъ взять скипетръ и чрезъ верховнаго маршала господина Толстова повелѣлъ къ себѣ призвать архіереевъ и прочихъ властей, и когда оныя, по повелѣнію, приступили, тогда Его Величество, стоя, изволилъ сказать краткую рѣчь слѣдующаго содержанія:

«Понеже всѣмъ извѣстно есть, какъ прежде объявили мы манифестомъ, о намѣреніи своихъ для коронованія любезнѣйшей нашей супруги, которое нынѣ, по чину церковному, извольте совершить».

Что слышавъ, архіереи приступили, изъ которыхъ новгородскій Осодосій до Ея Величества Государыни Императрицы говорилъ:

«Благочестивѣйшая Великая Государыня наша Императрица! надлежитъ нынѣ Вашему Величеству вѣрноподаннымъ Вашему Величеству «въ слухъ исповѣдать православную каеolicескую вѣру.» Изволила Ея Величество прочитать символъ вѣры, послѣ котораго тотъ же архіерей сказалъ въ слухъ: *Благодать пресвятаго духа да будетъ съ тобою!* а прочіе то жъ тайно говорили.

И по прочтеніи отъ Ея Величества символа православныхъ вѣры, Ея Величество изволила на уготованной подушкѣ стать на колѣни; архіерей же, осыпая верхъ главы ея крестообразно и положила руку на главу ея, читалъ молитву въ-слухъ всѣмъ, безъ шапки:

«Господи Боже нашъ, Царю царствующихъ и Господи господствующихъ, иже чрезъ Самуила пророка избравый раба твоего Давида и помазавый его во царя надъ людемъ твоимъ Израилемъ!» и проч.

По прочтеніи молитвы, изволила Ея Величество встать; два же архіерея приняли хламиду, то-есть, короновательную мантию, и подали оную Его Императорскому Величеству, а Его Величество, держа скипетръ въ рукѣ своей, возложилъ оную на Ея Величество.

Тогда Ея Величество пакы изволила стать на колѣни на прежней подушкѣ, и тогда архіерей прочиталъ молитву во услышаніе всѣхъ:

«Тебѣ единому, Царю челоуѣковъ, иже земному царству отъ Тебе «ввѣренная» и пр.

Потомъ Ея Величество пакы изволила встать, и тѣ же архіереи поднесли Его Императорскому Величеству корону, которую изволилъ самъ Его Величество, также держа скипетръ, возложить на главу вѣнчаемой Государыни, осыпавшимъ архіереемъ крестообразно съ произношеніемъ: *Во имя Отца и Сына и Святаго Духа.*

Императорское Величество во все то время пребывалъ держа ски-

пегръ въ рукъ, а первый архіерей поднесъ Ея Величеству державный глобусъ.

И потомъ изволяли постоять мало при своихъ престолахъ, въ которое время, какъ духовные, такъ и мірскіе, поздравляли Ихъ Величества, а отъ пѣвчихъ многолѣтіе шло было.

И былъ первый залпъ изъ пушекъ и изъ ружья, и звонъ во все колокола обыкновенный къ литургіи.

Потомъ изволяли Ихъ Величества скипетръ и державу отдать тѣмъ господамъ, которые оныя носили, и отъ оныхъ на вышеупомянутомъ столѣ положены были, и Его Императорское Величество и Ея Императорское Величество Государыня Императрица, имѣя корону на главѣ и въ мантии, изволяли вмѣстѣ съ трона сойти, такимъ же образомъ и съ тою же свитою, съ которыми всходили до степеней, къ алтарю, и оттуда разошлись на свои церковныя мѣста и слушали литургію.

Князь Меньшиковъ и князь Рѣпинъ слѣдовали за Его Величествомъ и стали прямо противъ его мѣста, а графы Апраксинъ и Головкинъ стали по лѣвую сторону Ея Величества.

А пять дамъ, которыя мантию несли, стали въ вышеупомянутомъ же мѣстѣ амфитеатръ по лѣвую сторону государынина мѣста.

Верховный маршалъ, графъ Толстой, проводя Ихъ Величества до ихъ мѣстъ, сталъ на первой степени, которая отъ алтаря противъ Государыни Императрицы.

А прочіе господа, которые регалии несли, также и господа командиры кавалергардіи, и оба герольдмейстера, остались на прежнихъ своихъ мѣстахъ.

Ея Величество Государыня Императрица пока на своемъ мѣстѣ литургію слушать изволила, для облегченія изволила снять корону, которая тогда держана была господиномъ тайнымъ кабинет-секретаремъ Макаровымъ.

Когда начали пѣть каноникъ, тогда былъ посланъ бархатъ кармазинный двоиморховый (*), отъ мѣста Ея Величества до царскихъ дверей, къ шествію Ея Величества къ миропомазанію и причащенію, и близъ самыхъ дверей также посланъ былъ золотой коверъ.

По окончаніи каноника, когда отворились царскія двери, тогда Его Величество изволилъ съ своего царскаго мѣста придти на преждеупомянутый бархатъ, также и Ея Величество, въ коронѣ и въ императорской мантии, съ своего церковнаго мѣста изволила сойти, и взявшись за руки изволили пойти по тому бархату къ царскимъ дверямъ на помнудой коверъ, на которомъ въ самыхъ царскихъ дверяхъ положена была золотая подушка, на которой Ея Величество изволила стать на колыни, и принесено было на блюдѣ, въ собственномъ сосудѣ, второй степени архіереемъ святое миро; изъ первыхъ же архіереевъ одинъ взялъ струецъ, на то уготованный, и омоча въ святое миро, помазалъ Ея Величество крестообразно на челѣ, на персахъ, и на обѣихъ ру-

(*) Вмѣсто «двоиморховый», Голицыновъ пишетъ «въ два полотнища сшитой».

кахъ, на каждое помазаніе глагола: *Во имя Отца и Сына и Святаго Духа*; другій же архіерей изъ первыхъ отеръ помазанныя мѣста хлопчатою бумагою и положилъ оную въ гернь алтарный.

Потомъ Ея Величество вставши изволила вступить мало къ лѣвой сторонѣ, а когда протодіаконъ съ пречистыми тайнами возгласилъ: *Со страхомъ Божиимъ и вѣрою приступите!* тогда изволила паки стать на прежнемъ близъ святыхъ дверей мѣстѣ, и причастилась пречистыхъ тайнъ отъ перваго изъ служащихъ литургію архіерея, и на томъ же мѣстѣ отъ втораго архіерея изволила принять антидоръ, а отъ третьяго теплое вино, а потомъ отъ протопоповъ соборныхъ, успенскаго и благовѣщенскаго, поднесена была золотая ко умовенію лаханъ, а архимандритъ троицкій изъ рукомошника золотого жъ возливалъ воду Ея Величеству на руки, ко умовенію устъ: архимандриты же чудовскій и симоновскій подали полотенце.

По совершеніи же всего, изволила оба Ихъ Величества возвратиться на свое церковное мѣсто, въ которое время былъ другой залъ изъ пушекъ и изъ ружья, подобно первому.

Въ церкви, во время отправленія церемоніи коронаціи, когда Ихъ Величества шли вмѣстѣ, то Ея Величество всегда вели графы Апраксинъ и Головкинъ, а конецъ императорской мантии всегда носили вышеупомянутыя дамы перваго ранга.

При окончаніи литургіи было отъ проповѣдника слова Божія, пресвященнѣйшаго Феофана, архіепископа псковскаго и члена синодальнаго, непродолжительное слово, въ которомъ, вспоминая многія Ея Величества добродѣтели, показывалъ, коль праведно корону российскую отъ Бога и отъ супруга своего получила, и именемъ всѣхъ чиновъ отечества поздравлялъ Ихъ Величества.

Какъ-скоро служба Божія совершилась, тогда верховный маршалъ приказалъ церемоніймейстерамъ, чтобъ всѣмъ изъ церкви паки дефилировать къ церкви Михаила-Архангела, что все такимъ же порядкомъ происходило, какъ и при входѣ, кромѣ что Его Императорское Величество другими дверьми прямо въ свои апартаменты изволилъ пойдти (*).

По окончаніи службы Божіей, его королевское высочество герцогъ голштинскій сошелъ съ своего мѣста и пришелъ къ мѣсту Государыни, чтобы Ея Величество проводить по прежнему.

Ея Величество Императрица изъ церкви изволила идти въ коронѣ и мантии подъ балдахиномъ, который несли вышеупомянутыя шесть генераловъ-майоровъ, а скипетръ и державу предъ Ея Величествомъ до собора архангельскаго по-прежнему несены были на подушкахъ.

Передъ самою Ея Величествомъ шелъ верховный маршалъ графъ Толстой, а по обѣимъ сторонамъ Ея Величества, немного позадь, графы Апраксинъ и Головкинъ. Конецъ мантии несли по-прежнему вышеупомянутыя пять дамъ.

При выходѣ изъ той соборной церкви, былъ третій залъ изъ пушекъ

(*) Голковъ прибавляетъ: «чувствуя слабость силъ своихъ».

и изъ ружья, съ играющими трубами и литаврами и прочею музыкою, и барабаннымъ боемъ, такожь и звона во весь колокола и притомъ восклицаніе отъ множества собраннаго народа.

Г. фельдмаршалъ князь Меньшиковъ шелъ позади Ея Величества, а по сторонамъ его шли, г. камер-президентъ Алексѣй Плещеевъ и штатс-камер-совѣтникъ фон-Принцестернъ, имѣя мѣшки изъ кармазиннаго бархату, вышитые золотомъ гербы, съ золотыми и серебряными медалями, которыя князь Меньшиковъ, во время путешествія Ея Величества изъ соборной церкви до собора архангельскаго, въ народъ бросалъ (*).

А корпусъ кавалергардіи тогда стоялъ вдоль мосту по обѣимъ сторонамъ отъ Успенскаго-Собора до Архангельскаго, и какъ-скоро вся процессія въ помянутую церковь вошла, то оная кавалергардія съѣла на лошадей и ожидала, пока Ея Величество сядетъ въ карету.

У дверей церкви святаго Михаила-Архангела на паперти, Ея Величество встрѣтилъ архіерей со крестомъ, и, вшедши въ церковь, читана ектенія отъ діакона, а отъ архіерея возгласъ и отпущкъ, а потомъ Ея Величество изволила отправить свою девоцію у мощей святаго Царевича Дмитрія и у гробовъ предковъ блаженныя памяти Его Императорскаго Величества.

По отправленіи девоціи, изволила Ея Величество, по выходѣ изъ той церкви, сѣсть въ императорскую карету въ восьми лошадахъ, для посѣщенія монастыря Вознесенскаго, въ которомъ гробы предковъ Императорскаго Величества женскаго пола, ивнечисаннымъ порядкомъ, а прочіе съ церемонмейстеромъ остались въ той церкви для ожиданія возвращенія Ея Величества изъ того монастыря.

1.

Г. генерал-лейтенантъ Ягужинскій съ половиною корпуса кавалергардіи на лошадахъ, съ литаврами и трубами, и другими своими офицерами, началъ сей маршъ.

Мундиръ на той кавалергардіи былъ: кафтаны зеленые, супервесты сукна краснаго, обложены позументомъ золотымъ; на грудяхъ и на спинѣ гербы императорскіе вышитые; перевязи бархатныя красныя, золотымъ позументомъ обложенныя, а на лягушкахъ, бархатныхъ же, вышиты вензеля подъ короною; португези бархатныя жъ съ позументами; пряжки и погоны вызолоченныя; шпаги гравки серебряныя; перуки бѣлыя; шляпы съ позументомъ съ бѣлыми бантами; сапоги, перчатки; а шпоры мѣдныя, у всѣхъ одного фасона. На лошадахъ чепраки и чушки красныя, на которыхъ вензеля подъ короною и вокругъ золотымъ позументомъ исполнены, а по край бахрамою золотою жъ обложены; муштуки, паперси и пахви съ наборомъ вызолоченнымъ; уздечки шелковыя; стремена мѣдныя и сѣдла одного фасона. Литавры при оной кавалергардіи серебряныя, на завѣсахъ вышиты гербы императорскіе, и вокругъ по серебру травы золотыя, а на шнурахъ золотыхъ по шести кистей массивныхъ у тѣхъ завѣсовъ привѣшны.

(*) Голицынь прибавляетъ: «на что употреблено болѣе 15,000».

2.

Двадцать-четыре человека лакеевъ Ея Величества Государыни Императрицы пшкомъ по четыре человека въ рядъ, на которыхъ либрера была суконная, кафтаны и штаны зеленые, а камзолы и обшлага алые, выложенные весьма-богато позументами золотыми; чулки красные; шапки ефесы золоченые одного фасона (*).

3.

Двадцать человекъ пажей съ своимъ губернаторомъ (**).

На пажахъ были кафтаны и штаны изъ бархата темнозеленаго; камзолы и обшлага штофные золотые, золотымъ широкимъ и узкимъ позументами выложены; шляпы съ позументомъ золотымъ и съ бѣлыми плюмажи; чулки шелковые красные, шитые золотомъ; шапки ефесы серебряные вызолоченые.

4.

Слѣдовалъ верховный маршалъ графъ Толстой, въ одной изъ Его Императорскаго Величества каретъ цугомъ, ния одного пажа на правой сторонѣ, да одного арапа на лѣвой сторонѣ (**).

5.

Слѣдовала Ея Величество Государыня Императрица въ своей каретѣ о восьми лошадахъ, а передъ каретою шли четыре скорохода, изъ которыхъ на одномъ платьѣ красной золотой парчи, а юбка бѣлой серебряной парчи, вокругъ шито золотомъ, и по юбкѣ бахрама золотая; шапка бархатная, шитая золотомъ; кушакъ бѣлый съ бахрамою золотою; а на другихъ платьѣ было такое жъ, только-что вмѣсто шитья позументъ золотой положенъ былъ.

6.

Каммергеры и первые офицеры придворные Ея Величества шли по обѣимъ сторонамъ кареты.

7.

Шестнадцать гайдуковъ Ея Величества раздѣлены были по обѣимъ сторонамъ кареты, въ дистанціи отъ вышесказанныхъ господъ каммергеровъ.

На тѣхъ гайдукахъ были кафтаны зеленые, вокругъ шиты золотомъ; на грудяхъ гербы, а на обѣихъ рукахъ вензеля подъ коронами шитые жъ; камзолы краснаго сукна; у рукавовъ кондырьки малые алаго бархата, на которыхъ также вышиты вензеля подъ коронами и вокругъ по краямъ снурками и бахрамою золотою обшиты; шапки бархатныя красныя, снурками золотыми прошиты; наверху звезда вышита золотомъ; околыши зеленаго бархата, шитые золотомъ же; на околышѣ съ обѣихъ сторонъ по орлу серебряному, а спереди надъ околышемъ два пера серебряныя жъ, и сзади плюмажи красные съ бѣлымъ; на самомъ верху той шапки въ звездѣ яблоко серебряное, а въ немъ кисть золотая; перевязи у оныхъ гайдуковъ черезъ плечо, двѣ цѣпи серебряныя,

(*) Описание какъ этого костюма, такъ и нижеслѣдующаго, Голицковъ выпустилъ.

(**) Голицковъ: «гофмейстеромъ».

(***) Голицковъ: «маршалъ ѣхалъ съ пажами».

нашиты на бархатъ и утверждены, тако жь обложены вкругъ позументомъ золотымъ; на тѣхъ цѣпахъ палаши великіе, ефесы золоченые; штифелеты сафьянные; на нихъ личины и застежки серебряныя; на башмакахъ также по двѣ личины серебряныя, одна на носкъ, а другая поверхъ пражки.

8.

Позади кареты Ея Величества слѣдовалъ верхомъ генерал-лейтенантъ Деся между герольдмейстерами Имперіи, продолжая бросаніемъ медалей до возвращенія Ея Величества до палатъ императорскихъ; къ нему представлены были офицеры, которые мышки съ монетами везли.

9.

Слѣдовали шесть араповъ ея величества. На нихъ кафтаны и штаны черные бархатные съ позументомъ золотымъ; сверхъ юбка изъ тафты, красной, пунцовой и бѣлой, какъ изъ левтъ сшита; вкругъ шеи и рукавовъ и по юбкѣ, поясъ изъ перья краснаго и бѣлаго; шапки изъ краснаго бархата; околыши изъ кисеи, а надъ тѣмъ околышемъ вкругъ всей шапки перья жь краснаго и бѣлаго цвѣта, на сторонѣ плюмажи бѣлые; наверху кисти золотыя; у нихъ же опшійники серебряные; спереди вензель подъ короною императорскою.

10.

Послѣ помянутыхъ араповъ, слѣдовала карета Ея Величества цугомъ, въ которой сидѣли ассистенты графы Апраксинъ и Головкинъ, а при дверяхъ кареты были по обѣимъ сторонамъ по одному пажу и по одному арапу (*).

11.

Другая половина кавалергардіи заключала онъй маршъ.

Въ воротахъ того монастыря встрѣтили Ея Величество одинъ архіерей съ крестомъ и монахія (игуменя?) того монастыря, а въ монастырь вели Ея Величество ассистенты графы Апраксинъ и Головкинъ, а шлейфъ маунтин императорской несли вышепомянутыя дамы, и, по отправленіи девоціи у гробовъ, изволила Ея Величество въ каретѣ такимъ же порядкомъ идти къ императорскимъ палатамъ.

А когда Ея Величество къ тѣмъ палатамъ стала приближаться, и тогда церемоніймейстеръ съ оставшимися при немъ въ церкви Михаила-Архангела, такимъ же порядкомъ, какъ прежде, пошелъ до большой лѣстницы къ тѣмъ палатамъ, и потомъ на верхъ помянутой лѣстницы до самой залы апартаментовъ Ихъ Величествъ (**).

Его королевское высочество герцогъ голштинскій принялъ Ея Величество у самой кареты и велъ до самыхъ ея апартаментовъ.

Ихъ Величества въ своихъ апартаментяхъ пробить изволили, пока въ залъ торжества все къ столу готово было (**).

Опредѣленная къ тому торжеству зала величиною и красотою изъ

(*) У Голикова араповъ нѣтъ.

(**) У Голикова нѣтъ.

(***) Голиковъ прибавляетъ, что въ этихъ апартаментяхъ Государыня принимала вторичное поздравленіе отъ своего супруга и всѣхъ чиновныхъ особъ обоего пола.

лучшихъ; окна въ оной развъромъ сходны съ величиною залы, и притомъ весьма-свѣтла. Сводъ въ той залѣ въ среднѣ поддержанъ однимъ токмо столпомъ, какъ карнизы, такъ и у педестала, сдѣланнымъ наилучшею штукатурною работою, а зала отъ карниза до деревянныхъ поделовъ (которыя отъ полутретья фута вышиною живописью украшены), вкругъ убита была обоями, а именно, по одной полосѣ кармазиннаго бархата, а между тѣмъ по одной китайской золотой парчѣ съ различными травами и безъмѣрно презерядной и богатой работы, которымъ весьма новымъ украшеніемъ оная зала еще толь наивыяще смотрѣнія и удивленія достойна была. Полы въ той залѣ вездѣ устланы были персидскими чрезвычайнѣно-широкими коврами (*).

Въ той залѣ, по правой сторонѣ отъ дверей, которыя о двухъ щитахъ в зѣло-высокія, построено было мѣсто высокое у самой стѣны, внутри убито богатыми парчами, отъ которыхъ висѣло множество кистей и бахромъ золотыхъ, съ котораго мѣста ихъ высочества государыни цесаревны, также ихъ высочества, герцогиня мекленбургская и курляндская, и царевна, торжественнаго императорскаго стола смотрѣть изволяли.

Вышепомянутый столпъ по всемъ четыремъ сторонамъ обдѣланъ былъ многими полками, на которыхъ золотые и серебряные сосуды разставлены были отъ самаго полу даже до карнизовъ, и тѣ сосуды чрезвычайнаго, древняго греческаго, римскаго и прочаго мастерства, со многими драгими каменьями и жемчугами оріентальными украшены.

На правой же сторонѣ залы, супротивъ помянутыхъ дверей, поставленъ былъ бархатной балдахинъ алаго цвѣту съ богатыми золотыми позументами, кистями и бахромою, подъ которымъ обложено было и обито тѣмъ же краснымъ бархатомъ съ золотымъ позументомъ, гдѣ поставленъ былъ столъ, за которымъ Ихъ Императорскія Величества изволяли сидѣть на двухъ бархатныхъ креслахъ.

На лавой сторонѣ, отступя отъ мѣста Ихъ Величествъ, поставленъ былъ особливый столъ для его высочества герцога голштинскаго, за которымъ онъ только одинъ кушалъ.

Въ некоторомъ же разстояніи отъ того стола, поставленъ былъ столъ для первыхъ духовныхъ чиновъ, которые при той торжественной церемоніи служили.

Въ довольномъ разстояніи отъ императорскаго стола, на правой сторонѣ, поставленъ былъ столъ для знаменитѣйшихъ персонъ, которымъ при коронаціи въ процессіи были.

А супротивъ стола духовныхъ, на другой сторонѣ, былъ столъ для знатнѣйшихъ дамъ и дѣвицъ, въ чинахъ же бывшихъ.

А на лавой сторонѣ у дверей построенъ былъ великій амфитеатръ, на которомъ оркестръ и музыка.

Когда къ императорскому столу все готово было, тогда верховный маршалъ пошелъ Ихъ Величеству о томъ донести.

(* Какъ этихъ, такъ и слѣдующихъ подробностей до самаго стола, у Голикова нѣтъ.

И потомъ Ихъ Величества изъ своихъ апартаментовъ въ залу притти изволили слѣдующимъ порядкомъ:

Перво церемоніймейстеръ съ своими товарищами шелъ напередъ.

За ними Ея Величества обер-шенкъ г. Салтыковъ, вмѣстѣ съ обер-шенкомъ Его Императорскаго Величества, господиномъ графомъ Андреемъ Апраксынымъ, которой при семъ торжествѣ отправлялъ чинъ кравчага (*).

За ними Его Императорскаго Величества обер-гофмейстеръ Олсуфьевъ съ жезломъ своего достоинства.

А за нимъ верховный маршалъ графъ Толстой.

И потомъ Его Императорское Величество съ своими ассистентами, и Ея Величество Государыня Императрица, которую велъ ея королевское высочество герцогъ голштинскій, и по обимъ, немного позади, шли Ея Величества ассистенты, господа графы Апраксинъ и Головкинъ.

Шлейфъ мантии Ея Величества несли вышепомннутыя пять дамъ.

А за ними шли Ея Величества штатс-дамы и дѣвицы.

А прочіе, какъ духовнаго, такъ и мірскаго чина господа и дамы, въ залѣ торжественномъ, по приходѣ Ихъ Величествъ, стояли въ двухъ линияхъ по рангамъ.

Какъ-скоро Ихъ Величества на приуготовленное свое мѣсто взошли, тогда изъ первыхъ архіереевъ стоить благословилъ.

И потомъ Ихъ Величества сѣли за столикъ, а когда изволили сѣсть, то и ея королевское высочество изволилъ сѣсть за столикъ, для него приуготовленный.

И нѣкоторое время обождавъ, прочіе духовные, кавалеры и дамы, обрѣтающіеся при той церемоніи, сѣли за приуготовленные столы.

За креслами Его Величества стояли камергеръ и генерал-адъютантъ Его Величества г. Нарышкинъ, и генерал-адъютантъ, астраханскій губернаторъ, Вольинской.

А за креслами Ея Величества стояли господа камергеры Монсъ и Балкъ.

Вышепомннутые камергеры во все время должность свою отправляли.

Кушанье носили на столикъ Ихъ Величествъ подполковники, и оное было слѣдующимъ порядкомъ.

Когда Ихъ Величества повелятъ кушанье перемѣнять, то верховный маршалъ прикажетъ церемоніймейстеру выходить офицерамъ, определеннымъ кушанье носить.

Оной церемоніймейстеръ шелъ напередъ.

За нимъ офицеры съ кушаньемъ.

За ними кравчій.

А потомъ обер-гофмейстеръ.

За нимъ верховный маршалъ.

Вышепомннутый церемоніймейстеръ со всеми оными, кромѣ верховнаго маршала, изъ залы выходили для принятія кушанья, а верховный маршалъ дожидался у дверей въ залѣ.

(*) Голіковъ: «обер-форшмейдера».

А съ кушаньемъ къ столу шли съдующимъ образомъ:

Сперва верховный маршалъ.

За нимъ обер-гофмейстеръ.

Потомъ кравчій.

За нимъ офицеры съ кушаньемъ.

А по сторонамъ тѣхъ офицеровъ, подлѣ каждаго, по два человека кавалергардовъ съ карабинами.

А церемоніймейстеръ позади ихъ.

И обер-гофмейстеръ, по чину своему, кушанья снималъ, а другое ставилъ, съ обыкновеннымъ коленнопреклоненіемъ, какъ при поставленіи кушанья, такъ и при подаваніи пѣтій.

Столъ Ихъ Императорскихъ Величествъ съ превеликою манифиденціею отправляемъ былъ. Посуда и прочій столовый приборъ былъ весь золотой, старинной дивной работы, и конфеты поставлены были на такихъ же сосудахъ, пирамидами сдѣланныя курьёзно.

За столомъ его королевскаго высочества служили особливые знатные придворные, и оной столъ, такожь и весь прочіе, съ надлежащею манифиденціею отправляемы были (*).

Во время того стола поставленъ былъ на площади близъ залы, на приуготовленномъ рундукъ, для народа быкъ жареной, начиненный многими разныхъ родовъ птицами, а по сторонамъ того быка пускано изъ двухъ сдѣланныхъ фонтановъ вино красное и бѣлое, во удовольствіе всему предстоящему народу.

Прежде окончанія стола, отъ господина генерал-фельдмаршала князя Меншикова, всѣмъ при коронаціи въ церемоніи бывшимъ знатымъ особамъ, какъ мужскаго, такъ и женскаго полу, розданы были по золотой большой мѣдали, для того торжества сдѣланной, которой абрисъ ниже сего находится (**).

А по окончанія стола, Ихъ Величества изволили такимъ же порядкомъ возвратиться въ свои покоевые апартаменты.

На другой день, то-есть 8 маія по-полудни, изволила Ея Величество Государыня принять поздравленіе отъ его королевскаго высочества, герцога голштинскаго, который зѣло въ богатомъ убранствѣ, съ надлежащею свитою, съ двора своего въ Кремль пріѣзжалъ, и съ достойною честью принятъ былъ и паки назадъ провоженъ былъ.

Потомъ обращающіеся при дворѣ Его Императорскаго Величества чужестранные министры имѣли честь Ея Величество поздравить.

По отшествіи тѣхъ министровъ, Ея Величество изволила допускать къ себѣ всѣхъ чиновъ, какъ духовныхъ, такъ и мірскихъ, для отданія всеподданнѣйшей своей субмисіи.

А въ вечеру того дня Ея Величество изъ Кремля возвратилась въ

(*) Всѣ сіи подробности Голиковъ исключилъ.

(**) Въ рукописи нѣтъ абриса медали; но извѣстно, что на ней изображены: съ одной стороны портретъ обонхъ Ихъ Величествъ съ надписью: «Петръ Императоръ и Екатерина Императрица». На оборотѣ: Государь возлагаетъ корону на главу своей Супруги, съ надписью: «Коронована въ Москвѣ». Внизу: «1724 годъ».

Лѣтній-Дворецъ, будучи провожаема отъ корпуса императорской кавалергардіи.

Въ 10 день мая, на Царицынъ-Лугу отправленъ былъ торжественной ферверкъ, къ которому какъ его королевское высочество герцогъ голштинскій, такъ и чужестранные министры призваны были.

До начатія того ферверка изволила Ея Величество изъ своего Лѣтняго-Дворца пріѣзжать въ Кремль публично и съ такимъ парадомъ, какъ въ день коронаціи изъ Церкви Михаила-Архангела до Вознесенскаго-Монастыря, и тамо приняла субисіи отъ всѣхъ даже и прочаго знатнѣйшаго женскаго полу, которыя при коронаціи въ чину не были, и потомъ тѣмъ же порядкомъ изволила пойдти на Царицынъ-Лугъ, гдѣ оный фантонъ (sic) съ великимъ торжествомъ, магнифиценціею и богатствомъ отправлялся, и на-последѣи въ глубокой ночи сожженіемъ презраданаго и весьма-искуснаго ферверка окончаніе свое имѣлъ (*).

ОПИСАНІЕ РЕГАЛІЙ ИМПЕРАТОРСКИХЪ.

Корона императорская сочинена была вся изъ алмазовъ, брилльянтовъ, между которыми было великое число удивительной величины: кромѣ того, діадима была украшена оріентальными перлами, рядомъ поставленными, всѣ равной воды и чрезвычайной величины. У всей оной короны виднѣнъ былъ только одинъ извѣстный (?) камень, прямо оріентальной рубинъ или яхонтъ, весьма-чистый, величиною больше голубинаго яйца, и потому знатно-надрагоцѣннѣйшій изъ рубиновъ, о которомъ до-нынѣ извѣстно. Онъ поставленъ былъ наверху діадимы въ среднѣ короны, вмѣсто глобуса, а на ономъ поставленъ крестъ изъ-брилльянтовъ.

Императорскій скипетръ былъ золотой, весь обложенъ алмазами и рубинами на ошнѣти; на концѣ онаго былъ двоглавый орелъ. Оной скипетръ есть тотъ же, который издревле всегда употребляемъ былъ при короноваціи царей всероссійскихъ.

Глобусъ также былъ древній прежнихъ царей; онъ сдѣланъ изъ золота, и наверху на ономъ крестъ поставленъ, и вездѣ алмазами, рубинами, сафирами, изумрудами украшенъ, и во всемъ такого фасона, какъ въ исторіяхъ о древнихъ царскихъ глобусахъ упоминается: а дѣло того глобуса есть древнее римское и весьма удивленія достойное.

Императорская мантия была изъ золотого штофа, по которому якобы разсѣданы были орлы, высокимъ штофомъ вышитые. Она мантия подбита была горностаемъ, предивной бѣлости; а грифы оной были изъ множества большихъ брилльянтовъ, цѣпочкою поставленныхъ.

(*) Торжество коронаціи продолжалось до 16 мая съ различными увеселеніями.
Т. XXXVIII. — Отд. II.

АНГЛИЙСКАЯ ИНДИЯ ВЪ 1843 ГОДУ.

Статья первая.

Мадрасъ.—Быть Европийцевъ въ Индию.—Гайдерабадъ.—Пиръ у Шандулада, министра мизана.—Баядеры.—Фамилла, индйскій правитель.—Времена года.—Религиозныя торжества: бургануша, мохаммедъ.—Неземные храмы Элоры.—Голконда и ея алмазы.—Жоги, нищенствующій индйскій орденъ.—Фрамасонство туговъ.—Холера.

Въ прошломъ году вышло чрезвычайно-любопытное сочиненіе графа Эдуарда де-Варрена: «L'Inde Anglaise en 1843» (3 vols). Авторъ—Французъ, девять лѣтъ прослужившій въ Индию, въ войска ея британскаго величества. Это сочиненіе представляетъ двѣ совершенно-различныя части, которыя, однакоже, находятся между собою въ тѣсной связи. Въ первой изъ нихъ, Варрэнъ старался восполнить пустоту, встречающуюся въ превосходномъ сочиненіи Жакмона. И действительно, Жакмонъ имѣетъ въ виду только Бенгальское и Бомбейское Президентства, и почти ничего не говоритъ о Мадрасскомъ, о которомъ до-сихъ-поръ очень мало было писано и о которомъ до-сихъ-поръ судили большею частію по наведенію изъ описанія другякъ соседственныхъ областей, накопившагося въ книгѣ Жакмона. Во второй части своего труда, авторъ старается развить, на основаніи фактовъ, настоящее состояніе англійской власти въ Индию, въ отношеніи правотеннонго и политическаго. Варрэнъ имѣлъ подъ рукою офенціальныя документы и все соображенія по этому предмету, на англійскомъ и французскомъ языкахъ. Особенно важнымъ источникомъ служилъ ему трудъ Монгомери Мартена, необыкновенный для всякаго, кто закаталъ бы писать объ Индию.

Описательная часть книги Варрена живо переноситъ васъ въ чудную страну. Эти путевыя записки автора носятъ на себѣ яркія краски правды; онъ не сочиняетъ, а написаны подъ впечатлѣніями минуты. «Я ихъ писалъ», говоритъ онъ, «безъ претензій, часто на-скоро, на окраинѣ дороги, на помостѣ мечети, на подножій идола въ пагодѣ, вечеромъ послѣ долгаго похода, на бивакѣ, или послѣ волнений битвы».

Что касается до второй части, то она, безъ сомнѣній, уничтожитъ множество освященныхъ временемъ предразсудковъ, и заставитъ чита-

тела задуматься при мысли о грядущей судьбѣ этой роскошной Індіи, откуда Европа получает такое обиліе произведеній благодатныхъ тропическихъ странъ, и куда всегда стремились одинъ наперерывъ предъ другимъ, и гдѣ теперь владычествуетъ одна Англія.

Желая ознакомить читателей съ предметомъ книги Варрѣна, мы прибѣгали и къ другимъ источникамъ, съ цѣлью изобразить въ возможно-полной, яркой и вѣрной картинѣ дѣла современнаго, животрепещущаго интереса.

«Обстоятельства» говоритъ Варрѣнъ «казалось, предопредѣляли меня на подвиги во имя истины въ этихъ малозвѣстныхъ странахъ». Его отецъ, родомъ Ирландецъ, находился во французской службѣ до революціи 1789 года, когда, сдѣлавшись эмигрантомъ, пошелъ на службу Англіи въ эти отдаленныя страны. Въ Пондишери онъ женился на Француженкѣ; плодомъ этого брака былъ Эдуардъ де-Варрѣнъ, родившійся въ Мадрасъ, на Берегу-Коромандельскомъ.

По возвращеніи Бурбоновъ, полковникъ Варрѣнъ привезъ сына во Францію, гдѣ онъ и получилъ образованіе. «Но я все оставался сыномъ Азии» говорятъ Варрѣнъ «и непонятное стремленіе влекло меня туда, туда, гдѣ я, впервые увидѣвъ свѣтъ, увидѣлъ эти бронзовыя фигурки, окружавшія съ кроткими ласками мою колыбель; сердце мое не забыло болѣе-яркаго, болѣе-чистаго неба». Къ этому присоединилось и славолюбіе; онъ хотѣлъ изученіемъ невѣдомыхъ странъ доставить услугу Франціи; но, по совѣту очень-опытнаго человека, графа Дюпюи, бывшаго долгое время генерал-губернаторомъ французскихъ владѣній въ Індіи, онъ рѣшился, для выполненія своего плана, вступить въ англійскую службу. Чтобы проникнуть въ тайнства Індіи, надобно было сдѣлаться Англичаниномъ; и действительно, служба въ одномъ изъ французскихъ владѣній — Пондишери, Карикаль, Шандернагоръ, утопила бы бѣднаго наблюдателя, какъ муху въ капль воды; нѣтъ никакихъ средствъ изучить всю страну во всемъ объемѣ: англійскій патріотизмъ парализируетъ всякій языкъ въ присутствіи иностранца. Напрасно понадеялся Варрѣнъ на память герцога Веллингтона, бывшаго полковникомъ его отца въ продолженіе войны противъ Типо-Самба, и отправился въ Лондонъ съ пятнадцатью наполеондорами въ карманѣ. Онъ чуть не умеръ здѣсь съ голода, и наконецъ, 1 января 1850 г., въ качествѣ мичмана (midshipman), полу-матроса, полу-офицера, отправился на купеческомъ кораблѣ въ Індію.

1-го мая 1831 года, плаваніе кончилось въ портъ Мадраса. Вотъ какъ описываетъ одинъ путешественникъ первое впечатлѣніе, производимое этимъ городомъ: «Роскошь зданій, возвышенная оптическии эффектами, высокія веранды, плоскія кровли съ террасами, бѣлыя и смѣлыя колоннады, — рѣзко выдаются на фонѣ самаго чистаго голубаго неба; все это увѣнчано громадною массою форта; прибой пѣнящагося моря, набѣгающаго на безпредѣльное протяженіе береговъ, разнообразіе судовъ, перерывающихъ поверхность водъ, группы черныхъ человѣ-

ческих фигуръ, стоящихъ на берегу,—все это живо поражаетъ путешественника, жаднаго до новости.»

«Какое упоеніе», говоритъ Жакмонъ, «какое псевдоявное очарованіе, испытываетъ всякій, вступивъ впервые на тропическій берегъ! какое глубокое впечатленіе оставляетъ навсегда въ душѣ человека, чувствительнаго къ красотамъ природы, первая картина, которую удалось ему созерцать подъ небомъ экватора!»

«Есть», говоритъ Гумбольдтъ, «есть что-то великое и могущественное въ впечатлѣніи, которое производитъ природа въ индійскомъ климатѣ, такъ что, проживъ тамъ нѣсколько мѣсяцевъ, подумаешь, будто жилъ тамъ нѣсколько лѣтъ. И дѣйствительно, все здѣсь ново и чудно. Посреди полей, въ чащѣ лѣсовъ, изглаживаются все воспоминанія Европы; потому-что, главнѣйше, растительность опредѣляетъ характеръ видимой природы, пейзажа; она-то дѣйствуетъ на наше воображеніе массою, контрастомъ своихъ формъ и яркостью своихъ красокъ. Чѣмъ живее и новѣе впечатленія, тѣмъ болѣе они ослабляютъ прежнія впечатленія. Напряженностью ихъ замѣняется ихъ продолжительность. Здѣсь солнце не свѣтитъ только: оно одѣваетъ предметы, окружаетъ ихъ легкими парами, которые, не препятствуя прозрачности воздуха, дѣлаютъ цвѣта, краски предметовъ болѣе гармоническими.»

Варрэнъ нашелъ себя пристанище у богатыхъ мадрасскихъ негодянтовъ Эрбутновъ (Arbuthnot), отличавшихся своимъ истинно-царскимъ гостепрѣимствомъ, котораго теперь уже не встрѣтишь. Золотой вѣкъ миновалъ! Теперь учреждены клубы и гостиницы на образецъ европейскій. Чтобъ придать мѣстный колоритъ нашему разсказу, заимствуемъ у автора «Англійской-Индіи» нѣкоторыя живописныя подробности тамошняго быта.

Вилла Эрбутновъ построена въ греческомъ стилѣ, съ портиками, колоннадами. «Я былъ сначала введенъ», говоритъ Варрэнъ: въ обширную восьми-угольную залу, въ которой было восемь дверей или оконъ, доходившихъ до земли и заслоненныхъ жалюзи, чрезъ которыя пріятно видѣлъ морской вѣтеръ. Диванъ занималъ средину комнаты; у двухъ параллельныхъ стѣнъ стояло по софѣ. Вообще, очень-мало мебели; ея, по возможности, избегаютъ въ этой странѣ, по причинѣ множества насѣкомыхъ, и въ особенности мушкетовъ, которые обыкновенно роями садятся на все, стоящее въ комнатахъ.»

Не мѣшаетъ взглянуть и наappartementъ, назначенный въ виллѣ нашему путешественнику. Онъ состоялъ изъ залы, спальни и комнаты для купанья. Изъ оконъ очаровательный видъ на окрестность, по которой змѣится рѣка Аджаръ; а прямо подъ окнами роскошный цвѣтникъ изъ розъ, гераніевъ, ширтъ, тюберозъ, наполнявшихъ воздухъ ароматами. Посреди спальни, пол-комнаты загромождено квадратною кроватью, футовъ въ восемь длиною и футовъ въ три вышиною. На ней чрезвычайно-жесткій матрасъ, а вмѣсто простынь и одеяла тончайшая, искусно-сотканная циновка изъ белой соломы. Пологъ изъ зеленого газа, легкій и прозрачный, закрывалъ всю кровать, чтобъ защитить спящаго отъ несносныхъ мушкетовъ. Уборный столикъ, снабженный

всѣми предметами, необходимыми для самой утонченной опрятности, кресла, нѣсколько стульевъ и письменный столъ, дополняли убранство комнаты. По окончаніи омовеній, Варрентъ принялся писать письмо къ своимъ сестрамъ:

«Нѣсколько часовъ я былъ погруженъ въ это занятіе, какъ вдругъ мое вниманіе было возбуждено пронзительнымъ пискомъ, раздавшимся, казалось, съ того самаго стола, на которомъ я писалъ. Поднявъ глаза, я увидѣлъ двухъ маленькихъ вѣкъшъ, которыя влетѣли въ одно изъ отворенныхъ оконъ и на моемъ столѣ рѣшились учинить междоусобіе. Послѣ бол, продолжавшагося нѣсколько секундъ, онѣ пустились по комнатѣ, преслѣдуя другъ друга, и исчезли въ окно. Это обстоятельство заставило меня кинуть вокругъ себя взглядъ, и я былъ изумленъ, увидѣвъ, какое множество насѣкомыхъ и пресмыкающихся всякаго рода наслаждалось вмѣстѣ со мною пріятностями моего жилища. Ящерицы всѣхъ видовъ и всѣхъ цвѣтовъ шумѣли по стѣнамъ и по потолку, гоняясь за мухами; вѣвши то-и-дѣло, что выстали и вылетали; онѣ были совершенно какъ у себя дома; иногда огромный паукъ-тарантулъ быстро пробѣгалъ по полу; наконецъ, шмели, бсы, мустики распѣвали хоромъ на разные лады. Я сохранилъ долго свое европейское предубѣжденіе противъ этой смеси общества; но послѣ нѣсколькихъ лѣтъ пребыванія въ Индіи, привыкаешь къ этой жизни, кипшащей и жужжащей вокругъ тебя,—подобно тому, какъ привыкли же въ Европѣ къ еще-болѣе несносному крику канареекъ.»

Предъ отправленіемъ въ дальнѣйшій путь, авторъ рѣшается хорошенько разсмотрѣть Мадрасъ, чтобы тѣмъ начать изученіе этой огромной мозаики Индіи, этихъ чудныхъ нравовъ, этихъ мѣстныхъ красокъ, столь рѣзкихъ какъ на племени побѣдителей, такъ и на побѣжденныхъ.

Дома этихъ купцовъ-аристократовъ Мадраса и Калькутты, при вечернемъ освѣщеніи, представляютъ нѣчто грандіозное. Залы огромнаго размѣра. Въ этомъ знойномъ климатѣ необходимъ воздухъ: поэтому — потолокъ высокъ, всѣ двери безъ створовъ, закрыты только занавѣсками изъ газа или легкой бамбуковой ткани, чтобы не впустить летучихъ мышей, которыя по захожденіи солнца завладеваютъ атмосферою. Стѣны покрыты бѣлою, блестящею штукатуркою, сдѣланною изъ толченыхъ раковинъ. Въ нѣкоторомъ разстояніи другъ отъ друга приделаны къ стѣнѣ канделябры съ многими вѣтвями, поддерживающими стеклянныя лампы, гдѣ горитъ кокосовое масло, и откуда по всей комнатѣ разливаются токи свѣта. Полы покрыты циновками изъ калькутскаго тростника, тонкими, гладкими, которыя сначала не нравятся, но послѣ доставляютъ ногамъ необыкновенно-пріятное ощущеніе своею свѣжестью.

Немногія мѣбели — чрезвычайно-роскошны и изящны; слуги многочисленны и разнообразны. Можно подуматъ, что попалъ во дворецъ.

Войдемъ въ столовую: столъ ломится подъ тяжестью мяса, между тѣмъ, какъ висящій нѣсколько футовъ надъ нимъ огромный и массивный вѣтеръ качается, какъ маятникъ: это *тунка*. До прихода собесѣд-

никовъ, его движеніе почти-незамѣтно; но лишь-только успѣлись за столъ, тутчасъ слуга раскачиваетъ его. Атмосфера приходитъ въ движеніе... Это—великое услажденіе послѣ утомленія, которое испытали вы, переходя изъ одной комнаты въ другую; отъ-того, это необходимая мѣбель въ всякой комнатѣ. За всякимъ стуломъ стоитъ слуга въ турбанѣ, съ густою бородою и усами, сложивъ на груди руки; но онъ разнимаетъ руки лишь-только вы сѣли, чтобъ придвинуть васъ ближе къ столу, чтобъ развернуть салфетку и положить ее вамъ на колѣни — услуга необходимо-нужная, потому-что вы сами не отважитесь на такой трудный подвигъ.

На столъ, свѣчи горятъ подъ красивыми стеклянными колпаками, которыхъ верхнее отверстіе закрыто скважистою крышкою, защищающею пламя отъ дуновенія пунки. Передъ всякимъ собесѣдникомъ множество стакановъ разной величины, назначенныхъ для разныхъ винъ. Каждый стаканъ покрытъ серебряною китайскою крышечкою, — необходимая предосторожность противъ насѣкомыхъ, часто роящихся вокругъ стола. Всякій вѣтъ съ тарелки о двухъ днахъ, между которыми наливается кипятокъ; вся кушанья крѣпко приправлены пряностями, искусственно-возбуждающими аппетитъ, чрезъ что по-неволѣ отягощается желудокъ.

Молодые Англичанки, съ виду такіа блѣдныя, такіа деликатныя, выпиваютъ изумительное количество пива и вина. Варрентъ разсказываетъ, что одна изъ его прекрасныхъ сосѣдокъ за столомъ выпила преспокойно полторы бутылки крѣпкаго пива, препорядочную порцію бордо, да еще за десертномъ пять или шесть бокаловъ шампанскаго. Она слѣдалась только немного-повеселѣе. И эта миссъ была не исключеніемъ, а представительницею общаго правила для всего прекраснаго пола, поселившагося въ Индіи. Этими средствами большая часть англійскихъ дамъ старается прогнать усыпленіе душевныхъ и телесныхъ силъ, производимое климатомъ. Привычка гибельная для здоровья!

Къ концу обѣда, является хуа, нечто въ родъ кальяна. Этотъ снарядъ приносится каждому собственнымъ его слугою, хуабадаромъ, котораго единственная обязанность—завѣдывать хукою и приносить ее туда; гдѣ обѣдаетъ его господинъ.

Курить не табакъ, а особенное снадобье, называемое гудакъ, — высушенныя лепешки, составленныя изъ листочковъ розъ, сахара, опія и сушеныхъ дякихъ влоекъ: рѣдко примѣшиваютъ немного табака. Для того, чтобъ этотъ составъ горѣлъ, на него кладутъ катышки изъ толченаго угля и рисовой муки, которые поддерживаютъ огонь. Это куреніе производитъ сильный ароматическій запахъ; невыносимый у насъ въ Европѣ въ затворенныхъ комнатахъ; но въ огромныхъ залахъ Индіи, при дуновеніи пунки, онъ пріятно раздражаетъ чувства. Къ этому куренію пристращаются скоро; иногда курятъ гудакъ и европейскія дамы; туземки же, всѣ безъ исключенія, отъ жены какаго-нибудь владѣтельнаго князя до послѣдней рабыни, курятъ цѣлый день. Англичане послѣ обѣда принимаются съ наслажденіемъ за хуу, усѣвшись спокойно въ углу софы или въ глубокомъ креслѣ, положивъ ноги на табуретъ, а иногда и на столъ. Съ отяжелѣвшей головою, съ полузакрыты-

ми глазами, перебираетъ курильщикъ страницы романа или журнала, и искора хукабадаръ подымаетъ кальянъ, выпавшій изъ рукъ его господиня, погруженнаго въ глубокій сонъ, который длится часа два.

Мадрасъ разделяется на бѣлый и черный городъ: это Европа и Азія, раздѣленная испанядою. Казармы, домы съ плоскою кровлею, въ испанскомъ вкусѣ, по-большой-частіи окруженные садиками; прекрасныя улицы; отѣненныя большими деревьями; дворець, множество церквей, несколько строеній во вкусъ изящной греческой архитектуры; наконецъ, важной постройки крѣпость съ своими гласисами, амбразурами, пушками; шумъ волнъ, раздающихся даже за милю отъ берега — вотъ бѣлый городъ. А тамъ, огромное селеніе, гдѣ жизнь кишитъ; жилищи; сдѣланныя изъ земли, скучены одна на другую; минареты, шибдхи, мечети: здѣсь цѣлый кварталъ въ португальскомъ вкусѣ; индѣ докъ, стоящій особнякомъ, крытый черепицею, объ одномъ этажѣ и раскрашенный вертикальными полосами различныхъ цвѣтовъ; кокосовыя деревья, тамаринъ, священное фиговое дерево о двадцати сильныхъ стволахъ, образующее своды и связывающее съ своихъ широкихъ ветвей тѣнь, прохладу, сонъ; бронзовый народъ, который движется, спитъ, работаетъ, куритъ, совершаетъ свои омовенія; и все это посреди улицы; — вотъ черный городъ. Наконецъ, безконечныя аллеи, широкія, усаженные прекраснѣйшими деревьями и окаймленныя великолѣпными виллами, дорическими, іоническими, коринтскими, — вотъ the Gardens, очаровательное затвордье Мадраса.

Любопытно взглянуть на эту жизнь чернаго города. Раюо утромъ, большая часть народонаселенія, бѣдные всѣхъ классовъ, ремесленники, рабочіе, вѣденщики, еще спятъ подлѣ открытымъ небомъ на ционоккахъ, а чаще на голой землѣ, каждый передъ дверьми своего жилища. Турбанъ служитъ мужчинамъ изголовьемъ, а женщины подстилаютъ себя подлѣ голову свои косы. Каждый спитъ покрывшись полою своего платья, чтобъ укрыться отъ росы и пасъкомыхъ. Мужъ и жена спятъ подлѣ единымъ полотномъ, служащимъ во время дня юбкою женѣ, а ночью покрываломъ для обоихъ. Иногда два или три такія пары, разныя поколенія одного и того же семейства, лежатъ одна подлѣ другой.

По-моря-того, какъ восходитъ солнце, эти люди встаютъ; тогда начинается туалетъ, также подлѣ открытымъ небомъ. Жена приноситъ воды и лаетъ ее на голову и плечи мужу, который сидитъ на корточкахъ; она моетъ его, утираетъ, иногда даже масломъ умащаетъ все его тѣло, чешетъ и заноситъ ему волосы, всегда очень-длинные, но иногда оставленные на головѣ однимъ чубомъ; наконецъ, смотря по тому, послѣдователь онъ Брамы, Вишну или Шивы, она расписываетъ ему на лбу различныя вертикальныя или горизонтальныя линіи, бѣлыя, желтыя и красныя, самыми яркими красками, которыя должны служить знакомъ касты.

По окончаніи этой операціи, мужъ и господинъ садится на корточки, какъ обезьяна, на порогъ своего обиталища, и важно куритъ хуку. Жена, или, лучше сказать, жены, прежде, чѣмъ заняться собственнымъ туалетомъ, выметаютъ домъ и ту часть улицы, которая служила

спальнею; потомъ, онѣ вымазываютъ стѣны каломъ коровы, разведеннымъ водою. Корова — священное животное по понятіямъ Индійца; но этотъ обрядъ имѣетъ также свою практическую сторону: имъ уничтожаются миазмы и насѣкомыя.

Передъ порогомъ каждаго дома, висятся благородныя кокосовыя деревья; нѣжныя мимозы граціозно клонятъ свои нѣжныя листья. Какое богатство! какая роскошь, красота природы! какая нищета! какая бедность человека! Дети, мальчики и дѣвочки, валяются по землѣ; никто не заботится объ нихъ; лѣтъ до десяти они бѣгаютъ совершенно-нагія. Они играютъ между собою, но какъ-то вяло, съ какою-то олегом. Отъ большаго количества пожираемаго ими риса, у всѣхъ у нихъ отвислое брюхо. Они робки и съ крикомъ убѣгаютъ при видѣ незнакомца. Съ восходомъ солнца, раздается зарева пушка съ форта св. Георгія и слышатся призывныя распѣвы муэдзина.

Выжидая себя вакантнаго мѣста въ войскахъ королевы, Варренъ тѣмъ временемъ странствовалъ по Индіи, посѣтилъ Пондшери и оцѣнилъ уничтоженіе вліянія Франціи въ этихъ странахъ, гдѣ подвиги Бюсси, Лабурдонэ и Дюплэ остались напрасными. Потомъ онъ отправился въ Гайдерабадъ, столицу пизама, по имени «независимаго», но на дѣлѣ находящагося подъ протекторствомъ компаніи. Гайдерабадъ былъ столицей имперіи, извѣстной въ лѣтописяхъ исторіи и въ поэзіи Востока подъ именемъ Голкондскаго-Царства.

Здѣсь, по пути, на всякомъ шагѣ слѣды разрушенія: прежнія дороги, стѣтъхъ-поръ, какъ Англичане совершенно овладѣли страной, пришли въ упадокъ; каналы и резервуары, отъ которыхъ здѣсь такъ много зависятъ земледѣліе, вовсе не поддерживаются англійскою компаніею.

Кришна есть Гангъ южнаго полуострова Индіи: ея воды также священны; она также заключаетъ на днѣ своемъ алмазы, золото, драгоценныя камни, и религія и поэзія равно украсили ее своими вымыслами. Она служитъ на югъ границею Гайдерабаду. Это государство называется также Деканъ, и некогда было провинціею Монгольской-Имперіи, но съ 1732 года низмаи или губернаторы сдѣлались независимыми, наследственными владѣльцами. Эта территорія имѣетъ 47,700 квадратныхъ льё и заключаетъ въ себѣ 12,000,000 жителей.

Здѣсь, за Кришною, природа дѣича; на всякомъ шагѣ встрѣчаются слѣды дикихъ звѣрей, особенно тигровъ, вездѣ, гдѣ вблизи земли сохраняется ихъ оттиски. Селенія рѣдки; всѣ окружены палисадами; у каждаго изъ нихъ возвышается футовъ десять надъ землею деревянная кѣтка, откуда шикари или охотники стерегутъ появленіе чудовища, которое ночью рыскаетъ у обиталища человека. Путешественникъ долженъ надѣяться болѣе на свой карабинъ и на свое мужество, нежели на законы и полицію. Разбойники, впрочемъ, рѣдко нападаютъ на Европейца, опасаясь непремѣнныхъ розысковъ и отищенія. «Бѣдныя баги, носильщики паланкина» говоритъ нашъ путешественникъ: «предлагаются «ужасному страху; особенно ночью, когда надо было проходить по лѣсу. «Гдѣ водятся тигры, каждый изъ нихъ вооружался зажженнымъ факеломъ, и они, бѣжавъ во всю мочь, выпускали ужасные крики: все это

спутано взарей, которые углублялись въ чащу лѣса. Я наслаждался «этими зрѣлищемъ опасности, сидя въ своемъ паланкинѣ».

Царство Голконды, находившееся прежде подъ вліяніемъ Французовъ, съ паденіемъ ихъ могущества въ Индіи подпало подъ милостивое покровительство англійской компаніи. Всякому извѣстно, чѣмъ оканчивается такая дружба. Низамъ и его потомки исчезли въ неизвестности гаремовъ, между тѣмъ, какъ британскіе резиденты разъягрывали, согласно видамъ англійской политики, роль палатныхъ мэровъ. Войско низама было преобразовано на-манеръ англійскихъ войскъ, въ числѣ 12,000 человекъ, и много оказало услугъ компаніи въ войнѣ противъ Тило-Самба, подъ начальствомъ полковника Артура Уэллеса, въ-послѣдствіи герцога Веллингтона. Этотъ корпусъ особенно прославился при осадѣ Серингпатама 4 мая 1799 года.

300,000 фунтовъ стерлинговъ, нужныхъ на содержаніе этого войска, должны быть выплачиваемы компаніи, которая сама распределяетъ эти суммы.

Въ 1843 году, министромъ низама, избраннымъ Англією для управленія этою огромною странюю, былъ знаменитый раджа Шандулаъ, старикъ семидесяти-двухъ лѣтъ, вступившій въ эту должность съ 1808 года (*). Его система состояла въ томъ, чтобъ какъ-можно-болѣе взять съ различныхъ откупщиковъ; а имъ въ возмездіе предоставлялась полная свобода грабить народъ. Въ свою очередь, Шандулаъ не терялъ случая кѣфайсовать по своей фантазіи нажитое неправдою.

Варрэнъ жилъ нѣсколько мѣсяцевъ въ гайдерабадскихъ владѣніяхъ, но не имѣлъ возможности посѣтить Новую-Голконду. «Отправиться туда безъ свиты, въ европейскомъ нарядѣ», говоритъ онъ: «пѣшкомъ, на конѣ или даже въ паланкинѣ было бы отчаяннымъ безразсудствомъ. Всякій жюга (нищенствующій индійскій орденъ) дѣлалъ бы мнѣ на пути оскорбленія, всякій факиръ (нищенствующій мусульманскій орденъ) осѣпалъ бы проклятіями невѣрнаго и призывалъ бы на него преслѣдованіе народа. По-этому, надо было ждать случая, который представляется въ годъ два-три, когда англійскій резидентъ приглашенъ на какой-нибудь ниръ къ низаму или его министру.» Въ подобномъ случаѣ, всякій Европеецъ имѣетъ право участвовать въ этомъ торжественномъ поѣздѣ, чрезъ что самый поѣздъ увеличивается, разнообразится,—а эта пестрота, разноцвѣтность, блескъ сильно дѣйствуютъ на азіатскую толпу. Теперь представлялся удобный случай. Шандулаъ давалъ праздникъ у себя, въ загородномъ домѣ или багадери; но чтобъ доѣхать туда, надо было проѣхать вдоль по всей столицѣ; на нѣсколько времени должно было даже остановиться во дворцѣ министра.

Домъ англійскаго резидента построенъ великолѣпно, въ греческомъ вкусѣ, съ портиками, колоннадами: такое строеніе было бы у мѣста въ любой столицѣ Европы; только матеріалы для построекъ вообще очень-

(*) «Въ октябрѣ 1843 года» пишетъ Варрэнъ: «когда я печатаю свою книгу, узнаю, что Шандулаъ вышелъ въ отставку, не смотря на всѣ убѣжденія Англій. Страхъ «метошена совершенно; какъ-то пойдетъ машина субсидіарнаго правленія?»

непрочны. Внутренность этихъ палатъ обильна съ удивительнымъ богатствомъ, какого нынче нельзя встрѣтить въ европейскихъ дворцахъ. Побѣдители, похитившіе мѣсто Акбара и Аурангзеба, чувствовали необходимость ослабить восточное воображеніе роскошью, которая бы напоминала блескъ этихъ знаменитыхъ троновъ, если умъ не могла съ ними сравниться.

Англійское правительство отпускаетъ резиденту большія суммы на содержаніе суварри — огромной свиты, которою европейскіе уполномоченные должны окружать себя, но примѣру индійскихъ владѣтелей. Для настоящаго поѣзда, было приготолено отъ пятнадцати до двадцати слоновъ; всѣ они покрыты алыми, богато золотомъ вышитыми чепраками; у однихъ изъ нихъ былъ на спинѣ родъ дивана, у другихъ квадратная площадка съ подушками, а надъ ней китайскій навильйончикъ, въ которомъ надо усасться, поджавъ подъ себя ноги; другіе же, наконецъ, — и это самыя удобныя, — шьли на спинѣ безколесный фаэтонъ, въ которомъ можно сидѣть двумъ рядомъ; еще сзади мѣсто для слуги, которое обыкновенно остается пустымъ.

У каждаго слона сидитъ на шеѣ вожатый, или корнакъ, а сзади идетъ пашимомъ слуга, который ведетъ рѣчи съ умнымъ животнымъ: утѣшаетъ его идти смирно, не шалить хоботомъ, въ-особенности не веревать ничего мимоходомъ, въ лавкахъ, общая ему по возвращеніи свѣжихъ листьевъ (*).

Поѣздъ резидента движется цѣлою колонною при звукѣ тамбуровъ и цимбалъ, предшествуемый хобдарами и піонами — вершниками, разгоняющими народъ; а сзади его — отрядъ кавалеріи компанейскихъ войскъ и свита.

Взглянемъ на Гайдерабадъ, одинъ изъ обширнѣйшихъ и населеннѣйшихъ городовъ Южной-Индіи: въ немъ до 250,000 жителей. Онъ такъ же, какъ и большая часть другихъ индійскихъ городовъ, построенъ крестообразно. Двѣ главныя улицы пересѣкаются на большой площади, посреди которой огромная мечеть съ четырьмя минаретами; съ платформы этого храма открывается яркая, пестрая панорама; отсюда видны только главныя улицы; въ узкія же и тѣсныя, съ этой высоты ничего не видно. Всюду башни, готическіе своды, балконы, жалюзіи, балюстрады, куполы круглыя и остроконечныя; все это, какъ новость, пора-

(*) Интересны подробности ѣзды на слонахъ: для того, чтобъ усасться въ этотъ воздушный экипажъ, приучаютъ слона ложиться на брѣхо, вытянувъ совершенно переднія ноги и присѣвъ на колѣни заднихъ ногъ. Когда вберутся на лѣстнички къ нему на спину, корнакъ словами принуждаетъ слона встать: *nu! leivel leivel* (уть! хастѣ, джи, хастѣ!) Но не всегда слова дѣйствуютъ на это умное животное: для этого также придумано средство: на шеѣ слона растравляется лезва, которая для того, чтобъ не чувствовалась боль, умащается бальзамическими маслами. Корнакъ держитъ въ рукѣ оружіе въ родѣ аллебарды, сдѣланное изъ ибди или серебра; если слонъ дважды заставитъ повторить приказаніе, вожатый бьетъ этимъ орудіемъ по лезвѣ: колоссъ испускаетъ пронзительный крикъ, и немедленно повинуется. Все же удивительнѣе, что ибѣ почти примировъ, исключая случаевъ чрезвычайной жестокости со стороны вожатаго, — чтобъ терпѣливое животное не поумалось смѣргнуть съ себя иго своего маленькаго мучителя.

жасть взоръ Европейца. Но, стоя на этомъ мѣстѣ, легко можно развѣдрать роль хромаго-бѣса, т. е. видѣть, что дѣлается въ домахъ. Кровамы домы, по-большей-части плоскія, окружены довольно-высокимъ парапетомъ: сюда-то выходятъ подышать свѣжимъ воздухомъ жены всякаго горожанина безъ покрывалъ, въ полной увѣренности, что ихъ никто не видитъ ни съ улицы, ни съ соседнихъ террасъ. Бѣда, если ревнивый мусульманинъ завидитъ любопытнаго: меткая пуля можетъ наказати его за эту дерзость.

Но лишь сойдете съ этого высокаго пункта, въ самый городъ, въ эти тѣсныя, удушливныя улицы, — самое тяжкое, непріятное ощущеніе смѣнить ваше прежнее удовольствіе. Высокіе, двухъ, трехъ и четырехъ-этажные домы по обѣимъ сторонамъ улицы мѣшаютъ дневному свѣту освѣщать ихъ; въ нихъ-самихъ что-то мрачное, напоминающее тюремный замокъ: снаружи высокія стѣны безъ отверстій; кое-гдѣ пробиты узкія бойницы, футовъ въ двадцать или въ тридцать надъ землею; всѣ двери и окна, кромѣ входной двери, обращены на внутренней дворъ, куда не проникаетъ глазъ проходящаго. Часто чрезъ улицу съ одного дома на другой перекинутъ сводъ; есть даже цѣлыя улицы, гдѣ подобныя своды образуютъ непрерывную кровлю. Мѣстами, поперегъ улицы стоять стѣны съ воротами, которую стоить только запереть, чтобъ превратить цѣлый кварталъ въ крѣпость. Множество глухихъ, безвыходныхъ переулковъ, вѣчное жилище бѣдности и холеры; здѣсь, посреди и вдоль всей улицы, тѣсной и грязной, проборождена глубокая колея, наполненная отвратительными помоями и нечистотами, заражающими атмосферу. Но въ четырехъ главныхъ улицахъ, ведущихъ на главную площадь, все весело и полно движенія; толпы народа пестрятъ разноцвѣтными одеждами. Женщины не показываются на улицу иначе, какъ въ паланкинахъ или въ хамра (*), запряженныхъ волами.

Весь городъ не очень-старинной постройки; вовсе нѣтъ замѣчательныхъ зданій. На многочисленныхъ, лежащихъ въ городѣ кладбищахъ, виднѣется множество изящныхъ памятниковъ причудливой мусульманской архитектуры, посреда кушъ густой зелени.

На базаръ можно наблюдать за промышленнымъ движеніемъ народа. Здѣсь вся главнѣйшія лавки. У портныхъ выставлены самыя драгоценныя произведенія Кашмира и Дѣли. Всѣ ремесленники занимаются своимъ дѣломъ въ открытыхъ лавкахъ. Въмѣсто вывѣски, у каждаго развѣшены свои издѣлія: предъ мастерскою красильщика большіе куски матеріи, самыхъ яркихъ цвѣтовъ, развѣшены на длинныхъ жердяхъ. Всего свѣтлѣе передъ лавками котельниковъ, у которыхъ выставлены свѣтящіеся мѣдныя тазы и другіе сосуды. На всякой улицѣ сидятъ мѣнялы, которые вмѣстѣ съ тѣмъ и ростовщики. Далѣе, пирожники, пекущіе открыто свои сласти, которыя, покрытыя пылью, все еще влекутъ къ себѣ гастрономовъ.

Здѣсь, въ Гайдерабадъ, можно купить самыя лучшіе драгоценныя камни, алмазы, рубины, изумруды, гранаты, а особливо жемчугъ: ихъ

(*) Нѣчто въ родѣ мадильской кареты, родъ азіатскаго фіакра.

продаютъ еще недавніе богачи, для того, чтобъ не умереть съ голода. Здѣсь же чудныя таши бенаресскія изъ золота и серебра.

Багадери, загородная вилла Шандулала, напоминаетъ одну изъ пяти-стихъ страницъ «Тысячи и Одной Ночи»; это лабиринтъ кіосковъ, садовъ, фонтановъ; вмѣсто нашихъ зеленыхъ луговъ изъ дерна, здѣсь стелются пестрые ковры, изъ всѣхъ возможныхъ цвѣтовъ, между которыми всего болѣе бальзамиковъ, гераніевъ, и особенно блага и алаго мака.

Резидентъ съ свитой былъ встрѣченъ самимъ Шандулаомъ, уже очень-ветхимъ. Министръ низама имѣлъ на головѣ тюрбанъ касты брахмановъ и былъ одѣтъ очень-просто въ тунику изъ блага мусселина, и турецкіе шелковыя, кармазиннаго цвѣта шальвары; онъ былъ обутъ въ бѣлыя шелковыя чулки, безъ пантуфль и бабушь (которымъ онъ снялъ въ честь посѣтителей); прекрасная турецкая шаль опоясывала его согбенный станъ. На немъ было не много драгоценныхъ камней, только нѣсколько перстней, на которыхъ особенно отличались огромный алмазъ, бросавшій чудный блескъ, и рубинъ съ его печатью, вырѣзанною персидскими буквами. Во всей его физиономіи выражается хитрость, пронырство. Гости вошли, по восточному обычаю, снявъ сапоги.

Праздникъ начался тѣмъ, что угостили посѣтителей зрѣлищемъ фонтановъ и разныхъ гидростатическихъ потѣхъ, которыя ничтожны въ сравненіи съ европейскими. Въ объединенную залу, посѣтителѣ были введены обвитые гирляндами изъ бѣлыхъ душистыхъ жасминовъ. Все на столѣ стояло простылое, безъ вкуса. Серебряныя блюда, роскошныя канделябры были въ рѣзкомъ контрастѣ съ тутъ же стоявшими мѣдными подсвѣчниками. Чудныя зеркала во всю стѣну были все покрыты пылью и грязью. Самое варварское пѣніе и такая же музыка оглушала парующихъ. Самыя лучшія европейскія вина, правда, вознаграждали за все это.

Послѣ обѣда, посѣтителѣ вошли въ другую залу. Стѣны ея были написаны во вкусъ фигуръ карточной колоды, яркими красками. Смежный съ ней кабинетъ облепленъ осколками дорогихъ фарфоровыхъ издѣлій, что производитъ странный эффектъ. Множество зажженныхъ лампъ изъ разноцвѣтныхъ стеколъ развѣшены безъ толку на всѣхъ колонахъ галерей и на всѣхъ балконахъ, выходящихъ на обширный внутренній дворъ, надъ которымъ палаткою натянута было огромное полотно. Множество зрителей стеклось посмотреть на пляски баядерокъ; Индѣецъ готовъ цѣлый вѣкъ сидѣть и смотрѣть на этихъ танцовщицъ.

Эти женщины дѣйствительно чрезвычайно-граціозны, но ихъ одежды слишкомъ-объемисты. Онѣ носятъ широкіе свѣтлыя шелковыя панталоны, украшенные бордюрами и серебряными вышивками, но такіе длинныя, что только иногда, нрѣдка, можно увидѣть богатыя кольца съ погремучками, обхватывающія лодыжку. На пальцахъ ногъ у нихъ также кольца. Юбка изъ дорогой матеріи, очень-широкая, густо-вышита золотыми или серебряными бордюрами и оторочена такими же бахромами. Куртка, плотно-обхватывающая грудь, совершенно скрыта

подъ огромнымъ покрываломъ, ниспадающимъ спереди и сзади. Руки и шея покрыты дорогими каменьями, и волосы, приподнятые серебряными лентами, прикреплены изящными булавками. Въ ушахъ продѣто множество серегъ, которыя висятъ цілою бахромою; серьга, продѣтая въ носу, имѣетъ діаметръ двухъ-франковой монеты: она состоитъ изъ тоненькаго золотого прутика; жемчужина и два или три драгоценные камешка привѣшены къ ней и очень-неграціозно болтаются передъ ртомъ. На Европейца пѣніе ихъ и пляски, натшъ, производятъ самое непріятное впечатлѣніе: это крики и коверканья, иногда, правда, соединенные съ сладострастнымъ кокетствомъ. Брахманы воспитываютъ ихъ при храмахъ, въ правлахъ несовсѣмъ-строгой нравственности. Но ихъ не надо ставить на одну доску съ европейскими публичными женщинами. Опъ не составляютъ предмета общаго презрѣнія, но, напротивъ, есть случаи, что даже нѣкотораго рода уваженіе сопровождается ихъ въ могилу, и ихъ мавзолей содерничаютъ съ памятниками надъ могилами султаншъ.

За трельяжами залы находились невидимые зрители: это были дамы гарема Шандулала и его сына. Праздникъ довершился потѣшными огнями.

Въ октябрѣ наступаетъ эпоха большихъ праздниковъ, которые ежегодно приводятъ въ движеніе все индусское населеніе, исповѣдывающее религію Брамь. Рамлила, празднуемый ими, можетъ охарактеризовать ихъ нравы. Опъ имѣетъ отношеніе къ одному эпизоду ихъ исторіи — къ шестому и самому знаменитому воплощенію Вишну, о которомъ вотъ что говоритъ преданіе: Вишну былъ принужденъ почему-то Иадою, сыномъ Брамь (творца), сойти на землю въ человѣческомъ образѣ: опъ и родился, подъ именемъ Рамь, отъ жены сіамскаго царя. Имъ пятнадцать лѣтъ отъ роду, опъ покинулъ отеческій кровъ; въ сопровожденіи жены своей Сѣты и брата Лукмана, перешелъ опъ Гангъ и сталъ проповѣдывать во всемъ Индустанъ ученіе о переселеніи душъ. Во время этихъ странствій, Равана или Равану, тогдашній царь Цейлона, нашелъ средство похитить жену его, Сѣту, и только послѣ долгихъ битвъ и долгой осады, совершенно-гомеровской, Рамъ удалось отбить ее при пособіи войска обезьянъ, подъ предводительствомъ знаменитой обезьяны, называвшейся Гануманъ.

Церемоніи Рамлилы — не что иное, какъ представленіе въ лицахъ этой религіозной драмы.

Приготовленія продолжаются нѣсколько недель. Въ это время, сипай безостановочно строятъ на равнинѣ родъ крѣпости, которую должны осаждать Рама и Лукманъ.

Разставляютъ множество колоссальныхъ идоловъ, окруженныхъ самыми странными фигурами, — конями, слонами, сдѣланными изъ глины и соломы: во внутренность кладется порохъ. Война длится нѣсколько дней, при звукахъ оглушительныхъ трубъ — тамтамовъ. Всякій вечеръ подвозятъ на огромныхъ колесницахъ какое-нибудь новое божество, долженствующее присоединиться къ тому или другому войску. Наконецъ, Равану, истуканъ футовъ въ сорокъ, съ девятью головами, многору-

вій, побѣждаетъ Рамою и Лукманомъ, при помощи войска обезьянъ — людей, наряженныхъ въ самыя ужасныя маски, похожихъ на демоновъ, — и съ страшнымъ громоу и трескомъ взлетаетъ на воздухъ. Вся эта церемонія длится дней девять.

Неисчислимое множество народа стекается на это зрѣлище: это какъ-бы сто-тысячный таборъ Цыганъ; тысячи разнородныхъ, разноцвѣтныхъ одеждъ. И все это движется, хохочетъ, куритъ, поетъ и кричитъ. Это—движущееся море головъ людей и животныхъ. Часто слонъ, веся посреди этой толпы своего повелителя, хоботомъ тихонько отставляетъ къ сторонѣ стоящаго ему на пути безнечнаго зрителя, чтобъ не раздавить бѣднаго зваку.

Праздникъ оканчивается за-полночь: все-еще слышны взрывы, летитъ на воздухъ все, — воинство Равану, его кони, слоны; и толпа рукоплещетъ неистово. При внезапныхъ озареніяхъ мрака ночи этими взрывами, страшные образы идоловъ кажутся еще страшнѣе. Это зрѣлище сильно поражаетъ воображеніе.

Годъ въ Индіи не слѣдуетъ тѣмъ же атмосферическимъ раздѣленіямъ, какъ у насъ. Здѣсь, собственно говоря, известны только три времени года: жары съ 1-го февраля по 15 іюня; дожди по 1-е октября, и наконецъ зима съ 1-го октября по 1-е февраля.

Во время жаркихъ мѣсяцевъ, въ Индіи нѣтъ никакого спасенія отъ дадащаго зноя. Жизнь дѣлается тяжелымъ бременемъ: занятія теряютъ прелесть, и бездѣйствіе не имѣетъ болѣе очарованія; разговоръ дѣлается трудомъ, удивленіе также невыносимо. Весь свѣтъ какъ-бы въ огнѣ. У всякъ проявляется одинъ только инстинктъ, одно эгонистическое желаніе—спасти себя-самого отъ общаго пожара природы. Въ тѣлѣ непріятное ощущеніе: кажется, будто вся кровь прильва въ голову; нѣрѣдко для облегченія припускаютъ къ головѣ шиваицъ. Дыханіе укорачивается, ватрудняется. Утромъ, при пробужденіи, чувствуешь утомленіе во всемъ тѣлѣ; свѣтъ невыносимъ для глазъ: тогда вся сидятъ въ совершенной темнотѣ; дома Европейцевъ отворяются только ночью; лишь-только восходитъ солнце, ихъ совершенно запираютъ. Предъ окнами, въ которыхъ дуетъ вѣтеръ, передъ каждою дверью, гдѣ можно образовать сквозной вѣтеръ, растянуты татти, родъ толстыхъ, рѣдкихъ роговъ, сплетенныхъ изъ корней ветивера. По обѣ стороны, съ улицы, стоятъ по сосуду съ водою, и эти сосуды безпрестанно наполняются водою. Два или три слуги-Индійца, обнаженные до самаго лангута, черные и свѣдѣющиеся, сдѣланные какъ изъ гагата, ежеминутно аспрыскиваютъ татти. Воздухъ, проходящій чрезъ эти ткани, безпрестанно испаря воду, капающую вдоль корней циновокъ, очень охлаждается, и вмѣстѣ съ свѣжестью вноситъ въ комнаты пріятный запахъ ветивера.

Всякій, сидя дома, прохлаждается такимъ образомъ; къ этому еще присоединяется давѣваніе пунки, огромнаго вѣера, безпрестанно приподнимаго въ движеніе слугою. «Такимъ-образомъ» говоритъ Жамонъ: «можно кое-какъ заняться дѣломъ, чтеніемъ; но вы вскорѣ замѣчаете, что вниманіе ваше слабѣетъ, потъ выступаетъ на лбу, и лѣнь одолеваетъ васъ; вы обертываетесь: пунка безъ движенія; слуга, баги, дер-

снять въ рукѣ шнурокъ, но снять крайнимъ ономъ, поникнувъ на землю, а вы вся въ жару. Вы кричите, слуга пробуждается, сильно дергаетъ нунку... и вы испытываете пріятную прохладу.» — Ночью все эти отворены; спать безъ всякихъ покрововъ, лишь-только легкій гимовый пологъ защищаетъ отъ несносныхъ мустиковъ; все тихо; не выдохнется ни одинъ листикъ жасмина, фестонами обцѣпившаго окна; складки разоваго полога недвижны, какъ изваянная драпировка гробницы. Всю ночь колышется нунка рукою несчастнаго наемника; безъ того воздухъ душманъ, невыносимъ. Но эта ужасная, убійственная тишина есть апогей и конецъ жаровъ: это обыкновенно первый предвѣстникъ эпохи дождей. Иеръдака уже слышатся раскаты грома, солнце заходитъ въ облакахъ и всякій разъ молніи сверкаютъ на всѣхъ концахъ горизонта. Въ концѣ мая, наступаютъ первыя грозы, кратковременныя, но ужасныя. Дождь по полу-часу леть-лнма, со-два-на-день болѣе; страшныя дождевыя тучи грозятъ потопить всю землю. Въ іюнѣ, дождь леть ерду часомъ тридцать или сорокъ, и не такъ, какъ въ нашомъ климатѣ, а прямыми, параллельными струями, часто даже цѣлымъ каскадомъ. Жалкія мазанки несчастныхъ Индійцевъ гибнутъ въ этикъ потокахъ, а съ ними часто гибнутъ и ихъ владѣльцы. Это эпоха ужаснаго бѣдствія, нещадящая даже богатыхъ и побѣдителей; самыя отвратительныя пресмыкающіяся, гады, потопляемые въ своихъ норахъ, выскакиваютъ, выносятся на земную поверхность, и ищутъ убійства въ явлицѣ человека. Множество ужей, тысяченожекъ, скорпионовъ ползутъ по лѣтвицамъ, вторгаются въ комнаты. Страшно въ-почьмахъ у себя, дома, сделать шагъ: можно наступить на какое-нибудь твореніе, которое ужалитъ смертельно. Осмотрительно надо надѣвать саногъ, платье, потому-что закрашаяся гадина можетъ смертью наказать неосторожнаго. Но это ужасное время длится не долго: муссонъ уже на исходе въ концѣ августа и исчезаетъ совершенно въ концѣ сентабря. Слѣдующее за тѣмъ время до начала февраля очаровательно и застываетъ воспоминанія предшествовавшихъ бѣдствія. Воздухъ такъ чистъ, природа такъ прекрасна!

Въ эти-то прелестные дни наступаютъ весенніе праздники, когда всамый бѣдный Индеецъ забываетъ все свое горе. Самый удивительный изъ нихъ—это Дурга-Пуша, въ честь жестокой Кали, богини убійства и разврата, которая наслаждается человѣческими страданіями. Въ эти-то минуты, характеръ Индійца дѣлается совершенною загадкою: является рядъ контрастовъ, самыхъ противоположныхъ явленій. Человекъ, который божится во все левати при ударѣ бича, который умаетъ только опускать голову и висуется кривы, когда Европеецъ подымаетъ на него руку,—этотъ самый человекъ съ удивительною твердостью духа умираетъ подъ колесницею Ягернауа. Безъ всякихъ моральныхъ побужденій, безъ фанатизма, онъ за умѣренную плату подвергаетъ себя самымъ ужаснымъ мучамъ, которыя необходимы для надлежащей обстановки этихъ празднествъ.

Мусульмане имѣютъ также свои праздники, правда, не столь ужасныя, но также носящія на себѣ причудливыя мѣстныя краски. Одинъ изъ

замѣчательнѣйшихъ — Мохорумъ, празднуемый 7 июля шіятами или мусульманами секты Алія, въ воспоминаніе избіенія Гуссейна, одного изъ сыновей Алія, зятя пророка. Моавія, зарладѣвшій престоломъ калифовъ, въ узкомъ ущельи избилъ Гуссейна съ его приверженцами; и несчастный погубъ на рукахъ своей сестры, Фатимы. На этомъ ночномъ празднѣкѣ, гдѣ въ лицахъ представляется страшная катастрофа, часто шіиты въ фанатизмъ устремляются на суннитовъ, при бжестѣ факеловъ, и иногда дѣло кончается кроваво.

Близъ нѣкогда славнаго Ауренгабада, основаннаго Аурейнѣбомъ, давшимъ ему свое имя, и на время затмившаго даже самую императорскую столицу Дѣли, близъ Ауренгабада, теперь покрытаго развалинами великолѣпныхъ дворцовъ и памятниковъ, — находятся подземные храмы Эллары. Взглянемъ на эти гигантскія созданія, которыя такъ часто имѣли тщетно пытались описывать, и которыя съ трудомъ можно принять за созданію рукъ человека: такъ онъ, художникъ, малъ подлѣ своего творенія! «Душевныя впечатлѣнія Брюса», пишетъ одинъ англійскій туристъ, Силей (Seeley), «открывшаго впервые истоки Нила, не были живые и взволнованные Monkъ, когда я вдругъ очутился въ храмахъ Эллары. Нельзя выразить того остоленія, которое овладѣваетъ вами съ перваго раза. Глазъ ослѣпленъ, мозгъ потрясенъ, разумъ колеблется. Такова-то поразительная разнообразность предметовъ, разномъ выдающихся со всѣхъ сторонъ, что первое впечатлѣніе есть смѣсь страха, изумленія; и надо долго, долго опоминаться, чтобъ со вниманіемъ созерцать окружающія васъ дива.» Тишина, смертное безмолвіе, здѣсь царствующія, пустыня окрестныхъ долинъ, романтическая прелесть пейзажа, самая эта гора, со всѣхъ сторонъ пронизанная просвѣтами, — все настроиваетъ путника новыми ощущеніями, совершенно-отличными отъ тѣхъ, которыя онъ испыталъ при видѣ самыхъ великолѣпныхъ зданій, стоящихъ посреди человеческой дѣятельности. Все въ этихъ мѣстахъ располагаетъ къ созерцанію, и вслѣдъ изъ окружающихъ предметовъ уноситъ мысль въ отдаленныя эпохи, въ которыя жили эти могущественные народы, достигшіе до высокой степени цивилизаціи, когда обитатели Европы находились еще въ дѣломъ состояніи, посреди лѣсовъ и степей.

Представьте себѣ свое изумленіе, когда вдругъ взоръ вашъ открываетъ въ самомъ нѣдрѣ земли, при отверстіи глубокой пещеры, колоссальный храмъ, высеченный въ скалѣ, гордо-высящійся въ небо, отдаленный отъ главной горы огромною многоугольною эспланадою. Эта скала имѣетъ въ окружности не менѣе пяти-сотъ футовъ и возвышается одною сплошною массою, футовъ на сто надъ своимъ основаніемъ. Храмъ такъ же дивенъ въ цѣломъ, какъ и въ подробностяхъ: безчисленныя изваянія людей и животныхъ, фризы, колонны, часовни, высшія почти на воздухъ, обширныя залы, — все дышитъ здѣсь самымъ живымъ вкусомъ, и, непонятное дѣло, ничего не не достаетъ, не смотря на время и людей, все разрушающихъ; лѣстницы даже до верхнихъ галерей, двери, окна, аркады, — все на своемъ мѣстѣ, въ совершенной дѣлности. Три яруса подземныхъ галерей врезаны въ гранитный полъ,

огражающій вершину, и глубоко проникають въ горныя основы, представляя цѣлый пантеонъ индійскихъ божествъ.

Знаменитое имя Голконды осталось теперь только за крепостцю, живописно-расположенною на скалахъ, близъ развалинъ стараго Гайдерабада или Серонаггара, въ двухъ льѣ отъ настоящей столицы. Самопо-себѣ, какъ крепость, это мѣсто ничтожно: но это кладовая для драгоценностей низама, откуда, со-временемъ, онъ перейдутъ къ Англичанамъ. Народное преданіе говоритъ, что здѣсь находится мѣсто знаменитыхъ алмазныхъ копей; это ошибка, вѣроятно, основанная на томъ, что въ казнохранилищахъ низама дѣйствительно множество такихъ многоцѣнныхъ рѣдкостей; на самомъ же дѣлѣ алмазныя копи находятся въ сосѣдней провинціи, на Коромандельскомъ-Берегу, насколько на сѣверъ отъ Музалипатама. Ихъ разработка нынѣ почти вовсе оставлена, хотя и предоставлена частной дѣятельности. Туземцы приписываютъ истощенію копей уменьшеніе алмазовъ. Но Жакмонъ справедливо замѣчаетъ, что причиною этому надо полагать все болѣе и болѣе уменьшающуюся цѣнность драгоценныхъ камней, отъ-чего разработка ихъ и теперь уже едва-едва вознагражима.

Близъ голкондской крепости кладбище, усыпное гробницами кутубшаховой династіи. Эти огромные куполы, эти массивные своды представляютъ непроницаемую защиту отъ лучей солнца; здѣсь любимое мѣсто отдыха и прогулокъ. Цѣлыя стаи дикихъ голубей витають въ этомъ убѣжищѣ. Надо прожить нѣсколько времени въ Индіи, чтобы представить себѣ, какъ можно весело проводить цѣлые дни и спать спокойно ночью подъ мрачнымъ сводомъ мавзолея, вѣсть съ добрымъ аппетитомъ на саркофагъ изъ чернаго мрамора, гдѣ красивая арабская надпись прославляетъ доблести и подвиги владыки, котораго прахъ подъ вашими ногами, между-тѣмъ, какъ надъ вашею головою летучія мыши описываютъ неутомимые круги, а вохъ огромнаго свода глухо, сердито вторитъ раскатамъ вашего неумѣстнаго смѣха.

Вотъ передъ нами замѣчательное лицо туземной общественности: жогі, религиозный фанатикъ нищенствующаго индуискаго ордена. Онъ, подобно всѣмъ своимъ братьямъ, полу-помѣшанъ: онъ совершенно нагъ, но все его тѣло вымазано коровьимъ каломъ, усыпаннымъ пылью; волосы его длинны, перемѣшаны съ нечистотою; жесткая, густая, включенная борода покрываетъ его грудь. Длинные ногти, которыхъ они такъ же, какъ и волосъ, никогда не стригутъ. Эти несчастные гнѣзятся въ развалинахъ, сидятъ на окраинахъ дорогъ, питаются корнями и плодами, или случайными подачами отъ встрѣчаемыхъ ими путешественниковъ. Эти отвратительныя чудища часто налагають на себя невѣроятно-жестокія испытанія въ надеждѣ получить вѣчныя радости рая. Нѣкоторые изъ нихъ обрекають себя на то, чтобы держать извѣстныя части тѣла въ одномъ какомъ-нибудь положеніи, доколѣ не лишатся вовсе ихъ употребленія: на-примѣръ, они даютъ обѣтъ держать, въ-продолженіе вѣчнаго времени, руки въ вертикальномъ положеніи надъ головою; по истеченіи положеннаго срока, часто мускулы не въ состояніи болѣе разогнуться, и такимъ-образомъ руки навсѣгда сохраняють это поло-

женіе. Другіе сжимають руку въ кулакъ до того, что рука пронзается выростающими ногтями. Некоторые спятъ ночью на постеляхъ съ желѣзными притупленными остріями, которыя только-что не могутъ проткнуть тѣла. Наконечъ, есть и такіе, которые за-живо зарываются въ землю въ яму до-того-глубокую, что въ нее едва можетъ втиснуться человекъ, и оставляютъ небольшое отверстіе, чрезъ которое прохodie могутъ подавать имъ необходимую пищу. Между ними много обманщиковъ. Народъ смотритъ на этихъ безумныхъ фанатиковъ съ суевѣрнымъ страхомъ. Чѣмъ болѣе несомнѣнно ихъ безуміе, тѣмъ болѣе воздается имъ почтенія: это странное уваженіе къ отсутствію разумности встрѣчается у всѣхъ неважественныхъ народовъ, но въ Индіи оно доведено до высочайшей степени. Этимъ несчастнымъ безумцамъ толпа раболыбно оказываетъ почести, какъ существамъ сверхъестественнымъ.

Недалекъ отъ Голконды лежитъ Махталъ, значительный городъ, въ которомъ производится довольно-дѣятельная торговля равными полотнами. Слово Махталъ по-индустантски значитъ «городъ убійства». Отъ чего же такое страшное имя мирному убжищу человека? Еще недавно въ окрестностяхъ его былъ главный притонъ франмасонскаго общества ассасиновъ, убійць, извѣстныхъ подъ именемъ туговъ (обманщиковъ) или фанангаровъ (удавовъ).

Очень-любопытно по-пристальное взглянуть въ это явленіе, такъ резко характеризующее фанатическую природу Индійца. До 1840 года, существованіе этого кроваваго братства было вовсе неизвѣстно не только европейскимъ побѣдителямъ, но даже туземнымъ правительствамъ. Учрежденіе его терлется во мракъ временъ. Между 1816 и 1830 годами, многіе изъ шаекъ туговъ были пойманы на дѣлѣ и наказаны; но до этой послѣдней эпохи, всѣ открытія, дѣлаемые по этому предмету опытнѣйшими офицерами, казались столь чудовищными, что не могли приобрести вниманіе и довѣренность публики; ихъ презрѣли и откинули, какъ порожденіе распаленнаго воображенія. А между-тѣмъ, эта общественная чума съ ужасающимъ возрастаніемъ пожирала народонаселеніе, отъ подножія Гималая до мыса Коморина, отъ Кутча до Ассама.

Въ 1830 году, признаніе, сдѣланное однимъ изъ главныхъ предводителей, по имени Ферингеа, которому была пощажена жизнь подъ условіемъ полнаго доноса на соучастниковъ, открыло систему во всей ея полнотѣ. Основаніемъ обществу туговъ служитъ религіозное вѣрованіе, служеніе Божаніи, божеству мрака, которая тѣшится смертями и ненавидитъ въ-особенности родъ человѣчскій; пріятнѣйшія для нея приношенія — человѣчскія жертвы; и чѣмъ кто болѣе на этомъ свѣтѣ истребитъ себя-подобныхъ, тѣмъ болѣе для него надежды въ будущей жизни на вознагражденіе всеми блаженствами душевными и чувственными: тамъ ожидаютъ его вѣчно-прекрасныя жены и вѣчно-новыя наслажденія. Если этотъ ассасинъ встрѣчаетъ на своемъ поприщѣ эшафотъ, онъ умираетъ съ энтузіазмомъ мученика, и ждетъ за то пальмы страданія. Чтобъ повиноваться своему божеству, онъ рѣжетъ безъ ярости и угрызения совѣсти старца, женщину и младенца; въ-отношеніи къ своимъ единовѣрцамъ, онъ человѣколюбивъ, велико-

душень, всё отдасть имъ въ общину, потому-что они, подобно ему-самоу, служители и усыновленные дѣти Бованія.

Истребленіе себя-подобныхъ, когда они не принадлежатъ къ его братству, уменьшеніе рода человѣческаго, вотъ цѣль его существованія; это не средство нажитья: грабежъ есть только второстепенное дѣло, которое онъ также не упускаетъ изъ виду. Истребленіе—вотъ его миссія, его призваніе: «вы находите большое удовольствіе», говорилъ одинъ изъ туговъ своимъ судьямъ: «преслѣдовать дикаго звѣря въ его логовище, нападать на кабана, тигра, потому-что съ этимъ соединены опасности, которыя надо преодолевать, потому-что для этого нужна энергія, мужество. Подумайте же, какъ должна усиливаться прелесть этой охоты, когда вы вступите въ борьбу не съ звѣремъ, а съ человекомъ, котораго надо во что бы то ни стало уничтожить. Въмѣсто упражненія одной душевной способности, мужества, здѣсь приводится въ дѣйствіе все разомъ: мужество, хитрость, предвидѣніе, красноречіе, дипломатія: сколько пружинъ надо привести въ дѣйствіе! сколько разныхъ средствъ! играть со всеми страстями, тронуть даже струны любви и дружбы, чтобъ завлечь жертву въ тенѣта: это славная, умоутельная охота!» Это роковое служеніе богини-истребительницы имѣетъ своихъ проповѣдниковъ, своихъ мучениковъ.

Всякій, кто былъ въ Индіи въ 1831 и 1832 годахъ, припомнитъ остолебѣніе и ужась, объявившіе все общество при открытіи этой колоссальной адской машины. Многіе важные сановники, правители областей, не хотѣли тому вѣрить и не могли постичь, какъ такая обширная система могла такъ долго пожирать общественное тѣло при ихъ глазахъ, въ тишинѣ, не измѣняя самой-себя... Полковникъ Слимманъ, который обнаруживалъ извѣстіе объ этомъ открытіи послѣ многихъ тщательныхъ и неутомимыхъ изысканій, самъ долго колебался, принять ли все это за несомнѣнную истину. Онъ долго былъ правителемъ Нерзингпурскаго-Округа, въ долину Нербуды. Онъ пишетъ, что во все это время ему была извѣстна самая малѣйшая кража, случавшаяся въ этихъ мѣстахъ. «Еслибъ кто тогда пришелъ сказать мнѣ, что цѣлая шайка убійцъ, насладственно выполняющихъ свое ужасное ремесло, имѣетъ мѣстопробываніе въ нѣсколькихъ стахъ шагахъ отъ меня; что чудныя рощи соседняго мнѣ селенія служатъ ужасными мѣстами сборища убійцъ со всей Индіи, что многочисленныя шайки, приходящія изъ Индустана и Декана, ежегодно сходятся подъ этими сѣнями, каждое время года собираются на нѣсколько недель, чтобъ отправлять свое ужасное призваніе на всѣхъ дорогахъ, сходящихся въ этой мѣстности, я принялъ бы этого челоуѣка за сумасшедшаго... а между-тѣмъ, ничего не было бы справедливѣе: путешественники сотнями были зарываемы ежегодно въ чудесурскихъ рощахъ!»

Въ тотъ самый день, какъ Ферингеа признался во всемъ, полковникъ Слимманъ все еще не вѣрилъ: тогда предводитель ассасиновъ указалъ рыть въ самомъ томъ мѣстѣ, гдѣ находилась палатка англійскаго офицера; были открыты тринадцать труповъ, находившихся уже въ разной

степени гніенія; подсудимый брался отрыть изъ мѣста, его окружавшаго, безконечное число такихъ погибшихъ жертвъ.

Какъ подобное франмасонство могло такъ значительно умножиться, сохранивъ столь строгую тайну, это понять трудно въ Европѣ, не изучивъ особенныхъ свойствъ восточнаго общества.

Азія, раздробленная съ незапамятныхъ временъ на большое число территорій, подчиненныхъ правительствамъ деспотическимъ, безпечнымъ, враждебнымъ другъ другу, никогда не была покрыта безопасными путями сообщенія, и полиція всякаго отдаленнаго владенія никогда не могла выходить за свои предѣлы. Когда вспоминаешь, что въ Индіи никогда не существовало правильныхъ публичныхъ средствъ переезжать съ мѣста на мѣсто, ибо этому противились нравы и обычай населенія; что самыя продолжительныя путешествія совершаются въ этой странѣ пешкомъ или верхомъ; что отдаленные путешественники, чуждые другъ другу, должны, для взаимнаго самосохраненія, группироваться большими караванами; что извѣстно, какъ значительныя цѣнности въ слиткахъ и драгоценныхъ камняхъ постоянно перевозятся въ поклажахъ путешественниковъ; что нѣтъ другихъ путей, кромѣ тропинокъ, кое-какъ проложенныхъ ногами челоуѣка чрезъ лѣса и степи; что селенія радки; что на большихъ пространствахъ между этими селеніями не встретишь жилья, гдѣ можно было бы опасаться встрѣтить свидѣтелей или отмстителей, — когда вспомнишь все это, то нельзя не согласиться, что всѣ эти обстоятельства сильно благопріятствуютъ шайкамъ разбойниковъ и даютъ имъ возможность оставаться безнаказанными. Отъ-того-то во всѣ времена Азія была наводняема шайками всѣхъ возможныхъ наименованій; но ни одна изъ нихъ не была такъ многочисленна, такъ стройно организована, и вмѣстѣ съ тѣмъ такъ пагубна, какъ братство туговъ.

Исслѣдованія показали, что туги имѣли сообщниковъ въ богатыхъ поселянахъ, даже въ некоторыхъ муниципальныхъ властяхъ; сверхъ-того, множество факировъ, отшельниковъ, нищихъ — служили имъ шпионами и соглядатаями. Часто путешественникъ радостно приветствуетъ издали отъ городскихъ стѣнъ укромное жилище пустыинника, почти-закрытое густою зеленью деревъ. Обманутый наружностью святаго челоуѣка, онъ принимаетъ его гостепримство, засынаетъ... и уже не просыпается.

Генерал-губернаторъ Остиндін, лордъ Уильямъ Бентивкъ, съ жаромъ принялся за преслѣдованіе этой религіозной, ужасной секты, которая еще и досель, при подножіи эшафотовъ, приобращаетъ новыхъ прозелитовъ.

Теперь можно судить объ ужасной насильственной смертности въ Индіи до открытія этого чуднаго механизма! Сколько тысячъ семействъ должно было погибать ежегодно подъ ударами болѣе нежели пятидесяти тысячъ убійць, правильно-организованныхъ!

Туги названы фанзигарамп или удавами, потому-что давленіе — ихъ обыкновенная метода убійства, для возбужденія пролитія крови. Она состоитъ вотъ въ чемъ: когда туга бываетъ наединѣ съ путешествен-

никомъ, котораго дружбу онъ уже пріобрѣлъ, онъ дастъ ему сдѣлать нѣсколько шаговъ впередъ и тогда кидаетъ ему вокругъ шеи платокъ; камень, привязанный на другомъ концѣ, описавъ дугу, попадаетъ въ руку убійцы, который быстро душитъ несчастную жертву.

Подобно франкамонамъ, туги всюду узнаютъ другъ друга по нѣкоторымъ знакамъ, непостижимымъ для непосвященныхъ.

Вотъ еще картина ужаснаго бѣдствія, холеры, свирѣпствовавшей въ Индіи въ 1833 году.

«Въ прекрасный февральскій вечеръ» говоритъ Варрентъ, «послѣ моей обыкновенной верховой прогулки, я возвращался въ городъ. Полная луна лила волны свѣта, который видѣть можно только подъ тропиками; воздухъ не шелестѣлъ лѣствѣн на деревьяхъ, которыхъ тѣни, черныя и неподвижныя, рисовались на озолоченой дорогѣ. Проникнутый тишиною и прелестью этой минуты, я вѣхалъ шагомъ въ глубокой задумчивости, прислушиваясь къ мѣрной поступи моего коня и къ жужжанію насѣкомыхъ, какъ вдругъ вниманіе мое было пробуждено пронзительными криками, раздававшимися съ открытой веранги одной лавки. Я зналъ ея владѣльца: то былъ богатый сонаръ (брильянтщикъ), который часто на меня работалъ. Я приблизился и пробрался сквозь густую толпу собравшихся любопытныхъ. При свѣтѣ факеловъ, я увидѣлъ чарцаз, родъ кровати изъ тростника, на которой лежалъ молодой человекъ лѣтъ восемнадцати, единственный сынъ брильянтщика: какъ разсѣченный змѣй, онъ крутился въ ужаснѣйшихъ корчахъ. Глаза его были уже неподвижны, туманны; иногда гальваническая конвульсія подымала умирающаго; онъ дѣлалъ страшныя усилія, мучимый рвотою; потомъ въ истощеніи упалъ на подушки. Я видѣлъ еще наканунѣ этого юношу: онъ былъ довольно-полонъ, цвѣтъ его индійскаго лица былъ чернѣйшій, блестящій, ровный; еще не прошло и двадцати-четырехъ часовъ — и эта полнота замѣнилась ужаснѣйшею худобою; щеки его впали, кожа странно поблѣднѣла и потеряла весь свой блескъ; едва можно было узнать несчастнаго; мать его, которую по дрѣхлости можно было принять за старую женщину, хотя ей было едва тридцать-пять лѣтъ, испускала раздражающіе сердце вопли, рвала на себѣ волосы, терзала грудь и старалась разбить себѣ голову объ стѣну. Отецъ былъ спокойнѣе: онъ не издавалъ ни одного крика; только выраженіе его лица было ужасно. Онъ сбросилъ съ себя тюрбанъ, голова его была выбрита, оставленъ только чубъ; онъ былъ нагъ и съ головы до ногъ осыпанъ пепломъ. Онъ сидѣлъ, скрестивъ подъ себя ноги, бормоча стихи изъ корана, прерываемые стономъ, и безумно озирая окружающихъ, между-тѣмъ, какъ туловище его раскачивалось взадъ и впередъ, какъ маятникъ. Я пытался заговорить съ нимъ: «Мухаммедъ-Шахъ! Мухаммедъ-Шахъ!» нѣсколько разъ повторялъ я ему: «не могу ли я чего-нибудь сдѣлать вашему сыну? не прислать ли къ нему лекарей?» Онъ долго не слышалъ меня. Наконецъ, узнавъ, отвѣчалъ глухимъ, груднымъ голосомъ: *Мѣръ жата самбе, каз жулабъ*; потомъ, сильнѣе прежняго, *Аллахъ Керимъ!* (Онъ

умираетъ, сударь, это холера... Великъ Богъ.) Я возвратился домой съ грустью въ сердца и съ предчувствіемъ какого-то несчастья.»

Самая отборная молодёжь общества англійскихъ офицеровъ собралась вмѣстѣ провести вечеръ; всѣ они были полны надеждъ и радостной будучности. «Мы сидѣли вокругъ длиннаго стола, на открытомъ воздухѣ, при свѣтѣ луны; наши слуги съ индійскимъ обиліемъ наливали намъ чай, кофе, пиво, пуншъ, грогъ; густой дымъ подымался отъ нашихъ сигаръ, и радостные крики слѣдовали за пѣснями, то вакхическими, то анакреонтическими.

«Во всемъ этомъ собраніи было только двое мрачныхъ собесѣдниковъ, я и молодой Кампбелъ, который провелъ весь этотъ день на охотѣ. Отъ былъ крѣпкаго сложенія и никогда не зналъ, что такое болѣзнь; но я замѣчалъ, что онъ безпрестанно вставалъ изъ-за стола, и что всякій разъ, какъ возвращался на свое мѣсто, лицо его было подернуто какимъ-то облакомъ; мнѣ показалось даже, что я вижу въ немъ легкія конвульси, сходныя съ тѣми, которыя я видѣлъ у молодого сына брильянтика. Главный полковой докторъ, Рутледжъ, сидѣлъ подлѣ меня: не въ силахъ будучи долѣе преодолѣть свое безпокойство, я сказалъ ему на ухо: холера въ лагерь, и этотъ молодой человекъ, мнѣ кажется, что-то не здоровъ. Сигара выпала изъ губъ его, на которыхъ исчезла улыбка. Онъ всталъ и отвелъ нашего молодого товарища въ сторону. Оба удалились; докторъ возвратился одинъ. Слово, произнесенное имъ по возвращеніи, какъ набатъ бѣдствія раздалось въ сердцахъ всѣхъ и развѣяло общество. На другой день, мы предавали землѣ уже сирадные останки молодого и блистательнаго Шотландца... Это была первая жертва; но ужасная болѣзнь уже водрузила свое кровавое знамя... Три долгіе мѣсяца всякій день гибли наши товарищи, офицеры и солдаты, старость и сильная молодость, жены и дѣти. Всякій день мы шли за погребальною процессією; всякій день повторяли эти гимны смерти, и вскорѣ они сдѣлались обычнымъ приправомъ въ минуты мечтаній. Жизнь, посреди такихъ мученій, теряла всю свою привлекательность. Съ той минуты, какъ бичъ наступалъ кого, спокойствіе замѣняло мѣсто тревоги, и несчастная жертва умерала со всѣмъ равнодушіемъ. Многіе топали свой ужасъ въ оргіяхъ, въ шумъ дикихъ и мистическихъ пѣсней.»

Къ началу мая, болѣзнь, казалось, утомилась свирѣпствовать; ея удары были уже не такъ варны: холера перешла въ холерину.

Нравы, обычаи, предрасудки, общественная жизнь страны, которой жизнь политическую готовимся изобразить,—все это, хотя и въ легкомъ эскизѣ, можетъ занять мыслителя. Еще нѣсколько минутъ въ этой легкой атмосферѣ, читатель, еще нѣсколько очерковъ, переносащихъ насъ въ чудную страну Востока, и уже пора раскинуть предъ вами полную систему настоящаго политическаго и нравственнаго состоянія англійской Индіи. — До слѣдующаго мѣсяца!

III.

СОВРЕМЕННАЯ ХРОНИКА РОССИИ.

ОБОЗРѢНІЕ СОВРЕМЕННАГО ДВИЖЕНІЯ РУССКАГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА И РАСПОРЯЖЕНІЙ ПО ГОСУДАРСТВЕННОМУ УПРАВЛЕНІЮ ЗА НОЯБРЬ 1844 ГОДА.

ГОСУДАРСТВЕННЫЯ УЧРЕЖДЕНІЯ (Измѣненіе и дополненіе состава и правъ ихъ).

— Обнародована конвенція, заключенная 1/11 мая сего года Ихъ Величествами Государемъ Императоромъ и королевою португальскою о несуществованіи въ ихъ государствахъ права отбирать въ казну имѣнія, оставшіяся послѣ умершихъ иностранцевъ, а также права дѣлать вычеты при выводѣ и переводѣ имѣній за границу, и другихъ подобныхъ.

— Высочайше утверждено положеніе о общественномъ банкѣ въ городѣ Пензѣ. Представляемъ изъ сего положенія извлеченіе.—Означенный банкъ учреждается на пожертвованную въ пользу погорѣвшихъ жителей города Пензы сумму, оставшуюся безъ употребленія и хранящуюся въ тамошнемъ приказѣ общественного призрѣнія, пять тысячъ семьсотъ двадцать-восемь рублей серебромъ, съ тою цѣлю, чтобъ производствомъ ссудъ доставить мѣстнымъ гражданамъ вспомошествованіе въ торговыхъ оборотахъ. Распоряженіе всеми дѣйствіями банка ввѣряется непосредственному вѣдѣнію и начальству Пензенской Градской Думы, подъ особеннымъ, въ-отношеніи сохраненія интересовъ банка, попечительствомъ пачальника губерніи. Правленіе банка составляютъ: городской глава, подъ именемъ директора банка и два члена, подъ именемъ товарищей директора, избираемые всемъ обществомъ изъ купцовъ города Пензы. При банкѣ состоятъ два маклера и канцелярія, состоящая изъ бухгалтера и кассира съ потребнымъ числомъ писцовъ. Дѣла своего банкъ производитъ на коммерческомъ обрядѣ, доставляя просящимъ его пособія скорое рѣшеніе. Въ немъ ведутся слѣдующія кнѣжки: журнальная, кассовая, gros-бухъ, о жалованной и расходной банковской суммѣ, и курантная, содержащая въ себѣ общій счетъ каждаго заемщика. Банку дозволяется: 1) пріемъ вкладовъ и 2) производство ссудъ. Вклады принимаются единственно для обращенія изъ процентовъ. Ссуды производятся:

а) подъ учетъ векселей и б) подъ залогъ движимаго и недвижимаго имущества. Для сохраненія всегдашняго довѣрія къ банку, внесенные въ оный капиталы ни по какимъ требованіямъ въ постороннія руки выдаваемы или отпускаемы быть не должны, кромѣ того только случая, когда выданный изъ банка билетъ будетъ представленъ залогомъ въ какое-либо присутственное мѣсто, и тогда банкъ, въ разсужденіи капитала вкладчика, обязанъ непременно исполнить требованіе сего мѣста, наблюдая однако срокъ, въ условіи положенный. Заложенное въ банкъ имѣніе, доколѣ изъ него не будетъ выкуплено, не можетъ быть подвергнуто ни описи, ни секвестру, ни по частнымъ, ни по казеннымъ искамъ. Всякій заемщикъ долженъ быть увѣренъ, что имѣніе его, по заплатѣ банковаго долга, возвратится въ его собственныя руки, а въ случаѣ смерти, въ руки его наследниковъ. Капиталы вносятся на сколько времени кто пожелаетъ, но не менѣе, однакожъ, какъ на годъ. Въ принятіи капитала выдается билетъ по установленной формѣ. Билеты сіи принимаются во всѣхъ присутственныхъ мѣстахъ за несомнительные залогов, наравнѣ съ наличными деньгами. Банкъ платитъ на вексельные капиталы установленные проценты по истеченіи каждаго года, не продолжая за срокъ долѣе десяти дней. Банкъ принимаетъ въ учетъ вексели отъ однихъ только купцовъ, мѣщанъ и цеховыхъ города Пензы, не болѣе, какъ на шесть мѣсяцевъ. Подъ учетъ принимаются тѣ единственно вексели, которые даны купцами и мѣщанами сего же города. Вексели эти должны быть: 1) законной формы; 2) срокомъ платежа не болѣе двѣнадцати и не менѣе одного мѣсяца; 3) капитальной суммы не выше четырехъ-сотъ рублей серебромъ. Съ умноженіемъ банковаго капитала, предоставляется городской думѣ сдѣлать особое положеніе о принятіи подъ учетъ векселей и свыше означенной суммы. При заплатѣ денегъ, банкъ вычитаетъ съ выдаваемой суммы по полупроценту съ рубля на каждый мѣсяцъ, остающійся до срока по векселю. Изъ сего не изъемяются и дни, въ которые вексель оставался въ банкѣ для соображенія. На волю каждаго предоставляется должныя по векселю деньги заплатить и прежде срока; но банкъ ни въ какомъ случаѣ не возвращаетъ процентовъ за недодержанное время. Буде и за протестомъ векселедатель, предъявитель или поручитель должной суммы не заплатятъ, то банкъ сообщаетъ, куда слѣдуетъ, о наложеніи на ихъ имѣнія секвестра. По осеквестрованіи имѣнія, дается еще время на уплату двѣ недѣли; но если и за симъ долгъ не будетъ уплаченъ, то изъ арестованнаго имѣнія соразмѣрная долгу часть продается немедленно съ публичнаго торга, установленнымъ порядкомъ, и изъ вырученныхъ денегъ удовлетворяется банковый долгъ. За всякій просроченный вексель взыскиваются въ пользу банка проценты и вознагражденіе за убытки на общемъ основаніи. Осеквестрованное по учетному векселю имѣніе изъемяется отъ казенныхъ и частныхъ взысканій, и не входитъ ни въ какой конкурсъ; но изъ него преимущественно удовлетворяется банковый долгъ. Изъ недвижимаго имѣнія въ обезпеченіе выдаваемыхъ есудъ принимаются каменные дома, фабрики и заводы. Оцѣнка каменныхъ строеній производится по сношенію банка съ городовымъ магя-

стратомъ, который, отвѣтствуя за оную, даетъ звать банку о количествѣ оцѣночной суммы письменно. Въ оцѣнку входятъ одни только не-сгораемые матеріалы. Банкъ принимаетъ въ залогъ недвижимыя имѣнія въ-половину противъ оцѣночной суммы. При самой выдачѣ ссуды, банкъ получаетъ на оную установленные проценты за годъ. Ссуда подъ залогъ каменныхъ строеній производится на одинъ годъ; при неплатежѣ въ срокъ, дается десять дней льготы, а по прошествіи ихъ полагается штрафъ за каждый послѣ срока мѣсяцъ по одному проценту со всей занятой суммы. Просрочка простирается только на три мѣсяца, а потому банкъ приступаетъ къ продажѣ заложеннаго имѣнія. Ссуды производятся также подъ закладъ золотыхъ и серебряныхъ вещей и жемчуга. Для большаго вспомошествованія жителямъ и въ-особенности ремесленникамъ, дозволяется принимать, по усмотрѣнію банка, и другія, сверхъ означенныхъ вещи, неподверженныя, однакожъ, тлѣнности и удобныя къ сохраненію. Золотыя и серебряныя вещи, а равно и жемчугъ принимаются въ-половину противъ оцѣнки; прочія же вещи въ третью долю ея. Въ случаѣ неуплаты въ установленный срокъ и просрочку, банкъ продаетъ движимое имущество у себя съ публичнаго торга. Когда капиталъ банка значительно умножится, то, съ согласія всего общества, можетъ быть дозволено банку употребить нѣкоторую часть принадлежащаго ему капитала какъ на учрежденіе полезныхъ заведеній въ самой Пензѣ, такъ и на торговыя предпріятія въ сего города, для общей государственной пользы.

— Высочайше утвержденъ вновь-составленный проектъ устава Россійско-Американской Компаніи.

— Сообразно съ количествомъ расходовъ, имѣющихся въ виду на 1845 годъ по сооруженію Санктпетербурго-Московской Железной Дороги, Высочайше повелѣно открыть на сей предметъ внѣшній заемъ, въ двѣнадцать милліоновъ рублей серебромъ, на тѣхъ же основаніяхъ, на которыхъ сдѣланъ былъ третій четырех-процентный заемъ, а именно: I) оный имѣетъ быть внесенъ въ государственную долговую книгу подъ именемъ четвертаго четырех-процентнаго займа. Билеты Государственной Коммиссіи Погашенія Долговъ, назначаемые для сего займа также въ пять сотъ рублей серебромъ каждый, раздѣляются на четыреста-восемьдесятъ разрядовъ (серій), въ каждомъ по пятидесяти билетовъ. Билеты эти будутъ приносить по четыре процента въ годъ, начиная съ перваго августа сего года. Къ каждому билету присоединяется 20 купоновъ, для полученія, по предъявленіи оныхъ, причитающихся въ надлежащіе сроки интересовъ, которыхъ платежъ имѣетъ быть производимъ въ Санктпетербургѣ, въ Коммиссіи Погашенія Долговъ, за каждые протекшіе полгода, съ 1 февраля по 1 апрѣля и съ 1 августа по 1 октября. По прошествіи перваго десятилѣтія займа на билеты, остающіеся въ обращеніи, имѣютъ быть выданы новые купоны. II) Погашеніе сего займа начнется съ 1 августа 1846 года, и на предметъ сей назначается особый, несмѣшиваемый съ другими займами, фондъ погашенія, который имѣетъ составлять въ томъ году сто двадцать-пять тысячь рублей серебромъ ежегодно, а въ послѣдующіе за тѣмъ годы, а именно съ 1847

года, по триста тысячъ рублей серебромъ ежегодно, то-есть, два съ половиною процента съ нарицательнаго капитала. Фондъ сей имѣеть быть обращаемъ, какъ и по предшествовавшимъ четырех-процентнымъ займамъ, на уплату билетовъ по жребію вышедшихъ разрядовъ, съ выдачею пяти сотъ рублей серебромъ за каждый билетъ, который въ такомъ случаѣ и долженъ быть представленъ въ Комиссію Погашенія Долговъ вмѣстѣ съ остальными купонами, то-есть, по которымъ сроки полученія процентовъ еще не наступили. III) Реализація сего займа возлагается на коммерческій въ Санктпетербургѣ домъ императорскаго банкира барона Штиглица, который имѣеть производить оную по мѣрѣ удобности и сообразно наставленіямъ управляющаго министерствомъ финансовъ. IV) Счетъ имѣющимъ поступать суммамъ по сему займу долженъ быть вѣденъ (какъ и по второму и третьему четырех-процентнымъ займамъ) отдѣльно отъ всѣхъ другихъ государственныхъ доходовъ и расходовъ.

II. ГУБЕРНСКІЯ УЧРЕЖДЕНІЯ (Измѣненіе и дополненіе состава и правъ ихъ).

— Высочайше повелѣно: 1) надзоръ за порядкомъ торговли въ столичномъ городѣ Москвѣ возложить на прямую и непосредственную обязанность тамошней городской думы, предоставивъ ей отражать попеременно, на мѣсяцъ, одного изъ своихъ членовъ для ближайшаго зазванія этою частію. 2) Подъ вѣдѣніемъ думы определять особыхъ торговыхъ смотрителей по выбору купческаго сословія изъ людей, вѣстныхъ честностью и заслуживающихъ полнаго довѣрія, равнымъ образомъ назначать для торгово-полицейскаго надзора потребное число гласныхъ, съ тѣмъ, чтобъ дума обращала особенное вниманіе на благонадежность этихъ лицъ и старалась распределять между ими обязанности, такъ, чтобъ у каждаго была часть, непосредственно подлежащая его вѣдѣнію. При этомъ, всѣмъ чинамъ московской торговой полиціи привезти тѣ же права по службѣ, какими они пользуются въ Санктпетербургѣ, на основаніи Высочайше утвержденнаго положенія Комитета Министровъ 21-го іюля 1842 года, предоставивъ министру внутреннихъ дѣлъ, по соглашеніи съ московскимъ военнымъ генерал-губернаторомъ, определять, по мѣрѣ надобности, число торговыхъ смотрителей и гласныхъ, впредь до изданія полныхъ штатовъ московскаго городского общественнаго управленія. 3) Людей, уличенныхъ въ торговомъ обманѣ, присуждать, по журнальному постановленію думы, къ взысканіямъ, установленнымъ въ Санктпетербургѣ, на основаніи Высочайше утвержденнаго положенія Комитета Министровъ 21-го іюля 1842 года. 4) Предоставить министру внутреннихъ дѣлъ, по соглашеніи съ московскимъ военнымъ генерал-губернаторомъ, составить и издать подробныя полицейскія правила о порядкѣ торговли жваненными припасами въ Москвѣ и о надзорѣ за оною, на точномъ основаніи существующихъ торговыхъ постановленій; причѣмъ принять немедленно мѣры, чтобъ такыя на съѣстные припасы составляемы были сообразно съ порядкомъ, установленнымъ для Санктпетербурга, и издавались не иначе, какъ съ утвержденія военнаго генерал-губернатора 5) На содер-

жаніе чиновникамъ, которые будутъ имать наблюденіе за введеніемъ и точнымъ исполненіемъ правилъ о торговлѣ съестными припасами и вообще по дѣламъ торговой полиціи въ Москвѣ, отпускать изъ городскихъ суммъ Москвы по пяти тысячъ рублей сребромъ въ годъ, по примѣру Санктпетербурга, въ которомъ таковой расходъ разрѣшенъ. Высочайше утвержденнымъ въ 9-й депъ марта 1843 года положеніемъ Комитета Министровъ (пол. Ком. Мин. 19 сент.).

— Высочайше повелѣно ближайшій надзоръ по дѣламъ городского хозяйства въ Москвѣ, на точномъ основаніи 6-й ст. XII т. Свода Зак. о Город. Хозяйств., и согласно общему порядку, поручить гражданскому губернатору съ тѣмъ, чтобъ московская градская дума со всеми представленіями своими входила къ гражданскому губернатору, который по дѣламъ, превышающимъ его власть, обязанъ представлять военному генерал-губернатору (пол. Ком. Мин. 19 сент.).

— Енисейскому и Иркутскому Приказамъ Общественнаго Призрѣнія предоставлено производить ссуды подъ залогъ каменныхъ застрахованныхъ домовъ, безъ предварительнаго разрѣшенія министра внутреннихъ дѣлъ, до той суммы, какая дозволена приказамъ 374 ст. Св. Зак. т. XIII, изд. 1842 г.; но съ соблюденіемъ всехъ прочихъ установленныхъ на сей предметъ правилъ, съ утвержденіемъ таковыхъ ссудъ гражданскими губернаторами и съ тѣмъ, чтобъ о каждой ссудѣ въ то же время доносило было Министерству Внутреннихъ Дѣлъ, съ приложеніемъ засвидѣтельствованныхъ снимковъ съ документовъ на залоги (Высоч. повел., объявлен. 24 окт.).

— Высочайше утверждены: штатъ царскосельской градской полиціи, дополнительный штатъ Грузино-Имеретинской Казенной Палаты, временной дополнительный штатъ Межевой Канцеляріи, и штатъ для годового общаго управленія въ Солецкомъ-Посадѣ.

— Для усиленія кассирскаго отдѣленія Главнаго Казначейства, повелѣно прибавить въ оное двухъ младшихъ кассировъ, двухъ счетчиковъ и двухъ же присяжныхъ.

— Въ видахъ огражденія безопасности внутренней сухопутной торговли вообще по Закавказскому-Краю, и для споспѣшествованія торговымъ сношеніямъ тамошнихъ жителей, предоставлено главноуправляющему краемъ право отводить частнымъ лицамъ, въ томъ числѣ и государственнымъ крестьянамъ, участки изъ казенныхъ земель, для устройства на нихъ караван-сераевъ, на слѣдующихъ основаніяхъ: 1) Участки могутъ быть назначаемы пространствомъ не свыше пяти десятинъ, изъ казенныхъ свободныхъ земель, безъ всякаго для государственныхъ крестьянъ стѣсненія, о чемъ должны быть предварительно истребованы отъ нихъ письменные отзывы, и притомъ въ такихъ мѣстахъ, гдѣ устройство караван-сераевъ будетъ призвано наиболее для путешественниковъ необходимымъ. 2) Лица, которымъ отведены будутъ таковыя участки, обязаны построить на нихъ караван-сераи отнюдь не долѣе трехлѣтняго срока со времени отвода, и содержать сіи заведенія въ совершенной исправности не менѣе десяти лѣтъ послѣ постройки. 3) За выполненіемъ такового условія, отведенные тѣмъ лицамъ участки

предоставляются имъ въ вѣчное и потомственное владѣніе, съ выдачею на нихъ узаконенныхъ данныхъ. 4) Въ случаѣ неисполненія означенныхъ условій, отведенные упомянутымъ лицамъ участки отбираются отъ нихъ въ казну. 5) О всякомъ отводѣ земли на сихъ правлахъ главное мѣстное управление извѣщаетъ въ то же время Министерство Государственныхъ Имуществъ (Высоч. повел., объявлен. 31 окт.).

III. Законы относительно службы гражданской.

— Временныя должности архитекторовъ при строительныхъ комитетахъ новаго адмиралтейства и сухихъ доковъ въ Севастополь, отнесены по чинопроизводству къ IX классу (Высоч. пов. 10 окт.).

— Учителямъ состоящаго при Московскомъ Художественномъ Обществѣ Училища Живописи и Ваянія, и письмоводителю онаго, по должностямъ ихъ, присвоены классы: первымъ IX, а послѣднему XII (Высоч. пов., объявленное Прав. Сенату 23 окт.).

— Постановленный Высочайше утвержденнымъ 25 іюня сего года положеніемъ порядокъ назначенія пенсій чиновникамъ, служившимъ по выборамъ дворянства и получавшимъ жалованье изъ разныхъ источниковъ, распространенъ въ полной силѣ и на порядокъ ассигнованія одновременныхъ пособій (ук. Прав. Сен. 1 нояб.).

IV. Законы относительно состояній.

— Въ дополненіе къ 207 ст. Св. Зак. Уст. и Учр. Торг. дозволено Азіятцамъ, пріѣзжающимъ въ Россію съ своими товарами, торговать безъ взятія торговыхъ свидѣтельствъ, не только на трехъ главныхъ ярмаркахъ, ирбитской, нижегородской и коренной, но и на тюменской, которая съ 1845 г. откроется Тобольской-Губерніи въ городѣ Тюмени и будетъ продолжаться ежегодно съ 15 января по 15 февраля (Высоч. повел. 27 сент.).

— Россійскимъ уроженцамъ, которые, имѣя надлежащіе аттестаты въ окончаніи гимназическаго курса наукъ, пожелаютъ опредѣлиться русскими учителями въ финляндскія учебныя заведенія, давать со дня опредѣленія слѣдующій чинъ съ тѣмъ, чтобъ они за сими прослужили въ тѣхъ заведеніяхъ не менѣе пяти лѣтъ (Высоч. повел. объявл. 2 окт.).

V. Законы рекрутскіе.

— Въ измѣненіе подлежащихъ статей Свода Законовъ постановлено: на границахъ съ Австрією и Пруссією, означенныхъ во 2 пунктѣ ст. 9-й Рекр. Уст. (Св. Зак. т. IV изд. 1842 г.), каждый рекрутскій участокъ мѣщанъ и поселянъ всѣхъ наименованій, имѣющій право отправлять рекрутскую повинность деньгами, если, по объявленіи набора, представить зачетную рекрутскую квитанцію, то сія квитанція можетъ быть принята къ зачету за него, какъ вполнѣ, такъ и по частямъ, въ замѣнъ денегъ, къ платежу по раскладкѣ въ тотъ наборъ слѣдующихъ, а именно: считать каждаго, въ квитанціи означеннаго полнаго рекрута въ тысячу частей (ст. 60, пун. 1-й, ст. 66, 72, 77 того же уст.) и принимать каждую часть къ зачету въ наборъ по тридцати копейкѣ серебромъ по статьѣ 78; до полнаго зачета квитанцію съ надлежащею на

ней надписью возвращать участку, а по зачетъ всѣхъ частей уничтожать по статьѣ 443 Рекрутскаго же Устава (Высоч. утвѣрд. Мн. Гос. Сов. 9 окт.).

— Въ измѣненіе подлежащихъ статей Свода Законовъ постановлено: 1) Условія о наймѣ въ рекруты всѣхъ вольноотпущенныхъ какъ гдѣ либо уже приписавшихся, такъ и никуда еще не приписанныхъ, должны повсемѣстно и непремѣнно быть совершаемы въ Казенныхъ Палатахъ, съ точнымъ соблюденіемъ приложенныхъ къ статьѣ 341 Рекрутскаго Устава правилъ. Въ случаѣ же отрицанія наемника отъ исполненія договора, совершеннаго на основаніи прежнихъ постановленій не въ Казенной Палатѣ, договоры сія разсматриваются снова въ особомъ присутствіи, подъ председательствомъ губернатора; и 2) крѣпостныхъ людей, приобретенныхъ не селеніями, а семьями и по-одиначкѣ, запрещается представлять въ рекруты за крестьянъ новаго помѣщика, прежде истеченія года со времени не только покупки и перечисленія сихъ людей въ податяхъ, но и дѣйствительнаго водворенія ихъ въ имѣніи покупщика (Высоч. утв. Мн. Гос. Сов. 9 окт.).

СОБЫТІЯ ВЪ ОТЕЧЕСТВѢ ЗА НОЯБРЬ 1844 ГОДА.

— *Народное Прощеніе.* Высочайше утверждено положеніе Александринской—Школы для дѣтей женскаго пола при Домѣ Призрѣнія Престарѣлыхъ и Увѣчныхъ Гражданъ въ Санктпетербургѣ. Представляетъ изъ сего положенія извлеченіе. Эта школа учреждается на иждивеніи санктпетербургскаго купеческаго общества для сиротъ женскаго пола и дочерей бѣдныхъ родителей купеческаго, мѣщанскаго и ремесленнаго сословій. Цѣль сего учрежденія состоитъ въ томъ, чтобъ, давъ приличное образованіе остающимся въ безпомощномъ положеніи малолѣтнимъ дѣвкамъ и обучивъ ихъ разнымъ рукодѣліямъ и домашнему хозяйству, доставить имъ средства содержать себя въ—послѣдствіи собственными трудами. При школѣ содержится собственно для воспитанницъ особый лазаретъ на такое число кроватей, какое окажется нужнымъ. Школѣ предоставляется право жертвуемая въ пользу ея вещи разыгрывать въ лотерею на основаніи общихъ правилъ о лотереяхъ, безъ платежа установленнаго съ нихъ процентнаго сбора. Она, составляя отдѣленіе Дома Призрѣнія Престарѣлыхъ и Увѣчныхъ Гражданъ и находясь подъ особеннымъ покровительствомъ санктпетербургскаго военнаго генерал-губернатора, предоставляется собственному и непосредственному распоряженію купеческаго общества. Управление въверяется комитету, состоящему при Домѣ Призрѣнія Престарѣлыхъ и Увѣчныхъ Гражданъ изъ лицъ купеческаго званія, подъ председательствомъ градскаго головы. Для завѣдыванія учебною частію школы и для надзора за воспитанницами, опредѣляется смотрительница съ двумя помощницами. Обученіе воспитанницъ закону Божию возлагается на священника, а преподаваніе прочихъ учебныхъ предметовъ на діакона

церкви, состоящей при Домъ Призрѣнія Гражданъ; въ случаѣ же надобности, предоставляется комитету определять и особаго учителя. Особы, сдѣлавшія для школы пожертвованіе деньгами, или вещами въ двѣ тысячи руб. сер., получаютъ званію почетныхъ сотрудниковъ школы, и комитетъ, по запискѣ именъ ихъ, съ означеніемъ пожертвованій, въ особую шнуровую книгу, доводитъ о томъ до свѣдѣнія купеческаго общества и публикуетъ въ санктпетербургскихъ въдомостахъ. Благотворители, пожертвовавшіе не менѣе 15,000 руб. сер. именуются почетными попечителями школы и непремѣнными членами комитета и пользуются тѣми же правами и преимуществами по службѣ и ношенію мундировъ, которыя предоставлены членамъ комитета на основаніи положенія о Домъ Призрѣнія Гражданъ 21 іюля 1833 года, и особаго Высочайшаго повелѣнія, состоявшагося по положенію Комитета Министровъ 3 ноября 1842 года. Въ школу принимаются дѣти женскаго пола, имѣющія отъ 5 до 12 лѣтъ отъ роду, всѣхъ безъ различія христіанскихъ исповѣданій. На первый разъ назначается содержать пятьдесятъ штатныхъ воспитанницъ и пятьдесятъ пансіонерокъ; въ послѣдствіи комплектъ этотъ можетъ быть увеличенъ по мѣрѣ способовъ школы. За каждую пансіонерку платится въ годъ по семидесяти рублей серебромъ, которые вносятся въ комитетъ впередъ за цѣлый годъ. Въ школѣ преподаются: Законъ Божій, священная исторія, чтеніе, чистописаніе, грамматика и арифметика. Кроме наукъ, воспитанницы обучаются смотрительницею и ея помощницами слѣдующимъ рукодѣльямъ: кроенію и шитью бѣлья, женскихъ платьевъ и головныхъ уборовъ, разнаго рода вышиванію золотомъ, бисеромъ, шелками и гарусомъ по тюлю, канвъ и проч., а также мытью, чисткѣ и глаженію всякаго бѣлья и платья и приучаются смотреть за дѣтми и готовить разныя кушанья въ особо-устроенной для сего при школѣ практической кухнѣ. Воспитанницы содержатся въ школѣ до шестнадцатилѣтняго возраста; по достиженіи же онаго, возвращаются родственникамъ, или лицамъ, которыя помѣстили ихъ въ школу. Если выпускаемыя изъ школы воспитанницы не имѣютъ ни родственниковъ, ни покровителей, то устройство участи ихъ возлагается на обязанность комитета, который прискиваетъ имъ мѣста служанокъ, нянекъ, ключницъ, швей и т. п. Увольненіе изъ школы воспитанницъ прежде 16-тилѣтняго возраста допускается, по усмотрѣнію комитета, тогда только, если представится особенный случай устроить участи воспитанницъ прочнымъ образомъ. Бѣднѣвшія изъ штатныхъ воспитанницъ получаютъ при выпускѣ изъ школы единовременныя пособія для первоначальнаго обзаведенія.

— Разрѣшено ввести въ Московскомъ Университетѣ преподаваніе начертательной геометріи, практической механики и всеобщей географіи.

— Разрѣшено определять при Виленскомъ Узздномъ для дворянъ Училищѣ сверхштатнаго учителя французскаго языка.

— Въ Высочайшемъ указѣ, за собственноручнымъ Его Императорскаго Величества подписаніемъ, данномъ 13 ноября министру народнаго просвѣщенія, изображено: «для распространенія между Евреями гражданскаго образованія и доставленія имъ чрезъ то надежнѣйшихъ спо-

собою пользоваться присвоенными ихъ состоянію выгодами, положеніями 1804 и 1835 годовъ повельно было допускать еврейское юношество въ общія учебныя заведенія Имперіи. Но, къ-сожаленію, мэра сія не имѣла желаемого успѣха. Оставаясь постоянно въ той мысли, что образованіе и происходящее отъ того убѣжденіе въ пользу производительнаго труда, должно содѣйствовать къ улучшенію быта Евреевъ, Мы признали за благо обратить на это дѣло особенное вниманіе и въ-свѣдствіе того поручили вамъ учредить, подѣ непосредственнымъ руководствомъ вашимъ, комиссію изъ раввиновъ, дабы опредѣлять мэры къ водворенію между Евреями нужныхъ для ихъ благосостоянія свѣдѣній. Нынѣ, по окончаніи возложенныхъ на комиссію занятій и разсмотрѣніи оныхъ въ особомъ комитетѣ, Всемилостивѣйше повельваемъ: 1) Независимо отъ дарованнаго Евреямъ ст. 1305 и 1306 т. IX Св. Зак. дозволенія обучаться въ общихъ христіанскихъ учебныхъ заведеніяхъ, учредить для образованія еврейскаго юношества особыя училища двухъ родовъ: первоначальныя или перваго разряда, соответствующія приходскимъ, и второстепенныя или втораго разряда, въ объемъ узданныхъ училищъ, преимущественно реальныя; а для приготовленія учителей еврейскаго закона и раввиновъ, раввинскія училища, сравнивъ ихъ, въ-отношеніи къ общимъ предметамъ, съ гимназіями. 2) Надзоръ за ученіемъ и наблюденіе за нравственностью учащихся во всѣхъ сихъ заведеніяхъ, также опрядокъ хозяйственнаго управленія, устроить, применяясь къ общимъ, дѣйствующимъ во ввѣренномъ вамъ министерствѣ постановленіямъ, съ принятіемъ въ нужныхъ, по усмотрѣнію вашему, случаяхъ въ соображеніе закона и обычаевъ Евреевъ. 3) Для преподаванія закона, опредѣлять въ еврейскія учебныя заведенія учителей изъ Евреевъ, а для прочихъ предметовъ — какъ изъ христіанъ, такъ изъ Евреевъ, получившихъ на то право установленнымъ порядкомъ. 4) Чиновникамъ и учителямъ изъ христіанъ, опредѣляемымъ въ еврейскія учебныя заведенія, присвоивать права и преимущества соответствующихъ симъ заведеніямъ христіанскихъ училищъ. 5) Евреевъ, опредѣляемыхъ въ инспекторы и надзиратели раввинскихъ училищъ, въ учителя всѣхъ учреждаемыхъ отъ правительства еврейскихъ учебныхъ заведеній, а также состоящихъ по особымъ порученіямъ при министрѣ народнаго просвѣщенія и попечителяхъ учебныхъ округовъ, въ-продолженіе исправленія ими обязанностей службы, изъять отъ рекрутской повинности. 6) Преимущества общихъ учебныхъ заведеній, изложенныя въ §§ 288—294 устава 8 декабря 1828 года, распространить на всѣ учрежденныя отъ министерства еврейскія училища. 7) Для вѣщшаго поощренія Евреевъ къ образованію, распространить на тѣхъ изъ нихъ, которые будутъ обучаться въ учрежденныхъ отъ Министерства Народнаго Просвѣщенія еврейскихъ училищахъ, преимущества, дарованныя въ Сводѣ Законовъ Евреямъ, обучающимся въ общихъ христіанскихъ учебныхъ заведеніяхъ. 8) Евреямъ, обучающимся въ заведеніяхъ Министерства Народнаго Просвѣщенія, въ томъ числѣ и въ нынѣ-учреждаемыхъ еврейскихъ училищахъ, въ случаѣ поступленія въ рекруты, сокращается срокъ службы: а) кончившимъ съ успѣхомъ курсъ наукъ

въ объемъ уездныхъ училищъ, 10-тью годами, и б) кончившимъ удовлетворительно гимназическій курсъ, 15-тью годами. Сверхъ того, ученики, кончившіе съ отличіемъ гимназическій курсъ въ полномъ объемъ и оказавшіе, при поведеніи примѣрномъ, особенные успѣхи въ русскомъ языкѣ и словесности, освобождаются лично отъ рекрутства. 9) Вся потребныя на учрежденіе и содержаніе еврейскихъ училищъ издержки покрывать изъ особыхъ источниковъ, предоставленныхъ на сей предметъ въ распоряженіе Министерства Народнаго Просвѣщенія; могущіе же быть по истеченіи каждаго года остатки обращать на составленіе еврейскаго училищнаго фонда. 10) Еврейскія частныя учебныя заведенія и домашнихъ учителей подчинить общимъ по сей части правиламъ, съ нужными по существу дѣла измѣненіями. Руководствуясь изложенными здѣсь началами, вы не оставите почерпать подробныя правила по устройству образованія Евреевъ, и на основаніи оныхъ приступить къ самому дѣлу; для приведенія же въ точную извѣстность нынѣ-существующихъ еврейскихъ ученыхъ и учебныхъ заведеній, также домашнихъ учителей, и для принятія ихъ въ ближайшее заведеніе вѣреннаго вамъ министерства, предоставляю вамъ открытъ въ мѣстахъ жительства Евреевъ, по сношеніи съ кѣмъ слѣдуетъ, временныя губернскія и уездныя училищныя комиссіи изъ христіанъ и Евреевъ и снабжать ихъ надлежащими отъ себя наставленіями. Мы надѣемся, что это новое доказательство заботливости Нашей о нравственномъ улучшеніи состоянія Евреевъ, побудитъ ихъ содѣйствовать и съ своей стороны всеми зависящими отъ нихъ средствами къ исполненію предначертаній, клонящихся къ истинному ихъ благу.»

Промышленность. — Высочайше разрѣшено учрежденіе Лифляндскаго Общества Поощренія Сельскаго Хозяйства и Промышленности вообще, на основаніи особаго устава, изъ котораго представляемъ извлеченіе. Это общество имѣетъ цѣлю распространеніе и усовершенствованіе въ Лифляндской-Губерніи различныхъ отраслей промышленности и сельскаго хозяйства, въ-особенности же такихъ, которыя наиболее-свойственны губерніи. Оно состоитъ изъ членовъ действительныхъ, почетныхъ и корреспондентовъ. Для споспѣшествованія полезнымъ предпріятіямъ, действительные члены дѣлаютъ, при вступленіи, одновременно денежный взносъ по своему усмотрѣнію и за тѣмъ подчиняются ежегодному взносу по 3 руб. сер. къ 25 января. Общество пользуется особымъ покровительствомъ Министерства Государственныхъ Имуществъ. Оно находится въ сношеніи съ Ученымъ Комитетомъ сего министерства, а равно съ экономическими и другими обществами, имѣющими цѣлю распространеніе всякаго рода промышленности, какъ въ Россіи, такъ и за границею находящимися. Вообще вся мѣра общества къ распространенію какой-либо отрасли сельскаго хозяйства и промышленности могутъ состоять: 1) въ собраніи свѣдѣній о состояніи сельскаго хозяйства и промышленности въ Россійской-Имперіи, въ остзейскихъ губерніяхъ и въ чужихъ краяхъ; 2) въ издаваніи сочиненій и предложеній на разрѣшеніе какихъ-либо вопросовъ по разнымъ отраслямъ сельскаго хозяйства и промышленности вообще; 3) въ испытаніи и приведеніи въ

дѣйствіе усовершенствованныхъ методъ и земледѣльческихъ орудій признанныхъ—особенно полезными для Лифляндской Губерніи; 4) въ учрежденіи выставокъ произведеній хозяйства и промышленности; 5) въ образованіи хорошихъ хозяевъ по тѣмъ отраслямъ сельскаго хозяйства и промышленности, распространеніе которыхъ, судя по мѣстнымъ нуждамъ, общество находитъ болѣе-необходимымъ; 6) въ раздачѣ безденежно, или за умеренную плату, сѣменъ, растений, животныхъ, орудій и проч.; 7) въ награжденіи изъ суммъ общества денежными преміями и медалями лицъ, отличившихся въ усовершенствованіи разныхъ отраслей сельскаго хозяйства и промышленности и въ ходатайствѣ у высшаго начальства наградъ за особенные подвиги, и 8) въ собраніи образцовъ отличныхъ хозяйственныхъ и промышленныхъ произведеній, а равно приобрѣтеніи плановъ, книгъ и журналовъ, до сего относящихся, по мѣрѣ средствъ общества.

— Выданы привилегіи: 1) майору Колокольцову и аптекарскому помощнику Никельсу на изобрѣтенный ими способъ выдѣлывать папье-маше, картоны и бумаги изъ свекловичной мезги. Польза сего изобрѣтенія, по объясненію ихъ, заключается въ томъ, что, во-первыхъ, матеріалъ, пропадавшій на свеклосахарныхъ заводахъ почти безъ всякаго употребленія, получаетъ цѣнность, и потому облегчаетъ свеклосахарнымъ заводчикамъ способы соперничать въ цѣнѣ туземнаго сахара съ иностраннымъ; во-вторыхъ, что жители безлѣснаго южнаго края Россіи могутъ имѣть дешевый, прочный, безопасный отъ огня и красивый матеріалъ для крышъ своихъ домовъ, и въ-третьихъ, что для выдѣлки бумаги представляется дешевый суррогатъ употребляемому до сего времени тряпью. И 2) московскому купцу Фохтсу на изобрѣтенный Вудомъ въ Лондонѣ способъ производства екультурныхъ на деревь работъ, посредствомъ раскаленныхъ металлическихъ формъ.

Благотворительность. — Высочайше дозволено учредить въ Санктпетербургѣ клинику для малолѣтнихъ дѣтей, по представленному проекту. Она учреждается исключительно для одержимыхъ болѣзнями дѣтей ниже четырехлѣтняго возраста. Главный и высшій надзоръ за больницей ввѣряется главному попечителю, который утверждается въ званіи этомъ Высочайшею властію. Ближайшій надзоръ за симъ заведеніемъ представляется попечительному комитету больницы; непосредственное же завѣдываніе и управленіе онымъ входитъ въ кругъ обязанностей главнаго врача больницы. Какъ попечительный комитетъ такъ и главный врачъ обязаны отчетностію предъ благотворительнымъ обществомъ больницы. Это общество состоитъ изъ лицъ, изъявившихъ желаніе своими приношеніями или своими трудами содѣйствовать успеху сего заведенія. Для полученія званія члена общества достаточно доставить письменно председателю онаго обязательство вносить ежегодно въ пользу больницы для малолѣтнихъ дѣтей нѣкоторую сумму, не менѣе 12 р. сер. Таковій членъ получаетъ годовый билетъ, дающій право безмездно помѣстить одного больнаго на одинъ мѣсяць въ-теченіи текущаго года. По прошествіи года, сей билетъ теряетъ силу. Желающій сохранить право помѣщенія больнаго ребенка на цѣлый годъ,

въ—продолженіи одного года, считая со—времени получения билета, вносить на каждый годъ сто—двадцать рублей серебромъ въ кассу заведенія. Лица, внесшія сумму въ 3000 рублей серебромъ, съ которой проценты были бы достаточны для содержанія одной кровати больницы въ—продолженіи года, носятъ званіе потомственныхъ членовъ—благодѣлителей и получаютъ билетъ, дающій право помѣщать въ больницу одного больного навсегда, и право это переходитъ къ потомкамъ того благодѣлительнаго лица, а кровать больного носитъ его имя. Званіе потомственныхъ членовъ—благодѣлителей можетъ принадлежать и тѣмъ лицамъ, которыя, посредствомъ акта, на основаніи законовъ составленнаго, откажутъ, на случай смерти, 3,000 руб. серебромъ и больше въ пользу больницы. Независимо отъ сего, могутъ быть избраны въ члены общества, по предложенію председателя, и посредствомъ баллотировки и лица, невносящія никакой платы, но которыя своими познаніями и трудами могутъ быть полезны въ кругу занятій общества. Дѣти принимаются въ больницу безъ различія состоянія, пола и вѣрсповѣданія. Для грудныхъ дѣтей въ больницы имѣются кормилицы. Для принятія въ больницу необходимо предъявленіе мѣсячнаго или годоваго билета, приобретеннаго на вышеозначенныхъ основаніяхъ. По мѣрѣ усиленія средствъ больницы, комитетъ ея войдетъ въ разсмотрѣніе о безмездномъ принятіи въ оную бѣдныхъ дѣтей на основаніяхъ, какія комитетомъ, съ утвержденія главнаго попечителя, приняты будутъ. Во всякомъ случаѣ приносимыя въ больницу, въ установленные часы, больныя дѣти могутъ ежедневно пользоваться врачебнымъ совѣтомъ и лекарствами безденежно. Равнымъ образомъ въ назначенные дни, по желанію родителей, прививается дѣтямъ предохранительная оспа безденежно. Способы содержанія больницы составляются изъ ежегодной платы членовъ общества и другихъ добровольныхъ приношеній, въ уставѣ изложенныхъ. Обществу предоставляется, по примѣру прочихъ благодѣлительныхъ заведеній, право учреждать въ пользу больницы лотереи, аукціоны, концерты и проч., издавать на тотъ же конецъ повременныя и другія сочиненія, устанавливать кружки за своею печатью, какъ при домѣ больницы, такъ и въ другихъ домахъ, лавкахъ и заведеніяхъ, по соглашенію съ владельцами оныхъ.

IV.

ДОМОВОДСТВО, СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО И ПРОМЫШЛЕННОСТЬ ВООБЩЕ.

ХОЗЯЙСТВЕННЫЕ ОПЫТЫ И НАБЛЮДЕНИЯ ВЪ БЪЛОЗЕРСКОМЪ-УЪЗДѢ.

Слова нѣтъ, что несовсѣмъ-выгодно быть старовѣромъ въ сельскомъ хозяйствѣ. Накладно также имѣть пристрастіе ко всякимъ въ немъ новизнамъ. Но, воля ваша, нельзя осудить желанія — заводить такую «благодать», каковы, на-примѣръ, «многоплодные хлѣба» (урожай которыхъ публично засвидѣтельствованы именами хозяевъ), усовершенствованныя породы скота, испытанныя въ своей пользѣ земледѣльческія орудія, посѣвы травъ, награждающихъ пятью-стами пудами отличнаго сѣна на десятину — и тому подобное. Тутъ, при всемъ равнодушіи къ витіеватой и нарумяненной похвалѣ заморскимъ улучшениямъ, невольно соблазниться, истративъ сотни рублей на выписку *несомнѣнно-превосходнаго*; введешь его въ свой хозяйственный обиходъ; приложишь, для укрепенія многообщающей новизны, живое къ ней усердіе — и разочаруешься отъ послѣдствій... Такова ужъ участь нововводителя-хозяина!

Здѣсь прежде всего прійдетъ на память извѣстная *рожь-ваза*, какъ хлѣбъ наиболее-испробованный. Кто ее, скажите, пожалуйста, въ послѣдніе годы не покупалъ (по тройной, четверной, противъ обыкновенной ржи, пѣнѣ), не съелъ ее и не радовался, что

она, въ первые урожан, приносила 30 зеренъ на одно, и не жалѣя потомъ, что эта же самая сѣверная гостыя, въ послѣдующіе за тѣмъ годы, особенно въ неблагопріятные для растительности, скорѣе другой ржи подопрѣвала, вымокала, сыпалась, вырожда-лась и лишала хозяина, въ сравненіи съ умолотомъ туземной ржи, еще большаго числа зеренъ, чѣмъ приносила вначалѣ. Гдѣ же тутъ выгода плодovitости? Не-уже-ли надобно безпрестанно выписывать свѣжія сѣмена! иногда верстѣ за 600 и далѣе? Для многоземель-ныхъ хозяйствъ, это рѣшительно невыгодно.

Я пробовалъ разводить *англійскій*, или, какъ въпаче его называютъ, *американскій овесъ*, купленный мною въ Санктпетербургѣ, въ 1837 году, по пяти рублей ассигнаціями за пудъ, то-есть, слиш-комъ вчетверо-дороже, чѣмъ продавался тогда обыкновенный рус-скій овесъ. И вотъ выписка изъ моей хозяйственной книги о по-сѣвѣ этого британца:

	Посѣяно.		Намочено.		Намолочено.	
	четвер- ти.	четве- ррка.	овины. вы.	сусло- вы.	четвер- ти.	четве- ррка.
Въ 1837 г. на $\frac{1}{2}$ дес.		5	4 ^(*)	2	6	2
— 1838 — — 5 —	6	—	98	3	90	4
— 1839 — — 8 —	10	—	63	2	50	3
— 1840 — — 8 —	10	—	56	—	51	1
— 1841 — — 8 —	10	—	50	4	46	2
— 1842 — — 4 —	5	—	20	5	9	4
— 1843 — — 2 —	3	—	11	—	10	5

Надобно сказать, что во всѣ годы этотъ овесъ сѣялся на луч-шей черноземной, или сильной иловатой землѣ. Только въ первые три года, пашня подъ мею троилась; а въ послѣдующее за тѣмъ время, какъ принято у меня для русскаго овса, оралась два раза. Сравните же погодно урожан мѣстнаго овса съ англійскимъ, по-сѣяннымъ, разумеется, одновременно, на одинаковой почвѣ и по-чти на равномъ пространствѣ (свой овесъ сѣялся по-чаше: слѣдо-вательно, занималъ еще меньше мѣста).

	Русскій овесъ.	Англійскій овесъ.
Въ 1837 г., по двое-оркѣ род. самъ	6	По трое-оркѣ, самъ 10
— 1838 —	6	— — — — 15
— 1839 —	6 $\frac{1}{2}$	— — — — 5
— 1840 —	4 $\frac{1}{2}$	по двое-оркѣ самъ 5 $\frac{1}{10}$
— 1841 —	6 $\frac{1}{2}$	— — — — 4 $\frac{5}{8}$
— 1842 —	4 $\frac{1}{3}$	— — — — 1 $\frac{1}{2}$
— 1843 —	3 $\frac{1}{3}$	— — — — 3 $\frac{1}{2}$

(*) Въ двѣсти сноповъ каждый.

Значитъ, въ семилѣтней сложности, русскій овесъ пришелся почти самъ—37, а англійскій почти самъ—45. Разница небольшая! — Но здѣсь слѣдуетъ опять вспомнить, что подь англійскій овесъ, въ первые годы, пахали землю три раза. При этомъ трудъ, русскаго овса можно было бы посѣять въ полтора раза болѣе: слѣдовательно, и урожай его увеличился бы на столько; а это уравнило бы общій умолотъ обоихъ хлѣбовъ.

Далѣе, посмотрите на качество ихъ. Англійскій овесъ при покупкѣ вземль въ четвертикъ 36 фунтовъ, и потомъ, постепенно, чрезъ семь лѣтъ посѣва, дошелъ до 32 фунтовъ, не смотря на то, что сѣвъ производился сѣменами втораго года. Русскій овесъ, конечно, въ рядкій годъ вѣситъ болѣе 31-го фунта, но за то изъ четверика муки его выходятъ высѣвковъ (кожи) $6\frac{3}{4}$ фунтовъ; изъ англійскаго же $8\frac{1}{4}$ фунтовъ. Слѣдовательно, преимущество на сторонѣ послѣдняго остается въ одной шелухѣ, а невыгода заключается еще и въ томъ, что онъ, по толстокожести своей, толчется противъ русскаго вдвое тише, и, на корнѣ, поспѣваетъ двумя недѣлями позже, что въ сѣверныхъ хозяйствахъ, гдѣ отъ мороза и недѣля много уноситъ, —значительно. (У крестьянъ моихъ, которымъ я далъ англійскаго овса для развода, и которые обыкновенно начинаютъ сѣять позвже господскаго, этотъ хлѣбъ въ 1840-мъ году совершенно вызрѣлъ, не налившись до полнаго зерна.)

Въ заключеніе, я похвастаю еще — успѣхомъ англійскаго овса съ нашей коммерціи. Я отправлялъ его, въ числѣ нѣсколькихъ четвертей, на одну изъ окружныхъ ярмарокъ. И что же вышло? всѣ дивились крупному овсу; многіе не шута подозрѣвали, что это «овесъ съ обманомъ» то-есть, простой, но только размоченный, (разбухнувшій); что за подобныя дѣла слѣдовало бы проучивать и предавать въ руки полиціи... Вотъ какого приѣма онъ удостоился! И до конца ярмарки никто не купилъ этого «фальшиваго» овса, хотя за него просили только одинъ лишній, ассигнаціонный рубль на четверть. Да и насылу могли сбыть этотъ мудреный хлѣбъ (вѣроятно, какимъ-нибудь смѣльчакамъ) за наддачу пятака мѣди на четвертикъ.

Производилъ я также опыты съ *двурядными голыми длинноколо-сыми ячменемъ*, известнымъ подъ разными именами: гиммалайскаго, (*) небснаго, перуанскаго и другихъ; а по-латинѣ, кажется, вообще называемаго *Hordeum distichon nudum*. Этотъ хлѣбъ, не

(*) Гиммалайскій ячмень, по классификаціи Метцгера и другихъ, долженъ быть *четыреграннымъ*. Но я получилъ и двухгранный за гиммалайскій. Вообще, въ этихъ ячменяхъ, при опредѣленіи названія ихъ, существуетъ страшная ересь. *Авт.*

смотря на громкую свою знаменитость и обаятельные (когда посевать его на грядахъ или подобной имъ землѣ, гдѣ всякій хлѣбъ родится необычайно) урожан, приносить еще меньше выгоды, чѣмъ обыкновенный нашъ голый англійскій ячмень, если только онъ посѣянъ при одинаковыхъ съ нимъ условіяхъ, времени, качества и обработкѣ земли. Случилось даже, что туземецъ превосходилъ посѣтителя иногда на одну третью часть въ умотѣ (*). Послѣдній изъ этихъ ячменей, сверхъ-того, еще позже посѣвается 10—12 днями. Но во внутреннемъ достоинствѣ, онъ, особливо при выдѣлкѣ крупы, удерживаетъ за собою, по крупности зеренъ и внутренней бѣлизнѣ, замѣтное преимущество.

Я старался знакомить съ бѣлозерскимъ климатомъ и слѣдующіе хлѣбы:

а) *Витиктонову озимовую пшеницу*. Она сѣялась на огородной землѣ въ концѣ іюля; дала отличную озимь, но весною (еще при умѣренной зимѣ) вышла только въ нѣсколькихъ стебляхъ: видно, вся позябла. Потомъ, я сѣялъ ее какъ яровую, поранѣе, въ первыхъ числахъ апрѣля: она цѣлое лѣто кусталась, шла въ трубку и не образовала ни одного колоса. На слѣдующую весну, отъ подобнаго посѣва не показалось ни одного всхода. Этотъ хлѣбъ, какъ арнаутка и просо, я думаю, есть непрѣмное достояніе южныхъ губерній.

б) *Голый китайскій овесъ*. Въ ростѣ былъ плохъ, рѣдокъ и въ послѣднихъ дняхъ августа совершенно позябъ, не смотря на то, что сѣялся въ одно время съ полевымъ овсомъ, который выпѣлъ.

в) *Картофельный овесъ*. Этотъ произрасталъ хорошо, но также позябъ;

и д) *Сибирская* (какъ сказано въ преис-курантѣ, «небоявшаяся мороза») *греча* постоянно, чрезъ годъ и чрезъ два, то при всходѣ, то при посѣваніи, вызябаетъ. Однакожъ, я ее сѣю (всегда на самой тощей землѣ) — потому-что она въ благодатный годъ приноситъ 8—9 зеренъ.

Усвоивалъ я въ своей мѣстности и заграничныя сорты картофеля, но безуспѣшно. *Роганскій* хотя и давалъ крупныя картофелины (въ два фунта въсомъ), но въ количествѣ сбора онъ не превосходилъ обыкновеннаго картофеля; требовалъ еще лучшей земли и имѣлъ въ самыхъ крупныхъ картофелинахъ пустоту. Въ

(* Гималайскій ячмень или, по-крайней-мѣрѣ, тотъ, подъ именемъ котораго я получалъ, — обыкновенно сильно кустится: даетъ до 20 и болѣе стеблей. Но изъ нихъ совершенно наливаются только 4—5. Остальные же жнутъ полувеленыя, — почти безъ зеренъ. Простой англійскій ячмень, конечно, не такъ грядится, но даетъ столько же спѣлыхъ колосенъ, которые содержать въ себѣ, въ сравненіи съ гималайскимъ, больше зеренъ. *Лет.*

прошлогодиною же засуху, простой картофель принесъ мелкіе плоды, а роганскій — никакихъ. *Картофель-кокней* (Early sokney), по увѣренію рижскаго садовника г. Боссе, долженствовавшій принести урожай самъ—300, и притомъ поспѣвать рано, — рѣшительно, въ двухгодичномъ испытаніи, нисколько не выполнялъ обѣщаннаго, то-есть, поспѣлъ поздно и принесъ плоды, равные простому картофелю, хотя посаженъ былъ тщательнѣе.

Здѣсь я вспомню и про посѣвы мои *въ исполинскомъ родѣ*, — сначала, хоть, на примѣръ, *исполинскаго клевера*, который выросъ у меня, на тучной землѣ, дѣйствительно высокъ, безъ малаго въ три аршина съ бѣловатымъ кистеобразнымъ цвѣтомъ, похожимъ отчасти на цвѣтъ кукурузы; но во второе лѣто я не замѣтилъ уже, на мѣстѣ посѣва, ни одного ростка. Отъ-чего это произошло — не знаю: отъ-того ли, что я давалъ ему расти до зрѣлости сѣменъ, — который, однакожъ, таки не взошли — или это есть растеніе однолѣтнее — рѣшить вѣрно не берусь. У ботаниковъ оно извѣстно подъ именемъ *Melilotus leucantha* шахиша, и сказываютъ, что въ низовыхъ, приволжскихъ губерніяхъ оно растетъ дико. Но у насъ ему поселиться не заблагоразсудилось...

Въ одно же время я садилъ нѣсколько золотниковъ *исполинской конопля*. Но она, въ хозяйственномъ отношеніи, не заслужила вниманія: вышла толстовата (деревяниста) для выдѣлки пеньки и неприбыльна для сѣменъ (которые, впрочемъ, немножко-крупнѣе обыкновенной конопля.)

Исполинскій горохъ шесть лѣтъ владычествуетъ у меня въ огородѣ и, по истинѣ, можетъ назваться царемъ между своими братьями. Большаго размѣра стебель его неизмѣнно украшается огромными, сочными и прозрачными стручьями, длиною вершковъ въ пять, а шириною почти въ вершокъ, съ горошинами, похожими на малую вишню. Этотъ овощъ удовлетворяетъ не одной любознательности: онъ, полузрѣлый, очень-хорошъ въ соусахъ и никуляхъ, но поспѣвшій, и въ сыромъ употребленіи, имѣетъ въ себѣ что-то неспріятное, напоминающее вкусъ кормоваго горошка и сѣменъ акаціи. Значить, этотъ горохъ-аристократъ все же таки не можетъ сдѣлаться «народнымъ».

Объ исполинской капустѣ короткій отзывъ: это удочка, которою шарлатанство ловить деньги. «Великая капуста» вышла хуже медой; только вѣтвилась, какъ сосна.

Нельзя сказать много лестнаго и *объ исполинскомъ подсолнечникѣ*. Любя садоводство, я самъ занимался воспитаніемъ его. Посадилъ сначала, въ мартѣ мѣсяцѣ, чтобъ выиграть для растительности время, въ оранжереѣ. Въ началѣ мая перенесъ этого «великана», достигшаго, при добромъ здоровьи, аршиннаго роста, въ отличный

(георгиинский) грунт, углубленный шарочно на полтора аршина (исполнну подобала такая честь). И что же вышло? Лето было благословенное.... Многія растенія достигли высшей степени развитія... Только одни подсолнечники-гиганты не дошли до своей апогеи, назначенной имъ, по прейс-куранту г. Ц. въ 15 футовъ вышины, почти на половину. Я было-думалъ, что у меня выростутъ, по-крайней-мѣрѣ, «цвѣточные телеграфы», а вышлн обыкновенные полесолнечники, съ цвѣтомъ въ-дiameterъ въ семь вершковъ.

Доводилось мнѣ воздавать поклоненіе и *исполнской лебедь*. Такъ я хочу назвать рекомендованную нѣкогда *квиноа* (quinoa), выходящая изъ Перу, довольно-похожаго на нашу лебеду. Изъ 20 золотниковъ сѣмянъ этого экваторіальнаго злака (сообщенныхъ мнѣ почтеннѣйшимъ сосѣдомъ моимъ, А. В. Лѣсковымъ), выросло у меня, на огородной землѣ, 2 фумта 6 золотниковъ. Половину этой «новизны» я приберегъ на посѣвъ къ будущему году, а остальную часть рѣшился пустить въ употребленіе. И прежде всего, мнѣ вздумалось почтить себя «американскою кашею» (güam снит à Quinoa), такъ выхваляемую «стороною»; я велѣлъ на ручномъ жерновѣ слегка содрать двѣ горсти этихъ сѣмянъ и, на сливкахъ, заварить изъ нихъ тропическую кашу. А чтобъ не было обидно и нашей лебедѣ, то я пригласилъ и ее войти въ подобное состязаніе. Такимъ-образомъ, явились на диспутъ двѣ каши: одна, экспромптная, изъ лебеды, а другая — плодъ дѣятельной цѣлительницы—изъ квиноа. Признаюсь, съ напряженнымъ вниманіемъ углублялся я во вкусъ этихъ утонченныхъ блюдъ, и, какъ преподаватель на экзаменѣ, старался выставить предъ своими собесѣдниками этихъ питомцевъ «въ лучшемъ свѣтѣ», иперболически расхваливалъ каждое подозрѣваемое въ нихъ достоинство, и—каюсь-чисто-сердечно — ни самъ не убѣдился, ни въ другихъ не замѣтилъ, чтобъ эти каши могли понравиться, хоть бы со стороны оригинальности. Одна изъ нихъ, квиноа, вышла горькая, а изъ лебеды еще горче: просто это были аптекарскія консервы, способныя излечивать.... отъ любопытства. Впрочемъ, не довѣряя нашимъ избалованнымъ требованіямъ, я придумалъ попытать хозяйственную пользу квиноа на природномъ, простомъ и чистѣйшемъ вкусѣ: на аппетитѣ индѣекъ, потому-что гдѣ-то писали, что ее очень-охотно кушаютъ птицы. И чего же лучше! Я прибѣгнулъ и къ птичьему авторитету. Собралъ консваліумъ изъ дворовыхъ пернатыхъ; предложилъ имъ на обсужденіе, на-тощакъ, двѣ горсти квиноа, столько же лебеды и овса, и анализъ этихъ «глубоко-отвлеченныхъ» предметовъ начался слѣдующимъ образомъ: сначала, члены совѣщанія обратили рѣшительное, заглавное вниманіе на овесъ; по-

тѣмъ, когда онъ уже подчинился ихъ желудочной лабораторіи, они критически перешли на квиноа и лебеду, и воздали имъ, можно сказать, равное одобреніе, то-есть, понемножку поклевали той и другой. За тѣмъ, чтобъ еще продолжить «совѣтательное преніе», я приказалъ смѣшать остатки квиноа и лебеды съ заварою (кашею изъ пелеры и отрубей) и опять представилъ ихъ на благоусмотрѣніе собранія. Оно приняло эту композицію съ единодушнымъ восторгомъ. Наконецъ, въ ту же (чѣстную) завару прибавили горсть *сосновыхъ опилокъ*, смѣшали ихъ тщательно и предложили новую смѣсь на уваженіе пернатыхъ знатоковъ: они радушно приняли и этотъ деревянный венигретъ. Значить, вся сила и все необходимое значеніе остались за заварою: она въ состояніи возвести на степень съдомости и квиноа, и сосновые опилки .. Я рѣшился, «въ случаѣ надобности», разводитъ лучше послѣдніе, тѣмъ болѣе, что квиноа, посѣянная, въ слѣдующемъ году, наряду съ овсомъ, при обыкновенной хлѣбной обработкѣ земли, не возвратила и сѣменъ.

Теперь, позвольте подвести подъ учетъ выгоды отъ посѣвовъ въ нашихъ мѣстахъ искусственныхъ травъ. Для этого, я представляю результаты урожаявъ отъ двухъ равнокачественныхъ, хорошоудобренныхъ десятинъ, изъ которыхъ одна засѣвалась зерновымъ хлѣбомъ, а на другой росъ красный клеверъ (дятлина) съ $\frac{1}{2}$ частию тимосеевки. Въ первый годъ, хлѣбная (тридцатная) десятина принесла, вмѣстѣ съ сѣменами, девять четвертей ржи и около 225 пудовъ соломы; клеверная же десятина, 21 промежекъ, или 147 пудовъ сѣна (второй укосъ дятлины, хотя и производился въ началѣ сентября, но онъ не высохъ, потому-что извѣстно уже, осевшее солнышко, какъ «дружба безъ видовъ», плохо грѣеть,—а клеверу надобно тепло, да и тепло; этотъ укосъ хозяйству пользы не доставилъ, по той причинѣ, что тогда подножнаго корма было довольно: не для чего было кормить скотъ вилеюю, прашедшею въ броженіе травою). Во второй годъ, хлѣбная десятина дала, также безъ отдѣленія сѣменъ, семь четвертей и два четверика русского ячменя, да еще соломы около ста пудовъ; клеверная же наградила (при отличномъ въ тотъ годъ ростѣ травъ на естественныхъ лугахъ) только пятнадцатю промежками или 105 пудамъ сѣна, въ которомъ было на половину природныхъ травъ. Въ третій годъ, хлѣбная десятина, обращенная полъ паръ, представляла собою, въ июнѣ мѣсяцѣ, точно такой же сѣнокосъ, какъ и клеверная, только въ послѣдней замѣтна была кое-гдѣ тимосеевка. Паренинную десятину, разумѣется, взорали, и она не могла идти въ сравненіе. На четвертый годъ, въ клеверной полосѣ не осталось никакого признака, что на ней производился искусственный

посѣвъ: она совершенно выравнилась съ естественнымъ лугомъ. Приведемте же урожай этихъ десятинъ за два года къ денежному итогу, придерживаясь на произведенія ихъ *среднихъ* цѣнъ.

Хлѣбная десятина.

Приходъ.

Въ 1-й годъ за	9 четвертей ржи . . .	36 р.	к. серебр.
— — — —	225 пудовъ соломы . . .	2 — 25	— —
Во 2-й — —	7 четверт. два четв. рус-		
	скаго ячменя . . .	23 — 20	— —
— — — —	100 пудовъ соломы . . .	1 — 20	— —
		<hr/>	
		Всего 62 р. 65 к. серебр.	

Расходъ.

Въ 1-й годъ на	7 четвер. ржи для посѣва . .	3 р. 50 к.	серебр.
— — — —	обработку земли . . .	4 — 90	— —
Во 2-й годъ —	1 четвер. ячменя для посѣва .	3 — 60	— —
— — — —	обработку земли . . .	4 — (*)	— —
		<hr/>	
		Всего 16 р. серебромъ.	

Клеверная десятина.

Приходъ.

Въ 1-й годъ за	147 пудовъ сѣна . . .	22 р. 5 к. (**)	серебр.
Во 2-й — —	105 — — . . .	15 — 75	— —
		<hr/>	
		Всего 37 р. 80 к. серебромъ.	

Расходъ.

Въ 1-й годъ на	покупку 49 фун. клевера		
	и 7 фун. тимоеевои травы . .	8 р. 10 к.	серебр.
	За обработку земли . . .	4 — 90	— —
		<hr/>	
		Всего 13 р. » —	

Изъ этихъ итоговъ видно, что хлѣбная десятина, въ сравненіи съ другою, засѣянною сѣменами травъ, принесла выгоды, въ два года, болѣе на 21 р. 85 коп. серебромъ. Для чего же, спрашивается, занимать искусственными травами землю тамъ, гдѣ хлѣбъ (какъ у насъ) всегда въ цѣнѣ, а запущенныхъ естественныхъ луговъ и неразчищенныхъ мѣстъ для нихъ столько, что ими можно, по-преимуществу, разумно приводя къ пользѣ нецѣнное —

(*) Платы за живото и сѣнокосъ я здѣсь не исчисляю, потому-что онѣ почти одинаково цѣнятся, и въ теперешнемъ случаѣ, какъ равное за равное, могутъ быть исключены. *Авт.*

(**) У насъ пудъ хорошаго суходольнаго сѣна стѣитъ, при нуждѣ, семь коп. серебромъ. Я клеверное положилъ болѣе чѣмъ вдвое. Кажется, довольно. *Авт.*

заниматься до-нельзя? Впрочемъ, у насъ, смотря на луговоедство и съ этой точки, все же таки встрѣтятся къ улучшенію и расширенію сѣнокосовъ значительныя препятствія: во-первыхъ, недостатокъ средствъ къ сбыту сѣна (точестъ водныхъ путей сообщенія), и во-вторыхъ, немовѣрная дешевизна рогатого скота, некушающаго сѣяна въ него издержекъ (*). Кто же станеть въ подобныя обстоятельства тратить сто руб. асс. на вычитку подлугъ лѣсной или неудобной десятины, если сѣна продать некуда, или если оно, будучи издержано на кормъ скоту, принесеть выгоды, въ лучший годъ, на употребленный капиталъ два-три процента? Я заносывалъ стоимость хозяину трехлѣтняго бычка, кормленнаго по поламъ сѣномъ и мякцью, съ достаточнымъ количествомъ хлѣбнаго продовольствія. Онъ обошелся, не считая ухода за нимъ, — что я кладу на оставаемый имъ тукъ, въ 28 руб. асс., а проданъ онъ за 27 руб. Изъ чего же тутъ хлопотать? И не лучше ли, при такомъ порядкѣ вещей, содержать скотъ зимою на солому, лѣтомъ на водножномъ корму и нацѣ-можно-болѣе скупиться на хлѣбъ. Тогда трехъ-годовой бычекъ: будетъ стоить 16 руб. асс., а при продажѣ, за него дадутъ 22 руб. асс. Сбереженный же хлѣбъ принесеть самъ-по-себѣ выгоду. Конечно, это будетъ не европейское, а можетъ-быть чувашское хозяйство, но за то расцѣтливое, чѣмъ и можно отчасти утѣшиться (**).

О примѣненіи же къ нашему краю наввѣченныхъ для высокаго земледѣлія орудій, скажу, что и самыя малосложныя изъ нихъ оказались сравнительно-дорогими и бесполезными. Я пропушу громоздкіе механизмы и возьму, на выдержку, одноконный плужокъ жодейки (американскій) и распашную желѣзную борону о 16-ти зубахъ. Первый всѣтъ 2 пуда 14 фунтовъ (противъ нашей русской сохи онъ тяжеле почти-вдвое) и стоить, по покупной цѣнѣ, 12 руб. сер. (въ двѣнадцать разъ дороже противъ той же сохи). Желѣзная борона всѣтъ 1 пудъ 37 фунтовъ (противъ употребляемой у насъ, изъ еловыхъ сучьевъ, лучшей новой бороны, полупудомъ тяжеле) и цѣнится, по домашнему расцѣту, 4 рубля

(*) Злѣшніе прасолы (кутники) цѣнятъ пудъ мяса въ скотинѣ по 2 руб. 50 коп. асс., а кожу кругомъ, по 4—5 руб. асс. за штуку. Ноги же потроха и голову ставятъ ни-по-чѣмъ: это ихъ экстраординарный барышъ. *Авт.*

(**) Прибавлю еще, что какія бы ни залагались, для улучшенія луговогодства и скотоводства, теоріи,—будь хоть это чистѣйшій кристаллъ агрономической мудрости:—но пока не образуются, по этимъ частямъ, въ извѣстныхъ губерніяхъ, отъ развитія промышленности, *интересы*, до-тѣхъ-поръ, повѣрьте, усовершенствованія не пойдутъ далѣе умозрительнаго міра. Вѣдь нужда, по словицѣ, камень долбитъ... А безъ нея тихо двигается человечество. Вѣрно, петербургскія болота осушились не отъ любознательности. *Авт.*

серебромъ (въ сорокъ разъ дороже относительно деревянной бороны) (*). Но дороговизна и тяжесть ничего бы не значили, если бы обработка земли этими «усовершенствованными» орудіями давала рѣшительныя преимущества. Къ-сожалѣнію, я ихъ не замѣтилъ. Ширина пласта, подымаемая американскимъ плужкомъ, равно какъ и глубина пашни, дѣлаемая имъ при опущеніи на самый низшій градусъ регулятора, таковы, что исправная соха исполнить все это не хуже. Разница будетъ только въ томъ, что лошадь и сошной пахарь меньше устанутъ, и, слѣдовательно, больше нарабotaютъ. (Да и къ чему глубокая пашня тамъ, гдѣ плодородный грунтъ не толстъ и гдѣ, на новинахъ (подсыкахъ) при *полувершковомъ* подъемѣ земли, родятся ячмени самъ-25 и даже самъ-30 (**)?) — Желѣзная борона, конечно, скорѣе рыхлитъ дернины и комья, но зато сильно изнуряетъ лошадь: въ четыре часа довести крѣпкаго рабочаго коня до мыльнаго пота. А наша простая десяти-копеечная (на серебро) суковатая борона, гармонируя съ силою товарища по работѣ, скользитъ и прыгаетъ по взмѣту, какъ игрушка, и, безъ пособія рудниковъ, кузнецовъ и плотниковъ, своими упругими сучьями, точно пружинами, бьетъ и теребитъ пласты съ непомеркаемой славою...

В. А. ВЛАДИМИРСКІЙ.

Бѣлозерскій-Узль.

С. Камедникъ, на р. Судѣ.

(*) Можно возразить, что желѣзная борона гораздо-крѣче деревянной. Все такъ! но только не въ 40 разъ. У меня, въ-теченіи лѣта, сломался на первомъ изъ этихъ орудій зубъ. И что же? пока его чинили, удобно было бы связать пѣлую еловую бороны, которая хорошо запахала бы двѣ четверти посѣва и, въ-заключеніе, употребилась бы еще на топливо. *Аст.*

(**) Доказательство, что въ процессѣ возвращенія хлѣбныхъ растений главную роль играютъ верхніе слои земли. *Аст.*

К Р И Т И К А.

РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА ВЪ 1844 ГОДУ.

Вотъ уже пятое обозрѣніе годоваго бюджета русской литературы представляемъ мы нашимъ читателямъ. Обязавшись передъ публикою быть вѣрнымъ зеркаломъ русской литературы, постоянно отдавая отчетъ во всякой вновь-выходящей въ Россію книгѣ, во всякомъ литературномъ явленіи, «Отеч. Записки» не вполне исполнили бы свое назначеніе — быть полною и подробною летописью движенія русскаго слова, еслибъ не вѣдрили себя въ обязанность этихъ годичныхъ обозрѣній, въ которыхъ обо всемъ, о чемъ продолженіи дѣлаго года говорилось, какъ о настоящемъ, говорится какъ о прошедшемъ, и въ которыхъ всѣ отдѣльныя и разнообразныя явленія дѣлаго года подводятся подъ одну точку зрѣнія. Не ставимъ себя этого въ особенную заслугу, потому что вниманіе въ этомъ только должно исполненіе добровольно-принятой на себя обязанности; но не можемъ не замѣтить, что подобная обязанность довольно-тяжела. Читатели наши знаютъ, что бѣдшая часть этихъ годичныхъ обозрѣній постоянно наполнялась раз-

сужденіями вообще о русской литературѣ и, слѣдовательно, о всѣхъ русскихъ писателяхъ, отъ Кантемира и Ломоносова до настоящей минуты; а взглядъ на прѣшлогодную литературу — главный предметъ статьи, всегда занималъ ея меньшую часть. Подобныя отступленія отъ главнаго предмета необходимы по двумъ причинамъ: во-первыхъ, потому, что настоящее объясняется только прошедшимъ, и потому-что по поводу цѣлой русской литературы еще можно написать не одну, а даже и нѣсколько статей, болѣе или менѣе интересныхъ; но о русской литературѣ за тотъ или другой годъ, право, нѣ о чемъ слишкомъ-много или слишкомъ-интересно разговаривать. И это-то составляетъ особенную трудность подобныхъ статей. Легко пересчитывать богатства истинныя или мнимыя; много можно говорить о нихъ; но что сказать о бѣдности, близкой къ нищетѣ? Да, о совершенной нищетѣ, потому-что теперь нѣтъ уже и мнимыхъ, воображаемыхъ богатствъ. А между-тѣмъ, о чемъ же говорить журналу,

если ему уже нечего говорить о литературѣ? Въдѣ у насъ литература составляетъ единственный интересъ, доступный публикѣ, если не упоминать о пресѣрансѣ, говоря о немногихъ, исключительныхъ и какъ-бы случайныхъ ея интересахъ. Итакъ, будемъ же говорить о литературѣ, — и если, читатели, этотъ предметъ уже кажется вамъ нѣсколько-истощеннымъ и слишкомъ-часто истощаемымъ; если тогда о немъ уже доставляютъ вамъ только то магнетическое удовольствие, которое такъ близко къ усыпленію, — поздравляемъ васъ съ прогрессомъ, и пользуемся случаемъ увѣрить васъ, что мы, въ свою очередь, совсѣмъ не чужды этого прогресса, и что, въ этомъ отношеніи, вы не правы, если вздумаете упрекнуть насъ въ отсталости отъ духа времени и въ наивной запоздалости касательно его интересовъ... Еще разъ: будемъ разсуждать о русской литературѣ, — предметъ и новый и любопытный...

Переходимъ предана, какъ подумашь! Помните о томъ, что такъ сильно интересовало васъ, что давало такую полноту вашей жизни и что было еще такъ недавно, — вы по-прежнему восликиваете съ грустью:

Сѣю преданіе, а вѣрится съ трудомъ!
На Руси еще не вывелись люди, которые

Извѣстны черпаютъ въ забытыхъ газетъ

Время отаконскихъ и искореня Крама;

люди, которые со вздохомъ вспоминаютъ о пудрѣ, о косахъ съ кошечками, о аискахъ à la pigeon, о шитыхъ кафтанахъ, о шляхахъ-кораблицахъ, объ атласныхъ штанахъ, о шелковыхъ чулкахъ и башмакахъ съ бриллиантовыми украшениями и красными каблуками; о роброндахъ, о ежикахъ, о мушкатахъ, о денуртѣ, о гресѣтарѣ, о вѣтровоженскихъ столахъ, куда всякій развѣже diable могъ явиться за подачку, надѣстуса и нацѣтуса, и за все это расквашется только тумановымъ по-

клономъ щедрому аментриону, который такъ же мало замѣчалъ этотъ поклонъ, какъ и тѣхъ, кто сидѣлъ за столомъ его; о фейерверкахъ, о пирахъ, о *Petriadъ* Ломоносова, о трагедіяхъ Сумарокова, *Rossiadъ* Хераскова, *Душенькѣ* Богдановича, одахъ Петрова и Державина, и обо всей этой поэзіи, столь плодотворной, столь громкой, столь однообразной, нѣкогда возбуждавшей также благотворное удивленіе, а теперь извѣстной большею частью только по воспоминаніямъ, по преданію и по слухамъ... И правы, сто, тысячу разъ правы эти вздыхающіе остатки, одиноко и безотрадно удѣлѣвшіе отъ тѣхъ временъ: вокругъ нихъ все новое кипитъ, былое истребля. Миръ ихъ и миръ нашъ — два совершенно-различныя міра, между которыми нѣтъ ничего общаго. Говоря съ нами, они съ трудомъ понимаютъ въ нашихъ устахъ русскій языкъ, такъ страшно-извѣнчившійся съ-тѣхъ-поръ; что же до нашихъ понятій — они на представляемы для нихъ даже и при посредствѣ самаго точнаго и вѣрнаго перевода на ихъ понятія. Подождеіе такихъ людей можно сравнить только съ несчастіемъ — вдругъ ожечь, прожечь дѣтъ восемьдесятъ подъ той землей, на которой все всегда было и намѣнялось съ быстротою наученной. Да, мы, этими добрыми людьми, есть о чемъ вздыхать! Но эти люди теперь — исключеніе, дорогая рѣзкость, нѣчто въ родѣ подлиннаго истаровой лѣтописи, если только подлинникъ истаровой лѣтописи гдѣ-нибудь еще существуетъ, или существовалъ когда-нибудь. Но теперь есть еще довольно людей другого міра, боже-благатаго намъ. Это люди, которые юностию любовались на блестящій закатъ царствованія Екатерины II, и съ гордыми надеждами встрѣтили краткое сіяніе царствованія Александра - Благословеннаго; которые еще не успѣли привыкнуть ни къ пудрѣ, ни къ чулкамъ, и все-же расквашены съ этими атрибутами отшедшаго изъ дѣлности дѣла; которые безъ

повѣри, боѣ самѣиши, повторяли
 грании орамы пошннхъ и старыхъ
 иудей о величии Ломоносова, Сумаро-
 нова, Хераскова, Петрова и Держа-
 вина, — но которые уже плакали на-
 верыдъ надъ *Видною Лизой*, предава-
 лись вѣжною меланхолии при чтеніи
Наталы Болрской Дочери, и восхища-
 лись *Писемлами Русскую Путешествен-
 ника*. При этомъ поколѣніи, оды были
 еще въ-ходу, но болѣе не укорени-
 лисуа въ прошломъ вѣкѣ благоговѣ-
 нію къ ихъ громогласію, нежали въ-
 свѣдѣствіе потребности наставнаго
 новаго вѣка. Скажемъ боѣе: ода то-
 гда уже отжила свое время, и ея гро-
 мозвучные возгласы были заглушены
 тонкими вздохами и нѣжными жур-
 чавіемъ сладкихъ слезъ. Одамъ не де-
 ржавали удивляться, считая ихъ выс-
 шимъ родомъ поэзіи, поелѣ героиче-
 ской поэмы; но новыхъ даровитыхъ
 одомъ не являлось. Дмитріевъ пре-
 бовалъ писать оды, но только пробо-
 валъ (что не помѣшало ему, однакожъ,
 жество осмѣять оды въ остроумной
 сатиры *Чужой Толкѣ*); — и настоящій
 устѣхъ выдѣли его вѣсни, басни, сказки,
 сонграммы, надѣрси и надригалы, а не
 оды. Между молодымъ поколѣніемъ,
 вѣдла потомъ появляться *écrits-forts*,
 которые позволяли боѣе смѣиваться
 къ несовершенномъ величии Сумаронова:
 и не мудроно — они вѣдъ знали каждую
 строку Карамзина, выучили наизусть
 его стихи, равно какъ стихи Дмитріева
 и Псалдинскаго; въ театрѣ восхищались
 трагедіями Озерова. Мерзляковъ даже
 дбравулъ (о, ужасъ!) изъяснить довольно-
 рѣнное сомнѣніе на-счетъ безукорни-
 ловаго совершенства *Россіады* и *Вла-
 диміра*. Муза Жуковскаго открыла из-
 умленными глазами этого поколѣнія
 совершенно-новый міръ поэзіи. Намъ
 рѣдъ случилось слышать отъ одного изъ
 людей этого поколѣнія довольно-наив-
 ный разсказъ о томъ странномъ впе-
 чатлѣніи, какии поражены были его
 сверстники, когда, привыкши къ гром-
 кимъ фразамъ, въ родѣ: *О ты, солѣщен-
 на добродѣтель!* — они вдругъ прочли
 эти стихи:

Вотъ и мѣсяцъ величавый
 Всталъ надъ тихою дубравою;
 То нѣтъ облака блеснеть,
 То за облако зайдетъ;
 Съ горъ простерты длинны тѣни;
 И лѣсовъ дремучихъ стѣни,
 И зеркало зыбкихъ водъ,
 И небесъ далекій сводъ
 Въ свѣтлый сумракъ облечены...
 Спать пригорки отдалены,
 Боръ заснулъ, долина спитъ...
Чул... подлѣчный часъ звучитъ.

По наивному разсказу, современни-
 ковъ этой баллады особеннымъ изумле-
 ніемъ поразило слово *чу!*... Они не
 знали, что имъ дѣлать съ этимъ сло-
 вомъ, какъ принять его — за поэтиче-
 скую красоту, или литературное урод-
 ство... И въ то время, какъ Жуковскій
 вводилъ и распространялъ вкусъ къ
 романтизму, скрипучій, сросшійся съ
 устѣченіями и какофонією руселіи
 псевдо-классицизмъ, подлѣ очарова-
 тельнымъ веромъ Батюшкова, дошелъ
 даже не только до щегольства, но и
 почти до поэзіи выраженія, до мелодіи
 стиха... И что же? — Едва прошло два
 десятилѣтія наступившаго вѣка, какъ
 явился Пушкинъ, — и доселѣ-шовое
 поколѣніе съ изумленіемъ увидѣло себя
 поколѣніемъ уже отжившимъ свое вре-
 мя... Въ-самомъ-дѣлѣ, если русская
 проза, преобразованная Карамзиннымъ,
 удрученная Жуковскимъ, еще не по-
 казалась въ это время рѣшительнаго
 стремленія къ новому преобразованію,
 — за то стихи такъ быстро, такъ ско-
 ро измѣнились, что тотчасъ же на
 Пушкинымъ даже и убогіе талантомъ
 молодые люди запѣли такими легкими,
 такими гладкими стихами, что, въ-
 сравненіи съ ними, и стихи Батюшко-
 ва перестали казаться образцомъ изя-
 щества. И добро бы реформа стиха
 ограничивалась только его фактурою:
 нѣтъ, самый тонъ поэзіи, ея содержа-
 ніе, ея мотивы — все стало діаме-
 трально-противоположно прежней по-
 эзіи. Сколько уже времени до того Жу-
 ковскій писалъ баллады! на нихъ нѣ-
 которые косились, хотя болышинство
 читало ихъ съ одобреніемъ; но лишь
 явился Пушкинъ, ненаписавшій почти

ни одной баллады, как баллада сдѣлалась любимымъ родомъ: всѣ принялись за мертвецовъ, за кладбища, за ночныхъ убійцъ; поднялись жестокия споры за балладу. Элегія наповалъ убила оду; уныніе, грусть, *разочарованіе, сомнѣніе*, сладостная лѣнь, пьянство, похмѣлье, пиры, студентское удалство, гамлетовское раздумье, разрушенныя надежды, обманщицкая жизнь, пѣна шампанскаго, разбойники, нищіе, цыгане — вотъ что, какъ хозяйка, вошло во храмъ русской поэзіи и гордо пальцемъ указало дверь прежнимъ жрецамъ и поклонникамъ... Критика, дотогѣ скромная, покорная служительница авторитета и льстивая повторяльница избитыхъ общихъ мѣстъ, — вдругъ словно съ пѣни сорвалась. Она перевернула всѣ повѣтія, ложью объявила то, что дотогѣ считалось истиною, назвала истиною то, что дотогѣ считалось ложью. Сумарокова провозгласила она бездарнымъ писателемъ, подъ-пару Тредьяковскому; поэмы Хераскова изъ *великихъ* произвела только въ *тяжелыя*; Петрова объявила надутымъ риторомъ въ стихахъ; даже Ломоносова дерзнула поставить, какъ поэта и лирика, на весьма-почтительное разстояніе отъ Державина. Изъ всѣхъ этихъ колоссальныхъ славъ уцѣлѣли только Ломоносовъ и Державинъ; но первый больше, какъ ученый, какъ преобразователь языка, нежели какъ поэтъ; объ одномъ только Державинѣ новая критика повторила всѣ старыя фразы, съ прибавленіемъ своихъ новыхъ. Потомъ пользовались ея благосклонностью Хемницеръ и Богдановичъ, и не былъ ею оцѣненъ Фонвизинъ — единственный писатель екатерининскаго вѣка, котораго будутъ читать еще не одинъ вѣкъ. Къ числу заслугъ новой критики принадлежитъ еще то, что она уничтожила сиѣшвой предрасудокъ, основанный на кумовствѣ и безвкусицѣ, — предрасудокъ, въ-слѣдствіе котораго басни Дмитріева считались выше басенъ Крылова, — тогда-какъ здравый смыслъ и чистый вкусъ запрещали какое-нибудь сравненіе

между талантивными баснями Дмитріева и гениальными баснями Крылова... Не перечестъ всѣхъ поденговъ новой критики! Не дозволяясь своимъ писателями, она сиѣло впустилась судить (впрочемъ, съ чужаго голоса) объ иностранныхъ: не только Флоріанъ, Делиль, Кребийльонъ, Дюси, Понсе, Адиссонъ, Драйденъ, но и трагикъ — Корнель, Расинъ, Вольтеръ, были объявлены ею идиотами и ничтожными поэтами. Въ-замѣвъ ихъ, она провозгласила великими гениями Шекспира, Сервантеса, Шиллера, Гёте, Байрона, Вальтера Скотта, *Виктора Гюго*, заговорила съ уваженіемъ о Гошманѣ, Жанъ-Полѣ, Вашингтонѣ-Ирвингѣ, Тикъ, Цшокке. — Буало, Баттѣ и Лагарпъ были ею уничтожены, какъ законодатели въ области изящнаго, какъ руководители литературнаго вкуса: на дребезги разбитыхъ ихъ статуй и пьедесталовъ поставила она братьевъ Шлегелей.

Но всѣ эти опасныя новости, всѣ эти дикія жестокости, вольнодумной критики, такъ научившія и раздражившія старое поколѣніе, и въ-половину не промевели на него такого страшнаго, потрясающаго впечатлѣнія, какъ начавшіяся потомъ нападки на Карамзина. Тутъ явилъ обнаружилась воспитанное Карамзиннымъ поколѣніе: въ непростительной дерзости повсѣхъ критиковъ — судить о Карамзинѣ не по табели о рангахъ, а по своему смыслу и вкусу, увидѣло оно покушеніе на честь и честь — не Карамзина (котораго честь достаточно обезпечивалась его заслугами), а на жизнь и честь карамзинскаго поколѣнія. Война была страшная; много было пролито чернилъ и поломано перьевъ; сражались и стихами и прозою. Замѣчательно, впрочемъ, что эта война началась еще при жизни Карамзина (который не вмѣшивался въ нее), и что первый осмѣлился заговорить о Карамзинѣ, не по преданію и не по авторитету, а по собственному сужденію, челоуѣкъ стараго поколѣнія — профессоръ Каченовскій. Князь Вяземскій доказывалъ

ему его несправедливость въ стихотворномъ посланіи, которое было напечатано въ *Сила Отечества* (1821) и начиналось такъ:

Передъ сулонъ ума сколь, Каченовскіи!
 жалокъ
 Талантовъ низкій врагъ, завистливый
 зональ,
 Какъ оный вѣчный огонь на алтарѣ ве-
 сталокъ,
 Такъ втайнѣ вѣчный лядъ, даръ лютый
 адскихъ силъ
 Въ груди несчастнаго вугасило тлѣть.
 На немъ чужой успѣхъ, какъ поща тя-
 гождеть;
 Счастлива свѣжій лавръ — колющій
 тернъ ему;
 Всегда онъ ближняго довольствомъ не-
 доволенъ,
 И вольный мученикъ, чужимъ здоровь-
 емъ болѣтъ.

Каченовскій перепечаталъ это посланіе у себя, въ *Вѣстникъ Европы*, поблагодаривъ издателей *Сила Отечества* за занятую и восклицательный знакъ, которыми, въ первомъ стихѣ, отдѣлено имя того, къ кому адресовано посланіе, и снабдивъ эту вѣссу очень-любопытными примѣчаніями. И долго послѣ того продолжалась война.. Карамзина не стало; князь Вяземскій напечаталъ въ *Телеграфѣ* еще стихотворную филиппику противъ враговъ Карамзина, т. е. противъ людей, которые почли себя въ-правѣ судить о Карамзинѣ по крайнему изъ, а не чужому разумѣнію; въ этой филиппикѣ, онъ сравнилъ Карамзина съ гениальнымъ зодчимъ, который изъ грубаго матеріала русскаго языка воздвигъ великолѣпный храмъ; а критиковъ Карамзина сравнилъ онъ съ совами, которыя набились въ храмъ, и проч. Но, несмотря на всѣ филиппики въ прозѣ и стихахъ, время все шло да шло, унося съ собою и вещи и людей, все измѣняя въ пользу новаго на-счетъ стараго. Изъ поколѣнія, образованнаго подъ вліяніемъ карамзинскаго направленія, многіе смотрѣли на Пушкина косо, какъ на литературнаго еретика; но очень-немногіе умѣли какъ-то эклекти-

чески сочетать уваженіе къ Пушкину и другимъ новымъ талантамъ, съ уваженіемъ, по-прежнему болѣе-упрямымъ, нежели отчетливымъ, къ литературнымъ корифеямъ своего времени. *Мое время, наше время* — какія это волшебныя слова для человека! И какъ не считать ему своего времени за золотой вѣкъ Астрей: вѣдь онъ тогда былъ молодъ и счастливъ! Писатели его времени были первыми, которые поразили впечатлѣніемъ его юный умъ, его юное сердце, а впечатлѣнія юности неизгладимы!... И потому, мы не можемъ безъ живой симпатіи читать этихъ стиховъ, въ которыхъ отжившее своей вѣкъ поколѣніе, въ лицѣ одного изъ замѣчательнѣйшихъ своихъ представителей, съ такою грустною искренностью признаетъ себя побѣжденнымъ, и, отказываясь дѣлить интересы новаго поколѣнія, уже не обвиняетъ его за то, что оно живетъ жизнью тоже своего, а не чужаго времени:

Сыны другаго поколѣнья,
 Мы въ новомъ — прошлагодній цвѣтъ:
 Живыхъ намъ чужды впечатлѣнья,
 А нашимъ въ нихъ сочувствій нѣтъ.
 Они, что любятъ, разлюбилъ,
 Страстимъ ихъ — насъ не волновать!
 Ихъ не было тамъ, гдѣ мы были,
 Гдѣ будутъ — намъ ужь не бывать!
 Нашъ міръ — имъ храмъ опустошенный,
 Имъ баснословье — паша быль,
 И то, что ищель намъ священный —
 Для нихъ одна въмя пиль.
 Такъ мы развалинамъ подобны,
 И на распути живыхъ,
 Стоимъ какъ памятникъ надгробный
 Среди обителей людскихъ.

Да, понятна такая грусть, равно какъ и то, что поколѣніе карамзинскаго періода нашей литературы проиграло тяжбу о своемъ первенствѣ скорѣе, нежели увидѣло и призналось, что его тяжба проиграна. Между нимъ было много людей, которые прочли первыя печатныя строки Карамзина въ минуту ихъ появленія, а Карамзинъ началъ писать за десять лѣтъ до начала новаго столѣтія: слѣдовательно, многіе изъ людей этого

поколѣнія, неприготовившись, встрѣтили славу Пушкина вдругъ выросшую колоссально, безъ ихъ вѣдома, безъ ихъ содѣйствія, и какую славу!—славу, которой до него не зналъ ни одинъ русскій поэтъ—славу *народную*... Въ то время, самые младшіе изъ людей этого поколѣнія были уже людьми возмужалыми, вполне разившимися и опредѣлившимися; большая же часть этого поколѣнія состояла изъ людей пожилыхъ; и если между ними немногое было стариковъ, то изъ нихъ пригнулись, въ чувствѣ оппозиціи новой литературѣ, всѣ старцы ломоносовскаго періода нашей литературы, — старцы, которые, равная съ ними во многомъ, почти-всѣ совершенно сложились въ безусловномъ удивленіи къ Карамзину. Но вотъ что удивительно: какъ это новое, это *романтическое* поколѣніе, одержавшее такую рѣшительную побѣду надъ прешедствовавшимъ ему поколѣніемъ, — какъ оно-то такъ скоро стало въ то самое положеніе, въ которое оно поставило сѣбѣ новой имъ поколѣніе? Скажутъ: этому минуло уже около двадцати-пяти лѣтъ, почти цѣлая четверть вѣка. Еслибы это было такъ, тутъ не было бы ничего особенно-удивительнаго; но дѣло въ томъ, что между 1831-мъ и 1835-мъ годами, въ литературѣ нашей произошло крутой переломъ. Пушкинъ пошелъ по совершенно-новой дорогѣ, предавшись искусству въ исключительномъ значеніи этого слова; издавъ *Бориса Годунова* и послѣднія главы *Омгана*, онъ печаталъ, и то взрѣдка, только небольшие пьесы. Правда, онъ намечаталъ въ своемъ журналѣ *Капитанскую Дочку* и *Скупнаго Рыцаря*; но *Винетскія Ночи*, *Русалка*, *Мѣдныя Свадьбы* и *Каменный Гость* были напечатаны уже послѣ его смерти. Сверхъ того, онъ обнаружилъ сильную склонность къ прозѣ и къ важнымъ историческимъ трудамъ, потому-что его *Исторія Пушкинскаго Буква* была для него-самого только пробнымъ камнемъ его историческаго таланта, и, работая надъ нею, онъ уже готовилъ ма-

териалы для труда болѣе-важнаго и великаго — для исторіи Петра-Великаго. Но, что особенно замѣчательно, въ началѣ тридцатыхъ годовъ (между 1831 и 1835-мъ), Пушкинъ такъ же былъ въ упадкѣ своей славы, какъ въ началѣ двадцатыхъ годовъ онъ былъ въ ея апогеѣ. Это фактъ многозначительный. Отъ Пушкина отступились его присяжные хвалители и издавѣка вели рѣчь, что онъ отсталъ отъ вѣка, обманулъ всеобщія ожиданія, — словомъ, повели рѣчь о его паденіи такъ же основательно, какъ основательно провозглашали его еще не такъ давно *ствернымъ Байрономъ* и *представителемъ современнаго человечества*. Даже дружина талантовъ, вѣсть вышедшая съ Пушкинымъ и ему такъ много обязавшая отблескомъ его отразившейся на ней славы, даже она была невольна имъ. Многие спрашивали, что же онъ сдѣлалъ, гдѣ у него европейскія идеи, и т. п. Нѣкоторые дошли до того, что въ Пушкинѣ стали видѣть не болѣе, какъ преобразователя русскаго стиха, — легкаго, пріятнаго и граціознаго стихотворца, а нѣкую первенствъ между русскими поэтами думали вручить г. Лыбину, тѣмъ болѣе, что и самъ Пушкинъ видѣлъ въ послѣднемъ какого-то необыкновеннаго поэта.

Но все это означало ни больше, ни меньше, какъ только то, что все это поколѣніе, вѣтъ-подъ орлиного крыла Пушкина весело выпорхнувшее на равнине литературнаго міра, уже отстало отъ него. Пушкина спасла не мысль, не сознательное стремленіе впередъ; вѣтъ: своимъ спасеніемъ, т. е. тѣмъ, что онъ не испугался и не выписался, онъ обязанъ былъ только своему колоссальному таланту, своей глубокой натурѣ, своему необыкновенному художественному инстинкту. Когда явились его посмертныя сочиненія, для нихъ нашлись цѣнители и судьи уже изъ людей новаго поколѣнія; а то, которое развилось подъ его вліяніемъ, и теперь еще живетъ воспоминаніемъ славы Пушкина, какъ твор-

ца Руслана и Людмилы, Братьевъ-Разбойниковъ, Кавказскою Пильника, Бахчисарайскою Фонтана, Графа Нулина, Цыганъ и первыхъ шести главъ Онегина. Въ 1830 году, необычайный успѣхъ Юрія Милославскаго сообщилъ русской литературѣ болѣе-прозаическое направление, въ томъ смыслѣ, что стихотворствъ стали меньше читать и писать, тогда-какъ прозу жадно читали публики и въ прозѣ усердно начали подвизаться литераторы. Въ 1831 и 1832-мъ годахъ, появились Вечера на Хуторѣ Гоголя, а въ 1836 году, русская публика уже прочла его Арабески, Миргородъ и познакомилась, и въ книгѣ и въ театрѣ, съ его Ревизоромъ. Поэты пушкинской школы продолжали писать, но ихъ стихотворенія уже не возбуждали прежняго вниманія, ихъ имена уже потеряли свое прежнее очарованіе и перестали быть неоспоримымъ доказательствомъ высокаго достоинства. Въ то же время, явились въ литературѣ совершенно-новыя имена,—между прочими, гг. Кукольникъ и Бенедиктовъ, въ сочиненіяхъ которыхъ замѣтно было совершенно-новое направление, совсѣмъ другой характеръ, нежели у поэтовъ пушкинской школы. О значеніи этого направленія мы не считаемъ нужнымъ распространяться; скажемъ только, что оно было новое, и что во всемъ мѣломъ всегда выражается стремленіе къ прогрессу, если не прогрессъ. Все это, каждае въ свою очередь, болѣе или менѣе было признакомъ конца бывшаго періода литературы и начала другаго: одно поколѣніе уступало мѣсто другому. Но ни въ чемъ такъ рѣзко не выразился этотъ конецъ для однихъ и это начало для другихъ, какъ въ критикѣ. Споръ о романтизмѣ и классицизмѣ кончился; вартин не согласился, но время рѣшило вопросъ; и этимъ рѣшеніемъ воспользовались, разумѣется, не тѣ, которые спорили. Романтическая критика, какъ мы уже замѣтили выше, потеряла свой торжествующій и побѣдный тонъ; она вдругъ сдѣлалась

недовольною, ворчливою и пустилась сокрушать авторитеты, которыми сама еще такъ недавно кадила омиа-момъ благовоннѣйшихъ похвалъ. Если въ ея глазахъ и самъ Пушкинъ отсталъ отъ вѣка, то кто же бы изъ другихъ могъ не отстать отъ него? И потому, все отстало, все исписались или выписались, все крошечны, критики съ вышшимъ азломъми... А между-тѣмъ, если кто болѣе всего отсталъ, такъ это, конечно, она, вертолгидная критика, и если кто вовсе не думалъ отставать, такъ это, конечно, Пушкинъ. Но мы не будемъ слишкомъ нападать на романтическую критику, и если, правды ради, выскажемъ ей прегрѣшенія, то не сародемъ и заслугъ ея,—а она оказала большія заслуги общему дѣлу развитія. Она повалила множество ничтожныхъ авторитетовъ, въ геллальность которыхъ, до нея, вѣрили; какъ Монголы вѣрятъ въ святость Далай-Ламы; она изгнала изъ литературы множество предразсудковъ самыхъ свѣшннхъ и самыхъ жалкихъ; она первая обмѣлилась сказать во всеуслышаніе, что можно быть въ одно и то же время и человекомъ и прекраснымъ отцомъ семейства, образцомъ нравственности, словомъ, вслчески-почтеннымъ и заслуженнымъ человекомъ и — кропать плохіе стихи, сочинять Арийные романы; что званія и должности должны уважаться, но никакъ не должны бездарности давать права, принадлежачія одному таланту, и что стихи или проза почетнаго человека — совершенно-различные предметы, такъ-что хула на стихи или прозу его нисколько не есть хула на его личность, или его званіе. Все это теперь похоже на истинны въ родѣ той, что зимою бываетъ холодно, а лѣтомъ тепло; но тогда — это было другое дѣло, и нужно было много любви къ истинѣ и благородной смѣлости, чтобъ рѣшиться два раза въ шѣсляцъ и говорить эти истинны и примѣнять ихъ къ дѣлу. Было время, когда Мерзляковъ не зналъ, куда дѣваться отъ всеобщаго негодованія, которое

возбудили его смѣлыя статьи противъ Хераскова. И даже во время Пушкина, — это помнимъ и мы, — выходы противъ Сумарокова многими принимались съ суевѣрнымъ ужасомъ, какъ въ степяхъ Средней-Азій были бы приняты хулы на Далай-Ламу. Теперь, о талантѣ можно всякому судить какъ угодно: если вы судите ложно, и Пушкина называете бездарнымъ писакою, а какого-нибудь новаго Тредьяковского — гениальнымъ писателемъ, — въ этомъ всё увидать только ваше невѣжество и безвкусіе, а не дерзость, не буйство, не безнравственность. Пятимъ прогрессомъ мы обязаны блаженной памяти романтической критикѣ: и это ея неотъемлемая, неоспоримая заслуга, за которую ей честь и слава. Романтическая критика явилась въ такія баснословныя, такія мифическія времена русской литературы, какъ-будто-бы это было назадъ тому тысячу лѣтъ, хотя это было не болѣе двадцати-пяти лѣтъ назадъ. Судите сами — и дивитесь: въ то блаженное и приснопамятное время, молодой человѣкъ, желавшій дѣйствовать на литературномъ поприщѣ, долженъ былъ сперва втереться въ гостившую какого-нибудь знаменитаго писателя, прославившагося нѣсколькими мадригалами и прозаическою статьею о *мичемъ*, напечатанною лѣтъ пятнадцать назадъ; въ гостиной, нашъ кандидатъ въ писатели долженъ былъ прислушиваться къ литературнымъ толкамъ «знаменитыхъ и опытныхъ» литераторовъ, чтобъ научиться здраво судить о литературѣ, т. е. научиться повторять чужія слова, а вмѣстѣ съ тѣмъ и позапасть приличіемъ и хорошимъ тономъ. Выдержавъ первый испускъ, онъ, *въ одинъ прекрасный вечеръ*, робко, съ замираемъ сердца, объявлялъ почтенному собранію, что онъ смастерилъ басенку, пѣсенку, мадригалъ, сонетецъ или что-нибудь въ этомъ родѣ, и что, при сочиненіи своей пьесы, онъ *подражалъ* такому-то (тогда *сочинять* значило *подражать*, а сочиняя не подражая, или сочинять не подражая, значило

быть и *вольгодумничать*). Почтенное собраніе благосклонно соизволяло выслушать первый опытъ юнаго пѣнты, потомъ начинало дѣлать свои замѣчанія о томъ, что хорошо и что нехорошо въ пьесѣ. Сколько головъ, столько умовъ: въ слѣдствіе этой аксіомы, въ пьесѣ скромнаго пѣнты не оставалось почти ни одного незабранкованнаго слова, и все осужденное онъ долженъ былъ переимѣнить или исключить. Это повторялось нѣсколько вечеровъ; наконецъ, стихотвореніе объявлялось годнымъ для печати и помещалось въ журналъ. Это было родомъ рыцарскаго посвященія, и съ той минуты новосталенникъ обязывался быть вѣрнымъ реторикѣ, *фразажъ*, пѣнтическимъ вольностямъ, обязывался не имѣть своего сужденія до извѣстныхъ солидныхъ лѣтъ, а до-тѣхъ-поръ жить ходячими мнѣніями знаменитыхъ и опытныхъ литераторовъ. Одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ поборниковъ такъ-называемаго *романтизма* рассказываетъ презабавный анекдотъ изъ этихъ временъ литературнаго патронажства: «Я помню, какъ однажды при мнѣ, въ обществѣ литераторовъ, читали стихи Пушкина *къ Морю* (они тогда не были еще напечатаны и только-что явились въ рукописи). Молодой человѣкъ, прочитавшій ихъ, застѣнчиво сказалъ, что это его произведение, и скромно просилъ совѣта, что ему исправить, и вообще можно ли напечатать ихъ. Пошли толки! Одинъ говорилъ то, другой другое; мнимый авторъ все отмѣчалъ, записывалъ, выслушалъ рѣшительный приговоръ, что стихи *недурны*, но безъ исправленія печатать ихъ нельзя, и вдругъ объявилъ, что это — стихи Пушкина! Вообразите, какіе длинныя носы приросли къ носамъ всѣхъ совѣтниковъ!» Вотъ какія были это времена! И со всѣмъ этимъ, романтическая критика боролась смѣло, отважно, неутомимо, и все это она побѣдила.

Надо еще сказать, что эта критика имѣла что-то въ родѣ самобытнаго мнѣнія, не чужда была эстетической

образованности и вкуса, наскоро читала все, что писалось за границею и, наскоро перелистывала, во французских переводах, почти всѣхъ европейскихъ писателей. Это давало ей огромный перевѣсъ надъ людьми стараго поколѣнія, которые были хорошо знакомы-только съ французскими писателями XVII и XVIII вѣка, глазами которыхъ смотрѣли на писателей Германіи и Англии, но сами ихъ никогда не читали, или читали въ водяныхъ французскихъ переводахъ того же XVIII вѣка. Такимъ образомъ, ложная мысль, что искусство есть украшенное подражаніе изящной (а не низкой) природѣ, и что сочинять значитъ подражать какому-нибудь прославленному писателю, особенно изъ древнихъ, — эта ложная мысль была первымъ и главнымъ догматомъ ихъ эстетическаго корана. Романтическая критика въ-особенности устремилась на *подражаніе*, — и если теперь поставить въ заглавіи своего сочиненія: *подражаніе тому-то или такому-то*, значитъ заранѣе убитъ свою книгу, лишивъ ее читателей (такъ же, какъ прежде значило—заранѣе расположить и критику и публику въ пользу своей книги); это дѣло—заслуга романтической критики. Такъ-называемые русские классики больше всего боялись имѣть какое-нибудь свое собственное оригинальное мнѣніе и больше всего старались думать и говорить, какъ думали и говорили прежде ихъ и какъ думали и говорили въ ихъ время *есть*: романтическая критика сдѣлала то, что теперь каждый скорѣе рѣшится высказать странное мнѣніе, нежели повторить чужое. О движеніи современныхъ европейскихъ литературъ классики не имѣли никакого понятія: романтическая критика по-своему сдѣлала за нихъ и озадачивала классиковъ новыми именами и новыми идеями.

Повторяемъ: всѣ эти заслуги романтической критики важны и велики; но *этимъ* только онѣ и оканчиваются, тогда-какъ она претендовала на что-то

гораздо-важнѣйшее и большее. Такъ-называемые ея *высшіе взгляды* были ничѣмъ инымъ, какъ *верхоглядствомъ*; ея многосторонность и всевѣдѣніе — электическимъ энциклопедизмомъ; ея философія—ошибочно-понятыми и невѣрно-повторенными чужими рѣчами. Явившись въ эпоху чисто-переходную, когда гораздо-легче было все отрицать, нежели что-нибудь утверждать въ области русской литературы, обладавъ болѣе практическою, нежели теоретическою способностью дѣйствовать, и не понявъ исторически умственнаго движенія въ современной Европѣ, — она все, дѣлавшееся въ европейскихъ литературахъ, цѣликомъ думала перенести въ русскую, и потому впала въ самыя смѣшныя ошибки. — Французовъ, у которыхъ, послѣ Декарта, не было уже и признаковъ философіи, какъ науки, — Французовъ увлекъ электизмъ Кузена, и они добродушно признали этого красною великимъ философомъ. Русская романтическая критика въ этомъ исключительно-французскомъ, слѣдовательно, совершенно-частномъ явленіи, увидѣла явленіе мировое, и когда даже наши доморожденные критики, понявъ негѣпость электизма, начали посягать на Кузена, а во Франціи онъ уже совершенно палъ, — романтическая критика тутъ-то и принялась съ особеннымъ усердіемъ кадить генію Кузена. Теперь уже не нужно объяснять, что электизмъ есть не философія, а чистое и прямое отрицаніе философіи, и что электиксій философъ есть то же самое, что холодный огонь, или огненный холодъ, и что основаніе электизма, какъ ученія мертваго и неорганическаго, составляетъ мыслекрадство и шарлатанство. Послѣ того, какъ Кузенъ переправилъ посмертныя сочиненія своего ученика Жоффуа и вписалъ въ нихъ похвалы себѣ и своей философіи, тогда-какъ Жоффуа прямо отвергаетъ электизмъ, какъ негѣпость, и послѣ того, какъ эта шулерская продѣлка электического философа была печатно выведена наружу, кто же теперь не знаетъ,

что Кузень шарлатанъ? — Познакомившись съ новымъ историческимъ направлениемъ во Франціи, романтическая критика цѣликомъ перенесла идеи Гизо, Тьерри и Баранта, о противоболожности галльскаго элемента съ франкскимъ, какъ непосредственнаго источника всей послѣдующей исторіи Франціи, о борьбѣ общинъ съ феодализмомъ и важности средняго сословія въ новой европейской исторіи. — всѣ эти идеи, выведенныя изъ совершенно-чуждыхъ измѣ фактовъ, романтическая критика цѣликомъ перенесла въ исторію русскаго народа. Нападая на Карамзина, оспаривая его въ каждой строкѣ, она — бывшая романтическая критика, и не замѣчала, какую существенную играла роль, отыскивая въ русской исторіи совершенно-чуждый ей смыслъ и ибруя ея событія совершенно-чуждыми ей архивонамъ. И мудрено ли, что факты въ ея исторіи обставлялись тѣ же самыя, какія находятся въ исторіи Карамзина, съ прибавленіемъ недвущихъ къ дѣлу высочайшихъ ужестованій, взятыхъ на-прокатъ у чужеземныхъ мыслителей, — и еще съ той разницею, что исторія Карамзина написана языкомъ блестящимъ, художественно-обработаннымъ, хотя и искусственнымъ, а исторія романтической критики написана языкомъ пухлятымъ, многорѣчинымъ, фразистымъ, темнымъ, неопредѣляемымъ — не по безграмотности романтической критики (въ которой ее тогда упрекали ибры ея), а по неопредѣленности идей, невольно отразившейся и въ языкѣ. Нарѣзаніемъ узелковъ наею московскаго царства, созданнаго Іоанномъ III, какъ высочайшимъ идеаломъ государства: кто можетъ раздѣлять этотъ энтузіазмъ Карамзина, тотъ въ его исторіи найдетъ именно то, чего въ ней должно искать и что въ ней дѣйствительно есть, потому-что Карамзинъ со всею добросовѣстностію, во всей истинѣ исполнялъ свое дѣло, не искажая ни одного изъ фактовъ. Романтическая критика, въ своей исторіи, волею или неволею, показала тоже московское

царство (потому-что противъ очевидности фактовъ нечего дѣлать), но только съ какими-то теоретическими атрибутами, которые относились къ нему, какъ масло къ водѣ.

Далѣе: романтическая критика, узнавъ, что во Франціи закипѣла война между классицизмомъ и романтизмомъ, обѣими руками уцѣпилась за слово «романтизмъ» и сдѣлала его альфой и омегой всякой мудрости, отыскомъ на всѣ вопросы. А между-тѣмъ, во Франціи, думая спорить о классицизмѣ и романтизмѣ, въ сущности-то спорили о литературной свободѣ, стѣсненной до уродства писателями XVII и XVIII вѣка. Въ свое время, во Франціи была своя романтическая поэзія, которая называлась провансальскою. Кончалось рыцарство, — кончился и романтизмъ. Корнель и Расинъ были поэтами ново-жовархическаго, а не феодальнаго общества. Послѣ революціи, Шатобрианъ явился представителемъ подновленнаго ради текущей потребности романтизма; тѣмъ же явился во время реставраціи Ламартинъ. Съ ними ожилъ на минуту галльскаго-воскрешенный романтизмъ; но чакоточное чадло скончалось гораздо-прежде своихъ здоровыхъ родителей. Кроме этихъ двухъ писателей, въ новой Франціи не было ни одного нео-романтика. Но наша романтическая критика думала видѣть романтиковъ во всѣхъ новыхъ французскихъ писателяхъ, не разсматривая въ ихъ направленіи чисто-отрицательнаго и чисто-общественнаго, и потому уже нисколько не романтическаго характера. Особенно видѣла она и романтика и великаго гѣнія въ Викторѣ Гюго, этомъ поэтѣ, который, не будучи лишенъ поэтическаго таланта, совершенно лишенъ чувства истиннаго; и который, силась стать выше самого-себя, выше своихъ средствъ, дошелъ до крайнихъ предѣловъ натянутости и неестественности. Быстро выросши до облаковъ, его водосвальная слава скоро и испарилась вмѣстѣ съ этими облаками. Въ Германіи, такъ-называемой

романтическое движеніе было ни чѣмъ шивымъ; какъ литературною оппозицію протестантизму, — и о романтизмѣ и среднѣхъ вѣкахъ больше всего хлопоталъ перешедшій въ католицизмъ Шлегель. Такое же движеніе въ пользу католицизма было частію и во Франціи. Не понимая этого, столь исключительнаго явленія, объясняемаго несовѣтъ-литературными причинами, — наша романтическая критика объявила Шлегелей и Эштейна великими гениями, представителями философскихъ повлѣній объ искусствѣ и лучшими критиками нашего времени. Гдѣ теперь эти гении, эти маленкіе великіе люди, которымъ удалось разиграть замѣтную роль въ переходный моментъ? — ихъ обширное существованіе кончилось съ породившимъ ихъ моментомъ. Наша романтическая критика, прельщенная передъ Кузеномъ, почитала себя обижанностью благоговѣть и передъ Шеллингомъ, объ ученіи котораго увидѣла она въ брайпуэскихъ газетъ. Когда же слышала она о Гегелѣ, ей время уже прошло; ей уже не подвѣду стало спрашивать, что такое Гегель. Отставъ отъ времени, она рѣшилась объявлять отсталымъ все новое, съ чѣмъ уже нельзя ей было сладить. Такъ же начала она, съ роковой для нея эпохи тридцатыхъ годовъ, дѣйствовать и въ отношеніи къ русской литературѣ. Марлинскій у нея обогналъ вѣкъ, а Пушкинъ отсталъ отъ вѣка. Не желая отстать отъ Марлинскаго, она и сама принялась писать повѣсти. Это были пренитересныя повѣсти: въ нихъ вся сущность и вся цѣнность романтической критики. Можеть-быть, мы когда-нибудь поговоримъ особенно объ этихъ повѣстяхъ: предметъ и любопытенъ и поучителенъ... *Вечера на Хуторѣ*, это первое произведеніе Гоголя, столь оригинальное, столь свѣжее, столь живое и исполненное жизни, романтическая критика встрѣтила бранью. Запоздалая, невѣсть-невнимаемая, безъ голоса, безъ кредита, романтическая критика и теперь еще не перестаетъ давать

знать, что она все еще пишетъ, пишетъ... Что же и какъ же она пишетъ? Кажется, все то же и все такъ же, какъ и прежде; да дѣло въ томъ, что все это только прежнія слова, но уже безъ увѣренности, безъ силы, безъ увлеченія, безъ жара, и притомъ, слова одни и тѣ же, всѣмъ извѣстныя и всѣмъ давно уже наскучившія. Нового въ ней одно, да и то, отъ частаго повторенія, сдѣлалось уже старо: это какал-то инстинктивная и вкоренѣлая враждебность ко всему новому, исполненному силы и свѣжести. Такъ, она бранитъ постоянно Гоголя, Диккенса, доказывая, что ихъ постигнетъ участь Дюкредь-Менниа. Явился Лермонтовъ — она бранитъ и его, и, говоря объ одномъ изъ лучшихъ его стихотвореній: *И скучно и грустно*; восклицаетъ насмѣшливо: «и скучно и грустно!» Вѣрнѣе, вѣрнѣе, что ей, — отсталой романтической, ей — запоздалой верхоглядной критикѣ, — и скучно и грустно сознавать свое безсиліе въ разумнѣн и чувствованіи всего новаго и юнаго! Но не однимъ этимъ ограничиваются ее подвиги: она пустилась въ мелкія компиляціи; она кропаётъ стиховки, надъ которыми во время оно такъ остроумно потѣшалась... Прежде она была самобитная критика, а теперь она — поставщица всякихъ статей и живнѣи; какія ни закажутъ ей, готовая къ услугамъ тѣхъ самыхъ людей, которые никогда очень болели ей...

Конечно, все это «и скучно и грустно», но въ то же время и понятно. Результатъ всякаго явленія должно искать въ самомъ этомъ явленіи Мы уже говорили, что романтическая эпоха нашей литературы (отъ начала двадцатыхъ до половины тридцатыхъ годовъ) была эпохою переходною, въ которой непонятое старое отрицалось во имя еще-менѣе-понятаго новаго, въ которой только увлекались и обольщались идеями, но не провикались ими. Основаніе было и неглубокое и непрочное; непосредственное чувство (часто очень-вѣрное) принималось за сознательную мысль, практическая

ловкость, споровка и тактъ — за философское направление, за мыслительную созерцательность, наглядка — за изучение. Слово «романтизмъ» всего-лучше объясняетъ дѣло. Романтизмъ былъ попыткою подновить старое, воскресить давно-умершее. Въ Германіи онъ былъ усиленъ оставовить потокъ новыхъ идей объ обществѣ и успѣхи знания, основаннаго на чистомъ разумѣ. Во Франціи, онъ былъ вызванъ, сперва какъ противодѣйствіе идеямъ переворота, потомъ, какъ нравственная поддержка реставраціи. Обстоятельства его вызвали, и вмѣстѣ съ обстоятельствами онъ и исчезъ. Но къ намъ онъ не находился ни въ какихъ отношеніяхъ; правда, онъ изгналъ изъ нашей литературы стѣснительность и однообразие формъ; но развѣ въ этомъ сущность романтизма? Романтизмъ, это — переведенный на языкъ поэзіи міръ среднихъ вѣковъ, экзальтація рыцарства. Съ этимъ романтизмомъ насъ еще прежде познакомилъ Жуковский, и однакожь Жуковского никто не называлъ романтикомъ, хотя онъ въ тысячу разъ болѣе романтикъ, нежели Пушкинъ, котораго всѣ почитали творцомъ и представителемъ романтизма въ русской литературѣ. Вотъ ясное доказательство, что спорили, сами не зная хорошенько, о чемъ!

Сверхъ-того, даже и со стороны эстетической свободы, такъ ли были далеки, какъ думали?—Нѣтъ, и тысячу разъ нѣтъ! У самыхъ отчаянныхъ нашихъ романтиковъ понимаемый въ ихъ смыслѣ романтизмъ не больше, какъ тотъ же псевдо-классицизмъ, только расширенный и развязанный отъ узъ вишней формы. Мы очень-хорошо помнимъ, что романтическая критика не разъ толковала о возможности эпической поэмы въ наше время: не тотъ же ли это псевдо-классицизмъ, для котораго поэма была высшимъ родомъ поэзіи, и который сочинилъ *Геприады*, *Петриады*, *Россиады*, чтобъ не отстать отъ Грековъ и Римлянъ? Нашъ романтизмъ видѣлъ великое созданіе въ «Notre-Dame de Paris»,

этою матиутою, ложною и вслѣдски-фальшивою, хотя и блестящею произведеніемъ, — и видѣть признавъ упадка вкуса въ романахъ Диккенса и произведеніяхъ Гоголя. А если вы захотите присмотрѣться къ «драматическимъ представленіямъ» нашего романтизма, — то и увидите, что они итѣются по тѣмъ же самымъ рецензамъ, по которымъ составлялись псевдо-классическія драмы и комедіи: тѣ же избитыя завязки и насильственные развязки, та же неестественность, та же «украшенная природа», тѣ же образы безъ лицъ вмѣсто характеровъ, то же однообразие, та же пошлость и то же утѣнье. Даже въ иной передѣлкѣ *Гамлета* нельзя не увидѣть чистодюсисовскихъ понятій о трагедіи, только немного-подновленныхъ, — и иной передѣльщикъ *Гамлета* — тотъ же самый Дюси, только во XVIII, а XIX вѣка: разница въ покроѣ платья, а не въ идеѣ. А эти нападки, будто-бы, на мерзосты романовъ Диккенса и, будто-бы, на саломости произведеній Гоголя, — не чистый ли это классицизмъ XVIII вѣка? Наши романтики ушли отъ псевдо-классицизма гораздо-меньше, нежели ушелъ отъ него Казимиръ Делавинъ — этотъ мнѣніи прімиритель Расина съ Шекспиромъ; этотъ поэтический академикъ-электрикъ...

Мы помнимъ русскій романтизмъ въ самомъ разгарѣ его. Эпоха нашего сознанія сливается съ эпохою его торжества. Юношескому чувству нравились его походка, его удалство, его гордое сознаніе своихъ успѣховъ. Жадно перечитывала, и даже переписывала, всякое вновь-появившееся стихотвореніе Пушкина, мы почти съ такимъ же восторгомъ хватались за все, что выходило изъ-подъ пера Баратынскаго, г. Языкова, Дельвига, г. Подолннскаго, Веневитинова, Полежаева, Давыдова, Козлова, г. Туманскаго, г. Хомякова... e tutti quanti. Все было хорошо, все нравилось, все восхищало. Но болѣе всего, послѣ Пушкина, интересовали насъ, какъ и всѣхъ, стихотворе-

внѣ Баратынскаго, Веневитинова, Полежаева и г. Дзыкова. Послѣдній стоялъ въ нашемъ сознаніи едва-ли не первымъ послѣ Пушкина. Но время шло, и мы шли за нимъ; декораций перестѣмались; послѣ того много промелькнуло новыхъ именъ, много появилось надѣлавшихъ большаго шума сочиненій, и одинъ изъ нихъ, очень-немногія, удержали за собою свою знаменитость, но большая часть исчезла навсегда... И вотъ теперь эта блестящая дружина талантовъ, такъ очаровавшихъ наше юношеское вниманіе, уже дождалась потомства, хотя многіе изъ нихъ еще живы и даже не стары; дождалась потомства, потому-что между эпохю ея блестящаго успѣха и между нашимъ временемъ легла цѣлая бездна... Веневитиновъ умеръ во дѣтѣхъ дѣтъ, оставивъ книжечку стиховъ и книжечку прозы: въ той и другой видны прекрасныя надежды, какія подавалъ этотъ юноша на свое будущее, та и другая юношески-прекрасны; но ничего опредѣленнаго не представлятъ ни та, ни другая. Короче: это прекрасная надежда, разрушенная смертію.—Полежаевъ умеръ жертвою богатыхъ, но неравновѣсныхъ даровъ природы: все доброе въ немъ было въѣтъ и аломъ и отравю его жизни. Пoesія его есть полное выраженіе его личности: это смѣсь вкуса съ безвкусіемъ, таланта съ неравностыю, гениальныхъ проблесковъ съ пошлостью, силы безъ иѣры и гармоніа, словомъ, что-то прекрасное и въѣтъ дикое, неопредѣленное.—Пoesія Козлова была скорбію личнаго несчастія поэта; Козловъ былъ поэтомъ не по призванію, а по несчастію. Такіе поэты бывають всегда однообразны, и нравятся, пока къ нимъ не привынешь. Чернецъ былъ прочитанъ еще въ рукописи цѣлою Россією; но это не былъ успѣхъ *Горы отъ Ума*: это былъ успѣхъ *Бѣдной Лизы*. Козловъ переводилъ Байрона, но перевода, онъ сообщалъ ему колоритъ своего собственнаго вдохновенія и силу Байрова превращалъ въ простое чувство унылости. Въ некихъ

стихотвореніяхъ Козлова есть мелодія стиха, но содержаніе ихъ и однообразно и недовольно-существенно.—Легучія стихотворенія Давыдова — бивуачныя импровизаціи. Давыдовъ и въ поэзіи былъ партизаномъ, какъ на войнѣ. Нельзя лучше его успѣть въ поэзіи, занимаясь ею между-прочимъ, какъ однимъ изъ наслажденій жизни. — Дельвигъ своею поэтическою славою былъ обязанъ больше дружескимъ отношеніямъ къ Пушкину и другимъ поэтамъ своего времени, нежели таланту. Это была прекрасная личность, которую любили всѣ близкіе къ ней; Дельвигъ любилъ и понималъ поэзію не въ однихъ стихотвореніяхъ, но и въ жизни; и это-то ошибочно увлекло его къзанятію поэзією, какъ своимъ призваніемъ; онъ былъ поэтическая натура, но не поэтъ. — Давно уже г. Подолинскій началъ писать все рѣже и рѣже, а наконецъ и совсѣмъ пересталъ. Что это значитъ: не-уже-ли прежде времени потухло священное пламя вдохновенія? Мы думаемъ, г. Подолинскій почувствовалъ самъ, что онъ сдѣлалъ все, что могъ сдѣлать, нависалъ все, что могъ написать. Онъ пробовалъ писать, когда уже прошло его время, но, вѣроятно, увидѣлъ, что у него выходитъ то же самое, что было имъ давно уже написано, а попытки въ другомъ тобѣ, вѣроятно, ему не удавались. У г. Подолинскаго былъ талантъ, и прекрасный; но, по нашему мнѣнію, ни одинъ поэтъ этой эпохи не выразилъ своими сочиненіями такъ опредѣленно и ясно, до какой степени бѣдна... какъ бы это сказать? бѣдна сущностію эта эпоха. Возьмите прежнія стихотворенія г. Подолинскаго: прекрасно, а какъ-то утомительно. Удивительно ли, что теперь о нихъ совсѣмъ не говорятъ, какъ-будто бы ихъ и не было? А дѣтъ пятнадцать назадъ, появленіе новаго стихотворенія, новой поэмь г. Подолинскаго, было фактомъ текущей русской литературы. — Г. Туманскій писалъ немного, и только въ эстетическомъ родѣ; въ его стихахъ много чувства и души; въ свое время, стихо-

творения его имѣли болѣе достоинство, и когда прошло ихъ время, они перестали являться вновь.

Призвание Баратынскаго было на рубежѣ двухъ сферъ: онъ мыслитъ стихами, если можно такъ выразиться, не будучи собственно ни поэтомъ въ смыслѣ художника, ни сухимъ мыслителемъ. Стихотворения его не были ни стихотворнымъ резервствомъ, ни художественными созданиями. Душа всегда преобладала въ нихъ надъ непосредственностью творчества. Почти каждое стихотворение Баратынскаго было порождено не стремленіемъ осуществить идеальную видѣнію фантазіи художника, но необходимостью высказать скорбную мысль, навѣянную на поэта созерцаніемъ жизни. Эта мысль, или, лучше сказать, эта дума, всегда такъ тепла, такъ задушевна въ стихахъ Баратынскаго; она обращается къ головѣ читателя, но доходитъ до сердца черезъ его сердце. Въ душѣ Баратынскаго много *страдальства*, въ ебоихъ значеніяхъ этого слова: и въ томъ, что въ ней слышится страданіе, и въ томъ, что эта мысль не эпитивная, а чисто-пассивная. Она—всегда вопросъ, на который поэтъ отвѣчаетъ только скорбію; никогда этотъ вопросъ не разрѣшается у него въ отвѣтъ самостоятельной мысли, въ вопросѣ заключенной. Читая стихи Баратынскаго, забываешь о поэтѣ, и тѣмъ болѣе видишь передъ собою человека, съ которымъ можешь не соглашаться, но которому не можешь отказать въ своей симпатіи, потому что этотъ человекъ, сильно чувствуя, много думая, самодовательно, жилъ, какъ не въѣвъ дано жить, но только избраннымъ. Его скорбь была у него не въ фантазіи, а въ сердцѣ; фантазія же только давала живаніе и форму его скорби; и сердце не раждало его скорби, но только принимало ее отъ его головы. Стихъ Баратынскаго запечатлѣвъ одушевленіемъ и чувствомъ; иногда онъ не лишентъ даже силы выраженія; словомъ, въ стихѣ Баратынскаго есть поэзія, но какъ его второе-

степенное качество, и отъ-того фазъ онъ художественъ. Къ недостаткамъ стиха Баратынскаго принадлежатъ и мѣстами прозрачность, и мѣстами неточность выраженія. Вообще поэзія Баратынскаго—не нашего времени; но молодой человекъ всегда перечтетъ съ удовольствіемъ стихотворенія Баратынскаго, потому что всегда найдеть въ нихъ человека—предметъ вѣчно-интересный для человека. Въ послѣднее время, Баратынский писалъ мало; изъ его *Сумерекъ* есть нѣсколько истинно-прекрасныхъ пьесъ, повлѣвшихъ на тѣхъ стихотворенія его довольно-слабы. Онъ сдѣлалъ все, что могъ сдѣлать для литературы; но, оплакивая его преждевременную смерть, мы скорбимъ о потерѣ не только поэта, но и человека; въ Баратынскомъ оба эти имени слились неразлѣчно...

Теперь намъ остается поговорить о двухъ поетахъ пушкинской эпохи: объ одномъ, котораго слишкомъ превозносили ближніе къ нему люди и котораго восхищалась вся Россія—о г. Языковѣ, и о другомъ, котораго превозносить теперь ближніе къ нему люди, но о которомъ глубина и въ то время едва знала—о г. Хомяковѣ. Какъ нарочно, въ прошломъ году вышли стихотворенія того и другаго, олдѣвательно, они сами просятся къ намъ статью, предметъ которой—обсужденіе всей русской литературы въ 1844 году.

Стихотворенія гг. Языкова и Хомякова вышли въ маленькихъ книжкахъ обѣ съ оригинальнымъ титуломъ: «ИЗ Стихотвореній Н. М. Языкова. — И ИЗ Стихотвореній А. С. Хомякова». Заглавіе по счету стихотвореній, счетъ вѣданными цѣнами, кинноварию отгиснутыми! Оригинально, хотя и неорисиво! Въ одной книжкѣ 36, въ другой 25 стихотвореній: корошаго по-множну!.. Начнемъ съ *пятидесятишести*; но прежде скажемъ нѣсколько словъ о томъ времени, когда этихъ стихотвореній было наивноцѣлѣхъ *стошестидцать*...

Это было необыкновенно оригинальное время, читатели! Даже сочиненія

самого Пушкина, написанные въ это время, большею частью весьма-рѣзко отличаются отъ его же сочиненій, написанныхъ послѣ. Но Пушкинъ смѣло перешагнулъ черезъ границу и своихъ тридцати лѣтъ, по поводу которыхъ онъ такъ поэтически спрашивался съ своею юностью въ VI-й главѣ *Отъица*, вышедшей въ 1828 году, и черезъ границу критическихъ для русской литературы тридцатыхъ годовъ текущаго столѣтїя. Но онъ перешагнулъ черезъ нихъ, какъ мы замѣтили выше, болѣе посредствомъ своего огромнаго художническаго таланта, нежели сознательной мысли. На первыхъ его сочиненїяхъ передъ опытами другихъ поэтовъ его эпохи, слишкомъ-замѣтенъ отпечатокъ этой эпохи. По-этому, не удивительно, что Пушкинъ видѣлъ вокругъ себя все гениевъ, да талантовъ. Вотъ почему онъ такъ охотно упоминалъ въ своихъ стихахъ о сочиненїяхъ близкаго къ нему людеи, и даже въ особыхъ стихотворенїяхъ превозносилъ ихъ поэтическія заслуги:

Тамъ намъ Катенинъ воскресилъ
Корнелия генийъ величавый;
Тамъ зрѣвелъ колкій Шаховской
Своихъ комедій шумный рой...

Увы! гдѣ же этотъ величавый генийъ Корнелия, воскрешенный на русскомъ театрѣ г. Катенинымъ? — объ этомъ ровно ничего не знаемъ ни мы, ни русская публика... Гдѣ шумный рой комедій? — разлетѣлся, разсыпался и — забытъ! Кто не помнитъ гензастрѣль Пушкина, въ которыхъ онъ говоритъ, что Дельвинъ возрастилъ на сѣбѣгахъ оеокрытовы иѣжныя розы, въ желѣзномъ вѣкѣ угадалъ золотой, — что онъ, молодой *Славянецъ*, духомъ Грекъ, а родомъ Германецъ! Иди кто не знаетъ этихъ стиховъ къ Баратынскому, на счетъ его *Дды*:

Стихъ каждый цвѣтети твоей
Влучаетъ и блещетъ какъ червонецъ.
Твоя Чухомочка, ей-ей,
Гречанокъ Байрона милый,
А твой землѣ — правдой Чухонецъ.

Какъ не сказать, что если всѣ безпрекословно согласятся съ послѣднимъ стихомъ, то едва-ли кто согласится съ третьимъ и четвертымъ? Но, чтобы доказать дѣло во всей его ясности, выпишемъ посланіе Пушкина къ г. Языкову:

Языковъ, кто тебѣ внушилъ
Твое посланье удалое?
Какъ ты шалишь и какъ ты милъ,
Какой избытокъ чувствъ и силъ,
Каковъ буйство молодое!
Нѣтъ, не каспальскою водою
Ты воспоишь свою Камелу;
Пегасъ нивую Иппокрену
Копытомъ вышибъ предъ тобою.
Она не хладной льется влагой,
Но пѣнится жемьяною брадою;
Она размычана, пьяна,
Какъ сей напитокъ благородный,
Сливяне рому и вина,
Безъ примѣса воды негодной,
Въ Тригорскомъ жасажда свободной
Открытый въ наши времена.

Это было писано въ дѣто отъ Р. X. 1826-е, — и тогда намъ, какъ и всѣмъ, очень нравилось, а теперь мы, какъ и всѣ, спрашиваемъ самихъ-себя: неуже-ли это намъ нравилось и какъ же это намъ нравилось? Что такое: удалое посланіе, и почему же это только удалое, а вмѣстѣ съ тѣмъ и не уxorское, не забубѣнное? Что такое — буйство-молодое? — Въ *Словѣ* о Пѣлгу Игоревѣ слова: буй и буйствъ употреблены въ смыслѣ *храбрый, сильный, храбрость, братырство*; но въ наше время буйство означаетъ только ту добродѣтель, за которую сажаютъ въ тюрьму. И потомъ: что за эпитетъ — *молодое буйство*? *Жемьяная брада* — напитокъ, который сами наши поэты, въроятно, замѣняли или англійскимъ портеромъ, или крпновскимъ пивомъ. Эпитетъ *размычивый* происходитъ отъ глагола *разнимать, разбирать*; опьявѣхъ говорятъ: экъ его разнимаетъ, экъ его разбираетъ! Что такое *свободная жасажда* — рѣшительно не понимаемъ.

А между-тѣмъ, было время, когда всѣ этихъ восхищались, не вникая слишкомъ-строго въ смыслъ. Въ это

золотое время, быть поэтомъ — значило быть древнимъ полубогомъ. И потому всѣ бросились въ поэты. Стишки были въ страшной модѣ: ихъ читали въ книгахъ, изъ книгъ переписывали въ тетрадки. Молодые люди бредили стихами, и чужими и своими; «барышни» были отъ стиховъ безъ ума. *Дѣва, луна, она, къ ней, золотая льня, мечта, буйное разгулье, разочарованіе*, но въ особенности *дѣва и луна* сдѣлались постоянными темами, на которыя наши поэты взапуски варіировали свои невнятные упражненія въ стихотворствѣ. Это было полное торжество самой безкорыстной любви къ искусству и литературѣ. Лишь появится, бывало, стихотвореніе, — критики и рецензенты о немъ пишутъ и спорятъ между собою; читатели говорятъ и спорятъ о немъ. Бывало, убить въскольکو вечеровъ на споръ о стихотвореніи ничего не стоило. Да, это былъ золотой вѣкъ Астрей для стиховъ! поэты и читатели жили въ Аркадіи. Литературу любили для литературы, стихи любили для стиховъ, рифмы для рифмъ, а совсѣмъ не для того смысла или того значенія, которое было (если только было) въ стихахъ и рифмахъ. Теперь не то: въ нашъ корыстный вѣкъ, люди до того развратились, что никто не дастъ даромъ своей статьи въ журналъ — изъ чести видѣть въ печати свое имя. Теперь многіе пишутъ только для денегъ, въ полномъ убѣжденіи, что это гораздо и умнѣе и приличнѣе для взрослога челоуѣка, нежели писать изъ безкорыстнаго стремленія прославить свое имя въ кругу своихъ пріятелей, или плохими сочиненіями дѣйствовать въ пользу отечественной словесности. Люди съ талантомъ и призваніемъ пишутъ теперь въ желанія высказаться, и за свои труды хотятъ брать деньги, чтобы житьъ возможность вполнѣ посвятить себя литературѣ. И только немногія праведныя души прошли чистыми чрезъ мутный потокъ времени и сохранили цѣломудріе и наивность романтической эпохи. Уже не вспоминая съ умысломъ о томъ, что она-тогда впро-

пали стишонки, которыми приобрѣли себѣ большую извѣстность, — они тѣмъ не менѣе любятъ спивать жиденькія печатныя тетрадки, набивая ихъ разнымъ невнятнымъ вздоромъ въ стихахъ и прозѣ, и приправляя запоздалыми сужденіями о литературѣ и устарѣлыми фразами о безкорыстной любви къ литературѣ... Счастливые люди! имъ все кажется, что ихъ время или еще не прошло, или опять скоро настанетъ...

Въ это-то время, явился г. Языковъ. Не смотря на неслыханный успѣхъ Пушкина, г. Языковъ въ короткое время успѣлъ приобрѣсти себѣ огромную извѣстность. Всѣ были поражены оригинальною формою и оригинальнымъ содержаніемъ поэзіи г. Языкова, звучностью, яркостью, блескомъ и энергіею его стиха. Что въ г. Языковѣ дѣйствительно былъ талантъ, объ этомъ вѣтъ и спора; но пора уже разсмотрѣть, до какой степени были справедливы заключенія публики того времени объ оригинальности поэзіи и достоинствахъ стиха г. Языкова.

Начнемъ съ оригинальности. Паеосъ поэзіи г. Языкова составляетъ *поэзія юности!* Теперь посмотримъ, какъ попялъ поэтъ поэзію юности, и попросимъ его самого отвѣчать на этотъ вопросъ.

Намъ было весело, друзья,
Когда мы лихо шивали,
Свободу нашего житья
И цѣлый міръ позабывали!
Тѣ дни летѣли, какъ стрѣла,
Могучимъ кинутая лукомъ;
Они звучали яркимъ звукомъ
Разгульныхъ пѣсень и стекла;
Какъ искры брызжущія стали
На поединкѣ роковымъ,
Какъ очи свѣтлыя виною,
Они плѣвательно блистали.

Въ этихъ стихахъ, такъ-сказать, программа всей поэзіи г. Языкова. Но вотъ цѣлое стихотвореніе — *Кубокъ*, представляющее апогеосу юности и любви поэта:

Восхитительно играетъ
Драгоценное вино!

Сладкой пѣною играет
 Златомъ искрится оно!
 Увлажняющая влага
 Оживитъ тебя всего:
 Вспыхнуть радость и отблг
 Блескомъ зора твоего;
 Самобытными мечтами
 Загуляетъ голова,
 И, какъ волны за волнами,
 Изъ души польются сами
 Вдохновенныя слова;
 Строены, вышше, мръ земнойской
 Развернется предъ тобой...
 Много силы чародѣйской
 Въ этой влагѣ золотой!
 И любовь развеселитъ
 Человѣка, и она
 Животворно въ немъ играетъ,
 Столь же сладостно-сильная;
 Въ дни прекраснаго расцвѣта
 Поэтическия заботы (??),
 Ея дѣятельность поэта
 Дави дѣвными вѣселя;
 Молодое сердце бьется,
 То притихнетъ и дрожитъ,
 То проснется, встрепенется,
 Слово выпорхнетъ, взвѣется
 И куда-то улетитъ!
 И, послушно, имя дѣв
 Станетъ въ языкъ чудныхъ словъ (??),
 И сроднится съ нимъ наѣвамъ
 Вѣчно-наматныхъ стиховъ! (!!!),
 Дѣва-радость, величайся
 Рѣдкой славою любви,
 Настоящему вѣрѣйся
 И мгновения лови!
 Горделивый и свободный
 Чудно (?) пьянствуетъ (!) поэтъ!
 Кубокъ взявъ: душу улоди
 Этомъ образѣ, этомъ цветѣ (!);
 Смыслъ и малымъ; ихъ ласкаетъ
 Взоромъ, словомъ и рукой;
 Сразу кубокъ выпиваетъ
 И высоко поднимаетъ,
 И надъ буйной головой
 Держитъ. Рѣчь его струится
 Бомбастно-весела,
 А съ рукъ еще талится
 Жребій брентаю стекла (??!!!).

Вотъ она — поэзія юности и любви
 поэта, по идеалу г. Языкова!... Чудно
 пьянствуетъ поэтъ: а что жь тутъ чу-
 даго, кромѣ разѣ того, что и поэтъ
 такъ же можетъ пьянствовать, какъ и...
 приберите сами, читатели, къ нашему
 н. кого вамъ угодно. Мы понимаемъ,
 Т. XXXVIII. — Отд. V.

что есть поэзія во всемъ живомъ, стало-
 быть, есть она и въ чашѣ вина; но ни-
 какъ не понимаемъ, чтобъ она могла
 быть въ пьянствѣ; поэзія можетъ быть
 и въ лѣдѣ, но никогда въ обжорствѣ.
 Пьютъ и ѣдятъ все люди, но пьянству-
 ютъ и обжарются только дикари. По-
 добное анти-эстетическое направленіе
 нашъ поэтъ довелъ до того, что въ од-
 номъ стихотвореніи, вспоминая о вре-
 мени своего студенчества, говорить:

Ну, да! судьбою благосклонной
 Во здравь было мнѣ дако
 Той жизни мило-забубѣнной
 Извѣдать крѣпкое вино.

Въ другомъ стихотвореніи, пригла-
 шая друзей на свою могилу, поэтъ
 восклицаетъ:

Во славу мнѣ, въ чашу круговую
 Наполните блистательнымъ виномъ,
 Торжественно пропойте пѣсьи родовую,
 И пьянствуйте о имени моемъ.

Спрашивается: какимъ образомъ поэтъ
 съ дарованіемъ, человѣкъ образован-
 ный и принадлежащій къ одному изъ
 замѣтнѣйшихъ круговъ общества, —
 какимъ образомъ могъ онъ дойти до
 такой анти-эстетичности, до такой,
 выразимся прямо, тривіальности въ
 мысли, чувствѣ и выраженіи? — Не
 трудно объяснить это странное явле-
 ніе. До Пушкина, наша поэзія была не
 только риторическою, но и скучно-
 чопорною, приторно-сантименталь-
 ною. Она или воспѣвала надутыми сло-
 вами разныя иллюминаціи, или пе-
 рекладывала въ пухлыя фразы газет-
 ныя редаціи; а если вдавалась въ сферу
 частной жизни, то или жеманно сан-
 тиментальничала, или старалась при-
 кинуться сладострастною на-манеръ
 древнихъ. Нужна была сильная реак-
 ція этому риторическому направленію.
 Разумѣется, эта реакція должна была
 заключаться въ натурѣ, естественности
 и простотѣ какъ предметовъ, выби-
 раемыхъ поэзію, такъ и въ выраженіи
 этихъ предметовъ. Понятно, что все
 захотѣли быть народными, каждый
 по-своему. Такъ Дельвингъ началъ пи-

сать русскія пѣсни; г. Лыиковъ началъ брать слова и предметы изъ жидейскаго русскаго мира, запѣлъ русскимъ удальцомъ. Но тутъ прогрессъ былъ только въ намѣреніи, а въ исполненіе забралась та же реторика, которая воднила и прежнюю поэзію. Пѣсни Дельвига были пѣснями *барина*, пропѣтыми будто бы на мужицкій ладъ. Удадь г. Лыикова была тоже удалью *барина*, который только въ стихахъ носилъ шапку, валомленную на бекренъ, а въ самомъ дѣлѣ одѣвался какъ одѣваются всѣ порядочные люди его сословія. Въ посланіи Пушкина къ г. Лыикову, которое мы привели выше (и на которое должно смотрѣть, какъ на исключеніе между его стихотвореніями), упоминается о *хмельной браш*: ясно, что поэтъ заѣлъ только прикинулъ пьющимъ этотъ напитокъ, а въ самомъ-то дѣлѣ никогда не пилъ, — а прикинулъ, чтобъ казаться народнымъ. Вообще, о нравственности всѣхъ тогдашнихъ поэтовъ отнюдь не должно заключать по ихъ стихамъ въ честь вину и пьянству: въ этомъ случаѣ, они *реторически* наыгали на себя небывальщину. Этого рода *реторизмъ* есть главная основа всей поэзіи г. Лыикова. Всѣ его ухорскія и многозабубенныя выходки, его молодое буйство и чудное пьянство явились въ печати не какъ выраженіе дѣйствительности (чѣмъ должна быть всякая истинная поэзія), а такъ, только для *красоты слова*, какъ говоритъ Маниловъ. Кстади о реторикѣ: перечтите его пьесы: *Олень*, *Естанія*, *Пѣсня Короля Рейнера* (*), *Ливонія*, *Кудесники*, *Новгородская Пѣсня*, *Усладь*, *Меченосецъ Аранъ*, *Пѣсь Бална*: что такое все это, если не реторика, хотя и не лишенная своего рода изящества? Тутъ Славяне полу-баснословныхъ временъ Святослава и Русскіе XIII вѣка гово-

рять и чувствуютъ, какъ дивокіе рыцари, которые, въ свою очередь, очень похожи на пѣвчихъ буршей; тутъ ни въ чемъ нѣтъ истинны — ни въ содержаніи, ни въ краскахъ, ни въ тонѣ. А тамъ, гдѣ поэтъ говоритъ отъ себя, нѣтъ никакой истинны въ чувствѣ, мысль придумана, произвольно кончена, стихъ блестящъ, бросается въ глаза, поражаетъ слухъ своею необыкновенностью, и читатель только до-вольпоръ признаеть его прекраснымъ, пока не дастъ себѣ труда приглядѣться и не послушаться къ нему.

Люди, несимпатизировавшіе съ романтическою школою, нападали на нѣкоторыя стихотворенія г. Лыикова за отсутствіе въ нихъ чувства цѣломудрія, за слишкомъ-неприкрытое даже цѣтани поэзіи сладострастія. Мы такъ думаемъ, что эти пьесы такъ же точно заслуживаютъ упрекъ за отсутствіе въ нихъ именно того, величшее присутствіе чего въ нихъ такъ восхищало однихъ, такъ оскорбляло другихъ. Сладострастіе этихъ пьесъ холодное; это не болѣе, какъ шадость воображенія. Слѣдующая пьеса самого г. Лыикова есть лучшая критика за всѣ его пьесы въ этомъ родѣ:

Ночь безлунная звездами
Убирала синий сводъ;
Тихи были зѣмби вода;
Подъ зелеными кустами,
Сладко, дѣва-красота,
Я сжимала тѣбѣ руки;
Я горячими устами
Цаловалъ тебя въ уста;
Страстными жаромъ подымались
Перек поляны тѣмъ;
Разлетался, разивталась
Черныхъ локоновъ струя;
Закрывала, открывала
Ты лазурь своихъ очей;
Трепетала и вздыхала
Грудь, прижатая къ моеи.

Ночь ночными небесами,
Сладко, дѣва-красота,
Я горячими устами
Цаловалъ тебя въ уста...
Небесамъ благодаренье!
Здравствуй, дѣва-красота!

(*) Эта пьеса есть подражаніе пьесѣ Батюшкова: *Пѣсь Гаральда Смѣлаго*. Вообще, г. Лыиковъ не разъ подражалъ Батюшкову, какъ, на-примѣръ, въ пьесѣ: *Мое Уединеніе* и въ другихъ.

*То шло сповѣданье,
Вспыхавшая мечта!*

Когда муза г. Языкова *прикидывается* вакханкою, — въ ея безцѣлесномъ лицѣ блеститъ яркій румянецъ наглаго упоенія, но худо то, что этотъ румянецъ, если взглянуть въ него, оказывается толстымъ слоемъ румянъ... Теперь объ оригинальномъ стихѣ г. Языкова: въ немъ много блесна и звучности; первый ослѣвляетъ, вторая оглушаетъ, и взумленный читатель, застигнутый върасплохъ, признаетъ стихъ г. Языкова образцовымъ. Первое и главное достоинство всякаго стиха составляетъ строгая точность выраженія, требующая, чтобъ всякое слово необходимо попадало въ стихъ и стояло на своемъ мѣстѣ, такъ-чтобъ его никакимъ другимъ замѣнить было невозможно, чтобъ эпитетъ былъ вѣренъ и определенъ. Только точность выраженія дѣлаетъ истиннымъ представляемый поэтомъ предметъ, такъ-что мы какъ-будто видимъ передъ собою этотъ предметъ. Стихи г. Языкова очень слабы со стороны точности выраженія. Это можно доказать множествомъ примѣровъ. Вотъ нѣсколько:

*Тѣ дни летѣли, какъ стрѣла,
Могучимъ кинутая лукомъ;
Они звучали яркимъ звукомъ
Разумныхъ мыслей и стекла;
Какъ искры брызгущія стали
На поединкѣ роковомъ,
Какъ очи, свѣтлыя внемомъ,
Они нѣвинительно блистали.*

Что такое яркій звукъ разумныхъ мыслей? Есть ли какая-нибудь точность и какая-нибудь образность въ этомъ выраженіи? И какъ могли звучать дни? И не-уже-ли искры только тогда плѣнительны, когда брызжутъ на роковомъ поединкѣ? И какое отношеніе имѣютъ эти страшныя искры къ веселой жизни поэта? Разберите все это строго, переищите всѣ эти фразы на простой языкъ здраваго смысла, — и вы увидите одинъ наборъ словъ, замаскированный кажущимся вдохновеніемъ, кажущуюся красотой стиха...

Вспыхнуть радость и отвага
Блескомъ зора моего,

Не-уже-ли это поэтическій образъ?

*Самобытными мечтами
Зачумлеть голова.*

Что за самобытныя мечты? развѣ — пьяныя?

Чудно пьянствуетъ поэтъ.

Что жь тутъ чуднаго?

*Прекрасно радуясь, играя,
Надежды смѣлая князья.*

Что за эпитетъ: *прекрасно радуясь*?

*Ты вся мила, ты вся прекрасна!
Какъ пламенны твои уста!
Какъ безгранично-сладострастна
Твоихъ объятій полнота!*

Безгранично-сладострастная полнота объятій: помиуйте, да этого «не хитрой уму не выдумать бы въ вѣкъ»!..

*Здѣсь муза пѣсень полюбила
Мои словесныя дѣла.
Разнообразныя надежды
Я расточительно питала.
... Грозою правой
Ты знаменито ихъ пугнешь.*

*Тебѣ привѣтъ мой издалеца
Отъ московскихъ береговъ,
Туда, гдѣ зовикитъ званомъ слѣца
Менѣхъ пугалась ты стихомъ.*

*Товарищи, какъ думаете вы?
Для васъ я нѣтъ? ...
Нѣтъ, но для васъ! — Она меня кляла,
Ей нравились разумный мой сломокъ,
И младости заносчивая сила
И пламенныя восторженныя клямотки.*

*Благословляю твой возвратъ
Изъ этой нехристыя кѣмечкой
На Русь, къ святынь московской.*

Неточность, вычурность и натянутость всѣхъ этихъ выраженій и словъ, означенныхъ нами курсивомъ, слишкомъ очевидны и не требуютъ доказательства. Замѣтимъ только, что *клямотка нехристыя* есть выраженіе, уже оставленное даже русскими мужичками, появившимися наконецъ, что Нѣмцы вѣруютъ въ того же самого Христа, въ

ихъ головѣ; приводило ихъ въ ужасъ; литература, въ свою очередь, отличалась скучнымъ однообразіемъ, особенно въ произведеніяхъ второстепенныхъ талантовъ. Чтобы имѣть право писать не такъ, какъ всѣ писали, надо было сперва приобрести огромный авторитетъ. Такимъ образомъ, первыя сочиненія Пушкина ужасали нашихъ классиковъ своеволіемъ мысли и выраженія. И потому, смѣлыя, по ихъ оригинальности, стихотворенія г. Языкова имѣли на общественное мнѣніе такое же полезное вліяніе, какъ и проза Марлинскаго: они дали возможность каждому писать не такъ, какъ всѣ пишутъ, а какъ онъ способенъ писать, слѣдственно, каждому дали возможность быть самимъ-собою въ своихъ сочиненіяхъ. Это было задачей всей романтической эпохи нашей литературы, задачей, которую она счастливо рѣшила.

Вотъ историческое значеніе поэзіи г. Языкова: оно немаловажно. Но въ эстетическомъ отношеніи, общій характеръ поэзіи г. Языкова чисто-реторическій, основаніе вышко, набожь бѣденъ, краски ложны, а содержаніе и форма лишены истины. Главный ея недостатокъ составляетъ та *холодность*, которую такъ справедливо находилъ Пушкинъ въ своемъ произведеніи — *Русланъ и Людмила*. Муза г. Языкова не понимаетъ простой красоты, исполненной спокойной внутренней силы: она любитъ во всемъ одну яркую и шумную, одну эффектную сторону. Это видно во всякой строкѣ, нигдѣ не написанной; это онъ даже самъ высказалъ:

Такъ геній радостно трепещеть,
Свое величье познаеть,
Когда предъ нимъ гремитъ и блещетъ
Иваго голяя полеть.

Повидимому, поэзія г. Языкова исполнена бурнаго, огненнаго вдохновенія; но это не болѣе, какъ разноцвѣтный огоньотразившагося на льдинѣ солнца, это... во мы лучше объяснимъ нашу мысль собственными стихами г. Языкова:

. . . Такъ волна
Въ лучахъ свѣтла золотого
Блеститъ, кипитъ — но холодна!

Разсказывая въ удалыхъ стихотвореніяхъ болѣе всего о своихъ попойкахъ, г. Языковъ нерѣдко разсуждалъ въ нихъ и о томъ, что пора уже ему охмѣлиться и припиться за дѣло. Это благое намѣреніе, пли лучше, эта охота говорить въ стихахъ объ этомъ благомъ намѣреніи, сдѣлалась новымъ источникомъ для его вдохновенія, обратилась у него въ истинную манію и отъ частаго повторенія превратилась въ общее реторическое мѣсто. Общанія эти продолжаютъ до-сихъ-поръ; всѣ давно знаютъ, что нашъ поэтъ давно уже охмѣлился; публика узнала даже (изъ его же стиховъ), что онъ давно уже не можетъ ничего пить, кромѣ рейнвейна и малаги; но дѣла до-сихъ-поръ отъ него не вядно. Новыя стихотворенія его только повторяютъ недостатки его прежнихъ стихотвореній, не повторяя ихъ достоинствъ, каковы бы они ни были. Въ прошломъ, 1844 году, въ одномъ журналѣ было помѣщено предлинное стихотвореніе г. Языкова, въ которомъ онъ, между прочимъ, говорить:

По вотъ въ Москвѣ я, слава Богу!
Уже не робко я глажу
И на шарнаскую дорогу —
Пора за дѣло мнѣ! Вину и кутежу
Уже не стану, какъ бывало,
Пѣть *вольнодумную* хвалу:
Потѣхи юности удалой
Не кстати были бѣ мнѣ; неюному челу
Не кстати рѣввый плющъ и роза...
Пера за дѣло! Въ добрый путь!

Вотъ подлинно длинныя сборы въ путь! Гдѣ жъ дѣло-то? Не-уже-ли эта крохотная книжечка съ пятьюдесятью стихотвореніями, изъ которыхъ большая половина старыхъ, имѣющихъ свой историческій интересъ, и меньшая половина новыхъ, интересныхъ развѣ только какъ фактъ совершеннаго упадка таланта, вѣкогда столь превозносимаго? Перечтите, напр., драгоцѣнное стихотвореніе, въ которомъ неува-

женіе къ печати и грамотнымъ лю-
демъ доведено до послѣдней степени:
это — посланіе къ *М. П. Полюдину*:

Благодарю тебя сердечно
За подаренныя тебе!
Мнѣ съ нимъ раздолье! Съ нимъ житье
Посту! *Дивно-быстротечно*,
Легко пошла часы мои —
Съ тѣхъ поръ, какъ ты меня *уважил!*
По-стихотворчески я зажилъ,
Я съ душой! Слово, какъ ручьи
Съ высокихъ горъ на доли *гладны*
Бѣгутъ, игривы и прозрачны,
Бѣгутъ, сверкая и звѣя
Светлостеклянными струями,
При ясномъ небѣ, межъ цвѣтами
Весной: такъ точно у меня
Стихи мои, *прозорно, мило*
Съ пера бѣгутъ теперь; — и вотъ
Тебѣ, мой *лениый* доброхотъ,
Стаканъ стиховъ (!...): на, пей! — Что
было —

Того ужъ намъ не воротить!
Да, братъ, теперь мои созданья
Не то, что въ пору волнованья
Надеждъ и мыслей (1); — такъ и были!
Они теперь — напикъ трезвый: (2)
Давнымъ давно уже въ нихъ нѣтъ
Игры и силы прежнихъ дѣтъ,
Ни мысли пламенной и рѣзвой,
Ни *мыльно-буылаго* стиха. (3)
И не диковинное дѣло: (4)
Я самъ не тотъ уже (.) и смѣло
Въ томъ признаюсь: Кто безъ грѣха?
Но ты, мой добрый и почтенный,
Ты пріймешь ласковой душой
Напикъ, поднесенный мной,
Хоть онъ безмятежный и не мыльный (5).

(1) Вотъ что правда, такъ правда, хотя
и выраженная прозаически, несладко и
съ грѣшкомъ противъ грамматики!..

(2) То-есть: вода?

(3) Зачѣмъ же продолжать печатать та-
кихъ жалкія созданья, въ которыхъ нѣтъ
не только поэзіи, но даже и *буыно-мылаго*
стиха?

(4) Даже очень-понятное!

(5) Зачѣмъ же было не послать этого
прѣснаго стакана въ рукописи тому, для
кого онъ былъ назначенъ, — дѣло семейное
и до публички не касающееся. Чтѣ такое:
немыльное вино? Должно быть: не *мыльный*?
значе было бы сказано: не *мыльное* вино.

Снадите, ради здраваго смысла: пе-
уже-ли это — поэзія, *языкъ боюевъ*? Вотъ
чѣмъ разрѣшился романтизмъ двадца-
тихъ годовъ! Впрочемъ, и то сказать:
«Отъ великаго до смѣшнаго только
шагъ», но выраженію Наполеона: ста-
ло быть, отъ *небольшаго* до *смѣшнаго*
еще ближе!...

Это *дивно-быстротечное* стихотво-
реніе, звѣящее *светлостеклянными*
струями прѣсной и не совсѣмъ-свѣжей
воды, поднесенной въ стаканъ *лениому*
доброхоту стихотворецкѣ, *сдѣлавшим-
ся съ душой* отъ подаренныя, который
уважилъ его *лениый* доброхотъ, — это
образцовое проявленіе живо-умер-
шаго таланта, не напечатано въ числѣ
завѣтныхъ 57-ми стихотвореній г-на
Языкова. Напрасно! отъ этого его кни-
жечка много потеряла. По-нашему, ужъ
если печатать, такъ все, что характе-
ризуетъ и опредѣляетъ дѣятельность
поэта; лучше было бы или совсѣмъ не
издавать этой маленькаго книжечки, въ
которой литература ровне ничево не
выиграла, или издать книжку по боль-
ше, которая была бы вторымъ изда-
ніемъ изданныхъ въ 1833 году стихот-
вореній г. Языкова, съ прибавленіемъ
къ нимъ всего написаннаго имъ послѣ,
а между прочимъ, и его прекрасной
«Драматической Сказки объ Иванѣ Ца-
ревичѣ, Жарь-Птицѣ и о Сѣромъ Вол-
кѣ», которая, по нашему мнѣнію, луч-
ше всего, что вышло изъ-подъ пера г.
Языкова (*).

Муза г. Хомякова состоитъ въ близ-
комъ родствѣ съ музою г. Языкова,
хотя и многими отъ нея отличается.
Сперва о различіи: въ стихотвореніяхъ
г. Языкова (прежнихъ) нельзя отри-
цать признака поэтической струи,
которая болѣе или менѣе сквозитъ че-
резъ ихъ реторизмъ: въ стихотворе-
ніяхъ г. Хомякова есть не только
струя, но полный и блестящій та-
лантъ — только отнюдь не поэтической,
а какой, мы скоро это скажемъ. Те-

(* Отрывки изъ нея печатались въ Се-
верянникѣ Пушкина.

дери в средстве: мы показали выше, что шумливая, пивная и кипучая, хотя, в то же время, и холодная струя поэзии г. Языкова была не из сердца — источника страстной природы, а из головы, которая у людей еще чаще бывает источником прихотей, прайданий и фантазирующего разсудка, нежели источником разума, глубокости и верно-достигающего действительности. Мы показали, что народность поэзии г. Языкова, непродельный хмель и пьяное буйство его музыки, равно как и его стремление быть вакханкою — все это было больше-или-меньше искусственно и поддельно. В этой искусственности и поддельности г. Хомяков далеко опередил г. Языкова. Имъ способность изобрѣтать и придумывать звучные стихи, онъ рѣшился употребить ее въ пользу себя, приобрести ею себя славу не только поэта, но и прорицателя, который проникъ въ действительность настоящаго и постыгъ тайну будущаго и который гадаетъ на своихъ стихахъ не о судьбѣ частныхъ личностей (какъ это дѣлаютъ ворожеи на картахъ), но о судьбѣ царствъ и народовъ... Прочтите въ "Новомъ Живописцѣ Общества и Литературы" г. Полеваго, сѣмь изъ трагедій *Стенька Разинъ* (Т. II, стр. 210—216), — и сравните ихъ съ любимыми сценами, напримеръ, изъ *Ермака* г. Хомякова: вы увидите, что способность владѣть такими стихомъ, какими владѣть г. Хомяковъ, не имѣетъ ничего общаго съ талантомъ поэзии, съ даромъ творчества. Стихи *Разина* ничѣмъ не хуже стиховъ *Ермака*; можно даже подумать, что тѣ и другіе писаны однимъ и тѣмъ же лицомъ. Ниже, мы сравнимъ ихъ. И такъ, г. Языковъ, владѣя стихомъ, для котораго все-таки нужно было кой-чего побольше простой способности располагать слога по правиламъ версификаціи, съ какою-то добродушною безвѣдностью, обличающею больше-или-меньше поэтическую природу, ограничился, изъ множества предметовъ, представлявшихъ его уму, тѣмъ, что *выбралъ* какое-то

удалое и пьяное буйство, какую-то будто-бы вакханальную, но въ сущности прескромную и превенную любовь. Г. Хомяковъ, какъ больше-свободный отъ всякаго внутренняго, непосредственнаго стремленія версификаторъ, *выбралъ* для своихъ стихотворческихъ занятій предметы гораздо-повыше Пушкина, напримеръ, не выбирая, потому-что поэтъ по призванію, поэтъ великій лишена не только права, даже возможности выбирать предметы для своихъ вдохновеній и давать своимъ твореніямъ произвольное направленіе: источникъ его вдохновенія есть его собственная натура, а его натура есть цѣлый, въ самомъ-себѣ замкнутый міръ, который рвется наружу; задача поэта — вывести наружу, объективировать въ поэтическихъ образахъ свой собственный внутренній міръ, сущность своего собственнаго духа. Г. Хомякову нельзя было не *выбирать*: онъ не былъ поэтомъ, и ему было все равно, что бы ни быть. Онъ недолго думалъ — и рѣшился поминать свои послѣдніе труды на гимны старой, допетровской Руси. Намѣреніе похвальное, хотя и лишённое всякаго художественнаго такта, потому-что живое современное всегда ближе къ сердцу поэта. Чтобы довершить ошибку направленія, г. Хомяковъ рѣшился въ современной Россіи видѣть старую Русь. Не дивитесь, читатели: для г. Хомякова это было гораздо-легче, нежели для насъ съ вами: люди простые, мы всё вещи или видимъ такъ, какъ онѣ суть, или, если не можемъ увидѣть ихъ въ настоящемъ свѣтѣ, несчитаемъ нужнымъ представлять ихъ въ ложномъ. Кто одаренъ способностью глубокаго, страстнаго убѣжденія, кто алчетъ и жаждетъ истины, тотъ можетъ заблуждаться; но ему, — когда онъ сознаетъ свою ошибку, есть оправданіе въ ней: это страданіе всего его существа, потому-что онъ убѣждается всѣмъ своимъ существомъ — и умомъ, и сердцемъ, и кровью, и плотью. Кто же, напротивъ, одаренъ счастливою способностью свободнаго выбора во

всемъ, тому легко убѣдиться въ чемъ ему угодно и на столько времени, на сколько ему заблагоразсудится — на годъ, на два, или на цѣлую жизнь; потому-что вѣдь это прихоть, или рассчетъ ума, а не убѣжденіе,—спокойное дѣйствіе головы, а не страстное сотрясеніе всей органической системы, не то чувство, которое заставило Лермонтовскаго мщери сказать:

Я зналъ одной лишь думы власть
Одну — не пламенную страсть:
Она, какъ червь во мнѣ жила,
Изгрызала душу и сожгла.

Я эту страсть во тьмѣ ночной
Вскормилъ слезами и тоской;
Ее предъ небомъ и землей
Я нынѣ громко признаю.
И о проценты не моллю.

Но мы отделились отъ предмета — отъ стихотворствованія г. Хомякова. Возможностью *выбирать* и самимъ выборомъ своимъ онъ сталъ въ то самое выгодное положеніе, какого хотѣлъ себѣ: его многіе признали юнымъ поэтомъ, подающимъ о себѣ большія надежды въ будущемъ. Особенно обратилъ онъ на себя вниманіе двумя трагедіями: *Ермакъ* и *Дмитрій Самозванецъ*. Обѣ онѣ, по ихъ назначенію—апофеоза стар-рой Руси, или московскаго царства; но ни въ одной изъ нихъ нѣтъ никакой Россіи, ни старой, ни новой, потому-что ни въ одной изъ нихъ нѣтъ ничего русскаго. *Ермакъ* — совершенно-классическая трагедія, въ родѣ трагедій Расина: въ ней казаки похожи на нѣмецкихъ буршей, а самъ Ермакъ — живая карриатура Карла Моора. Французская классическая трагедія искажала Грековъ и Римлянъ, но этотъ недостатокъ выкупала своею національностью: ея Греки и Римляне были живые Французы того времени. Въ тѣсныхъ, до китавизма искусственныхъ формахъ, она умѣла быть не только скучною и вялою, но мѣстами и страстною, поэтической, блестящею, отпечаткомъ необыкновеннаго таланта. Ничего этого нѣтъ въ *Ермакѣ*: нѣмецкіе бурши обидѣлись бы этою траге-

дією, увидя въ ней карриатуру на себя, а для Русскихъ отъ ней нѣтъ ни радости, ни горя, потому-что въ ней нѣтъ ничего русскаго. Что же до стиховъ,—то вотъ чувствительный романсъ, который поэтъ своей *ламерсонъ Софьѣ* Амалія этой пародіи на шиллеровскихъ *Разбойниковъ*. — предметъ пламенной любви Ермака, злополучная Ольга:

Зачѣмъ, скажи, твое стечанье
«И безотрадная печаль?»
Твой умеръ другъ, или изгнанье
Его умчало въ степь и даль?»
— Когда бъ онъ былъ въ странѣ дале-
кой,

Я друга бы навздъ ждала,
И въ скорби жизни одинокой
Надежда бы тогда цвѣла.
Когда бъ онъ былъ въ могилѣ холодной,
Мои бы плакали глаза,
А слезы въ груди безотрадной —
Небесъ вечерили роса!
Но онъ преступникъ, онъ убійца;
О немъ и плакать мнѣ нельзя...
Ахъ, растворись моя гробница,
Раскрѣйся тихая земля!

Теперь сравните съ этими романсомъ идеальной русскою дѣвою XVI вѣка — эту *романтическую* пѣсню донскаго казака XVII столѣтія (изъ трагедіи *Степика Разина*), — и увидите сами, въ которой изъ двухъ пѣсень стихи лучше:

Тихій Донъ, страна родная,
Первыхъ радостей приютъ,
Гдѣ свобода золотая,
Гдѣ мечты мои живутъ,
Гдѣ пѣвецъ, безвѣстный въ мірѣ,
Вдохновеній тайныхъ полетъ,
Я изърылъ мещиной лиръ,
Въ челонокъ, на конѣ воиатъ,
И мечты, и вдохновенье,
И любви мѣй идеаль,
И въ горящемъ пѣнопѣльи
Всю природу обнимаатъ!
Помню, помню тѣ мгновенья,
Какъ пѣвецъ героемъ сталъ:
Саблей — радость вдохновенья,
Пулей — лиру замѣнялъ;
Какъ въ азовскія твердыни,
Съ свистомъ ринулся съшипельъ,
И въ далекія пустыни

Мчался вихромъ пѣвецъ;
 На конѣ, съ мечомъ во длани,
 Несся вихремъ по полямъ,
 Громоноснымъ богомъ брани,
 Смертью, гибелью врагамъ.

Въ *Дмитрiи Самозванцѣ*, г. Хомяковъ обнаружилъ притязанiя на историческое изученiе. Но историческое изученiе только тогда полезно для поэта, желающаго воспроизвести въ своемъ творенiи нравственную физиономiю народа, когда въ самой натурѣ, въ самомъ духѣ этого поэта есть живое, кровное сродство съ национальностью изображаемаго имъ народа. Такимъ поэтомъ былъ Пушкинъ, и потому онъ націоналенъ не въ однихъ только тѣхъ своихъ произведенiяхъ, въ которыхъ изображалъ русскую дѣйствительность. Этого рода национальность дается не всякому, кто только вздумаетъ писать стихи, или кто воображаетъ себя дѣйствительно-проникнутымъ любовью къ своему родному. Чѣмъ поэтъ огромнѣе, тѣмъ онъ и национальнѣе, потому-что тѣмъ болѣе сторонъ національнаго духа доступно ему. Но бываютъ таланты одностороннiе, не великiе, и вмѣстѣ глубоко, хотя и односторонно-национальнiе: таковъ былъ талантъ Кольцова, въ безыскусственныхъ звукахъ котораго высказывалась душа чисторусская. Изученiе исторiи и нравовъ народа можетъ только усилить, такъ сказать, талантъ поэта, но никогда не дастъ оно ему чувства народности, если его не дала ему природа. Вотъ почему въ *Дмитрiи Самозванцѣ* видна болѣе-или-менѣе ловкая поддѣлка подъ русскую народность, но нѣтъ ни одного истиннаго проблеска русской народности. Видимъ лица, видимъ событiя, видимъ русскiя слова, но не видимъ того, что давало бы смыслъ, было бы ключомъ къ разгадкѣ этихъ лицъ и событiй. Самозванецъ и Ляпуновъ г. Хомякова говорятъ, кажется, по-русски, а между-тѣмъ оба они—какое-то романтическiе мечтатели двадцатыхъ годовъ XIX столѣтiя, слѣдовательно, несколько не Русскiе начала XVII вѣка. А между-тѣмъ, эта траге-

дiя написана послѣ *Бориса Годунова* Пушкина!.. Мы сказали, что въ ней видна болѣе-или-менѣе ловкая поддѣлка подъ русскую народность: но какая разница между поддѣлкою русскаго поэта, г. Хомякова, подъ русскую народность — и поддѣлкою Француза Меримѣ подъ народность пѣсень юго-западныхъ Славянъ. Меримѣ не зналъ ни одного славянскаго языка, но былъ ни въ одной славянской землѣ, писалъ эти пѣсни во Францiи, руководствуясь только одною маленькою брошюрою и однимъ итальянскимъ сочиненiемъ, имѣющимъ нѣкоторое отношенiе къ пѣснямъ Сербовъ, Далматовъ, Босняковъ и пр. Меримѣ сочинилъ эти пѣсни *rouge et noir de la couleur locale* и ввелъ въ заблужденiе Мицкевича и Пушкина, которые оба признали эти пѣсни подлинными, а послѣднiй даже большую часть ихъ переложилъ по-русски превосходнѣйшими стихами.

Защитники г. Хомякова говорятъ, что драма — не его призванiе, что онъ лирикъ. Изъ романса Ольги можно видѣть характеръ лиризма г. Хомякова. Прежде, чѣмъ быть лирикомъ, надо быть поэтомъ. Лиризмъ еще больше, нежели всякiй другой родъ поэзи, основывается на непосредственности теплаго сердечнаго чувства и не терпитъ холодныхъ головныхъ чувствъ, которые выдаются за мысли, но которыя въ сущности такъ же относятся къ мыслямъ, какъ уль къ умичанью, чувство къ сантиментальности, щеголеватость къ изяществу. Посмотримъ на лиризмъ г. Хомякова въ его лирическихъ произведенiяхъ. Первое изъ нихъ—*Изъ Иностранки*, можетъ служить образцомъ всего лиризма г. Хомякова:

Вокругъ нея очарованье,
 Вся роскошь юга дышитъ въ ней,
 Отъ розъ ей прелесть и нагаанье.
 Отъ запада полудилъ блескъ очей.
 Прикованъ къ ней волшебной силой
 Поэтъ восторженный глядитъ,
 Но никогда онъ дѣвъ милой
 Своей любви не посвятитъ.
 Пусть ей поклонны средѣ оуки;

Видной души красота;
 Дрожать радости и муки,
 Чистое чистая мечта.
 Пусть къ ней душа какъ пламень ле-
 ный,

Какъ дымъ молитвенныхъ кадиль,
 Пусть ангелъ свѣтлый и прекрасный
 Ее съ рожденья обвивалъ;
 Но ей чужда моя Россія,
 Отчизна (чей?) дикая краса,
 И ей чужды страны другія,
 Другія лучше небеса.

Нѣмъ ей пѣсья роднаго края —
 Она не внемлетъ, не глядитъ.
 При ней скажу я: — «Русь святая!»
 И сердце въ ней не задрожитъ.
 И тщетно дуть живаго свѣта
 Изъ черныхъ падаетъ очей:
 Ей вдалека душа поэта
 Не послышать души своей.

Не будемъ говорить о томъ, что въ этомъ стихотвореніи нѣтъ ни одного поэтического выраженія, ни одного поэтического оборота, которые встрѣчаются даже въ стихотвореніяхъ г. Бездникова, риторизмъ которыхъ не чужды какой-то поэтической струйке: не будемъ доказывать, что все это стихотвореніе — наборъ модныхъ словъ и модныхъ фразъ, въ которыхъ прозаическая ничтога чувства и мысли такъ и бросается въ глаза. Видно это, лучше разберемъ то будто-бы чувство, ту будто-бы мысль, которые являются въ основу этой цѣсы, и обнаружимъ всю ихъ ложность, неестественность и пошлость. Поэтъ смотритъ на прекрасную женщину и задаетъ себѣ вопросъ: любить ему, или нѣтъ? Видите ли, какъ влюбляются поэты! Совсѣмъ не такъ, какъ простые смертные, не такъ, какъ волею существа, называющагося человекомъ: человекъ влюбляется просто, безъ вопросовъ, даже прежде, нежели пойметъ и сознаетъ, что онъ влюбился. У человека это чувство зависитъ не отъ головы, у него оно — естественное, непосредственное стремленіе сердца къ сердцу. Но нашъ поэтъ думаетъ объ этомъ иначе. Задаетъ себѣ глубокомысленный вопросъ: любить или нѣтъ? — онъ не постыжъ за нужное даже по-

гадать хоть на пальцахъ, и отвѣчаетъ рѣшительно: «нѣтъ!» Видная женщина, бѣдная иностранка! Какого сердца, какого сокровища любилъшилась она! О, еслибъ она поняла это!... Намъ какъ-то и скучно и совѣстно рассуждать о такихъ незамысловатыхъ вещахъ; но быть такъ: начать, надо кончить, тѣмъ болѣе, что это для многихъ поэтовъ и не-поэтовъ можетъ быть полезно. Мы помнимъ, что человекъ можетъ любить женщину и въ то же время не хотѣть любить ее; но въ такомъ случаѣ, мы хотимъ видѣть въ немъ живое страданіе отъ этой борьбы разсудка съ чувствомъ; головы съ сердцемъ: только тогда его положеніе можетъ быть предметомъ поэтического воспроизведенія, а иначе, оно — прихоть головы, лажъ, годная только для сатиры, для эпитграммы; несмотря же, какъ разсудителенъ, какъ благоразуменъ, какъ спокоенъ нашъ поэтъ: доказавъ себѣ силлогизмомъ, что ему не слѣдуетъ любить иностранку, которая вѣдаетъ, оушаного родимылѣтснн и патриотическія восклицанія по той простой причинѣ, что не понимаетъ ихъ, онъ такъ доволенъ собою, что въ состояніи сейчасъ же сѣсть за столъ и начать вагтракать или обѣдать. Гдѣ же тутъ истина чувства, истина поэзіи? Тутъ нѣтъ ничего потагома на чувство и поэзію. И таковы-то всѣ ларическія стихотворенія г. Хомякова! У этого поэта родникъ вдохновенія бьетъ не въ сердце, такъ же, какъ у Самсона сила была не въ мышцахъ, а въ волосахъ; но Самсонъ, не смотри на то, оказывалъ опыты сверхъ-человѣческой силы: гдѣ же опыты нашего поэта? А вотъ понцента...

Не презирай кланка стального
 Въ обдѣлкѣ древности простой,
 И цыль забвенья вѣковаго
 Сотри заботливою рукой.

Что такое: обдѣлка простой древности? Какой смыслъ этого кудреватого выраженія? Даже, въ этомъ стихотвореніи есть мечи съ красивою оправой, которые блистаютъ тщетно забав-

ой?!!.. Наконецъ, голосъ брани *вскрещаетъ губительный порывъ булата...* Восточные жители поэзію называютъ искусствомъ «называть жемчугъ на нить описаній»: какъ не далеко ушли отъ Персіанъ многіе изъ нашихъ такъ называемыхъ «поэтовъ», которые насѣшливо улыбаются надъ турецкими опредѣленіемъ поэзіи, а между-тѣмъ сами, думая творить, только называютъ пустозвонными фразы на нить какой-нибудь бѣдной рефлексіи! У г. Хомякова есть пьеса — *Вдохновеніе*; прекрасно! Мы отъ самого г. Хомякова увидимъ, какъ онъ понимаетъ вдохновеніе.

Домъ минутой вдохновенія,
Восторговъ чашу жадно пей,
И своимъ дѣлнваго забвенья
Не убивай души своей.

Что значить ловить минутой вдохновенія? — Не тратить времени, не писать, когда почувствуешь вѣнчикъ вдохновенія? Если такъ, — это справедливо, какъ дважды-два — четыре, но точно также и не ново. Мы, можетъ-быть, поэтъ подъ словомъ «ловя» разумѣлъ настоящую *лоблю* и хотѣлъ сказать: ищи вдохновенія, гоняйся за нимъ? — Если такъ, то это самое ложное понятіе о вдохновеніи: его не ищутъ, оно приходитъ само. «Восторговъ чашу жадно пей»: что такое — *чаша восторговъ*? и какихъ восторговъ? Слово *восторгъ* можетъ употребляться во множествѣ самыхъ разнообразныхъ и самыхъ противоположныхъ значеній: для одного чаша восторговъ заключается въ штофѣ полугара, для другаго въ бутылкѣ шампанскаго, а для третьяго — въ знаніи истины. Первыя чашы можно пить жадно когда угодно, если кто полюбитъ такіе *восторги*; третью чашу можно опять пить когда угодно и сколько угодно, но для этого требуется жажда истины, самоотверженіе труда. Однимъ словомъ, когда въ стихотвореніи не опредѣлено, о какихъ восторгахъ идетъ дѣло — такое стихотвореніе легко можно принять за наборъ звуковыхъ словъ. Но это бы

еще куда ни шло; а вотъ, сдѣлать намъ, ради грамматикн, ради логикн, ради здраваго смысла, что такое: *солдъ льнведто забвеніа?* — Просимъ васъ: объясните намъ, по какимъ законамъ мысли человеческой сошлись рядомъ эти три слова, не образующія собою не только идеи какой-нибудь, но даже и какого-нибудь смысла? Не-уже-ли это лирическій падежъ?..

И если разъ, въ беззвонкой дѣлн,
Ничтожность міра полюбить,
Ты селѣшишь цѣлнво наслажденій
Души бунтующій порывъ, —
Къ тебѣ поэзіи священной
Не сидеть чистая роса, и др.

Связать цѣлнво наслажденій (какихъ?) бунтующій порывъ души: какая великолѣпная шумиха бѣднхъ значеніемъ словъ! какая неопредѣленность понятій! Цѣлнво наслажденій, а какихъ? Вѣдь и пить чашу восторговъ — тоже наслажденіе! Скажутъ: поэтическое произведеніе — не диссертация; краткосте выраженій есть первое его достоинство, а прозаическая обстоятельность — главнѣйшій недостатокъ. Такъ; но отъ чего, на-пр., у Пушкина, у Лермонтова одно слово, по своей рѣзкой опредѣлительности, иногда заключаетъ въ себѣ самую обстоятельную диссертацию въ прозѣ? Отъ-того, что оба они поэты, и притомъ еще великіе. И поэтомъ, такая сухая отвлеченность въ понятіи г. Хомякова о сущности поэта: онъ дѣлаетъ изъ поэта то, чѣмъ поэтъ никогда не бѣвалъ и никогда быть не можетъ: существо безгрѣшное, не падающее, не снотыкающееся. По его мнѣнію, согрѣши поэтъ разъ въ жизни, — и навсегда прощай его вдохновеніе. Чтобъ предупредить это несчастіе, онъ даетъ ему рецептъ: живи-де безпрестанно въ ютическнхъ восторгахъ, т. е. будь шутомъ на ходуляхъ, повтори собою лицо манчскаго втязья, дона-Кихота, который даже и спалъ въ своемъ картонномъ шлемѣ, даже и во снѣ сражался съ баранами и мельницами... Нѣтъ, не таковъ поэтъ: зовемъ въ свидѣтели Пушкина, кото-

рый слагалъ, что часто межъ дѣтей ничтожныхъ міра, быть можетъ, вѣтъ ничтожнѣе поэтъ, пона не коснется его слуха божественный глаголь, и пока не встренется душа его, какъ пробудившійся орелъ. Когда поэзія есть живой глаголь дѣйствительности, — она великая вещь на землѣ; но когда она силится сдѣлать существующимъ несуществующее, возможнымъ невозможное, когда она прославляетъ пустое и хвалитъ ложное, — тогда она не болѣе, какъ забава дѣтей, которымъ деревянная лошадка нравится болѣе настоящей лошади... И не поэтъ тотъ, кто лишенъ всякаго такта дѣйствительности, всякаго инстинкта истины; не поэтъ онъ, а искусникъ, который умѣетъ плясать съ завязанными глазами между айдами, не разбивая ихъ... Такой поэтъ похожъ на тѣхъ жонглѣровъ-диалектики, которымъ все-равно о чемъ бы и какъ бы ни спорить, лишь бы только опровергнуть противника; которые, доказавъ одному, что дважды-два — четыре, съ тѣмъ же жаромъ доказываютъ другому, что дважды-два — пять, и для которыхъ важнѣйшій результатъ спора есть не истина, а суетное, мелочное удовольствіе: переспорить другаго и остаться побѣдителемъ, хотя бы то было на-счетъ здраваго смысла и добросовѣстности.

Но мы нѣсколько отделились отъ нашего предмета — отъ стихотвореній г. Хомякова: возвратимся къ нимъ. Пока мы не нашли никакихъ признаковъ поэзіи въ простыхъ лирическихъ его стихотвореніяхъ: можетъ-быть, поэзія скрывается въ его *прорицательныхъ* лирическихъ пьесахъ? — А вотъ посмотримъ. Въ стихотвореніи къ *Россіи*, г. Хомяковъ даетъ своему отечеству истинно-отеческія наставленія: онъ запрещаетъ ему чувство гордости и рекомендуетъ смиреніе. Онъ говоритъ Россіи:

Грознѣй тебя былъ Римъ великій;
Царь семихолмная хребта,
Железныхъ силъ и воли дикой
Осуществленная мечта,

И нестерпимъ былъ онъ булата
Въ рукахъ алтайскихъ дикарей.

Какіе великолѣпные, энергическіе и поэтическіе стихи! Самъ Пушкинъ никогда не писывалъ такихъ чудно-прекрасныхъ стиховъ! Мы очарованы и увлечены ими; однакожъ не до такой степени, чтобъ не могли осведомиться скромно о томъ, что скрывается въ этихъ дивныхъ стихахъ. И потому беремъ на себя смѣлость спросить кого бы то ни было — самого поэта, или нашихъ читателей: что такое *царь семихолмная хребта* и что такое *семихолмный хребетъ*? Что Римъ построенъ будто-бы на семи холмахъ, случилось слышать и намъ; но чтобъ онъ былъ построенъ на хребтѣ горъ, — это едва ли кому случилось слышать. Что такое: *осуществленная мечта железныхъ силъ и дикой воли*? Еще, еслибы дѣло шло только объ осуществленной мечтѣ желѣзной силы (а не желѣзныхъ силъ), — мы кое-какъ поняли бы мысль поэта; но почему воля Римлянъ (а Римляне дѣйствительно были по-преимуществу народъ воли, какъ Греки — народъ эстетическаго чувства) была дикая — не понимаемъ! Она можетъ быть сильною, несокрушимую, желѣзною, если угодно даже стальною, хоть это и довольно-пошлый эпитетъ, гордое, непреклонною; но дикою... нѣтъ, не понимаемъ, совсѣмъ не понимаемъ!... Позвольте — кажется поняли! Да, такъ, точно такъ: воля Римлянъ сдѣлалась для того *дикой*, чтобъ богато рифмовать съ словомъ *великій*... Что такое: *онъ булата*? Опять не понимаемъ! Остріе, тяжесть, сила булата — это мы понимаемъ, но *онъ булата*... Не понимаете ли вы, господа-защитники гения г. Хомякова, что такое: *онъ булата*?

Итакъ, вотъ они — эти великолѣпные, энергическіе и поэтическіе стихи: sic transit gloria mundi!..

Въ другомъ стихотвореніи, г. Хомяковъ предрекаетъ скорую гибель Англіи. Сперва онъ расхваливаетъ ее, называетъ «счастливою» и «богатою» (вѣроятно, мѣта на дѣтей, работаю-

щихъ въ рудовонняхъ), а потомъ начинаеть бранить:

Но за то, что ты лукава;
 Но за то, что ты горда,
 Что тебѣ мирская слава
 Выше Божьяго суда;
 Но за то, что церковь Божью
 Святотатственной рукой
 Приковала ты къ подножью
 Власти суетной, земной...
 Для тебя, морей парца
 День придетъ, и близокъ онъ—
 Блескъ твой, злато, багряница,
 Все пройдетъ, минеть какъ сонъ...

Что это такое? — іереміада по панской власти, нѣкогда повелѣвавшей царями и народами?.. Да развѣ въ одной только Англіи служителя церкви введены въ истинные предѣлы ихъ обязанностей, высокихъ, священныхъ, но уже потому самому не суетныхъ, земныхъ? Въ нашъ просвѣщенный вѣкъ, европейскими народами править ведѣ свѣтская власть, кромѣ Турціи, въ которой законы и даже власть султана зависятъ отъ мѣнныя улемовъ и муфтиевъ. Мы не беремъ на себя высокой роли предрекать скорый конецъ народамъ и государствамъ: вѣдъ существованіе народовъ и государствъ—не то, что существованіе какиихъ-нибудь стихотвореній, которое зависитъ много отъ первой дѣльной критики... Мы не думаемъ, чтобъ Англія такъ-таки вотъ ввела да и окончила смертію животъ свой, прочитавъ стихотвореніе г. Хомякова: отъ него и вздремнуть довольно, и то не Англіи; а какому-нибудь русскому читателю. Но что Англія можетъ много потерпѣть за то, что въ ней бѣдные люди безпреставно или умираютъ голодною смертію, или предупреждаютъ смерть самоубійствомъ,—это другое дѣло...

Въ стихотвореніи: *Мечта*, вашъ *воетъ* оплакиваетъ близкую гибель Запада, гдѣ кометы бурныхъ сѣчь бродили въ высотѣ... *При сей свѣрной оказіи*, онъ почелъ нужнымъ даже похвалить покойника, въ которомъ много-де было хорешаго, —

Но горе! вѣкъ прошелъ — и мертвенными
 мажками накрылось
 Задержитъ Западъ весь! тамъ будетъ
 мракъ глубока.
 Услышь же гласъ судьбы, въ сѣньи
 невои,
 Просияя дремлющій востокъ!

Г. Хомяковъ очень-хорошо сдѣлалъ, что догадался потолкать въ бокъ этого лежня, Востокъ, который безъ трескучей стукотни его удивительныхъ стиховъ, вѣроятно, и не подумалъ бы даже потянуться или вѣннуть во снѣ, не только проснуться. Такова эта восточная натура: ей хоть весь свѣтъ провалился, все спитъ; къ восточному человѣку очень идутъ эти стихи Тредьяковскаго:

Аше міръ сокрушеть распадется,
 Сей мужъ николи жъ содрогнется.

Все это хорошо, но вотъ вопросъ: что разумѣетъ г. Хомяковъ подъ «Востокомъ»? По-крайней-мѣрѣ, что касается до насъ,—мы такъ-горды чувствомъ нашего національнаго достоинства, что подъ Востокомъ не можемъ разумѣть Россію. Вѣдъ Западъ — Европа, а Востокъ—Азія? Россія же принадлежитъ къ Европѣ и по своему географическому положенію, и потому, что она держава христіанская, и потому, что новая ея гражданственность—европейская, и потому, что ея исторія уже слглась неразрывно съ судьбами Европы. Кажется, такъ, г. поэтъ? Кого же вы будите? Какихъ врановъ призываете вы на минный трупъ Запада торжествовать минную гибель цивилизаціи, смерть свѣта и правдикъ тьмы? — Вѣрно, Турковъ и Татаръ?—Ну, Турки и Татары, просыпайтесь на голосъ вашего пророчителя: по его увѣренію, Западъ не нынче, завтра скончается, и наступитъ вашъ чередъ, потомки Чингис-Хановъ и Тамерлановъ!..

Г. Хомяковъ писалъ очень-мало, и притомъ недалеко не все написанное и напечатанное имъ въ журналахъ: въ его крохотной книжечкѣ нѣтъ по-крайней-мѣрѣ десятка его стихотвореній, и, между прочимъ, той чудной

мировоззаци («Московский Вѣст.», 1908), которая начинается такъ:

Въ стаканахъ чокъ
И въ зубы чмокъ!
На долгій срокъ,
Друзья, прощайте!
Лечу къ болямъ,
Къ другимъ краямъ,
Во слѣдъ орлянкъ!
Чокъ — выпивайте!

Но несколько нѣтъ удивительнаго, что г. Хомяковъ такъ мало написалъ: хорошаго по-прежнему. Кромѣ того, намъ что-то кажется, что каждое его стихотвореніе писалось долго, что между однимъ и другимъ стихотвореніемъ много его стихотвореній дожились мѣсяцы и годы промежуточнаго времени... Чтѣ же! тѣмъ лучше выходили стихотворенія!..

Намъ, можетъ-быть, замѣтять, что мы проговорили сами себя, угадала, будто г. Хомяковъ не портъ и въ то же время гонимъ о его произведеніяхъ, какъ о чемъ-то важномъ. Мы пишемъ не для себя, а для публики: въ ней могутъ найдтись люди, которые, пожалуй, восхвѣтятся восклицаніемъ одного журнала, угадывающаго, что г. Хомяковъ — великій и національный русскій поэтъ. «Отечественныя Записки» изъ прошлаго году, при выходѣ стихотвореній гг. Языкова и Хомякова, говорили о немъ не только съ удивленіемъ, но и съ снисходительностію. Чтѣ намъ нужно изъ этого? — Журналъ, въ которомъ исключительно печатается стихотворенія обонъ этихъ поетовъ, умалчивая о г. Языковѣ, по поводу стихотвореній г. Хомякова объявлялъ, что этотъ поэтъ великъ, а «Отеч. Записки» нигуда не годятся, потому-что не признаютъ его великости. Затѣмъ, онъ перечиталъ почти всю книжку стихотвореній г. Хомякова, и, сочтя это за неопровержимое доказательство ихъ высокаго достоинства, заключаетъ такъ: «Не правда ли, читатели, что надо быть слѣпцомъ слѣпцу, слѣпцомъ дерзку, чтобъ руками С(в)ихотворенія. И какія не-

«счастливыя бредни выставляютъ П(и)уб-личнѣ на поклоненіе. Иностранцы Записки», вмѣсто Хомяковыхъ и Языковыхъ! Не знаемъ, согласились ли съ этимъ журналонъ его читатели; но считаемъ важнымъ сужденіе его о нашемъ журналѣ и нашихъ мнѣніяхъ, равно какъ и обо всемъ, о чемъ онъ судитъ; но не можемъ не выставить на видъ, что если существуетъ журналъ, который до того убѣжденъ въ великости и національности г. Хомякова, какъ поета, что печатно называетъ держими и калыми ругателями и иностранцами всѣхъ, кто не согласенъ съ нимъ во мнѣніи о г. Хомяковѣ, — стало-быть, существуютъ и люди, которые думаютъ и чувствуютъ точно такъ же, какъ этотъ журналъ: вотъ для этихъ-то людей (а совсѣмъ не для этого журнала) и пишемъ мы. Поэтъ съ подавляющимъ дарованіемъ, но никакъ не замѣченный, никакъ не печатный крикунъ непровозглашаемый, неонасенъ въ отношеніи къ портъ общественаго вкуса: о немъ можно, при случаѣ, отозваться съ легкою улыбкою — и все тутъ. Но поэтъ съ дарованіемъ слагать громкія слова во «разныя стопы, поэтъ, который важность вкуса, жаръ чувства и основательность идей завлекательныи для неопытныхъ людей союзники ума и чувства, а между-тѣмъ нѣтъ усердныхъ глашатаевъ своей великости — воля ваша, надо предположить въ критикѣ рыбку кровь, если она можетъ оставаться равнодушною къ такому явленію и со всею энергіею не обнаружитъ истины.

Можетъ-быть, намъ еще замѣтять, что способъ нашего анализа, состоящій въ разборѣ фразъ, мелоченъ. Дѣле не въ способѣ, а въ его результатахъ; да, кромѣ того, это единственный и превосходный способъ для сужденія даже и не о такихъ поэтахъ, каковы: Марлинскій, гг. Языковъ, Хомяковъ, Бенедиктовъ и другіе въ томъ же родѣ. Многія фразы съ перваго раза кажутся блестящими, поэтическими и заключающими въ себѣ глубокія идеи; но

если вы не потрогаетесь, отдавшись первому впечатлѣнію, провинности в нихъ сужденіе, а хладнокровно спросите самихъ себя: что значить вотъ это, что хотѣлъ сказать поэтъ вотъ этимъ?—то съ удивленіемъ увидите, что это сначала такъ поразившее васъ стихотвореніе — просто наборъ пу-
стыхъ словъ...

Кромѣ двухъ книжечекъ стихотвореній гг. Лыжкова и Хомякова, въ прош-
ломъ году вышла еще книжечка стихо-
твореній г. Половскаго, подъ скромнымъ
названіемъ: *Гаммы*. Г. Половскій обла-
даетъ въ некоторой степени тѣмъ, что
можно назвать чистымъ элементомъ мо-
ральной и безъ чего никакія умныя и глубо-
кія мысли, никакая ученость не сдѣла-
ютъ человека поэтомъ. Но и одного это-
го также еще слишкомъ мало, чтобы въ
наше время bastавить говорить о себѣ,
какъ о поэтѣ. Знаемъ, знаемъ, — ска-
жутъ многие: нужно еще направленіе,
важны идеи!.. Такъ, господа, вы пра-
вы; но не вносите главное и трудное
дѣло составить не въ томъ, чтобы имѣть
направленіе и идеи, а въ томъ, чтобы
не выборъ, не усиліе, но стремленіе,
и прежде всего сама натура поэта бы-
ла непосредственнымъ источникомъ
его направленія и его идей. Еслибъ
сказали Лермонтову о значеніи его на-
правленія и идей, — онъ, вѣроятно, мно-
гому удивился бы и даже не всему по-
верилъ; и не мудрено: его направленіе,
его идеи были — онъ самъ, его соб-
ственная личность, и потому онъ часто
выскакивалъ великое чувство, высо-
кую мысль, въ полной увѣренности,
что онъ не сказалъ ничего особеннаго.
Такъ силачъ безъ вниманія, мимохо-
домъ, откидываетъ ногою съ дороги
каждой камень, котораго человекъ съ
обыкновенною силою не сдвинуть бы
съ мѣста и руками. Повторяемъ: въ на-
ше время трудно быть такимъ поэтомъ,
котораго бы всѣ знали и о которомъ
бы всѣ говорили; другими словами: въ
наше время трудно поэту приобрести
славу. Это потому, что въ наше время
еще являются таланты и много умныхъ
людей, между тѣмъ, какъ наше время

обращаетъ вниманіе только на замѣча-
тельные натуры.

Изъ отдѣльно-вышедшихъ въ про-
шломъ году повѣстическихъ произведе-
ній въ стихахъ, самыми замѣчатель-
ными, безъ сомнѣнія, было—*Налъ* и
Дамалити, индійская поэма, съ француз-
скаго перевода Рюккерта переселенная
Жуковскимъ на русскіе гекзаметры;
легкіе, свѣтлые, прозрачные, граціо-
зные и нѣжныя. Выбѣтъ съ дру-
гими произведеніями Жуковскаго, по-
мѣщаемыми имъ въ разныхъ журна-
лахъ съ 1837 года, *Налъ* и *Дамалити*
составила потомъ *девятый* томъ полна-
го собранія сочиненій знаменитаго по-
эта. — Новое изданіе басенъ Крылова съ
прибавленіемъ новой, *девятой*, части;
также составляетъ одно изъ блестя-
щихъ приобретеній литературы про-
шлага года. Но это было послѣднее
изданіе при жизни настоящаго поэта;
такъ же, какъ этотъ годъ былъ послѣд-
нимъ въ его жизни... Крыловъ — вели-
кій талантъ ослепный и человекъ замѣча-
тельный, былъ ровесникъ русской ли-
тературы. О такомъ талантѣ можно
сказать больше, нежели сколько было
о немъ сказано: въ слѣдующей книжкѣ
«Отеч. Записокъ», мы, въ особой ста-
тѣ, выкопчимъ ланку дологъ пера
Крыловскихъ и публикую. — Въ прошломъ
же году вышли: четвертакъ (и послѣд-
няя) часть *Смѣхотвореній Лермонтова*;
переводъ Гаммы г. Краевскаго; пере-
водъ г-на Вронченко *Фауста Гёте* (*);
третье изданіе *Герла Нашего Времени*;
Сочиненія князя Одоевскаго; второе изданіе
перваго тома повѣстей графа Со-
логуба, подъ общимъ названіемъ: *На
Семъ Градунціи*. Изъ стихотвореній Лер-
монтова, вышедшихъ въ четвертую
часть, двѣ пьесы: *Пророкъ* и *Семданъ*
сдѣлались извѣстными только въ про-
шломъ году и сперва были напечатаны
въ третьей книжкѣ «Отеч. Записокъ».
Сочиненія князя Одоевскаго, доселѣ раз-

(*). Объ этомъ примѣчательномъ трудѣ
г. Вронченко мы поговоримъ подробно въ
слѣдующей книжкѣ «Отеч. Записокъ».

сданными во множествѣ періодическихъ изданій почти за двадцать лѣтъ, будучи теперь собраны вмѣстѣ и изданы въ трехъ уместныхъ томахъ, какъ-бы возвратили публикѣ одного изъ лучшихъ ея писателей, съ которыми она привыкла встрѣчаться только нрѣдка и не надолго. Теперь сочиненія князя Одоевскаго уже не отрывки, не отдѣльныя вѣсы, но нѣчто цѣлое и полное, отразившее на себѣ духъ и направленіе писателя замѣчательнаго и даровитаго.

Вотъ все, что вышло достойнаго вниманія въ продолженіи прошлаго года по части названной литературы. Надо согласиться, что очень-немного! Остальнаго должно искать въ журналахъ, къ чему мы сейчасъ же и приступимъ. Но прежде сдѣлаемъ одну оговорку: мы будемъ упоминать только о замѣчательныхъ, въ какомъ бы то ни было отношеніи, явленіяхъ, а все, что мы не считаемъ ни въ какомъ отношеніи замѣчательнымъ, пройдемъ молчаніемъ. Такихъ образомъ, мы даже и журналы не всѣ назовемъ по имени; тѣмъ менѣе нагѣрны мы судить о ихъ достоинствахъ и недостаткахъ. Да и къ-чему?—Если они издаются, значитъ, ихъ кто-нибудь да читаетъ же, и кому-нибудь они нравятся же. Переубѣдить этихъ «кого-нибудь» такъ же невозможно, какъ и доказать самимъ этимъ журналамъ, что они наврасно издаются; если же мы предприняли бы это бесполезное дѣло, — за что же большинство публики, неподозрѣвающей существованія этихъ журналовъ, должно было бы терпѣть скуку подобныхъ рассужденій и толковъ? Нѣтъ ничего труднѣе, скучнѣе и безполезнѣе, какъ говорить о вещахъ отрицательно-хорошихъ или отрицательно-дурныхъ. Изъ журналовъ настоящаго времени, намъ остается говорить только о нашемъ собственномъ журналѣ, о «Библиотекѣ для Чтенія» и о «Москвитинѣ», примѣчательно въ томъ отношеніи, что онъ единственный журналъ въ Москвѣ. Изъ газетъ — объ «Иванидѣ», «Сѣ-

верной Пчелѣ» и «Литературной Газетѣ» (*).

Не наше дѣло разсуждать объ «Отеч. Запискахъ»: судъ надъ ними принадлежитъ публикѣ, и она давно уже произнесла его и словомъ и дѣломъ. Что касается до «Библиотѣки для Чтенія», мы

(*) Нельзя не сдѣлать, хотя въ выноскѣ, исключенія въ пользу двухъ прекуррѣнныхъ петербургскихъ изданій — *Сына Отечества* и *Листка для Сельскихъ Людей*. Первый давно уже прославился своимъ злоупотребленіемъ на пути къ совершенствованію. Онъ нѣсколько разъ мѣнялся въ форматъ и планъ изданія, нѣсколько разъ чаша движенія живой воды то отъ той, то отъ другой редакціи, къ которымъ безпрестанно переходилъ; но истощеніе жизненныхъ силъ въ немъ было такъ велико, что всѣ попытки на продолженіе его жизни остались совершенно-безуспѣшными. Послѣдній его редакторъ уже два раза передъ всякимъ новымъ годомъ, въ подробной и обстоятельно-составленной программѣ, утѣрялъ публику, что онъ до-дастъ ей недостающіе *№№* Сына Отечества за прошлый годъ, а въ будущемъ будетъ выдавать его книжки безъ замедленія и своевременно. Въ прошломъ 1844 году, опытный и извѣстный своимъ блестящими дарованіями редакторъ *Сына Отечества* снова рѣшился «подвергнуть» свой журналъ коренной реформѣ. Обстоятельная и пріятнымъ слогомъ написанная программа, еще въ концѣ 1843 года, вслѣдъ за программой «Литературной Газеты», извѣстила весь читающій міръ, что *Сынъ Отечества* съ будущаго года превращается въ недѣльное изданіе, въ родѣ газеты съ политическими. Чтобы реформа была радикальнѣе, а слѣдовательно, и успѣшнѣе, преобразованный журналъ установилъ для себя новую эру и рѣшился считать свой «новый годъ съ 1-го марта». Особенно-замѣчательны слѣдующія строки программы: «Фамильные дѣла, «оставшіяся на почетеніи редактора по «смерти отца его, не допускали (кому?) «обратить полное вниманіе преимущественно на журнальную работу, — и это «было единственною причиною несвоевременнаго выхода книжекъ журнала.» Замѣчательны также и эти строки въ программѣ: «Точность выхода въ напечатан-

новыми фактами. Въ прошломъ году, въ «Библиотекѣ для Чтенія» было помѣщено нѣсколько весьма-забавныхъ и острыхъ рецензій; но лучше всего была библиографическая статья о книгѣ москвитяка профессора, г. Погодина — «Годъ въ Чухняхъ Крайхъ»; на русскомъ языкѣ не часто случается читать такіа умныя и острые статьи. Но въ томъ же прошломъ году была напечатана въ «Интературной Лѣтописи» «Библиотеки для Чтенія» рецензія четвертой части откаторской Лермонтова, рецензія, которая... по судате сама о ея умѣ и остротѣ по этому началу:

«О трижды, четырежды счастливая провинція! ты еще читаешь стихи! ты будешь читать эти стихи!... Петербургъ... шра, ле ле ле — ле ле ле!...

Ахъ, ты бока то етодо, то спити!...

Garcial Viardol Viardol... ol... брикконна!... бриккончелла!... Что ты сдѣлала изъ этого степеннаго, гордаго, молчаливаго Петербурга? Кто узнать нехъд!», И ш. д.

Мы думаемъ, что этою вышескою достарочно напомнили всей русской публикѣ объ этой знаменитой рецензіи, которая, вѣроятно, очень удивила ее, и потому дальне выписывать не нужно. Кромѣ страннаго тона статьи — конечно, забавной, только на ея же собственной счетъ (*), — книжка сти-

хотвореній такого поэта, какъ Лермонтова, книжка, въ которой, правда, нѣсколько пьесъ слабыхъ, но въ которой помѣщены и такіа пьесы, какъ *Тамара*, *Выбаву одино я на дороу*, *Умств*, *Морскія Паруса*, *Пророки* и проч. — эта книжка поставлена рецензіею въ число самыхъ пустыхъ и ничтожныхъ литературныхъ явленій.

Такии отзывами «Библиотекѣ для Чтенія» уже не въ первый разъ удивлять читающій миръ: кому неавѣстно, что этотъ журналъ постоянно бранитъ Тогола и, какъ-будто въ досаду ему, хвалитъ даже романы г. Воскресенскаго? Кому не вѣстно, какъ превозносила «Библиотека для Чтенія» *Сенсации* г-жи Курдюковой? — и вотъ что теперь говоритъ она о нихъ, въ своей послѣдней книжкѣ за прошлый годъ: «Покойный Мятловъ написалъ очень умную шутку, которая едвуко нехъдо была въ «Большой» модѣ. Кто не читалъ этихъ безцѣнныхъ *Сенсаций* мадамъ Курдюковой, въ Россіи: а данъ г-отравже? Кто не повторалъ ихъ, кто не забылъ?», Подобныя выходы, однакожъ, многихъ и теперь удивляютъ. Что касается до насъ; — мы прежде думали въ нихъ видѣть невольныя ошибки въ слѣдствіе недостатка эстетическаго вкуса и эстетическаго образованія. Дѣйствительно, нельзя сказать, чтобъ въ области изящнаго «Библиотека для Чтенія» была у себя дома; но тѣмъ не менѣе, нельзя и отрицать, чтобъ этотъ журналъ, столь смелый, не зналъ цѣны сочиненіямъ Гоголя, которая ему бранитъ, или цѣны сочиненіямъ гг. Загоскина и Воскресенскаго, которые

(*) Замѣчательно, что одна газета, предъимъ соизвѣстна *Библиотекѣ для Чтенія*, очень дѣльно подала свой голосъ объ этой рецензіи. Вотъ что, между прочимъ, сказала эта газета: «Любопытныя слухи, что скажутъ нѣкоторые, прочитавъ эту критику. Намъ, издѣвникамъ «Воробьямъ, Забоямъ и всѣмъ нѣмцамъ, теперь бурбаны, Волеры, шикъ это: ш сѣншанк, не забавно. *Титуды*, *шесшис*, *андшис*, *алелалы*, шра ле, ле, ле, ле, ле!» Кого это разсѣивага, или позабавить «Библиотека для Чтенія», говоритъ, что «Петербургъ только молча, ничего не читаетъ. И послѣ-умно дѣлать, етодо»

«Поетъ вместо того, чтобъ читать ш-туды, шесшис, и адшанк, нѣмцамъ. Довко и шесшис! Но подѣвнать грамматическую ошибку въ рецензіи «Библиотекѣ для Чтенія», газета, о которой мы говоримъ, расфотковала, въ томъ шесшис, и шесшис, что это замѣчательно болѣе: *Однокъ Властны*, *Лонки*... Ужъ шесшис не остро!»

онъ хвалить. Нѣтъ, «Библиотека для Чтенія» не теперь только повала, что такое «Сенсаціи»: она очень-хорошо повала ихъ и тогда, когда въ первый разъ собралась превознести ихъ. Что же это значить? — Прихоть, страсть шутить. Надъ тѣмъ, надъ чѣмъ? — Ну, да хоть надъ тѣми людьми, которые эти шутки принимаютъ не за шутки. Цвѣтущее время «Библиотеки для Чтенія» давно уже прошло — и возвратно; кругъ ее читателей значительно сжался; но онъ и теперь еще не малъ: значить, есть люди, которымъ нуженъ журналъ съ такимъ направлеиіемъ. И почему же «Библиотека» не удовлетворять потребности цѣлой части русской публики?

«Москвитиннѣ» имѣетъ весьма-тѣсный кругъ читателей; но этотъ кругъ, какъ ни малъ, все-же существуетъ: почему же не существовать и «Москвитиннѣ»? Больше мы ничего не можемъ сказать объ этомъ журналѣ, хотя и желали бы сказать больше. Его издатель много писалъ о томъ, что бы можно было и что бы должно было дѣлать для русской исторіи; онъ писалъ трагедіи въ стихахъ и повѣсти въ прозѣ, — стало-быть, онъ и поэтъ; онъ переложилъ на русскіе нравы гётева *Генца фон-Берангима*; онъ провелъ годъ въ чужихъ краяхъ, — и подарилъ публику восхитительнѣйшимъ описаніемъ своего путешествія; онъ... Но это перечтеть все, чѣмъ знаменито и славно имя г. Погодина въ летописяхъ русской науки, литературы, журналистики и поэзіи... Сотрудники «Москвитинна» тоже все прѣзвѣщательные таланты, уже много сдѣлавшіе, подобно гг. Шевыреву, М. Дмитріеву и Лихонину, и много-общающіе въ будущемъ, подобно гг. Милькову, Студинскому, Иванчину-Писареву и господжамъ Эражевской и Шаховой. Статьи, помещаемыя въ этомъ журналѣ, должны быть очень-интересны и хорошо-написаны, — и если до-сихъ-поръ въ этомъ еще никто не согласился, кромѣ сотрудничковъ и вкладчиковъ самого журнала, — такъ это потому, вѣроятно,

что направлеиіе и духъ журнала слишкомъ-исключительны. Кто считаетъ себя только Русскимъ, не заботясь о своихъ славянскихъ, тотъ въ статьяхъ «Москвитинна» заблудится, словно въ одной изъ тѣхъ темныхъ дубравъ, гдѣ воздвигались деревянныя храмы Перуну и обитали мелкія славянскія божества — кикиморы и лѣшіе. Надо быть истиннымъ Славяниномъ, чтобы находить въ статьяхъ «Москвитинна» талантъ, званіе, убѣжденіе, интересъ, ясность, и проч. Но, увы! мы не богѣе, какъ Русскіе, а не Словене; мы граждане Россійской-Имперіи, мы и душою и тѣломъ въ интересахъ нашего времени, и желаемъ не возвратата aux temps primitifs; а естественнаго хода впередъ, путемъ просвѣщенія и цивилизаціи. Это обстоятельство совершенно лишаетъ насъ возможности понимать «Москвитинна». Думаемъ, что это — прекрасный журналъ (потому-что какіе люди, какіе таланты въ немъ участвуютъ!..); но чѣмъ и какъ онъ прекрасенъ, — не можемъ сказать, при всемъ нашемъ желаніи...

Лучшая русская политическая газета теперь — «Ивалидъ». Онъ столько хорошъ, сколько можетъ быть хорошимъ при его средствахъ и условіяхъ. Политическія извѣстія въ немъ всегда полны и свѣжи. Фельетонъ его всегда занимателенъ и разнообразенъ, особенно фельетонъ, составленный изъ иностранныхъ новостей. И публика вполне оцѣнила превосходство этого изданія передъ всеми ему подобными: «Ивалидъ» теперь наиболѣе читаемая въ Россіи газета. — О «Сѣверной Пчелѣ» новаго сказать нечего: она все та же, какою была въ первый годъ своего существованія. Въ прошломъ году, въ ней была только одна перемѣна: ея фельетоны были необыкновенно-скупны и сухи. — Сдѣлаемъ еще одну замѣтку касательно «Пчелы»: забота о чистотѣ *отечественнаго* (?) языка и вопль о его искаженіи всеми журналами и газетами, кромѣ «Сѣверной Пчелы», составили, въ продолженіи прошлаго года, все направлеиіе, весь духъ этой газеты. Объявленіе о своемъ продолженіи

комъ. Г. Сапожниковъ рисовалъ свои, исполненныя смысла, живяи и оригинальности картинки по прихотямъ своей художественной фантазіи; г. Луганскому предстоялъ трудъ угадать поэтический смыслъ этихъ картинокъ и написать къ нимъ текстъ, словно либретто къ готовой уже оперѣ; следовательно, это была нѣкоторымъ образомъ заказная работа. Но г. Луганскій болѣе, нежели ловко и удачно выпутался изъ затруднительнаго положенія: изъ его текста къ картинкамъ вышла оригинальная повѣсть, которая прекрасна и безъ картинокъ, хотя при нихъ и еще лучше. Правда, нѣкоторыя мѣста отзываются *задачею*, но въ общемъ этого почти незаметно. Жизнь петербургскихъ Пѣшцевъ, многія черты вообще петербургской жизни и вообще русской жизни, вѣрно подмѣченныя, удачно схваченныя, множество фигуръ, искусно обрисованныхъ — отъ добраго подъячяго Пвана Ивановича до домашнего извозчика, перевозящаго политикъ Виольдамура, отъ сводки *З. Видора* до ваян Акулины и хозяйки квартиры на Пескахъ, отъ самого Виольдамура до его вѣрнаго Аршета, — все это такъ занимательно, такъ полно жизни и истинно, что отъ труда г. Луганскаго нельзя оторваться, не дочитавъ его до послѣдней строки. И еще лучше повѣсть г. Луганскаго... но о ней послѣ — сперва пересмотримъ, что еще есть хорошаго въ . Б. для Ч. . Очень-занимателенъ романъ г. Кукольника: *Два Пвана, два Степановича, два Костылькова*, помѣщенный въ 5, 6, 7 и 8 книжкахъ *Библиотеки*. Содержание романа относится къ эпохѣ Петра-Великаго. Есть, однакожь, въ этомъ романѣ *неземная дѣла*, созданіе поэтическое и приторное всячески — и какъ поэтическое произведение, и какъ невозможное для того времени лицо; вообще, все сцены любви, все страстное и нѣжное какъ-то сбивается у г. Кукольника на сантиментальное. Герой романа весь составленъ изъ невозможностей и противорѣчій. То, подобно Испанцу, онъ стремится выполнить

влюбленнаго пастуха; то по своей собственной склонности играетъ роль полицейскаго шпиона. Много натурантаго, неестественнаго; часто событія разрешаются преедствомъ *deus ex machina*. Причина этихъ недостатковъ скрывается сколько въ самомъ талантѣ г. Кукольника, столько и въ поспѣшности, съ которою онъ писалъ свой романъ. Не смотря на то, въ этомъ романѣ очень много хорошаго: въ дѣйствующихъ лицахъ часто замѣтна не только вѣрность языка, но и вѣрность понятій той эпохи. Есть мѣста мастерскія. И хотя мѣстами романъ очень-утомителенъ, однако его нельзя не дочесть до конца. Можно еще упомянуть о разсказѣ г. Гребенки: *Быль не быль, и не сказка*. Изъ переводныхъ повѣстей въ *Библиотеку* скажемъ, во-первыхъ, о *Сесилъ*, романѣ г-жи Ганъ-Ганъ, которую называютъ нѣмецкимъ Жоржемъ Зандомъ. Романъ не то, чтобъ длохъ, не то, чтобъ хорошъ, — отзывается посредственностью, а потому хуже, чѣмъ плохъ. Очень удивилъ насъ романъ Алексиса: *Кубанскіе*: первая часть его, представляющая картину воспитанія и семейныхъ нравовъ Германіи XVIII вѣка, чрезвычайно интересна, но оставшаяся часть набита такою безтолковою и пошлою пугачицею романическихъ эффектовъ, что не знаешь, чему больше дивиться — дерзости ли сочинителя, написать такой длинный вздоръ, или рѣшимости журнала — передать его на своихъ страницахъ. Въ видѣ прибавленія, при *Библиотеку* выдается по частямъ переводъ *Валчаго Дюда* Эжена Сю. Переводъ слабъ. Что до романа, — основа его неглупа, но подробности большею частію очень-важныя; въ разсказѣ много жара и движенія, но много сантиментальности и надутой пошлости. Главный интересъ этого романа для Французовъ заключается въ нападахъ на іезуитовъ. Впрочемъ, съ этой стороны, романъ Эжена Сю интересенъ не для однихъ Французовъ. Въ послѣднихъ двухъ книжкахъ . Б. для Ч. . началъ

безкопечный романъ: *Лондонскія Тайны*, наполненный такими приключеніями, какихъ не бываетъ ни на землѣ, ни на лунѣ. *Лондонскія Тайны* повторяютъ собою всё недостатки *Парижскихъ Тайнъ*, не представляя ни одного изъ достоинствъ послѣдняго романа. Впрочемъ, и *Лондонскія Тайны* не то, чтобъ имѣли какой-нибудь интересъ, но раздражаютъ любопытство читателя, дѣйствуя не столько на его умъ, сколько на нервы: это интересъ чисто-паркопическій, потому романъ долженъ поврваться многимъ.

Въ «Отеч. Запискахъ» прошлаго года изъ оригинальныхъ беллетристическихъ произведеній были напечатаны: *Барышня*, разсказъ г. Панаева, одинъ изъ самыхъ мѣткихъ, самыхъ удачныхъ юмористическихъ очерковъ этого писателя; *Живой Мертвецъ* — одна изъ лучшихъ юмористическихъ статей князя Одоевскаго: она потомъ вошла въ составъ изданныхъ въ прошломъ же году «Сочиненій князя Одоевскаго»; *Докторъ*, г. Гребеня — не столько повѣсть, сколько правоописательный очеркъ, заключающій много хорошаго въ подробностяхъ. *Сцены Уѣздной Жизни*, г. Н* обнаруживаютъ большое знаніе уѣздной жизни, много наблюдательности и таланта, хотя и отвываются литературною неопытностью. Отъ автора, скрывающагося подъ таинственною литерою Н*, много можно ожидать въ будущемъ. *Андрей Кдолосовъ*, г. Т. Д. — разсказъ, чрезвычайно замѣчательный по прекрасной мысли: авторъ обнаружилъ въ немъ много ума и таланта, а вмѣстѣ съ тѣмъ и показалъ, что ояъ не хотѣлъ сдѣлать и половины того, что бы могъ сдѣлать: отъ-того и вышелъ хорошенькій разсказъ тамъ, гдѣ бы слѣдовало выйти прекрасной повѣсти. — Лучшими повѣстями въ «Отеч. Запискахъ» прошлаго года были: *Колбасники и Бородачи*, г. Лугавскаго, и *Послѣдній Визитъ* г. А. Нестроева. *Колбасники и Бородачи* — рѣшительно лучшее произведеніе г. Лугавскаго. Не смотря на

этой повѣсти, въ ней есть подробности истинно-художественныя, есть черты купеческаго быта, схваченныя съ изумительною вѣрностью: такова сцена сватанья, гдѣ отецъ перебиваетъ у сына невесту. Даже слишкомъ-явно-внѣшняя цѣль повѣсти нисколько не вредитъ ея достоинству: авторъ умѣлъ возвысить ее до мысли и, черезъ мысль, слить ее съ поэтическою стороною своего произведенія. Какъ *Колбасники* и *Бородачи* были лучшею, въ продолженіи прошлаго года, повѣстью въ юмористическомъ родѣ, такъ *Послѣдній Визитъ* — едва-ли не лучшая русская повѣсть въ патетическомъ родѣ. Да, публика еще въ первый разъ прочла на русскомъ языкѣ повѣсть, въ которой страсть понята такъ глубоко и вѣрно, изображена такъ просто и сильно. Дѣйствующія лица очень-обыкновенны, а потому и истинны; завязка проста до того, что ея нельзя и пересказать иначе, какъ подлинными словами автора, — а между-тѣмъ, тутъ заключена страшная, потрясающая душу драма. Въ первый еще разъ страсть нашла себѣ голосъ и выраженіе въ русской повѣсти... Чтобъ не принала нашихъ словъ за преувеличеніе, скажемъ въ поясненіе, что были и прежде русскія повѣсти, въ которыхъ слышался голосъ страсти, какъ, на-пр. въ *Тарасъ Бульбъ* Гоголя, именно въ сценахъ любви Андрія и прекрасной Полячки: но тутъ положеніе исключительно, среди дѣйствительности страшно-поэтической, а въ *Послѣднемъ Визитѣ* страсть горитъ въ нѣдрахъ дѣйствительности современной, обыкновенной, прозаической, въ сердцахъ людей, по ихъ характерамъ и положенію въ обществѣ вовсе-неисключительнымъ, — и эта страсть не изливается бурными потоками исполненныхъ лирическаго паѳоса рѣчей, а высказывается драматически, горитъ и пышетъ въ самыхъ простыхъ словахъ. Характеры этой повѣсти задуманы и выполнены очень-вѣрно: только характеръ героини не-любимъ дочерней; за то, харак-

характеръ мужа, отдѣланы съ удивительною опредѣленностью. По въ этомъ произведеніи, къ сожалѣнію, есть недостатокъ, который тѣмъ рѣче и тѣмъ неприятѣе, чѣмъ прекраснѣе вся повѣсть: ея конецъ слабѣе начала и середины. Мы даже думаемъ, что выстрѣла, который дошелъ до ушей героини, было совсѣмъ излишнее, равно какъ и самой дуэли: развязка могла бы быть проще, и тѣмъ поразительнѣе. Помѣшательство героини повѣсти тоже немного сбивается на эффектъ: достаточно было бы, вмѣсто помѣшательства, — просто апатическаго равнодушія: для благоразумнаго Григорія Павловича это было бы не легче сумасшествія жены... Кстати скажемъ, что авторъ этой повѣсти уже не въ первый разъ является на литературномъ поприщѣ и не въ первый разъ обращаетъ на себя вниманіе любителей маляваго: *Зельда*, *Цыганъ* и другія повѣсти въ «Отеч. Запискахъ», означенныя подписью *А. Н.*, принадлежатъ ему. Но съ *Последняго Визита*, для него, кажется, настала эпоха новаго, болѣе глубокаго и истиннаго творчества: въ прежнихъ своихъ повѣстахъ, онъ изображалъ и характеры и положенія какіе-то исключительныя и необыкновенныя; въ послѣдней своей повѣсти, онъ смѣло вошелъ въ глубину простой, ежедневной дѣйствительности и умѣлъ въ ея пошлости и прозѣ найти страсть, слѣдовательно, и поэзію. Отъ души желаемъ, чтобъ этотъ прекрасный талантъ никогда болѣе не сходилъ съ этой новой для него дороги, но все шедъ по ней впередъ и впередъ: онъ можетъ уйдти далеко...

Изъ переводныхъ статей, въ «Отеч. Запискахъ» за прошлый годъ были помѣщены: *Домашній Секретарь*, романъ Жюль Занда; *Крикъ Царевъ* по провансу; *Цинноберъ*, повѣсть Гомина; *Занъ*, *маленькое*, повѣсть Шарля Бернара; *Жакъ*, романъ Жюль Занда; *Жизнь и Приключенія Мартина Чодальвита*; новый романъ Чарльса Диккинса. О достоинствѣ романовъ Жюль Занда нечего распространять

ся: они сами по себѣ гораздо лучше, нежели кто-либо могъ быговорить о нихъ. — *Жизнь и приключенія Мартина Чодальвита* — едва-ли не лучший романъ даровитаго Диккинса. Это полная картина современной Англій, со стороны нравовъ, и вмѣстѣ яркая, хотя, можетъ-быть, и односторонняя картина общества Сѣверо-Американскихъ Штатовъ. Чтò за неистощимое изобрѣтеніе, чтò за разнообразіе характеровъ, такъ глубоко-задуманныхъ, такъ вѣрно очерченныхъ! Чтò за юморъ! чтò за слогъ! (*) Прочитавъ въ прошломъ году *Ласку Дрепостей*, мы думали, что приходитъ время навсегда проститься съ огромнымъ талантомъ Диккинса; но послѣдній его романъ доказалъ, что талантъ автора — Николая Никльби и Барнеби Роджа — только вздремнулъ на время, чтобы проснуться еще свѣжѣе и могучѣе прежняго. Въ *Мартинъ Чодальвита* замѣтна необыкновенная зрѣлость таланта автора; правда, развязка этого романа отзывается общими мѣстами; но такова развязка у всѣхъ романовъ Диккинса: вѣдь Диккинсъ — Англичанинъ...

Между немногими стихотвореніями, печатавшимися въ нашихъ прошлогоднихъ журналахъ, въ нѣкоторыхъ промелькнували искорки то поэзіи безъ мысли, то мысли безъ поэзіи, то что-то какъ-будто похожее и на мысль и на поэзію вмѣстѣ. Мы разумѣемъ здѣсь стихотворенія гг. Майкова, Фета, Т. Л., Огарева, Крешева, Пловскаго. Но кромѣ двухъ вновь-открытыхъ стихотвореній Лермонтова: *Пророкъ* и *Свидѣніе* (напечатанныхъ въ первый разъ во второй книжкѣ «Отеч. Записокъ»), выдѣлось изъ ряда другихъ только стихотвореніе г. Фета: *Колыбельная пѣсня* (1-я книжка «Отеч. Записокъ»).

(*) Справедливость требуетъ замѣтить, что переводъ этого романа Диккинса не принадлежитъ къ числу обыкновенныхъ, на-скорую-руку дѣлаемыхъ журнальныхъ переводовъ.

Изъ переводныхъ стихотвореній, замѣчательнѣе всего, по-обыкновенію, были переводы г. Струговщикова изъ Гёте. Къ числу замѣчательныхъ явленій этого рода принадлежить отрывокъ изъ Фауста, переведенный г. Т. Л. (6-я книжка «Отеч. Записокъ»). Какъ объ опытѣ, заслуживающемъ вниманія, должно упомянуть о переводѣ г. Яхонтова *Торквато Тассо*, драмы Гёте (8-я книжка «Отеч. Записокъ»).

Очень любопытны напечатанныя въ «Б. для Ч.» (3-я книжка) неведанныя стихотворенія Державина и Фоввизина.

Изъ статей ученаго содержанія, замѣчательны, въ «Б. для Ч.»: *Историческое обозрѣніе открытій золота въ старомъ и новомъ свѣтѣ; послѣднія путешествія Французовъ; Арнаутъ; Ясы и Молдавія* (автора Странствователя по сушѣ имoriaтъ); *Кардиналь Ришелье; Финансы и государственныя кредиты въ Австріи и Пруссіи; Германскій таможенный Союзъ*. Въ «Б. для Ч.» съ нѣкотораго времени появлялась критика, состоящая не изъ однихъ выписокъ изъ разбираемой книги, иногда даже вовсе безъ этихъ выписокъ; но такая перемена нисколько не улучшила этого отдѣла журнала, а только сдѣлала его еще менѣе замѣчательнымъ. Замѣчательна въ «Б. для Ч.» одна критическая статья, и то только тѣмъ, что она—переводъ съ нѣмецкой брошюры: *Schiller's Leben von Dönging*, переводъ, разведенный водою мыслей переводчика и выданный въ оригинальномъ сочиненіи. Это—статья о «Вильгельмѣ Теллѣ», переведенномъ г. Миллеромъ, и кстати о Шиллерѣ. Оригинальнаго, въ Россіи сонниченнаго, въ ней только одна мысль, за то удивительная, если не чудовищная. Мысль эта состоитъ въ томъ, что хотя Пушкинъ и выше Жуковского, какъ поэтъ и мыслитель; однако—никогда творенія Пушкина не приобрѣтали и не приобретутъ той любви, которую возбуждали и всегда будутъ возбуж-

дать творенія Жуковского» (2-я книжка). Эта мысль, или шутка, или мистификація, можетъ имѣть достоинство неоспоримой истины, если герпрочность навыворотъ, и понять вообще...

Въ «Отеч. Запискахъ» изъ статей ученаго содержанія вѣроятно замѣчательны читателями: *Извѣстия;—Гродовикъ XV и его стѣны;—Записки русскаго морскаго офицера во время путешествія одкружъ свѣта въ 1840, 1841 и 1842 годахъ; г. Бутакова (двѣ отдѣльныя статьи: одна въ третей, другая въ сельской книжкѣ);—О ходѣ искусствъ у древнихъ народовъ и объ ихъ развитіи и сокращеніи на мѣстностихъ древнихъ искусствъ, Н. Я. Кроненберга (бывшаго профессора Харьковскаго Университета);—Повѣдка черезъ Буэнос-Айресскія Пампы, г. Чичачева;—Байкалы, г. Щукина;—Августъ-Людвигъ Штёттеръ—жизнь и труды его, г. Головачева;—Реформація;—Онародности медицины;—Е. А. Боратынскій.* Въ отдѣлѣ Критики, кромѣ разборовъ собственно къ изящной литературѣ относящихся книгъ, разборовъ, выражающихъ живѣе редакція, въ «Отеч. Запискахъ» были напечатаны разборы, писанные сторонними лицами: *о Филологическихъ наблюденіяхъ г. Паскаля надъ составомъ русскаго языка; г. Надеждина (двѣ статьи, впрочемъ еще неакзочающія въ себѣ конца критики), разборъ книгъ: Гальванизмъ въ техническихъ приложеніяхъ, для любителей природы и искусствъ и для техническихъ употребленій, соч. К. Ф. и Пильне изложеніе итальянскихъ пластикъ, гальванической позолоты и серебрѣнія, соч. А. Т.;—Пльнскій курсъ геологическихъ наукъ, соч. Эдуарда Зихвальда.*

Русскихъ книгъ теперь выходитъ годъ-отъ-году меньше, а въ то, число дурныхъ уже не находится въ чудовищной пропорціи къ числу хорошихъ. Особенно много выходитъ хорошихъ книгъ, спеціального содержанія; —верѣдки и хороше учебника. Все это гораздо лучше, нежели, многая худшая книга преимущественно безлестности-

чекшию содержанія, которыя прежде изводили собою русскую литературу, или, лучше сказать, подвалы книжных лавокъ. Назовемъ и некоторые изъ вышедшихъ въ прошломъ году книгъ, особенно замѣчательныхъ важностию содержанія: *Остромирово Евангеліе*, изд. г. Востоковымъ; *Выходы Царей Михаила Феодоровича и Алексія Михайловича*, изд. г. Строевымъ; *Семена Порошина Записки, служащія къ исторіи Великому Князю Павлу Петровичу*; *Описаніе первой войны Императора Александра съ Наполеономъ въ 1805 году*, соч. Михайловскаго - Данилевскаго; *Основная начала русскаго судопроизводства*, диссертация г. Кавелина; *Повѣдка въ Якутскѣ*, г. Щукина; *Повѣдка въ Забайкальскій Край*; *Правила, мысли и мнѣнія Наполеона о военной наукѣ, военной исторіи и военномъ дѣлѣ*, собранныя Кауслеромъ, переведенныя г. Леонтьевымъ; *Политическая и военная жизнь Наполеона*, соч. Жювним; *Исторія военныхъ дѣйствій въ Азіатской Турціи*; *Описаніе турецкой войны въ 1828—1829 годахъ*, г. Лукьяновича и друг. Обо всѣхъ этихъ и другихъ, не упомянутыхъ здѣсь, книгахъ, Библиографическая Хроника - Отеч. Записокъ - постоянно и своевременно отдавала отчетъ публикѣ. Въ прошломъ году, воздвигло начало и теперь продолжается усѣбно монументальное изданіе литографическихъ снимковъ съ картинъ Императорской Эрмитажской Галереи, предпринятое французскими художниками гг. Годе-Дезонтевомъ и Полемъ Петя.

Если мы вообще насчитали не слишкомъ много замѣчательныхъ явленій въ русской литературѣ 1844 года, можетъ-быть, еще меньше, чѣмъ въ литературѣ 1843 года, — не должно видѣть въ этомъ только доказательство все болѣе и болѣе бѣдности русской литературы. Бѣдность, дѣйствительно, страшная, но въ ней есть своя хорошая, скажемъ больше — своя прекрасная сторона. Теперь пи-

шутъ мало, потому что публика стала разборчивѣе и изыскательнѣе: стало-быть писать сдѣлалось труднѣе и для талантовъ, а для посредственности просто невозможно. Потерявъ въ числительномъ богатствѣ, наша литература много выиграла въ духѣ и направленіи. Немного было хорошихъ повѣстей въ прошломъ году, но выберите самую слабую изъ всѣхъ упомянутыхъ нами въ этомъ обзорѣ, и сравните ее съ повѣстями Марлинскаго, гг. Полеваго, Погодина, Загоскина и другихъ, — и вы увидите, какъ богата нищета современной русской литературы въ сравненіи съ ея нищенскими богатствами прежняго времени. Теперь, слава Богу! переводятся поколѣвіе такъ-называемыхъ безкорыстныхъ любителей литературы для литературы: теперь читаютъ *корыстно*, т. е. хотятъ видѣть въ книгѣ не средство къ пріятному препровожденію времени, а мысль, направленіе, мнѣніе, истину, выраженіе дѣйствительности. Литературное достоинство теперь уже не искувить недостатка мысли, и поэтическая мишура таланта никому не дастъ славы. Фраза потеряла свое очарованіе: ее сейчасъ разложить на слова, чтобъ добиться, что за смыслъ скрывается она въ себѣ; въ риторикѣ теперь упражняются только старые писатели, которые повыписались или совсѣмъ исписались. Метроманы тоже выводятся; стихотвореніе, даже очень-недурное, уже перестало быть явленіемъ великой важности: восхищаются одними превосходными стихотвореніями. Все это составляетъ характеръ послѣдняго періода нашей литературы, которому тонъ и направленіе дали Гоголь и Лермонтовъ. Многие жаждутъ на журналы, особенно на толстые, приписывая имъ малочисленность книгъ. Но развѣ не все равно — въ отдѣльной книгѣ или въ журналѣ прочесть хорошее сочиненіе? Правда, теперешніе журналы слишкомъ - энциклопедичны, слишкомъ-разнообразны; но это не ихъ вина, а дѣло необходи-

ности. Чтобъ журналъ былъ читаемъ, не гонясь за разнообразіемъ содержанія,—нужно, чтобъ онъ выигралъ милькіаме: а вѣдь къ чему болѣе выразиться мнѣнію, если не въ литературѣ? Литература — предметъ, конечно, интересный, но совсѣмъ не

интересный; притомъ же, теперь, какъ мы это уже говорили, прошелъ вѣкъ *литературищины*, и въ литературѣ всѣ хотятъ видѣть больше разнообразія... И такъ, будемъ толковать о литературѣ и читать толстые журналы.

VI.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКАЯ ХРОНИКА.

РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА.

Д Е К А Б Р Ъ 1844 г.

1) Фаустъ, трагедія, соч. Гёте. Переводъ первой и изложение второй части. М. Вронченко. 1844. Въ привилегированной типографіи Фишера. Санктпетербургъ. Въ 8-ю д. л. 47 и 432 стр.

Самымъ отраднымъ и утѣшительнымъ фактомъ русской литературы прошлаго года былъ, безъ сомнѣнія, безкорыстный и огромный трудъ г. Вронченко, переводъ главнѣйшаго сочиненія Гёте—*Фауста*. Этотъ, можно сказать, подвигъ нашего почтеннаго литератора, уже усвоившаго русскую литературу не одно знаменитое европейское произведеніе, лучше всего доказываетъ, что любовь и страсть къ искусству могутъ существовать во всякое время, и что на небрежныя души не имѣетъ никакого вліянія общее меркантильное, или мелочное направленіе литературы. Даровитый пере-

водчикъ *Гамлета*, *Макбета*, *Дядюшекъ* и *Манфреда* посвятилъ много времени и много труда переводу *Фауста*, а не какого-нибудь романа, которому суждено надѣлать большаго шума при своемъ появленіи, и быть забытымъ черезъ годъ. Не знаемъ, какъ оцѣнить нублика этотъ важный и добросовѣстный трудъ; что касается собственно до насъ, мы выскажемъ о немъ свое мнѣніе со всею искренностью, со всею уваженіемъ и къ труду и къ истинѣ, въ слѣдующей книжкѣ «Отеч. Записокъ». По времени своего выхода, *Фаустъ* въ переводѣ г. Вронченко принадлежитъ къ 1844 году; но какъ онъ вышелъ только въ концѣ этого года, то всѣ журналы, естественно, только въ нынѣшнемъ году могутъ высказаться на счетъ достоинства этого перевода, который, слѣдовательно, по

времени толковъ и сужденіи о немъ, будетъ принадлежать къ литературнымъ явленіямъ наступившаго года. Пока замѣтимъ, что переводъ г. Вронченка можно разсматривать съ двухъ сторонъ: по отношенію между свойствомъ таланта переводчика и сочиненіемъ, которое онъ перевелъ, и по отношенію къ возрѣнію переводчика на переведенное имъ твореніе. Доселѣ, г. Вронченко переводилъ сочиненія совершенно въ другомъ духѣ, нежели *Фаустъ*; самый *Манфредъ* Байрона, можетъ быть, навѣянный чтеніемъ *Фауста*, существенно отъ него развится. *Фаустъ*—произведеніе по преимуществу романтическое и нѣмецкое: для людей, которыхъ складъ ума исключительно практической, оно почти недоступно; они поймутъ не только *Макбета*, но и *Гамлета*, а *Фаустъ* все-таки будетъ для нихъ страненъ. И потому, очень-естественъ вопросъ: по роду и направленію своего таланта, могъ ли г. Вронченко съ полнымъ успѣхомъ воспроизвести на русскомъ языкѣ туманное созданіе Гёте? Этотъ вопросъ можно рѣшить разсмотрѣніемъ того, какъ смотритъ г. Вронченко на *Фауста*. Последнее тѣмъ легче сдѣлать, что въ особой статьѣ, приложенной къ переводу и названной: *Обзоръ обличь частей Фауста*, г. Вронченко подробно и утвердительно высказалъ свое возрѣніе на это твореніе Гёте. Въ отношеніи къ этому возрѣнію и вліянію, какое имѣло оно на качество перевода, намъ придется сильно поспорить съ даровитымъ переводчикомъ...

Изданіе «*Фауста*» во всѣхъ отношеніяхъ прекрасно.

2) ПРАВИЛА ВЫСШАГО КРАСНОРѢЧІЯ. Сочиненіе Михаила Сперанскаго. Санктпетербургъ. Въ тип. Второю Отдѣл. Собств. Е. И. В. Канцелярій. 1844. Въ 8-ю д. л. 216 и 8 стр.

3) О ПОДРАЖАНІИ ХРИСТУ, четмре книгъ Фомы Кемпійскаго, переведенныя съ латинскаго языка графомъ М. М.

Сперанскимъ. Изданіе четвертое, дополненное противъ третьяго изданія избранными мѣстами изъ другихъ теоретическихъ Фомы Кемпійскаго, переведенными также графомъ М. М. Сперанскимъ. Санктпетербургъ. Въ тип. Второю Отдѣл. Собств. Е. И. В. Канцелярій. 1845. Въ 16-ю д. л. XIII, XV и 495 стр.

Первое изъ этихъ произведеній особенно замѣчательно по имени его автора, столь славному въ исторіи русской администраціи и русскаго законодательства. «Правила Высшаго Краснорѣчія» важны еще и какъ доказательство, что сильный умъ сохраняетъ свою самостоятельность, даже и слѣдуя по избитой дорогѣ, и умѣетъ сказать что-нибудь дѣльное даже и о предметѣ, всѣми ложно-понимаемомъ въ его время. Книга графа Сперанскаго любопытна еще и какъ живой историческій памятникъ литературныхъ повятій и русскаго языка въ эпоху 1792 года. Это во многихъ отношеніяхъ историческое сочиненіе составлено изъ лекцій, которыя Сперанскій читалъ въ Санктпетербургской Духовной Академіи, тогдашъ послѣ того, какъ самъ кончилъ въ ней курсъ наукъ. Тогда ему было 24 годъ отъ рожденія, и, вѣроятно, еще онъ не предвидѣлъ другаго, болѣе блестящаго и важнаго поприща, на которое готовила его судьба.

Что касается до книги Фомы Кемпійскаго, — нечего распространяться въ похвалы ей: за нее говорить почти четыреста лѣтъ огромнаго и всемірнаго успѣха. На русскомъ языкѣ ея было восемь переводовъ (1647, 1681, 1764, 1780, 1784, 1790, 1816 годовъ); переводъ графа Сперанскаго былъ девятымъ, и въ первый разъ былъ изданъ въ 1819 году. Слѣдъ перевода болѣею частию сообразенъ съ духомъ оригинала, но уже слишкомъ отзывается слащавіею; впрочемъ, вѣдая тому двадцать-пять лѣтъ, никому бы и не пришло въ голову перевести иначе подобную книгу.

Недлиннымъ считаемъ выписать здѣсь нѣсколько строкъ изъ предисловія къ книгѣ Фомы Кемпійскаго, которая даетъ понятіе о личности этого замѣчательнаго человека:

«Въ числѣ благочестивыхъ сообществъ, въ XIV и XV вѣкѣ возникшихъ, особенно прославилось учрежденіе, извѣстное подъ названіемъ *Общественства Братій*, послѣдовавшихъ правилу блаженнаго Августина. Учредитель сего общества былъ Герардъ Гротъ, родомъ изъ Девентера, мужъ отличеннй знаніями и благочестіемъ. Оно установлено было въ XIV вѣкѣ, но утвердилось въ XV, и получивъ одобреніе Констанскаго собора, процвѣтало въ Голландіи, въ Нижней Германіи и странахъ ей смежныхъ. Люди, его составлявшіе, раздѣлялись на два класса, изъ коихъ къ первымъ были *братія ученые* (клерики), во вторыхъ *братія неученые*; сіи послѣдніе жили отдѣльно, но въ совершенномъ союзѣ братской любви съ первыми. Ученые братія принадлежали съ примѣрною рѣдностію къ наукамъ, къ обученію юности, къ сочиненію книгъ и къ заведенію училищъ. Неученые упражнялись въ разныхъ ремеслахъ и искусствахъ. Ни тѣ, ни другіе не обзаводили никакими имѣніями и слѣдовательно не были собственно монахами; но все у нихъ было общее, никто не имѣлъ собственности, а сіе составляло главную связь ихъ общества. Училища, основанныя сими братіями, приобрѣли въ XV вѣкѣ великую славу: изъ нихъ выходили въ послѣдствіи знаменитые преподаватели ученой словесности въ Германіи и Голландіи, каковы были Эразмъ Роттердамскій и другіе.

Въ одномъ изъ этихъ училищъ, и именно въ Виндесемѣ, въ округѣ Утрехтскомѣ, воспитанъ былъ *Фома Кемпійскій*. Онъ родился въ 1380 году отъ бѣдныхъ родителей, въ деревнѣ *Кемпи*, и принятъ былъ въ училище на общественное иждивеніе. По окончаніи наукъ, пожелавъ вступить въ общество ученыхъ братій, онъ былъ къ оному причисленъ и провелъ въ немъ всю жизнь свою. Онъ скончался на 92 году отъ рожденія, 25 іюня 1471 года.

Главнымъ его упражненіемъ было сочиненіе разныхъ книгъ, руководствующихъ къ благочестію и особенно ко внутренней жизни. Число всѣхъ его сочиненій, малыхъ и большихъ, простирается до 105. Въ еднѣ вообще изданій, приносятъ поль-

зу духовную, отличаются простотою, и полны внутреннимъ увлеченіемъ сердца, отъ коего они проистекали.

Но изъ всѣхъ его твореній превосходятейшія, безъ сомнѣнія, суть пресловутыя четыре книги о *Подражаніи Христу*.

Книги сіи написаны имъ были въ 1441 году, какъ то показываетъ собственноручная его надпись, на одной изъ его рукописей оставшаяся.

Сіе твореніе вскорѣ, и до введенія еще книгопечатанія, извѣстно стало во всей Европѣ. Несметное число списковъ съ него воздѣ разсѣялось. Всѣ желали имѣть *Подражаніе Христу*.

По введеніи книгопечатанія, въ числѣ первыхъ книгъ, тишенію преданныхъ, послѣ книгъ св. Писанія, является *Подражаніе Христу*, и съ того времени донынѣ, количество изданій было неисчислимо. Они переведены, или, лучше сказать, много разъ были переводимы не только на всѣ европейскіе, но и на восточныя языки.»

4) *Импровизаторъ*, или *Молодость и Мечты Итальянскаго Поэта*. Романъ датскаго писателя Андерсена. *Переводъ съ шведскаго. Дѣя части. Санктпетербургъ. Въ тип. военно-учебныхъ заведеній. 1844. Въ 8-ю д. л. 598 стр.*

Герой этого романа — презабавное лицо: восторженный Итальянецъ, пѣвистъ, поэтъ, любитъ женщинъ и страхъ-какъ боится, чтобъ которая-нибудь не соблазнила его; человекъ съ слабымъ характеромъ, чувствуетъ позоръ вельможескаго покровительства, страдаетъ отъ него — и не имѣетъ силы освободиться изъ-подъ обязательнаго ярма. Съ нимъ что ни шагъ, то приключеніе. Онъ влюбляется въ трехъ женщинъ, но съ одною расходится по недоразумѣнію; другая любитъ его братски; на третьей онъ, наконецъ, женится, не смотря на свою боязнь, что Мадонна накажетъ его за избраніе свѣтской дороги жизни. Между многочисленными его приключеніями, много по-истинѣ чудесныхъ, естественность которыхъ въ-послѣдствіи объясняется какъ-то наглауго. Вообще, этотъ романъ не лишень занимательности, хо-

тя мѣстами и очень-скученъ, сколько по характеру героя, довольно-жалкому, столько и по утомительному однообразію своего содержанія вообще. Самая интересная сторона его—итальянская природа и итальянскіе нравы, очерченные не безъ таланта и не безъ увлекательности. Но какъ блѣдны и слабы эти очерки въ-сравненіи съ мастерскими картинами Италія, дышащими глубокою мыслию и могучею живію въ романахъ Жоржа Занда! При воспоминаніи о *Последней Альдини*, *Домашнемъ Секретарь*, *Маттеа*, *Метелль*, *Усколь* и *Консюэль*, становится какъ-то жалко блѣднаго Андерсена... Впрочемъ, здѣсь всякое сравненіе возможно только по отношенію къ странѣ, которую онъ избралъ сценою своего романа. Невѣроятно, чтобъ Андерсенъ могъ быть представителемъ поэтическаго гевія своего отечества, и чтобъ въ Давидъ, нѣмѣющей Эленшлегера, не было повтовъ гораздо-выше его. Можетъ-быть, даже, и этотъ романъ—далеко не лучшее произведеніе Андерсена. Во всякомъ случаѣ, этотъ невинный романъ можетъ съудовольствіемъ и пользою читаться молодыми дѣвущками и мальчиками, въ свободное отъ классныхъ занятій время. Переводъ *Импровизатора* очень-хорошъ.

5) Воспоминанія Слъпаго. Путешествіе вокругъ свѣта Жака Араго. Переводъ П. А. Корсакова и др. Изданіе В. Межевича и И. Песочкаго, украшенное пятидесятью картинками, рисованными и травированными въ Парижѣ. Томъ I. Санктпетербургъ. Въ тип. Эдуарда Праца. 1844. Въ 8-ю д. л. XII и 345 стр.

На русскомъ языкѣ еще не было путешествія вокругъ свѣта, которое бы съ дѣльностью содержанія соединяло такой, можно сказать, романическій интересъ. Во всѣхъ другихъ книгахъ такого рода, какъ, на-примѣръ, и въ книгѣ Дюмон-д'Юрвилля, много подробностей, или интересныхъ и понятныхъ исключительно для моряковъ,

или растянутыхъ и скучныхъ. Въ Воспоминаніяхъ Слъпаго все для всѣхъ, все дѣльно, исполнено любопытныхъ фактовъ, изложено живо и увлекательно. Въ Жакѣ Араго забывается ученая и видный человѣкъ. Прочитавъ его книгу, незамѣтно обогащаешься множествомъ любопытныхъ фактовъ, а между-тѣмъ, думаешь, что прочелъ какой-то прекрасный романъ, доставившій одно удовольствіе. Чтoby дать понятіе о способѣ его изложенія, вотъ нѣсколько небольшихъ отрывковъ, которые знакомятъ съ нравами счастливой Бразиліи, — этого, въ отношеніи къ природѣ, рай земли:

«По выходѣ отъ Г. Марцеллино-Гонзалъеса, я отправился къ Г. Р***: дѣй его дочки, премилыя дѣвочки, въ полулежащемъ положеніи на красивой китайской рогожкѣ, упражнялись въ довольно-миломъ занятіи: хлестали биткомъ нагаго невольника, запретивъ ему пошевельнуться. Щоки и бедра этого бѣднака были всѣ истерзаны и окровавлены, а онъ не смѣлъ произнести ни одного болѣзненного крика. Я готовился высказать этия мильмы особамъ все презрѣніе и ужасъ, которые внушало мнѣ поведение ихъ, какъ вдругъ вошедшій отецъ принялся журить ихъ довольно-строго, прося меня извинить ихъ оптическую шалость: такъ называлъ онъ пошлѣху любезныхъ своихъ дочекъ!

Едва удерживаю перо свое, чтобы не написало оно прозванія этихъ барышень: онѣ назывались Ромира...

Нигдѣ съ такою ужасною жестокостію не обращаются съ невольниками, какъ въ Бразиліи, а въ особенности женщинами: онѣ отдаляются отъ негровъ своихъ какъ отъ лютитаго звѣра...

Вчера зашелъ я въ обширную залу, примыкающую къ одной церкви и госпиталю, нѣчто въ родѣ парижской Morgue, куда правительство велѣтъ складывать всѣ трупы, находясь по бѣдамъ на улицахъ и поморки. — «Никого нѣтъ», сказалъ, выходя оттуда, одинъ Бразилецъ, обращаясь къ сопутствовавшей ему дамѣ. — Войдя туда, я увидѣлъ однакоже три трупа негровъ. У одного изъ нихъ былъ распоротъ кожомъ животъ; грудь другого поражена была въ четырехъ мѣстахъ кинжаломъ; голова третьяго разможена ка-

кимъ-нибудь молотомъ или суковатою уручиною. «Никого нѣтъ!» сказалъ Бразилецъ: стало-быть негръ — «никто!» и убійца негра можетъ здѣсь спать спокойно!

Вышедъ оттуда, я увидѣлъ передъ собой уединенный и мрачный домъ, около котораго смѣнялись часовые. Меня, иностранца, окликнули почетнымъ титуломъ «свѣтлости (altezza)», и чей-то глухой голосъ сквозь двойную желѣзную рѣшетку спросилъ у меня милостыни. Въ свѣдѣ за смѣть, спущена была ко мнѣ на шнурочкѣ кожаная мошна. Я опустилъ въ нее нѣсколько монетъ, но не зналъ того, что нужно было дернуть за шнурокъ, чтобы павѣститъ несчастнаго объ исполненіи его просьбы. Чтѣ же вышло? Одинъ изъ смѣнныхъ солдатъ полкраса къ мошнѣ, осмотрѣлъ ее, вынулъ оттуда часть моего подавнія и подалъ условный знакъ. Облегченная мошна поднялась въ свое мѣсто. Раздосадованный, я хотѣлъ было вступиться за несчастнаго и потребовать за него удовлетворенія. «Прочь! закричала часовая: прочь! не вѣлно подходить къ тюрьмѣ по два раза!» — И такъ я самъ, не зная того, подалъ милостыню ворахъ!..

По близости оттуда сидѣли на корточкахъ нѣсколько невольниковъ, подъ крѣпкой стражей, вѣроятно, во ожиданіи своей очереди. Нѣсколькимъ другимъ, привязаннымъ къ столбу, уже отсчитывали въ двѣ руки ремешные удары; кровь страдалцовъ лилась въ нарочно для того выкопанный ровъ; усталые палачи чередовались другъ съ другомъ, по-мѣрѣ сѣченія новыхъ жертвъ. Я былъ безсиленъ отвратить отъ нихъ эти наказанія, вѣроятно, получаемыя невольниками по требованію сострадательнаго ихъ господина, который не имѣлъ духу сдѣлаться самъ ихъ палачомъ. Съ грустью въ душѣ, удалился я отъ этого лобнаго мѣста.

Въ прорѣхи образованности довольно часто капаютъ слезы и кровь.

Но я уже слишкомъ заговорился о злодевахъ и рабахъ, о палачахъ и жертвахъ, а между-тѣмъ позабылъ вамъ разсказать, откуда и какими средствами добываются просвѣщеннымъ обществомъ эти чернокожіе и курчавые люди, какъ-бы нарочно для того созданные, чтобы имъ рыться въ землѣ и умирать подъ плетью. Слушайте, слушайте!

Я могу вамъ поразсказать о томъ мно-

го и во всѣхъ родахъ. Да! я высмотрѣлъ въ самаго тѣхъ ея подробностяхъ одну изъ тѣхъ ужасныхъ и плачевныхъ могилъ, гдѣ раздавалось столько горя, гдѣ истомалось еще болѣе свѣлости; гдѣ страшно было смотрѣть на этотъ ужасъ, болѣзненно отдавался онъ въ душѣ, возновалъ и леденилъ кровь на сердцѣ!

По одному кораблю, который славился еще роскошью, вы сосуните о другихъ; по тому, съ которымъ я говорилъ, капитану, котораго мнѣ рекомендовали, какъ одного изъ великодушнѣйшихъ, сострадательнѣйшихъ, вы угадаете и всѣхъ прочихъ. Корабль его, трехмачтовый, поднимающій до 350 тоннъ груза, огромнѣе, тяжелѣе на ходу, грязнѣе, вонючѣ; такелажъ его въ жалкомъ положеніи; матчи испещрены разными красками; неоправный декъ его запачканы и пережожены сигарочными окурками, усеяны веревочными сипичками, веселыными обломками и обрывками шарусовъ. На каждомъ борту его по четыре каронады, а между каронадъ сушатся желтые рогожки, заклепанными широкими кровавыми патнами, въ которыхъ запеклись ключи черныхъ курчавыхъ волосъ. На кормѣ *развѣвается* королевско-португальскій флагъ, возвышающій всѣмъ и каждому, что корабль сей плаваетъ подъ высокими покровительствомъ своего двора.

Меня пригласили на палубу и предложили спуститься внизъ. Кубрикъ низокъ и душенъ, шереховатъ для ногъ и онасенъ для головы; толстые пробой и огромныя кольца крѣпко привязаны гайками ко всѣмъ наклонностямъ и безпрестанно грозятъ разбить лобъ проходящимъ. Тутъ-то спать сбитые другъ на друга, лежа подъ вонючими шерстяными одеялами, или повѣшенные въ запачканныхъ и дыравыхъ койкахъ, десятка полтора или два матросовъ, настоящаго нѣна бредягъ и негодяевъ цѣлаго міра. Атмосфера этого несчастнаго кубрика душитъ васъ и стѣсняетъ вамъ грудь; и однакожь кубрикъ этотъ можетъ назваться мѣстомъ усюкоенія, жилищемъ роскоши, будуаромъ корабельнымъ, парадною заломъ, тайничкомъ разврата, когда капитану этого судна удастся вымѣнять въ Анголѣ нѣсколько молоденькихъ дѣвушекъ, добытыхъ имъ за кусокъ какой-нибудь матеріи, за бочонокъ вина или нѣсколько сотенъ сигаръ.

Въ трюмѣ все симметрически устроено, все тщательно улажено; порядокъ изу-

мительный, который-бы принесъ честь любимому декоратёру или зодчему. Огромнѣйшая желѣзная полоса, плотно и твердо впушенная въ корабельные борты, снабжена преудобными кольцами для заклепанія въ нихъ по одной ногѣ невольника. Каждый, такимъ образомъ заклепанный, можетъ свободно вставать, садиться, ложиться на ящикахъ или на бочкахъ; можетъ даже, безъ особыхъ усилій, поворачиваться на-право, на-лѣво; можетъ разговаривать, прислушиваясь своему сосѣду, не возбуждая гнѣва хозяина судна. Конечно, въ тюрьмѣ этой не свѣтло; воздухъ въ ней убійственный; но къ-чему воздухъ и свѣтъ для могучей груди, для рыскающихъ глазъ, которые видятъ и во тьмѣ крошечной? И сверхъ-того, что значить воздухъ, свѣтъ, голубое небо, горизонтъ, серебряныя звѣзды, широкое, теплотворное солнце? Все это роскошь жизни. Всё-ли люди рождены ими наслаждаться, и сверхъ-того, развѣ можно назвать людьми всѣхъ этихъ несчастливцевъ, которыхъ вы приковали къ этой желѣзной полосѣ, заклепали въ эти желѣзные кольца? Разумѣется, нѣтъ: они, просто, звѣри дикіе, шакалы, исторгнутые изъ дикихъ степей для населенія, для обогащенія страны образованной и благодатной. Не-правда-ли, что правосудно и даже честно сажать ихъ на пѣнь, увѣчать, раздроблять?..

По одному или по два раза въ часъ, самъ капитанъ или лейтенантъ его, шкиперъ или подшкиперъ, вооруженные длиннымъ и узловатымъ лезвкомъ, ходятъ въ этотъ стогъ нечистоты и осматриваютъ кандалы. Если онъ примѣтитъ хотя малѣйшую попытку освободиться, если услышитъ о намѣреніи это сдѣлать, лезвекъ засвиститъ въ воздухъ, голый ладѣмъ и спинна виновнаго исползуются красными рубцами, и кровь его брызнетъ волнами на ближайго сосѣда. По окончаніи этой операціи и по данному знаку, всѣ негры обязаны затянуть національную пѣсню, пѣть въ родѣ концерта голодныхъ волковъ; горе тому, чья грудь не вздуется для прославленія своей радости и благополучія.

Такимъ-то образомъ усовершенствуются нравы, возстаивается владычество и преклоняется рабство.

Но вотъ бьетъ часъ обѣда, и хотя негры, просто, невольники, но и этимъ бѣднякамъ не лѣзя жить, если не накормить ихъ. Скажу болѣе, накормить ихъ

надо вдоволь, чтобъ поддержать силы и къ въ этихъ пыткахъ. Хозяева ихъ очень-хорошо это понимаютъ, и вотъ посмотрите сами, съ какою великодушною, сострадательною вѣжностью надѣлаютъ они каждого изъ своихъ узниковъ полною горстию маніоновой муки, и подносятъ къ каждаму запекшимся губамъ огромную лаханку превосходно-сгнившей солодоватой воды, на которую каждый изъ этихъ несчастныхъ бросается съ жаждою. Вотъ и все: обрядъ этотъ повторяется дважды въ день. Теперь посудите сами, лишилось-ли въ этомъ случаѣ человечество коренныхъ своихъ правъ?

Сверхъ-того, каждому невольнику, по очереди, предоставляется возможность всходить на палубу, прогуляться по ней между двумя матросами, взглянуть на лазоревое и чистое небо, способствующее плаванію корабля, полюбоваться не прозрачными и фосфорическія волны, его укачивающія, на отдаленный небосклонъ, въ которомъ исчала его родина, и на другой горизонтъ, менѣе отдаленный, гдѣ для него начнется новая жизнь покоя и счастья.

Я сказалъ уже, что осмотръ трюма происходитъ по одному или по нѣскольку разъ ежечасно. Если звукъ хорохоломъ извѣщаетъ хозяина судна о предсмертныхъ судорогахъ котораго-нибудь изъ *массажиоровъ*, его вырываютъ тогда изъ живой могилы, опѣляютъ веревкою поперекъ бедеръ, вздергиваютъ на блокъ, спускаютъ на палубу, какъ тукъ товара, и раскладываютъ на одну изъ тѣхъ желтыхъ роговъ, о которыхъ упоминаю выше. Послѣ этихъ первыхъ попеченій о страждущемъ, корабельная качка перекладываетъ туда и сюда это черное привидѣніе, терзаемое болью, или вовсе безчувственное. Въ послѣднемъ случаѣ, матросъ, которому оно попадаетъ подъ ноги, отталкиваетъ его на прежнее мѣсто. Четверть часа спустя, весь экипажъ, посидывая и попѣвая, внимательно любуется, перевѣсивъ за бортъ, надъ бездною, какъ акула схватываетъ свою добычу, и расчитываетъ на гулянкахъ, во сколько минутъ можетъ это чудовище разгрызть и проглотить человѣка.. Теперь вы видите самъ, что и на морѣ есть свои разславленія и праздничныя потѣхи!

Между-тѣмъ, во-время продолжительнаго плаванія подобнаго судна, случаются съ ними и другія приключенія, о ихъ

болѣе Армайтескіа: иногда встрѣчается съ нимъ военный корабль, посланный въ погоню за покушниками и продавцами негровъ; корабль этотъ, распуша всѣ паруса свои, ложится передъ нимъ въ дрейфъ, и окликается проклятое судно, для котораго нѣтъ довольно молній у неба! Чтѣ-жь потомъ? Капитанъ въ отчаяніи, и если виднѣтъ, что ему не избыть отъ погони, велитъ вытаскивать на палубу всѣ свои бочки, набиваетъ ихъ небольшими камнями, закупориваетъ и кидаетъ въ море. И эта потѣха сдѣлать другой!

Потомъ, приплывъ въ извѣстную гавань, капитанъ отправляется къ своему патрону (судобозяину).

— Ну, что?

— Мнѣ задали гонку, я принужденъ былъ разгрузиться.

— Дѣлать нечего, готовьтесь къ новому походу съ первыми попутными вѣтрами; у насъ теперь большой недостатокъ въ товарѣ!

Вотъ улица, гдѣ гонимъ торговлю водрузилъ свой владычественный кадудей. Она называется Вальонскою; это настоящій базаръ, для всѣхъ открытый, сборное мѣсто всѣхъ богатствъ, безпрестанная и непрерывная ярмарка; родъ площади или форумъ, или стана — какъ угодно; это та же и мѣсто размышлений... Войдите: — Саянъ *могаръ* здѣсь кричитъ, поетъ, реветъ, чтобъ привлечь на себя вниманіе ваше; самъ служитъ себѣ выѣскою, кокетничаетъ и охорашивается, не смотря на отратительность свою и лютосту; товару этому наскучила его лавка, преизбранные ваше наводитъ на него грусть и думу, и если онъ не заслуживаетъ предпочтенія вашего, то, по крайности, заслужитъ ваше вниманіе.

Въ извѣстномъ, возищемъ сараѣ вбито въ землю и прибито къ стѣнамъ нѣсколько черныхъ и сѣрыхъ скамеекъ. На этихъ скамьяхъ усажены нагѣ, совершенно нате, мужичины, мешинны, дѣти, а иногда и старики, ожидающіе своихъ покупателей. Когда они появляются въ дверяхъ, весь этотъ гаремъ, по знаку хозяйна, вскакиваетъ, начинается размахивать руками, зашевелился, закрывается, зареветь свои дикія пѣсни, въ доказательство того, что у него есть легкія и что онъ чудесно понимаетъ, что значить *могаръ*. Горе тому, кто не старается выказать себя предъ товарищами! Бить ге-

товъ исполосовать его бедра и разбросать по воздуху клочки его чормага мяса.

Но я уже сказалъ вамъ, что каждый здѣсь мастерски вышколенъ и чудесно знаетъ свое дѣло.

Замолчите, однакоже; начинаются переговоры, заключается торгъ.

— Го! пстъ! сюда, какъ тебя...

И *что-то* встаетъ; это что-то—существо двуглазое, однолобое: у него есть своя часть мозга, свое сердце, какъ у васъ и у меня... виноватъ, ошибся: въ груди его нѣтъ сердца; но все прочее въ совершенной полногѣ.

— Взгляните-ка на *это!* (Такъ говорить хозяинъ).

— *Этѣ* не дурно.

— Впередъ!

И *это* идетъ впередъ.

— Бѣги теперь!

И *это* бѣжитъ не хуже андалузскаго рысака.

— Голову вверхъ! развертывайся! трепещи! смѣйся! кричи! показывай зубы!

— Хорошо, хорошо! а что стоить?

— Шесть квадруплей.

— Возьми пять. А кстати: была-ли оспа?

Разумѣется: посмотрите сами.

И подлинно, нѣсколько блѣдныхъ лошадиныхъ пятнышекъ, мѣстами испещряющихъ чернокожого, свидѣтельствуя, по-крайней-мѣрѣ, о томъ, что раскаленное желѣзо, прикасавшееся къ тѣлу чормага, оставило на немъ нѣсколько шрамовъ и ямочекъ, совершенно успокоивающихъ неопытнаго покушника.

— Хорошо. Вотъ твои квадрупли.

Является новый покупатель — монахъ.

— Го! вставай теперь ты, выступиай, прыгай! (Ну — точно, какъ въ первый разъ!)

— Не дурна, молода, зубы ослѣпительныя; но...

— Милостивый государь! будьте покойны, я отвѣчаю вамъ, что...

— Три унции золота требовалъ ты? вотъ они.

— И благословеніе ваше?

— Вотъ и оно!

— Гей! пойте вы, прочіе!

Пѣсни струятся каскадомъ; два покушника выходятъ, подталкивая ногой свое пріобрѣтеніе. Хозяинъ прачетъ свое золото въ кожаную мотву и становится бить въ дверяхъ — зазывать довыхъ охот-

никовъ : вотъ вамъ, въ миниатюрѣ, рыцарей негровъ въ Бразиліи.

Завтра по-утру идете вы въ церковь, и увидите на кофѣяхъ, предъ главнымъ алтаремъ, двухъ негровъ, одѣтыхъ въ бѣлыя кисейныя туники, перетянутыхъ поясомъ изъ розовыхъ или изъ голубыхъ лентъ, съ пѣнтами на головахъ... Выступаетъ священникъ, молча спрыскиваетъ обѣ головы нѣсколькими каплями воды, и, ухмыляясь, уходитъ; два негра окрещены... ни больше, ни меньше. Въ страдѣ, о которой я вамъ рассказываю, быть негровъ-невольниковъ самый жалкій изъ пѣлага міра; работа здѣсь самая тяжелая, наказанія самыя жестокия: чуть-чуть не сказалъ я — самыя безчеловѣчныя. А между тѣмъ, въ Санъ-Домингѣ, Мартиникѣ, Иль-де-Франсѣ и Бурбоиѣ кричали горадо-болѣе, оттого именно, что тамъ негры не разъ бунтовали. Въ одной только Бразиліи невольники безмолвны, спокойны, подъ узловатымъ бичомъ. Они не понимаютъ еще, что тѣмъ страна обширнѣе и обильнѣе пустынями, тѣмъ она способнѣе для искателя свободы. Но пробой и для здѣшняго края часъ мести, исторгнись изъ одной сильной груди негра крикъ ненависти и смерти, и Бразилія можетъ точно также, какъ и другія колоніи, огласиться своими волями Вароломеевской-ночи или Сивилійскихъ-вечерей.

Между-тѣмъ посмотрите на этого человѣка, который идетъ мимо съ желѣзнымъ кольцомъ, къ которому прикрѣплен вертикально шнага изъ того же металла. Кольцо это плотно охватываетъ шею прохожаго: это невольникъ, который хотѣлъ убѣжать и котораго хозяинъ выказываетъ его бродягомъ! Все это въ порядкѣ!

Вотъ и другой, котораго лицо покрыто желѣзною маскою; въ ней пробито два отверстія для глазъ; маска эта заперта сзади крѣпкимъ замкомъ. Несчастный грызъ землю и камни, когда не въ силахъ былъ сносить бичеваній: онъ искупить вину своего самоубійства подъ бичомъ.

Еще одинъ (я самъ его видѣлъ, самъ слышалъ его), привязанный къ лѣстницѣ, выдержалъ полсотни батаговъ, изъ которыхъ самый легкій вырывалъ у него клочокъ кожи. Ни одна жалоба не измѣнила ему подъ наказаніемъ, ни одинъ вопль не вырвался въ обвиненіе его палачей. Когда приговоръ былъ исполненъ, негръ протянулъ руки, зѣвнулъ, какъ-бы пробужден-

ный отъ спокойнаго сна, и сказалъ, улыбаясь: «Признаюсь, я никакъ не могъ заснуть».

Вотъ и четвертый: онъ громко считаетъ удары, имъ получаемые, и въ заключеніе пересчитываетъ ихъ еще разъ, какъ-бы не вѣря существованію пытки!

И всѣ эти люди — невольники!

Въ Рио считается до 130,000 жителей, пять шестыхъ — кулешные невольники; покупщики ихъ тоже товаръ продажный.

Благородный Бразилецъ ѣхалъ верхомъ на лошади по узкой дорогѣ, но такой однако же, на которой могли разѣхаться два экипажа. Невольникъ, завидя его издали, сѣвшитъ почтительно посторониться.

— Перепрыгни за кашану!

— Вашей милости мѣста довольно.

— Скажи, говорю тебѣ.

— Не-уже-ли мнѣ сломить ногу?

— Чтѣ? ты не хочешь перескочить?

И вотъ великій, благородный сеньоръ, человѣкъ—однимъ словомъ—слѣзаетъ съ коня и хлещетъ бичомъ своимъ по лицу другаго человѣка,— виновата—не человекъ, а негра, невольника, животнаго. Приведенное въ бѣшенство, это животное бросается на человека—зачинщика, и клеймать щеку его одною изъ тѣхъ полновѣсныхъ оплеухъ, которыми ищенье или презрѣніе опозориваетъ полдеца или грубіяна. Потомъ перепрыгиваетъ за кашану и исчезаетъ въ плантаціи сахарнаго тростника. Бѣлый Бразилецъ возвращается въ свои палаты съ окровавленной скулою; черный возвращается въ домъ своего пемѣщика, котораго онъ былъ любимцемъ, и рассказываетъ ему, что, видумагъ разнять двухъ драмшихся невольниковъ, получилъ отъ одного изъ нихъ нѣсколько ударовъ хлыстомъ, глубоко искрестившихъ его лицо.

Мѣсяцъ спустя, передъ самымъ дверцомъ, приходившій за водою негръ съ бадью на плечѣ, ожидалъ своей очереди у водоема. Двое бразильскихъ господъ проходили мимо въ молчаніи, какъ то въ бычачѣ у здѣшнихъ гуляльщикова.

— Прощайте, маркизъ.

— До свиданія, виконтъ.

Нѣсколько минутъ спустя, одинъ изъ этихъ великодушныхъ гостей стучится у двери одного столара.

— Ты хозяинъ этого дома?

— Да, ваше величье.

— Къ тебѣ вошелъ негръ; не тебѣ ли онъ?

— Не тотъ ли, что принесъ воду?
— Овъ самый: а знаешь ли ты, что это молодецъ хоть куда?

— Мало этого, севѣйоръ; онъ моя правая рука: вѣреть, чествовъ, онъ надзираеть у меня за дѣтьми и я покоею.

— А мнѣ хотѣлось бы его купить у тебя.

— Онъ не продажный, хотя бъ вы мнѣ дали за него пятьдесятъ квадрупей.

— А еслибъ я предложилъ тебѣ вдвое?

— Все-таки бы не продалъ.

— Подтораста.

— Никакъ.

— Если такъ,—не возьмешь ли трехсотъ?

— Послушайте, сударь: вы мнѣ предлагаете цѣлое состояніе, больше моего собственного... согласенъ.

— Стало-быть мы сторговались?

— Сторговались.

— Клянись Евангеліемъ.

— Клянусь.

— Иди же за деньгами, и подай мнѣ моего негра.

Столяръ клочетъ негра Байбѣ.

— Ты больше не мой, говорить онъ ему: воть твой господня; онъ купилъ тебя. Байбѣ взглядываетъ на своего новаго хозяина, опускаетъ голову, скрепчаетъ на груди руки, и, идучи за нимъ, шепчетъ:
— Завтра я буду ничей!

На завтра, столяръ, выметая пылъ изъ дому, видитъ передъ дверями свои три трупъ. Байбѣ точно ничей. Бячь благороднаго севѣйора освободилъ его на-вѣки. Севѣйора этого зовутъ Азеведо; слышите ли, читатели—Азеведо!.. Я сказалъ ему однажды въ глаза мое мнѣніе объ его поступкѣ, и записываю его... потому-что я... не продажный невольникъ!

И что же! все, что я ни рассказывалъ вамъ про бѣлыхъ и черныхъ, все это происходитъ подъ скинотромъ добрейшаго государя, Іоанна VI, родителя императоръ дои-Педро и дои-Мигуэля!

Но послушайте: воть вамъ еще хорошенькая исторійка, которую не мѣшаетъ рассказать.

Въ Прямой-улицѣ, жилъ былъ одинъ золотель дѣлать мастеръ, обогатившійся съ шумнѣлою скоростію. Множество черныхъ невольниковъ, которыхъ онъ обучилъ своему мастерству, приобрѣли въ немъ такую славную ловкость и знаніе дѣла, что могли соперничать съ лучшими нашими бриллианщиками; за то покупатели яви-

лись къ нему толпами, а съ ними вмѣстѣ и ихъ квадрупи. Число этихъ невольниковъ прибывало съ каждымъ новымъ годомъ, и всѣ, послѣ тяжкой науки, въ которой плеть была главнѣйшимъ наставникомъ, привязывались къ дому хозяина.

Только одинъ бѣднякъ Галубахъ, молодой, плосколобий, девятнадцати-лѣтній Мозамбикецъ, съ дугообразными ногами, съ руками широкими, какъ лопата, не могъ понять никакъ употребленія ни одного искусственнаго орудія, а тѣмъ еще менѣе цѣну украшеній. Ременная плеть была бессильна противъ этого грубаго смысла, который хотѣлъ, но не могъ принять ни одного луча наружнаго свѣта. Утомленный и раздосадованный хозяинъ рѣшился прибѣгнуть къ другому средству: каждое утро призывалъ онъ къ себѣ этого несчастнаго; зажимить въ тиски его пальцы, онъ оскабливалъ ихъ напилкомъ: душа разрывалась отъ криковъ сего страдальца. Обвернуть руку свою старой трянцѣю, бѣдный невольникъ садился у воротъ хозяйскаго дома и зазывалъ по приказу господина своего, всѣхъ нерѣшительныхъ покупателей; съ каждымъ днемъ истерзанные пальцы несчастнаго дѣлались короче, а боль въ нихъ ужаснѣе. Пытка эта продолжалась уже съ мѣсяцъ, безъ малѣйшаго сопротивленія, безъ малѣйшей жалобы со стороны Галубаха. Страдать и страдать!.. ему казалось это назначеніемъ его жизни, и онъ безмолвно и терпѣливо выжидалъ будущаго. Часъ операціи наступилъ и тиски уже оскабливали свои зубья.

— Гей! сюда! крикнулъ хозяинъ.

Галубахъ подошелъ и сталъ развязывать истерзанную свою руку.

— Нѣтъ, не эту, а другую.

— О! севѣйоръ!..

— Другую, говорю я!

— Умилосердитесь, смилуйте!..

Невольникъ упалъ на колѣни, и въ первый разъ всѣ члены его затрепетали; сквозь кровавыя слезы глазъ его, сыпались искры.

— Ужъ не плачешь ли ты? спросилъ хозяинъ, толкнувъ его ногою.

— Пѣтъ, не плачу, вскричалъ невольникъ, вставъ внѣ себя: а убиваю!

Онъ бросился на напиллокъ, стою жестоко его наувѣчившій, схватилъ его, поднялъ и вонзилъ въ глазъ безчеловѣчнаго своего хозяина: острый напиллокъ про-

билъ ему голову насквозь и вышёлъ окровавленный изъ затылка.

Ни одинъ негръ не пошевеливался; ни одна рука не подвиглась на сопротивление мстителю.

Галубахъ мелькнулъ молніемъ за двери и пустился по дорогѣ къ замку св. Христофора. Прибѣжавъ на большой дворъ королевскихъ чертоговъ, онъ бросился на колѣни и закричалъ:

— Пошадите, пошадите, пошадите!

Король, бывшій тогда на балконѣ, услышалъ вопль и ведѣлъ одному изъ камергеровъ своихъ подождать къ себѣ негра. Почти ползкомъ доташнлся онъ по ступенямъ лѣстницы къ монаршннмъ стонамъ.

— Чего ты требуешь? спросилъ его Іоаннъ VI.

— Пошады!

— Но что же ты сдѣлалъ?

— Убилъ человѣка.

— Несчастный! за что же?

— Взгляните сами.

И негръ развязалъ свою истерзанную руку.

— Сейчасъ же перевяжите раны этого человѣка и представьте его ко мнѣ.

— Откуда ты?

— Изъ Прямой-улицы.

— У кого ты тамъ жилъ?

— У золотыхъ дѣлъ мастера Р.

— Что же ты ему сдѣлалъ?

— Ничего. Я былъ недовонокъ, и за это — вотъ уже съ мѣсяцъ, какъ онъ оплывалъ мнѣ пальцы на лѣвой рукѣ. Сегодня вздумалъ было оплывать ихъ и на правой... Я убилъ его.

— Пошадите за свидѣтелями, сказалъ король.

Отправленный экипажъ воротился венорѣ въ замокъ св. Христофора съ нѣсколькими невольниками убитаго мастера; всѣ, единогласно, оправдываютъ негра; всѣ говорить съ негодованіемъ о свирѣности своего хозяина.

— Довольно, сказалъ монархъ. Есть ли у этого хозяина жена или дѣти?

— Нѣтъ.

— Тѣмъ лучше. Какъ зовутъ тебя?

— Галубахъ.

— Галубахъ, продолжаетъ Іоаннъ VI: эти негры, и всѣ другіе, оставшіеся въ хозяйской мастерской, теперь твои: я отдаю ихъ тебѣ; богатства твоего неистоваго хозяина — дарю я тоже тебѣ; ступай, будь справедливъ, никогда не свирѣ-

стуй и помни, какъ ты самъ наказалъ безчеловѣчнаго.

Я часто видалъ Галубаха во время прогулокъ моихъ по Прямой-улицѣ; любовь и признательность невольниковъ окружаютъ его; онъ управляетъ ими безъ помощи бича; спать съ ними и между ними; ежегодно освобождаетъ по одному изъ лучшихъ своихъ рабочихъ, отличившемуся передъ другими трудолюбіемъ и честностію... Послѣ вытерѣнныхъ имъ мукъ, можетъ ли онъ не быть человѣколюбивымъ?

Въ другой разъ король, проѣзжая по улицѣ брильянщиковъ, приказалъ остановиться передъ магазиномъ, откуда послышались ему жалобные вопли.

— Позовите ко мнѣ хозяина дома, сказалъ онъ двумъ работавшимъ неграмъ.

— Сейчасъ, государь.

Вышедшій хозяинъ падаетъ на колѣна.

— Что это за крики?

— Крики невольницы, которую я велѣлъ высѣчь.

— За что?

— За покражу нѣсколькихъ кусковъ сахара.

— Къ сколькимъ ударамъ приговорилъ ты ее?

— Къ полуторасти ударамъ.

— Сколько ихъ отсчитано?

— Восемьдесятъ два.

— Прости ей остальные.

— Воля вашего величества будетъ исполнена.

— Благодарю тебя.

И карета поѣхала далѣе. На поворотѣ въ Другую улицу, король, усомнившись въ добросовѣстности купца, приказалъ одному изъ саней своей удостовѣриться, точно ли исполнена была его воля. Жалобные вопли все еще продолжалпсь. Іоаннъ VI воротился назадъ, вытребовалъ къ себѣ хозяина и невольницу.

— Ты свободна, сказалъ онъ молодой негртлнкѣ, совершенно избитой и истерзанной бичами: благословляй удары, полученные тобою. А ты, негодный, осмѣлившійся такъ подло обмануть меня, благодарн за то, что я, наказывая тебя, ограничился однимъ освобожденіемъ изувѣченной тобою невольницы...

Такимъ Іоаннъ VI, благородный, великодушный, истинный король-человѣкъ. Посудите теперь о немъ въ другомъ случаѣ.

На кучеческомъ суднѣ, плавающимъ въ

Бахию, взбунтовался экипажъ и править къ берегу; шкиперъ, лейтенантъ его и суперкарго выброшены за бортъ; матросы разнегодуютъ обманомъ весь грузъ, состоявшій изъ негровъ, невольниковъ и освобожденныхъ. Преступленіе виновныхъ доказано; всѣ они пересланы въ Рио-Жанейро и приговорены къ висѣльцѣ.

Въ день исполненія приговора, его представляють на утвержденіе короля; но монархъ сей отказывается подтвердить его, подъ тѣмъ предлогомъ, что если узнаютъ въ Европѣ о томъ, что въ Рио повѣсятъ въ одинъ день осмеркихъ преступниковъ, то могутъ подумать, что вся Бразилія населена одними извергами.

— Но такъ-какъ примѣръ казни злодѣевъ необходимъ, продолжаетъ король: то я вычеркнуваю четыре имени, и пусть четверо остальныхъ преступниковъ расплатятся за всѣхъ.

Сказавъ это, король берется за поро, и готовясь поднестъ приговоръ, еще разъ одумывается и добавляетъ:

— Отчего же четверо? развѣ не довольно и двухъ?... да, да, вычеркнемъ еще двухъ изъ списка... но, теперь, кто задрать, что эти двое виноватѣ прочихъ? Не справедливѣ ли будетъ, продолжаетъ онъ, если я помяду и этихъ? Конечно, помилуемъ лучше всѣхъ и сошлемъ ихъ въ Президію...

Однажды, привесли новую сентенцію къ подписанію того же монарха.

— Государь, умилосердитесь! воскликнулъ я когдъ его человекъ, называвшійся Пріоретъ-милосердія: именемъ души вашей и душъ родителей вашихъ, молю васъ о пощадѣ!

Осужденный былъ скваченъ въ то время, когда онъ упиался кровію своей жертвы, священника, уже однажды помилованный за убійство беременной женщины.

— Нѣтъ, нѣтъ, возразилъ графъ досъ Аркосъ: не давайте пощадъ, государь... Извергъ этотъ совершилъ ужасное преступленіе...

— Только одно, воскликнулъ король: но развѣ это уже не второе?

— Нѣтъ, Государь, только одно: въ другомъ виноваты вы; вамъ не слѣдовало щадить такого злодѣя.

Негра повѣсили, и графъ досъ Аркосъ остался по прежнему въ милости у своего монарха...

Не слѣдуетъ-ли мнѣ здѣсь сознаться,

что земляки мои, поселившіеся въ Бразиліи, не уступаютъ въ безчеловѣчія туземцамъ?

Я самъ былъ не разъ свидѣтелемъ, какъ прелестныя и свѣженькія подетки наши Оувидорской улицы, собственными своими ручками истязали своихъ невольницъ, не обращая ни малѣйшаго вниманія на ихъ страданія и умоляющіе вопли. Извините меня, сударыни, если я предаю и васъ публичному осужденію: довольно съ васъ и того, что не называю васъ.

Англичане человѣколюбивѣ всѣхъ обращаются съ своими невольниками, и здѣсь нѣрѣдко случалось, что когда плантажистъ Англичанинъ, въ награду за усердіе и преданность къ себѣ, давалъ свободу невольнику, то невольникъ его отказывался отъ свободы.

Переводъ книги Арабъ хорошъ и могъ бы еще быть лучше, еслибъ издатели исправили его, зачѣмъ-то сѣи, кои, многоостровіа—этими, которыми, архипелагами, и вовсе исключивъ оныя. Изданіе книги великолѣпное и роскошное. Картинки прекрасны.

6) Переписка и Разсказы Русскаго Инвалида. Сочиненіе генерала отъ инфантеріи И. Н. Скобелева, издавшаго А. Ф. Фариковымъ. Изданіе четвертое, исправленное и дополненное. Съ 38-ю картинками, рисованными Р. К. Жуковскимъ. Часть II, содержащая въ себѣ Разсказы и Вѣщера Ческиескихъ Инвалидовъ. Санкт-петербургъ. 1844. Въ 12-ю д. л. 239 стр.

О первой части этого сочиненія мы говорили въ 10 книжкѣ «Отеч. Записокъ» прошлаго года. Вторая и послѣдняя часть «Переписки и Разсказовъ Русскаго Инвалида» отличается тѣми же качествами, какъ и первая: живостію слога, русско-солдатскимъ юморомъ, и этою оригинальностью во всемъ, которая дается только таланту и подъ которую невозможно поддѣлаться. Прочтите, на-примѣръ, разсказъ *Судой Жемидъ*: какая живая параллель добраго стараго времени и современной намъ эпохи русскихъ пра-

вовъ, и сколько добродушнаго и, въ то же время, меткаго и ловкаго комизма, который колетъ не въ бровь, а прямо въ глазъ, и который равно заставляетъ смѣяться веселымъ смѣхомъ и уколотаго и неуколотаго! Особенно-замѣчательна въ этой второй части «Переписки и Разсказовъ Русскаго Инвалида» статья: *Необходимость истиннаго просвѣщенія для простолюдннговъ*. Нельзя не пожелать отъ всего сердца, чтобы все то, о чемъ такъ одушевленно и умно разсуждаетъ въ ней «русскій инвалидъ», не осталось одними предположеніями и надеждами, но осуществилось на-самомъ-дѣлѣ, — тѣмъ болѣе, что для этого дѣла нѣтъ на Руси другаго человѣка, кромѣ самого «русскаго инвалида».

7) Описание Первой Войны Императора Александра съ Наполеономъ, въ 1805 году, по Высочайшему повелѣнію сочиненное генералъ-лейтенантомъ и членомъ Военнаго Совета Михайловскимъ-Данилевскимъ. Съ 9-ю картами и планами. Санктпетербургъ. Въ тип. Штаба Отдѣльнаго Корпуса Внутренней Стражи. 1844. Въ 8-ю д. л. 290 стр.

«Сорокъ лѣтъ» говоритъ авторъ: «прошло съ-тѣхъ-поръ, когда Александръ впервые помѣрился силами съ Наполеономъ, и невѣрныя преданія о сей первой борьбѣ его переходили отъ одного поколѣнія къ другому въ искаженномъ и превратномъ видѣ. Всѣ знаютъ о событіи, но кому извѣстно, какъ оно происходило дѣйствительно?» Въ-самомъ-дѣлѣ, немногимъ это извѣстно, потому-что, какъ во Франціи, такъ и въ Германіи, для разрѣшенія этого вопроса до-сей-поры сдѣлано очень-немного. Французы, по словамъ автора, въ своихъ сочиненіяхъ преувеличиваютъ и безъ того великіе тогдашніе подвиги Наполеона; Нѣмцы же, избѣгая, можетъ-быть, грустныхъ воспоминаній о времени униженія Германіи, весьма-мало издали описаній войны 1805 года. Что же касается до Русскихъ, то, до выхода въ свѣтъ со-

чиненія генералъ-лейтенанта Михайловскаго-Данилевскаго, на русскомъ языкѣ почти ничего не было писано объ этой достопамятной войнѣ. Сочиненіе г. Михайловскаго-Данилевскаго, основанное, по словамъ его, на самой строгой истинѣ, на подлинныхъ военныхъ и дипломатическихъ документахъ и показаніяхъ немногихъ остающихся въ живыхъ свидѣтелей и участниковъ войны 1805 года, раздѣляется на три части. Въ первой изложены причины вооруженія, движенія арміи на мѣста войны, политическія дѣйствія Императора Александра и уничтоженіе австрійской арміи подъ Ульмомъ, представленное кратко, ибо — замѣчаетъ авторъ—австрійскимъ правительствомъ официальныхъ свѣдѣній о томъ донынѣ не обнародовано. Второй періодъ—четырехъ-реставерстное отступление Кутузова отъ баварской границы въ Моравію и первая встрѣча его съ Наполеономъ. Третій періодъ заключаетъ въ себя наступательныя движенія союзниковъ, аустерлицкую битву и ея послѣдствія. Для связи и дополненія происшествій, описаны еще авторомъ вратѣ дѣйствія Австрійцевъ въ Италиі и Тироли и представлены движенія отдѣльныхъ корпусовъ въ Гамбургъ и Италиі. Все это выполнено съ извѣстными умѣньемъ г. Михайловскаго-Данилевскаго, и вообще новый трудъ его, какъ первая русская книга, въ которой снимается завѣса съ любопытнѣйшаго въ своемъ родѣ и доселѣ немногимъ извѣстнаго въ настоящемъ своемъ видѣ аустерлицкаго дѣла, весьма-важенъ и интересенъ. «Миръ» говоритъ авторъ: «исполненъ громкой молвы о счастливыхъ войнахъ Императора Александра, — пусть услышитъ отъ самихъ Русскихъ безпристрастную повѣсть о томъ времени, когда, по стеченію обстоятельствъ, доселѣ въ тайнѣ хранимыхъ и нами впервые оглашаемыхъ, счастье измѣнило оружію Александра.» И за тѣмъ начинается изложеніе событій. Невозможно передать даже сокращенно въ высшей степени любопытныхъ подроб-

постей аустерлицской битвы безъ того, чтобъ это не заняло слишкомъ-много мѣста; но вотъ послѣдствія этой битвы и причины, которыми г. Михайловскій - Давилевскій приписываетъ нашъ неуспѣхъ:

«Подъ Аустерлицомъ Русская армія лишилась до 21,000 убитыми, ранеными и плѣнными, и потеряла 133 орудія. У Австрійцевъ выбыло изъ строя 5,922 человѣка. Число утраченныхъ ими пушекъ намъ неизвѣстно, за необнародованіемъ о томъ свидѣній. По словамъ Французскихъ писателей въ арміи Наполеона убито и ранено 8,000, и безъ вѣсти пропало 760 человѣкъ, но Маршалъ Бернадотъ — въ послѣдствіи Шведскій Король — возвращаясь отъ Аустерлица къ Рейну, сказывалъ, что потеря Французовъ простиралась до 12,000 человѣкъ. Въ первое время послѣ сраженія наша потеря казалась гораздо значительнѣе, нежели была въ самомъ дѣлѣ, отъ того, что кромѣ показанныхъ выше 21,000 человѣкъ, не досчитывались еще многихъ тысячи и полагали ихъ убитыми, или положеными. Тысячи сія были въ разбродѣ и въ плѣну. Пользуясь длиною Ноябрьскою ночью и разбѣшеннымъ на 13-ти верстахъ положеніемъ Французской арміи, отъ Раувице до Тальница, плѣнные уходили по одинакѣ и по нѣскольку человѣкъ вмѣстѣ. Они и отставшіе отъ полковъ присоединялись потомъ къ арміи и къ вагенбургю, гдѣ оказалось ихъ 8,600 человѣкъ; иные очутились въ Богеміи и Силезіи, разными путями пробраваясь въ Россію. Великая растрата артиллеріи произошла сколько отъ разстройтва, случившагося въ нашихъ колоннахъ, столько и отъ пересѣченнаго оврагами, каналами и виноградниками поля сраженія, вязкой, дождями растворенной земли, и изнуренія лошадей, питавшихся пѣсколко дней только солоною.

При пораженіи союзныхъ арій обыкновенно обвиняютъ онѣ въ неудачѣ одна другую. Такъ случилось и послѣ Аустерлица. Отдавая справедливость мужеству Русскаго войска, Австрійцы приписали поражение нашему неумѣнью маневрировать, неловкости нашей пѣхоты, тяжести нашихъ ружей. Но развѣ за шесть лѣтъ передъ Аустерлицкимъ сраженіемъ, когда Русскіе вмѣстѣ съ ними одерживали побѣды въ Италіи, ружья наши были легче, войска подвижнѣе, въ маневрахъ

искуснѣе? Причина побѣдъ въ Италіи заключалась въ томъ, что Главкомадующимъ союзною армію былъ Суворовъ, а подъ Аустерлицомъ руководили дѣйствіями Австрійцы. Здѣсь ключъ успѣховъ 1799-го и неудачъ 1803-го годовъ. Заготовленіе магазиновъ лежало на Австрійцахъ, ибо войну вели въ ихъ землѣ, но не было ни хлѣба, ни фуража. Австрійцы привели Русскую армію на мѣста, хорошо имъ знакомыя, гдѣ они производили ежегодно учебные маневры. Оказалось, по собственному сознанію ихъ, что они ошибались даже въ исчисленіи разстояній. Не зная пространства, занимаемаго полемъ сраженія, они раставили армію на 14 верстѣ, не озаботились составленіемъ резерва, и наконецъ до того растерялись, что и по окончаніи войны не вдругъ могли дать себѣ отчетъ въ своихъ распоряженіяхъ. Черезъ шесть недѣль послѣ Аустерлицкой битвы Императоръ Французъ говорилъ нашему послу, Графу Раузовскому: «Копечно, васъ удивитъ, что до сегодняшняго дня я еще не знаю плана «Аустерлицкому сраженію.»

Кутузовъ слагалъ съ себя всякую отвѣтственность за поражение. На другой день послѣ битвы онъ подѣхалъ къ Изнайловскому полку, и разговаривая объ ней съ офицерами, сказалъ—словамъ его есть еще свидѣтели: «Я омываю себѣ руки.» Семь лѣтъ спустя, подъ Краснымъ, обративъ Наполеону армію въ нестройныя, безоружныя толпы одурѣлыхъ людей, Кутузовъ сѣлъ на скамью. Погода была ненастная, и падъ пимъ поставили шашетъ изъ отбитыхъ въ тотъ день Французскихъ знаменъ. На одномъ было написано золотыми буквами: «За побѣду «подъ Аустерлицомъ.» Посмотрѣвъ на надпись, Кутузовъ сказалъ намъ: «Господа! вы молоды; переживете меня, и будете слышать рассказы о нашихъ войскахъ. Послѣ всего, что совершается теперь, передъ нашими глазами, одной «выпуганной мною побѣдой, или одной «понесенной мною неудачей больше или меньше, все равно для моей славы, не «вспомните: я не виноватъ въ Аустерлицкомъ сраженіи.» Такъ говорилъ Кутузовъ. Однакожъ общее мнѣніе въ арміи осуждало его, за чѣмъ, видя ошибочныя распоряженія довѣренныхъ при Императорахъ Александрѣ и Францѣ лицъ, не опровергалъ онъ упорно дѣйствій ихъ всѣми доводами, потерянными въ мно-

гольштейн о опытности и глубокаго разума его. Въ такомъ же смыслѣ выразился Императоръ Александръ. Послѣ торжества надъ Наполеономъ слава нашего Монарха не могла умножиться одною одержанною Имъ побѣдою, или омрачиться однимъ претерпѣннымъ Имъ поражениемъ. «Въ «Аустерлицкомъ походѣ», сказалъ Онъ однажды, «Я былъ молодъ и неопытенъ. «Кутузовъ говорилъ Мнѣ, что намъ надобно дѣйствовать иначе, но ему слѣдовало быть въ своихъ мѣнѣяхъ настоячивѣе.» Здѣсь опускается завѣса. Исследованія не могутъ простираться за предѣлы могилъ великаго Монарха и перваго полководца Его, и на вѣки остается открыто неизвѣстностью: въ какой мѣрѣ, съ одной стороны, были дѣлаемы Кутузовымъ, а съ другой допускаемы Государемъ представленія.»

Сочиненіе г. Михайловскаго-Данилевскаго украшено девятью слѣдующими картами и планами: 1) общая карта военныхъ дѣйствій; 2) карта отступленія Кутузова отъ Браунау къ Кремсу; 3) планъ сраженія при Кремсѣ; 4) карта отступленія Кутузова отъ Кремса; 5) карта наступленія къ Аустерлицу; 6) планъ расположенія войскъ вродѣ аустерлицскаго сраженіемъ; 7) планъ сраженія вродѣ Аустерлицомъ (въ началѣ); 8) планъ аустерлицкаго сраженія (въ концѣ), и 9) карта отступленія отъ Аустерлица.

8) Нумизматическіе Факты Грузинскаго Царства. *Санктпетербургъ. 1844. Въ тип. Им. Академіи Наукъ. Въ большую 8-ю д. л. 202 стр.*

Неизвѣстно, кому русская бібліографія обязана этимъ изданіемъ: имя автора не означено на книгѣ. Изъ предисловія узнаемъ только, что авторъ обладаетъ значительнымъ собраніемъ грузинскихъ монетъ, которыя рѣшился описать въ этой книгѣ, — и нумизматика, вѣроятно, будетъ за то весьма благодарна ему. Онъ раздѣляетъ свое собраніе на пять разрядовъ: 1) монеты хосроліа-иверійскія, или сасанидо-грузинскія; 2) грузино-византійскія; 3) монеты, на которыхъ имена царей, титулы ихъ царя-царей и

прочіе принятые ими эпитеты изображены грузинскими и арабскими буквами; 4) монеты чеканенныя съ именами царей грузинскихъ, но безъ титуловъ ихъ, и 5) монеты чеканенныя въ Тифлисѣ съ именами иноплемениныхъ государей. Описаніе монетъ по этимъ разрядамъ сдѣлано на трехъ языкахъ: русскомъ, французскомъ и грузинскомъ, съ двумя литографированными таблицами. Изданіе истинно-великолѣпное.

9) ИСТОРИЯ НАПОЛЕОНА. *Сочиненіе Николая Полеваго. Томъ первый. Санктпетербургъ. Въ тип. Императорской Академіи Наукъ. 1844. Въ 12-ю д. л. 442 стр.*

При каждомъ новомъ произведеніи г. Н. Полеваго, невольно наумляется неистощимой и разнообразной его дѣятельности. Чего не писалъ онъ! Лишь — только зашевелится въ русской литературѣ что — нибудь некое на новое направленіе, или просто на новый вкусъ, новую моду, — онъ тутъ-какъ-тутъ, и всегда опередитъ ихъ, которые своимъ успѣхомъ прежде его открыли новое средство угождать прихоти публики. Но ему ни-почемъ обогнать русскихъ писателей и состязаться съ ними о пальмѣ первенства: онъ уже соперничествуеъ съ литературными славами Европы. Еще не успѣлъ Тьеръ напечатать свою исторію Наполеона, какъ г. Полевой уже выдалъ первый томъ своей «Исторіи Наполеона». Вотъ какъ мы состязуемся съ Европою! Изъ-подъ пера г. Полеваго, какъ видно по театральнымъ афешишамъ, вышла почти въ одно и то же время драма *Павелъ и Виргинія* и — *Исторія Наполеона!* Впрочемъ, что жъ! Пусть читаютъ добрые люди «Исторію Наполеона», сочиненную г. Полевымъ, если не могутъ читать «Исторіи Наполеона», сочиненной Тьеромъ. Конечно, это далеко не одно и то же, но и — что-нибудь — лучше, нежели — ничего. При огромномъ изобиліи матеріаловъ на всѣхъ европейскихъ языкахъ, трудно было бы дитератору, набившему руку

въ многоисавин, не составить чего-нибудь въ родѣ исторіи Наполеона, сколько-нибудь сносною. Жаль только, что г. Полевой иногда *странно* ошибается въ фактахъ, особенно во «Введеніи»: такъ, на-приим., онъ называетъ другомъ якобинцевъ заклятаго врага ихъ, жирондиста Дюмурье. Другой недостатокъ «Исторіи Наполеона» г. Полевого заключается въ общемъ недостаткѣ всѣхъ его сочиненій — въ языкѣ, который очень-трудно читать.

10) Практическій Курсъ Гальванопластики, составленный Ф. З. Санктпетербургъ. Въ тип. Департамента Внѣшней Торговли. 1844. Въ 8-ю д. л. 124 стр.

Это — лучшее изъ извѣстныхъ доселѣ-портъ руководствъ гальванопластики, существующихъ на русскомъ языкѣ, — а мы достаточно ихъ разсмотрѣли въ нашемъ журналѣ, въ отдѣлѣ «Критики» и въ отдѣлѣ «Библиографической Хроникѣ».

Авторъ «Практическаго Курса», какъ видно изъ первой главы — «Общаго взгляда», самъ занимался въ гальванопластическомъ классѣ, учрежденномъ при риевальной школѣ въ Санктпетербургѣ, собственными опытами узналъ всѣ приемы, испыталъ всѣ удачи и неудачи съ ихъ причинами, и, чувствуя, какъ бѣдна наша и даже иностранная литература хорошими наставленіями въ дѣлѣ, которое со-временемъ должно занять важное мѣсто между промышленными ремеслами, — рѣшилъ познакомиться съ производствомъ всѣхъ гальванопластическихъ работъ тѣхъ, которые не могутъ посѣщать означеннаго заведенія, и описать всѣ работы по порядку, что и какъ слѣдуетъ одну за другою, потому-что отъ этихъ приготовительныхъ работъ болѣею частью зависитъ удача или неудача гальванопластическихъ произведеній.

«Практическій Курсъ» написанъ языкомъ очень-простымъ; ученые выраженія авторъ употребляетъ самыя обыкновенныя, наиболѣе-извѣстныя и ясные, по-видимому, достигаетъ совер-

шенно дѣлм, слѣлавъ свое сочиненіе общепонятнымъ, доступнымъ даже для класса ремесленниковъ, незнакомыхъ спеціально съ физикою и химією.

Осажденіе мѣди на поверхности и внутри формъ, серебреніе, золоченіе, луженіе, покрытіе жестью, мѣдью, получение мопій съ гравировальныхъ досокъ и вытравливаніе рисунковъ на мѣди, составляютъ содержаніе практическаго руководства. Всѣ эти важнѣйшія статьи гальванопластики описаны подробно, понятно, точно.

Да позволить намъ почтенный авторъ слѣвать ему одно только замѣчаніе. При золоченіи, способъ полученія золота изъ раствора обратно, описанъ у него самый неудобный практически, т. е. посредствомъ выпариванія золотильнаго раствора до-суха и прокаливанія осадка. Еще прошлымъ гѣтомъ («Отеч. Зап.» 1844, томъ XXV, июль) мы показали всѣ невыгоды этого способа и предложили новыи, сообщенный намъ г. Черухинимъ. Способъ г. Черухина очень-замѣчательнъ въ практическомъ отношеніи, какъ по своей ясности и простотѣ, такъ и потому, что въ немъ не утрачивается нисколько золота. Можетъ-быть, авторъ «Практическаго Курса» нашелъ и худшую сторону его: въ такомъ случаѣ обязанность его была бы сообщить это публикѣ.

11) Новѣйшее Средство Испыденія отъ Водовоязни и Башниства, происходящихъ чрезъ укушеніе бешеныхъ волковъ, лисицъ и собакъ. Съ приложеніемъ рисунка. Москва. Въ тип. С. Селивановскаго. 1844. Въ 8-ю д. л. 16 стр.

Вотъ истинно-полезная, благодѣтельная брошюра, написанная опытнымъ врачомъ, практикующимъ тридцать лѣтъ! Имя его: Константинъ Матвеевъ сынъ Кулековъ; онъ инспекторъ и докторъ мѣдицины. Безъ малѣйшаго шарлатанства, котораго такъ много во врачебной наукѣ, съ истинною любовью и откровенностью объявляетъ онъ

дознанное и испытанное имъ средство отъ такой страшной болѣзни, какова водобоязнь. Мы должны выписать собственные слова автора:

«Въ 1832 году забѣсилась собственная моя собака и укусила меня во многихъ мѣстахъ въ руку, пока могли ее взять и завереть; послѣ того она ни шла, ни ѣла, визжала особеннымъ голосомъ и, въ третій день, околѣла со всеми признаками бѣшенства.

«Зная, какъ по опытамъ знаменитѣйшихъ врачей, такъ и по горестнымъ собственнымъ, что доселѣ всѣ медицинскія средства противъ водобоязни и бѣшенства отъ укушенія бѣшеныхъ собакъ нѣрѣдко извѣщаютъ, т. е. оказываются бесполезными, рѣшилъ я послать за живущимъ въ соседствѣ крестьяниномъ, издавна лечившимъ отъ укушенія бѣшеныхъ собакъ со всевозможнымъ и всегдашнимъ успѣхомъ, который и далъ мнѣ принять кореньевъ (всегда имъ употребляемыхъ лѣтомъ и зимою по выкопаніи изъ земли въ свѣжемъ видѣ) искрошенныхъ примѣрно количествомъ съ чайную ложку, съ тѣмъ, чтобы три дня сразу по утру повторять таковой же приемъ. Послѣ того, вотъ уже истекло 12 лѣтъ, и я отъ того укушенія бѣшеной собаки никакихъ послѣдствій не испыталъ. Само собою разумѣется, что желалъ я узнать корень растенія, этимъ крестьяниномъ употребляемаго, и онъ (*жалъ, что авторъ не называетъ этого крестьянина: имена такихъ людей должно сохранять*), по истинному добродушію, безъ всякаго отрицанія, показалъ мнѣ траву, корень которой отъ укушенія бѣшеныхъ животныхъ столь спасителенъ; а именно: это растеніе въ здѣшнихъ мѣстахъ (*село Хмырово, Верейскаго уѣзда*) называется Раповникъ и храповникъ, а въ другихъ мѣстахъ дикою бузиною; но систематическому же линнееву названію по-латинѣ *Spiga Ulmaria*. Послѣ того, въ-продолженіи 12 лѣтъ давалъ я этотъ корень весьма многимъ укушеннымъ бѣшеными собаками, своимъ и чужимъ, всегда свѣжій (не рѣшась удостовѣриться, можетъ ли сушеный также вѣрно дѣйствовать), и всегда съ наилучшимъ успѣхомъ, кромѣ одного только случая, гдѣ, однакоже, кромѣ сего средства, употреблены были разныя лекарства и, сверхъ того, болной, не имѣя водобоязни и уже не отъ укушенія бѣ-

шеного волка, но единственно отъ мнительности и страха, замочилъ, велѣлъ себя приковать къ стѣнѣ и умеръ. Въ нашихъ мѣстахъ весьма часто бѣсятся собаки отъ худого призора, и часто случалось, что прибѣгали на мой дворъ; но имѣя весьма большую сильную собаку, приказываю снискать ее при такомъ случаѣ, и она бѣшенныхъ собакъ всегда загрызала; послѣ того всегда дается ей три дня сразу тотъ же крошенный свѣжій корень, примѣрно съ столовую ложку, съ хлѣбомъ или съ масломъ въ видѣ шариковъ, и вотъ проходитъ нѣсколько лѣтъ, какъ она здорова. Узнавши по собственному многократному и многолѣтнему опыту вѣрную пользу корня раповника, свѣждаемаго укушеннымъ бѣшеными собаками, волками и лисицами, сообщилъ я сіе средство всѣмъ моимъ знакомымъ и, время отъ времени, имѣлъ душевную радость слышать, что это средство повсюду подтверждается въ своей дѣйствительности.

«Должно еще замѣтить, что употребленіе корня *Spiga Ulmaria* всегда помогаето гдѣ уже или отъ времени, или по причинѣ глубокихъ и многихъ ранъ, бѣшенымъ животнымъ нанесенныхъ, невозможно было ни промыть, ни расправить ихъ и они вовсе были безъ всякаго наружнаго средства предоставлены изцѣленію природы; тогда какъ имѣемъ много примѣровъ, что при всякомъ промываніи: укусомъ, растворомъ сулемы, лангса, при расправленіи испанскими мухами и другими якими веществами, всѣ укушенные больные рѣшительно гибли, чѣмъ болѣе и болѣе оправдывается спасительное дѣйствіе свѣжаго корня *Spiga Ulmaria*.

«Для удобнѣйшаго и безошибочнаго узнанія травы раповника, или храповника или дикой бузины, которая имѣетъ во время цвѣта пріятный особенный медовый запахъ, предлагается точный ея рисунокъ во весь ростъ и съ корнемъ. Природная высота сего растенія отъ $\frac{1}{4}$ до $1\frac{1}{2}$ аршина.

Всѣ врачи и не-врачи должны запастись этой благодѣтельной брошюрой.

12) Наставленіе, какъ предупредить среднія послѣдствія отъ гнибы (выпеченнаго) изю рожки несмѣрзавшей (недозрѣвшей) и смлианкой съ сторыиною, составленное Медицинскими Сове-

томъ Царства Польскаго. Варшава. 1844. Въ 8-ю д. л. 18 стр.

Въ этомъ сочинении обстоятельно представлены общія свѣдѣнія о недозрѣвшей ржи и о спорынѣ. Рожь не дозрѣваетъ или изобилуетъ спорынью въ дождливое и холодное лѣто, когда зерна хлѣбныя портятся уже на стеблѣ, получаютъ темный или даже черный цвѣтъ, бываютъ легки, маломучнисты и, если не будутъ приняты особенныя предосторожности, составляютъ нездоровую пищу. Иногда на колосьяхъ ржи (даже въ ячменѣ и овсѣ), вмѣсто обыкновенныхъ зеренъ, появляются уродливые, безобразные ростки, вѣдственные подъ названіемъ спорынни или хлѣбныхъ рожковъ (*secale cognatum*); эти ростки обыкновенно выше прочихъ зеренъ, имѣютъ видъ шпоры, длиною болѣе или менѣе одного дюйма, немного сплюснуты, и будто съ ребрами, выгнуты и по концамъ тоньше, снаружи черно-фіолетоваго цвѣта, внутри бѣловатаго съ фіолетовымъ отливомъ, ломки и приторнаго вкуса. Рожки эти весьма-вредны для здоровья и даже ядовиты. (Случается, что и въ хорошее лѣто порождаются рожки во ржѣ, имѣющей, впрочемъ, надлежащія качества.) Мука изъ зеренъ недозрѣвшей ржи, смѣшанной съ спорынью, бываетъ крупнѣе и заключаетъ въ себѣ болѣе влажности; отъ этого она скоро сваливается въ комки и дѣлается затхлою; цвѣтъ этой муки пепельный и вкусъ горькій. Хлѣбъ изъ такой муки выпекается дурно, бываетъ вязокъ, закалится, горекъ и въ изломѣ представляетъ также пепельный цвѣтъ. Этотъ хлѣбъ еще вреднѣе для здоровья и причиняетъ многія болѣзни болѣе или менѣе опасныя. (Если изъ подобныхъ зеренъ гонять вино, то оно также вредно.) Хлѣбныя зерна, смѣшанныя съ спорынью, вредны также для домашняго скота и птицъ.

Способы очищенія хлѣбныхъ зеренъ отъ спорынни суть: сушеніе и провѣтриваніе сноповъ ржи прежде молоченія; вѣяніе вымолоченной ржи противъ вѣтра; перетруска въ рѣшетѣ; погруже-

ніе этой муки въ воду (тогда спорыння, по легкости, всплываетъ вверхъ). Недозрѣвшая рожь, даже и по очищеніи отъ спорынни, составляетъ пищу тяжелую для желудка: почему надобно эту рожь, прежде молоченія, высушивать на открытомъ воздухѣ, а еще лучше — въ печи. Эта рожь должна оставаться четыре или шесть мѣсяцевъ въ зернѣ; потомъ можно молотить ее. Если по-необходимости надобно употребить въ пищу муку изъ недозрѣвшей ржи, то надобно эту муку высушить въ печи и прибавить къ ней (при печеніи хлѣба) нѣсколько-болѣе обыкновеннаго свѣжей закваски; если же за всѣмъ этимъ тѣсто будетъ дурно или не будетъ хорошей опары, то необходимо прибавить на каждый его пудъ по десяти золотниковъ поташа (*salі carbonicum*) и нѣсколько тмина. Полезно также прибавить къ этому тѣсту немного картофеля варенаго. Чтобъ хлѣбы лучше удались, надобно дѣлать ихъ не столь большіе. Такого подозрительнаго хлѣба не должно употреблять, пока онъ свѣжъ и мягокъ.

Главнѣйшая болѣзнь, происходящая отъ спорынни, есть злая корча (garbania), которой главныя признаки суть: онѣмѣніе членовъ, съ чувствомъ ползанія по нимъ мурашекъ, боль и ломота, боль въ предсердіи и тошнота. Вмѣстѣ съ тѣмъ бываетъ желчная рвота, потеря позыва на ѣду, или, напротивъ, неутолимый голодъ, повось съ обильными испраженіями глистовъ; головная боль, одуреніе, шумъ въ ушахъ, притупленіе слуха и туоуміе; тоска, лихорадка, и иногда на-кожныя сыпи въ видѣ синихъ патенъ, чесотки, волдырей или язвенокъ. Въ весьма-рѣдкихъ случаяхъ пальцы на рукахъ и ногахъ, и даже цѣлыя члены (руки и ноги) поражаются автоновымъ-огнемъ и спуска нѣсколько времени кусками опадаютъ. Болѣзнь эта длится у иныхъ дней десять, у другихъ гораздо-болѣе. Она разрѣшается иногда обильнымъ потомъ, иногда слезотеченіемъ. Большую частію послѣ этой болѣзни настаётъ невзлечимая падучая

болѣзнь, слабоуміе, или какое-либо увѣщье.

Лечение производится слѣдующими способами: сперва надобно возбуждать рвоту ипекакуану (20 гранъ) и сурмяною солью (1 гранъ). Но не должно давать рвотное во время самыхъ корчевыхъ движеній. На слѣдующій день дается слабительное (клевещинное шасло), или порошокъ ревеннаго корня, или наливка александрійскаго листа. Послѣ слабительныхъ хорошо давать чай изъ ромашки, мяты, мелиссы; для поддержанія силъ служатъ укрѣпляющія: отваръ корня дягиля (angelica) или ири (salamis). Дѣйствию этихъ лекарствъ способствуетъ треніе тѣла канфорнымъ спиртомъ, уксусомъ или жидкимъ скипидаромъ; теплыя ванны, особенно съ ароматными травами. Въ самомъ началѣ появленія корчей, усильно дѣйствуетъ приложеніе тертаго хрѣва на члены. Чувствительныя судорожныя боли уменьшаются умѣреннымъ бинтованіемъ пораженныхъ членовъ. Кровопусканія въ этой болѣзни не должно дѣлать. Питье должно быть кислое: сокъ свекловичный, вода съ уксусомъ. Пища должна быть удобоваримая, сначала легкая а потомъ болѣе-питательная. Въ Пруссіи лечатъ эту болѣзнь сначала рвотными, а потомъ даютъ kali sulphuricum cum laudano liquido sudenhami. Это постановленіе, изданное отъ правительства, весьма-полезно, ибо, къ-несчастью, нерѣдко встрѣчаются гибельные случаи отъ употребленія хлѣба изъ недозрѣвшей ржи, смѣшанной съ спорынью. Во второй части «Трудовъ Общества Русскихъ Врачей», на стр. 207 — 229, помѣщена статья «О спорынѣ», составленная членомъ этого Общества, докторомъ Брыковымъ. Въ этой статьѣ вполне описана спорынья, вредъ отъ нея, лечение болѣзней, причиняемыхъ спорынью, и также медицинское употребленіе этого вещества.

13) Частная Фармакологія, или наука о лекарствахъ, составленная докторомъ І. Ф. Зоbergerеймомъ, для акаде-

мическую и практическую употребленія. Съ примечаніемъ, 5 изданій, перевелъ и, съ некоторыми дополненіями, издалъ ординаторъ Московскаго Военнаго Госпитала, членъ С. Петербургскаго Общества Русскихъ Врачей, Михаилъ Вейсбергъ. Въ двухъ частяхъ. Часть II. Четвертая тетрадь. Москва. Въ типографіи скоропечатанія (?) В. Кирилова. 1844. Въ 8-ю д. л. 190 стр.

Хотя медленно, но все-таки движется эта полезная книга. Желаніемъ ей поскорѣ выйдти: всего осталось теперь только двѣ тетрадки. Въ вышедшей тетрадѣ помѣщены три класса: VII (кислоты), VIII (нейтральныя и среднія соли) и IX (металлическія средства). Переводъ вездѣ ровенъ и хорошъ. Шрифтъ убористъ, но четокъ. Занимающіеся медициной теоретически и практически должны запастись книгой Зоbergerейма.

14) Руководство къ Частной Патологической Анатоміи Карла Рокитанскаго, доктора медицины, профессора патологической анатоміи при Вѣнскомъ Университетѣ, многахъ ученыхъ обществъ члена. Перевели съ нѣмецкаго ординаторы новой Екатерининской Больницы Дмитрій Минъ и Адольфъ Циммерманъ. Часть вторая. Содержащая: болѣзни дыхательныхъ, пищеваарительныхъ, мочевыхъ и половыхъ органовъ. Москва. Въ университетской типографіи. 1844. Въ 8-ю д. л. 226 стр.

Сочиненіе Рокитанскаго, по словамъ переводчиковъ и по отзывамъ нѣмецкихъ журналовъ, составляетъ эпоху въ патологической анатоміи. Авторъ, заглядывающій знаменитымъ патологическимъ институтомъ въ Вѣнѣ, имѣлъ цѣлю изобразить патологическія измѣненія не только такъ, какъ ихъ находимъ мы въ трупѣ, но и представить ихъ въ связи съ болѣзненными явленіями, замѣчательными при жизни. Согласно съ этой цѣлю, патологическія измѣненія изслѣдованы имъ по всѣмъ періодамъ полнаго своего развитія. Изслѣдованія автора гнѣ въ жизни и вѣришь, что онъ самъ, во всякомъ вре-

ня, могъ предпринимать необходимыя наблюденія надъ большими. Самая же важная заслуга Рокитанскаго есть мысль: соединить патологическія извѣщенія различныхъ органовъ въ той связи, въ которой они встрѣчаются въ больномъ организмѣ въ одно и то же время. Трудомъ его открыты законы, которымъ подчиняются различныя формы болѣзней, тогда-какъ до этого времени извѣстны были только болѣзненные явленія. Распознаваніе болѣзней дѣлается гораздо-легче, когда извѣстно, какія болѣзни легкаго встрѣчаются съ извѣстною болѣзнію сердца, и наоборотъ, какія не могутъ встрѣчаться.

Чѣмъ явнѣе взглядъ на состояніе всѣхъ органовъ при одной какой-либо болѣзни, тѣмъ виднѣе связь болѣзненныхъ явленій. Тогда припадки не будутъ болѣе казаться чѣмъ-то случайнымъ, и вѣрное распознаваніе болѣзней не будетъ счастливою догадкою такъ называемыхъ *врачей-ислѣвъ*; напротивъ, будетъ дѣломъ соображенія, въ которому способенъ каждый. Если такая метода еще не вездѣ примѣняется во всей своей обширности, то Рокитанскій все-таки показалъ возможность вѣрнаго опредѣленія болѣзненныхъ явленій.

Просвѣщенной медицинской публикѣ остается благодарить переводчицъ за передачу на отечественный языкъ оригинальнаго и полезнаго сочиненія.

15) Наружныя Лекарства, *изъ свойства, дѣйствія на человека и употребленія для практикующихъ врачей и хирурговъ.* Сочиненіе Вильгельма Фридриха Гана. Перевелъ съ нѣмецкаго и издалъ помощникъ главнаго доктора московскаго вогнаго госпиталя, инспекторъ Фельдшерской Школы, статскій советникъ и кавалеръ Юсифъ Виноградовъ. Москва. Въ тип. Лазар. Инстит. Вост. Дѣлковъ. 1845. Въ 8-ю д. л. 594 и ХХVІІІ стр.

Сочиненіе Гана заключаетъ въ себѣ ту часть фармакологіи, которая гово-

рить о свойствахъ, образѣ дѣйствія и употребленія наружныхъ лекарствъ: внесенныя въ тѣло или приложенныя снаружн, они проходятъ другимъ путемъ, минуя желудокъ. Механическое дѣлопроизводство со стороны руководя, при употребленіи этихъ средствъ, относится уже къ хирургіи. Авторъ раздѣлилъ наружныя лекарства по ихъ свойствамъ и, болѣе, дѣйствіямъ на животный организмъ.

Переводчикъ избралъ эту книгу руководствомъ въ преподаваніи своихъ лекцій въ Фельдшерской Школѣ и, потому, увлекшись ея достоинствами, счелъ за полезное передать ее во всей цѣлости русскимъ врачамъ.

16) Русскія Достопамятности, издаваемаыя Императорскимъ Обществомъ Истории и Древностей Россійскихъ, учрежденнымъ при Императорскомъ Московскомъ Университетѣ. Часть третья. Москва. Въ университетской тип. 1844. Въ 8-ю д. л. LV и 318 стр.

Третья часть «Русскихъ Достопамятностей» содержитъ въ себѣ Слово о Пльку Игоревѣ Святослава плстворца стараго времени, объясненное по древнимъ славяно-русскимъ письменнымъ памятникамъ, магистромъ Дмитріемъ Дубенскимъ, котораго другой трудъ: *Объясненіе Русской Псалмы*, напечатанъ былъ во второй части «Русскихъ Достопамятностей». Надобно отдать полную справедливость добросовѣстнымъ и ученымъ трудамъ г. Дубенскаго; такъ именно должны издаваться древніе памятники нашей словесности. Безъ-такихъ изданій, нѣтъ возможности разсуждать объ отечественной литературѣ — ни восхищаться ею, ни отрицать ее. Во введеніи, г. Дубенскій помѣстилъ «Взглядъ на исторію литературы Слова о Пльку Игоревомъ и содержаніе Слова»; за сими слѣдуетъ самое «Слово», объясненное со всевозможною точностію и подробностію, такъ-что читателю не предстоитъ ни малѣйшей надобности рыться въ другихъ книгахъ и рукописяхъ: все ука-

вано и рассказано. Въ концѣ находится «Указатель Словъ Пѣсни Игоревой, расположенный по азбучному порядку, съ грамматическимъ разборомъ». Трудъ огромный, часто мелкій и копотливый, но всегда необходимый, всегда важный.

Представимъ сокращенно результаты «Введенія».

Во-первыхъ, объяснимъ названіе. Слово *плъкъ* (полюк), г. Бодянский производитъ отъ *пловати*, *полоти*—полотъ (траву), отъ котораго, вѣроятно, образовалось и слово *плева*, съ производнымъ *плесель*; слѣдовательно, *полюк*—избранная толпа людей, дружина, иногда—самая битва, какъ объясняетъ Карамзинъ. *Святославъ плътворца*—святославова пѣсотворца: вѣроятно, сочинитель «Слова» называетъ себя святославовымъ пѣсотворцемъ потому, что писалъ, кажется, по мысли Святослава, который въ «Словѣ о Пльку» выставленъ побѣдителемъ Половцевъ, видѣлъ несчастный сонъ и вызывалъ князей на рать. *Старою времени*—т. е. времени ярославова, ольгова, какъ оцъ и говорить самъ въ другомъ мѣстѣ. Изъ вѣка ярославова замѣштованы въ «Слово» лица: Мстиславъ Удалой, Ределя; изъ вѣка олегова влаты: Борисъ, Красный Романъ, и другія. Слѣдовательно, старинное названіе сочиненія переведется такъ: «Слово (или: *поелсть*) о дружинѣ (или: *битвѣ*) игоревой, святославова пѣсотворца старога времени».

Кто былъ авторъ «Слова»?.. Имя его неизвѣстно, но, безъ сомнѣнія, онъ былъ *мірянинъ*, ибо монахъ не дозволялъ бы себѣ говорить о богахъ языческихъ и приписывать имъ дѣйствія естественныя (миѣне Карамзина); не только *современникъ* похода, но даже *лицо, участвовавшее въ походѣ*, ибо только самовидецъ могъ избрать предметомъ своего пѣсопѣвья неважное и даже небластательное происшествіе, — когда походъ святославовъ на Половцевъ, предпринятый за годъ до игорева, былъ у него еще въ свѣжей памяти, несравненно превосходилъ его зна-

чительностію и представлялъ болѣе картинъ для воображенія (миѣне г. Погодина); *житель кыпишней Малороссіи*: это доказывается какъ образомъ выраженія пѣсами, такъ и нѣкоторыми словами (*аруча, кресити, болонье, смаца, юдица*), которыя неизвѣстны Великороссамъ, но употребляются и теперь въ Украинѣ (миѣне К. Калайдовича).

Время сочиненія «Слова» — XII вѣкъ, по рѣшенію Карамзина. Открыто оно въ 1795 году графомъ Мусинымъ-Пушкинымъ, въ старинномъ сборникѣ. Подлинная рукопись, съ которой печатали первое изданіе (въ 1800 г.), принадлежала къ концу XIV вѣка; писана на дощечной бумагѣ полууставомъ.

Всѣхъ изданій текста «Слова о Пльку Игоревѣ» было *одиннадцать*. *Первое* (1800 г.) принадлежало графу Мусину-Пушкину; *второе*—А. С. Шишкову, который перепечаталъ текстъ и предложеніе перваго изданія въ «Сочиненіяхъ и переводахъ, издаваемыхъ Россійскою Академіею» (1805); *третье*—Якову Пожарскому (1819), предложившему текстъ и присовокушавшему примѣчанія, въ которыхъ онъ увлекся къ односторонности, пытаясь отыскать многія слова подлинника въ польскомъ языкѣ: ибо пѣсь Игорьевъ хотя и близка, въ лексикологическомъ отношеніи, ко всѣмъ славянскимъ нарѣчіямъ, но не сама-по-себѣ, а потому, что живой русскій XII вѣка языкъ, которымъ она писана, былъ ближе въ то время ко всѣмъ славянскимъ нарѣчіямъ; по-этому и объяснять слова въ ней нарѣчіями, безъ необходимости, едва-ли полезно, а лучше можно истолковывать ихъ современными отечественными рукописями. *Четвертое* изданіе—Грамматина (1823), съ двумя предложеніями, прозой и стихами: издатель задумалъ поправлять оригиналъ, и потому искавилъ его; въ подлинникѣ формы древнія, настоящія славянскія, у Грамматина—формы обветшалыя, небывалыя. *Пятое*—перепечатано съ изданія А. С. Шишкова, въ его «Полномъ Собраніи Сочиненій

и Переводовъ (1826). *Шестое*—Н. Полеваго (1830), въ дополненіяхъ, въ третьемъ томѣ «Исторіи Русскаго Народа»; критическія (!?) его изслѣдованія помѣщены во второй части его «Исторіи»; изъ филологическихъ его поправокъ въ текстъ одна замѣчательна: онъ читаетъ *стабы*, вмѣсто *стабы*, но почему и что значить слово *стабы*—не показано; есть поправка еще замѣчательнѣе: онъ думаетъ, но, кажется, совѣстится сказать, что *Болянь растекашется мыслию* значить: Болянь растеѣхашется *мышью* (!), полагая, что тутъ разумѣть должно звѣрка или птицу (изъ неоконченныхъ «Исторіяхъ» *мышь* можетъ идти и за птицу), соответственно съ словами тутъ же стоящими—*волкомъ, орломъ*; точно, разумѣется здѣсь птица, и именно *соловей* (вовсе непохожая на птицу-мышь), но слово *мыслию* не лишнее и не описка. *Седьмое* изданіе—Вельмана (1833), представившаго изящный переводъ пѣсни, но въ этомъ переводѣ рѣчь переводчица, а не автора «Слова о Пльку Игоревѣ». *Восьмое*—г. Максимовича (1837), выводящаго такую мысль, что «Слово о Пльку Игоревѣ» есть историческая пѣсня и первоуродный изящный образецъ собственно-русской гражданской поэмы. *Девятое*—г. Сахарова, въ «Сказаніяхъ Русскаго Народа» (1839), безъ перевода; за то издатель украсилъ пѣсню любопытнымъ историческимъ обзоромъ ея изданій и мнѣній о ней *за и противъ*. *Десятое*—И. Снегирева, вмѣстѣ съ «Повѣданіемъ и Сказаніемъ о побоищѣ великаго князя Дмитрія Довскаго» (1839), этимъ рабскимъ подражаніемъ «Слову». *Одмладцатое*—г. Дубенскаго, о которомъ мы говоримъ. Г. Дубенскій указалъ на грамматическія формы въ пѣсни Игоревой; чтобъ можно было судить о выраженіи правильно, привелъ параллельныя мѣста изъ лѣтписей и другихъ письменныхъ памятниковъ; чтобъ дать вѣру въ самое «Слово» и вмѣстѣ ознакомять съ значеніемъ, какое имѣло оно въ свое время, приложилъ буквальный переводъ, какъ выводъ, если не вездѣ,

по крайней мѣрѣ во многихъ мѣстахъ доказанный, и привелъ слова въ алфавитный порядокъ, по которому легко можно прискаты каждое слово въ пѣсню и рядомъ съ нимъ видѣть разборъ ему грамматическій.

Какимъ языкомъ писана пѣсня игорева?.. Для рѣшенія этого вопроса, потребенъ былъ трудъ огромный. Надобно было пересмотрѣть всѣ древнія славянскія рукописи, показать существенныя, отличительныя признаки нарѣчій и подрѣчій, собрать корни словъ, составить аналитическую и синтетическую части грамматики древняго славянскаго языка; потомъ опредѣлить, въ какомъ отношеніи къ этому языку состоялъ нашъ древне-русскій. Тогда понятно было бы, на какомъ языкѣ писано это «Слово о Пльку Игоревѣ». Г. К. Калайдовичъ, безъ этихъ данныхъ, приступилъ къ рѣшенію задачи, и взглядъ его оказался вѣрнымъ, но безъ доказательствъ не имѣлъ силы и не уваженъ. «Словъ Пѣсни» говоритъ онъ («Труды Общ. Любит. Рос. Слов.», ч. XI): «тщетно мы будемъ искать въ извѣстныхъ языкахъ славянскихъ, а того менѣе въ областномъ нарѣчій: они находятся едва-ли не всѣ въ языкѣ св. Писанія, а болѣе въ языкѣ лѣтписей, грамматъ и другихъ историческихъ памятниковъ: ибо сочинитель ея вездѣ является современникомъ происшествій». Такой отзывъ дѣйствительно оправдался критикой, т. е., сравненіемъ языка пѣсни съ языкомъ древнѣйшихъ русскихъ памятниковъ и его формами. Аббатъ Добровскій, дававъ грамматику языка славянскаго по древнему нарѣчію, указалъ законы, по которымъ сочетались коренные элементы славянскаго голоса, и критикъ далъ средство повѣрять и здраво судить о грамматическихъ формахъ славянскихъ. Задача пѣсни игоревой рѣшилась сама-собою. Большая часть словъ, вошедшихъ въ составъ пѣсни игоревой, отыскивается въ первообразныхъ формахъ, на которыя указываетъ Добровскій; этимологическія перемѣны и свитаясь у

пѣвца игорева чисто-славянскіе, и притомъ тѣ самыя, которые знаменитый филологъ отыскалъ въ древнѣйшихъ рукописяхъ, такъ-что «Слово о Пльку Игоревѣ» подтверждаетъ вѣрность системы, принятой Добровскимъ, и наоборотъ: грамматика его указываетъ на непреложность формъ «Слова о Пльку Игоревѣ». Слѣдовательно, общее заключеніе таково: грамматика «Слова о Пльку Игоревѣ» есть грамматика языка славянскаго по древнему нарѣчію, съ тѣмъ ограниченіемъ, что словообразование въ пѣсни игоревой двоякое: оно согласно въ однихъ реченіяхъ съ образованіемъ словъ древне-булгарскихъ (кирилловское нарѣчіе) — *славію*, а въ другихъ есть старо-русское — *словію*. Таковъ вообще характеръ нашей древней письменности.

Доселѣ въ нашихъ славянскихъ грамматикахъ прилагались формы, принятія въ новѣйшій церковный языкъ, или точнѣе, формы славяно-русскія. Древнее правописаніе славянское въ русскихъ изданіяхъ измѣнено; падежи склоняемыхъ частей рѣчи прииженны къ нынѣшнему великороссійскому выговору; двойственные формы выкинуты или оставлены въ немногихъ мѣстахъ и то, кажется, по недосмотру исправителей; словомъ, сдѣлано все, чтобъ рѣчь церковная была вразумительна, не дика для слуха народнаго. Отъ-того, языкъ древній, чисто-славянской, сдѣлался для насъ чуждымъ, страннымъ, неразумительнымъ и даже сочтенъ неправильнымъ, неграмматическимъ. Тогда явилось въ свѣтъ «Слово о Пльку Игоревѣ» въ своей формѣ первообразной, неподдѣльной, съ правописаніемъ и языкомъ вѣка; критика, отвыкшая отъ этихъ формъ, встрѣтила его съ недоумѣрчивостью. Начались вопросы, толки и недоразумѣнія—и самое «Слово» было опозорѣно. Кромѣ незнанія древне-славянскаго языка и неумѣнья различать книжный языкъ отъ народнаго, были другія причины, давшія поводъ къ сомнѣніямъ, а именно: критики думали въ іѣснотворцѣ святославономъ найдти

Оссіана, и не было палеографическихъ извѣстій о подлинномъ спискѣ.

Когда отъ древности и языка «Слова о Пльку Игоревѣ» перейдемъ къ его содержанию и эстетическому значенію, тогда толки будутъ тоже различныя. Г. Дубенскій хотя и говоритъ, что при первомъ извѣстіи о «Пѣснѣ» въ «Сѣверномъ Зрителѣ», поставили ее *сюрча* на ряду съ лучшими оссіановскими поэмами, однакожь утверждаетъ самъ, на стр. X «Введенія», что это твореніе содержитъ въ себѣ столько *славы*, и на стр. 11-й, что это древнѣйшее произведеніе русской музы общаетъ столько *славы Россіи*... Мы этого не думаемъ: Россія слава и будетъ еще славнѣе, только не отъ «Пѣсни о Пльку Игоревѣ», которую дѣйствительно нельзя сравнивать съ «Иліадою» Гомера, или съ твореніями Оссіана.

17) Юридическая Библиотека; *опытъ руководства къ познанію законовъ и къ правильному примѣненію ихъ къ случаямъ, и проч. Изданіе Федора Наливкина. Тетрадь девятая. Москва. Въ университетской тип. 1844. Въ 8-ю в. л. 171 стр.*

Девятая тетрадь «Юридической Библиотеки», издаваемой г-мъ Наливкинымъ, *разсказываетъ* своимъ читателямъ, на основаніи Свода Законовъ Россійской Имперіи, законы полицейскіе въ обширномъ смыслѣ, законы о сохраненіи народнаго здравія, и законы, касающіеся предупрежденія преступленій.

«Юридическая Библиотека», *сказала* мы, *разсказываетъ* законы. Это ее обыкновенная метода; она хочетъ быть популярною, т. е. хочетъ влечь въ ротъ, разжевавъ напередъ всякую вещь. Потому у нея нѣтъ систематическихъ раздѣленій, нѣтъ ни статей, ни параграфовъ, и все разсказывается, какъ юридическая импровизація. Коснулось дѣло общества — поговоримъ и объ обществѣ (какъ умѣемъ, разумѣется); зашло дѣло о докторатахъ — поразсудимъ и о докторатахъ, похвалимъ добрыхъ, поборонимъ шарлата-

новъ; дошла очередь до повивальныхъ бабокъ,—и объ нихъ у насъ есть доброе слово молвить; о винахъ—поболтаемъ и о винахъ, о шампанскихъ и объ иныхъ—прочихъ; о табакѣ,—и здѣсь найдется, что сказать и рассказать... находчивость немовѣрная! Если подобной методы нельзя похвалить за благоразумную утѣренность, противоположную малмшней болтливости, то и нельзя не сказать, что она очень-курьезна.

«Юридическая Библіотека» не только рассказываетъ законы, но часто и умствуетъ или философствуетъ по поводу ихъ. Вотъ одинъ образчикъ ея философствованія; мы беремъ его съ первой страницы:

«Почему; на-примѣръ, вступающій въ монашество отрывается единоразъ и навсегда отъ правъ на свою недвижимую собственность? Кто составить себѣ ясное понятіе о цѣли, съ которою вступають въ монашество, тому не трудно отвѣчать на этотъ вопросъ. Они ищутъ отрады и утѣшенія въ недрахъ святой обители, мѣняютъ земное на небесное, и должны оставить все, что привязываетъ ихъ къ міру; младшіе же недвижимую собственности изображительно съ забѣтами и суетами мірскими. Можеть ли возмощаться свободно и безпрестанно мысль къ источнику и началу всего благаго и праведнаго, душа и сердце быть въ спокойствіи и чистотѣ, которыя требуются отъ посланнаго образъ ангельскій, когда они преданы попеченіямъ о своемъ житіи, участвуютъ въ безпокойствѣхъ и тревогахъ свѣта? Почему духовенству вообще запрещено торговать? Почему что торговые промыслы считаются несвѣдѣтельными лицамъ духовнаго званія, и въ особенности обличены въ савъ священнослужителей. Неприличнымъ также считается помѣщеніе трактирныхъ заведеній въ домахъ священно и церковнослужителей, въ которыхъ живутъ они сами. Запрещеніемъ лицамъ духовнаго званія обязываться или ручаться за другихъ предотвращаются послѣдствія ручательства и отвѣтственности, иногда унижательной; на-примѣръ, заключенія, за неплательствомъ долга, обезвѣчнаго поручительства, въ тюрьму. Сложившіе съ себя дуацельный савъ священникъ и діаконъ не допускаются въ службу до истеченія опре-

дѣленнаго закономъ времени для того, чтобъ удержатъ ихъ (?) въ духовномъ званіи и лишитъ надежды пользоваться выгодами службы вскорѣ послѣ сложения съ себя савъ», и т. д.

Логика здраваго смысла справедливо могла бы жаловаться на такое изложеніе, въ которомъ иногда незамѣтно ея присутствіа... Но это, вѣроятно, происходитъ отъ излишней поспѣшности давать немедленно, не одумавшись напередъ, отвѣтъ на заданный вопросъ—извѣстное свойство всѣхъ говоруновъ. Такое свойство, надобно предполагать, составляетъ природный недостатокъ пишущаго «Юридическую Библіотеку», а старая пословица говорить, defectus naturales non sunt exprobrandi.

«Юридическая Библіотека» подчасъ и шутитъ очень-забавно, хотя бы дѣло шло о предметѣ, вовсе-невозбуждающемъ не только смѣха, даже улыбки. Такой ужъ у нея веселый нравъ! И здѣсь мы можемъ указать одинъ или два образчика: первый, изъ многогортчанаго разглагольствія о томъ, что дѣтубійство есть точно преступленіе.

«Подкидываніе есть также преступленіе; но какая разница между нимъ и дѣтубійствомъ! Она неизмѣрна. Я называю подкидываніемъ не брошеніе ребенка какъ щенка, въ полѣ или на улицѣ, иногда въ трескучіе морозы, на произволъ судьбы, что бы съ нимъ не случилось, безъ заботы даже и о томъ, что онъ можетъ сдѣлаться добычею плотоядныхъ звѣрей, или хищныхъ птицъ, или умереть съ голоду, — а подложеніе къ чьему-нибудь дому, гдѣ младенецъ можетъ быть скоро взятъ добрыми, сострадательными людьми, со всѣми притомъ предосторожностями отъ стужи и отъ другихъ вредныхъ и опасныхъ причинъ. Моисей въ корзинкѣ, подъ надзоромъ своей маленькой сестры, можетъ служить изображеніемъ младенца не брошеннаго, а оставленнаго по-неволѣ съ заботливостію однако же, чтобъ онъ не погибъ... Той, которая находится въ совершенной необходимости скрыть свою беременность, лучше пропить извѣстный ре-

малень Пушкина «Подъ вечеръ осенью ненастной»... (стр. 46).

«Юридической Библиотекѣ» тоже не мѣшало бы вспоминать почаще известное стихотвореніе того же Пушкина, которое начинается стихомъ «Отцы пустыниники и жены непорочны»: тамъ есть хорошій стихъ и для нея! А вотъ маленькій образчикъ популярности положенія, усвоеннаго «Юридическою Библиотекою». Дѣло идетъ о повивальныхъ бабкахъ и о простыхъ повитухахъ; первыя—похваляются, послѣднія—не совсѣмъ.

«Отъ нихъ (говорить Юридическая Библиотека), отъ послѣднихъ станется все, хотя не отъ всѣхъ. Благословенная старина! Что жъ вы не хвалите старички? Бывало, похаживаетъ повитуха, суетится около родильницы, водить ее, кладетъ да и только. Бабушка, матушка, смерть моя, кричитъ родильница. Погоди, голубушка ненаглядная моя, ласное солнышко, помучься, не настала еще часъ воли Божіей. Ласково, да неутѣшительно. При несчастныхъ родахъ повитуха не знаетъ что и дѣлать. Да хорошо еще, что она не дѣлаетъ ничего, а то прійдется таскать роженницу, мать, комкать, вертѣть, и Господи твоя воля! Мученія да и только», и т. д. (стр. 55).

Читаете, кажется, «Юридическую Библиотеку», а выходитъ такъ, какъ будто вы читаете «Сказаніе о Мамаевомъ Побойцѣ!» Иной шутникъ, почитавъ «Юридическую Библиотеку», скажетъ, что это «Юридическая Повитуха», не что иное.

18) Руководство къ Познанію Теоретической-матеріальной Философій. *Сочиненіе Александра Петровича Татаринова. Санктпетербургъ. Въ тип. Эдуарда Праца. 1844. Въ 8-ю д. л. 40 стр.*

Германія—отечество философій новаго міра. Когда говорятъ о философій, то всегда разумѣютъ германскую, потому-что никакой другой философій человѣчество не имѣетъ. Во всѣхъ другихъ странахъ, философія есть по-

пытка частнаго лица разрѣшить извѣстные вопросы о бытіи; въ Германіи, философія—наука, исторически-развивающаяся; ея обработываніе постепенно передается отъ поколѣнія къ поколѣнію. Кантъ первый положилъ прочныя начала новѣйшей философій и далъ ей наукообразную форму. Фихте своимъ ученіемъ выразилъ второй моментъ развитія философій: дѣйствуя независимо отъ Канта и даже ставъ въ полемическое къ нему отношеніе, онъ тѣмъ не менѣе былъ только продолжителемъ начатаго Кантомъ дѣла. Шеллингъ и Гегель—представители дальнѣйшаго движенія философій. Теперь гегелизмъ распался на три стороны—правую, которая остановилась на послѣднемъ словѣ гегелизма и далѣе не идетъ; лѣвую, которая отложилась отъ Гегеля, и свой прогрессъ полагаетъ въ живомъ примѣненіи философій съ жизнью, теорій съ практикою; и центральную, составляющую нѣчто среднее между мертвою стояцію правой и стремительнымъ движеніемъ лѣвой стороны. Если мы сказали, что лѣвая сторона гегелизма отложилась отъ своего учителя, это не значитъ, чтобъ она отвергла его великія заслуги въ сферѣ философій и признала его ученіе пустымъ и безплоднымъ явленіемъ. Нѣтъ, это значитъ только, что она хочетъ идти далѣе и, при всемъ ея уваженіи къ великому философу, авторитетъ духа человѣческаго ставитъ выше духа авторитета Гегеля. Такъ отложилась отъ Канта Фихте; такъ духомъ ученія своего объявилъ себя противъ Канта и Фихте Шеллингъ; такъ ученіемъ Шеллинга, Гегель, отложилась отъ Шеллинга; но ни одинъ изъ нихъ не думалъ отрицать заслуги своего предшественника, и каждый изъ нихъ считалъ себя обязаннымъ своимъ успѣхомъ трудамъ предшественника. Такой ходъ германской философій дѣлаетъ невозможными произвольныя проявленія личныхъ философствованій. Чтобъ дѣйствовать на поприщѣ философій, въ Германіи мало того, чтобъ объявить печатно: «я такъ

думаю, но должно посвятить цѣлыя годы тяжелаго труда дѣльному и основательному изученію всего, что сдѣлано по части философіи,—должно быть современнымъ.

Съ этой точки зрѣнія, нѣтъ ничего забавнѣе русской философіи и русскихъ книгъ по части философіи. О философіи, какъ наукѣ, у насъ никто не заботится; но всѣ наши философы думаютъ, что для того, чтобъ сдѣлаться философомъ, стѣдуетъ только захотѣть этого. Учиться философіи они не считаютъ нужнымъ; имъ легче объявить, что всѣ вѣмецкіе философы врутъ, нежели прочесть хотя одного изъ нихъ. Наши философы не понимаютъ, что у насъ для философіи нѣтъ еще ни почвы, ни потребности. Нашему философу вдругъ, ни съ того ни съ сего, прійдетъ охота пофилософствовать, и такъ-какъ съ болтовни пошлывъ не берутъ, то, въ слѣдствіе этого неожиданнаго припадка философствованія, явится небольшая книжка, въ которой все сказано, все объяснено, все рѣшено, кромѣ одного только — зачѣмъ и для кого написанъ весь этотъ вздоръ...

Едва-ли не сильнѣе всѣхъ другихъ нашихъ философовъ г. Александръ Петровичъ Татаринъ: на сорока страницкахъ, разгонисто и безобразно напечатанныхъ, онъ излагаетъ какую-то необычную до него *теоретическую-практическую философію*, и начисто рѣшаетъ, что такое *истина, благо и красота*: истина у него есть истина, благо—благо, а красота—красота. Коротко и ясно! Изъ философовъ, бывшихъ до него, онъ знаетъ что-то только о Локкѣ, Лейбницѣ и Кантѣ, а о дальнѣйшемъ ходѣ философіи рѣшительно никакихъ свѣдѣній не имѣетъ. Для чего и для кого написана эта тетрадка (книжгою и даже книжкою ее нельзя назвать)? Для гѣхъ, кто имѣетъ хотя какое-нибудь понятіе о философіи, тетрадка г. Татаринова будетъ только забавна; а гѣ, которые о философіи не имѣютъ никакого понятія,

ровно ничего не поймутъ въ ней, въ этой тетрадкѣ.

19) Учебная Книга Вскобщей Географіи. Съ приложеніемъ карты желѣзныхъ дорогъ въ Западной Европѣ. Составлена А. Ободовскимъ. Санктпетербургъ. Въ тип. Ильи Глазунова. 1844. Въ 8-ю д. л. 471 и 28 стр.

«Учебная Книга Всеобщей Географіи», составленная г. А. Ободовскимъ, лучше многихъ и очень-многихъ русскихъ книгъ въ этомъ родѣ; изъ чего нисколько не слѣдуетъ, чтобъ она была положительно-хороша. Особенную и оригинальную черту ея достоинства составляетъ то, что она учитъ — *человѣчкулюбію*... Право, такъ: мы не шутимъ. По примѣру всѣхъ учебниковъ, которые ни положительно-хороши, ни положительно-дурны, а посредственны, «Учебная Книга Всеобщей Географіи» снабжена предисловіемъ, въ которомъ преванно разсуждается о пользѣ географіи, какъ-будто-бы кто-нибудь и когда-нибудь сомнѣвался въ пользѣ этого знанія. Вотъ что, между прочимъ, говорится, въ этомъ простодушномъ предисловіи, о почтенныхъ качествахъ души и сердца всеобщей географіи:

«Раскрывая дивно-величественную картину созданія, она исполняетъ душу благоговѣнія къ могуществу и мудрости Создателя, указываетъ высокое наше назначеніе и, вмѣстѣ съ тѣмъ, объясняя отношеніе земли къ мірозданію, внушаетъ истинное смиреніе. Она научаетъ насъ челоѣчкулюбію, убѣждая, что родъ челоѣчскій, не смотря на различіе народовъ, есть семейство одной крови,—есть родъ Божій.»

Изъ этого ясно видно, что географія не только полезная, но и весьма-«нравственная» наука, и что всѣ другія науки, съ столь полезныя и нравственныя, слѣдовало бы отдать подъ ея надзоръ.

20) СБОРАНІЕ ФРАЗЪ для разговора съ Финнами. Санктпетербургъ. 1844. Въ 12-ю д. л. 16 стр.

Для тѣхъ, кто не знаетъ финскаго языка и кому, между-тѣмъ, непремѣнно нужно разговаривать съ Финнами, — всего лучше разговаривать, не выпуская изъ рукъ этой полезной книжки.

21) Начертаніе Русской Исторіи, для среднихъ учебныхъ заведеній. Сочиненіе Н. Устрялова. Изданіе пятое. Санктпетербургъ. Въ тип. военно-учебныхъ заведеній. 1845. Въ 12-ю д. л. 248 стр.

Заслуженный авторитетъ книгъ г. Устрялова слишкомъ силенъ, и потому нѣтъ нужды распространяться въ сужденіи о нихъ.

22) Стихи Человѣческой Рѣчи, или теорія органическихъ звуковъ. Физіологическое изслѣдованіе Самуила Барана. Санктпетербургъ. 1844. Въ тип. Штаба Отдѣльнаго Корпуса Внутренней Стражи. Въ 8-ю д. л. 50 стр.

Книга небольшая, но ужасно-ученая. Научиться изъ нея многому нельзя; но за то можно вполне узнать, что такое скука. Книга эта такъ обстоятельно объясняетъ, какииъ образомъ какой звукъ выговаривается, что, прочтя ее, вы тотчасъ увидите себя въ положеніи мольерова «Мѣщанина-Дворянина», который очень обрадовался, узнавъ отъ своего учителя словесности, что онъ всю жизнь свою говорилъ прозою. Можетъ-быть, все, что говоритъ г. Баранъ о звукахъ и о процессѣ ихъ формированія черезъ горло, языкъ, зубы, губы, — можетъ-быть, все это и справедливо; но вотъ вопросъ: какое отношеніе все это имѣетъ къ практическому познанію «человѣческой рѣчи»? Жаль, что именно этого-то и не позаботился объяснить г. сочинитель «Стихи Человѣческой Рѣчи».

23) Адресъ-Календарь Санктпетербургскихъ Жителей, составленный по официальнымъ документамъ и содѣланнымъ, К. Нистремомъ. Томъ III. Календарь частныхъ лицъ. Санктпетербургъ. Въ тип. К. Жернакова. 1844. Въ 12-ю д. л. 528 стр.

Мы уже не разъ говорили объ этомъ полезномъ и хорошо-выполняемомъ предпріятіи г. Нистрема. Желаемъ ему скорѣйшаго окончанія и полнаго успѣха.

24) Курсъ Чистой Математики, составленный по порученію Боллавега, профессорами математики: Аллезомъ, Библи, Пюиссаномъ и Бударо. Съ французскаго перевелъ, значительно измѣнилъ и пополнилъ П. Погорѣльскій. Изданіе пятое. Москва. Въ университетской типографіи. 1845. Въ 8-ю д. л. 182 стр.

Здѣсь заключается элементарная алгебра. Употребленіе этого курса во многихъ учебныхъ заведеніяхъ, если угодно, доказываетъ его пользу.

25) Принцесса Брамбилла. Фантастическая повесть Э. О. А. Гофмана. Съ политипажными рисунками. Санктпетербургъ. 1844. Въ тип. Х. Гинце. Въ 12-ю д. л. 229 стр.

Для людей, которые вѣрують, что искусство существуетъ только для искусства и кромѣ самого-себя никому не отдаетъ отчета въ своихъ дѣйствіяхъ; для людей, которые любятъ литературу для литературы, которыхъ вполне можетъ удовлетворить и сдѣлать счастливыми хорешенькое стихотвореніе, хорошеенькая сказочка, — для такихъ людей *Принцесса Брамбилла*; можетъ-быть, очень понравилась бы, особенно, еслибъ она была переведена хорошо на-русски. Но для людей, которые искусствомъ связываютъ въ своемъ понятіи съ жизнію и хотятъ видѣть въ немъ вѣрное выраженіе непряхотливыхъ мечтативъ поэтовъ, но прогрессъ исторіи и общества, — для такихъ людей *Принцесса Брамбилла* покажется довольно-пустою и весьма-скучною сказкою, тѣмъ болѣе, что она переведена тяжело, сухо и несладко. Впрочемъ, надо прибавить и то, что *Принцесса Брамбилла* не принадлежитъ къ числу удачныхъ произведеній сумасброднаго гениа Гофманна. Мы уже ска-

зали свое мнѣніе о переводѣ этой сказки; скажете слова два о ея изданіи. Но оберткѣ этой книжки можно подумывать, что она задана не только распрію—даже изыщно; но эта обертка похожа на щегольской плащъ, прикрывающій довольно-плохой фракъ. Это изданіе—сѣренькое; политипажей нѣтъ никакихъ, а есть что-то въ родѣ плохихъ виньетокъ, числомъ до пяти. И эта книжка стоитъ полтора рубля серебромъ!

26) *Маленькая Лидія* (,) или *Маленькіны Записки. Повесть для дѣтей. Санктпетербургъ. Въ тип. Э. Праца. 1844. Въ 16-ю д. л. 82 стр*

Обыкновенная дѣтская книжка дюжиннаго достоинства, вся наполненная моральными наставленіями. Ничего нѣтъ легче, какъ писать такіа книги: чтобъ давать моральныя наставленія, не нужно ни ума, ни таланта, ни даже уваженія къ собственнымъ наставленіямъ; чтобъ написать повѣсть, въ которой не было бы ни одного моральнаго наставленія, ни одной сентенціи, но которая вся лышала бы нравственнымъ ароматомъ событія и изложенія, — для этого нужно много и много таланта.

27) *Общая Риторика, Н. Кошанскаго. Изданіе девятое. Санктпетербургъ. Въ тип. Департамента Военныхъ Поселеній. 1844. Въ 8-ю д. л. 106 стр.*

Наука — великое дѣло. Въ этомъ согласны всѣ — отъ мудреца до безграмотнаго простолюдина. Ученье свѣтъ, не ученье тьма, говорятъ наши русскіе мужички. Въ наше время, эта истина становится аксіомою. Но и враги ученія и наукъ еще не перевелись, и что всего хуже, они не всегда неправы въ своихъ нападкахъ на ученость и ученыхъ. Мы говоримъ не о тѣхъ противникахъ просвѣщенія, которые только во яркѣ невѣжества и дикости правоту видятъ неспорченность мысли и чистоту нравственности: нѣтъ, объ этихъ зауѣбрахъ обскурантизма, объ

этихъ чадахъ тьмы, объ этихъ фанатикахъ и лицемерахъ ложно-понимаемаго добронравія, не стоитъ труда и говорить. Но нельзя не обратить вниманія на тѣхъ противниковъ просвѣщенія, которые вооружаются не столько противъ науки, сколько противъ ученыхъ; которые, основываясь на простомъ здравомъ смыслѣ и на простомъ практическомъ чувствѣ, не теорією, а указаніемъ на знакомыхъ имъ ученыхъ, доказываютъ то пустоту и бесполезность, то даже вредъ ученія. Объяснимъ это примѣромъ. Положимъ, г. NN—человѣкъ неучившійся, но умный отъ природы образовавшійся опытомъ жизни и нечуждый въ некоторой начатности, повинаясь духу времени, взялъ для своего сына учителя словесности. И вотъ, учитель аккуратно является давать юношѣ уроки, проходить съ нимъ грамматку, реторику, поэзію; логику. Конченъ курсъ словесности; всѣ довольны: сынъ—что узналъ столько мудреныхъ и полезныхъ наукъ; отецъ—что выполнилъ свой долгъ; учитель—что образовалъ новаго словесника. Но вдругъ декорация переиживается. Отецъ опредѣляетъ своего сына на службу и хочетъ, чтобъ тотъ служилъ подъ его руководствомъ. Для практики, онъ даетъ ему составлять выписки изъ дѣлъ, задаетъ ему писать разныя бумаги оффиціальнаго содержанія, — и что же? Онъ съ удивленіемъ видитъ, что во всѣхъ юридическихъ опытахъ его сына бездна краснорѣчія, троихъ и фигуръ не оберешься, а дѣла нѣтъ и признаковъ; слогъ отличный, но истинѣ высокій, а что-нибудь пенять въ немъ нѣтъ никакой возможности. Въ другое время, онъ проситъ сына написать письмо о томъ-то и тому-то: та же исторія! Періоды круглые, съ пониженіями и повышеніями; послѣ предложенія, начинающагося съ «хотя», всегда слѣдуетъ предложеніе, начинающееся съ «однако»; слово «кто» всегда соотвѣтствуетъ слову «тотъ», и т. д.; во письмѣ глжего, неприлично, неуклаже, какъ семинаристъ въ обществѣ. Что же

это значить? — думаетъ отецъ. «Сынъ мой не глупъ, способности у него есть, въ обществѣ онъ держитъ себя прилично и говоритъ какъ принято, а на письмѣ — фразёръ, педаантъ, вадутый враль, тяжелый болтунъ. Учился онъ по хорошей книгѣ, по «Реторикѣ» г. Кошанскаго, которая вездѣ принята за лучшее руководство и напечатана десятимъ изданіемъ; учитель — человѣкъ извѣстный, учитъ во всѣхъ домахъ и меньше десяти рублей за урокъ не беретъ; все это такъ, — но чему же выучился мой сынъ? — Далѣе, отецъ замѣчаетъ, что его сынъ, пршедь полный курсъ словесности, слѣдовательно, выучившись и поэзіи, узнавъ и исторію русской словесности, свысока разсуждаетъ иногда о величіи генія Державина, вскользь упоминаетъ и о Пушкинѣ, а между-тѣмъ читаетъ только новые романы и водевили, совершенно не интересуясь ни чѣмъ инымъ. Зная названіе всѣхъ наиболѣе-извѣстныхъ сочиненій на отечественномъ языкѣ, онъ только изъ нѣкоторыхъ читалъ отрывки, а большей части со-всѣмъ не читалъ. И вотъ, дѣлать нечего, отецъ споритъ съ сыномъ, кое-какъ переламываетъ его, приучаетъ хорошо писать и дѣловыя бумаги и письма. Сынъ сталъ хотѣть куда! Но тогда отецъ съ удивленіемъ замѣчаетъ, что сынъ его исправился, благодаря тому, что совершенно забылъ, какъ вздоръ, все, чему училъ его учитель словесности. Какое же отецъ долженъ вывести мнѣніе изъ всего этого? — Разумѣется, такое, что науки и ученье — вредный вздоръ. И онъ правъ, тысячу разъ правъ: за него фактъ и, можетъ-быть, тысячи такихъ фактовъ. Какое ему дѣло разсуждать, чтó за наука — реторика, можетъ ли и должна ли она преподаваться, и такъ ли ее преподаютъ? Онъ знаетъ, что реторикѣ учатъ во всѣхъ училищахъ, что бразъ реторики никого не признаютъ ученымъ, знаетъ, что его сынъ учился по реторикѣ, изданной девятимъ изданіемъ, вездѣ принятой за руководство, — и въ то же время онъ знаетъ, что реторика — су-

щій вздоръ, не только бесполезный но и страшно-вредный.

Много можно привести такихъ примѣровъ, доказывающихъ, что отъ ученія люди часто ничего не выигрываютъ, а много проигрываютъ: выигрываютъ — тяжесть, сухость, педаантизмъ, претензіи, а проигрываютъ здравый смыслъ, живость ума, истинность истины, тактъ дѣйствительности. *Метафизикъ* Хемницера дѣйствительно бессмертная вещь: говоря объ ученіи и ученыхъ, часто по неволѣ невспоминши о ней...

Но наука и ученье тутъ ни въ чемъ не виноваты, потому что надо строго отличить науку и ученье отъ состоянія, въ которомъ наука и ея преподаваніе находятся въ извѣстное время и въ извѣстномъ обществѣ. Конечно, людямъ практическимъ, которые привыкли обо всемъ судить на основаніи здраваго смысла и опыта, которые цѣнятъ вещи по ихъ результатамъ, видать ихъ, какъ онѣ суть, а не такъ, какъ бы должны были быть, — такимъ людямъ мало дѣла до необходимости отдѣлять злоупотребленіе науки отъ самой науки, — и они совершенно правы съ своей точки зрѣнія. И потому мы хотимъ поговорить здѣсь о реторикѣ не для того, чтобъ убѣдить практическихъ людей въ высокому достоинствѣ реторики вообще и «Реторикѣ» г. Кошанскаго въ частности, а для того, чтобъ практическіе люди не презирали всякой науки и всякаго знанія потому только, что реторика — вздорная наука и вредное знаніе.

Злоупотребленіе многихъ вещей происходитъ большею частію отъ-того, что люди смѣшиваютъ между собою самыя различныя вещи. Такъ, напримѣръ, чаще всего смѣшиваются у насъ понятія: *наука* и *искусство*. Самое слово *наука* у насъ невѣрно выражаетъ ключевое въ немъ понятіе. Простой народъ нашъ правильнѣе употребляетъ это слово, говоря о мальчикѣ, отданномъ учиться сапожному ремеслу: *онъ отданъ въ науку*. То, что называется scientia, science, Wissenschaft, у

насъ должно бы называться не наукою, а *знаніем*. Наука ничему не учитъ, ничему не выучиваетъ: она даетъ знаніе законовъ, по которымъ существовать все существующее; она многообразнѣе однородныхъ предметовъ приводитъ въ идеальное единство. Искусство имѣетъ болѣе-практическое значеніе: оно больше способность, талантъ, умѣніе что-либо дѣлать, нежели знаніе чего-либо. Искусства бывають двухъ родовъ: творческія и техническія. Дѣятельная, производительная способность въ первыхъ бываетъ въ людяхъ, какъ даръ природы; ученіе и трудъ развивають этотъ даръ, но самого дара не даютъ тѣмъ, кому не дано его природою. Технические искусства даются людямъ наукою, въ томъ смыслѣ, какъ понимаетъ это слово простой народъ, — въ смыслѣ практическаго ученія, изученія, навыка. И въ творческихъ искусствахъ есть своя техническая сторона, доступная и бездарнымъ людямъ: можно выучиться писать легкіе и гладкіе стихи, разбирать ноты и лучше или хуже разыгрывать ихъ, срисовывать копии съ оригиналовъ и т. п., но поэтомъ, музыкантомъ, живописцемъ нельзя сдѣлаться ученіемъ и рутинною. Все, что существуетъ, существуетъ на основаніи неизмѣнныхъ и разумныхъ законовъ, и потому подлежитъ вѣдѣнію науки (знанію); слѣдовательно, и искусство подлежитъ вѣдѣнію науки, но не иначе, какъ только предметъ знанія, а совсѣмъ не какъ предметъ обученія, т. е. мастерство, которому можно [выучиться посредствомъ науки. Искусствамъ учатся — это правда, особенно такимъ, въ которыхъ техническая сторона преимущественно важна и трудна; но здѣсь ученіе особеннаго рода — ученіе практическое, а не теоретическое, ученіе не по книгѣ, а по наглядному указанію мастера. Таковы и всѣ техническія искусства, всѣ ремесла. Напишите самое ясное, самое толковитое руководство къ искусству шить сапоги, — самый повѣрливый и способный человекъ въ пятьдесятъ, во сто лѣтъ не выучится

по вашей книгѣ шить сапоги такъ хорошо, какъ бы выучился овъ въ нѣсколько мѣсяцевъ у хорошаго мастера, при посредствѣ его наглядныхъ указаній и своего упражненія и навыка. Въ такомъ точно отношеніи находится наука къ искусству. Иной эстетикъ-критикъ судить лучше художника о произведеніи самого этого художника, но самъ не въ состояніи ничего создавать. Въ сферѣ искусства, ученый *знаетъ*, художникъ *умѣетъ*.

Но не всѣ, къ-несчастью, понимаютъ это и теперь; еще меньше всѣ понимали это прежде. Вотъ откуда явилась *реторика*, какъ наука краснорѣчія, наука, которая брала на-выучку того уголко сдѣлать великимъ ораторомъ; вотъ откуда явилась *митика*, какъ наука дѣлать поэтами даже людей, которые способны только мостить мостовую.

Реторика получила свое начало у древнихъ. Соціализмъ и республиканская форма правленія древнихъ обществъ сдѣлало краснорѣчіе самымъ важнымъ и необходимымъ искусствомъ, ибо оно отворяло двери къ власти и начальствованію. Удивительно ли, что всѣ и каждый хотѣли быть ораторами, хотѣли имѣть вліяніе на толпу посредствомъ искусства красноречія? по-этому, изучали рѣчи великихъ ораторовъ, анализировали ихъ, и дошли до открытія троповъ и фигуръ, до источниковъ изобрѣтенія; стали искать общихъ законовъ въ частныхъ случаяхъ. Ораторъ сильно всколебалъ толпу могучимъ чувствомъ, выраженнымъ въ фигурѣ вопрошенія, — и вотъ могучее чувство отбросили въ сторону, а фигуру вопрошенія привали къ свѣдѣнію: эффектная-де фигура, и на ней какъ-можно-чаще надобно выѣзжать — всегда вывезетъ. Это напоминаетъ басню о глупомъ мужикѣ, или глупой обезьянѣ, которая, увидѣвъ, что ученый, принимаясь за чтеніе, всегда надѣвалъ на носъ очки, тоже достала себѣ очки и книгу, хотѣла читать, и съ досады, что ей не читается, разбила очки. Но люди бывають иногда глупѣе

обезьянъ. Изъ наблюдений и анализа надъ рѣчами великихъ ораторовъ они составили сборъ какихъ-то произвольныхъ правилъ и назвали этотъ сборъ *риторикою*. Явились риторы, которые къ ораторамъ относились, какъ діалектики и софисты относились къ философамъ, и начали обучать людей искусству краснорѣчія; завелась школы, но изъ нихъ выходили все-таки не ораторы, а риторы. Какая разница между ораторомъ и риторомъ? Такая же, какъ между философомъ и софистомъ, между присяжнымъ судьей (juror) и адвокатомъ: философъ въ діалектикѣ видитъ средство дойти до знанія истины, — софистъ въ діалектикѣ видитъ средство остаться побѣдителемъ въ спорѣ; для философа, истина — цѣль, діалектика — средство; для софиста, и истина и ложь — средство, діалектика — цѣль; присяжный судья видитъ свою цѣль въ оправданіи невиннаго, въ осужденіи виновнаго; адвокатъ видитъ свою цѣль въ оправданіи своего клиента, правъ ли онъ, или виноватъ — все равно. Ораторъ убѣждаетъ толпу въ мысли, великость которой вмѣрятся его одушевленіемъ, его страстію, его пафосомъ, и, слѣдовательно, жаромъ, блескомъ, силою, красотою его слова; ритору нѣтъ нужды до мысли, въ которой онъ хочетъ убѣдить толпу: риторъ — человекъ маленький, и мысль его можетъ быть подленькою, даже у него можетъ не быть вовсе никакой мысли, а только гадильная цѣль, — и лишь бы ея удалось ему достигнуть, а до прочаго ему нѣтъ дѣла. И тамъ, гдѣ ораторъ беретъ вдохновеніемъ, бурю страстей, громомъ и молніею слова, тамъ риторъ хочетъ взять тропачи и фигурыми, общими мѣстами, выточеными фразами, округленными періодами. Но въ древности, риторика еще имѣла какой-нибудь смыслъ. Когда въ какой-нибудь республикѣ переводились на время великіе люди, тогда народомъ управляли крикуны и краснорѣчан, т. е. риторы. А много ли людей, которые для такой цѣли не стали бы учиться риторикѣ? — Но скажите,

Бога ради, зачѣмъ нужна риторика въ новомъ мірѣ? Зачѣмъ она даже въ Англіи и во Франціи? Въдѣ Пяттъ и Фоксъ были не только ораторы, но и государственные люди? Въдѣ въ наше время, когда вся общественная жизнь такъ многословна, такъ искусственна, даже и великій по таланту ораторъ недалеко уйдетъ, если въ то же время онъ не будетъ государственнымъ человекомъ? И какимъ образомъ риторика сдѣлаетъ кого-нибудь краснорѣчивымъ въ Англіи и во Франціи, и кто изъ англійскихъ и французскихъ парламентскихъ ораторовъ образовался по риторикѣ? Развѣ риторика даетъ кому-нибудь смѣлость говорить передъ многочисленнымъ собраніемъ? Развѣ она даетъ присутствіе духа, способность не теряться при возраженіяхъ, умѣніе отразить возраженіе, слова обратиться къ прерванной нити рѣчи, находчивость, талантъ всемогущаго слова — ктати? Приведемъ извѣстный примѣръ изъ древняго міра. Демосоевъ говорилъ о Филиппѣ, а вѣтренные Афиняне толковали между собою о новостяхъ дня; раздраженный ораторъ начинаетъ имъ рассказывать пустую побасенку, — и Афиняне слушаютъ его внимательно. «Боги!» воскликнулъ великій ораторъ: «достоинъ вашего покровительства народъ, который не хочетъ слушать, когда ему говорить объ опасности, угрожающей его отечеству, и внимательно слушаетъ глупую сказку!» Разумѣется, эта неожиданная выходка устыдила и образумила народъ. Скажите: какая риторика научитъ такой находчивости? Въдѣ подобная находчивость — вдохновеніе! Ведумай кто-нибудь повторить эту выходку — толпа расхохочется, потому что толпа не любитъ людей, которые велики или находчивы заднимъ числомъ. Какая риторика дастъ человеку бурный огонь одушевленія, страсть, пафосъ? Намъ возразятъ: конечно, не дастъ, но развѣ эти счастливые дары природы. Не правда! ихъ можетъ развить практика; трибуна, а не риторика. Римскій полко-

вода нуждается въ хорошихъ книгахъ о военномъ искусствѣ, но развивается онъ на поляхъ брани. И чѣмъ бы могла риторика развить геній оратора: не-уже-ли тропами, метафорами и фигурами? Но что такое тропы, метафоры и фигуры, если выраженіе страсти—не произведение вдохновенія? Истинный ораторъ употребляетъ тропы и фигуры, не думая о нихъ. То энергическое выраженіе, которымъ онъ вскоблалъ толпу, иногда срывается съ его устъ нечаянно, и онъ самъ не предвидѣлъ, не находилъ его въ своей головѣ, будучи отдѣленъ отъ него только двумя словами предшествовавшей фразы. Ученикамъ задаютъ писать тропы и фигуры: не значитъ ли это задавать имъ *работу*—быть вдохновенными, страстными? Это напоминаетъ соловья въ когтяхъ у кошки, которая заставляетъ его пѣть. Да чего не бываетъ на бѣломъ свѣтѣ! Въ старину, въ семинаріяхъ, въ классѣ поэзіи, задавали ученикамъ описывать въ стихахъ разные назидательные предметы...

Итакъ, какую же пользу можетъ приносить риторика? Не только риторика, — даже теорія краснорѣчія (какъ науки краснорѣчія) не можетъ быть. Краснорѣчіе есть искусство, — не цѣлое и полное, какъ поэзія: въ краснорѣчіи есть цѣль, всегда практическая, всегда опредѣляемая временемъ и обстоятельствами. Поэзія входитъ въ краснорѣчіе какъ элементъ, является въ немъ не цѣлью, а средствомъ. Часто самыя увлекательныя, самыя патетическія мѣста ораторской рѣчи вдругъ сѣняются статистическими цифрами, сухими разсужденіями, потому-что толпа убѣждается не одною красивою живою взустной рѣчи, но виѣсть съ тѣмъ и дѣломъ, и фактами. Одинъ ораторъ могущественно властвуетъ надъ толпой силою своего бурнаго вдохновенія; другой—вкрадчивою граціею изложенія; третій — преимущественно пронию, насмѣшкой, остроуміемъ; четвертый послѣдовательностью и ясностью изложенія, и т. д.

Каждый изъ нихъ говоритъ, соображаясь съ предметомъ своей рѣчи, съ характеромъ слушающей его толпы, съ обстоятельствами настоящей минуты. Еслибъ Демосеенъ вдругъ воскресъ теперъ и заговорилъ въ англійской нижней палатѣ самымъ чистымъ англійскимъ языкомъ, — англійскіе джентльмены и Джонъ Буль ошибали бы его; а наши современные ораторы плохо были бы приняты въ древней Греціи и Римѣ. Мало того: французскій ораторъ въ Англии, а англійскій во Франціи не имѣли бы успѣха, хотя бы они, каждый въ своемъ отечествѣ, привыкли владычествовать надъ толпой силою своего слова. И потому, если вы хотите людяиъ, которые не готовятся быть ораторами, дать поватіе о томъ, что такое краснорѣчіе, а людяиъ, которые хотятъ быть ораторами, дать средство къ изученію краснорѣчія, — то не пишите риторика, а переберите рѣчи извѣстныхъ ораторовъ всѣхъ народовъ и всѣхъ вѣковъ, снабдите ихъ подробною біографіею каждого оратора, необходимыми историческими примѣчаніями, — и вы окажете этою книгою великую услугу и ораторамъ и неораторамъ.

Но зачѣмъ риторика у насъ въ Россіи?—Зачѣмъ, чтобъ учить дѣтей сочинять?.. Многие смѣются надъ опредѣленіемъ грамматики, что она учитъ *правильно говорить и писать*. Опредѣленіе очень-умное и очень-вѣрно! Всеобщая грамматика есть философія языка, философія человѣческаго слова: она раскрываетъ систему общихъ законовъ человѣческой рѣчи, равно-своиственныхъ каждому языку. Частная грамматика учитъ ни чему иному, какъ правильно говорить и писать на томъ или другомъ языкѣ: она учитъ не ошибаться въ согласованіи словъ, въ этимологическихкихъ и синтаксическихкихъ формахъ. Но грамматика не учитъ *хорошо* говорить, потому-что говорить *правильно* и говорить *хорошо* — совѣмъ не одно и то же. Случается даже такъ, что говорить и писать *слишкомъ-правильно* значить *говоришь и писат*

дурно. Иной семинаристъ говорить и писать как олицетворенная грамматика, его нельзя ни слушать, ни читать; а иной простолюдинъ говорить неправильно, описывается и въ словеніяхъ и въ спраженіяхъ, а его заслушаешься. Изъ этого не слѣдуетъ, чтобъ грамматикѣ не должно было учиться, и чтобъ грамматика была вздорная наука: совсѣмъ напротивъ! Неправильная рѣчь одареннаго способностію хорошо говорить простолюдина была бы еще лучше, еслибъ онъ зналъ грамматику. Дѣло въ томъ только, чтобъ грамматика знала свои границы и слушалась языка, котораго правила объясняетъ: тогда она научитъ *правильно* и писать и читать; но все-таки только *правильно*, не больше: учить же говорить и писать *хорошо*—совсѣмъ не ея дѣло. Сколько мы догадываемся, на это претендуетъ реторика. Нелѣпость, сущая нелѣпость! Кто готовится въ государственные ораторы, — тотъ пусть изучаетъ рѣчи государственныхъ ораторовъ, слушаетъ ихъ, какъ-можно-чаще бываетъ въ обществѣ государственныхъ людей; кто готовится въ адвокаты, тотъ пусть не выходитъ изъ судебныхъ мѣстъ, пусть ищетъ общества адвокатовъ; но еще лучше, если тотъ и другой какъ-можно-чаще сами будутъ пробовать свои силы на избранномъ поприщѣ; кто хочетъ блистать своимъ разговоромъ въ свѣтскомъ обществѣ, тотъ пусть живетъ въ свѣтѣ; кто хочетъ посвятить себя литературѣ, тотъ пусть изучаетъ писателей своего отечества и слѣдитъ за современнымъ движеніемъ литературы. Но и тотъ, и другой, и третій, и четвертый, больше всего пусть опасаются реторики! Скажутъ: въ искусствѣ говорить, особенно въ искусствѣ писать, есть своя техническая сторона, изученіе которой очень-важно? Согласны; но эта сторона насколько не подлежитъ вѣдѣнію реторики. Ее можно назвать *стилистикою*, и она должна составить собою дополнительную, окончателъную часть грамматики, высшій синтаксисъ, то, что въ старинныхъ латинскихъ грамма-

тикахъ называлось: *syntaxis ornata* и *syntaxis figurata*. Этотъ высшій синтаксисъ долженъ заключать въ себѣ главы: 1) о предложеніяхъ и періодахъ; 2) о тропяхъ, и 3) объ общихъ качествахъ слога — чистотѣ, ясности, опредѣленности, простотѣ и проч. въ отношеніи къ выраженію. Въ главѣ о предложеніяхъ и періодахъ, должны быть объяснены общія, на логическомъ строеніи мысли основанныя формы рѣчи; въ періодѣ должно показать силлогизмъ; надобно обратить особенное вниманіе на то, чтобъ отдѣлить вышнюю форму отъ внутренней, и научить по-возможности избѣгать школьной формы выраженія. Такъ, на-пр., всякій школьникъ, особенно учившійся по Реторикѣ г. Кошанскаго, необходимо принадлежность *условно*на періода почитаетъ союзы: *если, то*; надо внушить ему, что условность можетъ заключаться и въ періодѣ безъ *если* и *то*, какъ, на-прим: *скажешь правду, потеряешь дружбу*, и что эта послѣдняя форма проще, легче и лучше первой. Въ главѣ о *тропяхъ* не должно гоняться за пошлыми примѣрами, или искать ихъ непремѣнно въ сочиненіяхъ извѣстныхъ писателей, но брать ихъ преимущественно въ обыкновенномъ, разговорномъ языкѣ, въ пословицахъ и поговоркахъ. Надо показать ученику, что тропы породили необходимость *образнаю* выраженія, и что тропы лучше всего объясняютъ и оправдываютъ философское положеніе: «ничего не можетъ быть въ умѣ, чего не было въ чувствѣ». Лучшіе примѣры троповъ должны быть въ такомъ родѣ: *острый умъ, тупая память, слѣды преступленія, имѣть кусокъ хлѣба*, и т. п. Что касается до фигуръ, которыя, какъ извѣстно, раздѣляются риториками на *фигуры словъ* и *фигуры мыслей*, — то о нихъ лучше всего совсѣмъ не упоминать. Кто исчислитъ всѣ обороты, всѣ формы одушевленной рѣчи? Развѣ риторы исчислили всѣ фигуры? Нѣтъ, ученіе о фигурахъ ведетъ только къ фразистости. Всѣ правила о фигурахъ совершенно-произвольны, по-

тому-что выведены из частныхъ случаевъ. Что касается до главы о словѣ вообще, — она должна состоять изъ опытныхъ наблюденій, изъ общихъ замѣчаній, и отнюдь не должна претендовать на научнообразное изложене. Чтoby приучить ученика владѣть фразою и не затрудняться въ выраженіи мысли, — всего менѣе нужна теорія и всего болѣе практика. Упражняйте его въ переложеніи стиховъ на прозу, а главное — въ переводахъ съ иностранныхъ языковъ. Это истинная и единственная школа стилистики. Борьба между духомъ двухъ различныхъ языковъ, сравненіе средствъ того и другаго для выраженія одной и той же мысли, всегдашнее усиліе найти на своемъ языкѣ фразу, вполне-соотвѣтствующую фразѣ иностраннаго языка: это всего лучше развѣжетъ перо ученика, и кромѣ того, всего лучше заставить его выискнуть въ духѣ роднаго языка. Но эти такъ-называемые источники изобрѣтенія, эти топикъ, эти общія мѣста (*lieux communs*), которыми реторика гордится какъ своимъ истиннымъ и главнымъ содержаніемъ, — все это рѣшительно пустяки, и пустяки вредные, губительные. Мальчику задаютъ сочиненіе на какую-нибудь описательную, а чаще всего отвлеченную тему; велитъ ему или описать весну, зиму, восходъ солнца, или доказывать, что лѣньность есть мать пороковъ, что порокъ всегда наказывается, а добродѣтель всегда торжествуетъ; Боже великій, какое варварство! Мальчикъ сочиняетъ! Мальчикъ — сочинитель! Да, знаете ли вы, господа-риторы, что мальчикъ, который сочиняетъ, почти то же, что мальчикъ, который курить, водочится за женщинами, пьетъ водку?.. Во всѣхъ этихъ четырехъ случаяхъ равно-губительно упреждается природа искусственнымъ развитіемъ, и мальчишка играетъ роль взрослога челоѣка. Гдѣ ему рассуждать о природѣ, когда вся прелесть, все блаженство его возраста въ томъ и состоитъ, что онъ любитъ природу, не зная какъ и за что? А вы заставляете

его находить причины его любви къ природѣ и анализировать это чувство! Мальчикъ любить своихъ товарищей, съ нѣкоторыми изъ нихъ друзей, — почему? — по простой симпатіи, которая влечетъ челоѣка къ челоѣку, соединяетъ возрастъ съ возрастомъ — а вы заставляете его насильно увѣряться, что это происходитъ въ немъ то отъ-того, то отъ другаго, то отъ нужды въ помощи ближняго, то отъ пользы общаго труда! Чтo изъ этого выходитъ? — мальчикъ былъ добрый шалуунъ, который любилъ своихъ товарищей просто за то, что ему съ ними было весело, —этотъ мальчикъ, *искусившійся въ реторику*, начинаетъ раздѣлять свое чувство на простое знакомство, на пріязнь и дружбу; дружбы у него является нѣсколько родовъ, и онъ уже по рецептамъ начинаетъ направлять свое расположеніе къ ближнимъ, и его чувство дѣлается искусственно, ложно. Изъ живаго, здороваго полнотою чувства ребенка, дѣлается рефлектеръ, резаюръ, умникъ, и чѣмъ лучше онъ говоритъ о чувствахъ, тѣмъ бѣднѣе онъ чувствами, — чѣмъ умнѣе онъ на словахъ, тѣмъ пустѣе онъ внутренно. Отъ дружбы недалеко любовь, — и вотъ прежде, чѣмъ пробудилась въ немъ неопредѣнная потребность этого чувства, онъ уже знаетъ любовь въ теоріи, говоритъ объ нмнѣннѣ, ревности и кровавомъ мщеніи. Онъ влюбляется не по невольному влеченію, а по выбору, по рефлексіи, и описываетъ, анализируетъ свое чувство или въ письмѣ къ другу, или въ своемъ дневникѣ, или въ стихонкахъ, которые онъ давно уже кропаетъ. Результатъ всего этого тотъ, что въ мальчишкѣ не остается ничего истиннаго, что онъ весь ложень, что непосредственное чувство у него замѣнено прихотью мысли. Прежде, нежели почувствуетъ онъ что-нибудь, онъ назоветъ это, опредѣлитъ. Онъ не живетъ, а рассуждаетъ. И вотъ онъ уже не мальчишка, ему уже двадцать лѣтъ, — и въ этотъ-то счастливый возрастъ полноты жизни, онъ старикъ: на все смотритъ съ презрѣніемъ, съ ироніею;

онъ все испыталъ, все узналъ; для него нѣтъ счастья—осталось одно разочарованіе, одиѣ погибшія надежды, его настоящее скучно, будущее мрачно. Вотъ оно — нравственное растлѣніе, вотъ оно—развращеніе души и сердца! Конечно, много причинъ такому явленію, и смѣшно было бы всю вину возложить на реторику; но ясно и неопровержимо, что реторика—одна изъ главныхъ причинъ такого грустнаго явленія. Мальчику задаютъ тѣмъ: «порокъ наказывается, добродѣтель торжествуетъ». Сочиненіе, въ формѣ хриіи или разсужденія, должно быть представлено черезъ три дня, а иногда и завтра. Чтѣ можетъ звать мальчикъ о порокахъ или добродѣтели? для него это — отвлеченныя и неопредѣленныя понятія; въ его умѣ нѣтъ никакого представленія о порокахъ и добродѣтели: чтѣ же напишетъ онъ о нихъ? не безпокойтесь—реторика выручитъ его: она дастъ ему волшебные вопросы: *кто, что, гдѣ, когда, какъ, почему* и т. п., вопросы, на которые ему стѣитъ только отвѣчать, чтобы по всѣмъ правиламъ науки молоть вадоръ о томъ, чего онъ не знаетъ. Реторика научитъ его брать доводы и доказательства отъ причины, отъ противнаго, отъ подобія, отъ прииѣра, отъ свидѣтельства, а потомъ вывести заключеніе. Удивительная школа «развѣрства!» Ясно, что «реторика есть наука красно писать обо всемъ, чего не знаешь, чего не чувствуешь, чего не понимаешь». Удивительная наука! занку она дѣлаетъ краснобаемъ, дурака—мыслителемъ, нѣмага — ораторомъ. И потому, когда прочтутъ драму, въ которой оболгано сердце человѣческое, говорятъ: *реторика!* Когда прочтутъ романъ, въ которомъ оболгана изображаемая въ немъ дѣйствительность, говорятъ: *реторика!* Когда прочтутъ пустованное стихотвореніе безъ чувства и мысли, говорятъ: *реторика!* Когда услышать вяточника, разсуждающаго о благонамѣренности, лицеиѣра, разсуждающаго о развращеніи нравовъ, говорятъ: *реторика!* Словомъ, все ложное, пошлое, всякую форму безъ

содержанія, все это называютъ *реторикой!* Учитесь же, милыя дѣти, реторикѣ: хорошая наука!

Всякая наука должна имѣть опредѣленное, только ей одной принадлежащее содержаніе; она не должна соединять въ себѣ нѣсколькихъ наукъ вдругъ. Такъ-какъ наука есть ограниченное постройеніе идеальной сущности предмета, составляющаго ее содержаніе,—то въ ней все должно выходить и развиваться изъ одной мысли, а эта мысль должна быть вполнѣ схвачена ее опредѣленіемъ. Г. Кошанскій даже не позаботился опредѣлить, чтѣ такое реторика и каковъ ее содержаніе. Онъ начинаетъ съ того, что ничто столько не отличаетъ человека отъ прочихъ животныхъ, какъ *сила ума и даръ слова*. Досихъ-поръ мы думали, что человекъ отличается отъ животныхъ *разумомъ*, а не *силой ума*. По опредѣленію г. Кошанскаго выходитъ, что и у животныхъ есть умъ, только не столь сильный, какъ у человека. Сила ума, по мнѣнію г. Кошанскаго, отирается въ *волативахъ, сужденіяхъ и умозаключеніяхъ*, составляющихъ предметъ логики. Даръ слова заключается въ прекраснѣйшей способности выражать *чувствованія* и *мысли*, чтѣ составляетъ предметъ *словесности*; а словесность заключается въ себѣ грамматику, реторику и поэзію (поэзія—наука!) и *грамматикѣ съ эстетикомъ*. Потомъ, грамматика занимается у г. Кошанскаго *словами*; реторика—преимущественно *мысльми* (реторика недавно занималась у него *логикой*); поэзія—*чувствованіями* (стало-быть, въ поэзіи нѣтъ мыслей!); въ эстетикѣ *хранятся* (словно въ архивѣ!) *мечтательными начала* не только словесныхъ наукъ (грамматики, реторики и поэзіи!), но и всѣхъ искусствъ изящныхъ...

Скучно говорить о такихъ странностяхъ... виноваты—о такой реторикѣ, т. е. о такомъ наборѣ словъ, лишенныхъ всякаго содержанія, всякаго значенія, всякаго смысла. «Реторика» г. Кошанскаго, какъ и всѣ реторики, говоритъ и о родахъ *ироническихкихъ сатирическихки*,

учить: какъ писать исторію, какъ писать ученые трактаты, какъ описывать то или другое, какъ писать письма... Что за нелѣпость! Да развѣ всему этому выучиваются? Это все равно, что учить (по книгѣ), какъ вести себя на похоронахъ, и какъ держать себя на свадьбѣ, какъ обращаться на балу, и какъ разговаривать на званомъ обѣдѣ. Дайте молодому человѣку прочесть нѣсколько хорошихъ историческихъ сочиненій, познакомьте съ хорошими авторами, между сочиненіями которыхъ есть и описанія, и разсужденія, и письма, и разговоры,—и онъ самъ пойметъ, какъ что пишется. Но вы непремѣнно хотите показать естественное развитіе, хотите знакомить умъ дѣтей съ предметами, которые не поражаютъ ихъ чувства,—и удивляетесь, что изъ вашихъ учениковъ выходятъ автоматы, которые отлично-хорошо знаютъ какъ что пишется, а сами не умѣютъ ничего написать и не въ состояніи почитать и оцѣнить написаннаго другими. Г. Кошанскій, по обычаю всѣхъ риторовъ, отъ Василія Кирилловича Тредиаковского, профессора словесницъ, до риторовъ нашего времени, раздѣляетъ слогъ на *высокій, средний и низкій*, и обстоятельно объясняетъ, какія сочиненія какинъ слогомъ пишется. Г. Кошанскій забылъ глубокомысленное выраженіе Вирсона: *ex словъ esse члосма*,—забылъ, что, кромѣ небывалыхъ высокаго, средняго и низкаго слоговъ, есть еще неисчислимое множество дѣйствительно-существующихъ слоговъ: есть слогъ Ломоносова, есть слогъ Державина, слогъ Фоминина, Карамзина, Жуковского, Батюшкова, Пушкина, Гребовдова и проч. Онъ забылъ, что слоговъ не три, а столько; сколько, было и есть на свѣтѣ даровитыхъ писателей.

И потомъ: что за пустая манера раздѣлять сочиненія на роды по вышней формѣ, и опредѣлять, къ какому роду сочиненій какой приличенъ слогъ? Вы были свидѣтелемъ наводненія, разрушившаго городъ: въ вашей волѣ описать его въ формѣ письма, или въ фор-

мѣ простаго разсказа. Слогъ вашего описанія будетъ зависѣть отъ характера впечатлѣнія, которое произвело на васъ это событіе. Какъ можно сказать, какинъ слогомъ должно вамъ написать письмо къ вашему брату о смерти вашего отца? Въ наставленіи о написаніи разсужденій г. Кошанскій ввелъ логику: жаль, что не включилъ онъ въ свою ретиорику ни географіи, ни минералогіи!.. Что за нелѣпости пишутся подъ именемъ реторикъ!

Всякая реторика есть наука вздорная, пустая, вредная, педагогская, остатокъ варварскихъ схоластическихъ временъ; всѣ реторики, сколько мы ни знаемъ ихъ на русскомъ языкѣ, нелѣпы и пошлы; но реторика г. Кошанскаго перещеголала ихъ всѣхъ. Изъ эта книга выходитъ уже *деятельнымъ* названіемъ! Сколько же невиннаго народа губила она собою!

28) Бородинское Ядро и Березинская Переправа. *Историческій романъ*.—Любовь Танцовщицы, или Генеральша Рикетица Лодонски при Наполеонѣ. *Поэма*. Санкт-петербургъ. 1844.

— Бородинское Ядро и Березинская Переправа. *Полу-историческій романъ въ двухъ частяхъ*. Сочиненіе Р. Зотова. Въ 8-ю д. л. 87 стр.

Первое назъ этихъ двухъ заглавій мы находимъ съ обертки книги; второе съ ея заглавнаго листка. Не знаемъ, которое изъ нихъ лучше; думаемъ, что оба хороши. Но сама книга еще лучше. Чего въ ней нѣтъ?—И необыкновенныя происшествія, и патетическія сцены, и коморъ, и исторія, и реторика! Особенно, много реторикъ! Видно, что почтенный сочинитель равныхъ чертъ изъ жизни въ свое время прилежно учился реторикѣ: самую естественную черту обыкновенной жизни онъ умѣетъ сдѣлать неестественною: такъ ужъ, видно, отражается въ немъ дѣйствительный міръ! Много романовъ написалъ г. Р. Зотовъ, и всѣ они наши себѣ свой кругъ читателей, имѣтъ съ романами г. Воспресенскаго и

Федота Кузьмичева. Что жь — доброе дѣло! Надо же и этому кругу читателей нѣтъ свою библиотечку. Принадлежа совсѣмъ не къ тому кругу «публики», для котораго трудится такъ усердно и съ такою ревностію г. Р. Зотовъ, мы не въ состояніи разобратъ несравненныхъ «чертъ» его романовъ. «Бородинскаго Ядра» мы даже никакъ не могли осилить чтеніемъ; напряжемъ вниманіе, прочтемъ страницу, но лишь пріймемся за другую, какъ и забудемъ, что прочли въ первой. Не полагаясь на свой вкусъ, мы давали читать романъ г. Р. Зотова одному изъ людей, принадлежащихъ къ тому кругу, въ которомъ г. Р. Зотовъ утѣшался такими блестящими успѣхами, — и что жь? Говорить: «Какая хорошая книжка; нѣтъ ли у васъ еще такой? почиталъ бы...» Видно, новый историческій... или, нѣтъ, полу-историческій романъ г. Р. Зотова хорошъ, подумалъ мы, если сею хвалить его. Тѣмъ лучше для него, а наше дѣло — сторона!

Бѣда для насъ эта литература, исключительно посвященная «извѣстному» классу читателей: мы въ ней ничего не понимаемъ, а между-тѣмъ должны каждый мѣсяцъ говорить о ней. Но что сказать, напр., о листкахъ г. Машкова, которые безпрестанно появляются къ подь разными замысловатыми названіями, то вовсе безъ названій? Вотъ теиерь передъ нами лежитъ листокъ безъ всякаго общаго заглавія. Онъ начинается статью: *Сельская Драматика*, за которою слѣдуетъ лубочная картинка, съ видомъ города Иерусалима; далѣе, статья: *Бой-Баба*; еще далѣе, два судальскіе политипажя, мелкія статьи и двѣ шарадки, въ родѣ тѣхъ, которыя у Французовъ называются «*rebuz*». Всѣ статьи этого страннаго изданія отличаются юмористическимъ направленіемъ такого рода:

«Отдается квартира со столомъ, безъ кушанья, со служанки, безъ слугъ, со всѣми удобствами безъ удобнаго размѣщенія,

съ садомъ, въ которомъ не позволено курить табакъ, рвать цвѣты, топтать траву и ходить съ собаками. Наконецъ, съ большимъ дворомъ, съ котораго прогонять въ шею при первомъ несправномъ платѣжѣ впередъ денегъ.»

По нашему мнѣнію, все это очень-плоско и пошло; но, можетъ-быть, тѣ, для которыхъ это пишется, находятъ это очень-остроумнымъ. Въ такомъ случаѣ, подобныя сочиненія очень-полезны: пусть народъ хоть что-нибудь читаетъ, лишь бы не пилъ...

29) Воспоминаніе о Прошедшемъ (,) или признательность общества офицеровъ къ доброму начальнику. *Драматическій отрывокъ. Въ трехъ дѣйствіяхъ.* Изданіи второе. *Санктпетербургъ. Въ тип. Департ. Воспитаній Поселеній. 1844. Въ 8-ю д. л. 22 стр.*

Мы что-то не помнимъ, было ли когда-нибудь *первое изданіе* этого курьезнаго произведенія: чуть ли оно не напечатано разомъ и первымъ и вторымъ изданіемъ, и чуть-ли его второе изданіе не есть въ то же время и первое... Это могло быть сдѣлано для большаго эффекта на расположеніе людей, нѣющихъ престранное обыкновеніе покупать плохія книги. «Воспоминаніе о Прошедшемъ» есть драматическій отрывокъ въ трехъ дѣйствіяхъ: изъ сколькихъ же дѣйствій должна состоять вся драма?—вѣроятно, не меньше, какъ изъ тринадцати. Этотъ драматическій отрывокъ въ трехъ дѣйствіяхъ есть не что иное, какъ невинный опытъ въ упражненіи риторикю. Нельзя сказать, чтобъ этотъ опытъ былъ удаченъ, даже и въ такомъ случаѣ, если онъ принадлежитъ ученику перваго класса гимназій, потому-что немалый сочинитель, гонимъ за риторикю, часто забываетъ о грамматикѣ; такъ, напр., одно изъ дѣйствующихъ лицъ его говоритъ: «Привѣтъ раненаго есть первѣйшая *еская* обязанность» — но-каковскіи это? но-русскіи надо было сказать: «первѣйшая обязанность *еская*». Но въ риторической

проеѣсть еще хотя грамматическій смыслъ: неизвестный сочинитель хотѣлъ показать, что онъ умѣетъ, сверхъ того, упражняться въ риторическихъ стихахъ, въ которыхъ нѣтъ никакого внутреннего значенія. Судите сами:

Въ послѣдній, можетъ, день, въ сей
новый для насъ годъ,
Гдѣ зрима Тебя межъ насъ, кладемъ
сердца и плодъ.
Вотъ знакъ добрейшему, плѣннику насъ
собою.
Тебѣ вѣрля честь, и жизнь несли съ
тобой
На славномъ поприщѣ, гдѣ всякъ изъ
насъ гордая
Рядомъ ноля той памятью вѣнчалъ
Водителемъ гдѣ былъ, путь славы ука-
залъ,
Укремъ, или побѣдимъ — въ Смоленскѣ
намъ сказалъ.

Вотъ стихи, такъ стихи! Мы особенно рады тому, что эти стихи отзываются фактурою классическаго стиха времени Тредьяковскаго и тономъ классической реторики: любопытно было бы, для сравненія съ ними, взглянуть на такіе же стихословные опыты въ романтической реторикѣ. Да вотъ—чего лучше! эти опыты у насъ подъ рукою; это —

30) Стихотворенія Павла Браславскаго. *Одесса. 1844. Въ тѣл. А. Брауна. Въ 12-ю д. л. 62 стр.*

Пьеса первая: *Дюковъ Гости*, съ эпиграфомъ изъ Лермонтова:

Къ высокому берегу тихо,
Воздушный корабль пристаесть.

Теперь слушайте самого г. Браславскаго:

Въ полночный таинственный часъ
Изъ Франціи поѣдетъ корабль,
И къ берегу къ намъ(?) пристаесть.
На немъ кардиналъ Ришелье,
А съ нимъ Мазарини скупой,
И свята большая при нихъ.
Выходятъ на берегъ они,
И къ городу яраются своей путь;
А дюкъ къ нимъ на встрѣчу идетъ.

«О, какъ я вамъ радъ» говорить:
«Давно я васъ ждалъ, кардиналъ».
Тотъ взоръ свой суровый сматчалъ
И герцогу руку подаль.

Затѣмъ дюкъ рассказываетъ кардиналу, какъ онъ выстроилъ городъ; кардиналъ говоритъ ему: «Я вижу, прямой ты мнѣ внукъ; ты будешь у насъ министромъ (тутъ Мазарини кивнулъ головою); жди послонъ изъ Франціи». Послѣ этого прѣзжаетъ другой корабль, но уже не въ полночь, а нѣсколько-пораньше: именно, въ *двѣнадцатый часъ*; на кораблѣ французскій капранъ съ толпою генераловъ. Всѣ они идутъ на лѣстницу; но дюкъ повернулся къ нимъ спиною. Капралъ сказалъ генераламъ: «поди мы, вмѣсто Москвы, въ Одессу, не звать бы намъ голоду и снѣгу».

А тутъ-то нашъ дюкъ не стерпѣлъ:
«Не сталъ я бѣ держать карантинъ,
«Я бѣ всѣхъ васъ чумой угостилъ.»

И очи поднялъ вдругъ капранъ
И видитъ предъ нимъ Ришелье.

Онъ губы себѣ закусилъ,
Онъ руки закинулъ назадъ,
Онъ страшно бровями повелъ...
Тутъ дюкъ указалъ на дворецъ,
Его юдъ намѣстникъ живеть.

Оттуда выходитъ герой.

Капралу знакомы черты:

Онъ вспомнилъ Краонъ — и бѣжить.

Сочинитель очень-хорошо дѣлаетъ, что добродушно не подозреваетъ въ своихъ стихахъ пародіи на известныя пьесы Жуковскаго и Лермонтова: его стихи были бы жалки, какъ и пародія.

Вотъ отрывокъ изъ поэмы:

Природа дремлетъ. Надъ Одессой,
Съ своей туманною завѣсой,
Ночь бездыханная жаритъ.
Спокойно море въ лонѣ (чѣмъ?) спитъ...
Не подчинилась чуждой волѣ(?),
Какъ стражи статныя въ степи,
Стоять задумавшись тополя (тѣполи?),
Поднявши головы свои.
Никто среди глухой полночи (идлиочи?),
Свои кто не покомитъ очи?
О, кто, свидѣаемый тоской,
И душу къ жалобамъ настроилъ.

Среди всеобщаго покоя,
Кто у себя отналъ покой:
О, кто, томимый сердца болью,
Утѣхъ не зная, въ мглѣ ночной
Своими слезамъ далъ литься вволю,
Тѣмъ откопая свой покой?...

Нѣтъ, мы ошиблись: это риторика, только на-половину, и несовершенство-романтическая: настоящіе романтическіе риторы владѣютъ стихомъ, а стихи г. Браславскаго недалеко ушли отъ стиховъ Сумарокова. Г. [Браславскій — только по чувствамъ романтическій риторъ, а по дубовой фактурѣ его стиховъ — онъ классикъ.

31) Замокъ Фурхштейнъ. Сочиненіе А. Петрова. Москва. В тип. А. Семена. 1844. Въ 12-ю д. л. 45 стр.

«Сочиненіе» посвящается «Памяти М. Ю. Лермонтова».

«Тебѣ, какъ брату и поэту,
Я посвящу бездѣлку эту:
Не красенъ даръ мой — знаю я;
Но первый опытъ приношу я, —
И дента скромная моя
Падеть на урну дорогую.

Но если вамъ въ-самомъ-дѣлѣ дорога эта «урна», вы могли бы и не обременять ее лишнимъ соромъ. Къ-чему прикрывать чужимъ «дорогимъ» и чужимъ затѣи собственнаго тщеславія?

Замокъ Фурхштейнъ, по мысли автора, долженъ быть очень-грозенъ, но описанъ онъ стихами весьма-хилыми, какими въ наше время уже не пишутъ больше:

«Одинъ на вершинѣ скалы неприступной,
Урюмо еѣ былии дни, замокъ стоялъ;
Владѣлецъ его, какъ онъ самъ, недо-
ступный,
Не звалъ никого, никого не видалъ.
Ни разу ни льени женой не слышали
Въ томъ замкѣ, ни пиря не былъ заданъ
торой, —
Лишь сосны вершинами мрачно качали,
Да вѣтромъ проклячетъ предъ новой бѣ-
дой;
Повсюду лишь скалы, да сосны, да ели..

И въ полдень къ нему вѣдръ ли кто по-
дойдетъ,
А ночью—назвать его даже не смѣли,
И вѣдуютъ только — такъ дрожь пре-
шнбеть.

Стоить ли труда «сочинять» подобные стихи?— Въ замкѣ живетъ баронъ фон-Фурхштейнъ, страхъ и ужасъ всѣхъ окрестныхъ дорогъ и селеній. Въ мрачную ночь выходитъ онъ изъ замка съ своими черными всадниками, и вездѣ, гдѣ ни пройдетъ, оставляетъ кровавые слѣды. А проывается баронъ — «безстрашный»: иначе и быть не можетъ! Вотъ ѣдетъ мимо замка Эмма, дочь барона Фрейрей, къ жениху своему, графу фон-Фалькбрунну. Лишь только поѣздъ ея поровнялся съ замкомъ, какъ баронъ вышелъ изъ засады, и... и — Эмма не только захвачена въ плѣнъ, она даже дѣлается женою страшнаго барона. Разумѣется, она печальна, она безпрестанно тоскуетъ, и румянецъ съ каждымъ днемъ больше и больше сбѣгаетъ съ лица ея. Что дѣлать барону? Угрозы не помогаютъ, Эмма его не любитъ. Баронъ подымается на хитрости: онъ смягчаетъ свой суровый нравъ — и изъ угожденія Эммѣ—становится такъ глухъ, что отсылаетъ стараго «неврачнаго» пажу и првставляетъ къ ней новаго, «прекраснаго и молодаго». Вволю это къ Эммѣ, онъ очень-наивно говоритъ:

«Я думаю: сама теперь
Мое вниманье ты оцѣнишь,
И обращенье переѣнишь
Со мной на лучшее — поѣри!»

И точно, Эмма перестала скучать; почему — читатель долженъ догадываться самъ. Но за то баронъ вдругъ сталъ скученъ, какъ осенній день. Этого мало: онъ потерялъ даже сонъ и аппетитъ. Разъ, въ глухую ночь, разсѣянно смотритъ онъ въ окно, и видитъ— въ комнатѣ Эммы свѣтъ. Жадно впиц-ся баронъ глазами въ этотъ свѣтъ...

— Полоску свѣта
Въ ея изибагъ онъ слѣдилъ,
И въ распознаніи предмета

Нѣмую прелесть наделилъ.
 Потому къ началу мучь съдѣлъ (?)
 Откуда онъ происходилъ
 Желалъ узнать баронъ. Узналъ, —
 Но — лучше бь ничего не зналъ!
 Одно окно, во всей стѣнѣ,
 Блеститъ (?); двѣ тѣни на окнѣ...

Баронъ беретъ оубчу, подходитъ къ
 тайственной комнатѣ, прислуши-
 вается... Звукъ поцалуа... Все кончено!

Отметить жень баронъ поклоняся, —
 И двери настѣжъ отворилъ.
 Какъ страшенъ онъ, какъ грозенъ былъ!
 А дождь шумѣлъ, а вѣтеръ вылъ!..

Какія страсти!.. Но кто тотъ дерзкій,
 который осмѣлился впечатлѣть на
 устахъ жены барона этотъ роковой по-
 цалуи?.. кому иному быть, кромѣ пре-
 краснаго и молодаго пажъ? а этотъ
 пажъ — не-уже-ли вы не догадались
 еще, что это былъ самъ графъ фон-
 Фальбрувиъ, прежній женихъ Эммы?..
 За то и досталось имъ обоимъ отъ ба-
 рона: графу онъ велѣлъ отрубить гу-
 бы, нѣтъ — всю голову, а Эмму — Эм-
 му живую смечь въ ея покоѣ... Все
 это такъ страшно, что волюсь стано-
 вится дыбомъ. Впрочемъ, и самъ ба-
 ронъ «безстрашный» такъ напугался
 своего злаго дѣла, что ушелъ въ мона-
 стырь и тамъ провелъ остальную
 жизнь свою въ тяжкихъ подвигахъ и
 раскаянiи.

Таково «сочиненiе», посвященное па-
 мяти Лермонтова. Нѣкогда подобныя
 вещи рассказывали намъ въ балладахъ;
 но баллады, сколько мы помнимъ, все-
 гда писались хорошими стихами, а въ
 «сочиненiи» г. Петрова мы не нашли
 ни единого хорошаго стиха. Развѣ г.
 Петровъ хочетъ быть «новымъ»!..

38) Князь Шожарскiй и Ниже-
 городскiй Гражданинъ Мининъ,
 освободители Россiи отъ польскаго яа.
 Картины событiй смутныхъ временъ въ
 Россiи, съ кочками Годунова до восше-
 ствiя на престолѣ блаженнаго Дома
 Романовыхъ. Историческое сказанiе
 XVII вѣка. Москва. Въ тип. Н. Степа-

нова. 1844. Три части. Въ I-ой 118; во
 II-ой 118; въ III-й 101 стр.

«Картины», какъ извѣстно, быва-
 ютъ разнаго рода: одиѣ — настоящей
 италянскои живописи, другiя — на-
 стоящей суздальскои работы. Тѣ, изъ
 которыхъ составлена поименованная
 книга, принадлежатъ въ послѣднему
 разряду, и, кажется, предназначены
 авторомъ для Суздальцевъ же. Впро-
 чемъ, рука видна сибѣлая, кисть широ-
 кая: тутъ есть и Годуновъ, и самовла-
 нецъ, и царь Василiй Ивановичъ Шуй-
 скiй, и патриархъ Iовъ. «Историческое
 сказанiе XVII вѣка» не задумалось бы,
 а полагаю, и надъ Петромъ-Великимъ.
 Событiя рассказаны на славу, и мно-
 гiя представлены даже въ разгово-
 рахъ. Къ «картинамъ» приложены
 также и картинки, гравированныя не
 то на стали, не то на чугунѣ. Послѣд-
 нiя очевидно работы московскои; од-
 нако стиль ихъ не уступитъ суздаль-
 скому. Авторъ по-видимому готовилъ
 свое произведенiе для взрослыхъ дѣ-
 тей.

39) Чурова Долина, или Соя на
 лоду. Волшебная опера въ трехъ дѣйстви-
 тельхъ, съ превращенiями, хорами и бал-
 летами. Соч. князя А. А. Шаховскаго.
 Музыка А. Н. Веретовскаго. Москва.
 Въ тип. Н. Смирнова. 1844. Въ 12-ю
 д. л. 145 стр.

Въ доброе старое время, которое,
 впрочемъ, еще не за горами отъ насъ,
 въ одинъ веселый часъ состоялась за-
 дача—составить оперу, то-есть сочи-
 нить и положить на музыку такую
 пьесу, которой содержанiе взято бы-
 ло бы изъ «Сопровищницы» небольшо-
 бѣдной славянскои мнелогiи. Когда
 нашлись исполнители и когда дѣло
 было приведено къ концу, явилась
 «Русалка», знаменитая опера, отъ ко-
 торой мы столько сибѣались и столько
 видѣли страха въ то время, какъ были
 дѣтми. Оперу играли такъ много, что,
 наконецъ, перестали играть, пред-
 оставивъ ее общей участи всего зем-
 наго—забвенiю.

Но иногда старья мысли возвращаются вновь, т. е. какъ-бы воскресаютъ. Въ Москвѣ недавно повторилась та же самая мысль, которая иѣногда произвела на свѣтъ «Русалку». Что же? и результатъ вышелъ почти тотъ же. Такъ вѣрно то, что одинаковыя причины производятъ одинаковыя слѣдствія. Произведеніемъ возобновленной мысли на этотъ разъ была, конечно, не «Русалка», а «Чурова Долина»; но за то въ этой «Чуровой Долинѣ» заключена вся русская демонологія, а въ ней, какъ извѣстно, русалки занимаютъ одно изъ самыхъ первыхъ мѣстъ. Мы сказали—здѣсь вся русская демонологія, и, надобно прибавить еще—со всею своею свитой. Попробуемъ перечислить: во-первыхъ, дѣдушка-домовой во всей своей красѣ; во-вторыхъ, дѣдушка-лѣшій съ цѣлою сворой лѣшенихъ; въ-третьихъ, дѣдушка-водяной, безъ всякой свиты, и въ-четвертыхъ, водосвѣта, т. е. главная русалка съ цѣлою стаею русалокъ не-главныхъ; далѣе—вѣдьма, бука, кикимора и даже—оборотень. Миръ, безспорно, очень обширный, очень пестрый и очень разнообразный: одни—съ рогами, другіе—съ зелеными волосами, третьи—съ деревьями вровень. Но вѣдь все это сплошная чепуха: одинъ пейзажъ, одна сцена изъ этой чепухи, можетъ быть, и годились бы куда-нибудь для разнообразія цѣлаго, какъ затѣшливый арабскъ, брошенный искусною рукою художника между другими картинами; но какъ изъ чепухи сдѣлать цѣлую пьесу, цѣлую оперу, этого я не берусь понять. Еще менѣе берусь понять, какъ можетъ найти здѣсь для себя какое-нибудь вдохновеніе—музыкальный галавтъ. Музыка, говоряте, есть голосъ внутреннѣйшаго нашего чувства и всей его задушевности; но, ради Бога, какое же чувство можетъ привязаться къ подобной чепухѣ, когда она не стороною только входитъ въ пьесу, а составляетъ въ ней главный и единственный элементъ? Или, можетъ-быть, музыкантъ открылъ въ своемъ искусствѣ новыя стѣхи, ко-

торыя могутъ быть развиты только при подобномъ содержаніи? Чудно что-то!..

Не знаемъ, какъ разрѣшилъ композиторъ свою проблему, хотя имѣемъ всѣ причины сомнѣваться въ успѣхѣ—но вотъ какъ исполнилъ свое дѣло авторъ либретто, заслуженный русскій драматургъ, князь А. А. Шаховскій, когда-то давшій на сцену столько замѣчательныхъ пьесъ. Дѣйствіе, разумѣется, унесено во времена небывалыя. Превыздъ, князь кievскій, правнукъ Кіа, сватаетъ дочь свою, князю Зорю. Жениховъ собралось много съ разныхъ концовъ земли; но Зорюнкѣ всѣхъ милѣ Милашъ, князь литовскій. Превыздъ предлагаетъ ей дѣлать выборъ; она называетъ своего избраннаго, и дѣло бы кончено, но... тутъ начинается свое дѣло бѣсовская сила. Есть при дворѣ Превызда одинъ злой дуракъ, найденышъ, по имени Тумахъ; князь, шута звалъ его женихомъ Зори, а тотъ принимаетъ это не въ-шутку, и взбѣсился, когда ему сказали, что Зоря выходитъ не за него: бросившись на князя съ ножомъ, онъ чуть не убилъ его... За то князь опредѣлилъ повѣсить Тумака. Но у Тумака были родители очень-почтенные—пугало и вѣдьма, и вечистая сила вступилась за свое дѣтище. Тумахъ, съ помощью брата своего, оборотня Малиюка, вызвалъ своего дѣдушку-лѣшаго изъ лѣса, и тотъ, заманивъ Зорю въ лѣсную чашу, захватилъ ее тамъ съ помощію лѣшнихъ. Князь Милашъ, думая, что Зоря заблудилась въ лѣсу, который лежитъ за рѣкой, бросился въ рѣку, чтобъ поскорѣе перебраться на другую сторону, и попался къ русалкамъ. Но и домовый не спитъ: почувъ бѣду, онъ, чтобъ выкупить Милаша, захватываетъ Водосвѣту... Водяной требуетъ возвращенія Водосвѣты, домовый заставляетъ водянаго требовать у лѣшаго освобожденія Зори... Такимъ образомъ, между домовымъ, водянымъ и лѣшнимъ начинаются длинныя-длинныя переговоры, которые оканчиваются тѣмъ, что ни одна изъ договаривающихся сто-

ронъ не соглашается выдать свою до-
бычу, и потому объявляется общая
война... А гдѣ же Зоря? Зоря въ лѣсу;
здѣсь сначала осаждаетъ ее Тумака, а
потомъ уже и самъ почтенный его дѣ-
душка-лѣшій, говоря, что хочетъ на
ней жениться... Отглаживать далеко
онъ не хочетъ и тутъ же тащитъ Зо-
рю въ какой-то брачный храмъ... Бѣда
ея немнучая, еслибъ не домовой:
сговорившись съ водянымъ, этотъ бла-
годѣтель дома превзыдова успѣлъ ме-
жду-тѣмъ взволновать весь Днѣпръ,
такъ-что вода проступила даже сивозъ
землю и грозилась затопить весь лѣсъ...
Лѣшій еще упрямится, но въ это время
князь Милашъ всплываетъ на раковин-
ѣ, вырываетъ княжну изъ рукъ
лѣшного и скрывается съ нею въ кня-
жескій теремъ... Домовой, въ знакъ
искренней признательности, возвраща-
етъ водяному Водосвѣту... Общее тор-
жество.

Лѣшіе, водяные, домовые, русалки...
Русалки, лѣшіе, водяные, домовые...
Домовые, водяные, русалки, лѣшіе...
Нѣтъ, несправедлива пословица: зна-
чить, можно написать перомъ то, чего
нельзя сказать и въ сказкѣ! Честь рѣ-
шенія этой трудной задачи принадле-
житъ заслуженному нашему драма-
тургу, князю А. А. Шаховскому... Ес-
ли авторъ думаетъ заключить свое не
безславное поприще прозаведеніями,
подобными «Чуровой Долинѣ», то—
лучше бы совсѣмъ его не заключать...
Впрочемъ, цѣль наша была—только по-
знакомить ближе читателей съ новымъ
прозаведеніемъ князя Шаховскаго, для
чего мы выписываемъ еще изъ оперы
однѣ пренеприятный разговоръ—раз-
говоръ между лѣшнимъ, водянымъ и до-
мовымъ...

Водяной (Лѣшему).

Ты дочку княжю схватилъ?

Лѣшій.

Схватилъ.

Водяной.

И веловко спуталъ,

Сосѣдъ дорогой.

Лѣшій.

Да что же такое?

Водяной.

Но княжну ты отдашь?

Лѣшій.

Не отдашь!

Водяной.

Не отдашь?

Лѣшій.

Не отдашь!

Домовой.

Такъ ты хочешь

Женить на княжнѣ Тумака?

Водяной.

Тумака?

Домовой.

Тумака!

Лѣшій.

Нѣтъ, пока.

Домовой.

Изъ чего же, сосѣдъ, ты хлопочешь?

Лѣшій.

Изъ того, что влюбился я самъ.

Водяной и Домовой.

Ты самъ? какъ, ты самъ?

Лѣшій.

Да, я самъ!

Интересно бы узнать, какъ означила музыка всѣ оттѣнки этого разгово-
ра?

34) Мои Записки. II. Тимошка
Сказочникъ. III. Воля неволю
учить. Санктпетербургъ. 1844. Вѣ-
стн. X. Гинце. Въ 32-ю д. л. 82 стр.

Пренеприятныя записки! Сочини-
тель, по собственному его признанію,
вель ихъ въ какой-то петербургской
харчевнѣ у Никольскаго-Рынка, гдѣ
онъ изучалъ нравы лакеевъ и ввозиц-
ковъ. Отъ-того, его записки крѣпко
отзываются тою «народностію», кото-
рая носитъ съ собою свой особенный
запахъ. Впрочемъ, сочинитель описы-
ваетъ и одного франта изъ того «выс-
шаго общества», которое свѣтскаго то-
на набирается въ танц-классахъ, а раз-
говорному языку и страстному выра-
женію высокихъ чувствъ учится изъ
повѣстей Марлинскаго. Но Тимошка
какъ-то лучше удался нашему сочини-
телю, вѣроятно потому, что нравы
харчевень ему понятнѣе всѣхъ дру-
гихъ нравовъ. Digitized by Google

35) Двѣ СКАВЕН. I. ИВАНЪ ЦАРЬ-НИЧЪ и МАРЬЯ ЦАРЬНИЦА. II. МАЧИХА и ПАТЧЕРНИЦА. Сочиненіе Н. В. Санкт-петербуръ. Въ тип. Штаба Отдѣльна-

го Корпуса Внутренней Страны. 1844. Въ 12-ю в. л. 70 стр.

Стихотворный вѣдоръ, о которомъ не стоить говорить.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКІЯ И ЖУРНАЛЬНЫЯ ИЗВѢСТІЯ.

Извѣстные русскіе пейзажисты братья Чернецовы, которые нѣкогда доставили намъ столько прекрасныхъ ландшафтовъ съ береговъ Волги, недавно окончили далекое, двухлѣтнее странствованіе свое по Итали и по Востоку. Это путешествіе было не только не безплодно, но, напротивъ, обогатило сокровищницу русскихъ художественныхъ произведеній новыми дарами, принесенными ей этими талантливыми артистами. Преимущественно Востокъ съ своею дивною природою, съ своими священными воспоминаніями, доставилъ обильную жатву русскимъ художникамъ: они навезли съ собою множество картинъ изъ этой картинной страны, — страны солида, какъ называлъ ее Байронъ. Чтобы подѣлиться съ публикою своими впечатлѣніями, они предприняли теперь издаваніе въ свѣтъ собранныхъ ими видовъ — посредствомъ литографіи. Они начали это издаваніе *Палестинкою*, какъ странно, вѣщающею въ себѣ наиболѣе предметовъ, драгоценныхъ для христіанства. Это издаваніе замѣчательно тѣмъ, что гг. Чернецовы не послѣдовали приѣму другихъ художниковъ, которые поручаютъ литографированіе, т. е. рисованіе на камнѣ, своимъ картинамъ другимъ, и отъ этого верѣдно имѣютъ удовольствіе видѣть собственныя произведенія, переданныя рисовальщикомъ совсѣмъ не въ томъ

видѣ, какой имѣютъ оригинальныя картины: гг. Чернецовы рѣшились сами рисовать на камнѣ тѣ виды, которые сами же снимали съ натуры въ Палестинѣ. Отъ этого каждый литографическій рисунокъ въ этомъ изданіи можно считать какъ-бы оригинальнымъ: въ каждомъ изъ нихъ вы видите собственное произведеніе художниковъ, неподвергнутое ни малѣйшему искаженію, или даже измѣненію. Все издаваніе *Палестинны* будетъ выходить тетрадами, изъ которыхъ въ каждой будетъ содержаться по шести рисунковъ въ полулистъ большаго формата; въ нѣкоторыхъ изъ нихъ, сверхъ того, приложатся планы, но во всякой тетради, въ числѣ другихъ выдетъ палестинскихъ, будутъ помѣщаемы виды іерусалимскіе:

Теперь вышло двѣ тетради, содержащія въ себѣ слѣдующіе виды: 1) Іерусалимъ съ дамасской дорожкой отъ пещеры пророка Іереміа; 2) видъ въ Рамлѣ (древней Армавель); 3) Замокъ Давидовъ и купальня Вирсавин, въ Іерусалимѣ; 4) Мечеть Эль-Акса, бывшій храмъ Введенія Пресвятыя Богородицы, построенный на мѣстѣ Святая Святыхъ, въ Іерусалимѣ; 5) Городъ Яффа на берегу Средиземнаго-Моря; 6) Самсонова-Гора въ Газѣ; 7) Вертепъ Рождества Иисуса Христа, въ Вифлѣмѣ; 8) Долина Пастырей близъ Вифлеема; 9) Входъ въ поребальский вертепъ Пре-

святой Богородицы, въ Геосинаніи, въ Иерусалимѣ; 10) Входъ къ источнику Пресвятой Дѣвы Маріи въ Иерусалимѣ; 11) Башня на Крестовомъ-Пути въ Иерусалимѣ, воздвигнутая Иродомъ въ честь Марка-Аврелія; 12) Иорданская Долина, и 13) Планъ и профиль вертепа Рождества Иисуса Христа въ Иерусалимѣ.

Всѣ эти рисунки отличаются изяществомъ безукоризненныиъ, особенно тѣ, которые находятся во второй тетради, и изъ которыхъ нѣкоторые сдѣланы въ два цѣта. Между ними Иорданская Долина — такой эстампъ, на который нельзя досыта налюбоваться. И вообще сколько думъ, сколько высокихъ воспоминаній и помысловъ возбуждаетъ каждый изъ этихъ изящныхъ рисунковъ! Какъ краснорѣчивы всѣ эти развалины! Какою жизнью, полною святости, дышатъ всѣ эти по-видимому сухія, не всегда живописныя очертанія!.. И сколько правды во всѣхъ этихъ эстампахъ! какъ видно, что художники все дѣлали съ натуры и забыли негнѣное правило старыхъ эстетиковъ — украшать природу! Честь и слава имъ! Они сдѣлали русской публикѣ прекрасный подарокъ къ новому году, и мы увѣрены, что публика, съ своей стороны, отблагодаритъ ихъ своими вниманіемъ.

Цѣна каждой тетради — 2 руб. сер., а съ пересылкою 2 руб. 50 коп. сер. Но, при извѣщеніи о цѣнѣ тетрадей «Палестины», не можеть не вспомнить названной черты, встрѣченной нами въ объявленіи самихъ художниковъ о предпринятомъ ими изданіи: «Не смотря на то» говорятъ они, «что подобное изданіе требуетъ большихъ средствъ, мы не рѣшались дѣлать оное посредствомъ подписки, дабы *неумышленно не быть виновными въ глазахъ публики*... Какъ высказалась тутъ натура художника, который любитъ работать для искусства и забываетъ расцѣты спекуляціи!

Въ прошломъ мѣсяцѣ вышла десятая и десятая тетради Императорской Эрмитажной Галереи, содержащія въ себѣ біографію Филиппа Вувермана и Поль-Роттера и слѣдующіе эстампы: 1) съ картины Филиппа Вувермана «Горящая Мельница», 2) съ картины Давида Теньера «Дуо»; 3) съ картины Фердинанда Вольа «Историкъ» (*); 4) съ картины Николая Вергема «Вечеръ»; 5) съ картины Поль-Поттера «Отдыхающее Стадо»; 6) съ карт. Тербурга «Письмо»; 7) съ карт. Рембрандта «Притча», и 8) съ карт. фон-Остада «Супъ». — Всѣ эти эстампы прекрасны; но «Дуо», такъ-названный «Историкъ», «Отдыхающее Стадо», «Письмо» и «Супъ» отличаются особенно изяществомъ.

Читатели наши, вѣроятно, давно уже знаютъ о существованіи Библиотекъ Коммерческихъ и Хозяйственныхъ Знаній; но едва-ли многіе изъ нихъ коротко знакомы съ этими полезными изданіемъ, — а между-тѣмъ, оно вполне заслуживаетъ такого знакомства. Изданіе это предпринято для распространенія необходимѣйшихъ свѣдѣній о добываніи, обработкѣ и сбытѣ произведеній земледѣльской, ремесленной, фабричной и горнозаводской промышленности; о естественныхъ богатствахъ и промыслахъ главныхъ торговыхъ государствъ, о движеніи тор-

(*). Богъ-знаеть, кто переводить текстъ издателямъ «Эрмитажной Галереи», которые, какъ иностранцы, не могутъ повторять своего переводчика. Такъ, напр. въ этой тетрадѣ, ведъ эстампъ съ картиною Вольа, поставленъ не- французски: «l'Historien», т. е. писатель, ученый, если угодно; а въ текстѣ оиъ названъ «историкомъ» и, что удивительно, въ томъ же текстѣ сказано: «полагаетъ, что живописецъ хотѣлъ представить Галилея». Галилей, извѣстный математикъ, астрономъ и физикъ — здѣсь является — историкомъ!

говли и о путяхъ сообщеній; о коммерческихъ уставахъ, обычаяхъ и учрежденіяхъ. По разнообразію предметовъ, «Библіотека Ком. и Хоз. Знаній» раздѣлена на отдѣлы, изъ которыхъ каждый составляетъ одно цѣлое, а всѣ совокупно заключаютъ въ себѣ обильный запасъ свѣдѣній, полезныхъ не только для помѣщиковъ, фабрикантовъ и купечества въ особенности, но и вообще для любознательныхъ людей всѣхъ сословій. При началѣ этого изданія, перваго въ своемъ родѣ на русскомъ языкѣ, было предположено ознакомить публику съ общимъ планомъ и содержаніемъ «Биб. Ком. и Хоз. Знаній» и для того выпущено въ сколько частей по всѣмъ ея отдѣламъ. Нынѣ приведена къ окончанію *Коммерческая Статистика иностранныхъ государствъ, съ обзорніемъ главныхъ портовыхъ и столичныхъ городовъ и ея примѣчательныхъ, въ торговомъ отношеніи, портовыхъ мѣстъ при океанахъ и моряхъ.* Для облегченія справокъ и для удобнѣйшаго обзора содержания этого отдѣла, присвокуплены два указателя: одинъ подробный, въ которомъ означены всѣ примѣчательные города, портовые мѣста, заливы, проливы, приморскія рѣки, острова и мысы; другой, общій указатель, есть алфавитное оглавленіе «Коммерческой Статистики», въ которомъ означены не только заглавія отдѣльныхъ ея статей, но и самые предметы ихъ. Если нужно имѣть свѣдѣнія о состояніи земледѣлія, скотоводства, горнаго дѣла, фабрикъ и торговли въ разныхъ государствахъ, то подъ заглавіями произведеній или отраслей промышленности, напримѣръ: «хлѣбъ и овощи»; «ленъ и пенька»; «скотъ домашній»; «шерсть и шерстяныя издѣлія»; «жѣлѣзо и жѣлѣзныя издѣлія»; «торговля внутренняя и вѣйшая»; и т. п., въ указателѣ можно найти ссылку на страницы описанія каждой страны, въ которомъ изложены свѣдѣнія о подобныхъ предметахъ. Такимъ образомъ, «Общій Указатель» можетъ легко и подробно ознакомить съ содержаніемъ окончен-

наго нынѣ отдѣла «Биб. Ком. и Хоз. Знаній», послѣ котораго постепенно приводимы будутъ къ окончанію и остальные ея отдѣлы; до-сихъ-поръ, напечатано 16 частей (3,800 страницъ текста) и для окончанія этого обширнаго труда остается еще издать 8 частей и одинъ томъ «Коммерческаго и Хозяйственнаго Словаря».

Цѣна оконченаго теперь отдѣла, т. е. *Коммерческой Статистики*, состоящаго изъ девяти частей, — 9 р. сер. Цѣна полнаго изданія «Библіотеки Коммерческихъ и Хозяйственныхъ Знаній», состоящаго изъ 24 частей, — 24 р. сер.; на велевой бумагѣ, съ 200 рисунками, — 46 р. сер, кромѣ «Коммерческаго и Хозяйственнаго Словаря», который будетъ продаваться особо.

Въ числѣ русскихъ періодическихъ медицинскихъ изданій, безъ сомнѣнія, лучшимъ можетъ считаться давно-звѣстный всѣмъ врачамъ *Военно-Медицинскій Журналъ*. Это періодическое изданіе, существуя уже болѣе 20 лѣтъ и такъ хорошо выполняя свое назначеніе, сообщаетъ врачамъ свѣдѣнія практическія, входящія преимущественно въ кругъ дѣйствій военно-походной медицины. — Съ 1843 года, по распоряженію начальства, здѣшняя Медико-Хирургическая Академія начала издавать новый медицинскій журналъ: *Записки по части Врачебныхъ Наукъ*. Редакція этого журнала поручена извѣстному ученому, профессору Дубовицкому. Въ этомъ журналѣ современное состояніе медицины представляется вполнѣ; ни одна изъ ея многочисленныхъ вѣтвей, какъ теоретическихъ, такъ и практическихъ, не опущена. Мы теперь можемъ такъ говорить о «Врачебныхъ Запискахъ», когда уже прошло два года ихъ существованію и когда мы на дѣлѣ могли убѣдиться въ истинѣ сказаннаго.

Журналъ этотъ заключаетъ въ себѣ

три отдѣленія: 1) Оригинальныя статьи, т. е. медицинскія наблюденія и разсужденія, писанныя русскими врачами; 2) Критическій разбор важнѣйшихъ книгъ и библиографическія извѣстія; 3) Смѣсь, содержащая въ себѣ всѣ новѣйшія извѣстія и открытія по части медицины. По мѣрѣ надобности прибавляются иногда рисунки анатомическіе, хирургическіе и анатомико-патологическіе.

Во «Врачебныхъ Запискахъ», какъ видно изъ вышедшихъ доселѣ книжекъ, участвуютъ всѣ наши медицинскія знаменитости и лица, которымъ вѣриво наставленіе юношества во врачебной наукѣ; для подтвержденія этого, достаточно указать на превосходныя статьи профессора *Зейдлица*, академика *Бера*, академика *Соломона*, академика *Бульскаго*, проф. *Дубовицкаго*, проф. *Скандовскаго*, ад.-проф. *Заблочнока*, проф. *Поля*, проф. *Аристово*, проф. *Демонси*, проф. *Замена*, проф. *Киттера*, доктора *Кабата*, доктора *Ивановскаго* и др.

Надняхъ вышла четвертая и послѣдняя книжка «Врачебныхъ Записокъ» за 1844 годъ. Въ ней помѣщены 73 статьи весьма-интересныя и наставительныя по части терапіи, хирургіи, акушерства, окулистки, патологической анатоміи, фармакологіи и др. — Не сомнѣваемся, что изданіе этого журнала принесетъ величайшую пользу и русской медицинской литературѣ и русскимъ врачамъ.

«Врачебныя Записки» будутъ выходить и въ будущемъ 1845 году, въ томъ же видѣ и составѣ. Цѣна годовому изданію остается прежняя: четыре рубля пятьдесятъ копеекъ серебромъ, съ пересылкою въ столицѣ и внутри Россіи.

Подписка на этотъ журналъ принимается у книгопродавца Юнгмейстера.

Вышла въ свѣтъ первая, на 1845 годъ, книжка *Журнала Министерства*

Государственныхъ Имуществъ, который есть, безспорно, лучшее и полнѣйшее у насъ періодическое изданіе по части сельскаго хозяйства. Редакція его, обладая всѣми средствами слѣдить за ходомъ, потребностями и успѣхами земледѣлія и разныхъ его отраслей, и имѣя постоянныя сношенія съ лучшими нашими хозяевами, съ каждымъ годомъ совершенствуетъ свое изданіе; для наступающаго года принять большій форматъ печати, такъ-что, при томъ же числѣ листовъ, увеличенъ объемъ содержанія книжекъ на цѣлую треть. Это дало возможность редакціи присоединить новыи въ своемъ журналѣ отдѣлъ: *Обзорніе современныхъ открытій и предпріятій по сельскому хозяйству въ Западной-Европѣ*. Но какъ отечественное хозяйство составляетъ главный предметъ *Журнала Министерства Государственныхъ Имуществъ*, то въ немъ, по-прежнему, сохраненъ отдѣлъ *Земледѣльческаго Хроника*, составляющій лѣтопись всего замѣчательнаго въ русскомъ хозяйствѣ.

Въ первой книжкѣ настоящаго года содержатся слѣдующія статьи: *Что составляетъ главную потребность въ нашемъ сельскомъ хозяйствѣ? — Отчетъ Горныорницкой Земледѣльческой Школы за 1843 годъ. — Опытъ разведенія лѣса въ частномъ имѣніи средней полосы Россіи*, соч. Ф. Майера. — *Установленіе правильной терминологіи въ наукѣ о шерстяхъ*, соч. Ст. Ходцаго. — *Земледѣльческій Календарь: мѣсяцъ январь*; соч. Э. Рудольфа. — *О случкѣ и теленіи коровъ и вскармливаніи телятъ*, его же. — *О жеребьевой системѣ рекрутскаго набора*. Библиографія: *Труды Императорскаго Вольнаго Экономическаго Общества за 1844 годъ*. Смѣсь: *Новый опытъ добыванія скипидара изъ лучины посредствомъ паровъ*, соч. Выброновскаго. — *О предупрежденіи обваловъ по берегамъ рѣкъ и о обращеніи въ пользу овраговъ, давно образовавшихся*, соч. Д. Вадвиженскаго. — *О механической самовѣлкѣ для очищенія манной крупки*. — *Новыя размышленія о состояніи бѣдности въ Англій и Ирландіи, примѣты къ ея*

искорененію.—Овозраженіи соврѣн- | ства Государственныхъ Имуществъ
ныхъ открытій и предпріятій по | принимается въ Газетной Экспедиціи
сельскому хозяйству въ Западной | Санктпетербургскаго Почтамта, и въ
Европы.—Земледѣльческая хро- | книжномъ магазинѣ А. И. Иванова;
ника. | цѣна за годовое издавіе съ доставкою

Подписка на «Журналъ Министер- | 8 р. 50 коп. серебромъ.

VII.

ИНОСТРАННАЯ ЛИТЕРАТУРА.

ФРАНЦУЗСКАЯ ЛИТЕРАТУРА.

Новый романъ Бальзака. — Леонъ Гозланъ. — Мария-Лаура. — Г-жа Гаспаринъ. — Литература фельетонная. — Борьба панъ съ императорами, *Шерд.* — Исторія Льва X, *Одеа.* — Францискъ I, *Камфиа.* — Процессъ герцога англійскаго, *Нуаредо-де-Файд.* — Вольтеръ, *Арелл* и *Бодрильера.* — Мадокко, и. *Друммонда-Гэя* и *Шарля Дидь.*

Въ августъ 1786 года, въ домъ Бодара де-Сен-Джемсъ, одного изъ первыхъ парижскихъ богачей того времени, ужинали человѣкъ десять гостей. Тутъ были генерал-контролёръ Калоннъ, госпожа Жанли, Бомаршэ, Лавуазье и другіе, и въ числѣ этихъ другихъ, Робесьерръ, человѣкъ еще неизвестный, недавно прибывшій въ Парижъ изъ провинціи по дѣламъ адвокатскимъ.

Зашелъ разговоръ о волшебныхъ вечерахъ графа Калиостро, о сновидѣніяхъ.

— Я видѣлъ недавно во снѣ Катерину Медичи, сказалъ Робесьерръ. — Только-что легъ я спать, воротался отъ гра-
Т. XXXVIII. — Отд. VII.

фа Калиостро, передо мной предстала великая гѣнь Катерины. Я окруженъ былъ свѣтомъ; глаза мои прикованы были къ королеви. Она нагнулась ко мнѣ... Но я не знаю, продолжать ли; расскажъ мой серьёзенъ.

Адвокатъ началъ:

— Побуждаемый какой-то посторонней силой, я обратился къ Катеринѣ Медичи съ слѣдующими словами: — вы, королева, совершили великое преступленіе. «Какое?» спросила она. — То преступленіе, сигналъ которому подалъ дворцовый колоколъ 24-го августа. — Она презрительно улыбулась и нѣсколько глубокихъ морщинъ образовалось на ея блѣдыхъ щекахъ. —

«Вы» отвѣчала она «называете преступленіемъ то, что было только несчастіемъ. Отъ-того, что предпріятіе дурно было ведено, отъ-того, что оно не удалось, Франція, Европа, католическая церковь не получили отъ него той пользы, какую мы ожидали. Что дѣлать? Приказанія были дурно исполнены; мы не пашли столько Монлюковъ, сколько было надобно; потомство не принимаетъ въ соображеніе недостатка сообщеній, которое воспретятствовало намъ дать предпріятію то единство движенія, которое необходимо для рѣшительныхъ ударовъ: вотъ несчастіе! Еслибъ 25-го августа не осталось тѣмъ гугенота во Франціи, самое отдаленное потомство стало бы благословлять меня. Сколько разъ ясновидяща души Сикста-Пятаго, Ришельё, Боссюэта тайно винили меня, что не успѣла я совершить моего предпріятія! Сколько сожалѣній сопровождало меня! Тридцать лѣтъ спустя послѣ варолюмеевской ночи, болѣзнь еще продолжалась; Франція пролила благородной крови въ десять разъ болѣе, нежели сколько осталось пролить ей 26-го августа 1572 года. Уничтоженіе нантскаго эдикта, въ честь котораго вы эмблемъ медалямъ, стоило Франціи столько слезъ; крови; денегъ, сколько не стоили бы три варолюмеевскія-ночи; но если 25-го августа 1572 года эта огромная казнь была необходима, то 25-го августа 1685 года она была безцеленна. При второмъ сынѣ Генриха-Валуа, ересь только-что зачиналась; при второмъ сынѣ Генриха-Бурбона, эта плодовитая мать раеметала свою виру по всему свѣту. Вы обвиняете меня въ преступленіи, а воздвигаете статуи сыну Авшты-Австрійской! Видѣ я и оны, — мы пробовали одне и то же дѣло; оны успѣлъ, я — нѣтъ; оны успѣлъ потому, что напелъ безоружными протестантовъ, которые, въ мое царствованіе, имѣли сильные арміи, государственныя люди, полководцевъ, имѣли на своей сторонѣ цѣлую Германію.»

При этихъ словахъ, которыя произ-

несены были медленно, я почувствовалъ въ себѣ какъ-бы внутреннюю дрожь. Мнѣ чудилось, будто я дышу паромъ крови безчисленнаго множества жертвъ. Катерина выростала въ глазахъ моихъ; она стояла передо мной, какъ злой духъ.

— Какъ! сказала я королевы: — вы хвалитесь поступкомъ, который три поколѣнія осуждаютъ, клеймятъ... — «Прибавьте» прервала она: «что писатели были несправедливы ко мнѣ всѣхъ моихъ современниковъ. Никто не взялъ на себя труда защитить меня. Меня обвинили въ честолюбіи, меня — богатую, неограниченную королеву! Меня обвинили въ жестокости, хоть на совѣсти моей лежать только двѣ отрубленные головы! Для умовъ самыхъ безпристрастныхъ я все еще, можетъ-быть, задача велика. Не-уже-ли вы думаете, что во мнѣ точно господствовали чувства ненависти, что я дышала только мщеніемъ и яростію? Она горько улыбнулась. — Я была спокойна и холодна, какъ самъ рассудокъ. Я осудила на смерть гугенотовъ безъ жалости, но и безъ страсти. Они были гнилыми апельсинномъ въ моей корзинѣ. Будь я королевой англійской, точно также осудила бы я на смерть католиковъ, еслибъ они вѣтѣжничали. Для того, чтобы въ ту эпоху наша власть имѣла какую-нибудь живую, надлежало быть въ государствѣ одному Богу, одной вѣрѣ, одному моведіанію! Къ-счастью, я начертала оправданіе свое въ одномъ словѣ. Когда Бираксъ передалъ мнѣ лежущую въ сѣтерѣ сраженія ири Дрѣ, я воскликнула: «Ну, такъ мы пойдемъ въ реформатскую кирку!» Я ненавидѣла гугенотовъ! Нѣтъ, я не ненавидѣла ихъ, я ихъ не знала. Если чувствовала я стараніе къ кому-либо изъ государственныхъ людей, такъ это къ кардиналу ле-трагисскому, да къ брату его, хитрому и храброму солдату, которые оба живонили на мною. Они были врагами моихъ дѣтей; они хотѣли отнять у нихъ корону. Я видѣла ихъ каждый день, они дичая мена. Еслибъ вы не слѣ-

дали варолюмеевской ночи, эти люди совершили бы ее при помощи Рима и своих монахов...» — Но, извините мою откровенность, сказал я: — вместо этой страшной рѣзни, почему не употребили вы обширныя средства вашей политики, чтобъ дать кальвинистамъ мудрыя учрежденія, которыми сдѣлали царствование Генриха IV столь славнымъ и столь мирнымъ?

Она снова улыбнулась, покачала плечами, и на блѣдномъ лицѣ ея выразилась горькая иронія.

• Народы! отвѣчала она: послѣ жестокой борьбы имѣютъ нужду въ отдыхѣ: вотъ секретъ этого царствования. Но Генрихъ IV сдѣлалъ двѣ несправимыя ошибки: онъ не долженъ былъ ни отрекаться отъ протестантизма, ни оставлять Франціи католическою, сдѣлавшись самъ католикомъ. Онъ одинъ былъ въ такомъ положеніи, что могъ безъ потрясенія измѣнить видъ Франціи. Или ни одной кирки, или ни одного костѣла! Вотъ что бы онъ долженъ былъ сдѣлать. Оставить въ государствѣ два начала непріязненныя, которыхъ ничто не уравновѣшиваетъ, — значить посѣять сѣмена переворотовъ. Быть-можетъ, эта мысль и таилась въ основаніи политики Генриха IV, и, можетъ-быть, она-то и была причиною его смерти...»

• Какъ! и никто еще не понялъ, что интересы старые и интересы новые избрали Римъ и Лютера знаменами себѣ? Какъ! чтобъ избѣжать борьбы почти такой же, Лудовикъ IX, увлекши съ собою во сто разъ болѣе народа, не желалъ сколько осудила я на смерть, и оставивъ этотъ народъ на пескахъ египетскихъ, заслужилъ имя святаго, а я... я — не видѣла успѣха!...»

Она опустила голову и съ минуту молчала. Не королеву уже видѣлъ я предъ собою, но скорѣй одну изъ тѣхъ древнихъ друидскихъ жрицъ, которые правили жертвы человѣческимъ и умѣли развѣивать свѣтлыя будущаго, рассказывая уроки минуватаго.

Но скоро подняла она свое царственное, величественное лицо.

• Обращая вниманіе мѣщанства на злоупотребленія римской церкви, сказала она: • Лютеръ и Кальвинъ породили въ Европѣ духъ пылливости, который долженъ былъ вести народы къ желанію все изслѣдовать. Изслѣдованіе ведетъ къ сомнѣнію. Вместо вѣры, необходимой для общества, они владели за собою въ отдаленіи философію любовзательную, вооруженную молотками, жаждущую развалины. Наука вырывалась изъ нѣдръ ереси, блести обманчивыми своими огоньками. Дѣло шло не столько о реформѣ въ церкви, сколько о неопредѣленной свободѣ человѣка, а это — смерть всякой власти. Я видѣла это. Слѣдствиемъ успѣховъ кальвинистовъ въ борьбѣ ихъ съ духовенствомъ, которое было страшнѣе и сильнѣе короны, было бы паденіе власти монархической, съ такимъ трудомъ воздвигнутой на развалинахъ феодализма. Дѣло шло не менѣе, какъ объ уничтоженіи религіи и власти королевской. Итакъ, была борьба между новыми мѣтѣлини и старыми повѣрляи. Католики были выраженіемъ матеріальныхъ интересовъ власти королевской, дворянъ и духовенства. То была поединокъ на жизнь и смерть между двумя гигантами, и варолюмеевская ночь, къ сожалѣнію, нанесла только рану одному изъ бойцовъ. Помни, что, если пожалѣешь пролить, когда надо, нѣсколько капель крови, въ послѣдствіи долженъ будешь лить ее потоками. Ужь, парящій надъ народамъ, не можетъ избѣжать одного несчастія — несчастія, что не находить равныхъ себѣ, которые бы справедливо судили его, когда онъ падетъ подъ тяжестію какого-либо событія. Равныя рѣдки, глумлюсь елишкомъ много; все объясняется этими двумя предложеніями. Если мое имя проклинается во Франціи, то надо винить въ этомъ посредственные умы, которые составляютъ большинство во всѣхъ поколѣніяхъ. Я могла дѣлать ошибки, — я

была женщина. Но зачѣмъ же не встрѣтился тогда мужчина, который былъ бы выше своего вѣка? Герцогъ Альба былъ мѣдная душа; умъ Филиппа II пригнуженъ былъ католицизмомъ; Генрихъ IV былъ разгульный солдатъ, адмиралъ — упрямый систематикъ. Лудовикъ XV явился слишкомъ рано, Ришелье слишкомъ поздно. Добродѣтельна ли я или преступна, приписываютъ ли мнѣ или не приписываютъ вараоломеевскую ночь, я беру на себя отвѣтственность за нее: я останусь между этими двумя великими людьми виднымъ звеномъ невидимой цѣпи.

Катерина исчезла, какъ-будто какое-то дуновение погасило сверхъестественный свѣтъ, дозволившій уму моему видѣть эту фигуру, размѣры которой сдѣлались исполненными. Я пробудился въ поту, со слезами на глазахъ.

—

Что это за странная фантазія? спросать насъ читатели. Кому вошла въ голову эта дикая мысль вложить въ уста Робеспьера аналогію Катерины Медичи?—Бальзаку, отвѣчаетъ мы. Мы представляли отрывокъ изъ новаго романа его «*Martyr Calviniste*».

Шаткая слава Бальзака основана на романахъ, изображающихъ сцены жизни парижской и жизни провинціальной, гдѣ силится онъ раскрыть самыя сокровенныя тайны человѣческаго сердца, особенно сердца женскаго. Теперь онъ рѣшился раскрыть тайны исторіи.

Бальзака можно въ некоторомъ отношеніи назвать литературнымъ Христоворомъ Колонбомъ. Онъ открылъ типы красоты, которыхъ до него никто не подозревалъ; онъ описываетъ свои открытія съ такою роскошью подробностей, съ такимъ энтузіазмомъ, что приводитъ читателя въ-гутикъ; тамъ, гдѣ мы своими глазами увидѣли бы только голую и безплодную скалу, Бальзака заставляетъ насъ видѣть очаровательный островъ, пересѣченный

ручьями, усѣянный цвѣтами: это не Гренландія,—это Отанта! Дайте Бальзаку сорокалѣтнюю женщину, блѣдную, желтую, хилую, болѣзненную, пусть даже она будетъ съ горбомъ или хромасть,—ничего! она внигъ явится очаровательнымъ созданіемъ: романтизмъ-парадоксизмъ одѣнетъ ее съ изящнымъ вкусомъ, искусно уберетъ ее кружевами и блондой, дастъ ей взгляду магнетическую способность, прилично освѣтитъ ея желтое лицо, и въ морщинахъ ея, въ волосахъ, въ ногтяхъ, отпереть вамъ цѣлый міръ чудесъ, о которыхъ вы не имѣли никакого понятія; вы ослѣплены, очарованы, предъ вами не женщина зрѣлаго возраста, желтая и безобразная,—предъ вами ангелъ, волшебница, сама Венера.

Не забывайте, что иногда имѣть истины, гѣрности въ его снованъ, въ его портретахъ. Онъ за этимъ не гонится; литературный Колонбъ ищетъ новаго, чего бы не видали и чего не могутъ видѣть другіе, и не боится никакого парадокса. Зашедъ изъ современной жизни въ область исторіи, онъ открываетъ новый свѣтъ въ лицѣ Катерины Медичи.

Бальзакъ не первый задумалъ защищать безжалостную политику Катерины Медичи. Ее, на-примѣръ, защищаютъ Капюнгъ,—но Капюнгъ перѣшитоленъ въ этой защитѣ: онъ старается оправдать Карла IX и его мать тѣмъ, что они принуждены были уступить народному увлеченію. Не такъ поступаетъ Бальзакъ: онъ смѣло хвалитъ, превозноситъ вараоломеевскую ночь. Эта рѣзня, въ его глазахъ—иѣра спасительная, могшая задуть въ Франціи протестантскую ересь и возникающія изъ нея идеи либеральныя, а съ ними и всѣ послѣдующіе перевороты.

Бальзакъ безжалостенъ; участь гугенотовъ не трогаетъ его. «Стыдѣ ли плакать», восклицаетъ онъ, «о какихъ-нибудь двухъ-стахъ негодяяхъ, лезущи

убитых? Это выраженіе опредѣляетъ всю его политическую систему.

Эти безжалостные парадоксы высказаны въ предисловіи. Бальзакъ не довольствуется тѣмъ: онъ развиваетъ ихъ въ романахъ, цѣль котораго—доказать, что реформаты были политическіе смутники, интриганты, бунтовщики, и что нѣтъ ни одного превосходнаго средства обращенія на путь истины... Бѣдная исторія, какъ искажена она въ этомъ романѣ! Бѣдные реформаты, какіе портреты ихъ, нравственныя и финансовыя, рисуетъ знаменитый живописецъ общества!

Взгляните на портретъ Кальвина:

• Въ пятьдесятъ лѣтъ, Кальвинъ былъ семидесятилѣтнимъ старикомъ. Толстый и жирный, онъ казался меньше ростомъ, чѣмъ былъ въ самомъ дѣлѣ, потому что страшныя страданія отъ каменной болѣзни заставляли его ходить сгорбившись...

• Всякій затрепеталъ бы передъ этимъ лицомъ, почти столь же широкимъ, какъ и длиннымъ, и, не смотря на круглоту, непредставлявшимъ того добродушія, какое выражалось на лицѣ страшнаго Генриха VIII, на котораго Кальвинъ былъ очень похожъ...

• Это лицо, красное и воспаленное, какъ лицо иштуха, нѣстами представляло желтыя пятна... Отъ тучности ли, или отъ безвременныхъ трудовъ, голова Кальвина вдалась въ широкія плечи...

Портретъ чисто-фантастическій. Много бюстовъ, много портретовъ жеманскаго реформатора. Всѣ они представляютъ лицо Кальвина длиннымъ, сухощавымъ, угловатымъ, носачицъ на себѣ глубокой отпечатокъ строгости характера, и до-того поразительнымъ, что, разъ видѣвъ, нельзя забыть его.

Этого фантастическаго Кальвина Бальзакъ дѣлаетъ Робеспьерромъ своего времени, который отличается отъ героя революціи только бѣлшею и уточненнѣею жестокостію. Согласитесь послѣ этого, что Бальзакъ, точно,

въ некоторомъ родѣ, литературный Колумбъ...

Но оставимъ Бальзака съ его парадоксами, которые онъ, кажется, хотѣлъ противопоставить тѣмъ идеямъ, которыя такъ шумно высказываетъ страшный соперникъ его, Эженъ Сю, — и обратимся къ другому писателю, который хотя и не открылъ сорокалѣтней женщины, но тѣмъ не менѣе превосходно изображаетъ современное положеніе женщины во Франціи. Мы говоримъ о Леонѣ Гоцкавѣ и новомъ романѣ его «Mémoires d'un Ange».

• Конечно, говоритъ онъ: женщина не осуждена нашими законами на строгое затворничество древняго гнечекъ или восточнаго гарема. Мы позволяемъ ей крошечной ножкой топтать асфальтъ бульвара, не закутывая ее съ головы до ногъ въ покрывало и не окружая ее живой стѣной евнуховъ. Если жена наша преступна, мы не зашнуровываемъ ее въ нѣшокъ съ голодною кошкой и равенной ехидной и не бросаемъ ее въ воду въ такомъ дурномъ сообществѣ. Мы не считаемъ женою добродѣтельною только ту, которая проводитъ дни свои за пражей, какъ Лукреція, или за изученіемъ кухонныхъ таинствъ. Мы не ставимъ въ разрядъ распутныхъ женщинъ, въ разрядъ Фринъ всякую женщину, которая танцуетъ, какъ Тальйони, которая обѣзаетъ мраморъ, какъ принцесса Марія или г-жа Ламартинъ, или которая поетъ, какъ графиня Шпарръ.

• Но эта терпимость существуетъ только въ лучшихъ слояхъ общества. Превосходство въ женщинахъ допускается въ видѣ исключенія, и допускается только въ извѣстныхъ случаяхъ.

• Чтобъ вѣрнѣе избавиться отъ вліянія женщинъ, мужчины приняли грубые нравы Англичанъ. Курятъ, играютъ, толкуютъ о лошадахъ. Скоро женщины принуждены будутъ удалиться изъ-за стола во время десерта.

Женщины обладают тонкою способностью понимать чувства, вещи, людей,—тактомъ, далеко-превышающимъ тактъ мужчинъ, способностью восторгаться прекраснымъ, сочувствовать страданіямъ, сочувствовать всему доброму. Всѣ женщины немножко поэты по воображенію, ангелы по сердцу, дипломаты по уму.

Эти качества служили изъ славы всѣхъ эпохъ, когда женщины не находились въ состояніи рабства и не считались слишкомъ — далеко ниже мужчинъ.

Сколько было умныхъ женъ, которыя заставляли свѣтъ вѣрить въ поддѣльную способность своихъ мужей, тогда-какъ сами скромно прятались въ тѣни этого ореола!

Всѣ добродѣтели женщинъ принадлежатъ имъ; пороки ихъ зависаютъ отъ насъ.

Мы жалуемся на ихъ лукавство, а сами учимъ ихъ съ колыбели удерживать порывы сердца подъ предлогомъ приличія. Мы обвиняемъ ихъ въ суетности, а запрещаемъ имъ всякую другую науку, кромя иглы, да хозяйствъ. Мы обвиняемъ ихъ въ кокетствѣ, въ страсти къ баламъ,—ихъ, умиющихся только однимъ этогъ лучъ удовольствія и свободы, — ихъ, которыхъ приличіе строго приковываетъ къ дому, какъ-скоро онѣ не опираются на руку отца или мужа,—а между тѣмъ, сами наслаждаемся самою полною, самою неограниченною свободой, и весь свѣтъ открытъ для насъ, отъ уличной мостовой до палубы, отъ кресель въ оперѣ до кофейни, отъ литературнаго салона до буйной скачки по аллеямъ лѣса:

Напрасно нѣкоторые писатели-любезники скучными парадоксами старались доказать прелесть ихъ положенія. Напрасно они увидали ихъ, что власть, какою пользуется женщина надъ мужчиной посредствомъ прелестей и добродѣтелей, съ лихою захватываетъ ей нѣкоторые жалкія общественныя права, которыхъ лишена она.

Такія романческія увѣщанія не утѣшаютъ женщинъ, и онѣ такъ мало дорожатъ этою мнимою ролью владыцъ, что мы не знаемъ ни одной, которая не призналась бы, что она во сто-разъ лучше желала бы быть мужчиной, чѣмъ женщиной, между тѣмъ, какъ изъ мужчинъ едва-ли кто согласится пожизниться поломъ, развѣ только на полгода, изъ любви-ста.

Женщины недовольны своими положеніемъ, и онѣ правы. У нихъ три средства, чтобъ вознаградить неприятность своего положенія: въ молодости любовь, потомъ материство и набожность.

Мы не проповѣдуемъ свободы женщинъ. Мы не требуемъ, чтобъ женщина, подобно мужчине, ходила въ караулъ и носила оружіе. Мы не требуемъ для нихъ ни дачъ, ни тепл, ни доплатки. Напротивъ, намъ хотѣлось бы, чтобъ наши поселенцы не обрабатывали земли, съ ребенкомъ на спинѣ, неся трудъ тяжелѣе труда колоніальныхъ негритаковъ. Мы должны бы предоставить дикимъ поколѣніямъ, Каранбамъ и Готтентотамъ, этотъ тиранскій обычай возлагать на самый слабый полъ всѣ труды и тяготы. У нихъ женщина, только-что разрѣшась отъ бремени, еще не освободилась отъ слѣдующихъ за тѣмъ страданій, принимается за работу, а мужчина спитъ-себѣ, ни о чемъ не думая. Въ Парижѣ, промышленность не представляетъ ли такихъ же возмущающихъ душъ явленій? Лавка и мастерская не поглощаютъ ли жизнь, здоровье и умъ толпы бѣдныхъ женщинъ, которыхъ жалкое и обманчивое жалаванье приковываетъ къ самому низкому ремеслу? Женщина изъ простовародья большею частію либѣтъ мужа за тѣмъ только, чтобъ онъ билъ ее, крадя у нея трудовую копейку.

А между тѣмъ, мы живемъ уже не въ такое время, когда собирались соборы для рѣшенія важнаго вопроса: живутъ ли женщины душу и составляютъ ли онѣ часть рода человѣческаго!

«Требования наши состоятъ изъ томъ, чтобы побольше было равенства въ индивидуальныхъ правахъ мужчины и женщины, чтобы существо слабѣе не угнетаемо было грубой рукой такъ называемаго господина.

«Не странно ли, что законъ, этотъ отвлеченный стражъ, охраняетъ сильного и не заботится о слабыхъ?

«Если у мужчины плечи шире, руки сильнѣе, сердце храбрѣе, умъ обширнѣе и серьезнѣе; если онъ имѣетъ господство *de facto*, то зачѣмъ вооружать его столькими обезпеченіями противъ женщины? Зачѣмъ обезпечивать это хилое созданіе, считать его вещью, составляющею часть собственности мужчины? А вѣдь эта вещь, скажу еще разъ, есть душа, — душа часто далеко-выше той, которую вы назначаете ей не въ пользу, а въ владычицы.

«Часто вы соединяете съ какии-нибудь жирными олухами, съ навалидомъ моднаго свѣта, съ корыстолюбивыми пржементёромъ, бѣдную дѣвушку, заглаженную материнскими поцелуями, полную надежды на жизнь, съ саранамъ, готовыми любить, ибо Богъ, создавая ея столь прекрасною, столь доверчивою и столь чувствительною, сказалъ ей — Ты будешь любить и будешь любима.

«Но этотъ мужъ добивался до этого ребенка только ради прилагнаго, и онъ забываетъ прекрасную жену для какии-нибудь пошлыхъ цитригъ. И если этотъ мужъ обманываетъ ее, если онъ рсточаетъ ея имѣніе, имѣніе ея дѣтей, на эту пошлую танцовщицу, которая дѣдаетъ цирюаты на грудяхъ золота; если онъ торжественно возитъ въ женной каретѣ эту пошлую и наглую любовницу; если онъ надѣваетъ ей на шею ожерелья, на пальцы — брилліантовые перстни, на подбѣленную руку — браслеты своей жены, которая одиноко сидитъ дома, считаетъ часы, имеетъ протѣсты кредиторомъ изъ своихъ исхудалыхъ рукахъ, плачетъ надъ колыбелью новорожденнаго младенца, терпитъ уни-

зительныя угрозы зашоловащезъ и приторныя вѣжливости судейскихъ ахзекуторовъ (*huissiers*), — скажите, какія права имѣетъ эта женщина, отъ мать противъ мужа, нарушителяго своихъ клятвы, противъ отца, обокравшаго своихъ дѣтей?

«Стыдно сказать, но это правда: женщина, нарушившая клятву, рискуетъ заплатить за свою сумасбродную страсть страшный ставкоу-жизнію, а мужу, который покладаетъ, разоряетъ, обирадываетъ жену, музнить ее оскорбленіями, — мужу нечего бояться правосудія челоѣческаго: онъ пользуется своимъ законнымъ правомъ...

«Нѣтъ никакого раздѣла въ судьбѣ мужчины и женщины. Обольщеніе — для нея безчестіе; для него — торжество, успѣхъ, порождающій заистинковъ.

«Вотъ молодая дѣвушка, бѣдная, сиротка, безъ подпоры, безъ совѣтниковъ. Среди золотыхъ словъ ея воображенія, среди тревоги сердца, которое трещетъ, какъ птичка, въ первый разъ высунувшая голову изъ гнѣзда, проходитъ мимо ея прекрасный челоѣкъ, нищущій развлекеніа. Это челоѣкъ уже опытный, знающій, что онъ ничѣмъ не рискуетъ, кромѣ траты времени, между-тѣмъ, какъ эта дѣвушка, щеки которой краснѣютъ уже при его взглядѣ, глаза которой опускаются и отворачиваются, уста которой лепечутъ отвѣтъ ему сбивчиво, неясно, заплатитъ за минутное самозабвеніе цѣлою жизнью, будущаю, честію, уваженіемъ всѣхъ. Этотъ челоѣкъ общается легковѣрному ребенку будущаю, полную счастья и любви — и лжетъ; онъ притворяется страждущимъ отъ нея, и онъ лжетъ. По любви, но глупости, можетъ-быть изъ жалости, это бѣдное созданіе падаетъ. Для чертъ два, любовника и слѣдъ простыль. Онъ довѣ-Хуанъ, сервалъ котораго раскинутъ на реальныхъ чердакахъ. Но дѣвушка — становится матерью; она бьется стыла, преаръва, иамия, который каждый будетъ бро-

« сать въ нее. Она, въ безуміи, обнимаетъ ребенка, плачетъ надъ нимъ кровавыми слезами, задушаетъ его, убиваетъ. Эта дѣвушка дѣтубійца. Она виновна въ самомъ ужасномъ преступленіи, какое только можетъ совершить женщина. Она должна умереть. Законъ разить се справедливо.

« А мужчина?.. вѣдь и онъ также убилъ свое дитя, вѣдь и онъ былъ соучастникомъ, или, вѣрнѣе, настоящимъ виновникомъ преступленія: что же съ нимъ дѣлаютъ? На него смотрятъ, улыбаются, говорятъ другу другу на ухо: «такой молодецъ! такой повѣса! настоящій Риниль!»

« Если онъ богатъ, десять отцовъ семейства стараются поймать его для своихъ непорочныхъ и чистыхъ дочерей... »

Мы зашли бы слишкомъ далеко, еслибъ стали исчислять всѣ случаи, гдѣ законъ и общество, по мнѣнію Гюгана, больше держатъ сторону полагшаго, чѣмъ слабшаго. Леонъ Гюганъ жарко защищаетъ женщинъ, и романъ его, еще не совсѣмъ конченный, вѣроятно, найдеть себѣ много читателейницъ. Въ предисловіи, авторъ говоритъ, что «*Mémoires d'un Ange*» суть прологъ къ произведенію болѣе-важному, которое получить заглавіе «*La Reine de Saba*».

Законы не мѣшаютъ, однакоже, женщинамъ соперничать и часто брать перевѣсъ надъ мужчинами на поприщѣ литературномъ. Правда, такихъ женщинъ немного, немногія изъ нихъ достигаютъ перомъ и славы и счастья, но многіихъ увлекаетъ литературное честолюбіе — и онѣ становятся жертвою безплодныхъ усилій достигнуть славы. Недавно вышла книга подъ заглавіемъ:

MARIE-LAURE, Essais en Prose et Poésies, inédites, publiés, précédés d'une notice biographique, par M. Th. de Banville (Опыты въ Прозѣ и въ Стихахъ Маріи-Лауры, собранные и издаваемые, съ присоединеніемъ біографіи, г. де-Банвилемъ).

Біографія Маріи-Лауры такъ же печальна, какъ біографія Элвы Мервьеръ, представленная нами въ одномъ

изъ прошлогоднихъ обзорѣвъ французской литературы. Нельзя не согласиться, что общество виновато отчасти въ этихъ жертвахъ литературнаго честолюбія. Образованіе, полными горстями бросаемое во всѣ классы, часто становится обманчивою приманкою, которая обольщаетъ и сбиваетъ съ настоящей дороги легкіе умы. Публична съ восторгомъ принимаетъ первыя опыты малѣйшаго таланта, который развивается въ исключительномъ положеніи; потомъ, толкнувъ его такимъ образомъ на стезю, исполненную опасностей, предоставляетъ его собственнымъ силамъ, и, равнодушная къ борьбѣ, которая тогда завязывается, она едва даритъ слезу сожалѣнія своей жертвѣ, когда падетъ она, не въ силахъ будущи преодолѣть препятствія на пути своемъ. Нельзя также не порицать легкости, съ какою знаменитые писатели осыпаютъ похвалами всякаго, кто представитъ имъ какое-нибудь лѣстное приношеніе.

« Я прочиталъ прекраснѣйшіе стихи, которые вы прислали ко мнѣ » писалъ Шатобрианъ къ Маріи-Лаурѣ, не думая о томъ дѣйстви, какое могла произвестн подъ перомъ его недобная форма въжливости. Молодому, начинающему таланту, необходимы совѣты, а не похвалы. Лѣстныя слова — опасный еміанъ для самолюбія.

Стихи Маріи-Лауры далеко еще не были такъ прекрасны. Эта дѣвушка, конечно, одаренная замѣчательными способностями, нуждалась особенно въ руководствѣ, чтобъ выучиться владѣть своимъ воображеніемъ и не истрачивать всѣхъ силъ своихъ въ несмысленныхъ мечтахъ безъ цѣли и значенія. Она родилась въ маленькомъ городкѣ Нормандіи, была бѣдна, получила образованіе скудное, и неосторожные друзья, воображивъ, что поэтическій талантъ ея можетъ быть для нея источникомъ счастья, уговорили ее отправиться въ Парижъ, гдѣ, по словамъ ихъ, ее ждали блестящіе успѣхи. И вотъ она покидаетъ мать, родину, и съ большими надеждами въ сердцѣ, съ нѣсколькими

стихотворениями въ ридикюль и съ слабо-набитымъ кошелькомъ приходитъ въ Парижъ. Она занимаетъ маленькую комнатку, довольствуется малымъ, пишетъ много, чертитъ страничку за страницей прозой, стихами. Если выходитъ изъ квартиры, то за тѣмъ только, чтобъ побывать то у одного издателя, то у другого, то въ одной редакціи, то въ другой, встрѣчаетъ неудачи и возвращается въ свою комнату сначала печальная, потомъ отчаянная. Иногда, впрочемъ, такъ-какъ воображеніе у ней пылкое и какъ она такъ же легко предается упивію, какъ и надеждѣ, отъ ласковаго пріема, — отъ благосклоннаго слова, она счастлива, почти въ восторгѣ, и чердакъ ея снова наполняется роемъ мечтаний. Радость кратковременная! Проходятъ недѣли, мѣсяцы, годъ — и ничто не приходится, ни слава, ни деньги; издатель-кинопролавецъ глухъ; въ журналѣ нѣтъ мѣста; вмѣсто денегъ, приходитъ болѣзнь; вмѣсто славы — отчаяніе. Марія-Лаура, истощивъ всѣ силы свои въ этой кратковременной борьбѣ, покидаетъ Парижъ и возвращается къ матери, чтобъ упереть на рукахъ ея.

И вотъ друзья собрали всѣ ея произведенія, разбросанныя по журналамъ, присоединили къ нимъ пьесы, полученные ею отъ нѣкоторыхъ изъ знаменитѣйшихъ современныхъ писателей, и краткую ея біографію. Въ стихахъ Маріи-Лауры есть гармонія и пріятность, но въ нихъ не достаетъ движенія и разнообразія; это трогательная жалоба, которая становится однообразною, повторяясь почти-всегда на одинъ и тотъ же тонъ. Неясная грусть постоянно господствуетъ надъ мыслию и не даетъ ей развернуться. Къ-несчастью, не было у Маріи-Лауры довольно-сильной оригинальности, чтобъ выкупить этотъ недостатокъ. Талантъ ея не былъ изобрѣтателемъ или по-крайней-мѣрѣ не могъ еще страхнуть съ себя ига подражанія. Имя ея скоро будетъ забыто, какъ забыты имена множества другихъ жертвъ безсильнаго стремленія къ славѣ!

Какъ-будто имя въ виду участь

Маріи-Лауры, г-жа Гаспаренъ написала повѣсть, подъ заглавіемъ: *Autour d'une fortune à Paris! par l'auteur du Mariage au point de vue chrétien.*

Повѣсть крайне-простая и чрезвычайно — нравственная, направленная противъ честолюбія, противъ самообольщенія, которыя влекутъ провинціаловъ въ столицу, гдѣ они надѣются найти золотыя горы.

Рассказы о столицѣ смущаютъ спокойствіе, разстроиваютъ счастье молодой провинціальной четы. Мужъ воображаетъ, что съ такими способностями, какъ у него, ему неприлично прозябать въ провинціальномъ городѣ, тогда — какъ въ Парижѣ онъ можетъ составить себѣ блестящую карьеру. Жена сначала споритъ съ нимъ, потомъ соглашается, и увѣряетъ и себя и его, что и она можетъ наживать деньги въ столицѣ; что въ лучшемъ столичномъ магазинѣ она усовершенствуетъ свои познанія въ швейномъ искусствѣ, сама заведетъ магазинъ, и деньги польются къ ней рѣкою. Тогда мужъ и жена заживутъ приживавочи, будутъ наслаждаться удовольствіями Парижа, и не будутъ принуждены налагать на себя постоянныя лишенія и вести однообразную жизнь въ бѣдномъ провинціальномъ городѣ. Такія мечты кружатъ имъ голову. Они не слушаютъ совѣтовъ благоразумія, приписываютъ ихъ смѣшнымъ предрассудкамъ, узкимъ понятіямъ, собираютъ малую-толику денегъ и ѣдутъ въ длиннѣе въ Парижъ...

Вы, безъ сомнѣнія, отгадываете остальное; отгадываете, что, по пріѣздѣ въ столицу, молодая чета сѣвшихъ наслаждаться столичною жизнью, проживаетъ свой небольшой запасъ денегъ, потомъ, куда ни обращается, неадѣ видитъ отказъ и равнодушіе, и наконецъ гибнетъ въ борьбѣ съ крайнею нуждою.

Г-жа Гаспаренъ писала свою повѣсть съ натуры; подобныя исторіи повторяются непрерывно не только въ Парижѣ, но и во всѣхъ столицахъ; подобныя исторіи перѣкаиваются и у насъ, и

жалъ, что никто изъ даровитыхъ нашихъ писателей не изобразитъ всѣхъ слѣдствій губительнаго стремленія къ чинамъ, увлекающаго въ столицу толпы провинціальной молодёжи.

Г-жа Гаспаренъ, въ вравоучительной повѣсти своей, нападаетъ на честолюбіе, на острѣе къ деньгамъ. Поле предстало ей широкое: есть гдѣ разгуляться; дѣйствительно, гонялись ли когда люди за «ортуномъ съ такою циническою смѣлостью, какъ нынѣ? Въ какое время поклоненіе деньгамъ было усерднѣе и повсемѣстнѣе? Даже искусства и литература, такъ долго набѣгавшія этой заразы, наконецъ подверглись ей. Не видны ли мы даровитыхъ людей, которые нынѣ продаютъ свое воображеніе, какъ въ средніе вѣка пролавали душу?

Неуравновѣшенная любовь къ деньгамъ и эгоистическое честолюбіе вредны для общества. Долгъ моралиста — со всею энергіею, какая есть въ немъ, нападать на дурныя страсти; но, борясь съ тѣми, что вредятъ обществу, онъ не долженъ задѣвать того, что полезно для общества. А именно такъ и дѣлаютъ моралисты, которые не соразмѣряютъ своихъ ударовъ: они стрѣляютъ въ одно и то же время въ то, что хорошо, и въ то, что дурно. Такъ г-жа Гаспаренъ, въ своей повѣсти, коснувшись жвантъ ранъ общества, выводитъ ложное заключеніе вообще противъ честолюбія, и хочетъ, чтобы каждый оставался на томъ мѣстѣ, на которомъ поставила его судьба, каковы бы ни были его способности, каковъ бы ни былъ его гевій: ей, видно, хочется китайской неподвижности!

Во французской журналистикѣ произошло 1-го декабря важное событіе: газета «la Presse» приняла развѣтры «Journal des Débats», не увеличивъ своей цѣны, даже уменьшивъ ее для Парижа, и взяла перевѣсъ надъ «Journal des Débats», потому что при одинакой величинѣ стоитъ вдвое дешевле. Усилѣхъ этой мѣры, т. е. увеличеніе числа подписчиковъ, соблазняетъ и прочія газеты, имѣющія возможность

рискинуть нѣсколькими тысячами франковъ, и съ новаго года нѣкоторые изданы также общають увеличить свой форматъ. Публика будетъ въ выигрышѣ, потому что за прежнюю цѣну будетъ имѣть вдвое-болѣе чтенія.

Увеличивая свой объемъ, газета «la Presse» сочла необходимымъ обезпечить себѣ усиѣхъ приобретениемъ для фельетона капитальныхъ литературныхъ произведеній. Она приобрѣла три произведенія историческія. Одно изъ нихъ принадлежитъ Шатобриану и называется «Mémoires d'outre-tombe». Сколько интереснаго должны открыть эти «Записки» Записки знаменитаго поэта, бывшаго свидѣтеля и участникомъ столькихъ великихъ событій! Десять томовъ «Записокъ» должны выйти въ свѣтъ не прежде, какъ Шатобрианъ сойдетъ въ могилу. — Второе историческое произведеніе, общаемое газетой, есть «Histoire de la captivité de Sainte-Hélène, par M. le général Montholon». Прочтите предисловіе къ ней, предварительно сообщенное въ «la Presse».

«Въ 1815 году, императоръ въ Эльзе-Бурбонъ сказалъ: «Бертранъ еще не рѣшается ѣхать со мной; Другъ рѣшительно отказывается, вы исѣдете со мной, не такъ ли?»

— «Точно такъ, ваше величество, отвѣчалъ я.

«Вся моя судьба заключалась въ этихъ словахъ.

«Солдатъ республики, двадцатишести лѣтъ бригадиръ генералъ, и потомъ полномочный министръ въ Германіи во время политическихъ интригъ 1812 и начала 1813 года, я могъ бы, какъ и другіе, оставить записки о дѣлахъ, совершившихся въ глазахъ моихъ, о событіяхъ, въ которыхыхъ я принималъ участіе, о людяхъ, которыхъ зналъ; но все для меня исчезаетъ передъ однимъ дѣломъ, предъ однимъ событіемъ, предъ однимъ человекомъ. Это дѣло — ватерлооское. Это событіе — паденіе имперіи. Этотъ человекъ — Наполеонъ».

«Дѣйствительно, могу ли я сказать прошедшему и будущему что-нибудь равное слѣдующимъ простымъ словамъ:

«Въ теченіе шести лѣтъ раздѣляя я заточеніе величайшаго чело-вѣка новѣйшихъ временъ и попеченіями, которыя назвалъ онъ сыновними, смягчалъ страданія послѣднихъ лѣтъ его.

«Воспоминаніе объ этихъ шести годахъ, которые провелъ я съ Наполеономъ, или бѣдѣя съ нимъ о дѣяніяхъ его царствованія, или вѣша, подлѣ его диктовку, комментаріи этого втораго Цезаря, воспоминаніе о сорока-двухъ ночахъ, проведенныхъ у смертнаго одра его, наконецъ, награда, которую оказалъ мнѣ умирающей, повелѣвъ, чтобъ я закрылъ ему глаза и принялъ послѣдній вздохъ его, составляютъ не только господствующую мысль, но и утѣшеніе моей старости.

«Дѣйствительно, въ послѣдніе годы жизни въ Лонгвудѣ, каждую ночь, въ одиннадцать часовъ, императоръ призывалъ меня, и я не покидалъ его до шести часовъ утра, когда онъ садился въ ванну. Каждое утро говорилъ онъ мнѣ съ отеческою ласкою:— Ну, мой сынъ, ступай отдыхать, и приходи въ девять часовъ. Мы по-забудракаемъ и потомъ пересмотримъ нашу ночную работу». И въ девять часовъ утра я возвращался къ нему и оставался съ нимъ до часу. Тогда онъ ложился въ постель и принималъ то-е-маршала; за тѣмъ, въ промежуткѣ отъ четырехъ до пяти часовъ, снова призывалъ меня. Каждый день имѣлъ я честь обѣдать съ нимъ и около девяти часовъ вечера уходилъ, чтобъ возвратиться къ нему въ одиннадцать.

«Графъ Ла-Казъ пробылъ на Островѣ-Св.-Елены только годъ и одинъ мѣсяцъ, и между-тѣмъ, въ разсказѣ объ этихъ тринадцати мѣсяцахъ нашелъ онъ довольно матеріаловъ, чтобъ наполнить восемь томовъ своего «Mémoires de Saint-Hélène». Еслибъ я по-

слѣдовалъ его примѣру, то мнѣ пришлось бы написать цѣлую библиотеку,—но я не хочу этого: я хочу сообщить только тѣ подробности, тѣ факты, которые могутъ быть полезны исторіи; каждый изъ этихъ фактовъ будетъ подкрѣпленъ доказательствомъ.

«На мнѣ, особенно, оправдывается аксіома фаталистовъ, что участь нашего написана въ книгѣ еудебъ. Дѣйствительно, судьба приблизила меня къ императору въ Эльвѣ-Бурбонъ, и, хоть я и не искалъ того, судьба привела меня на булонскій берегъ, гдѣ честь повелѣла мнѣ не покидать племянника императора при опасностяхъ, ожидавшихъ его. Неразрывно связанный съ несчастными фамилией Бонапарте, я окончиваю въ цитадели Гамской заточеніе, начавшееся на Островѣ-Св.-Елены.»

Третье историческое произведеніе, приобретенное газетой «la Presse», есть «Histoire de Girondins», Ламартина.

И такъ, фельетонъ не довольствуется уже романами: онъ захватываетъ въ свои столбцы кѣлые томы произведеній серьезныхъ. Жалѣтъ ли объ этомъ? порицать ли фельетонъ за такія усилія овладѣть всей литературой? Разумѣется, никто не станетъ порицать фельетонъ, когда онъ представляетъ произведенія, подобныя исчисленнымъ, произведенія, принадлежащія писателямъ, которые дорожатъ своимъ именемъ и потому пишутъ не на скорую-руку. Давая писателямъ вѣрное и большое вознагражденіе за трудъ, доставляя имъ огромный кругъ читателей, фельетонъ содѣйствуетъ успѣхамъ литературы. Жаль только, что онъ увлекаетъ менѣе-совѣстныхъ писателей, увлекаетъ романистовъ къ работѣ торопливой, къ работѣ на-живую-нитку, и принимаетъ не одни только оконченныя произведенія, но и такія, которыя до начала печатанія существуютъ только въ головѣ писателя. Многие французскіе журналы сильно вопіютъ противъ вре-

да, причисляемого литературѣ ѣдлетонокъ, совершенно-овладѣвшихъ романомъ, — вопиютъ, а между-тѣмъ, сами печатаютъ романы въ ѣдлетогахъ. «La Presse», наскучивъ этики волями, особенно волями журналовъ, завидующихъ ея успѣхамъ, собрала въ одно прекрасное утро всѣ нумера парижскихъ журналовъ, вышедшихъ въ это утро, и нашла въ нихъ слѣдующіе романы:

Въ «l'Univers», журналѣ духовенства, — «Les Aventures d'un gentilhomme», романъ г. Деланделя. Въ «Quotidienne», — «Les Deux Veuves», романъ маркиза Фудра; Въ «la France», романъ г. Турнеора, «Le Frère d'armes du Comestable»; въ «La Nation», — романъ г. Брюссэ, «La Révaudie»; въ «l'Écho français», — вѣрно изъ экзотическихъ и религиозныхъ газетъ, — романъ Эмиля Шевалэ «Les Deux Marquises»; въ «Globe», который служитъ экзомъ «Revue de Paris», романъ г. Мишеля Масона и Фредерика Тома, подъ названіемъ «La Jeune Regente»; въ «Revue de Paris», — повѣсть, — почти то же, что романъ, — г. Гейме, подъ заглавіемъ: «l'Allemagne»; въ «Courrier français» — романъ г. де-Лагуша, «Adrienne»; въ «Constitutionnel», — романъ г-жи Шарль Ребб, «Sans dot»; въ «Siècle», — превосходный романъ г. Шарля Бернара «Beau Père», съ которымъ читатели наши могутъ познакомиться въ этой книжкѣ нашего журнала; въ «Commerce» — романъ г. Поля Дюлессиса «un Parisien en Amérique»; въ «Démocratie pacifique» — романъ г. Дидлэ «Caroline en Sicile»; въ «Réforme», — романъ г. Этьена Маря «Une Peur».

Наконецъ, сама «la Presse» надняхъ окончила печатаніемъ новымъ романъ Бальзака «les Paysans, scènes de la vie de campagne». Знаменитый романистъ, открывшій сорокалѣтнюю женщину и Катерину Медичи, общалъ въ этомъ романѣ раскрыть дивныя тайны общителѣй деревни, тихо, не постыжась

подрывающихъ могущество *bourgeoisie*, господствующаго тенера сословія во Франціи, — и, кажется, ничего не отырылъ нового.

Прочитавъ этотъ списокъ ѣдлетонныхъ романовъ, читатели удивятся, что нѣтъ между ними ни одного романа писальиою машины, называемой г-жею Дюма. Въ объясненіе этого рѣдкаго явления представимъ слѣдующее объявленіе газеты «la Presse»: «Un traité assure à la Presse pour l'avenir et de préférence à tout autre journal, la collaboration de M. Al. Dumas». Итакъ, семоточимый романистъ, еще недавно печатавший въ трехъ журналахъ разомъ три романа, прикованъ къ «la Presse», прикованъ золотыми цѣплями, потому что, говорятъ, онъ продалъ ей свое право за шестьдесятъ тысячъ фр. въ годъ. Дѣйствительно, теперь въ этой газетѣ, послѣ романа Бальзака, начатъ романъ Дюма, «La Reine Margot», за тѣмъ послѣдуютъ его же «Mémoires d'un Médecin» и «Impressions de voyage dans Paris».

Большая часть всѣхъ этихъ романовъ, разукотается, перейдетъ изъ ѣдлетоновъ въ отдѣльныя книги, перепечатается въ Брюсселѣ и разоидется по всему свѣту, и вы скоро, можетъ-быть, встрѣтите ихъ въ предлагаемыхъ изъ нашихъ книжкахъ объявленіяхъ книгопродавца г. Исакова. Всѣ они прочтутся, вѣроятно, съ удовольствіемъ, потому что французскіе романисты весьма рѣдко пишутъ такъ скучно, чтобъ было изъ-рукъ-вошь, и всѣ они скоро забудутся подобно безчисленнымъ слепниъ предшественникамъ, или подобно «Опытанъ въ прозѣ и въ стихахъ» бѣдной Марин-Лауры. Хорошо, если черезъ нѣсколько десятковъ лѣтъ явится какой-нибудь Теофиль Готье и напишетъ что-нибудь въ родѣ *Grottesques* (les Grottesques, par Theophile Gautier).

Г. Теофилю Готье пришла въ голову оригинальная мысль критически разобратъ и познакомиться современному

французскую пубliku съ старинными писателями, самыми малозвѣстными, самыми посредственными, которыхъ онъ называетъ «Les Grottesques». Онъ справедливо полагалъ, что въ этой, еще совершенно неразработанной жилѣ французской литературы, можно сдѣлать любопытныя находки. Не можетъ быть, думалъ онъ, чтобы въ этихъ писателяхъ не было ничего замѣчательнаго, чѣмъ бы можно было объяснить, почему произведенія во-крайней-мѣрѣ нѣкоторые изъ нихъ приваивались современниками съ восторгомъ. И вотъ, онъ представлялъ биографіи и критическую оцѣнку сочиненій Вильяма, Теомаса де-Вю, Спаррона, Сент-Амана, Скальона де-Варблюа, Пьера де-Сен-Луи, Сирако де-Бержеракъ, Шанлена, Жюлье, Слюдери. Большая часть этихъ книгъ дошла до нашего времени только благодаря остротамъ, пущеннымъ противъ нихъ ѣдкимъ перомъ Буало. Для занимающихся исторією французской литературы, въ книгѣ г. Готье много новаго.

Перейдемъ отъ этой болѣе или мѣнѣе легкой литературы къ произведеніямъ серьезныхъ, ученыхъ.

HISTOIRE DE LA LUTTE DES PAPES ET DES MONARCHES DE LA MAISON DE SOUVERAINE, *des ses causes et des ses effets*, par C. DE SERRIER (Исторія борьбы между папами и императорами швабскаго дома, г. де-Шерьѣ).

Однѣ изъ самыхъ важныхъ и самыхъ интересныхъ сюжетовъ историческихъ — борьба императоровъ съ папами, это двойное стремленіе къ единству, идущее отъ двухъ противоположныхъ полюсовъ; этотъ бой на жизнь и смерть между началомъ католическимъ и началомъ монархическо-феодалнымъ.

Ошибется читатель, если подумаетъ, что книга, заглавіе которой представилъ мы, вполнѣ и со всѣхъ сторонъ представляетъ исторію этой борьбы;

г. де-Шерьѣ предпринялъ изобразить только часть ея.

Великая эпоха Григорія VII, борьба Григорія и первыхъ его преемниковъ съ домомъ франконскимъ, представляемы въ краткомъ введеніи, бѣгло рисуящемъ исторію Италіи со времени паденія Западной-Римской-Имперіи до вступленія на престолъ императорскій дома Гогенштауфеновъ. Можно упрекнуть автора, даже и допуская тѣ предѣлы, въ которыхъ онъ хотѣлъ держаться, что слишкомъ-мало важности придаетъ онъ сущности общественнаго вопроса, который рѣшается въ этой борьбѣ, и что онъ исключительно приваивался къ точкѣ зрѣнія сравнительно-второстепенной, т. е. къ борьбѣ италіанской національности, которую онъ олицетворяетъ въ панствѣ съ германскимъ племенемъ, представляемымъ Гогенштауфенами; эта второстепенная точка зрѣнія кажется ему главною, и потому, книга его есть не столько исторія борьбы между двумя властями, сколько обширный отрывокъ изъ исторіи Италіи въ средніе вѣка.

Вѣренъ ли второстепенный взглядъ автора? Папы, говоритъ г. де-Шерьѣ, хотѣли основать единство Италіи посредствомъ духовной монархіи. Но вѣрило ли будетъ славать, что они хотѣли основать всемірную монархію при помощи монархіи италіанской? Италія была орудіемъ, а не цѣлью. — Авторъ одобряетъ соединеніе въ рукахъ папъ свѣтской независимой верховной власти съ властію духовною. На дѣлѣ, эта независимая свѣтская власть не допустила панства сдѣлаться орудіемъ императора или короля французскаго. Въ томъ положеніи, въ какомъ находилась Европа въ средніе вѣка, это было полезно, и, строго судя, можно утверждать, что эта полезность существуетъ еще и теперь до нѣкоторой степени; но надо согласиться, что, по теоріи, нѣтъ ничего противнѣе истиннымъ началамъ религіознымъ и общественнымъ, чѣмъ эта власть, и нѣтъ ничего пагубнѣе для народа, чѣмъ

вещи этому правительству, противному природѣ вещей. Если свѣтское могущество папъ было выгодно для Европы, то, конечно, оно не было выгодно для Италіи. Италія принимала папъ за представителя своей національности, это правда; но Италія ошибалась! Геній ея объявилъ это устами Данте, Итальянца по превосходству, сдѣлавшагося джибеллиномъ и имперіалистомъ отъ разочарованій и отчаяній,—объявилъ потомъ устами Макиавели, который, въ шестнадцатомъ столѣтіи, высказалъ все прошедшее въ слѣдующихъ немногихъ словахъ:

«Такая-папъ папство само не имѣло достаточной силы, чтобъ занять Италію и не позволило занять ее кому-либо другому, то и вышло, что Италія не могла приобрести себѣ одну голову, а раздѣлилась между многими владѣтелями; отсюда раздоры и слабость, которая можетъ сдѣлаться добычею не только сильныхъ варваровъ, но и каждаго, кто нападетъ на нее. Вотъ чѣмъ мы, Итальянцы, обязаны католической церкви, и одной только ей». Г. де-Шеррь долженъ согласиться съ этимъ: вѣдь именно папы призвали, въ десятую вѣкъ, въ Италію Нѣмцевъ съ тѣмъ, чтобъ тамъ не явился король итальянскій.

Легко представить такіе образки, въ немногихъ строкахъ, нѣсколько возраженій противъ плана и главныхъ идей сочиненія г. де-Шеррь; но не такъ легко въ краткихъ словахъ показать, что въ немъ дѣйствительно хорошо. Можемъ сказать только, что все сдѣлано съ достоинствомъ и терпѣливомъ послѣдованіи источниковъ и объ обширной эрудиціи автора. Историкъ-эстетисты будутъ благодарны ему за превосходное изображеніе нравовъ, законовъ, событій XII и XIII столѣтій въ Италіи и Германіи. Мы не знаемъ книги полезнѣе для того, кто захочетъ серьезно изучать этотъ періодъ европейской исторіи.

Жаль только, что тамъ-и-сямъ важныя и спокойныя разсказы его нару-

шаютъ неумѣотныя выходы. Легкомысленія размышленія, въ некоторыхъ отношеніяхъ суть анахронизмы въ книгѣ, трактующей подобный сюжетъ; эти выходы не согласуются, особенно въ исторіи Италіи, съ тѣмъ началомъ національностей, на которое авторъ хотѣлъ опереться. Г. де-Шеррь, кажется, самъ понималъ это, ибо второй томъ его сочиненія почти-совершенно чуждъ этого недостатка, и отъ-того много выигрываютъ единство и достоинство книги. Второй томъ оканчивается смертью Фридриха II.

REQUISITES HISTORIQUES SUR LE PROCÈS ET LA CONDAMNATION DE VICTOR HUGO, par Auguste Nougarede de Fayet (Историческія изысканія о процессѣ и осужденіи герцога импейскаго, Огюста Нугареда де-Файе).

Между Дьепомъ и Трепоромъ берегъ усеянъ рифами, которые позволяютъ подходить къ нему только небольшимъ судамъ, да и то въ тихую погоду. Почти-отвѣсной стѣной подымается скала, во многихъ мѣстахъ на триста футовъ въ высоту. Ускія долины, раскрывая его крутые бока, довольно-тихими скалами спускаются къ берегу; мѣстами, воды и время приближались къ скалѣ опроти. Въ одномъ изъ такихъ сраженій, близъ деревушки Вивилль, глубоко вбиты были въ землю колья на разстояніи полутора метра одинъ отъ другаго. Къ этимъ кольямъ, по-временамъ, прикрѣпился канатъ купеческаго корабля: его звали канатомъ контрабандистовъ. Дѣйствительно, съ самаго отдаленнаго времени, онъ служилъ для нихъ употребленіемъ. Контрабандисты заботились объ этомъ канатѣ. Последній изъ нихъ, передъ отплытіемъ на корабль, складывалъ канатъ и клалъ въ потайное мѣсто.

Не смотря на революцію и терроризмъ, это сообщеніе существовало еще и во время консульства. Въ 1803 году, въ темную декабрьскую ночь, въ погоду бурную, люди, прибавившіе отъ Англіи, вступили во Францію этою опасною дорожкой. Корысть ли ввѣра

ить? Этого нельзя было и думать: среди ихъ виднѣсь былъ республиканскій генералъ, Пишегрю, съ старыми шуаними и виновниками адской машины. Жоржъ Кадудаль, прибывшій прежде, встрѣтилъ ихъ на берегу. Вандейцы и республиканцы шли на одно и то же предпріятіе. Въ одеждѣ консульской гвардіи, они должны были напасть на генерала Бонапарте, побѣдителя при Арколи, Пирамидахъ и Маренго, напасть въ Парижѣ, на Карусельной-Площади, на смотру. Англія, можетъ-быть, не чужда была этого заговора.

Неизбѣжное несчастіе продолжительныхъ войнъ; войнъ, смѣшанныхъ съ внутренними раздорами, состоитъ не въ бесполезномъ только пролитіи крови, но также и въ ослабленіи всякой нравственной обязанности націй къ націи, человѣка къ человѣку, гражданина къ гражданину. Слабѣетъ гордость чести; долга, жалости; всякая извѣстная кажется позволительною слабости; сила дѣлаетъ законнымъ всякое вѣроизводство. Съ той и другой стороны, на трактаты смотрятъ только какъ на случай застать другъ друга въ-расплахъ.

Эти симптомы предшествовали, амьенскому мирознаменованію и сопровождали его. Англія—первая подала опасный примѣръ, когда, презрѣвъ эль-аршскій трактатъ, потребовала отъ Клебера въ Египтѣ, чтобъ онъ подоимъ оружіе. Извѣстенъ его отвѣтъ: онъ побѣдилъ. Во Франціи, одержала тоже побѣду революція 18-го брюмера; она дала новому правительству силу, уваженіе, прочность, которыхъ никогда не имѣла Директорія. Междуособіе было подавлено, анархія побѣждена; кредитъ восстановленъ; законы восприняли свою силу, все это были благодѣянія безвѣрныхъ для народа, только что избавившагося отъ терроризма. За свободу Наполеонъ общалъ порядокъ и давалъ славу; Франція отдавалась ему wholly, и амьенскій трактатъ могъ воспріять миръ съты, но только

могъ. Англія, правда, покидала свои завоеванія; но амьенскій трактатъ обязывалъ ее отдать Мальту, которой она не отдавала. Съ своей стороны, консулъ присоединялъ къ Франціи Пьемонтъ и островъ Эльбу, давалъ законы Швейцаріи; обращался съ Голландіей, какъ съ страной завоеванной, и, подъ пустыми предлогами, держалъ армию на берегахъ Бретани. На дѣлѣ, Франція и Англія были еще въ войнѣ. Между-тѣмъ, консулъ не могъ еще упернуть себя никакимъ поступкомъ, осуждаемымъ правомъ народнымъ, ничѣмъ похожимъ на адскую машину 3-го нивоза, или на замыселъ заговорщиковъ, высадившихся на берегъ у Бивыля.

Первыя указанія на этотъ заговоръ получены были изъ-за границы. Скоро узнаны были имена, планы, число и званіе заговорщиковъ. Всѣ были арестованы. Мордъ позволилъ себя безмолвно отвести въ Тамплъ. Жоржъ былъ захваченъ полиціей; Пишегрю проданъ другомъ. Но до арестованія Пишегрю подчиненные заговорщики говорили о принцѣ, котораго будто-бы ждали, и котораго имя могло бы пробудить воспоминанія и уснувшую ревность роялистовъ. Что же это былъ за принцъ? Графъ ли д'Артуа, или сынъ его, герцогъ беррійскій? Или ужъ не принцъ ли изъ фамиліи орлеанской? Жить ли въ страхѣ, боясь одного за другими всѣхъ Бурбоновъ; или смѣлымъ ударомъ поразить одного изъ нихъ, чтобъ разомъ испугать всѣхъ? Людовика XVIII и герцога ангулемскій были въ Митавѣ, принцъ Ковдѣ въ Лондонѣ; ввукъ его, герцогъ анжуйскій, молодой человекъ, отличавшійся блистательною храбростію, жилъ въ Эттенгеймѣ, у великаго герцога баденскаго, съ званіемъ и жалованьемъ генерала англійской службы; онъ жилъ въ Эттенгеймѣ, на другомъ берегу Рейна, можно сказать, у воротъ Страсбурга, въ то время, когда въ Парижѣ открылся заговоръ! Судьба принца была рѣшена.

Смерть его оставила пятно на славу великаго человека. Какая роль принадлежит консулу въ этомъ трагическомъ событіи? Вотъ вопросъ, который задалъ себѣ г. Нугаредъ де-Файё, представляя подробный разборъ этого великаго историческаго процесса.

Луи-Антуанъ-Анри де-Бурбонъ, герцогъ англійскій, родился въ Шантильи, 2 августа 1772 года. Онъ вышелъ на свѣтъ слабымъ, полумертвымъ; чтобъ призвать младенца къ жизни, которая покидала его, его обернули въ бѣлье, напитавное виннымъ спиртомъ. Искра упала на эти легковоспламеняющіяся пеленки; едва-едва успѣли спасти малютку отъ гибели. Вотъ ири какихъ предзнаменованіяхъ начиналась его жизнь! Судьба, кажется, съ колыбели преслѣдуетъ инаго человека, иную фамилію, иной городъ! Учителемъ ребенка былъ холодный аббатъ Милло, вовсе-неспособный возбуждать въ немъ любовь къ наукамъ; гувернёромъ — графъ де-Варьё, способный воспитать его характеръ, а образцами — принцы его рода, отъ побѣдителя при Сервиолѣ, который первый носилъ имя герцога англійскаго, до героя, прославившагося подъ Рокруа, Лансомъ и Фрейбургомъ.

Во время эмиграціи, мѣсто принцу назначено было въ корпусъ, сформировавшагося въ Кобленцѣ, подъ начальствомъ его дѣда; онъ былъ одинъ изъ самыхъ блестящихъ офицеровъ этого корпуса. Въ сраженіяхъ, герцогъ англійскій простиравъ свою храбрость до безразсудства; но не было фанатизма въ его мнѣніяхъ. Какъ Французъ, онъ принималъ участіе въ изумительныхъ успѣхахъ арміи, противъ которыхъ сражался какъ принцъ и эмигрантъ. Онъ былъ чувствителенъ къ славу, былъ чувствителенъ къ любви! Могли ли честолюбіе, ненависть, мщеніе ослѣпить его любящее и великодушное сердце? Связанными тайными узлами съ Шарлоттой де-Роанъ, племянницей извѣстнаго кардинала того же имени, тайная небольшая записка по сосѣд-

ству съ ея замкомъ, онъ жилъ тамъ счастливо, посвящая охотѣ часы, которые похищалъ у любви. И этого-то принца вздумали представить главою заговора, севдомъ, убійцею!

Извѣстно, какъ Наполеонъ нарушилъ право народное; извѣстно, какъ принцъ, схваченный внезапно, кинутый въ тележку, окруженный жандармами, привезенъ былъ въ Страсбургъ, потомъ заключенъ въ цитадель. Приведемъ только фактъ мало-извѣстный, какова большая часть фактовъ, содержащихся въ книгѣ Нугареда.

Войска раскинуты были кругомъ Эттенгейма; когда принцъ былъ арестованъ, надлежало собрать ихъ; на время, пока происходилъ этотъ сборъ, принцъ и его адъютантъ, кавалеръ Жакъ, заключены были въ водяной мельницѣ. Адъютантъ часто бывалъ на этой мельницѣ. Одна изъ дверей выходила на ручей, приводившій въ движеніе мельничное колесо, и чрезъ этотъ ручей перекинута была доска. Кавалеръ Жакъ дѣлаетъ знакъ принцу, который потихоньку подходитъ къ нему.

— Отворите эту дверь, ваша свѣтлость, пройдите по доскѣ и потомъ перетащите ее на другую сторону; я не пропущу ихъ въ эти двери.

Принцъ пробуетъ дверь; но мальчикъ съ мельницы, испугавшійся солдатъ, избралъ именно эту дорогу, чтобъ убѣжать, и заперъ ее сваружи.

15-го марта, принца увозятъ. 16 и 17 проводятъ онъ въ страсбургской цитадели. 18-го, шесть лошадей съ быстротою молніи вьчатъ его въ Парижъ. Онъ пріѣзжаетъ туда 20 марта, въ три часа. Въ пять часовъ отводятъ его въ Венсенскій Замокъ. Измученный поѣздкой и горемъ, онъ обѣдаетъ и засыпаетъ глубокимъ сномъ. Въ одиннадцать часовъ, его будятъ; онъ одѣвается; ему дѣлаютъ допросъ; въ полночь судятъ его. «Совѣщаніе было не-продолжительное», говоритъ Нугаредъ.

Въ два часа составляютъ приговоръ, въ которомъ оставленъ пробѣлъ для текста закона, на которомъ основывается приговоръ. Приговоръ исполняется; въ три часа принца уже вѣтъ въ живыхъ.

Что долженъ былъ ощущать несчастный принцъ въ этотъ краткій промежутокъ между свободою, жизнью, любовью, счастьемъ и — смертію? При немъ найденъ дневникъ, который позволяетъ слѣдить за всѣми его впечатлѣніями. Нигдѣ не обнаруживается ни страха, ни раздраженія. Онъ и не думалъ объ ожидавшей его участи. Въ Страсбургѣ, онъ говорилъ полковнику Шарлю, майору Машину, что онъ совершенно непричастенъ заговору, что онъ привязанъ къ Франціи, что удивляется первому консулу, что охотно сталъ бы сражаться подъ его начальствомъ; но что первый консулъ не можетъ вѣрять ему въ преступленіе, если онъ защищалъ, въ сраженіяхъ, права своей фамиліи и своего сана? Въ Венсеннѣ, подъ своимъ допросомъ онъ подписалъ: «Подписывая сей допросъ, я настоятельно прошу особенной аудіенціи у перваго консула. Мое имя, мой санъ, мой образъ мыслей и самое положеніе мое даютъ мнѣ надежду, что онъ не откажетъ моей просьбѣ.»

При чтеніи этой просьбы, что должно было сказать челоѣколюбие?—Отсрочить судъ. Одинъ изъ судей, полковникъ Барруа, предложилъ это. «Но послѣ нѣсколькихъ минутъ совѣщанія, когда генералъ Саварі, тутъ находившійся, сказалъ, что онъ не думаетъ, чтобъ такой поступокъ попра-влялся первому консулу, приступлено было къ суду.»

Изображать ли, какъ несчастнаго принца, въ три часа утра, влекутъ по извилистымъ лѣстницамъ, какъ онъ спрашиваетъ: «куда вы ведете меня?» и какъ тюремщикъ даетъ бла-
Т. XXXVIII. — Стл. VII.

городный отвѣтъ: «призовите все свое мужество»? Описывать ли рѣдкій и холодный дождь, который оледенилъ бы душу менѣе-твердую, и невѣрный свѣтъ фонарей, освѣщавшихъ, въ глубинѣ рва, взводъ солдатъ? и голоса офицеровъ, болтавшихъ въ отдаленіи на подземномъ мостѣ, какъ-будто дѣло шло о смѣнѣ часовыхъ; и присутствіе духа умиравшаго, который требуетъ ножницъ, отрываетъ локоны своихъ волосъ и завертываетъ ихъ въ приготовленное заранѣе прощальное письмо; и просьбу принца передать Шарлоттѣ де-Роанъ это свидѣтельство, что ей посвящена была послѣдняя мысль его, и, наконецъ, вопиющую команду, огонь, грохотъ выстрѣла, тишину?..

Надо отдать справедливость г-ну Нугареду: никто еще не изображалъ такъ превосходно и подробно этой драмы. Онъ тщательно собралъ и официальные документы, и воспоминанія современныя, и объявленія позднѣйшія. Все, что могъ собрать онъ, все представляетъ онъ читателю. Но онъ, кажется, слишкомъ увлекается чувствомъ благодарности и признанности къ памяти Наполеона, благоговѣнно сохранившимися въ его фамиліи (авторъ — внукъ одного изъ министровъ временъ имперіи): онъ всѣми силами старается уменьшить вина Наполеона въ смерти герцога англійскаго.

Хотѣлъ ли Наполеонъ дать этимъ кровавымъ залогъ революціонной партіи? спрашиваетъ самъ себя авторъ — и тотчасъ же, по справедливости, отвергаетъ это предположеніе. По его мнѣнію, виною былъ несчастный бивильскій заговоръ; по его мнѣнію, Наполеонъ обманутъ былъ невѣрными справками; по его мнѣнію, слишкомъ поторопились исполнить приговоръ: Реальъ проспалъ, вмѣсто того, чтобъ допрашивать принца, и уже послѣ исполненія приговора представлены были консулу бумаги, могшія поколебать его рѣше-

ние. Такъ думаетъ авторъ; но не всякій раздѣлитъ его мнѣніе.

Макиавелли въ своемъ «Principe» говорить: «Жестокость можетъ быть употреблена и дурно и хорошо. Можно сказать, что она употреблена хорошо, когда употреблена только разъ и продиктована необходимостью обезпечить власть». Въ другомъ мѣстѣ онъ говоритъ: «Итакъ, надобно, чтобъ похититель власти за одинъ разъ совершилъ всѣ жестокости, которыхъ требуетъ его безопасность, чтобъ не возвращаться къ нимъ болѣе».

Посмотрите теперь, не высказываетъ ли почти та же мысль въ слѣдующихъ словахъ самого императора, представляемыхъ г-мъ Нугаредомъ: «Безъ сомнѣнія» сказалъ онъ «я могъ быть, хотя герцога ангенскій и былъ виновенъ, удержаться отъ приказа — схватить его и судить; но зачѣмъ мнѣ было это дѣлать? У него и его единомышленниковъ была одна повседневная цѣль — лишить меня жизни: *je saisis l'occasion de leur renvoyer la terreur jusque dans Londres, et cela me réussit*; съ этого дня заговоры прекратились».

Какъ бы то ни было, правъ или неправъ г. Нугаредъ, слясъ извинить Наполеона въ казни герцога ангенскаго, — книга его все-таки одно изъ самыхъ замѣчательныхъ произведеній историческихъ, вышедшихъ въ послѣднее время.

НІСТОРИЕ DE LEON X, par M. Audin
(Исторія Льва X, г. Оден).

Г. Оденъ написалъ уже исторію Лютера, исторію Кальвина: теперь онъ, естественно, пришелъ къ исторіи папы Льва X. Великіе, по истинѣ, предметы составляютъ Римъ и реформація, Италия и возрожденіе (*renaissance*); не совладать съ ними историкъ, если не одаренъ онъ качествами высокими и рѣд-

кими; надо, чтобъ онъ умѣлъ въ одинаковой степени понимать искусство и политику, Макиавелли и Микеланжелло, Медичисовъ и Аріоста, Гвиччардини и Хрзмъ-св.-Петра въ Римѣ, и картину Преображенія. Человѣчество въ этотъ вѣкъ находится въ одномъ изъ самыхъ счастливыхъ своихъ моментовъ: гений поднимается со всѣхъ сторонъ, и солнце Италии во второй разъ освѣщаетъ жатву образцовыхъ созданій. Съ другой стороны, вся политика европейская въ огнѣ, и никогда въ свѣтѣ не рѣшались вопросы болѣе-важные. По-этому, чтобъ создать картину полную, историкъ надлежитъ развить, выказать всѣ чудеса искусства и поэзіи, проникнуть въ то же время въ интриги политики и объяснить превратности войны. Это еще не все: надобно, чтобъ онъ имѣлъ взглядъ, который господствовалъ бы надъ всею этой необъятной сценой, — руку, которая могла бы дать единство безконечному разнообразію.

Г. Оденъ часто грѣшитъ и относительно подробностей и относительно общности; въ книгѣ его совершенно нѣтъ единства; ее можно назвать рядомъ біографій, не совсемъ-искусно связанныхъ одна съ другою. Хорошо еще было бы, еслибы каждая біографія представляла по-крайней-мѣрѣ что-нибудь новое, какой-нибудь невѣстный документъ, малѣйшую жемчужину, долго валявшуюся въ сору и наконецъ найденную. Къ-сожалѣнію, въ того нѣтъ; ничего новаго не говоритъ г. Оденъ ни про Павла Юлія, ни про Гвиччардини; слабо судитъ объ Аріостѣ, и вообще нѣтъ никакой оригинальности въ его литературныхъ сужденіяхъ. Жаль, что г. Оденъ несправедливо строгъ къ Макиавелли. Всѣмъ извѣстно письмо Макиавелли, гдѣ онъ, удаленный отъ службы и близкій, рассказываетъ про свою жизнь и закатія въ деревнѣ. Можно ли читать безъ волненія эту странную, гдѣ чело-вѣкъ гениальный, подавленный об-

стоятельствами, рассказывает про свою охоту за дровами, про свои бесѣды въ кабакахъ съ мельниками и угольщиками, и про свои вечернія бесѣды съ великими людьми древности? Грустно смотрѣть на страданія гения, убиваемаго праздноствіемъ. Пусть дадутъ мнѣ какое-нибудь завятіе — восклицаетъ онъ: — пусть заставятъ меня хотѣть воротить каменья. Этого вопля отчаянія, испускаемаго гениальнымъ человекомъ, который чувствуетъ свою силу и изнываетъ въ забвеніи, г. Оденъ не понимаетъ — и какими выраженіями клеймитъ онъ подслуживость этого царедворца! Повторяемъ, главный недостатокъ сочиненія Одена, послѣ недостатка новости, есть недостатокъ общности, единства. Авторъ начинаетъ одну біографію, покидаетъ ее, и снова за нее принимается. Скачками идете вы въ этой книгѣ и можно составить себѣ понятіе объ этой несвязности исторіи Льва X изъ того, что послѣдняя глава сочиненія носитъ названіе: *l'Homme Intime*, т. е. фигура, долженствовавшая явиться въ началѣ всего произведенія, приходитъ въ концѣ и какъ бы изъ милости.

Реформація и возрожденіе ждутъ еще во французской литературѣ историка. Вотъ уже является одинъ конкуррентъ. Надо согласиться, этотъ конкуррентъ человекъ опытный, бывалый; его не легко испугать чѣмъ-нибудь; онъ вступаетъ въ исторію, какъ въ свое помястье. Мы говоримъ про г. Капфига.

FRANÇOIS I ET LA RENAISSANCE, вотъ заглавіе новаго произведенія г. Капфига, которыя въ первой части этого произведенія развиваются подъ перомъ неутомимаго компилятора, суть тѣ же самыя, какія изобразилъ и г. Оденъ; только, одинъ смотритъ изъ Рима, другой изъ Паріжа. Въ концертѣ, который даетъ намъ г. Оденъ, оркестромъ дирижируетъ Левъ X; въ концертѣ г. Капфига — Францискъ I. Откиньте только это раз-

личіе, сюжетъ останется одинъ и тотъ же; ибо вся Европа тогда смѣшивается, сшибается, всякое движеніе есть электрическое; взрывъ въ одномъ мѣстѣ раздается всюду, и писатель, если онъ хочеть понять причину вещей, долженъ смотрѣть въ одно и то же время на Испанію, Италію, Германію, Францію, Англию. Левъ X, Карлъ V, Максимилианъ, Генрихъ VIII, Францискъ I, играютъ въ одной и той же драмѣ, суть герои одной и той же пьесы; они объясняютъ другъ друга. Г. Капфигъ очутился такимъ образомъ среди тѣхъ же людей и тѣхъ же событій, среди которыхъ видѣли мы автора «Льва X»; что же онъ сдѣлалъ? Одержалъ ли онъ побѣду тамъ, гдѣ г. Оденъ претерпѣлъ неудачу?

Чтобъ быть историкомъ неукоризненнымъ, недостаточно того, чтобъ посѣтить архивы Аугсбурга, Вѣны, Мюнхена, Венеціи, Флоренціи, Генуи, Милана, Ватикана, и послѣ такихъ поѣздокъ и трудовъ представить какой-нибудь документъ небольшой важности. Недостаточно также посѣтить для своего удовольствія поля битвъ въ Италиіи и Германіи, а надо описать ихъ такъ, чтобъ они не могли быть забыты. Можно бы простить г. Капфигу его многословіе, небрежность въ оцѣнкахъ, еслибъ онъ вознаграждалъ все это глубиною и новостью взглядовъ, еслибъ онъ освѣтилъ неожиданнымъ свѣтомъ плодоносное царствованіе Франциска. Но онъ не искупаетъ подробностей общностью, и книгу его можно сравнить съ диктовкою, на каждой строкѣ представляющею слѣды торопливости и требующею вторичнаго труда, который исправилъ бы и стиль и мысль.

DISCOURS SUR VOLTAIRE, mentionné par l'Académie Française au concours 1844; par H. Baudrillard.

DISCOURS SUR VOLTAIRE, qui a remporté le prix d'éloquence décerné par l'Académie Française, par M. Harel.

Изъ этихъ двухъ разсужденій, представленныхъ въ прошлое лѣто на академическій конкурсъ, одно, какъ сказано въ заглавіи, удостоено было преміи, другое почетнаго отзыва. Если Академія хотѣла увѣнчать только достоинства стиля, краснорѣчіе, чистоту выраженія, то противъ приговора ея нельзя сказать ничего. Въ этомъ отношеніи, г. Арель имѣетъ первенство неоспоримое. Онъ пишетъ изящно, ясно; періоды текутъ у него плавно и гармонически; это рѣчь чисто-академическая, блестящая, умная. Но, признавая важность формы, нельзя не признавать и того, что не одна форма должна составлять достоинство рѣчи; особенно, когда дѣло идетъ объ оцѣнкѣ произведеній литературныхъ, объ опредѣленіи ихъ нравственнаго вліянія, о показаніи настоящихъ правъ ихъ на удивленіе потомства, мы полагаемъ, что, кромѣ прелестей стиля, должно требовать еще критики здравой, смѣлой, которая умѣла бы такъ же открыто и отчетливо хвалить, какъ и порицать. А этого-то и вѣтъ у г. Ареля; онъ вездѣ и за все превозноситъ Вольтера; едва-едва соглашается онъ, что не было у Вольтера качества, необходимыхъ для комедіи; но въ его глазахъ это единственный родъ литературы, въ которомъ онъ не превосходитъ; какъ историка, какъ философа, какъ поэта, какъ драматурга, онъ ставитъ его на первую степень, и даже его безбожныя поэмы онъ старается извинить духомъ времени.

Увлекаемый удивленіемъ къ Вольтеру, г. Арель ставитъ стиль его выше всего, чѣмъ обладаютъ не только французская литература, но и литературы иностранныхъ; онъ преувеличиваетъ достоинство его сочиненій историческихъ, которымъ даетъ въ некоторое превосходство надъ Тацитомъ, Титомъ-Ливіемъ и Светоніемъ; онъ силится смгчить вину его анти-христіанской полемики и вмѣняетъ ему въ огромную заслугу, что онъ не былъ совершеннымъ

атеистомъ. Однимъ словомъ, это съ начала до конца панегирикъ Вольтеру. Вліяніе Вольтера, конечно, было велико; но оно было во многихъ отношеніяхъ гибельно, и несправедливо приписывать ему всѣ успѣхи, совершившіеся во Франціи; настоящее положеніе католицизма въ этой странѣ доказываетъ, какъ бесплодны сарказмъ и иронія, которыхъ вѣсмерный усилъ служитъ только къ тому, что дѣлаетъ неизбѣжною реакцію въ противномъ направленіи. Вольтеръ былъ великій писатель, но изъ этого не слѣдуетъ, что надо обвинять Руссо, какъ дѣлаетъ Арель, въ порчѣ языка, потому-что онъ не шелъ рабски по слѣдамъ его и умѣлъ придать своему стилю печать своей могучей оригинальности.

Г. Бодрильяръ гораздо-справедливѣе; у него есть и критика, и это придаетъ болѣе цѣны его похваламъ. Рѣчь его не представляетъ, можетъ-быть, такъ - хорошо - обдуманной общности, такого изящества стиля, но въ ней читатель находитъ интересныя подробности, которыя даютъ возможность лучше сравнить жизнь Вольтера съ его сочиненіями и разительнѣе выставляютъ то, что было въ немъ хорошаго. Онъ гораздо-болѣе входитъ въ анализъ разныхъ его произведеній и, воздавая должную дань удивленія его гению, не боится порицать то, что кажется ему достойнымъ порицанія. Въ этомъ отношеніи, трудъ его гораздо-полнѣе, гораздо-безпристрастнѣе труда г. Ареля.

Война съ Мароккской-Имперіей вывела на свѣтъ два сочиненія:

1) *Le Maroc et ses tribus nomades*, par J. Drummond-Hay; 2) *Pro-menade dans le Maroc*, par M. Charles Didier.

Первая книга принадлежит Англичанину и переведена съ англійскаго языка; вторая написана французскимъ туркотоми. Друммондъ-Гей, сынъ англійскаго генеральнаго консула въ Тангерѣ, посѣтилъ внутреннія области Марокко, исполняя данное ему порученіе купить для королевы Викторіи арабскую лошадь чистой крови. Лошади онъ не купилъ, но воспользовался благоприятнымъ случаемъ для наблюденія нравовъ этой варварской страны, входъ въ которую такъ затруднителенъ и опасенъ для Европейца. Проживъ нѣсколько лѣтъ въ Тангерѣ, зная хорошо туземный языкъ, Друммондъ-Гей имѣлъ всѣ необходимыя качества для совершенія подобнаго путешествія. Побѣдка его совершилась благополучно, хотя и часто приходилось ему слышать отъ Мавровъ выраженія не очень-лестныя для его слуха. Г. Друммондъ на этотъ счетъ большой философъ и не считаетъ оскорбительнымъ для своего достоинства эпитетъ собаки-Назаряннина, когда въ то же время видитъ, что Арабы признаютъ превосходство христіанской цивилизаціи, которую они, въ простодушной гордости, считают вознагражденіемъ, даруемымъ небомъ христіанамъ: у христіанъ, видите ли, рай на этой землѣ, а рай правовѣрныхъ — на небѣ. Сужденія г. Друммонда чужды всякаго предубѣжденія, неблагоприятнаго для обитателей обзавѣваемыхъ имъ странъ. Онъ даже обнаруживаетъ нѣкоторую симпатію къ ихъ пылкому характеру, прекрасныя качества котораго блестятъ еще порой среди перерожденія, произведеннаго варварствомъ.

То же должно сказать и о Шарлѣ Дильдѣ. Оба путешественника не слыхомъ углублялись во внутрь Марокко. Книжки ихъ изобилуютъ многими превосходными описаніями природы, истинностей, портретами туземцевъ, очерками ихъ нравовъ, анекдотами, легендами.

Разъ, Друммондъ-Гей, прокладая ко-

норокъ, позволилъ ему снасть, вызвала удивленіе, затѣя созданъ такая гадкая тварь. Нечестіе его, поразило спутника его, стараго Мароканца.

— Машаллахъ, сказалъ онъ: — все, что ни есть на свѣтѣ, создано съ цѣлю доброю, полезною. Выслушай, христіанинъ, мою исторію о мошкахъ и объ океанѣ. — Въ началѣ создалъ Богъ море, и по благости своей создалъ его изъ прѣсной воды, какъ источникъ и ключи. Онъ далъ ему большой просторъ и одарилъ его чудесною силою выше всѣхъ другихъ созданій. Тогда гордое море, поднявъ голову до звѣздъ, стало испускать страшный ревъ, бить берега свои волнами и привело въ ужасъ всю вселенную. Дерзость его возрастала съ каждымъ днемъ; оно нарыгало хулы на Бога и, перешедъ предѣлы, назначенныя ему Создателемъ, не слушая его велѣній и угрозъ, потопило землю, истребило все живущее на поверхности земной. Человѣкъ и всѣ Божіи созданія, исключая рыбъ, тщетно искали убѣжища и потонули въ вихряхъ бурныхъ водъ.

Тогда Богъ сказалъ великимъ водамъ:

«Слушай, море! ты посмѣялось надъ Тѣмъ, Кто создалъ тебя; ты не послушалось моего голоса, ты опрокинуло предѣлы, которые я поставилъ передъ тобой, — слушай же: я создамъ самое незначительное изъ крыльчатыхъ насѣкомыхъ; я создамъ безчисленныя міриады его, и ты узнаешь, что я твой владѣтель и Богъ.»

Тогда Богъ создалъ мошекъ, и тучи мошекъ покрыли землю; но Господь сказалъ жужжащимъ роиамъ ихъ: — опуститесь на лицо моря и пейте его воды. Мошки начали пить, и море высохло. Дѣ, огромное море исчезло въ желудкѣ мошекъ. Тогда Богъ обратился къ морю, сокрытому въ этихъ атомахъ, и сказалъ ему: Зна-

«есть ли, море, знаешь ли ты теперь, | виновались, и море возвратилось въ
 «что я Богъ твой и владыко всѣхъ ве- | ложе свое. Но вода стала съ-тѣхъ-
 «щей?» и море раскаялось и признало | поръ соленою; какою слѣжалась она
 Госнода всемогущаго. Тогда Богъ | въ желудкѣ мошекъ: такъ повелѣлъ
 сказалъ мошкамъ: «изрыгните воды, | Богъ, дабы знало море, что Онъ Го-
 «которые проглотили вы!» Мошки по- | сподъ, и что вѣтъ Бога кромѣ Бога!

VIII.

С И В С Ъ.

БЮГРАФИИ ЗНАМЕНИТЫХЪ СОВРЕМЕННИКОВЪ.

Теодоръ Гукъ.

Слабо, поверхностно еще наше знакомство съ современною англійскою литературой, съ современными англійскими литературными знаменитостями.

Многимъ ли у насъ извѣстно, на-примѣръ, имя Теодора Гука, одно изъ самыхъ популярныхъ именъ въ Англии?

Теодоръ Гукъ былъ журналистъ и романистъ. Въ числѣ заслугъ его, надо особенно упомянуть о томъ, что онъ содѣйствовалъ возвращенію романа въ Англию къ настоящему его назначенію. Если вся Европа увлечена была пристрастіемъ къ историческому роману, то можно судить, каково было это увлеченіе въ Англии. Многочисленная толпа посредственныхъ подражателей шумно шла по стопамъ Вальтера Скотта. Къ величайшему удовольствію библиотекъ для чтенія, почти вся исторія трехъ соединенныхъ королевствъ перерядилась въ

маскарадный романическій костюмъ. Но на свѣтѣ все надоѣдаетъ, даже наилучшія вещи; публикѣ скоро скучно стало читать разныя копія нѣсколькихъ превосходныхъ произведеній. Потому, радостно встрѣчены были тѣ, которые задумали возвратиться къ старинному роману. Такой литературный переворотъ въ Англию приписывается большею частію Болверу; это несправедливо: онъ долженъ быть приписанъ преимущественно Гуку. Первый романъ его, или, лучше сказать, первые его романы изданы были въ 1824 году, подъ заглавіемъ *Sayings and Doings*, за четыре года до болверова *Pelham*. Не имѣй успѣха сочиненія Гука, «Пельгэмъ», можетъ-быть, не имѣлъ бы ни одного читателя.

Реакція противъ историческаго романа совершилась тѣмъ легче, что родъ романовъ, введенный Вальтеромъ Скоттомъ, вовсе не имѣлъ предшествующихъ примѣровъ въ исторіи англійской литературы и обязанъ былъ своимъ успѣхомъ только любви публики къ новизнѣ и блистательному, плодовитому и оригинальному генію его изобрѣтателя. Въ рукахъ Дэвидя де-

Фо, Ричардсона, Смоллета, англійскій романъ стремился къ одной цѣли: изученію сердца, человѣческаго и обществѣ нравовъ.

Настоящее содержаніе романа—изображеніе частной жизни съ ея прелестями, разнообразіемъ, интересами, изображеніе дѣйствующихъ лицъ, чувствъ, двигающихся тысячи пружиной этой вѣчно-мѣняющейся картины, безчисленныхъ событій, видоизмѣняющихъ ее. Чтобы стоять высоко въ этомъ родѣ, нужны не столько изобрѣтательность, фантазія и ученость, сколько умѣнье наблюдать и изображать характеры и нравы. Гукъ въ высшей степени обладалъ этою способностью. Употребляя ее на изображеніе современнаго общества, онъ почти безъ усилія содѣйствовалъ возвращенію роману настоящаго его характера, и его, равно какъ миссъ Эджвортъ и миссъ Астенъ, надобно считать истинными виновниками реакціи, совершившейся противъ историческаго романа. Трудно раздѣлять эти три имени. Хотя всѣ трое они и одарены различными качествами, однакожь кажутся одушевленными однимъ и тѣмъ же намѣреніемъ. Въ ихъ рукахъ, романъ изображаетъ сцены жизни повседневной, чувства самыя обыкновенныя, съ которыми могутъ симпатизировать всѣ сердца, и отличается яснотой съ тѣмъ нравственностью и благопристойностью — качествами, которыми не всегда могутъ похвалиться произведенія Фильдинга и Смоллета. Сочиненія ихъ безъ всякой опасности могутъ показаться на всѣхъ столахъ и столикахъ. Добродѣтель въ нихъ не смѣшна и рѣдко несчастна; цорюкъ, даже когда и торжествуетъ, не облачается тѣмъ характеромъ благородства, который украшаетъ героевъ Руссо и Байрона. Никогда не прибѣгаютъ они къ нечаяностямъ, поражающимъ воображеніе; не вызываютъ воспоминаній изъ другихъ вѣковъ, пренебрегаютъ народными суевѣріями. Чудесное и чрезвычайное, конечно, имѣютъ большія прелести, но что привлекательнѣе дѣйствитель-

ности; что новѣе и разнообразнѣе истиннаго, искусно-подсмотрѣннаго и вѣрно-выраженнаго?

Въ романахъ Гука, какъ и въ романахъ миссъ Эджвортъ и миссъ Астенъ, интересъ основывается вполне на игрѣ чувствъ. Любовь не есть та пылкая, буйная, часто преступная страсть, которая раждается мгновенно, и которой ничто не можетъ погасить въ сердцѣ, гдѣ родилась она. Разсудокъ управляетъ ихъ любимыми дѣйствующими лицами, въ любви какъ и во всѣхъ другихъ отношеніяхъ. Они благоразумны, тверды, умѣренны, исполнены того здраваго смысла, который, не погашая привязанностей и наклонностей, наблюдаетъ за ними, руководитъ ихъ и умѣетъ въ случаѣ нужды заставить ихъ молчать. Никогда не найдете у нихъ тѣхъ внезапныхъ, неудержимыхъ увлеченій, которыя играютъ такую важную роль въ новѣйшихъ романахъ; не найдете того злоупотребленія чувствительности, которое пустило въ моду «Новая Элоиза» и «Вертеръ». Книги ихъ дышатъ чистѣйшею нравственностью; герои ихъ и героини — честные люди, поведеніе которыхъ можетъ служить примѣромъ людямъ всякаго возраста и всякаго состоянія.

Понятно, что миссъ Эджвортъ и миссъ Астенъ, удерживаемыя скромностью своего пола и состоянія, перенесли въ свои романы этотъ характеръ благопристойности и нравственности. Не будемъ говорить о первой, которая еще жива и о частной жизни которой нельзя еще распространяться; но можно сказать нѣсколько словъ о миссъ Астенъ, которая давно уже покинула свѣтъ. Родившись въ 1775, скончавшись въ 1817 году, на сорокъ-второмъ году, она провела всю жизнь въ Стевентонѣ, въ домѣ пастора, отца своего, въ Батѣ, въ Соутгэмптонѣ и въ деревнѣ Чоутонѣ, въ тѣсномъ кругу семьи своей и небольшого числа друзей. Скромная, степенная, любившая уединеніе, избѣгавшая свѣта и его развлеченій, она бланстала только добродѣтельною и съ

такимъ же стараніемъ избѣгала случаетъ показать свою рѣдкую красоту и качества своего ума, съ какимъ другія женщины ищутъ, ловятъ эти случаи. Потому, она изображаетъ въ своихъ романахъ только ту часть среднего класса, которую могла она наблюдать каждый день; за то, никто уже не превосходилъ ея въ этихъ изображеніяхъ. Сэръ Вальтеръ Скоттъ, любившій читать въ-слухъ своей семьѣ произведенія этой молодой женщины, писалъ въ своемъ дневникѣ: «Миссъ Астенъ подарила намъ портреты настоящаго общества, далеко превышающіе все, что произведено было въ этомъ родѣ. Мало знаю я писателей, которые бы такъ чудесно рисовали чувства и лица простой жизни». Дѣйствительно, ея романы—отличныя и совершенныя миньютюры, какъ она сама называла ихъ,—миньютюры, не боящіяся никакого сравненія.

Но если родъ жизни миссъ Астенъ, равно какъ сходный съ нимъ родъ жизни миссъ Эджвортъ, объясняетъ характеръ ихъ произведеній, то трудно понять, какимъ образомъ тотъ же характеръ проявляется и въ романахъ Гума, прошедшаго жизнь свою тревожно, беспорядочно, въ вихрѣ свѣтской расхлябанности.

Объясненія надо искать въ требованіяхъ англійскаго общества: оно не терпитъ ни дурныхъ рѣчей, ни книгъ не только безнравственныхъ, но и способныхъ дать какое-нибудь поощреніе пороку. Вниите его, пожалуй, въ педантизмъ, въ лицецѣрїи,—но лицецѣрїе, какъ выразился одинъ моралистъ, есть дань уваженія, воздаваемая порокомъ добродѣтели; стараюсь казаться добрымъ, можно наконецъ привыкнуть къ добру и сдѣлаться дѣйствительно добрымъ: а вѣдь это что-нибудь да значить!

Теодоръ Гукъ родился въ Лондонѣ, 22-го сентября 1785 года; отецъ его былъ музыкантомъ. Четырнадцать лѣтъ,

онъ имѣлъ несчастіе лишиться матери. Мать его была умная женщина. Будь она жива, Гукъ, руководимый ею, безъ сомнѣнія сдѣлался бы человѣкомъ разсудительнымъ, какъ старшій братъ его. Можетъ-быть, публика лишалась бы отъ-того нѣсколько прекрасныхъ книгъ, но, навѣрное, жизнь его была бы счастливѣе. Онъ воспитывался въ нѣзвѣстномъ гарроускомъ училищѣ, гдѣ соучениками его были лордъ Байронъ и сэръ Робертъ Пилъ. Въ Гарроу, Гукъ не отличался прилежаніемъ, и пробылъ тамъ недолго. Кончивъ матери привела его назадъ въ домъ родительскій, гдѣ скоро онъ сдѣлался со-трудникомъ отца: писалъ слова для романсовъ, которые тотъ перекладывалъ на музыку. Раздѣляя труды, онъ дѣлилъ и выгоды удовольствія отца своего и велъ веселую жизнь артиста. Въ тѣ лѣта, когда молодые люди наиболѣе нуждаются въ надзорѣ и строгомъ руководствѣ, онъ жилъ въ обществѣ пѣвцовъ и актѣровъ, слышалъ безпрестанно похвалы себѣ отъ этихъ *bons vivants*, былъ посвященъ въ жалкія таинства... Согласитесь, дурно было начало его жизни, и Гукъ дорого заплатилъ въ послѣдствіи за ослѣпленіе и безразсудство отца.

Братъ его, Джемсъ Гукъ, умершій не такъ давно въ санѣ уорсетерскаго декана, попытался свести его съ этого пагубнаго пути. Онъ былъ восемнадцатью годами старше его и одними своими достоинствами быстро возвышался въ церковной іерархіи. Братъ отправилъ его въ Оксфордскій-Университетъ, чтобъ Теодоръ слова принялся за ученіе и приготовился къ званію адвоката. Легко вообразить, какъ не повинулась молодому человѣку тяжелая атмосфера университета. Собираясь вписать его имя въ университетскіе списки, вице-канцлеръ, обманутый дѣтскими чертами его лица, сказалъ ему:

—Съ виду вы такъ молоды; можете ли вы подписать тридцать-девять артикуловъ (составляющихъ исповѣданіе англійской вѣры)?

— Очень могу: если хотите, готовъ подписать хоть сорокъ артикуловъ, отвѣчалъ Гукъ.

Въ-слѣдствіе этой выходки, въ которой выражалось неуваженіе къ символу господствующей церкви, онъ едва ли бы былъ принятъ въ университетъ, если бы не заступился за него братъ и не выпросилъ ему прощенія; но Теодоръ недолго пробылъ въ Оксфордѣ; онъ метнулъ въ Лондонъ: въ головѣ его составился планъ фарса.

Въ романѣ своемъ *Gilbert Gurney*, составляющемъ родъ автобіографіи, Гукъ очень-забавно разсказалъ свой дебютъ на театрѣ. Но пьеса его не имѣла участи той пьесы, о которой говорится въ романѣ: «Возвращеніе Солдата», комическая опера въ двухъ дѣйствіяхъ, слова и музыка которой написаны Гукомъ, имѣла большой успѣхъ на Дрюриленскомъ-Театрѣ. Гуку было тогда семнадцать лѣтъ. Ободренный такимъ успѣшнымъ началомъ, онъ въ-теченіе нѣсколькихъ лѣтъ написалъ восемь другихъ пьесъ, комедій, фарсовъ, мелодрамъ, удивительно-причудливыхъ къ талантамъ Мэтьюса, Листона, Джека Баннистера, Терри, лучшихъ тогдашнихъ комическихъ актѣровъ, его друзей и товарищей.

Между-тѣмъ, Гукъ велъ жизнь веселую, разгульную. Онъ старался исполнить на дѣлѣ всѣ дурачества, всѣ шалости, какія представлялъ въ своихъ фарсахъ, и сохранилъ воспоминаніе о нихъ въ *Gilbert Gurney*, который даетъ довольно-точное понятіе о его тогдашней жизни. Г-жа Мэтьюсъ сохранила также воспоминаніе о нихъ въ книгѣ, которую посвятила она памяти мужа, неразумнаго товарища Гука. Друзья его съ наслажденіемъ говорятъ о тѣхъ часахъ, когда онъ, *inter pocula*, разсказывалъ имъ свои собственные похождения: Гукъ, можетъ-статься, былъ лучшимъ актѣромъ своего времени.

Чтобъ сравниться съ нимъ, говорить Коккартъ надо было слить вмѣстѣ Листона, Терри и Мэтьюса, этихъ трехъ неподржаемыхъ героев мел-

кихъ лондонскихъ театровъ. Прибавьте къ этому, что онъ чудесно пѣлъ и сочинялъ шуточные пѣсни, сатирическія баллады. Музыка и слова рождались у него безъ усилія, по вдохновенію. Скоро его репутація, какъ чело-вѣка одареннаго талантомъ первостепеннымъ, вышла изъ тѣснаго круга веселыхъ друзей его. Шериданъ, хорошій судья въ подобномъ дѣлѣ и болѣе всякаго другаго способный оцѣнить рѣдкія способности Гука, отворилъ ему двери въ аристократическій свѣтъ, введя его въ домъ маркизы Гертфордъ. Въ это время, принцъ валлійскій, регентъ соединеннаго королевства, довольно-часто искалъ отдыха и развлеченія отъ заботъ и трудовъ правительственныхъ въ гостинныхъ павильонахъ. Гукъ былъ представленъ ему, и послѣ ужина, въ которомъ онъ за-былъ въ потокахъ шампанскаго сапъ высокогаго гостя, принцъ весьма-ласково сказалъ Теодору:

— Господинъ Гукъ, я надѣюсь часто видѣть и слышать васъ.

Это желаніе принца было приказомъ для всѣхъ, кто слышалъ его, и высшій свѣтъ не замедлилъ открыть Гуку свои гостинныя. Скоро сдѣлалось модою имѣть у себя въ гостяхъ Гука: безъ него не было полнаго праздника. Надо отдать справедливость Гуку: въ-самыхъ аристократическихъ собраніяхъ онъ былъ на своемъ мѣстѣ. У него было все нужное для того, чтобъ нравиться и имѣть успѣхъ въ высшемъ обществѣ. Обладаа острымъ умомъ, ловкостью въ обращеніи, одѣвался всегда неукоризненно, умѣя каждому угодить, Гукъ сдѣлался любимцемъ этого общества столь исключительнаго, но вмѣстѣ съ тѣмъ и столь охотно принимающаго въ свои нѣдра плебеевъ, умѣющихъ заставить его забыть на нѣсколько минутъ скуку, неразумную съ высокимъ положеніемъ въ жизни общественною. Разсказчикъ неутомимый и всегда блестящій, артистъ безъ претензій, съ одинаковымъ искусствомъ владѣвшій карандашомъ и перомъ, Гукъ нра-

вился этому обществу во всѣхъ отношеніяхъ.

Эти дарованія едва не составили счастья Гуку; мы говоримъ, «едва не составили», потому что онъ не сумѣлъ воспользоваться благопріятными обстоятельствами. Регентъ, которому онъ такъ понравился, часто спрашивалъ о положеніи его, и, узнавъ, что онъ не имѣетъ ни должности, ни наглядственнаго имѣнія, не разъ говорилъ, что надо для него что-нибудь сдѣлать. Это слово, случайно вырвавшееся изъ устъ принца, казалось, было забыто, — какъ въ 1812 году, Гукъ, къ величайшему своему удивленію, назначенъ былъ казначеемъ на Островъ-св.-Маврикія, съ жалованьемъ по 2,000 фунтовъ въ годъ (30,000 руб. асс.).

Въ обществѣ на Островѣ-св.-Маврикія, Гукъ, разумеется, имѣлъ такой же успѣхъ, какъ и въ обществѣ лондонскомъ. Онъ сдѣлался тамъ душою всѣхъ собраній и неудержимо ринулся во всѣ развлеченія колоніальнаго свѣта. Въ концѣ 1817-го года, губернаторъ Маврикія, отъѣзжая въ Англію и готовясь отдать отчетъ въ своемъ управленіи, назначилъ комиссію для обревизованія книгъ казначея. Все найдено было въ надлежащемъ порядкѣ, и члены комиссіи представили самое благопріятное донесеніе. Но вдругъ, спустя шесть недѣль по отъѣздѣ губернатора, чиновникъ, временно занимавшій его должность, получилъ доносъ отъ одного чиновника казначейства, что комиссія въ донесеніи своемъ умолчала о важной ошибкѣ въ счетахъ, и что сумма въ 37,000 піастровъ, полученная за пятнадцать мѣсяцевъ до того, не внесена была въ книгу прихода.

Сильно изумились и новый губернаторъ и Гукъ. Наряжена новая комиссія. Доносчика выслушиваютъ; онъ повторяетъ и словесно и письменно свое донесеніе, и послѣ многихъ живыхъ показаній, неутѣрность которыхъ немедленно доказана, застрѣливается. Между-тѣмъ, слѣдствіе продолжается; открываются разныя несправности и значительный недочетъ въ кассѣ

казначея. Гукъ арестованъ и полъемое отвезенъ на корабль, отправившійся въ Англію, гдѣ его ожидалъ судъ.

Гукъ прибылъ въ Портсмутъ въ январѣ 1819 года, послѣ девятимѣсячнаго плаванія. Разсмотрѣвъ дѣло, генераль-прокуроръ объявилъ, что хотя поведеніе Гука было и неправильно, но что его не слѣдуетъ предавать уголовному суду. Бумаги его и книги представлены однакожь въ счетную палату (audit board). Дѣло тянулось нѣтъ лѣтъ, и наконецъ судъ рѣшилъ, что Гукъ долженъ казнить огромную сумму, 12,000 £ стер. (300,000 р. асс.).

Трудно опредѣлить, до какой степени виноватъ Гукъ. Но самъ онъ до кончины своей объявлялъ рѣшеніе суда несправедливымъ. Комиссія на Островѣ-Маврикія полагала недочетъ въ 20,000 £ стер.; въ послѣдствіи, онъ опредѣленъ былъ сначала въ 15,000 £ стер., потомъ въ 12,000. Гукъ утверждалъ, что при болѣе-тщательномъ разборѣ дѣла, оказалось бы, что недочетъ не превышаетъ 9,000 £ стер. Судъ призналъ, что Гукъ виноватъ былъ не въ похищеніи казенныхъ денегъ, а только въ непростительной небрежности и въ излишней довѣренности къ своимъ подчиненнымъ. Но куда дѣвались суммы, оказавшіяся въ недочетѣ? Этого никакъ не могли открыть, да и самъ Гукъ, вѣроятно, зналъ объ этомъ не болѣе другихъ. Сначала нашли, что, немного спустя по прибытіи на О. Маврикія, онъ переслалъ въ Англію около 9,000 £ стерлинговъ; но онъ доказалъ, что эта сумма, употребленная на уплату долговъ, ваята имъ была у одного негоціанта, и этотъ заемъ выплаченъ былъ постепенно изъ его жалованья. Правда, Гукъ жилъ роскошно, велъ большую игру, держалъ скаковыхъ лошадей, и можно было подозревать, что онъ почерпалъ въ колоніальной кассѣ средства вести жизнь, несообразную съ его жалованьемъ. Въ этомъ отношеніи оправдаться было трудно. Онъ доказалъ однакожь, что скачки были

для него весьма-выгодны, и что онъ выигрывалъ на нихъ много денегъ. Наконецъ, продажа всего его имущества дала скромную сумму — 3000 франк.

Гукъ возвратился въ Лондонъ, имѣя въ карманѣ не болѣе двухъ гиней. Отецъ его умеръ вскорѣ по возвращеніи его. Гукъ прибѣгнувъ къ перу и, внимательно слѣдя за ходомъ своего процесса, писалъ статьи въ журналы и «магазинны», чѣмъ и содержалъ себя. Онъ нанялъ скромную квартиру въ Сомерс-Тоунѣ, и, не рѣшившись напомнить о себѣ знатымъ лицамъ, искавшимъ нѣкогда его общества, заключился въ тѣсный кругъ Мэтьюса, Терри и другихъ товарищей юности, вѣрныхъ ему какъ въ счастіи, такъ и въ несчастіи, но могшихъ помогать ему только дружескими утѣшеніями.

Въ апрѣлѣ 1820 года, Вальтеръ Скоттъ пріѣхалъ въ Лондонъ и встрѣтилъ Гука у стараго знакомаго своего, Терри. Онъ былъ восхищенъ его умомъ и неистощимымъ остроуміемъ и замѣтилъ, что, не смотря на свое несчастіе, Гукъ остался тѣмъ, чѣмъ былъ всегда, ревностнымъ торіемъ. Англія находилась тогда въ сильномъ волненіи. Королева Каролина возвратилась въ Англію требовать почестей, подobaющихъ ея сану; вся партія виговъ поддерживала ея требованія и старалась обратить въ свою пользу непопулярность регента. Нѣсколько дней спустя послѣ перваго свиданія Гука съ Вальтеромъ Скоттомъ, одна знатная придворная особа спросила знаменитаго романиста, не знаетъ ли онъ писателя сметливаго, который могъ бы быть редакторомъ тористскаго журнала. Вальтеръ Скоттъ отвѣчалъ, что есть у него въ виду человѣкъ, способный къ подобному дѣлу. Онъ назвалъ Гука и рекомендовалъ его съ тѣмъ усердіемъ, съ какимъ обыкновенно хлопоталъ за другихъ. Благородный собесѣдникъ Вальтера Скотта зналъ нѣкогда Гука, и не зналъ его неприятной исторіи: спустя нѣсколько мѣсяцевъ Гукъ основалъ журналъ «Джонъ Буллъ».

Гукъ началъ наступательныя дѣйствія противъ королевы и ея защитниковъ пѣсенкой, въ которой съ неподражаемымъ остроуміемъ осмѣялъ альдериана Вуды. Пѣсня написана была разнѣромъ и складомъ старинныхъ балладъ. Авторъ говорилъ, что онъ взял ее изъ хранящейся въ Британскомъ Музеѣ рукописи, которую означилъ такъ: *Messalina 2*. Этотъ колкій намекъ можетъ быть понятъ только тѣми, которые знаютъ, что въ музеѣ рукописи означены именами дарителей или прежнихъ владѣльцевъ. Но это было только прелюдіей. Появленіе «Джона Булла» надѣлало столько шума, сколько никогда не дѣлалъ ни одинъ періодическій сборникъ. Въ этомъ еженедѣльномъ журналѣ виги нашли себѣ страшнаго противника. До-тѣхъ-поръ дѣйствовать наступательно, они принуждены были теперь стать въ оборонительное положеніе. Надо было имѣть много ума, юмора, смѣлости, колкости въ сатирахъ, чтобъ бороться съ просками могущественной партіи, которую поддерживали краснорѣчіе Брума, Девмена и большая часть журналистовъ. Гукъ имѣлъ ту выгоду, что ни редактора «Джона Булла» скрывалось въ тайнѣ. Такъ-какъ онъ нѣсколько лѣтъ не былъ въ Англіи и находился подъ бременемъ тяжкаго обвиненія, то о немъ никто и не думалъ. Впрочемъ, такъ-какъ зловимъ не можетъ долго существовать въ журналистикѣ, то скоро угадано было, кому принадлежатъ ѣдкія сатиры. Вотъ что слѣлалъ онъ, чтобъ отгнать подозрѣнія. Въ одинъ день, явилось въ «Джонѣ Буллѣ» письмо, подписанное Гукомъ, въ которомъ онъ формально отказывался отъ всякаго участія въ редакціи «Джона Булла». Этому письму предшествовали слѣдующія строки:

«Забавны слухи, распространяемые нѣкоторыми людьми! Наши читатели увидятъ письмо, полученное нами отъ г. Гука, который прямо объявляетъ, что не имѣетъ никакихъ сношеній съ этимъ журналомъ. Наша откровенность и желаніе доказать этому госпо-

дну, какъ мало желаемъ мы его со-трудничества, заставляють насъ сдѣлать объявленіе, которымъ онъ, безъ сомнѣнія, вполне удовольствуется. Мы объявляемъ, что въ этомъ дѣлѣ насъ удивляютъ два обстоятельства: первое то, что нѣкоторые могли приписывать г. Гуку участіе въ нашей редакціи; второе — что такой человѣкъ, какъ г. Гукъ, счелъ долгомъ своей чести отка-заться отъ всякаго участія въ «Джонѣ Буллѣ».

Тори съ радостію приняли этого ново-го союзника. Дворъ регента и осо-бенно регентъ нашли въ этомъ муже-ственнымъ защитникѣ сильную подпо-ру. Нѣтъ сомнѣнія, что «Джонъ Буллъ» игралъ весьма-важную роль въ этомъ достопамятномъ спорѣ, который вы-шелъ на арену всѣ силы обѣихъ партій, давно спорившихъ о власти въ Англіи.

Пока тянулся процессъ, Гукъ, обя-занный слѣдить за ходомъ дѣла, едва имѣлъ время заниматься «Джономъ Буллемъ». Когда процессъ кончился, Гукъ посаженъ былъ въ тюрьму и пробылъ въ ней два года. Правда, за-тѣченіе его не было очень-строгое; ему позволено было выходить изъ тюрьмы и заниматься своими дѣлами. Здѣсь-то, чтобъ занять свой невольный досугъ, онъ задумалъ совершенно посвятить себя литературному поприщу. Онъ принялся за романъ.

Спрашивается, почему Гукъ не рѣ-шился снова писать для театра, на ко-торомъ прежде имѣлъ такой успѣхъ? Здѣсь надобно замѣтить, что Гукъ съ этого времени во всѣхъ своихъ по-слѣдующихъ сочиненіяхъ, въ «Джонѣ Буллѣ», гдѣ долгое время писалъ театральную хронику, показывалъ не-иредолимое отвращеніе отъ театра и глубочайшее презрѣніе къ званію ак-тѣра. А вѣдь между актѣрами нашелъ онъ себѣ самыхъ преданныхъ друзей! Кто знаетъ, размышляя о своей судь-бѣ и горько оплакивая заблужденія, въ которыя увлеченъ былъ недостат-комъ воспитанія, не приписывалъ ли ихъ Гукъ распутному, безпорядочно-му обществу актѣровъ? Кто знаетъ, не

приписывалъ ли онъ тому же источни-ку свою неспособность къ другимъ за-нятіямъ, заставлявшую его прибѣгать къ перу, чтобъ списывать себѣ сред-ства существованія, и ту безпорядоч-ную жизнь, для которой недостаточно было дохода, доставляемаго ему пе-ромъ? Нѣтъ сомнѣнія, что, обращая взоры на свою прошедшую жизнь, и сравнивая честную, исполненную бла-госостоянія и спокойствія жизнь бра-та съ своею собственною, кровавыми слезами оплакивалъ онъ ослѣпленіе отца, кинувшаго его, пятнадцати-лѣт-няго юношу, въ міръ закулисный.

Къ счастью, успѣхъ его въ романѣ превзошелъ всѣ тѣ успѣхи, какіе имѣлъ онъ нѣкогда на театрѣ, и какихъ онъ когда-либо могъ надѣяться. Съ 1824 года, когда онъ выдалъ первую серію, *Sayings and Doings*, до кончины сво-ей, то-есть въ-тѣченіе шестнадцати лѣтъ, Гукъ написалъ тридцать-восемь томовъ. Вотъ списокъ его произведе-ній: три серіи «*Sayings and Doings*»; двѣ превосходныя біографіи: *Записки ак-тѣра Мичелла Келли*, написанныя подѣ его диктовку, и *біографія сэра Дэвида Бэрда; Максвеллъ; Дочь Пастора; Любовь и Гордость; Джильбертъ Горни и Горни Женатый* (два послѣднія произведенія напечатаны сначала въ «*New-Monthly Magazine*»); *Джекъ Брай; Собраніе По-вѣстей* въ родѣ «*Sayings and Doings*», но гораздо-ниже по достоинству; на-ко-нецъ *Отцы и Сыновья*, за корректурой которой онъ скопчался. По смерти его, напечатанъ подѣ его именемъ романъ *Peregrine Brunce*, который, вѣроятно, есть постыдная книгопродавческая спекуляція. Гукъ написалъ, сверхъ-то-го, множество статей въ разныхъ пе-риодическихъ изданіяхъ, особенно въ «Джонѣ Буллѣ», который издавалъ по-чти одинъ въ-тѣченіе нѣсколькихъ лѣтъ, и множество балладъ, легкихъ стихотвореній, расфьянныхъ тамъ-и-сямъ, которыя заслуживаютъ того, чтобъ кто-нибудь собралъ ихъ.

Освобожденіе Гука, какъ несостоя-тельнаго должника, изъ тюрьмы, въ 1825 году, открываетъ новый фазъ въ

его жизни. Перо доставляетъ ему, съ этого времени, множество денегъ. Вѣтченіе нѣсколькихъ лѣтъ, онъ получалъ отъ «Джона Булля» болѣе 2,000 фунтовъ стерлинговъ, т. е. болѣе 50,000 руб. асс. въ годъ. За первую серію *Sayings and Doings* онъ получилъ столько же. Еслибъ онъ былъ разсудительнѣе, этотъ огромный доходъ могъ бы дать ему средства заплатить казнь по крайней-мѣрѣ часть долга, и въ двѣтъ лѣтъ,—ему было тридцать-пять лѣтъ,—онъ скоро освободился бы отъ должниковъ. Такъ совѣтовало ему благоразуміе: Гукъ поступилъ совершенно-иначе. Тутъ опять видимъ мы пагубное слѣдствіе дурнаго его воспитанія. Проведя нѣсколько лѣтъ въ горѣ и бѣдности, онъ спѣшилъ утопить воспоминаніе о нихъ въ наслажденіи пастоящимъ и ни мало не заботился о будущемъ. Мало-по-малу, пятно, лежавшее на немъ, сглаживалось, и онъ снова вступилъ въ общество, отъ котораго такъ долго былъ въ удаленіи. Анонимъ, подъ которымъ Гукъ скрывался сначала съ такимъ стараніемъ, не покрывалъ уже редактора «Джона Булля». Сдѣлавшись могущественнымъ и страшнымъ органомъ вартін торіевъ, онъ снова вступилъ въ высшій кругъ и наслаждался выгодами своего положенія. Слава отличнаго романиста, остроуміе, изящество манеръ отворяли ему всѣ двери. Изъ круга старыхъ своихъ товарищей, артистовъ и актѣровъ, онъ опять перешелъ въ аристократическія гостиныя. Неудержимо предался онъ своей наклонности къ роскоши и расточительности. Онъ купилъ себѣ прекрасный дошъ, держалъ экипажъ, лошадей, и по мѣрѣ того, какъ упрочивалось его положеніе, слѣпо шелъ все далѣе и далѣе по этой несчастной дорогѣ. Сдѣлавшись постепенно членомъ нѣсколькихъ клубовъ, онъ проводилъ тамъ вечера, а часто просиживалъ и ночи за карточнымъ столомъ.

Забывая минувшія несчастія, Гукъ нечувствительно привылъ привычки и образъ жизни, несогласовавшіеся съ

тишиною и спокойствіемъ, необходимыми для литератора. Скоро его издержки стали превышать доходы, зависѣвшіе отъ его трудолюбія. Онъ началъ дѣлать долги — и погубилъ себя. Въ богатомъ и блестящемъ свѣтѣ, въ который вошелъ онъ такъ необдуманно, не звали, да и знать не хотѣли, чѣмъ и какъ живетъ онъ; въ немъ видѣли только любезнаго и любящаго и веселость джентльмена и мало заботились о средствахъ его жизни. Друзья его, люди богатые, неимѣвшіе никакого занятія, не подозревали, какія страданія скрываются подъ наружною веселостью и беззаботностью Гука. Безпрестанно—преслѣдуемый безжалостными ростовщиками и издателями, требовавшими исполненія обязательствъ, заключенныхъ въ минуты крайности, и давшими ему задатокъ, онъ пускалъ свой умъ и воображеніе въ галопъ, работалъ на-скоро и при всемъ томъ едва выработывалъ столько, сколько нужно было для удовлетворенія ежедневныхъ потребностей. Когда утомлялось его воображеніе, рисую игру страстей, смѣшныя стороны свѣта, онъ старался разсѣяться употребленіемъ возбуждающихъ напитковъ, но тщетно: съ каждымъ утромъ возвращались къ нему мученія; кредиторы, столько разъ обманутые въ своихъ оживленіяхъ, становились нетерпѣливѣе. Выслушайте эту печальную исповѣдь:

«О, какъ далеко превышаютъ муки и бѣдствія жизни, спутанной долгами, наслажденіе роскошью, которой нельзя себѣ позволить! Пріятно ли было бы альдермену отгѣдать черепаховый супъ, еслибъ онъ принужденъ былъ ѣсть его на натянутомъ канатѣ? Отвѣчайте мнѣ на вопросъ, и я вамъ скажу, какъ несчастенъ человекъ, издерживающій вдвое противъ того, сколько онъ получаетъ.»

Дневникъ Гука, еслибъ онъ былъ когда-нибудь изданъ вполне, раскрылъ бы много грустныхъ тайнъ. Г. Доккартъ рассказываетъ одинъ изъ тысячъ эпизодовъ этой плачевной жизни. Зимомъ, въ одинъ изъ послѣднихъ го-

доль жизни Гукъ, онъ приглашенъ былъ на нѣсколько недѣль въ замокъ богатаго лорда. Тамъ было множество гостей. Въ числѣ ихъ, только Гукъ былъ изъ плебеевъ. Онъ влачилъ за собой свои оковы. Каждый четвертокъ, онъ долженъ былъ дѣлать распоряженія касательно набора нумера на слѣдующую субботу. Въ то время, какъ друзья его предавались удовольствиямъ охоты или другимъ забавамъ, Гукъ убѣгалъ на нѣсколько минутъ, чтобъ писать статьи. Въ среду вечеромъ, вмѣсто того, чтобъ идти спать въ свою комнату, онъ потихоньку выбрался изъ замка, бралъ почтовыхъ лошадей и скакалъ за пятьдесятъ миль къ своему типографщику, который прѣхалъ для свиданія съ нимъ въ одну деревню. Утро проводилъ онъ въ этой деревнѣ въ чтеніи писемъ и въ исправленіи обязанностей редактора, а между-тѣмъ, въ замѣтъ, чтобъ извинить его отсутствіе за завтракомъ, челоуѣкъ Гука говорилъ, что онъ неможно-нездоровъ. Кончивъ распоряженія, Гукъ садится опять въ почтовый экипажъ, подѣвжаетъ къ замку, входитъ въ него черезъ паркъ, переодѣвается, является къ обѣду и восхищаетъ благородныхъ собесѣдниковъ своими разсказами и остротами. Но вотъ и полночь: вы думаете, что Гукъ идетъ отдыхать? Ничего не бывало: онъ сидитъ за столомъ съ нѣсколькими весельчакими, пьетъ шампанское, пуишь, гротъ. Чобъ убить время, садятся за игорный столъ, и на другой день утромъ Гукъ уходитъ въ свою комнату, проигравъ гораздо-болѣе денегъ, нежели сколько у него есть, и не зная, гдѣ достать ихъ. Тогда онъ пишетъ въ Лондонъ къ ростоцику, умоляя его дать въ займы нѣсколько тысячъ франковъ. Приходить деньги; новая игра опять ставитъ Гука въ такую жъ крайность. Черезъ двѣ недѣли, Гукъ возвращается въ Лондонъ. Романъ, который обѣщалъ онъ книгопродавцу и который надѣялся кончить въ деревенской тишинѣ, едва начатъ, — а между-тѣмъ, за картами, на свои поѣздки въ деревню и на пе-

ѣздки типографщика, онъ истратилъ болѣе денегъ, нежели сколько можетъ онъ заработать въ три мѣсяца, трудясь безъ отдыха.

Въ первые годы по возвращеніи въ Лондонъ, въ то время, какъ тянулся процессъ, Гукъ вошелъ въ тѣсную связь съ молодой женщиной, которая до-тѣхъ-поръ вела себя примѣрно и попеченіяш и привязанности которой обязанъ онъ единственными счастливыми минутами, какія имѣлъ въ этотъ періодъ своей жизни. Но, или отъ безвѣчности, или по недостатку рѣшимости, онъ не передалъ своего имени матери своихъ дѣтей.

Среди жизни блестящей и трудной, его преслѣдовали упреки совѣсти. Часто и горько жалѣлъ онъ о своемъ проступкѣ, но не имѣлъ духа загладить его. Въ романахъ его можно указать тысячу мѣстъ, гдѣ онъ изобразилъ и осудилъ въ самыхъ сильныхъ выраженіяхъ то положеніе, какое принялъ онъ относительно женщины, которую любилъ и къ которой питалъ привязанность до конца своей жизни. Изображаетъ ли онъ въ неподражаемыхъ чертахъ горестное положеніе женщины, попавшей на дурную дорогу, отчужденной отъ общества, преданной воплѣтъ попеченіяш о своихъ дѣтяхъ, разлученной свѣтскою жизнію съ челоуѣкомъ, котораго она считаетъ своимъ супругомъ и которую не смѣетъ называть своей женой, — рисуетъ ли онъ съ такой прелестью чистую, цѣломудренную любовь своихъ героевъ и героинь, — всегда и съ новой силою возвращается онъ къ той мысли, что мужчина, чобъ быть счастливымъ, долженъ жениться, и, чобъ быть истинно-почтеннымъ челоуѣкомъ, долженъ заботиться о подругѣ, добродѣтели и достоинства которой утѣшаютъ его въ несчастіи и придаютъ новый блескъ его счастью. Но такова ужъ природа челоуѣческая • писалъ онъ: • такова ужъ устройство нашего духа, • что мы любимъ посмѣяться надъ не- • совершенствами другихъ, недостатки • которыхъ суть красоты сравнительно

съ нашими; мы впадаемъ въ нашихъ друзьяхъ проступки, которые совершаемъ сами каждый день. Мы думаемъ, что сами составляемъ исключеніе изъ общаго правила, и когда поведеніе наше приводитъ результаты, подобные тѣмъ, которые такъ не нравятся намъ въ другихъ, мы ласкаемъ себя тою мыслью, что мы были жертвою и увлеклись въ проступокъ чувствами, начало которыхъ лежало въ добродѣтели.

Одно тщеславіе увлекало Гука въ эти блестящія собранія, которымъ предпочиталъ онъ сладостное спокойствіе въ домашнемъ кругу, въ кругу дѣтей и любимой женщины. Ему пріятно было видѣть, что его цѣнятъ, что нимъ дорожатъ аристократы; ему пріятно было отвѣчать пріятелямъ, спрашивавшимъ, отъ-чего его не видно было у Кроксфорда, въ Атеней, въ Карлтоу-Клубѣ,—отвѣчать, что онъ былъ въ замкѣ такого-то лорда, такого-то графа, такого-то герцога, и видѣть на другой день въ «Morning-Post», подъ рубрикой *fashionable intelligence*, что имя Теодора Гука упомянуто въ числѣ именъ благородныхъ посѣтителей загороднаго пѣра.

Въ послѣдніе годы своей жизни, Гукъ былъ жертвою мечты, которая отчасти извиняетъ его заблужденія. Онъ ласкалъ себя надеждою, что рано или поздно торжество партіи, которой служилъ онъ съ такою безкорыстною ревностію, въ которой имѣлъ онъ столько друзей, выведетъ его изъ затруднительныхъ обстоятельствъ. Дѣйствительно, вожди консервативной партіи, которой немѣлжно, рано или поздно, должна была достаться власть, были расположены въ его пользу. Но Гукъ, къ-сожалѣнію, не бралъ въ расчетъ того, что друзьямъ его трудно было бы помочь ему, не смотря на все ихъ желаніе. Особенное положеніе, въ которое ставилъ его долгъ казні, неприходящій и на умъ ему, должно было останавливать ихъ доброе желаніе, и притомъ изъ всѣхъ должностей, которыми располагаютъ англійскіе мини-

стры, немногія могли годиться для Гука. Не смотря на то, въ кратковременное министерство сэра Р. Пилъ въ 1834 году, графъ Джерсей, лордъ-камергеръ, воспѣшилъ предложить ему мѣсто инспектора театровъ,—единственное мѣсто, которое по его вѣдомству могло быть занимаемо литераторомъ. Это мѣсто было занимаемо Джоржемъ Кольманомъ, и лордъ Джерсей не сомнѣвался, что Кольманъ добровольно выйдетъ въ отставку по преклонности своихъ лѣтъ. Но Гукъ не согласился на отставку стараго друга. Господство торіевъ было непродолжительно. По смерти Кольмана, министерство лорда Мелборна назначило инспекторомъ театровъ Чарльса Кембля, и когда, въ августѣ 1841 года, консервативная партія снова достигла власти, Гукъ уже не въ состояніи былъ воспользоваться добрымъ расположеніемъ къ себѣ ея членовъ. Онъ умеръ послѣ кратковременной болѣзни, будучи пятидесяти-трехъ лѣтъ отъ рода.

Горестны были послѣдніе годы жизни Гука. Чувствуя приближеніе кончины, онъ мучимъ былъ участію, ожидавшею его несчастную подругу и дѣтей. Эта мысль безпрестанно представлялась ему въ самыхъ мрачныхъ краскахъ, и, не смѣя уже полагаться на себя, чтобъ заглядить свои проступки, онъ надѣялся на милосердіе и благость Божію. 19 января 1837 года, онъ писалъ въ дневникъ своемъ: «Тяготитъ меня бѣдность; но не о себѣ скорблю я, скорблю объ этихъ невинныхъ созданіяхъ, которыя нуждаются во мнѣ и для которыхъ Богъ вѣнчаетъ усиліемъ моеи усліа; тяготитъ меня бѣдность, потому-что я безумно расточалъ деньги на вещи бесполезныя, расточалъ также и время, которое могъ бы употребить на улучшеніе своего положенія».

Опасенія его были основательны. Едва закрылъ онъ глаза, казна овладѣла всѣмъ его имуществомъ. Продажа съ публичнаго торга книгъ и мебели доставила казнѣ 2,500 ф. стерл. (62,500 р. асс.), и несчастная семья

Гука осталась совершенно безъ всякихъ средствъ существованія. Къ счастью, нѣкоторые изъ его пріятелей открыли подписку и оказали рѣдкое великодушіе. Но немногіе изъ лордовъ и первыхъ торіевъ, наиболѣе пользовавшихся талантами Гука, вспомнили о немъ, когда уже его не было на свѣтѣ. Король ганноверскій одинъ подписался на 12,000 ф. стерлинговъ.

Таковъ былъ конецъ челоѳа замѣчательнаго во многихъ отношеніяхъ, челоѳа, который, еслибъ получилъ лучшее воспитаніе и былъ благороднѣе, могъ бы составить себѣ карьеру блестящую.

Имѣя характеръ тихій, любезный, онъ никогда не терялъ ни одного друга, по-крайней-мѣрѣ по своей винѣ. Шутки его никогда не были оскорбительны и не дѣлали ему враговъ. Трудно, сказала лэ-Брюеръ, смѣшить и заставить любить себя. Не смотря на то, нельзя было видѣть Гука и не удивляться, а, удивляясь, не любить его. Такую кротость онъ перенесъ даже въ политику. Хотя приговоръ суда, который онъ до конца своей жизни объявлялъ несправедливымъ, долженъ былъ отчасти приписатьъ необходимому строгамъ политическимъ, но Гукъ въ видѣніи дневникѣ не разъ объявляетъ прощеніе всѣмъ, кого называетъ своими гонителями. Въ похвалу Гука можно сказать, что въ нападкахъ своихъ на враговъ онъ никогда не увлекался личною неприязнью. Его колкія сатиры имѣли своимъ единственнымъ источникомъ—привязанность его къ партіи торіевъ.

Онъ обладалъ необыкновеннымъ умѣньемъ говорить. Остроты рождались у него мгновенно и никогда не были приготовлены. Веселость его была такъ искренна, что, казалось, онъ забавлялъ другихъ только для собственного своего удовольствія. Никто не умѣлъ рассказывать такъ мастерски, какъ онъ. Однимъ словомъ обрисовывалъ онъ характеръ, положеніе; игра лица, выраженіе голоса и взглядъ его были неподражаемы. Отъ него за-

вистѣло быть величайшимъ актѣромъ своего времени.

Если Гукъ имѣлъ въ чемъ-нибудь недостатокъ, то ужь, конечно, не въ умѣ, не въ талантѣ. Онъ обладалъ нѣкоторыми изъ самыхъ лучшихъ качествъ писателя — силою, изобрѣтательностью, глубокимъ чувствомъ комическимъ, рѣдкою способностью наблюденія, вкусомъ, чувствительностью. Нѣкоторые изъ его романовъ останутся капитальными произведеніями англійской литературы, хотя въ нихъ и можно найти много недостатка. Независимо отъ тѣхъ недостатковъ, которые проистекали отъ торопливости, съ какою онъ писалъ, онъ весьма-часто переходилъ за предѣлы комизма и впадалъ въ фарсъ и гротескъ. Ни одинъ романистъ его времени, за исключеніемъ миссъ Астенъ и миссъ Эджвортъ, не представлялъ современнаго общества съ болѣеимъ талантомъ и вѣрностью. Если произведенія этихъ двухъ писательницъ отличаются болѣеимъ изяществомъ и болѣею остротой, за то романы Гука превышаютъ ихъ силою и блескомъ, составляющими особенную принадлежность мужчины. Сверхъ того, на сторонѣ Гука была та выгода, что онъ жилъ въ сферѣ болѣе обширной, болѣе-разнообразной, и недостатки его воспитанія и поведенія были полезны ему, по-крайней-мѣрѣ, въ томъ отношеніи, что расширяли кругъ его наблюденій, показывали ему сердце челоѳическое съ болѣеимъ числа сторонъ.

Какъ журналистъ, Гукъ стоитъ въ первомъ ряду. «Джонъ Буль», правда, раздѣлялъ всѣ предрассудки стараго торизма, но онъ былъ превосходнымъ представителемъ мнѣній и чувствъ лорда Ливерпуля, лорда Эльдона. «Джонъ Буль» приобрѣлъ себѣ могущественное дѣйствіе на общество; дѣйствіе, вліяніе котораго отражалось на Гукѣ, — и не предъ романистомъ, а предъ журналистомъ отворились двери аристократическихъ салоновъ. Консервативная партія, заступившая мѣсто партіи торіевъ, была бы рада

встрѣтить въ преемникахъ Гука защитника столь же искуснаго, столь же безстрашнаго. Но какъ въ журналистикѣ, такъ и въ романѣ — мѣсто его остается незанятымъ до-сихъ-поръ.

★

ВТОРОЕ ПОСѢЩЕНІЕ АРАРАТА.

(Изъ путешествъ записокъ) (*).

Съ тѣхъ самыхъ поръ, какъ, въ 1840 году, въ концѣ іюня, дошла до Тифлиса обстоятельная вѣсть о страшномъ землетрясеніи, обрушившемъ часть Арарата на несчастное село Ахуры, я рвался желаніемъ побывать еще разъ, если не на самомъ Араратѣ, то, по крайней-мѣрѣ, у подошвы его. 31-го августа 1843 года, нечаянно выпалъ жребій исполнить завѣтное желаніе; я выѣхалъ въ этотъ день изъ Тифлиса по пути въ Александрополь, а 12-го сентября очутился на развалинахъ Арарата и Ахурь. Я слѣлалъ кое-какія замѣчанія, и все хотѣлъ надосугѣ составить объ этомъ полный отчетъ; но обстоятельства до-сихъ-поръ удерживали меня отъ исполненія предположенія. Судьба бросила меня, вопреки моему желанію, на берегъ Эвксинскаго Понта. Не даѣе какъ вчера, 1-го августа, расхаживая, въ грустномъ одиночествѣ, по берегу моря, близъ вновь-строящихся таможенныхъ зданій, я вспомнилъ, что 5-го августа нынѣшняго 1844 года исполнится десять лѣтъ тому, какъ я гостилъ въ первый разъ на вершинѣ

Арарата, былъ вольнымъ путешественникомъ и самовластнымъ мечтателемъ, а теперь — увъи!.. Но лучше приняться за отчетъ о второмъ посѣщеніи Арарата, въ память десятилѣтія первому?

Нечаянно и быстро помчались мы съ однимъ пріятелемъ изъ Тифлиса, на тройкѣ удалыхъ почтовыхъ... Дѣ, колокольчикъ даръ Валдая, или другаго мѣста матушки-коренной Руси, раздается теперь почти всюду между горъ и по доламъ Закавказья. Мы выѣхали ночью, ночью пробѣжали всю опалевную долину, лежащую между тифлисскими и борчалинскими отгорями. Переѣзжая рѣку Адгетку, я взглянулъ на развалины древняго такъ-называемаго римскаго моста, который довольно-значительны и огромны показались мнѣ теперь даже ночью. Утромъ, со всѣмъ вниманіемъ осмотрѣли мы Красный-Мостъ на рѣкѣ Храмѣ; сходили въ подмогную комнату, устроенную между средними арками, и въ караван-сараяхъ, слѣланные въ набережныхъ уврѣженіяхъ моста. Все нашли довольно въ хорошемъ состояніи. Г. Зубаревъ своею статью о Красномъ-Мостѣ ввелъ меня въ заблужденіе на-счетъ ломки караван-сараяхъ окрестными Татарами. Это сущая неправда: все цѣло!

Не доѣзжая до деревни Пипись, на лѣвой сторонѣ отъ дороги, вы видите между горъ огромную и отдаленную скалу, въ родѣ самородной пирамиды: это *Гаваръ-Зимъ* — чудная скала: такъ называютъ ее Армяне. Въ ней видѣется множество отверстій, въ родѣ оконъ и дверей, гдѣ когда-то жили отшельники, и спасались отъ непріятелей мирные туземцы. Отъ русла рѣки Храма начинаются древніе предѣлы Арменіи, а теперь такъ-называемыя мусульманскія провинціи, причисленныя къ Тифлисскому и Александропольскому Уѣздамъ. Отъ рѣки Храма же начинаются лабиринты горъ: Борчалинскихъ, Бомбакскихъ и Шурагельскихъ, которыя всѣ можно отнести къ системѣ Алагѣза. Теперь, быть-можетъ, вѣдѣнное народонаселеніе со-

(*). Первое мое посѣщеніе Арарата описано въ издашней особе книжкѣ подъ заглавіемъ: *Всходъ на Араратъ. 1859 года.* (Москва. Въ тип. Селска.)

стоитъ болѣе изъ Татаръ; но и Армяне едва-ли не половину удобныхъ мѣстъ занимаютъ въ этихъ горахъ; множество селъ и деревень, а еще болѣе разваливъ древнихъ армянскихъ церквей и крѣпостей и два лучшіе монастыря, Ахпатъ и Санаинъ, показываютъ, что Армяне здѣсь старинные обитатели. Тутъ не услышишь грузинскаго слова, не увидишь картлійскаго обличія. Знаючи увѣрали меня, что здѣсь и доселѣ сохранилось самое лучшее нарѣчіе армянскаго языка.

Дорога въ Эриванъ и Александрополь проведена делижанскимъ ущельемъ до самой деревни Делижана, гдѣ она раздѣляется: въ Александрополь идетъ на западъ, а въ Эриванъ на югъ. Вся эриванская дорога весьма хорошо обработана; она идетъ, почти до самаго Делижана, около русла рѣки Акстафы, и въ нѣкихъ мѣстахъ составляеть наилучшее шоссе. Эта дорога устроена въ 1834 и 1835 годахъ, при главноуправляющемъ Грузіи Г. В. Розенѣ. Близъ станціи Истибулахъ обдѣлано водохранилище, изъ котораго бьетъ тремя фонтанами чудесная горная ключевая вода. Надъ водохранилищемъ выстѣчена надпись, пѣть которой видно, что этотъ памятникъ сдѣланъ окрестными жителями, въ воспоминаніе и благодарность за устройство дороги. Отъ Пиписъ до Делижана дорога, или, вѣрнѣе, ущелье, представляетъ великолѣпнѣйшіе виды. Возвышающіеся утесы и скалы, окаймленные въ увитыя вельною травой, кустарничкомъ и деревьями, являютъ дивныя храмы, алтари и жилища горныхъ духовъ.

Отъ Делижана къ Александрополю дорога скоро выходитъ къ безлѣснымъ горамъ. Мѣстность постепенно возвышается, вельнь тускиѣеть и блѣднѣеть. Вдругъ, при утревнемъ туманѣ сентября, явилась совершенно-русская природа. Песокъ и глина превратились въ черноземъ, лѣсистые утесы — въ умѣренныя горы, покрытыя посохшею травою, быстрая рѣчка — въ спокойный ручей, окруженный болотными

кочковатыми берегами; а вотъ и русскія бороды мужичковъ, и бревенчатая забушка, мѣстами закопченныя, и молодицы съ ребятами гонять скотину въ поле; далѣе, кто съ серпомъ, кто съ граблями, кто съ косою — спѣшать на работы; а тутъ вотъ и работаютъ Русскіе по-русски. Радостно встрепенудось сердце при видѣ давно-давно невиданной картины роднаго быта! Это новое поселеніе молочанъ; они еще не обжились, впрочемъ.

Мы ѣхали по старой нашей границѣ съ Персіею — по руслу рѣки Бомбака; близъ деревни Саралъ увидѣли мы пирамидальный памятникъ изъ черныхъ тесаныхъ волканическихъ камней, подѣхали къ нему, и не нашли никакой надписи. «Кто тутъ похороненъ?» спросилъ я у старика-ямщика изъ Армянъ. — Кара-майоръ, отвѣчалъ онъ. Потому старикъ съ особенною живостью началъ указывать на окружающія горы и долины, рассказывая, что все это было покрыто несметными кизильбашскими (то-есть персидскими) силами; что русскій черный-майоръ (кара-майоръ) съ горстью солдатъ, окруженный со всѣхъ сторонъ, долго бился, да и побилъ бы всѣхъ неприятелей, но у него не достало зарядовъ, и онъ палъ со всѣми своими сподвижниками на этомъ мѣстѣ. Это могила майора Монтрезора!

Долго то поднимались мы, то спускались съ обнаженныхъ горъ въ посохшія глубокія долины; но мѣстоположеніе вообще дѣлалось возвышеннѣе. Наконецъ, выѣхали на обширнѣйшую высокую равнину, окруженную со всѣхъ сторонъ невысокими горами, изъ которыхъ къ востоку выказывался, немного-выше прочихъ, пестрый, отъ полосъ снѣга, Алагѣвъ. По этой равнинѣ разгуливалъ во всѣ стороны буйный вѣтеръ, завѣвая цѣлыя облака густой пыли. На всемъ пространствѣ ни одного деревца, ни кустика; вельнь растеній вся почти посохла; развѣ кое-гдѣ виднѣлись блѣднозеленыя полосы бахчей и огородныхъ растеній. Дикая и пустыня эта возвышенная пле-

скость; Алатѣзъ ивъ казался полосатымъ тигромъ среди пустыни. Къ западу обозначались вдали наивѣ-то неопредѣленные признаки поселенія: это Александрополь.

Пріѣхавъ въ Александрополь, я перемѣнилъ дурное о немъ мнѣніе, составившееся отъ первыхъ впечатлѣній. Конечно, онъ носитъ всѣ главные признаки азіатскихъ городовъ: кривизну и тѣсную улицъ, общую неопрятность и неудобство жилищъ; но онъ ищетъ видъ нѣкотораго доволства и отличный матеріалъ къ хорошимъ постройкамъ — образовавшійся изъ лавы камень. Камень этотъ тутъ же ломаютъ, обтесываютъ весьма-легко, потому-что онъ очень-мягокъ, когда его вынимаютъ изъ каменоломень, а на воздухѣ твердѣетъ. Изъ этого камня построено очень-много довольно-нрядныхъ домовъ и лавокъ на европейскій манеръ. Особенную рѣдкость Александрополя и даже всего закавказскаго края составляетъ Александропольская-Крѣпость, почти-совершенно оконченная въ главныхъ частяхъ своихъ, по всѣмъ правиламъ новѣйшей фортификаціи. Всѣ валы, или, лучше сказать, стѣны (валы обдѣланы камнемъ), подземные ходы и своды изъ того же камня равныхъ цвѣтовъ—темнаго, сѣраго и красноватаго. Одинъ наружный видъ составляетъ особенную прелесть! Но крѣпостная церковь, съ своими иконами, изящною отдѣлкою и простотою, легкою архитектурою, для насъ Азіатцевъ верхъ совершенства! Александропольская - Крѣпость съ церковью и Мичетскій-Мостъ изъ тесанаго бѣлаго камня—пока единственные памятники русскаго владычества за Кавказомъ.

Молящійся Спаситель, на картинѣ у жертвенника, и великомученица Александра, на одномъ изъ мѣстныхъ образовъ, невольно приносятъ къ себѣ вниманіе и погружаютъ въ благоговѣйное размышленіе. Правильность, простота и легкость внутреннего расположенія церкви и изящество дѣльной работы, съ позолотою по карнизамъ

свода и аркамъ, общій бѣлый матовый цвѣтъ — прекрасны. Съ сѣверной и южной стороны крѣпости, устроены отдѣльные башни, составляющія порядочныя укрѣпленія. Ни одна возвышенность не господствуетъ надъ крѣпостію, и она владычествуетъ надъ всюю пограничною чертою, которую составляетъ рѣка Арпачай, протекающая къ западу отъ крѣпости въ полуверстѣ, если не менѣе. Сентября 6 числа, въ пять часовъ пополудни, обшественн кругомъ всю крѣпость, мы пришли къ черной башнѣ, въ которой содержатся работающіе арестанты. Я взошелъ на платформу и, опершись въ одномъ изъ промежутковъ зубцовъ, смотрѣлъ въ раздумьѣ на тихо-сильноящееся изъ горизонту солнце, на турецкой сторонѣ, въ Карескомъ-Пашалыкѣ. Арпачай тихо катилъ свои струи по разлужистому руслу; справа и слѣва надъ равниною Арпачая, простирающеюся версты на полторы или на двѣ, мѣстность возвышается; по лѣвую сторону русска крѣпость съ развѣвающимся флагомъ, а по правую разбросаны полуземлячки турецкой деревни; на турецкой сторонѣ и нашей царствовала тишина. Но пусть только покажется рогатая луна на западѣ, въ кровавомъ видѣ, созвѣдія полуночи ярко заблестаютъ; сѣверъ нагонитъ тучи; громы съ крѣпостныхъ стѣнъ загремятъ, и къ утру солнце взойдетъ на нашей сторонѣ, и луна, опять поблѣднѣвъ, спрячется!

Въ Александрополѣ климатъ прохладный, здоровый и даже суровый; хлѣбъ и всѣ сѣверныя растенія прекрасно рождаются и растутъ по всей равнинѣ; но лѣса и садовъ нѣтъ; отъ этого, въ осеннюю пору, все наго, и окрестности наводятъ какую-то грусть, такъ-что и никакъ бы не согласился добровольно жить въ этомъ мѣстѣ, хотя всѣ жизненные потребности дешевы, крошѣ дровъ и лѣса. Фрукты и другія иѣжныя произведенія въ изобиліи привозятся изъ Эриванскаго Уѣзда; лѣсъ доставляется болѣею частью изъ-за границы Кареснаго-Пашалыка.— Собственно въ Александре-

полъ рѣчки вѣтъ, а есть два небольшіе ручья; во весьма-много колодезь; вообще, воду легко достать,—выкопавъ небольшую яму. Вѣтры бываютъ сильныя, дожди обильныя; очень-часто выпадаетъ крупный градъ. Средняя температура не превышаетъ температуры не только среднихъ губерній, но даже и южныхъ. При всемъ томъ, деревья, по отзыву жителей, не могутъ расти, и вѣтъ ихъ, кромя небольшого количества плакучихъ ракутъ, посаженныхъ по окраинамъ около ручьевъ. Правда, я самъ видѣлъ въ саду греческаго священника нѣсколько яблонь, вишенника, черешень и даже виноградныхъ лозъ: онѣ нарослы, посажены уже нѣсколько лѣтъ назадъ и берегаются, во время зимы, съ особеннымъ тщаніемъ. — Старожилы увѣряютъ, что всѣ эти деревья скоро пропадутъ, или вымерзнутъ зимою. Опытъ покажетъ истинную причину немѣннѣя въ Александрополѣ садовъ, — въ климатѣ ли это заключается, или въ нерадѣніи жителей. Къ-тому же, самое населеніе Александрополя слишкомъ-недавнее. Надобно, однакожь, замѣтить, что и въ окрестныхъ пограничныхъ турецкихъ деревняхъ не видно никакихъ деревьевъ и зеленя, и потому онѣ болѣе походятъ на развалины, нежели на жилища людей. — На александропольскихъ ракутахъ, лѣтомъ, появляется утромъ кака-то жидкость, въ родѣ самой обильной росы; днемъ эта жидкость, какъ на самомъ деревѣ, такъ и пала на траву, или на землю, густѣетъ и обращается въ сахарное вещество; оно въ дождьвомъ обиліи появляется около листьевъ и на самыхъ листьяхъ; жители зовутъ ее манною.

Назъ Александрополя мы пустились вдоль по границѣ, на югъ и юго-востокъ, къ Арарату. Два дня мы ѣхали по берегу Арпачая по теченію его, и чѣмъ далѣе ѣхали, тѣмъ болѣе мѣстность понижалась, берега рѣки становились круче и скалистѣе, а теченіе ея быстрѣе. Въ 40 верстахъ отъ Александрополя, мы почевали въ армянской

деревнѣ Кизиль-Клиси (Красная-Церковь), среди страшныхъ обрывовъ и почеркаемыхъ утесовъ, между которыми, въ глубокой пропасти, кипитъ и шумитъ столь тихій и кроткій прежде Арпачай. Во всемъ селеніи, расположенномъ уступами, тоже вѣтъ ни одного дерева. Красная-Церковь носитъ слѣды глубокой древности, и надвѣсь гласитъ, что она выстроена въ 436 году по армянскому лѣтосчисленію. Архитектура ея болѣе подходит къ греческой. Это замѣтно въ куполѣ болѣе кругломъ, тогда-какъ церкви чисто-армянской архитектуры, вмѣсто купола, имѣютъ острокопечный фонтарь. Древность Красной-Церкви не удивительна, потому-что мы подѣзжали къ развалинамъ армянской столицы *Ани*.

8-го сентября, еще за часъ до разсвѣта, пріѣхали мы на аниинскій казначій постъ; противъ этого поста, на правомъ берегу Арпачая, слѣдовательно и на турецкой сторонѣ, лежатъ развалины *Ани*. Только-что солнце стало подниматься изъ-за Алагѣза, я уже съ зрительною трубою былъ на плоской кровлѣ поста, и со всѣмъ напряженнымъ вниманіемъ разсматривалъ нынѣ опустѣлый, а нѣкогда кипѣвшій жизнью городъ. Я насчиталъ семь церквей и двѣ мечети; городъ обведенъ былъ стѣною, полукругомъ къ Арпачаю; остатки стѣны городской, лавокъ, караван-сараявъ, воротъ съ башнями—очень-видны. Въ окрестностяхъ также разбросаны развалины церквей. Быть-можетъ, то были предмѣстія. Исторія *Ани*, сколько мнѣ довелось читать, очень-темна и сбивчива. Городъ *Ани* былъ столицею послѣднихъ полуцарей, или правителей Арменіи, данниковъ Персіи и Турціи; но какъ и почему онъ опустѣлъ, я нигдѣ не дочитался. По словамъ армянскихъ филологовъ, *ани* значитъ безбожннвъ. За безбожіе жителей опустѣлъ ихъ городъ. Это, конечно, назидательно, но едва-ли исторически-вѣрно. Довольно, что *Ани* теперь развалины, а за этими развалинами притаилась турецкая ле-

ревня; вотъ все, что я замѣтилъ! Любопытныхъ прошу обратиться по-крайней-мѣрѣ хоть къ нашему «Энциклопедическому Лексикону»; а мнѣ пустынику нѣ съ чѣмъ справиться здѣсь въ Редут-Кале. — Верстахъ въ двадцати отъ Анн, среди дикой равнины, мы встрѣтили огромнѣйшія развалины тоже армянской церкви, построенной въ 6025 году отъ сотворенія міра по армянскому счисленію. Конечно, около церкви были вѣкогда жилища, но теперь и развалины ихъ вовсе непримѣтны. Всѣ здѣшнія развалины изъ теснаго камня вулканической породы.

Коль-скоро, мы поравнялись съ Алагёзомъ, оставшимся у насъ въ лѣвой рукѣ, граница наша стала загибаться съ юга на востокъ. Мы стали спускаться къ Аракской-Равнинѣ; зной становился чувствительнѣе, и въ лучахъ утренняго солнца я едва узналъ знакомую вершину Арарата; по мѣрѣ приближенія нашего къ равнинѣ и выѣзда изъ отроговъ Алагёза — Араратъ яснѣе и яснѣе обрисовывался предъ нами. Спутникъ мой, невидавшій еще никогда Арарата, особенно занимался имъ. Но скоро, спустившись къ самому руслу Арпачая, мы потеряли все изъ вида, кромѣ почеркѣвшихъ стѣнъ утесистыхъ береговъ, голубой полосы неба надъ нами и шумящей у ногъ нашихъ рѣки. Дорога, или тропинка, между огромныхъ раскаленныхъ камней до того трудна, что мы шесть верстъ едва сдѣлали въ три часа; это почти невѣроятно; но на дѣлѣ такъ: лошадь, поднимая ногу, долго смотритъ, куда бы ступить не остунившись и не испортивъ ноги.

Послѣ этой трудной дороги, измученные усталостью и зноемъ, мы чрезвычайно обрадовались, прибывъ въ мѣстечко Аджи-Байрамъ, находящееся не въ дальнемъ разстояніи отъ впаденія Арпачая въ Араксъ. Зеленъ априкосовыхъ садовъ, обильно орошаемыхъ ручьями, проведенными изъ Арпачая, и поля, засѣянные сарачинскимъ пшекомъ и другими растеніями, на противоположномъ берегу, оживляли мѣ-

стность и произвели на насъ лучшія впечатлѣнія, послѣ убійственнаго однообразія нагой, пыльной, прежде холодной, а потомъ знойной пустыни. Въ Аджи-Байрамѣ есть каменная крѣпостца; мѣстоположеніе, прислоненное къ скалистому уступу лѣваго берега Арпачая и открытое на правый берегъ, сперва плоскій, а потомъ холмистый, чрезвычайно живописно. Граница наша отступила отъ черты Арпачая и, перебросившись на правый берегъ его, пошла по гребню ближайшихъ горъ, прожегъ которыми врывается къ намъ съ юго-запада обильный водою Араксъ. Аджи-Байрамъ теперь населенъ одними Татарами, а огромное армянское кладбище доказываетъ, что первоначально здѣсь жили Армяне. Удивительно, что въ Александровѣ одни плакучія ракиты, а въ Аджи-Байрамѣ къ этимъ ракитамъ присоединяются априкосовыя деревья — вотъ единственные представители древеснаго царства на всемъ пространствѣ александропольской между-горной равнины и алагёзскихъ отгорій! По берегамъ Арпачая растутъ по мѣстамъ небольшіе кусты тоже ракитника.

Изъ Аджи-Байрама мы отправились прямою дорогою на Кульпы, оставивъ пограничную черту вправѣ. Мы наискось перерѣзали всю араакскую равнину: она здѣсь очень узка, и у Аджи-Байрама только-что начинается. Араксъ, какъ я выше сказалъ, къ намъ врывается изъ горъ, тянувшихся отъ самаго Карса и служащихъ, какъ кажется, связью между Тавромъ и Араратомъ; онъ такъ же, какъ Алагёзъ и самый Араратъ, безгѣсны и обожжены, и носятъ общее названіе Масійскихъ-Горъ; и Араратъ у Армянъ называется Масисомъ. Арпачай и Араксъ отдѣляютъ эту систему горъ отъ системы Алагёза.

Аджи-Байрамъ лежитъ на углу между руслами Арпачая и Аракса; самый Араксъ течетъ въ прямомъ направленіи, не далѣе, какъ въ двухъ верстахъ. Но мы ѣхали, какъ уже замѣ-

чено, вкось и, переправившись вбродъ черезъ Араксъ, скоро въѣхали въ отгорія Масиса, совершенно обнаженные отъ всякой растительности и состоящія изъ красноватой глины, смѣшанной съ охрою и другими породами. Мѣстечко Кульпы отъ Аджиджа-Байрама отстоятъ на пятнадцать верстъ, а отъ Аракса на семь.

Въѣхавъ въ лабиринтъ горъ и холмовъ, не вдругъ мы отыскали соляную гору Кульпы; много около нея охряныхъ и другихъ бесплодныхъ и сыпучихъ огромныхъ пирамидъ. Наконецъ, надъ небольшою рѣчкою, или ручьемъ, показался обрывистый съдой утесъ, состоящій изъ смѣшанныхъ слоевъ червозема, глины и соли. Надали онъ казался свѣговымъ, покрытымъ землею и глиною. У подошвы его, съ южной стороны, разбросано село, или мѣстечко Кульпы, состоящее изъ однихъ Армянъ. Растительность около ручья опять бѣдная, и опять плакучія ракиты кое-гдѣ грустно обвиваютъ скалы, сложенные изъ полусоляныхъ камней или сырцовыхъ кирпичей.

9-го сентября, въ девять часовъ утра, мы были уже въ Кульпахъ и осматривали соляныя копи — шахты, или мины. Копи эти начинаются на значительной высотѣ и идутъ внутрь утеса по наклонности пластовъ, которые наклонны къ горизонту подъ значительнымъ острымъ угломъ. Соль вырубается продолговатыми четверугольниками; въ самой шахтѣ стѣны и наклонный потолокъ чрезвычайно чисты и прозрачны; полъ обыкновенно покрывается мелкою солью и такимъ же щебнемъ, которые продаются гораздо дешевле четверугольничковъ. Во время работы, въ шахтѣ поднимается тонкая соляная пыль, которая, по отзыву управляющаго солянымъ заводомъ, очень полезна для глазъ. Вообще, соль на кульпинскомъ заводѣ чрезвычайно чиста. Соляная гора простирается версты на три отъ сѣверо-востока на юго-западъ. Разработка идетъ съ юга. Массы, кажется, немошными.

Т. XXXVIII. — Отд. VIII.

Нѣсколько шахтъ оставлено по причинѣ воды, а одна, самая огромная, завалилась. Разработка производится тѣми же людьми и тѣми же безыскусственнымъ способомъ, какъ и во время персидскаго правленія. Мазанковые обширные дворы съ такими же постройками — для чиновниковъ, караула, магазиновъ и всего управленія, болѣе походятъ на азіатскую, нежели на европейскую работу: за то эти постройки и не были приняты еще въ вѣдѣніе казны.

Изъ Кульпы мы потянулись къ югу, глубже и выше въ горы, чтобъ приблизиться къ пограничной чертѣ; дорога опять исчезла, и мы опять стали лѣзть по утесистымъ тропинкамъ. Когда ѣдете отъ Эривани или Александрополя по аракской равнинѣ, то эти горы кажутся совершенно ничтожными возвышеніями, тянущимися по обѣ стороны Арарата; но, въѣхавъ въ нихъ, увидите, что васомоудѣлѣ онѣ вовсе не таковы; на гребняхъ многихъ изъ нихъ лежитъ свѣгъ круглый годъ. Старый свѣгъ мы видѣли уже въ сентябрѣ; стало быть, ему уже некогда совершенно стаять. По долинамъ и горнымъ равнинамъ растительность, кромѣ лѣса, значительна. Мы проѣхали нѣсколько армянскихъ и татарскихъ горныхъ деревень: всѣ онѣ довольны хлѣбомъ и имѣютъ значительныя стада. Мы такъ углубились въ горы, что Большой-Араратъ сталъ уже оставаться въ лѣвой рукѣ, тогда какъ онъ былъ сперва направо, потомъ передъ нами.

Съ 9-го на 10-е сентября мы ночевали въ горной татарской деревнѣ Сычанлы, у шінскаго муллы. Спутникъ мой хорошо владѣетъ татарскимъ и турецкимъ языками, кромѣ другихъ; а потому мы весьма-долго и съ удовольствіемъ бесѣдовали съ почтеннымъ мусульманскимъ прелатомъ о всѣхъ мусульманскихъ исповѣданіяхъ и толкахъ, и переходѣ отъ одного къ другому. Почтенный нашъ собесѣдникъ представлялъ чистый типъ высокой, гибкой и во всѣхъ приемахъ красивой

персидской породы, съ тонкими и благородными чертами блага овального лица, съ черными густыми волосами, овладистою и длиною бороною. Онъ не слишкомъ-силенъ въ мусульманской учености или догматикѣ; но простота горца и природная ловкость Перса дѣлали собесѣдованіе наше весьма-легкимъ и занимательнымъ, не смотря на трудность и щекотливость разсужденій. Мы потчивали его дорожными чаемъ, а онъ угостилъ насъ избытками своего горного хозяйства и даже дынею, привезенною верстъ нѣва тридцати съ равнины Аракса. Разсуждая съ этимъ горскимъ муллою, при открытомъ съ одной стороны звѣздномъ и прекрасномъ небѣ, на синевѣ котораго рисовался величественный вѣнецъ Арарата, я переносился въ глубокую древность патріарховъ, пастырей, царей и вмѣстѣ священниковъ. Мы сидѣли во второмъ этажѣ сакли, на разостланныхъ коврахъ; восточная сторона сакли, во второмъ этажѣ, вообще здѣсь дѣлается открытою, т. е. вовсе не имѣетъ стѣны; по-этому-то и небо, и звѣзды, и Араратъ были передъ глазами у насъ, а ввизу, на дворѣ, тѣснилось стадо, охраняемое вооруженными пастухами. Въ глубокой Азіи и теперь почти то же, что было во времена патріарховъ. Вотъ этотъ бесѣдующій съ нами мусульманскій священникъ: теперь онъ радушный и гостепріимный хозяинъ; но пусть нѣсколько Курдовъ угостятъ его стадо—завтра вы увидите гостепріимнаго муллу вооруженнымъ съ ногъ до головы, и онъ поскачетъ на горскомъ конѣ съ своими домочадцами въ слѣдъ за похитителемъ.

Обратимся къ нашей бесѣдѣ въ отгоріяхъ Ауги-дага. Скоро ли мы дождемся совершеннаго ослабленія мусульманскаго фаватизма въ Азіи! Мулла Мухаммедъ весьма-кратко бесѣдовалъ съ нами и радушно проводилъ насъ; но этой кротости и радушію болѣе всего, кажется, содѣйствовало наше чиновничье званіе. При всемъ томъ, я думаю, что мулла болѣе нѣзъ учти-

вости и расчетовъ соглашался съ нами въ превосходствѣ евангельскаго ученія, нежели по сердечному убѣжденію. Размышляя объ этомъ, я вспомнилъ, что наибольшая часть всего міра лежитъ въ какомъ-то оцѣпѣніи и недвижности, въ-слѣдствіе ученія Корана. Истинное просвѣщеніе, безъ всякаго сомнѣнія, основывается на истинной религіи. Ученіе Божественнаго Основателя христіанства прямо ведетъ къ полному развитію всѣхъ способностей нашей души,—чистой высокой мыслительности и нравственности. Преимущество во всѣхъ отношеніяхъ христіанскихъ обществъ и государствъ предъ нехристіанскими, осязательно доказываетъ эту истину. Мухаммеданская же религія явно останавливаетъ развитіе въ человѣкѣ лучшихъ силъ души и порождаетъ или дикій, жаждущій крови и убійствъ фанатизмъ, или совершенное ко всему равнодушіе, съ усиленіемъ одной скотской чувственности. Строго и внимательно разсматривая событія, вскій увидитъ, что мусульманское просвѣщеніе, при каліфахъ, слишкомъ-преувеличено историками и философами XVIII вѣка; что само-въ-себѣ оно было довольно-поверхностно и зависѣло отъ постороннихъ причинъ, съ прекращеніемъ которыхъ и само пало; что ни Махмудъ, ни Мехмедъ-Али не въ состояніи положить прочнаго основанія надлежащему устройству государственнаго управленія. Многія преобразованія Махмуда, кажется, уже пали въ Турціи, а съ смертію Мехмеда-Али то же будетъ и въ Египтѣ. Главнѣйшею и единственною причиною паденія въ Азіи и Африкѣ истиннаго просвѣщенія было и есть мухамеданство, подавляющее всѣ силы духа и развивающее до высшей степени одну чувственность. Поэтому-то гибнуть безъ дальнѣйшихъ послѣдствій прекраснѣйшіе порывы необыкновенныхъ умовъ и характеровъ, являвшихся по-временамъ и теперь являющихся среди мусульманскихъ народовъ. Мнѣ скажутъ, что, при появленіи сава-

го христіанства, пало и погнбло просвѣщеніе древняго міра; что христіане были даже истребителями многихъ памятниковъ наукъ и искусствъ. Это справедливо, и при всемъ томъ нимаю не опровергаетъ истины, что божественное ученіе Евангелія есть самое твердое основаніе истиннаго просвѣщенія и государственнаго совершенства. Кто не знаетъ, что дѣлали и что дѣлаютъ даже теперь во ния святѣйшихъ истинъ! Массы не скоро проникаются духомъ; люди вообще склонны, при всякихъ перемѣнахъ, къ разрушенію всего прежняго! Вотъ гдѣ скрываются причины погнбелы памятниковъ древняго просвѣщенія при появленіи христіанства, а не въ самомъ христіанствѣ, которое чѣмъ глубже проникаетъ въ человѣчество, тѣмъ скорѣе и совершеннѣе преобразовываетъ его во всѣхъ отношеніяхъ. Общественная нравственность тогда только сдѣлается совершенною, когда вполне будетъ проникнута взаимнымъ христіанскимъ доброжелательствомъ и любовью; а общественныя постановленія сдѣлаются тогда невыблемыми, когда будутъ поныты въ духѣ божественнаго изреченія: *воздадите кесарево кесареву и Божіе Божии*. Великій урокъ заданъ человечеству умершимъ за него Спасителемъ: будьте совершенны, какъ Отецъ небесный совершенъ есть! Какое не объятное поприще дѣятельности общественной и частной!

Эти-то мысли занимали и занимаютъ меня во время странствованія по пустынямъ и горамъ Азіи, гдѣ развалины и исламизмъ въ такомъ содружествѣ, а человечество въ такомъ униженіи! Конечно, всемогущій Правитель вселенной не безъ мудрой цѣли все попускаетъ свободнымъ существованію; но и мы, свободныя существа, оваренныя божественнымъ свѣтомъ откровенія, должны, по истрѣ силъ нашихъ, стремиться къ той цѣли совершенства, которая намъ указана, противоборствуя тихо и кротко, но съ твердостью и постоянствомъ, враждебному ученію аравійскаго мечтателя.

Онъ вооружилъ огнемъ и мечомъ своихъ послѣдователей, — и вотъ развалины покрываютъ горы и долины тамъ, гдѣ нѣкогда процвѣтали благоустроенные города и царства. Укажите же мнѣ на города и царства, созданныя читателями корана на мѣсто разрушенныхъ? Я не былъ въ Персіи и Турціи; но образчики благоустройства мусульманъ у насъ за Кавказомъ передъ глазами, а записки путешественниковъ дополняютъ эти жалкія картины, не смотря на энтузіазмъ нѣкоторыхъ необдуманнхъ и поверхностныхъ нравственныхъ ренегатовъ. Я ничего не говорю ни противъ Османлисовъ, ни Персовъ, ни даже нашихъ горцевъ и алжирскихъ Арабовъ съ Маврами: всѣ они наши братья, сочлены по человечеству, и достойны истиннаго сожалѣнія, что льютъ свою кровь и разрушаютъ свое благосостояніе по одному фанатизму. Но, проливая свою кровь и лишаясь благосостоянія, они звѣрски льютъ кровь и рушатъ благосостояніе другихъ народовъ изъ того же религіознаго фанатизма, и въотъ-то фанатизмъ заслуживаетъ вниманія и искорененія. Не будь его — наилучшія части нашего стараго свѣта составляли бы такія же цвѣтущія государства, какія были нѣкогда тамъ и какія существуютъ нынѣ въ Европѣ и Америкѣ. Человѣчеству все равно: Римляне ли, или Итальянцы, Греки или Османлисы, — пусть только будутъ истинно-просвѣщенные народы, а не фанатическіе варвары, разрушающіе и презирающіе вѣковые памятники труда и ума, звѣрски-живущіе среди развалинъ!

Гдѣ нѣтъ семейныхъ узъ брака и цѣломудрія, тамъ непрочны всѣ прочія общественныя связи и добродѣтели. Исламизмъ, подобно древнему язычеству, потворствуетъ, даже освящаетъ самыя грубые и нечистые пороки плоти: какъ же онъ можетъ возвысить нравственность и ослабить чувственность? Напротивъ, ослабивъ и истощивъ чувственными наслажденіями тѣлесныя и душевныя силы, исла-

знамъ доводить мусульманъ до убій- ственнаго равнодушія ко всему: здѣсь скрывается начало ученія о мухам- меданской судьбѣ, останавливающей всякое дальнѣйшее движеніе къ нрав- ственному и гражданскому совершен- ству.

Спустившись съ горъ, мы заѣхали въ село Игдырь, и оттуда, утромъ 11-го сентября, отправились къ аху- ринскому ущелью. Зной равнины для насъ былъ гораздо-чувствительнѣе послѣ горной прохлады. Такъ-какъ мы ѣхали съ югозапада, а ущеліе на сѣверной сторонѣ Большаго-Аралата, то намъ нужно было обогнуть страш- ную черную подошву его, состоящую изъ вулканическихъ острыхъ и непри- ступныхъ камней и скалъ, межъ кото- рыми ни кустика, ни даже блѣдной травки. Эта подошва далеко вдается въ аракскую равнину, и оканчивается Таш-буруномъ (каменнымъ носомъ). Обѣхавъ этотъ носъ, мы прибыли на казачій постъ, находящійся близъ де- реви Каракугонъ, самаго чернаго отгорія, впрочемъ, на равнинѣ, среди яркой зелени, и на влажной, почти-бо- лотистой почвѣ. Отсюда беретъ свое начало Черная-Рѣчка, Карасу; отсюда открылись намъ оставшіеся потоки той лавы, которая разрушила въкое село Аргури. Не умю выразить того тяжкаго и грустнаго чувства, которое налегло на душу мою при видѣ этихъ разрушительныхъ потоковъ. Къ вече- ру, мы прибыли къ урочищу Соле- ный-Мостъ, лежащему какъ-разъ про- тивъ ахуринскаго ущелья. Общество наше увеличилось надирателемъ Иг- дырской Таможенной Заставы, Г. А. Переѣхавъ по мосту черезъ Черную- Рѣчку, мы тутъ же на казачьемъ посту остановились на ночлегъ. Мы ѣхали довольно-быстро, жаръ былъ доволь- но-силенъ, и особенно близко раскален- ныхъ камней Таш-буруна. Увидѣвъ конны казачьяго сѣна близъ рѣчки и постовой землянки, я бросился на сѣно и надѣлся сладко отдохнуть на немъ; но тутъ-то было: на насъ напа- ли мошки и комары. При всемъ томъ,

я не могъ не любоваться величествен- нымъ закатомъ солнца за Масійскія- Горы: на горизонтѣ не было ни одно- го облачка; одна величавая вершина Арарата была ярко озарена съ запа- дной стороны; потомъ наступила ночь безлунная, съ яркими звѣздами и го- лубымъ небомъ. Но, укрывшись отъ мошекъ подъ казачьимъ пологомъ, и по-временамъ только любовался бли- стательными совѣздами, находясь подъ влияніемъ тяжелыхъ думъ, устре- мяя взоръ въ ущеліе.

Еще до восхода солнца, 12-го сен- тября, мы трое, въ сопровожденіи двухъ казаковъ, пустились къ Аху- рамъ, или бывшему мѣсту этого не- счастнаго села. Отъ Черной-Рѣчки оно отстояло на пятнадцать верстъ. Спер- ва, мы ѣхали по тонкому слою засох- шей глины; потомъ, этотъ слой дѣла- ся гораздо-толще, чѣмъ далѣе мы по- давались, такъ-что растущій кустар- никъ такъ-называемаго здѣсь про- клятаго винограда въ-половину и бо- лѣе былъ затянутъ этимъ глинянымъ напльвомъ, или лавою; послѣ, между этой глиной начали показываться ка- мни. При дальнѣйшемъ слѣдованіи къ ущелію, камни становились гуще и больше; наконецъ, они превратились въ огромнѣйшія массы и даже цѣлые утесы, оторванные отъ горы невѣдо- мою силою и отнесенные на такое большое разстояніе. Утреннее солнце ярко озарило эту картину разрушенія; мы были среди остатковъ едва-при- житныхъ виноградниковъ: старыя ло- зы торчали, изломанныя и исковер- канныя, а молодыя дѣторосли отъ ихъ корня пробивались сквозь тол- стые пласты лавы! Все было тихо и пустынно; одинъ только вѣтеръ по- временамъ шумѣлъ и свисталъ между наброшенными скалами. Вотъ полу- разрушенная стѣна; вотъ яма, выры- тая когтями звѣрей; вотъ кусокъ пла- тья и, кажется, женскаго! Медленно подвигались мы впередъ; я часто оста- навливался, чтобъ осмотрѣться и опоз- нать мѣстоположеніе,—но напрасно. Все было такъ замѣнено страшнымъ

разрушеніемъ, что сначала я ничего не могъ распознать и припомнить, кромѣ глубокаго ущелія в самой горы; но внѣшній видъ того и другой тоже измѣнился. Изъ отвѣснаго перпендикуляра горы надъ бывшими часовнями св. Іакова, образовался покатыи бокъ съ нѣсколькими снѣговыми карнизами; тогда-какъ, прежде, снѣгъ съ этой стороны былъ какъ-бы отрѣзанъ съ самой почти вершины, такъ-что въ этомъ разрѣзѣ можно было перечестъ слоя льда и снѣговъ. Покатая площадь ущелія превратилась въ гряду насыпи со множествомъ холмовъ, скалъ и глубокихъ овраговъ. Ручей, стремившійся по селу, теперь рокоталъ въ глубочайшемъ оврагѣ. Послѣ медленнаго и усильнаго поиска, мы наконецъ увидѣли тропинки на лѣвомъ скатѣ ущелія; я вспомнилъ, что тамъ было сельское кладбище: значитъ, мы были на самомъ томъ мѣстѣ, гдѣ прежде существовало село. И дѣйствительно, мы скоро увидѣли глубокія ямы, и въ нихъ раскопанныя сакли. Это работа Курдовъ: они доискивались денегъ и другихъ богатствъ жилищныхъ Ахуринцевъ. На одной изъ саклей, перекладки и потолокъ лежали на своемъ мѣстѣ, прочія были совсѣмъ раскрыты искателями; но стѣны всѣхъ открытыхъ домовъ остались совершенно-неповрежденными. Саклей или домовъ открыто очень-много въ томъ мѣстѣ, гдѣ не слишкомъ-большія массы набросаны; но въ другихъ мѣстахъ образовались цѣлыя горы; обѣ отрытіяхъ въ этихъ мѣстахъ и говорить нечего. Къ тому же, кажется, кромѣ Курдовъ, никто не принимался за эту работу. Когда совсѣмъ прекратилась возможность ѣхать на лошадяхъ, мы оставили ихъ съ казаками и пошли пѣшіе. Но сперва одинъ спутникъ отсталъ, потомъ другой началъ отставать и уставать, а какъ дальнѣйшее слѣдованіе, или лучше карабканье становилось труднѣе и труднѣе, то, взошедъ на послѣднюю оконечность гребня послѣдняго образованія, я оставовился; комитъ по-

дошелъ и г. К. По моимъ соображеніямъ, мы были выше Ахуръ версты на двѣ, противъ Монастыря св.-Григорія, гдѣ ученая экспедиція г. Паррота имѣла временную свою резиденцію, въ 1829 году, и въ такомъ же разстояніи отъ насъ оставались ветхія часовни или келли св. Іакова, въ самомъ концѣ бывшаго ущелія, которое, какъ я сказалъ, совершенно измѣнилось. Отвѣсъ Арарата сдѣлался покатымъ склономъ: гдѣ были часовни и монастырь, тамъ теперь громады и горы и никакого признака бывшей обитаемости. Но въ монастырѣ была порядочная церковь, нѣсколько келлій и фруктовыхъ старыхъ деревьевъ, равно какъ въ самомъ селѣ церковь была каменная, обѣ значительной высоты, съ фонарными остроугольными куполами.

Долго мы сидѣли среди страшныхъ опустошеній, обозрѣвая ихъ и самую гору, задавая себѣ вопросы и ничѣмъ не разрѣшая тяжелыхъ и грустныхъ думъ. *Великъ Ты, Господи! непостижимы дѣла твои, страшныя шествія твои, и нѣтъ словъ къ выраженію чудесъ твоихъ!* Этими словами заключивъ наши наблюденія, возвратились мы къ отставшему товарищу и казакамъ, ожидавшимъ насъ съ лошадьми. Сѣвъ на лошадей и поравнявшись съ кладбищемъ, мы выѣхали изъ области разрушенія. При видѣ тропинокъ отъ бывшаго села на кладбище, ни мало незаросшихъ еще, я вспомнилъ выраженіе пророка, оплакивавшаго заустѣніе Іерусалима: *Путь сіони рыдаютъ, яко н'есть ходящихъ по нимъ!* Грустно было видѣть эти тропинки, а еще грустнѣе стало, когда выѣхали мы на самое кладбище. Множество старинныхъ камней, съ едва-видными отъ времени надписями, поросшіе мохомъ, доказываютъ, какъ велико и древне было населеніе Ахуръ! И вотъ, жилища сдѣлались страшнымъ кладбищемъ, а кладбище осталось памятникомъ ихъ. Рассказываютъ, что на кладбищѣ уцѣлѣла одна женщина, бывшая тамъ во время катастрофы. Впрочемъ, и самое кладбище не все осталось неповрежденнымъ. Одно было

ва носогорѣ, гораздо-выше села, на лѣвой сторонѣ ущелія. И теперь можно примѣтить по оставшимся слѣдамъ, какъ лава, наполнивъ все ущеліе, вылилась изъ русла своего у кладбища и захватила часть его; это движеніе или разливъ лавы сначала только коснулся-было слегка кладбищенскаго носогора, но въ другой, а можетъ-быть и въ третій разъ простерся далѣе, нагромилъ новыя и свѣжія отгорія.

Оставивъ кладбище, мы поѣхали обратно уже другою стороною ущелія и опустошеній. Туда мы ѣхали правою, а оттуда лѣвою стороною. Чѣмъ ниже спускаешься къ Черной-Рѣчкѣ, тѣмъ лава становится шире на плоской покатоности, и напоследокъ раздѣляется на три главные потока. Изъ этихъ потоковъ правый, по меньшему пространству и большому склону мѣстности, скорѣе достигъ Черной-Рѣчки, перепрудилъ ее и образовалъ на нѣкоторое время изъ рѣки озеро; протяженіе этого потока отъ самаго начала ущелія будетъ не менѣе двадцати верстъ; другіе два потока, разлившись по обширной равнинѣ, не достигли до рѣчки въ твердыхъ своихъ массахъ, а достигли только одною водою и грязью. Пространство всего разлива, если взять за основаніе его Черную-Рѣчку, будетъ болѣе двадцати верстъ.

Верстахъ въ трехъ ниже ахуринскаго кладбища, осталась цѣлая роща абрикосовыхъ и другихъ фруктовыхъ деревьевъ. Эти сады, лишенные всякаго привора, опустошаемые Курдами и неизмѣющіе теперь прежней поливки, или искусственнаго орошенія, посредствомъ проводимой прежде воды, въ-половину уже высохли; не малая часть вырублена на дрова: Курды при насъ рубили многія деревья. Привидѣ этихъ садовъ, грустныя чувства налегли на душу мою еще съ большею тяжестью...

Много слышалъ я разсказовъ, читалъ и описанія этого землетрасенія и разрушенія; но ничто меня въ этомъ отношеніи столько не удовлетворило,

какъ разсказъ казака, сопровождавшаго насъ, переданный ему очевидцемъ-урядникомъ. Я думалъ, что казаки сердятся на насъ, что мы цѣлые полдня таскали ихъ по острому канниту развалинъ: на повѣрку вышло, что они еще благодарили насъ за доставленіе имъ случая посмотрѣть вблизи развалины и казниться наказанію Господню за грѣхи людскіе. Между-тѣмъ, казаки эти уже цѣлый годъ жили у Солянаго-Моста, въ пятнадцати верстахъ отъ Ахуръ. Безъ дѣла и прикананія начальства они не сѣли самособою пуститься къ страшному мѣсту казни Божіей, а путешественниковъ или, по ихъ выраженію, господъ, которые хотѣли бы посмотрѣть эти мѣста, неслучалось, да они отправляются туда съ другаго поста, *идь живеть само начальство*. Подобные отвѣты подали случай разспросить и о томъ, не слыхали ли они чего отъ прежнихъ наказовъ, какъ случилось все это происшествіе? На такой вопросъ и сообщенъ мнѣ чрезвычайно-интересный разсказъ очевидца.

Урядникъ и казакъ съ аралыкскаго поста, находящагося на Карасу, въ двадцати верстахъ отъ Ахуръ, по дѣламъ ли службы, или по своей надобности, были въ Ахурахъ 20 іюня 1840 года; передъ закатомъ солнца, они зашли въ заведеніе, а по вѣдшему изъ духанъ. Выпивъ порядочно, казакъ вышелъ изъ духана; вдругъ слышитъ трескъ въ глубинѣ ущелія и привѣчаетъ страшный столбъ пыли; вскакиваетъ въ духанъ и говоритъ уряднику: «Гора гудѣтъ и поднялась пыль; что-то недоброе! — Ты, знать, сошелъ съ ума, выпивши, отвѣчаетъ ему урядникъ. Но, почувствовать колебаніе всего вокругъ себя, оба вдругъ выбѣжали на улицу; тутъ все тряслое и трещало; жители съ крикомъ сбѣгались въ кучи, не зная, что предпринять... Казаки бросились на лошадей и поспѣвали къ своему посту, черезъ оврагъ, мимо кладбища; солнце закатывалось во всемъ лѣтнемъ своемъ величїи; скотъ съ ревомъ бѣжалъ на встрѣ-

чу казакамъ прямо въ село. Не прошло и четверти часа усильнаго скака, казаки обернулись назадъ: на мѣстѣ Ахуръ лежала черная ночь, которая скоро покрыла и скачущихъ. Проскакавъ окрѣ Ахуръ все пространство до своего поста, уже глубокою ночью, смѣнившею безъ малѣйшихъ сумерокъ ясный день, казаки едва успѣли прибыть къ Карасу до разлива воды, которая, впрочемъ, не повредила аралскаго поста; напротивъ, постъ у Солянаго-Моста былъ совершенно размытъ. На другой день можно было только издали видѣть на мѣстѣ Ахуръ и ниже ужасныя громады камней, снѣга и льда; но ближе ни подойти, ни подъѣхать не было возможности отъ разлива грязной лавы, тѣмъ болѣе, что удары землетрясенія часто повторались и невыразимый страхъ оладѣлъ всѣми казаками, не исключая, быть-можетъ, и ихъ начальниковъ. Изъ всѣхъ жителей Ахуръ осталась, говорятъ, одна женщина, бывшая на кладбищѣ у недавней могилы какого-то покойника и до десяти человекъ другихъ, небывшихъ въ то время въ селѣ. Всѣ прочіе жители Ахуръ болѣе тысячи душъ погибли подъ обвалами родимаго ихъ Масиса!

Обстоятельное, ученое и вмѣстѣ первое описаніе землетрясенія этого сдѣлано горнымъ инженер-майоромъ Воскобойниковымъ, который почти въ то же время былъ отправленъ по распоряженію бывшаго главноуправляющаго закавказскимъ краемъ, Е. А. Голловина, для осмотра всѣхъ опустошенныхъ, произведенныхъ этимъ землетрясеніемъ. Это описаніе было помѣщено въ академическихъ «Санктпетербургскихъ Вѣдомостяхъ» въ концѣ 1840 или въ началѣ 1841 года.

Г. Воскобойниковъ говоритъ, что разрушеніе Ахуръ произошло отъ обвала Большаго-Аралата, что и дѣйствительно такъ, потому что открытыя домы Ахурцевъ находятся на своихъ мѣстахъ, даже потолки и балки остаются въ прежнемъ положеніи. Не помню, входятъ ли г. Воскобойниковъ въ раз-

сужденія о причинахъ, произведшихъ обвалъ и землетрясеніе.

Въ прошломъ, 1843 году, въ одномъ изъ періодическихъ изданій помѣщенъ переводъ или извлеченіе изъ записокъ прусскаго ученаго путешественника Вагнера.

Вагнеръ дѣлаетъ подробное изслѣдованіе причинъ, произведшихъ землетрясеніе и опустошеніе. Прежде всего, онъ говоритъ, что обвалъ Арарата не былъ простымъ механическимъ обваломъ, происшедшимъ отъ ослабленія связей между породами, составляющими какъ обвалившіяся, такъ и оставшіяся части горы при потрясеніи, происшедшемъ отъ постороннихъ причинъ. Напротивъ, онъ утверждаетъ, что это было изверженіе лавнопотухшаго и вновь-встревожившагос араратскаго волкана. Потомъ, г. Вагнеръ подробно объясняетъ и доказываетъ, что внутри Арарата доселѣ пылаетъ скрытый волканъ, надъ которымъ время, при случайныхъ ослабленіяхъ огня, образовало непроницаемыя своды; подъ этими сводами образовалось внутреннее озеро отъ таянія нагорныхъ льдовъ и снѣговъ. Въ іюнѣ мѣсяцѣ 1840 года, волканическій огонь усилился, проникъ въ озеро; отъ этого образовались сильныя водяные пары, которые и произвели страшныя взрывы, землетрясеніе и опустошеніа.

Главныхъ положеній г. Вагнера отвергать нельзя. Дѣйствительно, всѣ массы араратскихъ громадъ волканическаго происхожденія и огнемъ полняты до настоящей высоты изъ земной полости. Разсматривая обѣ вершины Большаго-Аралата въ бытность мою на нихъ въ 1834 году, я тогда же замѣтилъ и писалъ, что западная вершина имѣла когда-то кратеръ; потому она теперь и представляетъ значительную ровную площадъ, въ 900 квадратныхъ шаговъ; восточная вершина совершенно остроконечна; очень-вѣроятно, что волканическій подземный огонь выпучилъ этотъ холмъ, не пробивъ черепа его; отъ-того восточная вершина и осталась въ такомъ положеніи. Какъ

очевидцу, нельзя не подтверждать въ пользу предположеній г. Вагнера и того, что, въ-самомъ-дѣлѣ, слишкомъ-мало потоковъ и почти на одной рѣкѣ не образуется межъ скатами Арарата, покрытаго такими громадами вѣчныхъ снѣговъ и льдовъ, что Карасу — единственная рѣчка на сѣверовосточномъ склонѣ Арарата, — дѣйствительно какъ-будто вдругъ является изъ кочковатой и пливстой почвы у подошвы горы. Это все даетъ сильное доказательство существованію подземнаго озера или резервуара, куда стекаются воды со всѣхъ пунктовъ Арарата при таеніи его снѣговъ и разраженіи на немъ дождевыхъ тучъ. Но дѣйствительно ли существуетъ озеро, а подъ нимъ пылаетъ подземный огонь — это знаетъ Богъ и тѣ существа, которыя могутъ проникать и въ недра земли и въ бездны морей.

Странно читать въ такомъ ученоемъ описаніи, каково описаніе г. Вагнера, что онъ, увлекшись, кажется, своими предположеніями, говоритъ, будто при послѣднемъ изверженіи подземнаго араратскаго волкана замѣчены были *разноцвѣтные газы*. Но вѣмъ же это замѣчено, когда при первыхъ ударахъ землетрясенія всѣ жители Ахуръ погибли, кромѣ одной, будто-бы уцѣлѣвшей женщины, о существованіи которой я не добился никакого толку. Казаки, о которыхъ мною упомянуто, бѣжали изъ Ахуръ безъ памяти; къ-тому же, вдругъ наступила ночь и никто не могъ и подумать о приближеніи къ страшному мѣсту. При послѣдующихъ ударахъ и новыхъ разрушеніяхъ, были одни Курды, и тоже почти всѣ погибли. Развѣ изъ этихъ дикарей не остался ли кто на какомъ-нибудь ближайшемъ возвышеніи и наблюдалъ всѣ явленія, сопровождавшія эту катастрофу. По-крайней-мѣрѣ, въ статьѣ г. Вагнера объ этомъ ничего не сказано, и я ни отъ кого на мѣстѣ не слышалъ о явленіи разноцвѣтныхъ газовъ, которые, конечно, простолудниъ называлъ бы или огнями, или другими какими-либо именами, и въ описаніи г. Воско-

бойникова ничего объ этомъ предметѣ не говорится. Впрочемъ, какъ сказалъ нашъ знаменитый поэтъ въ предисловіи къ одной изъ своихъ поэмъ: *ла критиковъ не угодиши!* Статья же г. Вагнера вообще чрезвычайно-занимательна и поучительна.

Возвращаясь съ развалинахъ Ахуръ, мы посѣтили эчміадзинскій знаменитый монастырь, или, точнѣе, престолъ армянскаго католикоса, и я нашелъ въ немъ все по-прежнему, кромѣ того, что самого католикоса не было: прежній Иоаннесь скончался, а новозабранный Нерсесъ еще не прибылъ. Добрый и образованный прокуроръ эчміадзинскаго синода, С. М. М., провелъ насъ по всѣмъ зданіямъ Эчміадына, показалъ всѣ перемены и приготовленія къ достойной встрѣчѣ почтеннаго іерарха армянской церкви, особенно въ его дворцѣ; замѣчательно устройство мурохранительницы на лѣвой сторонѣ большаго алтаря, обязанное особенной заботливости г. прокурора, равно какъ и всѣ прочія перестройки въ монастырѣ. Библіотека, къ-сожалѣнію, не отперлась намъ по случаю отсутствія бібліотекаря.

Мнѣ особенно хотѣлось на мѣстѣ развѣдать о здѣшней кошенили. Въ сурмалинскомъ участкѣ, около селенія Идыра, указывали намъ ту траву, на корняхъ и вѣтвяхъ которой кошениль зараждается и живетъ. Взявъ образчики этой травы, въ Эчміадинѣ надѣлись мы получить полное объясненіе этого предмета. Намъ указали почтеннаго епископа Саака Дзагказара (имѣльвателя красной краски). Кошениль обыкновенно появляется весной; трава, нами привезенная, оказалась совсѣмъ не тою, на которой она зараждается. Эта послѣдняя трава, по словамъ преосвященнаго Саака, въ обилии растетъ около селеній Иморлу и Саравиара въ заигебасарскомъ участкѣ Эриванскаго-Уѣзда. Лично я не вылазъ съ почтеннымъ Дзагказаромъ, но заставъ его дома во время обоорванія Эчміадына, а потомъ снѣша въ путь по дѣламъ службы. Спутникъ мой, г.

К., былъ у него, говорилъ съ нимъ и принесъ мнѣ образцы кошенили, уже выработанной, и травы, служащей ей мѣстомъ рожденія и пищею. Сравнивая эти образцы кошенили эриванской съ кошенилью колоніальною, нельзя не замѣтить, что обработка нашей кошенили находится въ самомъ младенческомъ состояніи. Эта богатая отрасль промышленности ждетъ у насъ смысленности и рукъ. Но отъ Высочайшаго вниманія, во время обзорѣнія закавказскаго края въ 1837 году, не укрылось открытіе и эриванской кошенили: за представленные образцы кошенили, обработанной по здѣшнему способу, преосвященный Саакъ удостоился пенсіи. Титулъ же двагказара (выдѣлывателя кошенили), кажется, получилъ онъ отъ эчмиадзинской братіи.

Еще мнѣ хотѣлось бы мѣстѣ увѣрится: дѣйствительно ли здѣшнія, т. е. эриванскія дыни, такъ-называемыя *дутьмы*, такъ хороши, какъ о нихъ вообще отзываются во всемъ закавказѣ энтузіасты гастрономіи. Въ Эчмиадзинѣ, гостеприимный хозяинъ нашъ С. М. множество перепортилъ дынь, желая увѣрить меня въ заслуженности разсыпаемыхъ похвалъ дынямъ. Послѣ всего этого, однакожъ, признаюсь, я выѣхалъ изъ Эчмиадзина не совсемъ убѣжденный въ дѣйствительномъ превосходствѣ дутьмы; но мнѣ говорили, что въ Эривани можно совершенно убѣдиться въ этомъ. На другой день приѣзда въ Эривань, принесли съ рынка нѣсколько дынь и зеленеватыхъ, и желтыхъ, довольно-большихъ, съ шероховатою кожею, похожихъ на такъ-называемыя въ Россіи *дубовки* и *моржовки*. Съ совершеннымъ предубѣжденіемъ противъ преувеличенныхъ отзывовъ о дутьмѣ, особенно послѣ эчмиадзинскихъ опытовъ, я отбѣдалъ эриванской дутьмы, отбѣдалъ еще и еще; варѣзли и другую дыню, варѣзли и третью разныхъ цвѣтовъ и видовъ, но одной породы — дутьмы. Теперь я ничего не могу возразить противъ превосходства эриванской дутьмы: вкусъ ея ароматный, тонкій, пріятный, ананасный.

Т. XXXVIII. — Отд. VIII.

Говорятъ, — чего я, впрочемъ, не берусь ни подтверждать, ни отрицать, — что дутьма не вредна даже въ лихорадкѣ.

Въ Эривани осмотрили вновь крѣпость, церковь, Сарадскій-Дворецъ, садъ и прочія достопримѣзательности. Крѣпость и въ 1834 году не поражала меня; но церковь, сдѣланная изъ мечети, въ то время произвела на меня сильное впечатлѣніе. Теперь же, послѣ Александропольской-Крѣпости и тамошней церкви — та и другая въ Эривани показались совершенно-обыкновенными: Дворецъ нынѣ въ лучшемъ состояніи и хорошо содержится. Впрочемъ, въ немъ не зеркальная зала влекла теперь мое вниманіе, но собственноручное начертаніе Высочайшаго имени нашего Монарха: я увидѣлъ наконецъ это начертаніе, сдѣланное карандашомъ, на простой штукатурной стѣнѣ во временномъ кабинетѣ Его Величества — одной небольшой комнатѣ подлѣ зеркальной залы. Надпись обведена теперь позолоченною бордюркою съ вставленнымъ стекломъ. Изъ этой или сосѣдней комнаты выходите къ рѣкѣ Зангѣ на балконъ. Съ этого балкона, Государь Императоръ привѣтствовалъ собравшійся внизу надъ Зангомъ народъ, который наполнялъ воздухъ кликомъ «ура!». Арааты какъ-разъ противъ балкона вздымаютъ къ небу свои сѣдыя вершины.

К. Снасскій-Автономовъ.

Редутъ-Кале.

5 октября 1844 года.

✱

ЛИТЕРАТУРНЫЕ И ЖУРНАЛЬНЫЕ ЗАМѢТКИ.

Замѣчанія о томъ, какъ издается «Экономъ, Хозяйственная Общеполезная Библиотека».

(Второе письмо къ редактору).

М. Г. Весьма-благодаренъ вамъ за то, что вы, по-крайней-мѣрѣ въ извлеченіи, дали мѣсто, въ послѣдней книжкѣ

3

вашего журнала, мои же замѣчаніямъ о томъ, какъ издается въ столичномъ городѣ Санктпетербургѣ «Хозяйственная Общепользная Библиотека», называемая «Экономомъ». Согласно обѣщанію, данному вамъ мною въ послѣднемъ письмѣ, сообщаю обзорѣніе вновь-полученныхъ мною тетрадей этого «Эконома».

Тетрадь 200-тая начинается статью цѣликомъ, отъ-слова-до-слова, перепечатанною изъ номера десятого «Журнала Сельскаго Хозяйства и Овцеводства. 1844 (стр. 89—91): *Сорты табака, особенно полезныя для разведенія въ Россіи*. Вся заслуга «Эконома» заключается въ томъ, что онъ къ своей перепечаткѣ приставилъ, въ видѣ предисловія, строкъ двѣнадцать съ ошибками противъ языка; на-примѣръ, какая грамматика и логика въ такой фразѣ: «Коммиссіонеръ Московскаго Общества Сельскаго Хозяйства г. Зелгеръ, по части правильной торговли табакомъ внутреннюю произведенія, поимѣстилъ» и проч.;—или онъ указалъ на тѣ сорта табака, которые для разведенія въ Россіи, въ особенности могутъ «примѣсти пользу». Такой логическій языкъ никто не называетъ русскимъ; можетъ-быть, такіа фразы—татарскими или чувашскими? не имѣя удовольствія знать по-татарски или по-чувашски, не могу этого рѣшить; знаю только, что это фразы не русскія.—Вторая статья въ этой тетради: *Сельскія постройки въ новороссійскихъ военныхъ поселеніяхъ*, есть перепечатка изъ номера 1 «Записокъ Общества Сельскаго Хозяйства Южной Россіи. 1844 г. (стр. 31—37); но «Экономомъ» благодушно умалчиваетъ о томъ, откуда онъ перепечаталъ статью и даже переименовалъ заглавіе, данное ей самимъ авторомъ.

Собственныя произведенія «Эконома», или передѣлки и переводы, показываютъ глубокое знаніе редакціи въ техническомъ дѣлѣ, и особенно въ химіи. Не хотите ли, на-примѣръ, прочесть въ тетради 200 «Эконома» статью: «Нѣкоторыя улучшенія для

бумажныхъ фабрикъ». Вотъ лабиринтъ химіи и грамматики! Въ этой статьѣ главную роль играетъ какое-то вещество, называемое «колофонъ» и «углекислая окись свинца». Что такое колофонъ, мы не нашли даже въ «Терминологическомъ Словарѣ» г. Бурнашева. Но благодаря «Мануфактурнымъ и Горнозаводскимъ Извѣстіямъ», гдѣ помѣщена (въ номерахъ 43 и 44) та же статья, мы узнали, что колофонъ «Эконома» есть просто канфоль, продающаяся во всѣхъ московскихъ лавкахъ. Что же касается до «углекислой окиси свинца», то это есть просто углекислый свинецъ. Мы уже не говоримъ, что весь процессъ фабрикаціи въ этой статьѣ перепутанъ такъ, что рѣшительно ничего нельзя понять. Въ оригиналѣ, на-примѣръ, говорится: «Бѣлая представляють лучшее средство для замѣненія хлора, потому-что онъ не вредитъ краскѣ бумаги...» и проч., а «Экономомъ» это простое и понятное дѣло выражаетъ такъ: «Бѣлая составляютъ единственное средство которое вызываетъ хлоръ и уничтожаетъ всякое изнѣщество сѣрной кислоты въ азовъ...» Что такое значить связывать хлоръ??!

Тетрадь 201-я начинается, по привычку предыдущихъ, перепечаткою, т. е. статьёю: *О лиманно-соломенчатой постройкѣхъ въ новороссійскомъ краѣ*, взятою изъ номера 1 «Записокъ Общества Сельскаго Хозяйства Южной Россіи. 1844 г. (стр. 37—41). Вторая статья: *О разведеніи цыры*—перепечатана изъ номера 9 «Журнала Сельскаго Хозяйства и Овцеводства. 1844 г. (стр. 311—314) безъ указанія источника. Для третьей статьи, «Экономомъ» безъ всякаго церемоній перепечаталъ двѣнадцать страницъ изъ извѣстнаго всѣмъ хозяевамъ «Курса Скотоводства», профессора Всеволодова (1837 года, часть 2, стр. 478—400);—*О правильномъ подкованіи молодыхъ лошадей*. Статьи: *О сохраненіи овощей на зиму такъ, чтобъ они не терли зеленого цвѣта*, и *О чисткѣ бронзы на мебели* перепечатаны, безъ указанія источника, изъ номеровъ 36 и

37 Мануфактурныхъ и Горнозаводскихъ Извѣстій 1844 года.

Фельетонъ этой тетради состоитъ изъ перепечатанной статьи г. Райко: *О выставкѣ домашняго скота въ Одессѣ*, хотя «Экономъ» не признается въ томъ, что статья не его, а просто перепечатка. Но въ этомъ случаѣ онъ очень-неловко поступаетъ: перепечатывая такимъ образомъ, безъ означенія источника, статью столь-извѣстнаго всѣмъ хозяевамъ, какъ статья г. Райко, которая была помѣщена гораздо-прежде въ «Одесскомъ Вѣстникѣ» и въ «Земледѣльской Газетѣ» — изданіяхъ, которыя имѣютъ несравненно-большій кругъ читателей, нежели «Экономъ» (если только онъ ихъ имѣетъ). Кажется, что было бы для него политичнѣе перепечатывать старое, забытое, на-примѣръ, изъ блаженной памяти «Журнала Общеполезныхъ Свѣдѣній», или хотѣ бы изъ «Круга Хозяйственныхъ Знаній», г. Кукольника?.. Въ заключеніе «Экономъ», замыслова-то называющій себя *летописью всего замѣчательнаго въ дѣлѣ сельскаго хозяйства* (стр. 524), восхваляетъ, въ качествѣ *летописца всего замѣчательнаго въ дѣлѣ сельскаго хозяйства*, материн для жилетовъ и брюкъ, продающихся у портнаго *Ассисалова* по умѣреннымъ цѣнамъ, и тѣмъ самымъ подаетъ своимъ читателямъ (если они есть) *аранднину нить*, которая поведетъ ихъ прямо въ магазинъ портнаго *Ассисалова*.

Тетрадь 202-я состоитъ почти всея изъ перепечатокъ, до того, что изъ 12 стр., изъ которыхъ состоитъ тетрадь, 11 занято перепечатками, а одна, можетъ-быть, состряпана редакціей. Первая статья: *Практическія наставленія для произведенія пристановокъ по всемъ правиламъ искусства*, просто перепечатана изъ «Журнала Садоводства», вторая—*Средство улучшить свойства картофеля для употребленія въ пищу*, изъ № 11 «Журнала Министерства Государственныхъ Имуществъ»; третья—*Цѣпленіе павловки* изъ «Посредника»; четвертая—*Практическое руководство къ правильному воспитанію*

домашнихъ животныхъ, изъ статьи профессора Всеволодова, напечатанной въ Трудахъ Императорскаго Вольнаго Экономическаго Общества.—Не знаю, откуда «Экономъ» взялъ пятую статью, о какомъ-то чайникѣ; но зато шестая статья—перепечатана изъ «Московскихъ Вѣдомостей»; седьмая—*Опытнѣе надеждъ роатаго скота*—изъ «Одесскаго Вѣстника»; «Опытъ надъ спасительными тюфяками изъ пробочнаго порошка» перепечатанъ, безъ указанія источника, изъ 36 и 37 № № «Ман. и Горнозавод. Извѣстій». Наконецъ для «Фельетона» этой тетради перепечатана изъ «Записокъ Общества Сельскаго Хозяйства Южной Россіи», статья г. Райко: *Мироненко, помѣщикъ Екатеринбургской-Губерніи*, которой «Экономъ» далъ слѣдующее заглавіе, ужъ конечно, собственнаго своего изобрѣтенія: *Хозяйственная быль о чудномъ помѣщикѣ и о его хозяйствѣ*. На какомъ языкѣ можно сказать: *хозяйственная быль*, право, не знаю; только по-русски грамотные люди такъ не говорятъ и не пишутъ. Я думаю, что это *чувашизмъ* или по-крайней-мѣрѣ *китизмъ*.

Только-что принялся я за 203-ю тетрадь, мнѣ принесли 280 № «Сѣверной Пчелы», въ фельетонѣ которой, между прочимъ, напечатано слѣдующее: «пріятели указали мнѣ статью (въ 12 кн. «Отеч. Зап.»), въ которой доказывается, что съ 190 тетради, *Экономъ*, *Общеполезная Библіотека*, заключаетъ въ себѣ множество перепечатокъ и перепечатокъ чужихъ статей, и т. п. Мнѣ нѣкогда справиться, но если все это справедливо, то я, дорожа всегда истинною, первый приношу мою благодарность сочинителю критики за эти замѣчанія, увѣдомляя его при семъ случаѣ, что если онъ думалъ выстрѣлить въ меня, то ошибся, ибо критическое ядро должно попасть, по принадлежности, во Владимира Петровича Бурнашева, единственнаго отвѣтника за всѣ указанныя заимствованія изъ Трудовъ Императорскаго Вольнаго Экономическаго Общества, въ

• чемъ онъ весьма-мило сознался, въ
• одной изъ тетрадей Эконома, сказавъ,
• что увлекшись прелестью статей, за-
• былъ указать на источникъ! Въ та-
• комъ же духѣ какъ и критика *Отеч.*
• *Записокъ*, пишетъ ко мнѣ почтенный
• издатель *Посредника*, а я и его отсы-
• лаю также къ г. Бурнашеву. Я при-
• крываюсь малороссійскою послови-
• цю: «моя хата съ краю—ничего не
• знаю». Этотъ отзывъ подписанъ г-мъ
• О. Б.

Позволяю себѣ замѣтить, что писавъ
свои замѣчания, я не имѣлъ въ виду
бросать критическое ядро въ г. О.
Б., потому-что не зналъ, кто издаетъ
Экономъ; теперь, благодаря г. О. Б., дѣ-
ло это ясно: *Экономъ* издается г. Вла-
диміромъ Петровичемъ Бурнашевымъ.
Имъ, слѣдовательно, писанъ и отзывъ
отъ редакціи въ 205 тетради *Эконома*,
полученной мною въ слѣдъ за 280 №
Сѣверной Пчелы. Въ этомъ отзывѣ
говорится: 1) «въ послѣднемъ номерѣ
От. Зап. помѣщена присланная изъ
Москвы статья, довольно-рѣзкая про-
тивъ Эконома». Соглашаюсь, что мои
замѣчания могли показаться г. редак-
тору *Эконома*, не только рѣзкими, но
даже колкими, потому-что «правда гла-
за колетъ». Г. О. Б. въ 210 № *Сѣверной*
Пчелы объявляетъ, что въ такомъ же
тонѣ (какъ и мое письмо) пишетъ къ не-
му почтенный издатель *Посредника*
С. М. Усовъ. Мы не могли сговориться
съ г. Усовымъ, потому-что насъ раздѣ-
ляетъ 700 верстъ,—а тонъ нашего раз-
говора о *Экономѣ* тотъ же. Скажите
же, г. Владиміръ Петровичъ Бурнашевъ,
отъ-чего это? а?—2) «Насъ упрекаютъ
въ *перепечатываніи* статей изъ всѣхъ
журналовъ. Дѣйствительно: мы *извле-*
каемъ изъ многихъ русскихъ специаль-
ныхъ книгъ и журналовъ статьи чи-
сто-практическія, но всегда съ ссы-
лою на то сочиненіе или повремен-
ное изданіе, изъ котораго статья заим-
ствована. Тутъ кажется нѣтъ ничего
дурнаго... Я не буду спорить съ г.
Бурнашевымъ ни о томъ, что онъ по-
нимаетъ подъ словомъ *заимствовать*,

статью чужое и выдавать за свое.
Что подобное заимствованіе бываетъ
хорошо, это доказалъ г. Бурнашевъ,
перепечатавшій *Деревенское Зерка-*
ло въ знаменитыхъ своихъ *Воскрес-*
ныхъ Посидѣлкахъ; что это бываетъ
идурно—доказали тѣ же *Посидѣлки*,
сколчавшіяся вмагъ, послѣ обнаруже-
нія перепечатыванія, которое у г.
Бурнашева называется «заимствова-
ніемъ».

Но позвольте мнѣ, г. Бурнашевъ,
вступить за самого-себя: вы говори-
те, что «излекаете изъ русскихъ спе-
ціальныхъ книгъ и журналовъ статьи
чисто практическія, но всегда съ
ссылкою на то сочиненіе, и проч.» Я
утверждалъ въ первой статьѣ, что *Эко-*
номъ перепечатываетъ, — утвер-
ждаю это и теперь. Я указалъ поимен-
но на всѣ статьи, перепечатанныя
безъ указанія источника, а вы от-
дѣльваете общую фразу; если вы
хотѣли меня уличить въ несправедли-
вости, то вамъ слѣдовало бы указать
именно на тѣ статьи, о которыхъ я
несправедливо замѣтилъ, что онѣ пе-
репечатаны безъ указанія источ-
ника. Но указать не на что, — вотъ
что бѣда: улыка на-лицо!

3) *Московскій корреспондентъ Оте-*
честв. Записокъ гнѣвается на то, что
въ *Экономѣ*, безъ оговорки, помѣща-
ются маленькія статейки изъ *Посред-*
ника и *Мануфактурныхъ и Горнозавод-*
скихъ Извѣстій. Это происходитъ отъ
того, что мы часто пользуемся оди-
ми и тѣми же источниками иностран-
ными. Позвольте, и. г., я говорилъ,
что статьи перепечатываются изъ
Посредника, *Мануфактурныхъ и*
Горнозаводскихъ Извѣстій и другихъ
нашихъ журналовъ; утверждаю это и
теперь, и сейчасъ докажу, что одиѣ и
тѣ же статьи въ *Экономѣ* и въ помя-
нутыхъ газетахъ являются вовсе не
отъ-того, что обѣ редакціи пользуются
одними иностранными источниками, а
просто отъ-того, что *Экономъ* пере-
печатываетъ изъ *Мануфактурныхъ и*
Горнозаводскихъ Извѣстій, изъ *По-*
средника и другихъ журналовъ. Въ 19

тетради «Эконома» перепечатана статья изъ № 36 «Мануфактурныхъ и Горнозаводскихъ Извѣстій», который вышелъ въ свѣтъ 13 сентября, а 199-я тетрадь «Эконома» 28 октября; въ 197 тетради «Эконома» перепечатаны статьи изъ 29—35 №№ «Мануфактурныхъ и Горнозаводскихъ Извѣстій», которые вышли въ свѣтъ 21 юля и 1 сентября, а «Экономъ» 13 октября. Въ 196 тетради «Эконома» перепечатана статья изъ 35 № «Мануфактурныхъ и Горнозаводскихъ Извѣстій», который вышелъ 1 сентября, а «Экономъ» 6 октября. Въ 194 тетради «Эконома» перепечатана статья изъ 22 № «Мануфактурныхъ и Горнозаводскихъ Извѣстій», вышедшаго 2 юня, а «Экономъ» вышелъ 22 сентября. Въ 193 тетради «Эконома» перепечатана статья изъ 32 № «Мануфактурныхъ и Горнозаводскихъ Извѣстій», вышедшаго 11 августа, а «Экономъ» вышелъ 15 сентября. Въ 191 тетради «Эконома» перепечатана статья изъ 31 № «Мануфактурныхъ и Горнозаводскихъ Извѣстій», который вышелъ 4 августа, а «Экономъ» вышелъ 1 сентября.

Что вы на это скажете, г. Бурнашевъ? Угодно вамъ *texte en regard*? извольте (*).

4) «Статья 12 № Отечественныхъ Записокъ очень недовольна тѣмъ, что въ Экономѣ помѣщены двѣ или три побольшія статейки, которыя когда-то находились въ давно умершемъ Журналѣ Общепольныхъ Свѣдѣній. И это суцная правда, но развѣ дурно напомнить что инбудь старое хорошее? Знаете ли, г. критикъ, что въ нѣкоторыхъ старинныхъ нашихъ кни-

гахъ, давно забытыхъ, есть вещи пре-восходныя. Согласно, что вышеупо-мянутыя статьи изъ Журнала Обще-польныхъ Свѣдѣній не принадлежать къ числу первостатейныхъ и превос-ходныхъ, но совсѣмъ тѣмъ онѣ не вредны и недурны. Какъ же онѣ по-пались въ *Экономъ*, то вотъ какъ: *Губернскія Вѣдомости* въ своихъ приба-вленіяхъ помѣщаютъ нерѣдко необы-кновенно любопытныя мѣстныя свѣ-дѣнія и извѣстія и среди этихъ ста-тей много мелкихъ чисто общеполь-ныхъ или хозяйственныхъ статей, черпая ихъ вольною рукою изъ совре-менныхъ журналовъ и газетъ. Вотъ оригинальное оправданіе! Признаюсь, я даже не понимаю, что хотѣлъ ска-зать редакторъ «Эконома». Въ первомъ моемъ письмѣ я указалъ, что статьи (а не статейки): *Биографія Адама Смита* (197 тетрадь «Эконома»), *Августинъ Пармантье* (191 т. «Эконома») перепи-чаты изъ «Журнала Общепольныхъ Свѣдѣній» 1835 и 1836 годовъ. И эти статьи, по словамъ редактора «Эконома», принадлежать къ «необыкновенно любопытнымъ мѣстнымъ свѣдѣ-ніямъ, помѣщаемымъ въ Губернскихъ Вѣдомостяхъ». Позвольте же спро-сить васъ, г. Бурнашевъ, гдѣ родились Адамъ Смитъ и Пармантье, въ Пензѣ, или въ Саратовѣ? — Что бы вы намъ ни отвѣчали, а я утверждалъ и утвер-ждаю, что означенныя статьи перепе-чаты изъ *Журнала Общепольныхъ Свѣдѣній*, а не изъ *Губернскихъ Вѣдо-мостей*.

Въ этихъ четырехъ пунктахъ заклю-чается отвѣтъ «Эконома». Но почему же редакція его ничего не отвѣчала на другія мои замѣчанія о статьяхъ соб-ственного ея произведенія, которыми «Экономъ» вводитъ своихъ добрыхъ читателей въ лабиринтъ ботаники, гео-графіи, дѣсоводства, сельскаго хозяй-ства, логики и грамматики? Что, на-примѣръ, редакція можетъ сказать въ поясненіе знаменитой своей статьи *О пользѣ ореховаго дерева*? Что можетъ она сказать о изобрѣтенномъ ею мо-вомъ веществѣ «колосони», а о удо-

(*) Здѣсь почтенный Н. Г-въ приводитъ сравнительно текстъ статей, какъ онѣ напечатаны въ «Экономѣ» и въ «Ман. и Горнозавод. Извѣстіяхъ»; это показываетъ, что текстъ въ обоихъ изданіяхъ совершенно тотъ же не только отъ слова до слова, но отъ буквы до буквы. Но, чтобы не утомлять читателей, мы рѣшились про-пустить это сравненіе, тѣмъ болѣе, что дѣло и безъ того ясно. *Ред.*

треблениа его при выдѣлкѣ бумаги? Что она можетъ сказать въ оправданіе своихъ химическихъ статей, которыхъ никто не можетъ понять, потому что и сама редакція ихъ не понимаетъ?

Мы очень благодарны г-ну Ф. В., открывшему намъ, что вся отвѣтственность по редакціи «Эконома» падаетъ на г. Бурнашева. Теперь, по-крайней мѣрѣ, читатели и подписчики «Эконома» (если они будутъ), знаютъ, чего имъ ожидать отъ составителя знаменитаго *Терминологическаго Словаря, редакціровавшаго* не менѣе знаменитыя *Воскресныя Посидѣлки* (такъ рано умершія!), и сочинившаго разныя руководства, хвалимыя въ «Экономѣ», самымъ авторомъ. Глубокія познанія г. Бурнашева въ сельскомъ хозяйствѣ, ботаникѣ, зоологій, минералогій, физикѣ и химіи, всѣмъ извѣстны и не разъ были доказаны. Дѣятельность его въ перепечатываніи старыхъ и новыхъ книгъ, подъ новыми заглавіями, изумительна. Но ничто не можетъ сравниться съ его краснорѣчіемъ. Вотъ, на-примѣръ, въ той же 205 тетради «Эконома», гдѣ помѣщено объясненіе редакціи, перепечатана изъ «Записокъ Общ. С. Х. Южной Россіи», статья г. Щербинина, въ которой г. Бурнашевъ придѣлалъ слѣдующее начало: «Одинъ изъ дѣятельныхъ членовъ Общ. С. Х. Южной Россіи, М. П. Щербининъ, былъ въ 1844 году въ Англіи и собралъ тамъ очень много любопытныхъ и полезныхъ для нашихъ хозяевъ замѣчаній о тамѣшнемъ усовершенствованномъ хозяйствѣ. Г. Щербининъ описалъ въ *Запискахъ Общества* подробно породы (чего??). Объ этомъ (о чемъ??) говорили также очень основательно Ви(е)верлинь и Виллеруа. Это (что?) любопытно, но не приноситъ большой пользы хозяйству практическому. Дѣло Эконома практика, почему мы послушаемъ то, что замѣтилъ г. Щербининъ относительно улучшенныхъ способовъ ухода за скотомъ». Какова грамматика?.. А что сказать о уваженіи редактора «Эконома» къ такимъ именамъ, какъ Векерлинь

(котораго г. Бурнашевъ и называетъ даже неправильно) и Виллеруа? По мнѣнію г. Бурнашева, труды этихъ людей не приносятъ большой пользы практическому хозяйству! Напрасно редакція «Журнала Министерства Государственныхъ Имуществъ» и Императорское Вольное Экономическое Общество познакомили русскихъ хозяевъ съ классическимъ сочиненіемъ Виллеруа; напрасно пытаются къ нему уваженіе такіе знатоки дѣла, какъ г. Рудольфъ; напрасно почтенный редакторъ «Журнала Сельскаго Хозяйства и Овцеводства», г. Масловъ, передалъ въ переводъ русскимъ хозяевамъ сочиненіе Векерлиня; напрасно Я. Ц. Вилькинсъ сдѣлалъ примѣчанія къ этому сочиненію, заключивъ ихъ слѣдующими словами «разсудительный и свободный отъ предубѣжденія сельскій хозяинъ найдетъ въ брошюрѣ Ф. Векерлиня гораздо больше полезныхъ для себя практическихъ истинъ, нежели въ иномъ полномъ курсѣ агрономіи». Да, всѣ: и редакторъ Журнала Министерства Государственныхъ Имуществъ, и г. Рудольфъ, и г. Масловъ, и г. Вилькинсъ, всѣ вы, господа, ничего не знаете ни о потребностяхъ русскаго хозяйства, ни о достоинствѣ сочиненій Виллеруа и Векерлиня. Лучше всѣхъ васъ знаетъ это дѣло «Эконома», или, лучше сказать, г. Бурнашевъ.

Г. Бурнашевъ особенно краснорѣчивъ въ похвалахъ—своимъ собственнымъ сочиненіямъ и тѣмъ авторамъ, которыхъ статьи онъ перепечатываетъ; только два раза онъ измѣнилъ этому полезному правилу: при изданіи «Воскресныхъ Посидѣлокъ» и «Энциклопедіи Молодой Русской Хозяйки...» Здѣсь онъ—краснорѣчиво молчалъ. Но дѣло Эконома практика, почему мы послушаемъ то, что... что бытъ... ну хоть объявленіе объ издавіи «Эконома» на 1845 годъ. Здѣсь выказался весь талантъ г. Бурнашева—не какъ редактора, но скорѣе какъ оратора, потому что отличительная черта этого объявленія *странныя уменьшительныя и смѣлость*. Первая въ особенности выка-

зывается въ похвалахъ соотрудникамъ «Эконома», въ главѣ которыхъ выставленъ самъ г. В. П. Бурнашевъ. Далѣе идутъ имена тѣхъ авторовъ, которыхъ статьи перепечатаны были въ «Экономѣ»: «Этотъ манёвръ прямо доказываетъ, что г. Бурнашевъ изучалъ древнихъ ораторовъ и знаетъ автоніанскую хрю, начинающуюся всегда похвалою кому-нибудь. Смѣлость видна во всемъ, особенно въ этомъ огромномъ исчисленіи предметовъ, которые войдутъ въ составъ «Эконома», и въ этомъ большомъ числѣ прекрасныхъ уже заготовленныхъ статей (*), рисунковъ, образчиковъ тканей, обоевъ и даже сѣменъ, которые будутъ разсылаемы съ «Экономомъ». Не знаю какъ другіе, а я рѣшительно подпишусь на «Экономѣ», потому-что г. Бурнашевъ снабдитъ меня обоями для моего кабинета, который, увы! до-сихъ-поръ выкрашенъ сѣрою краскою; снабдитъ и сѣменами для за-сѣва полей въ моей подмосковной деревнѣ!» *Gaudeamus igitur, rustici dum vivimus*, т. е., для незнающихъ латини—возрадуемся, что мы сельскіе хозяева! возрадуемся, что дожили до 1845 года! Теперь только настало счастье для насъ: два великіе писателя озаарили насъ, темныхъ тружениковъ: тверской помѣщикъ *Дмитрій Потаповичъ Шелеховъ* разсылаетъ образцы самыхъ плодоносныхъ туковъ при своемъ сочиненіи «О Новыхъ спосо-

бахъ Хозяйства и Землеудобренія по Либиху» (*), — а г. *Бурнашевъ* пошелъ далѣе: онъ при редактируемомъ имъ «Экономѣ» пришлетъ намъ ткани, обои и сѣмена! Въ ткани одѣнемъ себя и наши семейства; обоими украсимъ наши жилища; туками *Д. П. Шелехова* удобримъ наши поля, засѣмъ ихъ сѣменами *В. П. Бурнашева*, соберемъ жатву сторицею; станемъ управлять имѣніями «филантропически», по правиламъ, которыя намъ обѣщаетъ преподавать въ «Экономѣ» тотъ же г. Бурнашевъ; будемъ готовить «вкусные, здоровыя, простыя, затѣйливыя и даже роскошныя блюда»; по рецептамъ «Эконома»... Станемъ дѣлаться «безъ содѣйствія врача» по предписаніямъ «Эконома», если только нужно будетъ лечиться, потому-что слѣдуя наставленіямъ «Эконома», или, все равно, г. Бурнашева, мы никогда не будемъ больны. Но все равно: будемъ ли больны или здоровы, живы или мертвы, не забудемъ одного: воздвигнуть памятникъ двумъ великимъ писателямъ *Дмитрію Потаповичу* и *Владиміру Петровичу*, которые сходны и въ любви своей къ русскому, народному, національному, отечественному хозяйству, и въ ненависти къ иностранцамъ. *Дмитрій Потаповичъ*, какъ извѣстно всему міру, ненавидитъ грѣшнаго Нѣмца Тѣера; *Владиміръ Петровичъ* выказалъ такую же нелюбовь къ неменѣе-грѣшному Нѣмцу Векерлину, котораго самохвалы нѣмецкіе хозяева называютъ преемникомъ Тѣера.

Г. Бурнашевъ пишетъ въ объявленіи, что «въ 1844 году въ редакцію поступило много писемъ отъ опытныхъ и свѣдущихъ хозяевъ, которые благодарятъ Экономъ за нѣкоторыя практическія указанія, послужившія имъ въ пользу». Мы не читали этихъ писемъ; но если дѣло идетъ о пользѣ и благодарности, то я просилъ бы г. Бурнашева напечатать — виноватъ, ошиб-

(*) Въ числѣ которыхъ значится: «Практическое полное корововодство, составленное *В. П. Бурнашевымъ* изъ разныхъ достоверныхъ источниковъ съ приложеніемъ къ русскому хозяйству». Теперь понятна ненависть г. Бурнашева къ Векерлину и Виллерау, — *conspicuisse de melleis*. Замѣтимъ, что трудъ г. Бурнашева будетъ неполнымъ: въ соответствии «Полному корововодству», надобно будетъ составить «Полное Быководство», «Полное Волководство», «Полное Теляководство», «Полное Тѣлководство». Затѣмъ г. Бурнашевъ вѣроятно станетъ трудиться надъ «Полнымъ Кобыловодствомъ» и перейдетъ къ «Полному Мерцноводству» и т. д. къ разнымъ родамъ водствамъ.

(*) См. Объявленіи Книжнаго Магазина Ольхина въ Вѣдомостяхъ Санктпетербургской Палиціи 28 ноября 1844.

ся, перепечатать въ «Экономѣ» какъ это, такъ и первое мое письмо къ вамъ, м. г., потому-что я питаю глубокую благодарность къ «Эконому», научившему меня, какъ издавать «хозяйственную общепользую бібліотеку». Пользу же подобная перепечатка принесла бы самому «Эконому», доказавъ предъ цѣлымъ свѣтомъ, что есть люди, «которые благодарятъ Экономъ за практическія указанія послужившія имъ въ пользу».

Имѣю честь быть, и проч.

И. Г.—въ.

Москва.

20 декабря 1844 г.

☆

ТЕАТРАЛЬНАЯ ЛѢТОПИСЬ.

ФРАНЦУЗСКІЙ ТЕАТРЪ ВЪ ПАРИЖѢ.

1) Ревесса (Ревекка) *водевиль въ двухъ дѣйствіяхъ*, Скриба.

Вотъ уже третій водевиль, которымъ г. Скрибъ даритъ парижскую публику, начиная съ сентября мѣсяца. Содержаніе этого водевиля замысловатѣе двухъ прочихъ.

Дѣйствіе происходитъ въ Плаценціи, въ темницѣ, куда заключенъ маркизъ Паллавичини за участіе въ возмущеніи, которое, вмѣсто ожидаемаго успѣха, привело его къ эшафоту. Въ этой же темницѣ заключенъ другъ его, молодой графъ Асканіо дель-Пюмбо, но совсѣмъ за другое преступленіе. Асканіо случилось слишкомъ-часто проходить передъ магазиномъ ювелира Иссакара; прекрасныя глазки дочери ювелира, Ревекки, до того вскружили ему голову, что пылкій Итальянецъ рѣшился просить у отца согласія на бракъ его съ милой Жидовочкой, а ровный отецъ, чтобъ чувствительнѣй-

шимъ образомъ доказать ему, какъ неприличенъ подобный союзъ для итальянскаго графа, велѣлъ запереть его въ цитадель. Въ тотъ же магазинъ, во время своей свободы, ходилъ очень-часто и маркизъ Паллавичини, не для того, чтобъ любоваться красотой Жидовочки, а за драгоценными украшениями, которыя она продавала и которыя онъ дарилъ придворнымъ дамамъ, чтобъ свискать себѣ ихъ благосклонность. Но такова судьба любви: Ревекка страстно влюбилась въ маркиза Паллавичини, который не удостоивалъ ея ни малѣйшаго вниманія. Одинъ печальный случай еще болѣе усилилъ въ ней эту страсть. Разъ, народъ парижскій, раздраженный противъ бѣдныхъ Евреевъ, съ человѣколюбивымъ намѣреніемъ побить ихъ каменьями, и старшій Иссакаръ съ своей молодой дочерью спасеніемъ своимъ обязаны были великодушной и неустрашимой защитѣ молодого маркиза, который въ смятеніи былъ раненъ камнемъ. Фридрихъ Паллавичини давно забылъ объ этомъ, но не забыла Ревекка, и теперь, когда всѣ герцогини и баронессы, которымъ любилъ онъ, отказались отъ него, Ревекка рѣшается прійти къ нему на помощь. Въ пріятельницу ея, Джанину, влюбленъ до безумія тюремщикъ Пепито. За любовь Джанины и пять тысячъ пистолей, которыя даетъ ему Ревекка, честный тюремщикъ соглашается доставить средства къ побѣгу Паллавичини. Маркизъ не знаетъ, кому онъ обязанъ такою внимательностью къ судьбѣ его. Полагая, что Пепито дѣйствуетъ по внушенію собственнаго великодушія, онъ отвергаетъ его предложеніе. Въ это время приходитъ извѣстіе, что смертный приговоръ Паллавичини подписанъ и черезъ часъ долженъ быть исполненъ. Молодой маркизъ не жалѣетъ о жизни, которая обманула его надежды и замыслы; но передъ смертью онъ хочетъ сдѣлать доброе дѣло: Зная о любви Асканіо къ Ревеккѣ, онъ хочетъ жениться на Ревеккѣ. Черезъ часъ, его не будетъ на свѣтѣ, и Ревекка остается вдовой.

Тогда никто не найдетъ предосудительный бракъ графа Асканіо съ маркизою Паллавичини. А до-тѣхъ-поръ онъ будетъ хранить ее какъ сестру свою. Желаніе благороднаго патриція исполнено: Ревекка дѣлается маркизою Паллавичини, и супругъ законнымъ актомъ передаетъ ей все свое огромное состояніе. Скоро она будетъ вдовою. Народъ волнуется; вѣроятно, поспѣшатъ кончить съ его прежними возмутителями. Въ это время является посланный герцога съ бумагой, въ которой владѣтель Пармы возвращаетъ маркизу Паллавичини всѣ его прежнія достоинства и дѣлаетъ его своимъ первымъ министромъ.

Что теперь дѣлаетъ Паллавичини съ Ревеккой, и какъ исполнить обѣщаніе, данное другу? Увѣренный, что Ревекка его не любитъ, Паллавичини находятъ средство. Онъ обращается къ представителю папскаго престола съ просьбою о расторженіи этого брака, какъ заключеннаго христіаниномъ съ Жидовкой. Между-тѣмъ, названный мужъ находить, что онъ очень ошибался, считая жену свою пустою, необразованною и ограниченою дѣвучкой. Онъ открываетъ въ ней и тѣлесныя и душевныя совершенства, свѣтлый умъ, благородное и откровенное сердце. Словомъ, онъ влюбляется въ Ревекку, какъ еще ни одинъ мужъ не люблялся въ свою жену. Но его мучить мысль, что Ревекка любитъ Асканіо. Къ-тому же просьба о разводѣ подписана и пошла своей чередой. Ревекка узнаетъ объ этомъ. Пробужденіе ея послѣ такого сладкаго сновидѣнія ужасно. Бѣдняжка думала, что любовь Паллавичини сдѣлала ее его женою. Теперь она видитъ, что обманута. Но она горда; она не хочетъ никому называть любви своей и подпишетъ разводный актъ, хотя бы это стоило ей жизни. Не менѣе несчастенъ и Паллавичини: онъ узнаетъ, какъ горячо втайнѣ любила его Ревекка, какии опасностямъ подвергалась, чтобъ спасти его отъ смерти. Онъ рѣшается взять назадъ свою просьбу, быть му-

жемъ Ревекки.. но, увы! приносить разводный актъ, облеченный во всѣ законныя формы. Паллавичини, въ отчаяніи, хочетъ лишиться себя жизни. Что для него жизнь, когда онъ не можетъ быть мужемъ Ревекки? Ревекка улыбается; ей пріятно это отчаяніе — выраженіе страстной любви къ ней мужа. Наконецъ, она объявляетъ, что разводъ между ними, основанный на различіи исповѣданій, недействителенъ; любовь къ Паллавичини заставила ее отречься отъ іудейства и сдѣлаться христіанкою.

Такимъ образомъ, основаніе развода не существуетъ, самый разводъ уничтожается, и Паллавичини дѣлается полнымъ и настоящимъ мужемъ прекрасной Ревекки.

2) *Le Chamboran* (Шамборанскій гусарь), *водевилъ въ одномъ дѣйствіи*, гг. Жёвена и Сиродена.

Капитанъ Феликсъ Жиронъ, лихой гусарь шамборанскаго полка, покорилъ и плѣвилъ сердце племянницы своего полковника, Селины. Такая продѣлка не совсемъ поправилась полковнику, и онъ приказалъ посадить капитана Феликса подъ арестъ. По странному случаю, у капитана въ ротѣ есть солдатъ, похожій на него, какъ двѣ капли воды и только-что женившійся тайкомъ на хорошенькой кружевницѣ, Маріэттѣ. Машферъ надѣваетъ мундиръ своего капитана и садится вмѣсто его подъ арестъ, между-тѣмъ, какъ тотъ отправляется на свиданіе съ Селиною. Чтobъ извлечь всевозможныя выгоды изъ своего положенія, онъ приказываетъ подать себѣ прекрасный завтракъ и ловкимъ образомъ заставляеть полковника заплатить долги его по вѣсколькимъ довольно-порядочнымъ счетамъ. Все идетъ прекрасно; но вдругъ онъ слышитъ, что какой-то гусарь, съ оружіемъ и съ аммуниціею, перешелъ къ непріятелю, и что это долженъ быть Машферъ. Собирается военный судъ, Машферъ осужденъ на смерть, и вашъ герой, вѣрный обѣщанію, которое

дать капитану, самъ подписываетъ свой смертный приговоръ. Дѣленіе племянницы полковника, любовницы капитана, приводитъ бѣднаго гусара въ большое замѣшательство. Полковникъ застаётъ ихъ вмѣстѣ и требуетъ, чтобъ мнимый обольститель немедленно женился на обольщенной. Но за двоеженство положена смертная казнь... Бѣдный Машферъ начинаетъ приходить въ отчаяніе. Наконецъ, является самъ капитанъ, мирится съ полковникомъ вступленіемъ въ законный бракъ съ его племянницею; Машферу прощаютъ его тайную женитьбу и за его преданность капитану награждаютъ чиномъ бригадира.

Въ этомъ водевилѣ, при невѣроятной завязкѣ, есть нѣсколько смѣшныхъ сценъ; игра актѣровъ довершила остальное, и онъ имѣлъ успѣхъ, хоть и не блистательный.

3) WALLACE (Уаллесъ), опера. Музыка Кателя.

Катель былъ однимъ изъ ученившихъ профессоровъ Парижской Консерваторіи. Музыка его—музыка истинно-ученая, правильная, чистая, но холодная. Партитура этой оперы передъ возобновленіемъ ея въ нынѣшнемъ году была нѣсколько переделана г. Буланжѣ. Дѣтъ двѣнадцать тому назадъ, она была переделываема г. Риѳо. Либретто также не осталось безъ поправокъ, которыя должны лежать на душѣ г. Сен-Жоржа. Неизвѣстно, сдѣлалась ли опера лучше отъ этихъ переделокъ; достоверно только то, что нумера, писанные г. Буланжѣ, совсѣмъ не идутъ къ музыкѣ Кателя и взаимно вредятъ другъ другу. Вотъ содержаніе этой пьесы въ нынѣшнемъ ея видѣ.

Англичане владычествуютъ въ Шотландіи. У нихъ въ рукахъ крѣпость Стирлингъ, важнѣйшій оплотъ страны. Въ этой крѣпости живетъ король Робертъ Брюсъ, преданный однимъ удовольствіямъ и лѣтѣ. Онъ страстно влюбленъ въ дочь англійскаго коменданта крѣпости. Но Шотландцамъ совсѣмъ не нравятся, что король

итъ такъ мало заботится о бѣдствіяхъ отечества, и они готовятся избрать себѣ другаго короля. Для этого они обратили вниманіе на Уаллеса, который первый возсталъ противъ владычества Англичанъ и одинъ ведетъ съ ними войну, ожидая общаго возстанія своего короля и народа.

Исторія Уаллеса извѣстна. Современная хроника говоритъ, что, во время его отсутствія, одинъ *сиротный* Англичанинъ вторгся въ домъ его и силою вынудилъ у жены его ласки, которыхъ не могъ получить добровольно. Возвратясь домой и найдя жену свою мертвою, Уаллесъ поклялся отомстить за нее и сдержалъ свое слово: никто изъ Шотландцевъ не убивалъ столько Англичанъ въ теченіе своей жизни.

Уаллесъ не желаетъ короны, но онъ хотѣлъ бы видѣть больше достоинства и патриотизма въ поведеніи Роберта Брюса. Умѣя пѣть и играть на гусляхъ, онъ придумываетъ хитрость, на которую немногіе рѣшились бы на его мѣстѣ. Онъ переодѣвается менестрелемъ, является въ замокъ Стирлингъ и поетъ передъ своимъ королемъ военную пѣсню, которая производитъ на него то же дѣйствіе, какъ видъ оружія на молодого Ахиллеса. Между тѣмъ, при одномъ имени Уаллеса и жены его, которое случайно произноситъ шутъ, комендантъ блѣднѣетъ и смущается. Уаллесъ, который вездѣ ищетъ убійцу жены своей, поетъ коменданту о его преступленіи и приводитъ его этимъ въ такое замѣшательство, что ему не остается больше никакого сомнѣнія на счетъ виновника бесчестія и смерти жены его. Онъ вынимаетъ кинжалъ, въ намѣреніи заколотъ злодѣя, но шутъ останавливаетъ его — зачѣмъ? неизвѣстно. Этотъ шутъ только притворяется дуракомъ, а на дѣлѣ ненавидитъ Англичанъ болѣе всякаго Шотландца. Но сцена эта, какъ по всему видно, придумана для эффекта и дѣйствительно производитъ на сценѣ эффектъ.

За тѣмъ, Уаллесъ скрывается, собираетъ своихъ единомышленниковъ, и всѣ они позволяютъ захватить себя.

Ихъ ведутъ въ Стирлингъ. Они знаютъ, что ихъ будутъ держать не слишкомъ-строго и придумали эту хитрость для того только, чтобъ удобнѣе овладѣть крѣпостью. И точно, едва ихъ привели туда, какъ они вооружаются и поютъ хоръ, котораго Англичане не слышатъ. Къ нимъ присоединяется Робертъ Брюсъ. Онъ поведетъ ихъ на приступъ и подастъ сигналъ къ битвѣ ударомъ въ щитъ. Но является непредвидѣнное затрудненіе: у любовницы его, дочери коменданта, рѣшительно лучшія уши изъ всего гарнизона. Она не хочетъ, чтобъ убивали ея отца; останавливаетъ Роберта, умоляетъ его со слезами. Но безстрашный и непоколебимый король смѣло даетъ условленный сигналъ и оставляетъ свою любовницу безъ чувствъ.

Особенно замѣчательна въ этой оперѣ баллада, которую поетъ во второмъ актѣ Уаллесъ и которая начинается словами: *Lain du tumulte de la guerre.*

4) **MARIE STUART** (МАРІЯ СТУАРТЪ), *опера въ пяти дѣйствіяхъ, слова г. Теодора Аннъ, музыка г. Нидермейера.*

Жизнь Маріи Стюартъ безспорно составляетъ самый занимательный предметъ столько же для романа, сколько, а можетъ-быть еще больше для драмы. Шиллеръ и Вальтеръ Скоттъ принесли уже своимъ дани несчастьямъ шотландской королевы, и удивительно только, какъ до-сихъ-поръ ни одинъ композиторъ не избралъ ихъ предметомъ музыкальнаго произведенія. На это рѣшился наконецъ гг. Теодоръ Аннъ и Нидермейеръ. Но, работывая этотъ сюжетъ для оперы, г. Теодоръ Аннъ не рѣшился перенести въ новое произведеніе тѣ грустные предположенія, которыя повѣйшая историческая критика слѣдала почти-доказанными истинными. Въ его глазахъ, какъ и въ глазахъ приверженца и историка ея, Брантома, Марія Стюартъ чиста и невинна отъ всякаго упрека. Можетъ-быть, этотъ взглядъ, по расчетамъ автора, могъ способствовать успѣху пьесы, окруживъ поэтическимъ ореоломъ не-

винность и несчастье героини ея, а потому мы не будемъ за это въ претензіи на автора и ограничимся только короткимъ изложеніемъ содержанія оперы, въ томъ видѣ, какъ она дается на сценѣ.

Дѣйствіе начинается отъѣздомъ Маріи Стюартъ изъ Франціи. Она въ Калé; все готово къ отплытію ея. Тутъ она встрѣчаетъ Ботвелла. Ботвелль влюбленъ въ прекрасную незнакомку, которую, не зная кто она, ему удалось защитить отъ шайки негодяевъ. Эта незнакомка — Марія Стюартъ. Встрѣтивъ ее, онъ признается ей въ любви, со-всѣмъ не воображая, что говоритъ съ своей королевой. Приходъ пажа съ извѣстіемъ, что все готово къ отъѣзду Маріи, прерываетъ эту сцену, одну изъ лучшихъ въ оперѣ. Узнавъ свою ошибку, Ботвелль падаетъ къ ногамъ королевы.

BOTHWELL.

Dieu!

MARIE.

Levez-vous, Milord!.. j'avais reçu d'avance

Un serment de fidélité,
Prêté, je crois, sans trop de répugnance;
Et sur votre foi j'ai compté.

BOTHWELL.

La reine sait du moins qu'à mes yeux la couronne...

MARIE.

N'est point un gage de beauté...
Je m'en souviens... Mais la femme pardonne

L'affront fait à la royauté.

Послѣ того, королева приближается къ галерѣ, которая должна навѣки унести ее изъ Франціи, и поетъ знаменитый романсъ собственного сочиненія: «Adieu, plaisant pays de France!»

Во второмъ актѣ, Марія уже замужемъ за Дэрлеемъ. Братъ ея, Моррей, строитъ противъ нея козни: Елизавета общала ему подпору, если онъ успѣетъ очернить Марію во маѣнн ея поданныхъ; — тогда корона принадлежитъ ему. Онъ начинаетъ съ того, что возбуждаетъ ревность Дэрлея. Приверженцы его врываются въ комнату Ма-

рин Стюартъ въ то время, какъ она съ секретаремъ своимъ Риццио и пажомъ Жоржемъ занималась музыкой, нападаютъ на Риццио и закалываютъ его у ногъ королевы; кровь его брызжетъ ей на платье.

Королева, послѣ этой кровавой сцены, переселяется въ Голирудъ. Здѣсь друзья Дэрнлея хотятъ принудить ее отречься отъ престола, чтобъ царствовать ей пленемъ. Съ другой стороны, Ботвелль, послѣдовавшій за ней въ Шотландію, хочетъ увлечь ее въ свои владѣнія и окружить своими вассалами. Въ перѣшности, королева призывается Ботвеллю въ любви. Она даетъ балъ, или, лучше сказать, маскарадъ, во время котораго друзья Ботвелля, дѣйствующіе безъ его вѣдома, варываютъ на воздухъ замокъ, въ которомъ жилъ Дэрнлей.

Въ четвертомъ актѣ, мы находимъ Марію Стюартъ въ замкѣ Лох-Левенѣ плѣнницею. Поддерживаемый Англією, Моррей заставилъ ее подписать отречение отъ престола, сдѣлался регентомъ и вскорѣ надѣется быть королемъ Шотландіи. Ботвелль находитъ средство передать ей записку. Онъ съ приверженцами королевы будетъ ждать ее на противоположномъ берегу озера. Въ назначенный часъ, Марія садится въ лодку и уѣзжаетъ.

Мы находимъ ее въ садахъ Фортеренга. Прошло восемнадцать лѣтъ. Она во власти Елизаветы, которая сама приходитъ оскорблять ее упреками. Раздраженная Марією, она приказываетъ ускорить казнь. Марія прощается съ своими служителями, съ кормилицей, исповѣдывается и идетъ въ сосѣднюю залу, гдѣ приготовленъ для нея эшафотъ. Едва совершилась казнь, какъ прибѣгаетъ Ботвелль, держа въ рукахъ пергаментъ съ прощениемъ королевы Елизаветы. Его пропускаютъ въ глубину залы; онъ отдергиваетъ занавѣсъ: въ залѣ, обгнutoй черными, видны придворные, стоящіе на козлянахъ.

Музыка этой оперы весьма-замѣчательна. Парижская публика особенно обратила вниманіе на прощальный ро-

мансъ Маріи Стюартъ, виланеллу, которая поется во второмъ актѣ, нѣкоторые дуэты, какъ, на-прим., дуэтъ Маріи съ Елизаветой и другія мѣста. Хвалятъ также хоры, написанные композиторомъ съ большими умомъ и знаніемъ.

5) CHRISTINE A FONTAINEBLEAU (Христина въ Фонтенблѣ), г. Александра Дюма.

Эта пьеса въ первый разъ дана была въ 1830 году, въ то горячее время, когда отжившій классицизмъ падалъ подъ ударами толпы нововодителей, подъ предводительствомъ пресловутаго В. Гюго яростно кинувшихся на театральныя подмостки. Господишь Дюма былъ также въ числѣ сподвижниковъ пережившаго свою славу героя и ратоборцевъ романтизма, который всего приличнѣе назвать растрепаннымъ. А потому, драма его, «Христина въ Фонтенблѣ» въ свое время имѣла успѣхъ необычайный. Теперь, почти черезъ пятнадцать лѣтъ, директору театра Одеонао вздумалось возобновить ее, невѣстиво по какой причинѣ. Но, увы! то, что прежде, въ жару литературнаго столкновения стараго съ новымъ, казалось великимъ и прекраснымъ, теперь показалось только хорошимъ; многія длиныя урѣзаны, прологъ совершенно выброшенъ. Такъ-какъ драма была писана во дни юности, когда у г. Дюма дѣйствительно было много таланта, то пьеса его уцѣлѣла на этотъ разъ, благодаря игрѣ г-жи Жоржъ, старымъ воспоминаніямъ п эффедамъ пятаго акта. Тѣ ли будетъ еще черезъ пятнадцать лѣтъ, когда имени г. Дюма, все еще замѣчательнаго рассказчика и неутомимаго романиста, недостаточно будетъ для прикрытія недостатковъ его дѣтства, и ужасы романтизма будутъ жить только въ памяти старыхъ театраловъ, не возбуждая ни судорожнаго сжиманія въ сердцахъ молодежи, ни участія въ публикѣ? Давность происхожденія этой пьесы, такъ же, какъ европейская извѣстность г. Дюма, избавляютъ насъ

отъ труда разсказывать читателямъ содержание его драмы.

6) *La Fleur* (Лафлёръ), *водевиль въ одномъ дѣйстви*, гг. Сиродена и Ренѣ.

Старый толстякъ, по имени Блеро, живетъ съ своею дочерью и служанкой въ своемъ домикѣ, въ Арпасонѣ. Онъ любитъ и дочь и служанку: дочь какъ вѣжливый отецъ, служанку—какъ старый ветеранъ любитъ императора, какъ пьяница бутылку. Какъ отецъ, Блеро желаетъ выдать свою дочь замужъ; какъ хозяинъ, онъ хочетъ нанять слугу въ помощь Коломбѣ. Въ этихъ намѣреніяхъ, онъ пишетъ въ Парижъ къ своему корреспонденту, чтобы тотъ прислалъ ему зятя, и въ справочное мѣсто, чтобы оно выслало ему слугителя. Корреспондентъ исполняетъ его желаніе и пишетъ своему старому другу, что молодой человекъ, котораго онъ къ нему отправилъ, большой оригиналъ, хочетъ быть любимымъ для самого-себя и, вѣроятно, явится къ будущему тестю инкогнито. А потому, въ избѣжаніе какой-либо ошибки, корреспондентъ прислалъ Блеро примѣты чудака. Эти примѣты: пріятная талія, пріятный носъ, пріятные глаза, пріятный ротъ, пріятный подбородокъ. Особныя примѣты: не носить штрипокъ. Съ другой стороны, справочное мѣсто высылаетъ ему браваго слугу, Лафлѣра. Такимъ-образомъ, у Блеро есть все, чего онъ хотѣлъ. Даже больше: чья-то невидимая рука непрерывно бросаетъ въ садъ, черезъ стѣну, раздушенныя записочки къ его дочери и краснорѣчивыя букеты прекрасныхъ цвѣтовъ. Съ другой стороны, выходитъ, что пріѣзжій изъ Парижа слуга — старинный знакомый мамзель Коломбы, и старыи Блеро начинаетъ подозрѣвать, что Лафлёръ ищетъ на расположеніе ея право лавности. Между-тѣмъ, Лафлёръ не носитъ штрипокъ, и очень соответствуетъ описанію, приложенному заботливымъ корреспондентомъ. Отъ сомнѣній переходятъ къ увѣренности, и *qui pro quo* начинается. Лафлѣра сажаютъ за столъ, даютъ ему денегъ, снаб-

жаютъ новымъ пальто и, въ заключеніе, г. Блеро отдаетъ ему руку своей дочери. Выведенный изъ заблужденія Коломбою, онъ хочетъ отослать его. Новыя сомнѣнія заставляютъ его отказываться отъ этого намѣренія. *Qui pro quo* продолжается до-тѣхъ-поръ, пока наконецъ подъ носомъ г. Блеро устраиваются двѣ свадьбы. Племянникъ его корреспондента, котораго онъ отправилъ изъ Парижа по требованію своего друга, женится на дочери, а Лафлёръ на служанкѣ г. Блеро.

Не дурной водевиль съ довольно-избитыми эффектами.

7) *La Tête du Singe* (Голова обезьяны), *водевиль въ двухъ дѣйствіяхъ*, соч. гг. Дюмануара и Деаде.

Докторъ Вербуа, обитавшій въ прошедшемъ столѣтіи въ кварталѣ Арсенала, былъ человекъ чрезвычайно-странный. У него не было большихъ, по-крайней-мѣрѣ знатныхъ большихъ. Чтобы доставить себѣ богатую практику, онъ принималъ самыя рѣшительныя мѣры. Лишь-только наступитъ ночь, докторъ Вербуа, вооруженный палкою, выходитъ изъ дома и колотитъ прохожихъ, въ сладкой надеждѣ, что кого-нибудь изъ его жертвъ приведутъ къ нему, онъ ее вылечитъ и тѣмъ составитъ себѣ репутацію. Но въ началѣ дѣйствія, честному доктору дѣлается не совсѣмъ-удобнымъ исполненіе принятыхъ имъ на себя обязанностей, и вотъ по какой причинѣ. Нѣкто Паламедъ, молодой человекъ безъ гроша за душою, вздумалъ свататься на дочери ученаго доктора. Разумѣется, ему было отказано; но безумецъ поглялся, что не отойдетъ отъ порога дома, гдѣ живетъ его любезная, и будетъ сторожить ее днемъ и ночью. Съ другой стороны, сосѣдъ Вербуа, комиссаръ Дюбонажъ, открываетъ ему за тайну, что онъ сомнѣвается въ вѣрности къ нему жены, и потому намѣренъ провести ночь на сторожѣ у своего дома, во избѣжаніе какихъ-либо неприятныхъ приключеній. Наконецъ, доктору удается узвать, что господжа Дюбо-

нажъ дѣйствительно назначила свиданіе одному придворному красавцу, вконту Живри. Вербуа не промахъ. Видя, что ему невозможно будетъ поколотить кого-нибудь самому, онъ устроиваетъ дѣло такъ, чтобъ другіе переколотили другъ друга. Успокоенный низъ комиссаръ рѣшается отправиться куда зовутъ его обязанности службы, оставивъ безъ надзора свое семейное ложе. Паламеда докторъ увѣряетъ, что Живри его соперникъ, что онъ хочетъ жениться на Габріэли и что единственное средство отъ него отдѣлаться—поколотить его хорошенько. Дѣло выходитъ не совсѣмъ такъ, какъ бы желалъ Вербуа. Паламедъ и Живри встрѣчаются, дерутся, и одинъ изъ нихъ остается на мѣстѣ. Раненнаго везутъ къ доктору; но это не аристократъ, а плебей, и самый ненавистный для него изъ всѣхъ плебеевъ—это Паламедъ.

Съ своей стороны, Паламедъ готовъ благословлять дуэлян своего противника, безъ котораго онъ никогда не пошелъ бы въ домъ доктора, гдѣ за нимъ ухаживаетъ его любезная Габріэль. Вербуа бѣсится и уже хочетъ выбросить своего пациента изъ дома, какъ явдается Живри. Считая своего противника любовникомъ гесножи Любенашъ, онъ хочетъ вызвать его на дуэль. Прибытіе комиссара, который хочетъ допрашивать преступника и видя, что дѣло идетъ не о воровствѣ, начинаетъ подозрѣвать Паламеда въ связи съ своей женою, еще больше увеличивается затруднительное положеніе послѣдняго. Наконецъ, подолѣ многихъ изворотовъ, роли обмѣняются, и Живри доставляетъ своему противнику средство получить руку Габріэли, а именно—отдаетъ ему трость съ головою обезьяны, принадлежащую Вербуа и оставленную имъ однажды на полѣ битвы. Чтобъ скрыть свои продѣлки для полученія практикы, докторъ соглашается на все.

Не смотря на претензіи быть оригинальнѣйшимъ, на сценѣ этотъ водевилъ необычайно-случаеъ.

8) Les Pâtes de Mademoiselle (Барышники фижмы), водевилъ въ одномъ дѣйствіи, соч. Леона Гальяра.

Нѣкогда дамы носили фижмы. Эти глупыя фижмы, портившія самыя лучшія талии, бывали иногда такъ широки, что однажды графъ Монзетта и Артуръ, во избѣжаніе гнѣва одного ревниваго мужа, нашли средство спрятаться въ фижмахъ старшей его дочери, перерѣзшей мамзель де-Лорѣ. Но спрятавшись холостыми, они выходятъ оттуда женатыми. Графъ Монзетта принужденъ жениться на мамзель де-Лорѣ; Артуру же достается ручка хорошенькой бронетки, еще не эманципировавшейся изъ-подъ власти мужичины. Приличія соблюдены, и они узнаютъ, что этой злой шуткой обязаны самому маркизу, на честь котораго они послапали.

Водевилъ этотъ очень-веселъ.

9) Илія (Илія), трагедія въ пяти дѣйствіяхъ, соч. Альвѣ-Хальдѣ.

Илія, какъ извѣстно, былъ верховнымъ первосвященникомъ Іудеевъ. До-сихъ-поръ, никто еще не думалъ, что изъ него можно сдѣлать трагическаго героя, и, вѣроятно, кромѣ автора настоящей пьесы, никто болѣе и ей не подумаетъ. Въ трагедіи Хальдѣ, Сефора, дочь Іовава, тайнаго врага Илія, страстно любитъ сына первосвященника, Финея. Она отправляется даже на охоту въ сопровожденіи избранныхъ людей своего племени, для того, чтобъ увидѣться съ красавцемъ Финеемъ. Охотится за львомъ. Молодой Финесъ убиваетъ его. Уже одно это показываетъ воинственныя наклонности сына Илія. Напрасно отецъ хочетъ сдѣлать изъ своего сына жреца: сынъ, во что бы ни стало, непременно хочетъ быть воиномъ. Горестъ стараго первосвященника, выражаемая имъ въ прекрасныхъ стихахъ, истинно-трогательна. Между тѣмъ, сынъ его одерживаетъ побѣду надъ Филистимлянами. Народъ хочетъ избрать его въ видимыя пари Израіля. Въ ставку его приходитъ Сефора. Она боится, чтобъ почести не ослаби-

ий въ молодой героѣ страсти, которую онъ къ ней питаетъ. За ней является старый Илія. Онъ обращается къ сыну съ вѣжными упреками:

Père, ne laisse pas ton enfant à lui-même,
 Me voilà je le crois, ainsi Dieu m'a parlé...
 Mon fils, de tes serments la memoire s'envole,
 Dieu se voile et remonte a tout serment trivole.

На эти жалобы отца и первосвященника, сынъ отвѣчаетъ проклятіями. Гордый своею военною славою, онъ потопляетъ въ винѣ воспоминанія своей юности, разрываетъ бѣлую одежду левита. Старый Илія пораженъ горестію. Отецъ Сефоры, Іоавъ, находитъ, что дочь его обезпечена и требуетъ удовлетворенія. Только Сефора, въ гордомъ покоѣ любви своей, довольна и счастлива. Идутъ приготовления къ браку ея. Но первосвященникъ Илія отказывается благословить бракъ непокорнаго сына. Между-тѣмъ, раздаются крики: это Израилтяне, которыхъ преслѣдуютъ и рѣжутъ непріатели. Въ пятомъ актѣ, воинственный сынъ въ раскаяніи покоряется волѣ отца. Илія посылаетъ его въ битву.

Va courir au trépas, que ton père prévout!

Qu'il vive! восклицаетъ народъ.

Point de veul Dieu fera ce qu'il doit —

отвѣчаетъ первосвященникъ и судія. Въ это время, молодой Самуилъ читаетъ изъ священной книги пророчество. Финееъ падаетъ въ битвѣ; ковчегъ завета достается въ руки Филистимлянъ; и старый первосвященникъ Илія умираетъ отъ горести.

Трагедія эта была дана одинъ только разъ и холодно принята публикою. А между-тѣмъ, прекрасные стихи и многія другія достоинства заставляютъ сказать, что она достойна лучшей участи.

10) LES ORPHELINS D'ANVERS (Антверпенскія Сироты), мелодрама въ шести дѣйствіяхъ, г. Бухарди.

Дѣйствіе первое. Гостиница. Въ ней пьютъ и шумятъ. Слышенъ громъ сраженія между Испанцами и голландскими патриотами. Въ ужасѣ прибѣгаютъ двѣ сироты, Жанна и Марія, воспитанныя при антверпенской богадѣльнѣ. Все имущество ихъ состоитъ изъ одной пустой сумы. Но эта сума играетъ большую роль въ мелодрамѣ г. Бухарди.

Дѣйствіе второе. Злодѣй Бертольдъ бросилъ въ воду одну изъ сиротъ, Марію, и укралъ у ней сумку ея. Жанна въ безпамятствѣ возвращается въ Антверпенъ и живетъ въ бѣдной своей кижинѣ, занятая отсутствіемъ Маріи и присутствіемъ одного молодаго человѣка, именемъ Жоржа. Они любятъ другъ друга и уже готовы вступить въ законный бракъ, когда возвращается злодѣй Бертольдъ. Недовольный тѣмъ, что утопилъ Марію, онъ теперь хочетъ жениться на Жаннѣ. Секретъ всего этого слѣдующій: герцогъ Вильгельмъ нассаускій, освободивъ Голландію отъ ига Испаніи, объявилъ повсемѣстно, съ трубнымъ звукомъ, что у него пропала дочь, принцесса нассауская, и объяснилъ по какимъ привѣтамъ можно найти ее. Одинъ Бертольдъ знаетъ, гдѣ отыскать принцессу. Это Жанна, антверпенская сирота. Въ первомъ актѣ, въ рукахъ у Маріи была сумка Жанны, — Бертольдъ сблизилъ Марію, чтобъ дѣлать этотъ таинствъ; теперь онъ женится на Жаннѣ и потомъ поведетъ ее къ герцогу нассаускому. Онъ увѣряетъ Жоржа, что Жанна ему сестра, и тотъ съязъ заботиться о скорѣйшей выдачѣ ея за Бертольда. Но женившись, Бертольдъ убѣждается, что дочь герцога нассаускаго не Жанна, а Марія. Теперь онъ не знаетъ, что дѣлать ему съ Жанною, и зававъсь падаетъ, оставляя зрителя въ неизвѣстности, на что рѣшился этотъ человѣкъ, который на все рѣшится.

Дѣйствіе третье. Между-тѣмъ, Марія не утонула. Только въ послѣднѣмъ

онъ она потеряла зрѣніе, и этимъ пользуется Бертольдъ, чтобъ убѣдить ее выйти за него замужъ. Но между-тѣмъ, зрѣніе къ ней возвращается, и она узнаётъ своего убійцу, похитителя ея сумки. Теперь вся цѣль ея состоитъ въ томъ, чтобъ какъ-нибудь обмануть Бертольда. Она угадываетъ причину его настояній, чтобъ выйти за него замужъ. Она говоритъ сама-себѣ, что если не она, то Жанна — дочь герцога нассаускаго, и рѣшается идти въ лѣсъ, одна, искать свою поаругу.

Дѣйствіе четвертое. Замужество принесло Жаннѣ бѣдную хижину, которая течетъ отовсюду, невѣрный кусокъ насушняго хлѣба и слезы, за которыя ей достаются побои отъ мужа. Цѣль всѣхъ стараній Бертольда — довести Жанну до того, чтобъ она сама лишила себя жизни; въ противномъ случаѣ, у него есть адъ. Жанны нѣтъ дома; она прійдетъ усталая, захочетъ пить — и все будетъ кончено. Вдуръ стучатся. Бертольдъ отвораецъ: передъ нимъ Марія. Онъ удивленъ; онъ начинаетъ подозрѣвать, что Марія знаетъ о его злодѣйствахъ, что она не спитъ, беретъ ружье и прицѣливается въ нее. Марія не дрогнула: доказательство, что она спитъ. Между-тѣмъ, она видѣла ладъ, назначенный Бертольдомъ для Жанны, и увѣраетъ его, что Жанна — дочь принца оранскаго, и что сумка принадлежала ей, а не Маріи. Бертольдъ уводитъ ее и возвращается въ свою хижину горлый и довольный, что онъ женатъ на герцогинѣ нассауской. Здѣсь онъ находитъ письмо, въ которомъ Жанна пишетъ ему, что она рѣшилась лишить себя жизни. Еще разъ всѣ великолѣпные планы его разстроены, всѣ надежды разбиты.

Дѣйствіе пятое. Въ монской гостиницѣ живетъ таинственный человѣкъ, выдающій себя за трактирщика. Онъ снялъ всѣ гостиницы города, чтобъ тѣ лица, которыхъ онъ ожидаетъ, не могли остановиться нигдѣ, кромѣ его гостиницы. И точно, въ этой гостиницѣ останавливается принцъ оранскій, и туда же приходитъ Марія. Съ

перваго взгляда, принцъ узнаётъ въ ней свою дочь и увозитъ ее къ себѣ въ дворецъ. Въ слѣдъ за ними, являются Жоржъ и Жанна. Жанна убѣждается, что Жоржъ ей не братъ, а Жоржъ, съ своей стороны, узнаётъ въ таинственномъ человѣкѣ отца своего, майора фон-Рюйтера, двадцать лѣтъ тому назадъ осужденнаго на смерть. Наконецъ, возвращается злодѣй Бертольдъ, находитъ товарища и участника своихъ преступленій, именемъ Даниала, котораго онъ вовлекъ въ свои замыслы, узнаетъ жену свою, и, полагая, что она герцогиня нассауская, отправляется съ нею ко двору принца оранскаго.

Дѣйствіе шестое. При видѣ Жанны, принцъ оранскій приходитъ въ сильное замѣшательство. Она похожа на Марію какъ двѣ капли воды: тѣ же лѣта, тотъ же взглядъ, та же улыбка. Которая же изъ нихъ дочь моя? восклицаетъ отчаянный принцъ. Обѣ! отвѣчаетъ таинственное лицо, скрывавшееся подъ видомъ трактирщика. Фон-Рюйтеръ называетъ себя по имени, собственноручнымъ письмомъ принцессы оранской доказываетъ, что онъ былъ осужденъ на казнь невинно, что принцессу убилъ Бертольдъ, а онъ, напротивъ того, спасъ обѣихъ дочерей ея, Жанну и Марію. При этой счастливой новости, принцъ Вильгельмъ оранскій не помнитъ себя отъ радости, Бертольдъ получаетъ достойное наказаніе; Жоржа отправляютъ куда-то посланникомъ. По возвращеніи, онъ долженъ жениться на Жаннѣ, потому-что братъ ея съ Бертольдомъ, политически умершемъ, должно считаться вычужденъ.

Полобныя драмы пишутся въ Парижѣ для низшаго класса, который ищетъ въ театрѣ не наслажденія изящныхъ, но бурныхъ волненій, заставляющихъ его взбывать лишенія и нужды грубаго трудаго своего существованія.

11) UN JOUR DE LIBERTÉ (День свободы), *водевилъ въ трехъ дѣйствіяхъ*, г-жи Анслю.

Недалеко отъ Сен-Жерменскаго Замка, гдѣ юный еще Лудовикъ XIV причащается къ роскоши и власти, въ загородномъ домѣ своемъ, молодая вдова Марія де-Клерамбо, бывшая за однимъ изъ тѣхъ старыхъ мужей, которые покидаютъ своихъ женъ точно такими же, какъ ихъ взяли, — мечтаетъ о счастіи идеальной любви. Воображеніе молодой вдовы сочиняетъ цѣлый романъ и начинаетъ искать себя въ дѣйствительности героя, когда охотники, наполняющіе Сен-Жерменскій Замокъ, при звукахъ роговъ отправляются на охоту. Г-жа Клерамбо жаждетъ имъ успѣха и приглашаетъ къ себѣ обѣдать. Когда они уѣзжаютъ, она зоветъ свою горничную, Колетту, разодѣтую и разряженную, родъ маркизы двинчьеи и передней, которая даже дѣлится своей лоспозѣ, что за ней волочится очень-ловкій маркизъ. Ей г-жа Клерамбо рассказываетъ, что наканунѣ она была въ маскарадѣ и встрѣтила тамъ молодаго человѣка, который ее очень занимаетъ. На маскарадъ же, который назначенъ въ тотъ вечеръ, она посылаетъ Колетту.

Слышавъ стукъ кареты. Пріѣзжаетъ герцогиня Шеврѣзъ съ кузиной своей, дѣвицей де-Дрѣ. Эта племянница страстно влюблена въ одного прекраснаго неизвѣстнаго молодаго человѣка, котораго она видѣла только одинъ разъ и вѣроятно больше не увидитъ. Затѣмъ являются еще г-жа де-Сафонъ, г-жа де-Баньё, г-жа д'Оконья. Всѣ онѣ блестятъ нарядами, болтаютъ, сплетничаютъ, острятъ, злословятъ и дѣвица де-Дрѣ рассказываетъ г-жѣ Клерамбо исторію своего незаконца. Въ это время, черезъ потаенную дверь, является молодой человѣкъ, котораго Колетта поймала въ маскарадѣ и привела въ домъ своей госпожи.

Въ этотъ молодомъ человѣкѣ, герцогиня де-Шеврѣзъ узнаётъ графа де-Бюсси-Рабютена, одного изъ особенно-извѣстныхъ волокитъ того времени, красавца, героя и поэта, котораго наемъшекъ всѣ боялись, который былъ извѣстенъ и при дворѣ, и въ войскѣ, и т. XXVIII. — Отд. VIII.

въ обществѣ своимъ умомъ, дерзостию, остроуміемъ, любовными похождениями. Неизвѣстно, въ слѣдствіе какаго каприза, герцогиня Шеврѣзъ совѣтуетъ Бюсси скрыть свое настоящее имя и назваться первою попавшеюся фамиліею: наприимѣръ, хоть фамиліею кувена, Армана де-Телинья, послушника, готовящагося вступить въ братство кордельеровъ. Едва хозяйка дома успѣла принять фальшиваго Телинья, какъ къ ней приводятъ молодаго монаха, который найденъ былъ въ паркѣ умирающимъ съ голода. Это настоящій Арманъ де-Телинья, племянникъ герцогини Шеврѣзъ, которому она приказываетъ назваться графомъ де-Бюсси.

Между-тѣмъ, настоящему де-Бюсси очень-неудовольно подъ именемъ маленькаго Телинья. Онъ любитъ женщинъ и думалъ, что его ожидаютъ пѣ отомъ домѣ побѣды. Выходитъ напротивъ. Никто не обращаетъ на него вниманія; благодаря репутаціи, которую приобрѣло имя графа Бюсси, всѣ женскія сердца, всѣ условія кокетства обращены къ молодому монаху, между-тѣмъ, какъ настоящій графъ Бюсси закрытъ и оставленъ въ тѣни именемъ Телинья. Молодой монахъ окруженъ всевозможными соблазнами. Но онъ робокъ и нерѣшителенъ. Строгія привычки монастыря, которымъ онъ наиѣревается подчинить себя, не позволяютъ ему дать волю желаніямъ, такъ-что онъ наконецъ наскучаетъ этимъ дамамъ, которыя не могутъ объяснить себѣ страннаго обращенія графа Бюсси. Только одна г-жа Клерамбо терпѣлива въ другихъ; она всѣми силами старается внушить новичку больше смѣлости, подставляетъ ему свою розовую щечку, и бѣдный, побѣжденный Телинья падаетъ на колѣна, бормоча признаніе въ любви.

Актъ третій. Между-тѣмъ, послушнику Телинья надобно возвратиться въ монастырь. Таковъ законъ. Въ этой жестокой необходимости г-жа Клерамбо вспоминаетъ, что у ней есть бланкетъ, подписанный Лудовикомъ XIII,

и что Лудовикъ XIV ни въ чемъ ей не откажетъ. Въ это время, охота прѣвѣщаетъ черезъ лѣсъ, и г-жа Клерамбо отправляется умолять короля, чтобъ молодому послушнику дана была свобода. Между-тѣмъ, герцогиня Шеврѣзъ объясняетъ, почему Арманъ Телинни, будучи старшимъ въ родѣ, долженъ былъ избрать духовное званіе. Дѣло въ томъ, что отецъ Телинни, не смотря на признанную вѣрность своей супруги, сомнѣвался, дѣйствительно ли ему принадлежатъ честь быть отцомъ своего сына. А такъ-какъ во второмъ сынѣ онъ былъ увѣренъ, то силой отцовской власти рѣшилъ, чтобъ Арманъ шелъ въ монахи. Это его неспремѣнная воля, и Телинни, узнавъ еще, что этой жертвой онъ доставитъ спокойствіе своей матери, покоряется. Онъ прощается съ г-жей Клерамбо, общая ей вѣчную любовь и память: и надѣваетъ свое послушническое платье; г-жа Клерамбо въ отчаяніи. Но судьба, сжалившись надъ любовниками, исключаетъ стараго Телинни изъ списка отцовъ, и Арманъ наследуетъ имя и состояніе своего родителя.

12) *UNE FEMME DE QUARANTE ANS* (Сорокалѣтняя Женщина), комедія въ трехъ дѣйствіяхъ, въ стихахъ, г. Галопиа д'Онвера.

Сорокъ лѣтъ—ужасный возрастъ для женщины. Потому—то, что бы ни говорилъ Бальзакъ, такъ рѣдко можно встрѣтить сорока-лѣтнюю женщину. Въ этомъ отношеніи, законъ послѣдовательности чиселъ измѣняется совершенно, и послѣ тридцати-пяти лѣтъ, продолжающихся весьма-долго, приходитъ прямо пятьдесятъ. Защитникъ сорока-лѣтней женщины говоритъ, что только въ эти годы женская физиономія пріобрѣтаетъ всю выразительность, всю полноту жизни и чувства. Какъ бы то ни было, но съ другой стороны, также вѣрно, что молодость имѣетъ свои преимущества, и молодой мужъ у сорока-лѣтней женщины такъ же страненъ и жалокъ, какъ жалка шестнадцатилѣтняя дѣвушка въ замуж-

ствѣ за хилымъ старикомъ. А именно это случилось бы съ графомъ Гастономъ де Смилли, который, будучи самъ двадцати-шести лѣтъ, взялъ себѣ жену сорока, не столько изъ денежныхъ разсчетовъ, сколько увлекшись остатками еще не совсѣмъ—увядшей красоты ея. Медовый мѣсяцъ супруги провели въ деревнѣ, въ полномъ, даже нѣсколько названномъ счастіи, о которомъ разсказываетъ сама графиня:

Nous parcourions sans but les bois, les prés, les champs, Nous perdant quelquefois comme de vrais enfants...

Но съ пріѣздомъ въ Парижъ, отношенія начинаютъ перемѣняться. Графиня становится требовательна, капризна, ревнива. То повое платье, то карета, то пріятель мужа, то ложа въ оперѣ безпрерывно приводятъ ее въ раздраженіе. Темное облако показывается на свѣтломъ горизонтѣ семейнаго счастья, чернѣетъ, расширяется и наконецъ раздражается домашнею грозою. Увлекаясь гнѣвомъ, графиня попрекаетъ мужа своимъ приданымъ. Какъ ни неоснователенъ упрекъ, но онъ поражаетъ Гастона прямо въ сердце. Онъ посылаетъ за своимъ нотаріусомъ, чтобъ составить разводный актъ. Графиня начинаетъ расказываться; но вдругъ весь гнѣвъ ея возгарается съ повою силою. Она узнаетъ, что къ ея мужу приходила молоденькая женщина. У слуги своего мужа, вѣюгда повѣреннаго и товарища его холостыхъ проказъ, который не разъ тайкомъ вздыхаетъ о прежней, беззаботной жизни своего господина, спрашиваетъ графиня о всѣхъ подробностяхъ этого посѣщенія, Молода ли, хороша ли незнакомка? И хитрый слуга отвѣчаетъ ей:

Dix-sept ans... mais c'est tout ! Elle a des grands yeux bleus, une fraîcheur de rose, Une petite main, de jolis pieds mignons... Un ton plein de douceur, un certain air modeste ;

Madame, après tout ça je dirai comme vous,
Est-ce laid ou joli?.. car ça dépend des
gouts!

Наконецъ, объясняется, что молодая дѣвушка, тайкомъ приходившая къ Гастону, его падчерица, дочь графини. Она любитъ и взаимно любима однимъ молодымъ человекомъ; но не совсемъ надѣясь на свою маменьку, которой очень не хочется попасть въ бабушки, она предпочла открыться своему вотчину. Тутъ госпожа Силли убѣждается, что она не совсемъ права, прощаетъ мужу свои вины противъ него; призванный нотариусъ составляетъ брачный контрактъ ее дочери, а она говоритъ своему мужу:

J'ai des grands torts, Gaston, mais du
moins je vous aime!

Этимиъ кончается хорошенькая комедія, написанная прекрасными стихами, живо, бойко и остроумно. Авторъ ея, свѣтскій человекъ и больше дилетантъ, чѣмъ настоящей литераторъ, никогдѣ не прислалъ свое произведение въ дирекцію Французскаго-Театра, которая умѣла отличить его отъ сотни другихъ, представленныхъ на ее сужденіе. Публика наградила прозорливую дирекцію обильнымъ сборомъ, а скромнаго автора громкими рукоплесканіями.

—

Нынѣшнюю зиму, вниманіе парижской публики, обращено на труды англійскихъ актѣровъ, которые, подъ управленіемъ Магриди, дають представленія на англійскомъ языкѣ въ залѣ Одеона. Магриди самъ актѣръ и весьма замѣчательный. До-сихъ-поръ, труппа его дала двѣ трагедіи Шекспира: Гамлета и Отелло. Роли Гамлета и Отелло исполнялъ самъ Магриди. Особенно понравился онъ въ роли Гамлета. Внутренняя борьба характера мечтательнаго и отвлеченнаго, каковъ Гамлетъ, съ судьбою, назначившею ему положительную цѣль, эта нерѣшимость въ виду

ужаснаго злодѣйства съ одной стороны и необходимости праведнаго мщенія съ другой, были выражены имъ превосходно. Если вѣрить парижскимъ журналамъ, игра его въ этой пьесѣ просто совершенство. Въ Отелло особенное впечатлѣніе произвела своюю поражающею дѣйствительностью послѣдняя сцена,—сцена свирѣпаго и безумнаго мщенія дикаго Мавра, когда несчастная жертва его въ страшныхъ конвульсіяхъ умираетъ подъ полудышками. Роли Дедемоны и Офеліи исполнила миссъ Эленъ Фопятъ. Особенно хвалятъ ее въ роли Дедемоны.

*

УЧЕНЫЯ ИЗВѢСТІЯ.

АБИССИНІЯ. Ученая экспедиція офицеровъ французскаго генеральнаго штаба Галиньдъ и Феррѣ.—Еще въ 1839 г., маршалъ Сульть назначилъ эту экспедицію съ цѣлю собственно-политическою — изучить нравы, обычаи, вѣру, государственныя учрежденія и естественныя источники богатства Абиссиніи. Другую, также второстепенную, а можетъ быть и главную цѣль, имѣла эта ученая миссія—помогать по возможности мѣшовой торговлѣ, которую хотѣли завести на берегахъ Краснаго-Моря французскіе и абиссинскіе купцы.

Ученыя, естественно-историческія изслѣдованія по доброй волѣуже приняли на себя гг. Галиньдъ и Феррѣ, изъ одной любви къ наукѣ; но результаты, полученные ими и представленныя въ прошедшемъ мѣсяцѣ Парижской Академіи Наукъ, тѣмъ не менѣе поразительны своимъ разнообразіемъ и обширностью.

Галиньдъ и Феррѣ отправились изъ Марселя на казенномъ суднѣ 21 октября 1839 года, запасшись предварительно необходимыми финансовыми

инструментами для наблюдений метеорологическихъ и астрономическихъ измѣреній. Въ Египтѣ, наши путешественники не могли съискать драгоманна, который бы говорилъ и по-французски и по-амарски (amhaga), — нарѣчій, которое въ обществѣ употребленіи въ Абиссиніи, и рѣшились остаться въ Каирѣ учиться арабскому языку. Арабскій языкъ знаютъ многіе абиссинскіе купцы, и потому легче найти переводчика, которому былъ бы извѣстенъ этотъ языкъ и ангарское нарѣчіе. Восемь мѣсяцевъ провели они въ этомъ пригготовительномъ занятіи.

Мы не будемъ идти слѣдомъ за гг. Галиньё и Феррѣ, которые, подобно всѣмъ путешественникамъ въ странахъ отдаленныхъ и полудикихъ претерпѣли множество неудачъ, подвергались безпрестанно различнымъ опасностямъ. Такая полдневная записка не представляетъ особаго интереса, какъ и всякое сухое перечисленіе мѣстностей съ варварскими названіями, и не можетъ быть даже хорошо понята безъ карты.

Перейдемъ поскорѣе къ результатамъ собственно этой ученой миссія, которые представляютъ гораздо-болѣе интереса.

Главный, первый плодъ экспедиціи гг. Галиньё и Феррѣ—географическая карта Абиссиніи, основанная по преимуществу на астрономическихъ измѣреніяхъ; они опредѣлили на этотъ конецъ широту и долготу девяти мѣстностей — Адуа, Аксума, Ада-Касты, Итечау, Абба-Барро, Фарао-Сабера, Ада-Играта, Челикота, Гондора.

Эти астрономическія измѣренія произведены были со всевозможною точностью, какъ свидѣтельствуемъ подробно изложеніе геодезическихъ работъ, такъ и согласіе съ результатами, полученными прежде Брюсомъ, Салтомъ и Рюппелемъ. Широты Аксума, Гондора, Челикота и Ада-Играта представляютъ только равнину около одной минуты, которая происходитъ, вѣроятно, отъ-того, что наши путешествен-

ники выбрали для своихъ наблюдений другія станицы (stations).

Гдѣ таинственный истокъ Нила? Этотъ вопросъ глубокой древности занималъ многихъ путешественниковъ, многихъ географовъ. Легко и совершенно-логически рѣшить его, назвавъ мѣстомъ источенія великой рѣки Суданъ, цѣлую Абиссинію наконецъ, а не извѣстную какую-либо мѣстность. Трудно, невозможно опредѣлить именную точку, гдѣ нильскія воды вытекаютъ изъ земли; самый опытный географъ неволью станеть въ-тупикъ, запугається въ этомъ сѣтчатомъ лабиринтѣ развлеченныхъ рѣкъ, пересѣкающихся въ различныхъ направленіяхъ древнюю Эіопію.

Какъ бы то ни было, гидрографическія изслѣдованія Феррѣ и Галиньё общей системы рѣкъ Абиссиніи не менѣе отъ-того интересны.

Цѣпь горъ, начинающаяся отъ Перешейка Суэзкаго, тянется, такъ-сказать, вдоль Краснаго-Моря, раздѣляетъ надвое всю Абиссинію; по одной сторонѣ текутъ воды, впадающія въ Заливъ-Аравійскій, по другой, которая обширнѣе, несетъ множество рѣкъ, вливающихся въ Нилъ египетскій.

Галиньё и Феррѣ общими чертами обозначаютъ, основываясь на своихъ собственныхъ наблюденіяхъ, положеніе линіи этого раздѣла воды; она начинается у Суэза, гдѣ высота ея нѣсколько метровъ, и тянется до громадныхъ горъ Ласты; принимая въ уваженіе свидѣнія, замѣствованныя у другихъ путешественниковъ, они продолжаютъ ее еще и далѣе, до горъ Гара-Горѣу, которыя раздѣляютъ бассейны нильскій и ауашскій.

Теченія рѣкъ абиссинскихъ до-сихъ-поръ описаны и назначены были очень-невѣрно на лучшихъ картахъ, которыя прійдется теперь исправлять по изслѣдованіямъ Галиньё и Феррѣ. Такъ, на-примѣръ, они утверждаютъ, что Ассанъ, омывающій столицу Тигра, течетъ на югъ, а не на сѣверъ, какъ вообще принимали всѣ путешественники и географы, исключая од-

ного Рюппеля. Течение Мареба, который гораздо-болѣе Ассама, не лучше было опредѣлено. Галиньё и Феррэ видѣли его источники и опредѣлили въ градусахъ широту и долготу этой важной мѣстности. Рѣки Уарье, Гѣба, Арокоа, которыя знали до сихъ-поръ по однимъ названіямъ, назначены на картѣ гг. Галиньё и Феррэ на всемъ своемъ протяженіи, начиная отъ истока до самого устья.

Такаце, одинъ изъ Ниловъ абиссинскихъ, если такъ можно выразить, также былъ не послѣднимъ предметомъ изслѣдованій нашихъ путешественниковъ. Они опредѣлили полное его теченіе, основываясь и на собственныхъ наблюденіяхъ и на словесныхъ показаніяхъ, также начиная отъ самаго истока до точки его слиянія съ Ниломъ собственно въ Сеннаарѣ.

Въ числѣ интересныхъ также результатовъ ученой экспедиціи гг. Галиньё и Феррэ, надобно помѣстить и барометрическое опредѣленіе различныхъ возвышенностей.

Слѣдующая таблица заключаетъ въ себѣ эти барометрическія данныя:

Адуа (столица Тигрэ) 1,900 метровъ (2,660 аршинъ) надъ уровнемъ моря. Интечау (деревня въ округѣ того же имени) 2,150 метр. (3,010 арш.). Аксумъ (городъ) 2,170 метр. (3,038 арш.). Дикса (первая деревня въ Эѳіопіи, по дорогѣ отъ Краснаго-Моря) 2,200 метр. (3,080 арш.). Адд'Игратъ (столица Агамэ) 2,470 метр. (3,458 арш.). Ауби (соляной рынокъ въ Агамэ) 2,700 метр. (3,780 аршинъ).

Дѣтжемъ, самая высочайшая гора въ провинціи Семень; она лежитъ подъ 13° сѣверной широты. Галиньё и Феррэ всходили на самую ея вершину и опредѣлили ея высоту посредствомъ барометра, которая, какъ нашли они, равняется 4,620 метрамъ (6,468 арш.). Дѣтжемъ, слѣдственно, 200 метровъ (280 аршинъ) ниже Мон-Блана, почти равенъ Мон-Розѣ и 250 метрами (350 аршинъ) выше Финстерарорна.

Путешественники, посѣщавшіе Абиссинію прежде Галиньё и Феррэ,

очень-грубо ошибались касательно высоты горъ Семена, абиссинской провинціи, гдѣ сосредоточены главныя возвышенности. Іезуитскіе миссіонеры утверждали, что Альпы — ничтожныя насыпи въ сравненіи съ горами абиссинскими; съ своей стороны, другіе новѣйшіе путешественники говорили, что Дѣтжемъ ниже Паренеевъ. Точныя измѣренія опровергли оба эти ошибочныя положенія; они же назначили настоящую высоту вѣчныхъ снѣговъ въ африканскихъ хребтахъ; въ самомъ-дѣлѣ, изъ наблюденія гг. Галиньё и Феррэ прямо слѣдуетъ, что на семенскихъ возвышенностяхъ постоянно находятся снѣга то на южномъ, то на сѣверномъ склонѣ, смотря по времени года. Такимъ образомъ, вершина горъ здѣсь достигаетъ границы вѣчной стужи.

Галиньё и Феррэ обогатили также и метеорологію рядомъ барометрическихъ и термометрическихъ наблюденій, которыя производили они въ Адуа, Аксумѣ и Интечау, начиная отъ 2 декабря 1840 года до 9 августа 1841 года, они же измѣрили и количество дождя, выпадающаго въ Тигрэ въ продолженіи 1841 года, на высотѣ 2150 метровъ (3010 аршинъ). Начиная отъ апрѣля до сентября, здѣсь выпало воды только 78 центиметровъ; вотъ почему, въ это время, глубина Такаце не болѣе одного метра (аршинъ и шесть вершковъ); тогда, какъ въ эпоху періодическихъ дождей, эпоху сильныхъ грозъ, высота воды въ ней бываетъ на пять и на шесть метровъ (восемь аршинъ и девять вершковъ) выше обыкновеннаго уровня.

Особенно интересны показанія Галиньё и Феррэ на счетъ періодическихъ дождей; они свидѣлствуютъ, что это явленіе находится въ связи съ дневнымъ измѣненіемъ температуры. Такимъ образомъ, въ іюні, когда дожди только начинаются, каждое утро показывается солнце, къ полудню небо покрывается тучами, дуетъ восточный или юго-восточный вѣтеръ; въ два часа, гроза, вѣтеръ усиливается и

дождь льетъ ливнемъ; передъ захожденіемъ солнца небо проясняется, и ночью обыкновенно погода чудесная. Въ августѣ мѣсяцѣ, эта правильность нарушается: дожди идутъ цѣлый день безпрерывно и прекращаются только въ концѣ сентября.

Ширина мѣста, горы, почва болѣе или менѣе песчаная также имѣютъ влияние на это замѣчательное климатологическое явленіе.

Такимъ образомъ, когда въ Абиссиніи льютъ періодическіе дожди, въ Даякалн, которая отдѣлена отъ нея только одною цѣлью горъ, солнце стоитъ совершенно-вертикально, и жаръ адсь отъ этого рѣшительно невыносимъ; только къ концу сентября, когда въ Абиссиніи почва достаточно увлажнена и освѣжена, на горизонтѣ, надъ этой проклятой страной, показываются мелкія облачка и наполняютъ водою цистерны, прорытыя между скаль, которыя въ это время засухи представляютъ единственный запасъ воды для кочующихъ племенъ. Въ королевствѣ Адель, наконецъ, вѣтъ настоящихъ періодическихъ дождей.

Геологическую часть обширнаго труда гг. Галиньѣ и Феррѣ, гдѣ соединены всѣ результаты ученой ихъ экспедиціи, составляетъ собственно геологическая карта Тигрѣ, девять вертикальныхъ разрѣзовъ почвы и цѣлый отдѣльный мемюаръ, подъ названіемъ «Геологическое описаніе Тигрѣ и Семена».

Чтобъ составить это описаніе важнѣйшей части Абиссиніи, начертить карту и разрѣзы, гг. Галиньѣ и Феррѣ должны были на мѣстѣ собрать множество образчиковъ различныхъ геологическихъ породъ.

Геологическій составъ Абиссиніи весьма-разнообразенъ. Тигрѣ и Семенѣ представляютъ породы, которыя принадлежатъ къ самымъ различнымъ членамъ геологической системы. Такимъ образомъ, гг. Галиньѣ и Феррѣ нашли въ Землѣ-Шогосовѣ, въ Тигрѣ, породы перводавленные, граниты, гнейсы, протозимы, слюдястые и тальковые сла-

цы; филиты, сѣрыя вакки, песчаники, известняки представляютъ здѣсь формацию переходную. На границѣ Тигрѣ и Земли-Галгаловъ, гг. Галиньѣ и Феррѣ встрѣтили породы вторичныя, которыя должны быть отнесены къ почвѣ юрайской. Наконецъ, формации третичная и новѣйшая на берегахъ Краснаго-Моря, въ Тигрѣ, Семенѣ и Ширѣ представляютъ различныя осадочныя пласты и огромныя глыбы трахитовыхъ и базальтовыхъ породъ.

Для зоологіи, гг. Галиньѣ и Феррѣ новаго ничего не могли открыть послѣ такихъ отличныхъ натуралистовъ, каковы Рюппель, на-примѣръ, посѣщавшихъ прежде ихъ Абиссинію.

Ботаническая ихъ коллекція состоитъ изъ 250 видовъ, между которыми 60 совершенно-новыхъ.

Вотъ списокъ растений съ названіями туземными, изъ которыхъ жители Тигрѣ и Семена извлекаютъ для себя особенную пользу и которыя, какъ кажется, до-сихъ-поръ у насъ въ Европѣ были неизвѣстны.

1) *Гото*, новый видъ смоковницы. Галиньѣ и Феррѣ называютъ его хлѣбною смоковницею; потому-что кора его, будучи обращена въ порошокъ, даетъ муку, изъ которой можно дѣлать хлѣбы.

2) *Новый видъ кофейнаго дерева*; плоды его очень-хороши и дорого цѣнятся даже Арабами. Кофе этотъ въ Абиссиніи составляетъ предметъ важной торговли. Туземцы продаютъ его въ различныхъ гаваняхъ западнаго берега Краснаго-Моря, откуда онъ перевозится въ Аравію, гдѣ уже перепродается подъ именемъ моккского кофе.

3) *Эндо*, мыльное дерево высотой 1,3 и 1,6 метра (1 арш. и 7 вершк.; 1 арш. и 14 вер.). Плоды эндо, высушенные на солнцѣ и обращенные въ порошокъ, образуютъ съ водою тѣсто, которое употребляется для мытья бѣлья. Тѣсто это пѣнится, какъ европейское мыло; оно очень-хорошо очищаетъ матерію и не выдѣляетъ красящихъ веществъ.

4) *Кустарникъ*, изъ вѣтвей котораго готовится вмѣстѣ съ сотами и водою отличный питейный медъ.

5) *Бельбета*; отваръ ея съмѣнь составляетъ отличное лекарство противъ глиста-солитера, которымъ страдаютъ всѣ Абиссинцы безъ исключенія отъ мала до велика.

6) *Томбуу*; кора его также употребляется противъ той же самой болѣзни.

7) *Утуль*; растворъ его плодовъ въ коровьей уринѣ Абиссинцы употребляютъ для очищенія бычьихъ кожъ отъ волосъ.

8) *Карось*. 9) *Амба-Амбо*. Кора и листья обонхъ этихъ растений вмѣстѣ даютъ отличную красную краску, употребляемую для окрашивания кожъ.

10) *Чаадъ*; листья его замѣняютъ совершенно чай, и еще дѣйствуютъ на организмъ съ большою энергiею.

11) *Новый видъ индию*.

12) Множество огромнѣйшихъ деревьевъ, неизвѣстныхъ въ Европѣ, замѣчательныхъ по толстотѣ ствола и твердости древесины. Азъ, напримѣръ, такъ вѣрнко, что можетъ быть обработываемо только инструментами отлично-закаленными. Изъ него лучше всего дѣлать зубцы для зубчатыхъ колесъ.

ОБЩАЯ ФИЗИОНОМІЯ АЛТАЯ. — Вотъ еще новая дань наукъ русскаго ученаго Чихачева, роднаго брата извѣстнаго нашего неустрашимаго путешественника Плат. Алекс. Чихачева, который совершилъ поѣздку по американскимъ пампамъ и взбирался на пикъ Маладетту. Г. Чихачевъ недавно представилъ Парижской Академіи Наукъ огромное ученое сочиненіе объ алтайскомъ хребтѣ. Сочиненіе это еще не получено у насъ въ Петербургѣ, и мы должны пока довольствоваться докладомъ Эли де-Бомона и Дюфренуа, которымъ поручено было рассмотретьъ ученый трудъ г. Чихачева.

Алтай—названіе очень-неопредѣленное въ топографическомъ отношеніи и совершенно-несогласное съ поя-

тіями туземцевъ. Географы Алтаемъ зовутъ обширную гористую страну, лежащую между 79° и 86 20' восточной долготы (считая по парижскому меридіану) и между 49° и 52° 30' сѣверной широты; длина ея такимъ образомъ слишкомъ 800 километровъ (752 версты), а ширина почти 350 километровъ (329 версты); страна эта вся изрыта горами; огромнѣйшія рѣки, которыя по всей справедливости должны занять первыя мѣста въ гидрографической системѣ извѣстнаго свѣта, пересѣкаютъ ее въ различныхъ направленіяхъ. Между ними главная, т. е. наибольшая, Обь; она своими развѣтвленіями какъ сѣтью покрываетъ весь Алтай. Всѣ эти рѣки представляютъ одну замѣчательную особенность, которую пока трудно объяснить по причинѣ недостаточности наблюденій: —правый берегъ ихъ постоянно, сравнительно гораздо-выше лѣваго. Явленіе это, по-видимому, также повторяется и въ Сѣверной Сибири, какъ показываютъ наблюденія адмирала Врангеля надъ берегами рѣки Ануи и даже, въ Европейской-Россіи, гдѣ ту же разницу представляютъ берега Волги, что очевидно замѣтитъ у Нижняго-Новгорода, Казани, Симбирска, Саратова и проч.

Главные направленія водъ, пересѣкающихъ Алтай, его горныхъ цѣпей и пластовъ, ихъ составляющихъ, вообще говоря, одинаковы. Всѣ рѣки, потоки, всѣ цѣпи, всѣ пласты текутъ, идутъ, таятся или отъ сѣверо-востока къ юго-западу, или отъ юго-востока къ сѣверо-западу. Исключенія изъ этого закона представляетъ главная рѣка Алтая, Обь, съ своими притоками: она течетъ отъ юго-юго-востока къ сѣверо-сѣверо-западу; это странное явленіе можно объяснить, допустивъ, что первоначально вся масса воды, составляющая теперешнія рѣки, была заключена въ замкнутыхъ полостяхъ, въ щеляхъ, образовавшихся при поднятіи горныхъ цѣпей; въ-послѣдствіи, воды прорвали естественныя каменныя перемычки и потекли большою

массою по направленію наиболѣе-отлогато склона. Весь же Алтай вообще значительно склоняется отъ юго-юго-востока къ сѣверо-сѣверо-западу. Поэтому, также и болѣею частью равнины въ Алтаѣ *прорытныя, а не вымытыя*, то-есть, онѣ образовались изъ полоостей, щелей, первоначальныхъ водоемовъ, а не вымыты рѣками.

Разсматривая внимательно расположеніе цѣпей горныхъ, составляющихъ Алтай, легко замѣтить здѣсь два совершенно-различныя типа, по которымъ можно разбить его на двѣ части естественно-разграниченныя.

Одна, которую г. Чихачевъ называетъ западнымъ Алтаемъ, заключаетъ въ себѣ всю страну, лежащую между 79° и 84° восточной долготы; господствующее направленіе здѣсь горныхъ цѣпей отъ сѣверо-запада къ юго-востоку.

Другая часть—Алтай восточный, лежитъ между 84° и 88° долготы; направленіе его горныхъ цѣпей болѣе и болѣе уклоняется отъ господствующаго въ западномъ Алтаѣ. Ближе къ большой чуйской плоской возвышенности, которая раздѣляетъ системы алтайскую и саянскую, горныя цѣпи постепенно склоняются къ востоку, и въ заключеніе идутъ совершенно-параллельно меридіанамъ въ направленіи отъ сѣверо-востока къ юго-западу. Тамъ, гдѣ соприкасаются оба эти орографическія типа, горныя цѣпи представляютъ полукруглыя, извилистыя очертанія. Съ перваго взгляда, на хорошей вѣрной картѣ можно открыть это странное расположеніе, которое повторяется по нѣскольку разъ и на огромныхъ размахъ; мѣстами даже перегибаются цѣлые хребты, то въ видѣ полушарія, то продолговатымъ, почти-сжатымъ оваломъ наподобіе закраины гигантскаго кратера:

Всѣ эти массы по наружному очертанію такимъ образомъ явно доказываютъ свое огненное происхожденіе; а между-тѣмъ, онѣ состоятъ изъ однихъ осадочныхъ пластовъ, болѣе или менѣе измѣненныхъ.

Круглыя очертанія и расположеніе террасами въ видѣ гѣстицы составляютъ, смѣло можно сказать, отличительный характеръ Алтая. Явленія эти очевидно доказываютъ дѣйствіе вулканическаго или плутоническаго агента, который только не совершенно обваружился, потому-что породы огненнаго происхожденія, измѣнившія и поднявшія осадочную кору, рѣдко падаются въ Алтаѣ.

Двойной типъ, который представляетъ Алтай въ орографическомъ отношеніи, повторяется также и въ напластованіи — расположеніи осадочныхъ породъ. Въ-самомъ-дѣлѣ, въ Алтаѣ западномъ господствующее направленіе пластовъ отъ сѣверо-запада къ юго-востоку; въ восточномъ же замѣчается направленіе совершенно-противоположное; мѣстами, оба они сходятся между собою. Вогъ почему системы саянская и собственно-алтайская вездѣ почти сливаются, и въ восточномъ Алтаѣ, гдѣ оба господствующія направленія пластовъ чаще перекрещиваются, находятся высочайшія горы. Катунскіе Столбы или Бѣлуха, самая возвышенная точка въ Алтаѣ, лежитъ именнотамъ, гдѣ встрѣчаются оба направленія; то же самое положеніе занимаетъ и озеро Телецкое и напоминаетъ такимъ-образомъ озеро Титикака въ Америкѣ, которое находится при встрѣчѣ двухъ направленій цѣпи Андъ.

Къ которому изъ тринадцати подѣловъ, принимаемыхъ Эли-де-Бомономъ, надобно отнести Алтай? Сравнивая господствующія направленія Алтая и горныхъ системъ Южной-Европы, съ которыми, по-крайней-мѣрѣ по топографическому положенію, онъ имѣетъ наиболѣе общаго, легко убѣдиться, что въ напластованіи онъ нѣсколько не похожъ ни на одну изъ нихъ; слѣдственно, для Алтая надобно допустить еще новый подѣлъ, что вѣроятно подтвердятъ болѣе-точные положительныя и изслѣдованія.

Алтай, какъ полагаютъ г. Чихачевъ, поднялся въ одну эпоху съ Уральскимъ-

Хребтомъ. Вотъ наблюденія, подтверждающія эту гипотезу.

А) Уральскій-Хребетъ и Алтай западный представляютъ одинаковое направление отъ сѣверо-запада къ юго-востоку; особенно эта аналогія замѣтна на западной полосѣ западнаго Алтая, ближе къ Уральскому-Хребту. Въ самомъ-дѣлѣ, передовыя цѣпи Алтая, Колыванская, Башалацкая, Черчулихская совершенно слѣдуютъ нормальному направленію Уральского-Хребта.

В) Породы, лежащія по объемамъ сторонамъ обширнаго послѣпотопнаго бассейна, раздѣляющаго Алтай и Уралъ, тоже представляютъ необыкновенную аналогію.

Послѣдніе члены обширной палеонической системы и собственно-такъ называемые трахиты, базальты, обсидіанъ, лава нигдѣ не встрѣчаются въ Алтайѣ. Это замѣчательный характеръ, который рѣзко разграничиваетъ Восточную и Западную Сибирь. Въ-самомъ-дѣлѣ, на востокъ отъ рѣки Енисея, вы встрѣтите и базальты, фомолиты, трахиты, обсидіаны, перлиты, застывшую лаву; рядомъ съ этими свидѣтелями новѣйшихъ изверженій лежатъ пласты вторичныя, совершенно-чуждыя Алтаю. На полуостровѣ Камчаткѣ, гдѣ наиболѣе встрѣчаются остатки современнаго почти-вулканическаго дѣйствія, находятся, по замѣчанію Ермана, самыя новѣйшія вулканическія осадочныя породы. Изъ этого необходимо заключить, что Восточная Сибирь именно страны, омываемыя Леною, начиная отъ Якутска и до самаго устья этой рѣки, включая и полуострова Ледовитаго-Океана, образовались, поднялись позже Западной Сибири и именно позже Алтая.

По геологическимъ характеристамъ, Алтай имѣетъ много сходнаго съ древнѣйшими формациями Европы, Африки, Америки, но рѣзко отличается отъ нихъ въ палеонтологическомъ отношеніи.

Такимъ-образомъ:

а) Наутилиты, говіатиты, посидонія — остатки, характеризующіе угли-

стый известнякъ Англии и рейнскихъ провинцій, совершенно, повидимому, не находятся въ Алтайѣ въ той же самой породѣ.

б) Точно также г. Чихачевъ въ Алтайѣ не открылъ стригоцефаловъ, мурчисоній и гипсидій, отличающихъ девонскую формацию Германіи и Англии; рыбы остатки, характеризующіе ту же формацию гораздо-рѣже встрѣчаются въ Алтайѣ.

Вообще, въ палеонтологическомъ отношеніи, надобно замѣтить, что море первобытное, отложившее древнѣйшія породы Алтая, по фаунѣ своей отличалось отъ морей современныхъ, точно также, какъ въ наше время различаются моря сѣверныя и тропическія.

Вотъ его палеонтологическія особенности:

а) Отрядовъ, родовъ и видовъ мало.

б) Недѣлимыхъ, сравнительно, много.

с) Формы этихъ недѣлимыхъ также просты и миньютурны сравнительно съ ихъ сородичами (congénérés), находящимися въ теплыхъ странахъ.

Совершенно - подобныя характеры представляетъ и ископаемая алтайская флора.

Многочисленные при ископаемыхъ деревь и отпечатки растеній, которые собралъ г. Чихачевъ въ обширномъ кузнецкомъ каменно-угольномъ бассейнѣ, представляютъ необыкновенную бѣдность въ родовыхъ и видовыхъ типахъ сравнительно съ ископаемою флорою одноименныхъ пластовъ Европы и Америки. Кромѣ-того, большая часть остатковъ этихъ принадлежитъ хвойнымъ растеніямъ. Это обстоятельство сближаетъ въ Алтайѣ флору ископаемую и современную; формы тропическія здѣсь рѣдкость. Въ-самомъ-дѣлѣ, въ каменно-угольныхъ пластахъ Европы и Америки встрѣчаются безпреставно остатки растеній гигантскихъ, каковы лепидодендронъ, сигилларія, которыя, даже и подъ экваторомъ, не имѣютъ теперь своихъ представителей; въ Алтайѣ тѣ же породы заключаютъ въ себѣ остатки сосенъ.

Такимъ-образомъ, Алтай и въ ор-графическомъ и въ палеонтологическомъ отношеніяхъ, представляетъ созданіе совершенно-особенное, которое нельзя подвести ни подъ одну изъ системъ геогеническихъ Европы и новаго свѣта. Этотъ колоссъ Западной Сибири не имѣетъ ничего общаго съ возвышенностями Европейской-Россіи. Поэтому исторія его образованія должна занять новую отдѣльную страницу въ геологическихъ лѣтописяхъ нашей планеты.

НОВЫЯ ПРОСТЫЯ ТѢЛА. — Въ послѣдней книжкѣ нашего журнала, мы извѣщали читателей о новомъ открытіи базельскаго физико-химика Шенбейна — о разложеніи азота на озонъ и водородъ. Вотъ еще три ученые новости въ томъ же родѣ; за справедливость ихъ ручаются великія имена Берцеліуса и Розе, которые нынче стоятъ во главѣ минералого-химиковъ. Каждое ученое открытіе, намъ кажется, возбуждаетъ прежде всего вопросъ: какая польза отъ него для жизни практической, или для науки; отвѣтъ — приговоръ, лучше всего оцѣнивающій важность этого открытія. Озонъ — новое простое тѣло, для жизни практической не приноситъ пока никакой пользы, но открытіе его важно въ ученое отношеніи. Озономъ по-крайней-мѣрѣ замѣнили азотъ, который въ свою очередь до-сихъ-порѣ считался элементомъ. *Новыя простыя тѣла* Розе рѣшительно ставятъ насъ въ тупикъ: ни для жизни, ни для науки пока пользы отъ нихъ вѣтъ ни какой; они только увеличиваютъ списокъ элементовъ извѣстныхъ, потому-что ихъ добыли изъ минераловъ сложныхъ, а не изъ этихъ элементовъ — и, право, страшно выговорить хулу противъ такого великаго имени, какъ Розе, а, кажется, его открытію суждено исчезнуть изъ науки, погибнуть въ Ледѣ вмѣстѣ съ покойными лантаномъ и дидамиемъ, тоже элементами вѣмецкой фабрикаціи. Какъ бы то ни было, обязанность на-

ша уведомить читающую публику объ этихъ ученыхъ новостяхъ.

Первое простое тѣло —

НЮБИЙ, новый металлъ, открытый Розе въ минералѣ танталитѣ и такъ названный въ честь Шюбен, дочери Тантага.

Вотъ, что пишетъ г. Розе о своемъ открытіи въ партикулярномъ письмѣ къ г. Дюма, которое было представлено въ прошедшемъ мѣсяцѣ Парижской Академіи Наукъ:

• Танталиты изъ разныхъ мѣсторожденій между собою различаются отно- сительнымъ вѣсомъ, хотя имѣютъ одинаковый составъ и ту же кристаллическую форму. Основываясь на этомъ, я принимаю, что чистая совершенно- танталовая кислота добывается только изъ однихъ финляндскихъ танталитовъ; она не содержитъ въ себѣ никакихъ примѣсей и представляетъ всѣ свойства, описанныя Берцеліусомъ. Кислота же, получаемая изъ баварскихъ танталитовъ, заключаетъ въ себѣ собственно двѣ кислоты, изъ которыхъ одна имѣетъ всѣ свойства настоящей танталовой кислоты, а другая отличается отъ нея во многихъ существенныхъ признакахъ, и вотъ почему я признаю ее за окись новаго особеннаго металла нюбія.

• Кислоты танталовая и нюбіева — кислоты металлическія и по своимъ характеристамъ наиболее похожи на окись олова и кислоту титановую; эти четыре вещества имѣютъ, по-видимому, одинаковый атомическій составъ.

• Чистый нюбій — черный порошокъ; будучи накаленъ на открытомъ воздухѣ, онъ воспламеняется, горитъ и оставляетъ послѣ себя бѣлую нюбіевую кислоту. Кислота азотная и царская водка не дѣйствуютъ на него; но смѣсь кислотъ азотной и фтористоводородной разъѣдаетъ его. Тѣ же почти свойства имѣетъ и танталъ. Если допустить, что кислоты танталовая и нюбіева одинаковаго атомическаго состава, нюбій вѣсомъ все-таки болѣе

• тантала; вотъ почену и объ разности
• танталитовъ различной тягости. •

Другое тѣло **ЩЕЛОЧІЙ** — также металлъ; Розе нашелъ его въ баварскомъ же танталитѣ, но пока объ немъ самъ открыватель не объявляетъ ничего, кромѣ одного его названія.

Третье тѣло **РУТЕНІЙ**; существованію его, кажется, болѣе всего можно вѣрить; этотъ металлъ открытъ у насъ въ Россіи профессоромъ Казанскаго Университета Клаусомъ, который добылъ его изъ остатковъ, получаемыхъ при обработкѣ платиновыхъ рудъ.

Два года постоянно работалъ г. Клаусъ надъ платиновыми рудами, на которыя не худо обратить вниманіе вообще нашимъ русскимъ химикамъ, какъ на продуктъ по-преимуществу русскій, — и въ прошедшемъ мѣсяцѣ представилъ онъ Императорской Академіи Наукъ результаты своихъ изслѣдованій.

Рутеній — сѣровато-черный порошокъ; онъ принадлежитъ къ интересной группѣ платиновыхъ металловъ; хлористыя его соединенія и иридія представляютъ поразительное сходство. Самъ Берцелиусъ, которому г. Клаусъ послалъ для испытанія хлористую соль рутенія, ошибся въ началѣ и принялъ ее за соль иридія, но въ послѣдствіи времени онъ замѣтилъ г. Клаусу, что это тѣло содержитъ въ себѣ новый неизвѣстный металлъ.

Г. Клаусъ, какъ видно изъ письма его къ г. Гессу, напечатанномъ въ «*Vierteljahrsschrift für Naturgeschichte*», изучалъ преимущественно соли рутенія; собственно о чистомъ металлѣ онъ не объявляетъ ничего, кромѣ способа его добыванія.

Высшее хлористое соединеніе рутенія оранжеваго цвѣта; амміакъ осаждаетъ изъ его водянаго раствора черную окись. Это замѣчательное явленіе, которое отличаетъ рутеній отъ сродныхъ ему платиновыхъ металловъ; сѣрнисто-водородный газъ также осаждаетъ изъ водянаго раствора хлористой соли черный сѣрнистый металлъ. Наконецъ, чистый динкъ осаждаетъ изъ

раствора хлористой же соли также черный порошокъ—это рутеній въ чистомъ видѣ.

Рутеній имѣетъ необыкновенное сходство съ щелочами; такимъ образомъ, если сплавить его съ ѣдкимъ кали и смѣшать съ водою, получится оранжевая жидкость, которая есть рутеневое кислое кали. По-этому, этотъ металлъ нельзя возстановлять изъ его хлористыхъ соединеній посредствомъ щелочей, обыкновеннымъ путемъ, какъ другіе сродные ему платиновые металлы.

Рутеній, мы сказали, находится въ платиновыхъ рудахъ; хлористое соединеніе, изъ котораго г. Клаусъ получаетъ его въ чистомъ видѣ, добывается изъ веществъ, остающихся при обработкѣ этихъ рудъ, и вотъ какимъ образомъ.

Остатки эти сплавляются въ глиняномъ тяглѣ съ селитрою; сплавъ этотъ превращается въ порошокъ и обливается дистиллированной водою, которая извлекаетъ, растворяетъ рутеневое кислое, хромо-кислое, кремне-кислое кали; изъ этого раствора осаждается азотною кислотою окись рутенія вмѣстѣ съ кали и кремневою кислотою; осадокъ этотъ обрабатываютъ хлористо-водородною кислотою, которая растворяетъ окись рутенія и превращаетъ его въ хлористое соединеніе.

МЕЛАНОВЪ.—Это не металлъ, не минеральное вещество,—это новое органическое начало, существованіе котораго, впрочемъ, давно уже подозрѣвали, но которое до-сихъ-поръ не было получено въ чистомъ видѣ и слѣдственно, не описано точно.

Въ извѣстномъ возрастѣ, у стариковъ преимущественно, отлагается въ легкихъ черная углистая масса; это и есть меланозъ. Меланозъ очень-легко открыть въ легкихъ посредствомъ различныхъ реактивовъ, если только отдѣлать тщательно органическія ткани; но трудно получить его въ чистомъ видѣ и подтвердить анализомъ эти показанія химическихъ реакцій.

Мельсенъ, въ прошедшемъ мѣсяцѣ представившій Парижской Академіи Наукъ свои изслѣдованія надъ меланозомъ, предлагаетъ нѣсколько способовъ добывать въ чистомъ видѣ это замѣчательное вещество; мы не будемъ здѣсь ихъ разсматривать: чтобъ понять ихъ, надобно хорошо знать химию; перейдемъ лучше къ свойствамъ его и къ значенію въ жизни органической.

Меланозъ, полученный Мельсеномъ — черный, мелкій порошокъ, который, будучи высушенъ въ безвоздушномъ пространствѣ, при температурѣ 120°, горитъ на платиновомъ листѣ, только безъ пламени, какъ уголь; пепель, остающійся отъ этого горѣнія, состоитъ изъ кремнезема. Количество основныхъ органическихъ элементовъ углерода, водорода и азота очень непостоянно въ меланозѣ, какъ свидѣлствуютъ анализы Мельсена. Углерода въ немъ находится отъ 70 до 89 процентовъ; точно также измѣняются и пропорціи водорода и азота.

Мельсенъ такъ же видѣлъ меланозъ въ легкихъ одного субъекта въ видѣ черного, плотнаго, слонстаго вещества, съ блестящимъ металлическимъ изломомъ. Этотъ меланозъ очень твердъ, неплавокъ, горитъ на платиновомъ листѣ безъ пламени, не отдѣляетъ никакого запаха, если нагрѣвать его. Углерода въ немъ, какъ анализы Мельсена показали, находится 96,61 процентовъ, водорода 0,83, азота 2,56.

Въ то же заведеніе, Дюма представилъ Парижской Академіи Наукъ изслѣдованія надъ меланозомъ Наталиса Гилью. Гилью имѣлъ цѣлью объяснить значеніе и происхожденіе этого вещества, и еслибъ его трудъ опирался болѣе на точныхъ химическихъ опытахъ и наблюденіяхъ, онъ былъ бы важнымъ дополненіемъ къ изслѣдованіямъ Мельсена. Къ несчастію, это рядъ гипотезъ, неоснованныхъ, не подкрѣпленныхъ положительными фактами. Какъ бы то ни было, мы представимъ здѣсь читателямъ результаты, по крайней мѣрѣ, гипотетическихъ со-

ображеній Гилью, которыя открываютъ намъ новыя явленія въ процессѣ ДЫХАНІЯ ВЪ СТАРЧЕСКОМЪ ВОЗРАСТѢ.

1) Въ человѣческомъ организмѣ, въ дыхательныхъ органахъ, постоянно отлагается, въ старости особенно, мелкое углистое вещество.

2) Гдѣ только меланоза достаточно, тамъ артеріи, вены, легочная ткань перетерты, и мѣстами замѣтно даже превращеніе ихъ въ меланозъ; воздухъ, во время дыханія, не проникаетъ въ эти мѣста; кровообращеніе также здѣсь приостанавливается.

3) Излишнее скопленіе меланоза причиняетъ смерть у стариковъ, потому-что дѣлаетъ легкія недѣтельными.

4) Но, съ другой стороны, этотъ меланозъ дѣйствуетъ спасительно на организмъ тѣмъ, что останавливаетъ развитіе наростовъ въ легкіяхъ, которыхъ, какъ дознаю теперь, есть естественная причина частотки; именно эти наросты перестаютъ расти и превращаются въ массу неорганическую минеральную.

СОСТАВЪ КРОВИ У ЗДОРОВЫХЪ И БОЛЬНЫХЪ ОРГАНИЗМОВЪ. Изслѣдованія Родѣ и Бекерелл.— Въ здоровомъ состояніи организма химической составъ его крови зависитъ отъ пола, возраста, тѣлосложенія и пищи. Болѣе всего половое отношеніе имѣетъ здѣсь вліяніе. Въ-самомъ-дѣлѣ, вотъ какое ужасное различіе представляетъ количественное содержаніе элементовъ въ крови мужчинъ и женщинъ:

	Мужчина.	Женщина.
Вода	779	791
Шарики кровавые	141,1	127,2
Бѣлковина	69,4	70,5
Фибрина	2,2	2,2
Вытяжныя вещества и соли свободныя	6,8	7,4
Жирныя вещества	1,600	1,620
Серолинь	0,020	0,020
Жирныя фосфористыя вещества . .	0,488	0,464
Холестеринъ	0,088	0,090

Жирыя, обмыли- вающіяся веще- ства — животное мыло	1,004	1,046
Хлористый натрій	3,1	3,9
Соли минеральныя растворимыя	2,5	2,9
Соли фосфорно-ки- слыя раствори- мыя	0,33½	0,354
Желѣзо	0,565	0,541

Вліяніе половое—главное; оно вторится и во всѣхъ болѣзняхъ; такъ, чтобъ дойти до точныхъ положительныхъ заключеній, необходимо сравнивать составы крови организмовъ обоего пола, и больныхъ и здоровыхъ.

Вліяніе возраста, тѣлосложенія, пищи простирается только на шарики, такъ-что у людей старыхъ, слабого сложенія и потребляющихъ пищу нездоровую, шариковъ кровавыхъ находится, сравнительно, менѣе.

Наблюденія патологическія надъ кровью были главнымъ предметомъ изысканій Бекереля и Родье, и слѣдующіе законы—главные результаты опытныхъ изслѣдованій этихъ ученыхъ. Нечего много распространяться о важности этихъ законовъ. Одно перечисленіе ихъ лучше всего докажетъ, какое драгоценное они составляютъ пріобрѣтеніе для медицины.

Законъ первый. Каждая болѣзнь влѣиваетъ значительнымъ образомъ составъ крови: количество шариковъ и бѣлковины уменьшается; на-противъ, увеличиваются, хотя и не въ большомъ содержаніи, фосфористыя жирныя вещества, холестеринъ и фосфорно-кислыя соли. Чѣмъ старѣе, чѣмъ труднѣе болѣзнь, тѣмъ характеры эти яснѣе обозначены.

Законъ второй. Кровопусканія также имѣютъ замѣчательное вліяніе на составъ крови; они также значительно уменьшаютъ количество шариковъ и бѣлковины; вліяніе это замѣчательнѣе гораздо, когда кровопусканія часты.

Законъ третій. У полнокровныхъ прибываетъ собственно вся масса крови; но составъ ея не измѣняется.

Законъ четвертый. Въ воспаленіяхъ увеличивается содержаніе фибрины и холестерина, и уменьшается количество бѣлковины.

Законъ пятый. Содержаніе фибрины уменьшается а) въ тифусѣ, перемежающихся лихорадкахъ и отравленіяхъ, б) отъ дурной пищи

Законъ шестой. Когда въ животномъ организмѣ останавливается отдѣленіе различныхъ продуктовъ, образующихся изъ крови, каковы, желчь, моча и проч., элементы химическіе, входящіе въ ихъ составъ, необходимо прибываютъ,—такъ замѣтно увеличивается содержаніе холестерина, жирныхъ кислотъ и окрашивающаго вещества, когда прекращается отдѣленіе желчи.

Законъ седьмой. Бѣлковина уменьшается въ брайтовой немочи (*maladie de Bright*), въ извѣстныхъ болѣзняхъ сердца, сопровождаемыхъ водяною и въ сильныхъ родильныхъ горячкахъ.

КОЛИЧЕСТВО КРОВИ У МЛЕКОПИТАЮЩИХЪ. — Сколько крови у взрослого человѣка? Вотъ вопросъ, который безпрестанно слышатъ врачи и физиологи, и на который до-сихъ-поръ ни одинъ изъ нихъ не можетъ отвѣчать удовлетворительно. По многимъ причинамъ, мы и надѣяться даже не можемъ, чтобъ этотъ вопросъ со всею строгостью былъ когда-нибудь разрѣшенъ. Какъ бы то ни было, наблюденія Уаннера надъ другими млекопитающими животными даютъ, по крайней-мѣрѣ, приблизительное ему рѣшеніе.

За границую, на бойняхъ, у рогатого скота выпускаютъ тщательно всю кровь, чтобъ получить, по-возможности, безкровную говядину. Възвѣсивъ скотину живую и битую, Уаннеръ получилъ, въ видѣ разности, слѣдующія числовыя данныя, которыя приблизительно опредѣлили ему вѣсъ и количество всей массы крови.

Такимъ образомъ, онъ нашелъ:

Быкъ, вѣсомъ 750 фунтовъ, отдѣлилъ 31,50 фунта крови, что составляетъ

пропорцію этой жидкой массы къ цѣлому животному — 1: 23,81 или 4: 100.

Быкъ вѣсомъ 700 фунтовъ отдалъ крови 29,50 фунта; пропорція почти та же, какъ и въ предыдущемъ случаѣ — 1: 23,73.

Корова, вѣсомъ 588 фунтовъ, отдала крови 27 фунтовъ; пропорція 1: 21,77, почти 5 на 100.

Баранъ, вѣсомъ 50 фунтовъ, далъ крови 2,50 фунта; пропорція 1: 22,72 — средняя между предыдущими.

Другой баранъ, вѣсомъ 48 фунтовъ, отдалъ крови 2 фунта; пропорція 1: 20, равно 5 на 100.

Въ кроликѣ пропорція 1: 25.

Сходство между этими числовыми данными для различныхъ видовъ даетъ намъ право заключать, что и человѣческой организмъ тоже отъ нихъ немалымъ разнится; такимъ образомъ, можно полагать, что количество крови въ немъ составляетъ двадцать-пятую или двадцатую часть по вѣсу цѣлой массы.

Изъ этихъ соображеній прямо слѣдуетъ, что фунта крови достаточно для поддержанія двадцати и двадцати-пяти фунтовъ различныхъ животныхъ тканей, и каждый организмъ тѣмъ болѣе содержитъ въ себѣ крови, чѣмъ онъ тяжеле.

Вотъ еще практическія заключенія, слѣдующія прямо изъ наблюденій Уайнера:

Организмъ вѣсомъ 40 фунтовъ, въ двухъ фунтахъ крови выпущенной отдалъ почти половину всей своей питательной жидкости. У пятилѣтняго ребенка, вѣсомъ 30 фунтовъ, девять пиявокъ высасываютъ также половину всей крови, полагая, что каждая изъ нихъ высасываетъ по одному унцу.

Наконецъ, при рожденіи, у ребенка, который обыкновенно вѣситъ не болѣе 6 фунтовъ, крови только 5 унцъ. Вотъ почему осторожно надобно пускать кровь у нихъ черезъ пуповину въ случаѣ апоплексіи.

РАЗНЫЯ ИЗВѢСТІЯ.

— Французскій живописецъ Августъ Ламаръ сдѣлалъ весьма-важное открытіе, которое произведетъ общій переворотъ въ живописи масляными красками. Извѣстно, что въ живописи такого рода есть одно значительное неудобство, именно, что краски на картинѣ скоро вьнутъ, а масло быстро испаряется, и художникъ не можетъ свободно писать картину, когда краски вообще въ-продолженіе двѣнадцати часовъ совершенно засыхаютъ. Въ-слѣдствіе этого неудобства, живописецъ долженъ на свою картину накладывать нѣсколько слоевъ красокъ, и отъ-того происходитъ такой свѣтъ, котораго художникъ и не думалъ дѣлать. Такимъ образомъ, вообще, картины переиѣняютъ свой колоритъ, краски лупятся и трескаются. Всѣ эти неудобства можно было бы устранивать, еслибъ краски не сохли до совершеннаго окончанія картинъ. Это-то средство нашелъ Ламаръ, у котораго краски не сохнутъ по цѣлому году на полотнѣ, или могутъ засохнуть немедленно, по мѣрѣ надобности и поспѣшности въ работѣ. Означенное средство остается пока тайною изобрѣтателя, и онъ не иначе ее откроетъ публикѣ, какъ когда получитъ національное военнаго награжденіе за свой трудъ, по примѣру Дагерра.

— Въ Мехельнѣ (въ Бельгіи), одинъ гражданинъ, разсматривая старинный сундукъ своей прабабушки, нашелъ на внутренней сторонѣ крышки его прилепленную гравюру, представляющую святаго Христофора, носящаго на своихъ плечахъ младенца Иисуса. Эта гравюра напечатана была въ 1423 году, слѣдовательно, можетъ почитаться древнѣйшимъ памятникомъ гравировальнаго искусства въ Европѣ. Бельгійское правительство приобрѣло эту рѣдкость для Брюссельской бібліотеки за 500 франковъ.

— Прусскій король поручилъ знаменитому историческому живописцу Каульбаху написать шесть большихъ картинъ, представляющихъ важнѣйшія событія всемірной исторіи. Каульбахъ уже окончилъ картонъ для первой изъ этихъ картинъ: «Паденіе Вавилона».

— Луи-Филиппъ послалъ римскому папѣ два драгоценныя подарка: коверъ, выставленный на гобеленовой мануфактурѣ и представляющій мученика св. Стефана, прижимающаго къ груди пальмовую вѣтвь, и рафаэлю Мадонну, писанную на фарфоровой доскѣ—работы знаменитой художницы, г-жи Жакото.

— Въ Лондонѣ, на публичномъ аукціонѣ, недавно продали знаменитую картину Корреджіо «Юпитеръ и Антіона», писанную для герцога Пальмы. Это произведеніе находилось въ мадритскомъ королевскомъ дворцѣ и, во время нашествія Французовъ, разорвано было въ клочки наполеоновскими солдатами. Командиръ этой толпы мародеровъ собралъ лосятки корреджіевой картины и послалъ ихъ въ Парижъ. Тамъ ее снова ресторировали, наклеивъ на новый холстъ. Картина эта прежде стоила 2,000 фунт. стерлинговъ, а нынче продана на аукціонѣ за тридцать-пять гвней.

— Франсуа Жирдъ издалъ на-дняхъ книгу, которая, конечно, обратитъ на себя вниманіе всей читающей въ Парижѣ публики, а именно: *Парижскія Злоупотребленія*. Это живая и вѣрная картина одной стороны французскихъ нравовъ XIX столѣтія; въ ней рѣзкими чертами изображены разнообразныя злоупотребленія во всѣхъ кругахъ общества, по части политики, философіи, литературы, общественного управленія, промышленности, также правительственныхъ лицъ, адвокатовъ, врачей, театровъ, и даже злоупотребленія публичныхъ домовъ. Короче, эта любопытная книга представляетъ новыя дѣйствительныя парижскія тайны въ другомъ видѣ.

— Легкость и скорость, съ какою писалъ испанскій поэтъ Лопе-де-Вега свои драмы и комедіи, превосходитъ всякое вѣроятіе. Послѣ него остались въ печати 21,300,000 стиховъ и вѣскольکو сотъ рукописей. Искренній другъ его, Монталаванъ, увѣрялъ, что Лопе де-Вега отдалъ на испанскій театръ 1,800 театральныхъ пьесъ и 400 «аута», т. е. духовныхъ мистерій, которыя всѣ были играны на разныхъ сценахъ. Лопе-де-Вега самъ признавался, что онъ написалъ больше 1,000 комедій, изъ которыхъ сочиненіе каждой занимало его не однѣ сутки. Надобно при этомъ замѣтить, что каждая комедія заключала въ себѣ отъ 2,000 до 3,000 стиховъ разными размѣрами, а именно, сонетами, октавами, терцинами. Де-Вега умеръ 72-хъ лѣтъ; литературное его поврище продолжалось пятьдесятъ лѣтъ. Итакъ, каждую недѣлю онъ поставилъ на сцену новую драму.

— Изъ новѣйшихъ неаполитанскихъ писателей извѣстны наиболѣе своимъ отличнымъ талантомъ — трагическіе поэты: Цезарь-дела-Валле, Дука дивентиняно, который написалъ трагедію «Медея» и вѣскольکو отличныхъ комедій: «la Capitale e la Provincia», «Il Biglietto», «I due Secoli», «Dopo 27 Anni», и проч.; Франческо Руфо написалъ также вѣскольکو трагедій, которыя съ большимъ усиліемъ играютъ на всѣхъ театрахъ Королевства-Обѣихъ-Сицилій. Трагическій поэтъ Доменико-Симонъ Олива умеръ въ 1841 году; весьма замѣчательна трагедія его: «Sigismondo di Salerno». Сверхъ того, онъ оставилъ потомству двѣ эпическія поэмы: «Рожденіе Мессіи» и «Fasseortea». Большое его стихотвореніе «Коломбъ» не окончено. Онъ также перевелъ вѣскольکو трагедій Эврипида съ греческаго подлинника. Джузеппе Кампаня написалъ трагедіи: «Сергій Неаполитанскій», и «Роща Дафны»; но всѣхъ лучше знаменитая его пьеса: «Giuliano Apostata». Менѣе-значительны трагическіе поэты вто-

раго разряда: Мишелетти, де-Сивой, Франческони и другіе.

— Во время пожара Церкви-Пресвятыя-Богородицы въ Лациѣ, упала съ колокольни огромная каменная статуя ангела. При паденіи на мостовую, у ней отбита была голова. Когда, въ послѣдствіи какой-то скульпторъ началъ придѣлывать колоссальную голову къ туловищу статуи, то нашелъ въ ней ящикъ въ формѣ гроба, въ которомъ лежало нѣсколько человѣческихъ костей, завернутыхъ въ шелковую матерію. Лондонскіе археологи увѣряютъ, что означенная каменная статуя стояла нѣсколько столѣтій на вершинѣ колокольни; но кому пришла мысль устроить въ головѣ ея гробницу, это остается тайною.

— Французское правительство недавно обнародовало статистику своихъ галерныхъ невольниковъ въ Тулонѣ, Рошфорѣ и другихъ мѣстахъ. Изъ этихъ свѣдѣній видно, что на содержаніе 10,933 каторжниковъ отъ 1837 по 1844 годъ израсходовано 4,004,500 фран., слѣдовательно каждый человѣкъ стоилъ 82 сантима въ день. Въ департаментахъ: Basses Alpes, Basses Pyrenées и de Lozère каждый учитель народной школы получаетъ въ день жалованья 88 сантимовъ и даже 75; слѣдовательно, содержаніе бѣдныхъ педагоговъ обходится дешевле, чѣмъ галерныхъ невольниковъ. Говорятъ, что въ нѣкоторыхъ государствахъ Германіи учителя деревенскихъ школъ также живутъ самые вѣтхонные оклады.

— Вотъ лучшее средство отъ обжога кипяткомъ или огнемъ. Когда наружная кожа слѣдается совершенно-красною и жгучая боль будетъ нестерпима для больного, надобно немедленно сорвать или срѣзать платье, и обожженныя мѣста тѣла натереть прованскимъ масломъ и потомъ посыпать мелкою солью. Отъ этого простаго лекарства самая жестокая боль исчезаетъ въ де-

сятъ минутъ, и обожженная кожа приметъ свой натуральный цвѣтъ.

— Нѣкто Эвардъ Мильнъ, представилъ Французской Академіи Наукъ описаніе своего подводнаго путешествія у береговъ Сициліи, съ помощію особаго водолазнаго снаряда, который состоитъ изъ шлема, съ придѣланнымъ къ нему воздушнымъ насосомъ непромокаемаго платья, и маски съ стеклянными глазами. Водолазъ, при спускѣ своемъ на дно моря, употребляетъ также сандалинъ съ свинцовыми подошвами, которыя держатъ его въ вертикальномъ положеніи и не даютъ подниматься со дна морскаго. Одѣтый въ поманутый нарядъ, Мильнъ свободно расхаживалъ въ жилищѣ рыбъ и разныхъ морскихъ животныхъ на 30 футахъ глубины. Онъ сдѣлалъ при этомъ весьма-важныя наблюденія надъ морскими растеніями, моллюсками, раковинами и проч. и намѣренъ скоро издать въ свѣтъ свое интересное подводное путешествіе.

— Нигдѣ такъ дорого не обходятся свадьбы богачей, какъ въ Индіи. Одинъ англійскій полковникъ, находящійся въ службѣ ост-индской компаніи, пишетъ слѣдующее о бракосочетаніи одного богатаго раджи. Женихъ пріѣхалъ для посѣщенія своей невѣсты со свитою, состоящею изъ 15,000 человѣкъ и 50,000 слоновъ. Для этого перваго визита онъ изстратилъ до 600,000 рупій или гульденовъ. По дорогѣ бросалъ онъ народу деньги: на разстояніи семи англійскихъ миль, отъ дома раджи, щедрою рукою разсыпалъ была мѣдная монета; оттуда до воротъ крѣпости, въ которой жила невѣста, серебро, а отъ воротъ до лѣстницы дворца золотая монета и драгоценныя камни. Расходы же родителей невѣсты, при этомъ случаѣ, были еще значительнѣе, ибо они угощали не только цѣлую армию, составляющую свиту жениха, но и своихъ многочисленныхъ гостей. Кромѣ того, отецъ невѣсты долженъ былъ каждому гостю со стороны жениха подарить кошелекъ съ нѣсколькими рупіями. Разумѣется, чтобъ получить что-ни-

будь, собралось на эту свадьбу до 50,000 народа. Наконецъ истощился весь запасъ денегъ, и покуда достали другой, явилось еще до 30,000 человекъ для той же цѣли.

— Французскій морской капитанъ Фуши изобрѣлъ новое средство: мусоръ и пыль отъ каменнаго угля превращать въ крѣпкую массу, и такимъ-образомъ употреблять ее на топливо. Тоннъ этого искусственнаго угля обходится только въ 9 франковъ, а настоящій каменный уголь, получаемый изъ Англии, стоитъ 22 франка. Это изобрѣтеніе для Англии будетъ имѣть неисчисленную пользу, ибо въ тамошнихъ угольныхъ коняхъ остаются безъ всякаго употребленія огромныя кучи мелкаго угля и пыли.

— Въ Брюсселѣ составилось общество ремесленниковъ, которые попали на весьма-умную мысль: изъ ежемѣсячныхъ вкладовъ по одному франку устроить общественную кассу. Изъ этой кассы будутъ получать вспоможеніе по 75 сантимовъ въ день сами же вкладчики, если по какой-нибудь несчастію и другимъ причинамъ они лишатся своей работы или мѣста и останутся безъ всякой помощи. Для вкладовъ въ означенную кассу депускаются также слуги, поденщики и весь бѣдный людъ, который часто остается безъ хлѣба, лишась своихъ мѣстъ и занятій.

— Въ Эдинбургѣ составилось общество сельскихъ хозяевъ, которые хотятъ испытать на практикѣ, т. е., на самомъ полѣ, химическія изслѣдованія знаменитаго химика Либиха. Нѣкоторые изъ членовъ подписали для этой полезной цѣли 10,000 гульденовъ ежегоднаго взноса. Профессоръ Джонсонъ выбранъ въ качествѣ химика, чтобъ подвергать разнымъ анализамъ какъ землю, такъ и средства къ удобренію ее.

— Въ Норвегіи правительство запретило во всѣхъ присутственныхъ мѣстахъ употреблять писчую бумагу,
Т. XXXVIII. — Отд. VIII.

приготовленную машинами (машиновую), потому-что акты, писанные на такой бумагѣ, не могутъ сохраняться долгое время безъ порчи въ архивахъ.

— Въ одномъ иѣмецкомъ городѣ, полиція недавно конфисковала всѣ наперсы, найденныя въ мелочныхъ лавкахъ, потому-что на опытъ дознано, что эта необходимая приправа къ разнаго рода кушаньямъ подрашивается въ зеленый цвѣтъ мѣдью и, слѣдовательно, очень-вредна для употребленія въ пищу. Извѣстно также, что въ Германіи маленькіе зеленые огурчики называются укусомъ, который сперва нарочно варятъ въ мелуемыхъ мѣднвыхъ сосудахъ. Это кушанье можетъ растронить здоровье самаго крѣпкаго человѣка.

— «Journal de Connaissances Usuelles» совѣтуетъ сберечь всякаго рода дичь слѣдующимъ образомъ: надобно сперва выпотрошить дикую птицу, или зайца, а потомъ желудокъ ихъ или всю внутренность начинить пшеницею или просто каждую штуку дичины покрыть снаружи тою же пшекицею. При этомъ не надобно ощипывать шерсть или сдирать кожу съ зайца, дикой козы, и проч. Дичь въ такомъ видѣ можетъ сохраняться до двухъ мѣсяцовъ, даже въ темломъ камнатѣ. Чтобъ сохранять свѣжими нѣсколько мѣсяцовъ густыя сливки, надобно сперва ихъ сварить, добавивъ къ нимъ малое количество сахара. Потомъ сливки должно влить въ стеклянную бутылку и крѣпко закупорить.

— Французскій химикъ, А. Шезо, занимавшійся нѣсколько лѣтъ изслѣдованіемъ причинъ взрыва паровыхъ котловъ на пароходахъ, нашелъ, что такіе несчастные случаи происходятъ наиболѣе отъ развитія асимметричности въ металлическихъ поршняхъ машинахъ. Всѣя предосторожности, доселѣ употребляемыя противъ взрывовъ паровыхъ котловъ, оказываются недостаточными, и мы нерѣдко слышимъ о разныхъ ужасныхъ случаяхъ такого рода, особенно съ американскими пароходами, на которыхъ преимущественно употребляются машины съ м

свиним давленіемъ. Шено предлагаетъ средство нейтрализировать электричество въ металлическомъ снарядѣ паровой машины. Въ Англіи употребляютъ теперь особый снарядъ, который называется уменьшеніе воды въ паровомъ котлѣ именно до той степени, когда можетъ производиться взрывъ его. Паръ, въ такомъ случаѣ, подымается до особой трубки, которая находится въ соединеніи съ свисткомъ. Этотъ свистокъ произвольнымъ свистомъ даетъ знать о чрезвычайномъ уменьшеніи воды въ паровомъ котлѣ.

— Во всей Германіи считается 75,400 учителей и учительницъ и 6,620,000 учащихся. Шестая часть всего народонаселенія учится въ разнаго рода школахъ, и каждый Нѣмецъ платитъ среднимъ числомъ пол-талера подати въ пользу учебныхъ заведеній. Ежегодный расходъ на всѣ германскія училища простирается до 22,900,000 талеровъ. Изъ этой суммы большая часть употребляется на жалованье учителямъ деревенскихъ школъ.

— Герцогъ девоиншейрейскій въ своемъ помѣстьи Четсуортъ устроилъ фонтанъ, котораго водянной столбъ достигаетъ 260 футовъ, следовательно, можетъ почитаться по своей необыкновенной вышинѣ первымъ въ Европѣ, ибо фонтаны въ Сен-Клу, Версали и въ Вилгелмстеге (Гессен-Кассель) бьютъ только 190, 160, 120 и 90 футовъ въ вышину. Четсуортскій фонтанъ снабжается водою изъ особаго искусственнаго водоема, вырытаго на прострѣстѣ 8 акровъ, въ 13 футовъ глубиною. Металлическая труба, устроенная для этого фонтана, вѣситъ 24,700 центнеровъ. Этотъ удивительный фонтанъ назвали императорскимъ.

— Одинъ опытный экономъ совѣтуется для употребленія мышей и крысъ дѣлать пиданъ изъ свѣси шолога тѣста и древесныхъ опилокъ. Такия пиданъ надобно класть въ норы, откуда выбѣгаютъ мыши. Тамъ для нихъ очень ядовиты составъ изъ 1 фунта шеничной муки, 6 ложекъ сахарна-

го сиропа, 6 капель Feldkümmebl, 1 фунта хлѣбныхъ корокъ и порошковъ, приготовленный изъ высушенныхъ глазъ воробы. Равно убійственно каменное масло (petroleum), которымъ должно намочить нѣсколько шерстяныхъ тряпокъ и разложить ихъ въ той комнатѣ, гдѣ часто появляются крысы. На англійскихъ корабляхъ и въ провіантскихъ магазинахъ совершенно употребляютъ крысъ верна орѣховъ, сваренныхъ въ крепкомъ щелоку и послѣ высушенныхъ.

— Ингографъ Гюзеръ, въ Арнсбергѣ, изобрѣлъ новое средство, которое далеко превосходитъ свою пользою дагерротипъ. Онъ дѣлаетъ копія съ рукописей, рисунковъ и съ печатныхъ книгъ съ неизвѣрною быстротою точка въ-точку, штрихъ-въ-штрихъ. Г. Зоммеръ написалъ представленіе прусскому королю объ этомъ изобрѣтеніи и Гюзеръ снялъ съ него въ нѣсколько минутъ совершенно-сладкую копію, такъ-что самъ Зоммеръ не могъ отличить отъ копія свое собственное письмо. Гюзеръ отправился уже въ Берлинъ, гдѣ правительство предложило ему за открытіе его секрета 50,000 талеровъ.

— На берегахъ Саоны наши недавно въ землѣ каменный сосудъ съ весьма-странною надписью, надъ которою напрасно ломали себѣ голову иконскіе археологи. Эти іероглифы написаны на сосудѣ слѣдующимъ образомъ:

MVL. T. AR.
D. ADI. V. I. O.
N. KN.
SIS.

Одинъ профессоръ древностей прочиталъ надпись такъ: MVLieges, Tinurlii. ARaris. Dicaverunt. ADIpatam. Vrniam. Iovi. Optimo. Nautarum. ENcolpię. SISpiritum, и слѣлалъ слѣдующій переводъ: «Жены Турнуса-на-Саонѣ носватили сію урну, найденную жирономъ, Юнатару, покровителю мажоровъ, спасенныхъ отъ цотомле-

ня. — Другой археологъ, не столь мудрый, но болѣе догадливый, прочитавъ помянутую надпись гораздо-проще и нашолъ, что она по-латынѣ гласитъ: *Miltarda Divionensis* т. е. по-французски *Montarde de Dijon* (Дижонская горчица).

— Съ давнихъ временъ въ Парижѣ существуетъ обычай давать новорожденнымъ дѣвочкамъ имена героинь нѣкоторыхъ романовъ, или пьесъ, которыя особенно нравились публикѣ. Когда появлялось на сценѣ трагедія Расина: «Эсфирь», всѣ придворныя дамы омерестили своихъ новорожденныхъ дочерей именемъ Эсфирь. Ж. Ж. Руссо своимъ романомъ «Элоиза» сдѣлалъ народными имена Юліи и Клары, и въ XVIII столѣтіи всѣ дѣти женскаго пола назывались болышею частью Юліи и Кларами. Ла-Гарпъ сдѣлался крестникомъ отцомъ всѣхъ парижскихъ Меланий, а госпожа Коттена крестною матерью всѣхъ Матильдъ.

— Въ окрестностяхъ Неапоя лежатъ деревни, окруженныя со всѣхъ сторонъ высокими скалами. Въ продолженіе нѣлаго года солнце освѣщаетъ эту деревню только пять дней, а именво отъ 21 до 25 іюня.

— Одинъ лондонскій шарлатанъ сказавъ: «Если я истрачу 100,000 гульденовъ на публикаціи множества объявленій во всѣхъ газетахъ и журналахъ Англіи, то могу продать на 200,000 гульденовъ простой рѣчной воды, въ видѣ лекарства, въ маленькихъ стеклянныхъ флаконкахъ съ затѣливыми этикетками». Фабриканты блестящей англійской ваксы, г. Гунгъ и Робертъ Варнеръ, употребляютъ ежегодно на пышныя объявленія въ газетахъ о своемъ товарѣ 500,000 франковъ. Варнеръ заноситъ свою прибыльную торговлю ваксою передать недавно другому барышнику за 70,000 фунт. стерлинговъ. Фабриканты стальныхъ перьевъ, Перри, разныхъ туалетныхъ притраваній, Роуландъ и Присъ, модный портной Доусонъ, и площадные врачъ Моррисонъ, Саломонъ и Андерсонъ, притравливающіе шампонами слабительнымъ пилуменъ

— надерживаютъ каждый по 100,000 фр. въ годъ на объявленія и похвалы своимъ товарамъ въ разныхъ газетахъ и журналахъ.

— Въ самую запачканную ресторацію, находившуюся въ Латинскомъ-Кварталѣ Парижа, ходилъ икогда каждый день обѣдать низенькій человекъ въ очкахъ. Когда у него не случалось денегъ, а желудокъ вѣриво вошилъ о нищѣ, то гость прибѣгалъ къ протекціи карьера, который отдавалъ бѣднику свою порцію кушанья. Въ ожиданіи подачи, маленькій человекъ чертилъ часто на столѣ вилкою свою фамилію. Въ изношенной обуви и ветхомъ сюртучишкѣ пришелъ этотъ человекъ изъ провинціи въ Парижъ, и принять былъ редакторомъ газеты *le National* въ сотруднички. Въ 1830 году, политическое событіе заставило маленькаго человѣчка отпривалиться въ Нѣльмъ, гдѣ выигранныя французская королева собственноручно подала стаканъ воды бѣдному пѣшеходу, уставшему отъ дороги и дневнаго жара. «Съ этой минуты началось твоё счастье» — шепталъ тогда одинъ изъ товарищей низенькаго человѣчка. Въ-самомъ-дѣлѣ, бѣдный нахлѣбникъ рестораціи Латинскаго-Квартала прославился потомъ во Франціи какъ краснорѣчивый ораторъ, какъ знаменитый историкъ, министръ, президентъ совѣта министровъ, и имя его стало извѣстно всему свѣту: его зовутъ г. Тьеръ.

— Кстати, въ одномъ варижскомъ салонѣ, гдѣ между гостями находился и г. Тьеръ, зашла рѣчь о томъ, что такое политика настоящаго времени? Одинъ изъ пріятелей Ламартина сказавъ, что политика есть искусство хорошо устроить дѣла государства и умѣть вести ихъ благоразумно. Другой, изъ приверженцевъ Гизо, отвѣчалъ, что политика есть трудное умѣнье удержаться какъ-можно-долго при державѣ государственнаго правленія. Наконецъ, изъ одного угла возвышился такой голосъ: «Политика состоитъ въ томъ, чтобъ столкнуть съ мѣста того, кто имѣетъ сильное вліяніе на дѣла

Франции, и потому съест самому на завтракное место. Этого мнѣнія никто не смѣлъ оспаривать, всѣ гости засмѣялись. Кто же сказалъ это? Мнѣе — другъ Тьера.

— Александръ Дюма, по разсказамъ французскихъ журналистовъ, въ домашнемъ быту своемъ отличается нѣкоторыми особенностями. Онъ страстно любитъ писать, а въ свободные часы хорошо и гастрономически объедать. Дюма обыкновенно работаетъ въ своемъ кабинетѣ по четырнадцати часамъ въ день: встаетъ утромъ въ семь часовъ, пишетъ вплоть до завтрака, т. е. до одиннадцати часовъ; въ полдень опять принимается за работу и занимается ею до шести часовъ, потомъ объедаетъ. Послѣ объѣда идетъ гулять, возвращается домой въ девять часовъ вечера и опять работаетъ до одиннадцати часовъ. Онъ рѣдко ложится спать, не написавъ мелкимъ почеркомъ двѣнадцати большихъ страницъ. Для него готовится на фабрикахъ особая бумага голубаго цвѣта, которой каждая страница имѣетъ пятьдесятъ сантиметровъ (полтора фута) въ длину и тридцать сантиметровъ въ ширину. Почеркъ руки его такъ же красивъ, какъ и тотъ, которымъ онъ прежде переписывалъ дѣловыя бумаги въ канцеляріи герцога орлеанскаго. Двадцать-четыре страницѣ его мелкой рукописи составляютъ печатный томъ въ восьмую долю листа. Работая, Дюма любитъ пить лимонадъ. У него два кабинета, убранные роскошно и со вкусомъ. Въ одномъ онъ пишетъ романы, въ другомъ театральныя пьесы. Быстрота, съ которою работаетъ Дюма, обратилась въ Парижѣ въ пословицу. Пьесы «La Tour de Nesle», «Mademoiselle de Belle Isle», «Свадьба при Людовикѣ XV» онъ сочинилъ каждую въ теченіи восьми дней. Пьесу «Riquillou» и прологъ къ «Калигулѣ» онъ написалъ въ самое короткое время, сидя въ тюрьмѣ національной гвардіи (Hotel des haricots). Немного смѣются люди, которые имѣютъ такую удивительную память, какъ Дюма: онъ зна-

етъ наизусть болѣе 10,000 стиховъ, изъ которыхъ отъ 2,000 до 3,000 Виктора Гюго. Гюго не пропускаетъ ни одного случая, чтобы не выстрѣлить какою-нибудь эпиграмкою въ своего прежняго литературнаго товарища. Однажды, предъ Викторомъ Гюго, хвалили необыкновенную память Дюма и поэтъ отвѣчалъ: «Дюма очень-великодушень; онъ читаетъ наизусть всѣ мои стихи, но я не могу служить ему тѣмъ же.» При первомъ представленіи «Бургграфовъ», упавшихъ на сценѣ, Дюма сказалъ: «Eh bien, M-r Hugo aura en aussi des Caligula». Извѣстно, что «Калигула» Дюма также претерпѣлъ паденіе. При геркулесовой силѣ, Дюма обладаетъ желѣзнымъ здоровьемъ, хотя врачи давно сказали ему, что онъ боленъ чахоткою. Онъ страстно любитъ охоту и почитается однимъ изъ лучшихъ стрѣлковъ въ Парижѣ. Путешествія также очень ему нравятся. Однажды, Дюма уѣхалъ изъ Парижа на четыре дня, но пробылъ въ дорогѣ восемь мѣсяцевъ, и возвратился домой съ десятию томами написанныхъ имъ романовъ. Дюма украсенъ многими иностранными орденами; орденъ же почетнаго легіона получилъ отъ короля, по настоянію покойнаго герцога орлеанскаго. Однажды, Дюма былъ на придворномъ балѣ въ Тюльери. Въ петлицѣ его фрака красовались девять орденскихъ лентъ: почетнаго легіона, Вазы, Изабеллы, Лукка, Святаго Гроба и пр. Король, замѣтивъ эту роскошную ленту, поздравилъ его съ приобретеніемъ такого множества крестовъ. Дюма отвѣчалъ на это довольно-неучтиво: «Sir, de ces neuf croix vous n'en avez qu'une à vous reprocher». — Однажды директоръ театра De Variétés заключалъ съ Дюма условіе, по которому за всякое представленіе его пьесы, «Книга», онъ долженъ былъ получить третью часть изъ сбора, когда сборъ будетъ простираться до 3,000 франковъ. Въ двадцатое представленіе, не доставало къ полному сбору 30 су, и хитрый директоръ сказалъ автору, что онъ не можетъ ему выплатить условленную тро-

тью часть. Дюма, не отвѣчая ни слова, пошелъ въ кассу, взялъ тамъ билетъ въ три франка и, возвратясь, сказалъ директору: «Теперь въ сборъ 3,001 франкъ, слѣдовательно, по условію вы обязаны мнѣ занять со всей суммы 33 процента, которые и прошу прислать мнѣ завтра. Супруга Дюма, по имени Ида—германская уроженка, добродная и красивая женщина; она прежде намѣревалась быть актриссою и уже дебютировала нѣсколько разъ на берлинскомъ театрѣ въ комедіи. Говорятъ, она очень помогаетъ мужу въ литературныхъ его занятіяхъ и много для него переводитъ съ нѣмецкаго языка.

— Въ Пероннѣ, умеръ недавно типографчикъ, у котораго ученикомъ для набора буквъ былъ нѣсколько лѣтъ знаменитый народный поэтъ Беравжѣ. Такъ-накъ молодой ученикъ очень-худо исполнялъ типографское дѣло и вообще не имѣлъ къ этому ремеслу большой склонности, то хозяинъ типографіи началъ учить его писать стихи. Беравжѣ самъ признается, что покойный его хозяинъ поправлялъ всѣ первые опыты его въ стихахъ.

— Италію можно назвать настоящимъ раемъ для танцовщицъ. Восторженныя похвалы, которыми награждали въ другихъ странахъ Европы Тальйони и Черито, ничто въ сравненіи съ тѣми, которыя онѣ получили въ Италіи. Тальйони и Черито были ангажированы въ одно время на миланскій театръ Scala. Вся аристократія привала сторону Тальйони, ибо она одѣвалась довольно - пристойно; юбка ея не была очень-коротка, да и жесты гораздо-благороднѣе, чѣмъ у Черито. За то весь партеръ присоединился къ знамени Черито, и публика раздѣлилась на двѣ партіи: тальйонистовъ и черитистовъ. Однажды, выходя на сцену Тальйони, партеръ закричалъ: «Да здравствуетъ Черито!». Въ эту минуту, тальйонисты выскочили изъ ложъ, бросились въ партеръ, и начался между ними страшная свалка; бой продолжался даже на улицахъ,

гдѣ, однакожь, вѣшалась полиція и розняла двѣ враждующія стороны. Въ Романѣ, Черито танцевала безъ своей опасной соперницы, и страстные Итальянцы просто сбѣсались отъ ея обворожительныхъ танцевъ. Они нѣсколько разъ выносили ее изъ театра на своихъ плечахъ, или возили по городу, отпрягая лошадей изъ ея экипажа. Отчаянные дилеттанты разорвали однажды атласный баламочокъ Черито на мелкіе куски и слѣлали изъ нихъ блятики, брошки и другія галантерейныя бездѣлки. Въ Боловнѣ, одинъ театральнй гардеробмейстеръ продавалъ на вѣсъ золота оставшіяся вещи отъ туалета Черито. Даже мѣбели, которыя употребляла знаменитая танцовщица, проданы были четверо-дороже. Напримѣръ, простыню, на которой почивала Сильеида, дилеттанты купили за 150 талеровъ и превратили ее въ скатерть для торжественныхъ обѣдовъ. Когда, послѣ Черито, появилась въ Волонѣ Тальйони, то дурчества подобнаго рода продолжались еще въ смѣшнѣйшемъ видѣ.

— Во Франціи считается теперь 3500 актѣровъ и 2900 актрисъ; вообще, до 22000 человекъ, которые живутъ отъ театральнхъ зрѣлищъ и всѣ вмѣстѣ получаютъ ежегодно до 30,000,000 фр. Еслибъ театральнй бюджетъ раздѣлялся на равныя доли, то каждый изъ принадлежащихъ къ театру людей получалъ бы въ годъ по 1500 фр.; но то бѣда, что нѣкоторые изъ театральнхъ персонажей получаютъ безсовѣстно огромныя оклады, т. е. по 40,000, по 60,000, по 10, 20 или 36,000 франковъ въ годъ: такъ на долю большой массы театральнаго народа достается немного.

— Въ парижскихъ театрахъ спекулянты ведутъ прибыльную торговлю билетами. Барышники заранѣе берутъ билеты на всѣ мѣста въ театрѣ и въ день представленія, смотря по занимательности пьесы, продаютъ ихъ въ тридцатого. Въ Лондонѣ, театральныя билеты продаютъ обыкновенно книгопродавцы, которые откупаютъ всѣ мѣста въ

театрахъ, въ началѣ театральнаго сезона: слѣдовательно, на всѣ представленія. Цѣна такимъ билетамъ очевидно перемѣнчива, смотря по интересу самихъ пьесъ и по барышничеству инкогнито-продавцевъ. Въ Италіи также торгуютъ ложами, которыхъ цѣна мѣняется ежедневно. Продавцы ложъ лежатъ покупателю не билетъ, но просто ключъ отъ ложи, который получаетъ открывательница ложъ (*ouvreuse de la loge*). Ложи въ итальянскихъ театрахъ покупаются, какъ дома и прочая недвижимая собственность; хозяева отдаютъ ихъ въ наемъ, какъ квартиры, и, разумеется, хлопотуть только о томъ, чтобъ какъ-можно-дороже отдать.

— На-дняхъ въ Парижѣ разослано было слѣдующее объявленіе: «Нижеподписавшійся учредитель особаго института театральнаго кланкерова (хлопальщиковъ), живущій въ Улицѣ-Иезуитовъ, номеръ 125, рекомендуетъ всѣмъ парижскимъ композитамъ, актѣрамъ, драматическимъ писателямъ и концертнстамъ свою фалангу самыхъ несусальныхъ кланкерова, драматически-образованныхъ съ крѣпкими, никогда-неуставшими ладонами. Мои хлопальщики одѣты по послѣдней модѣ и ничѣмъ не отличаются отъ самой вѣщѣ-небольшой публики. Они по заказу могутъ смѣяться отъ души надъ игрою номинировъ, плакать и рыдать при представленіи извѣстныхъ трагиковъ, а также свистать, звать вслухъ, кашлять, вставать съ мѣста, стучать ногами и пальцами по кѣрѣ надобности въ извѣстныхъ случаяхъ, когда нужно превозвести суматоху въ залѣ театра. Они же за весьма-дешевую цѣну могутъ заезывать сцену вѣниками и стихами; за постоянное преслѣдованіе артистовъ, играющихъ несвойственными имъ ролями, беру я абониментъ по-мѣсячно, смотря по силѣ свиста и шипанья моихъ кланкерова. При семъ считаю необходимымъ замѣтить, что знаменитый кланкеръ, Эмануэль, прозванный кременерикомъ, находится въ моемъ распоряженіи. Шарль-Ноосиворжъ.»

— Нѣкто Юлій Ромео недавно при-

веденъ былъ въ судъ парижской неправительственной полиціи за то, что билъ свою жену.—Президентъ. Вы, г. Ромео, вопреки французскихъ обычаевъ, колотите свою жену, какъ Скипетръ или Валаалъ?—Подсланный. Точно такъ, г. президентъ; я отколотилъ жену недавно, какъ моей душѣ было угодно, да и по-дѣломъ: она очень-ниговата.—Президентъ. Какой же она сдѣлала проступокъ?—Подсланный. Да такъ, ничего, потому-что она смиренна, какъ овечка, воды не замутитъ. Я, знаете, люблю, чтобъ со мною жена спорила, сердилась, чтобъ иной разъ даже забѣсила меня; а она своимъ смиреніемъ и кротостью просто приводитъ меня въ отчаяніе.—Президентъ. Какъ? вы почитаете порокомъ первое достоинство женщины?—Подсланный. Достоинство! Пожорно вѣсь благодарю за это достоинство. Нѣтъ, я терпѣть не могу молчаливыхъ женъ: онѣ годятся только для мужей, называемыхъ полнаками. Нѣтъ, я люблю, чтобъ въ моемъ хозяйствѣ была, знаете, баба побойчѣе, чтобъ прикрикнула и на меня, чтобъ ея голосъ крѣпко звенѣлъ въ семейномъ концертѣ, чтобъ было болѣе согласія въ нашихъ характерахъ. Я говорю женѣ: сиди дома,—она и сидитъ; пойдѣ со двора—она поидетъ; подай мнѣ обѣдать—въ минуту все готово, столъ накрытъ и купанье подано. Нѣтъ, чертъ возьми! такая жена похожа на чертую невольницу; я терпѣть не могу такихъ безотвѣтныхъ куколъ. Я люблю малую воину, ежедневнымъ перестрѣлки, чтобъ, знаете, иной разъ, въ пылу гнѣва, жена не потчивала меня кроткими возраженіями, не хватила бы въ голову чайникомъ, кофейникомъ или другою несудимой. Я часто къ ней придираюсь, чтобъ найти какой-нибудь проступокъ, но она такъ умѣетъ мнѣ угождать, что, право, трудно отыскать малѣйшую ошибку. Начну горячиться, бранить ее—она молчитъ, какъ накая. Нѣтъ, я не выдержу такого смиренія, и если жена моя будетъ всегда представлять ангела, то, право, я сдѣлаюсь

отъ того совершеннымъ чортомъ. — Судя присудилъ г. Ромео къ тюремному заключенію на мѣсяцъ.

— Вотъ что пишутъ изъ Парижа, отъ 28 ноября новаго стиля :

• Намъ угрожаетъ новый всемірный потопъ: уже три недѣли орда плетъ проливной дождь; резиныя калоши поднялись въ цѣи; всѣ парижскіе бульвары превратились въ болото. Сверху вода, а снизу грязь; навозники сѣяютъ чуть не плачутъ отъ такой погоды, а саножники смѣются. Первый фабрикантъ зонтиковъ, г. Казаль, благодаря безпрерывному дождю, сочинилъ книгу подъ заглавіемъ: «О необходимости имѣть зонтикъ всякому честному гражданину Парижа». Новыя зимнія моды не смѣютъ еще появляться на улицахъ; только новый пальто изъ cuir de Russie народируется на плечахъ нѣкоторыхъ отчаянныхъ львовъ. Для театровъ дождливая погода очень-выгодна: каждый вечеръ театральныя залы биткомъ-набиты. Мы знаемъ одного директора, который ежедневно совѣтуется съ своимъ барометромъ и съ улыбкою говоритъ про себя: «будетъ дождь; театръ будетъ полонъ». Согласно съ законами природы, послѣ дождя всегда слѣдуетъ большое плодородіе, что и оказывается уже въ нѣкоторыхъ театрахъ, но не по части репертуара, а между самими актрисами. На-примѣръ, знаменитая дѣвица Рашель увеличила свой семейный репертуаръ новыми произведеніемъ, въ которомъ, говорятъ, принялъ большое участіе знаменитый графъ Валевскій. Черезъ нѣсколько недѣль мы надѣемся увидѣть снова на сценѣ знаменитую артистку. Актрисы дѣвицы Домень, Брөганъ и Добреъ ходятъ въ танокъ же положеніи, а потому директоръ Французскаго-Театра не знаетъ, какъ выдуться изъ бѣды, лишившись на-время лучшихъ своихъ персонажей. Репертуаръ почти остановился, и говорятъ, что королевскій комиссаръ Французскаго-Театра на-мѣренъ разослать циркуляръ, въ которомъ увѣщаетъ театральныхъ при-

цессъ наблюдать въ такихъ экстренныхъ случаяхъ нѣкоторую очередь, ибо чѣмъ актриссы дѣлаются толще, тѣмъ репертуаръ становится шедущимъ. — Большая опера находится при послѣднемъ издыханіи. Если не удержится на сценѣ новая опера Нидермейера «Марія Стюартъ» и новый теноръ Гордонн, то директоръ Оперы, Пиллѣ, можетъ написать свое завѣщаніе. — На Первомъ-Французскомъ-Театрѣ идетъ новая комедія: «Une femme de quarante ans», сочинение какого-то провинціального поэта Galop d'Onqualre, въ которомъ, говорятъ, открыли новаго Мольера. (Объ этой комедіи мы говорили выше въ Театральной гѣтописи.) — Въ Одеонѣ нравится публикѣ новая комедія «Les papiers de mademoiselle» (см. тамъ же), гдѣ любовники прятуются подъ фижмы своихъ любовницъ. — очень-щекотливое положеніе! — Пьеса «Sept Châteaux du Diable» на театрѣ Gaité достигла уже 105 представленій. — На театрѣ Folies Dramatiques новая пьеса «Les premiers armes du Diable» также наполняетъ залу каждый вечеръ зрителями и, конечно, въ числѣхъ представленій сравнивается съ предыдущими «Семью Замками Дьявола». — Недѣли черезъ двѣ начнутся концерты, и музыкальнымъ журналамъ, для привлеченія къ себѣ подписчиковъ, обѣщаютъ имъ за 20 франковъ въ годъ не только давать еженедѣльную газету, но и 750 альбомовъ для входа въ концерты, 4,680 альбомовъ и 6,000 музыкальныхъ пьесъ; все это даромъ, въ придачу. Также и танцевальстеры не дремлютъ: знаменитый танцевальный учитель Целларіусъ открылъ учебный курсъ польки; Коралли читаетъ диссертціи о вальсѣ, а Буаво-де-Паверь о канканѣ. Старую французскую канардъ не только гонятъ со свѣта знаменитая поляка, но и мазурка. Кромѣ этихъ танцевъ, будутъ пьесать вимомъ въ Парижѣ: славянку, яраковяку, на-лавайку и радоваску (radowaaka).

— Нынешній музыкальный сезонъ представилъ въ Парижѣ нѣсколько ко-

пертовъ весьма-замѣчательныхъ. Въ числѣ ихъ бесспорно занимаетъ первое мѣсто концертъ, данный обществомъ музыкантовъ въ пользу бѣдныхъ собратій своихъ по искусству. Исполнена была знаменитая ораторія Гайдна «Сотвореніе Міра». Около 500 артистовъ участвовали въ ея исполненіи. И, не смотря на привычку Парижанъ къ театральнымъ ярѣлицамъ и ко всему, что занимаетъ, кромѣ чувства слуха, и чувство зрѣнія, не смотря на невыгодное устройство сцены, которая была обвѣшена полотномъ (а полотно, какъ извѣстно, поглощаетъ звуки: почему въ Парижской Консерваторіи окружающія артистовъ стѣны сдѣланы изъ дерева), ораторія имѣла успѣхъ,—не такой, конечно, какой имѣютъ подобнаго рода произведенія въ Берлинѣ, гдѣ ихъ слушаютъ съ благоговѣніемъ, какъ проповѣди, и удивленіе изъ нихъ непогрѣшительному величію передаетъ изъ рода въ родъ отъ отца къ сыну. Но то, что способно возбудить чувства набожнаго удивленія въ Нѣмцѣ, усыпигъ Парижанна. Его влечетъ другая жизнь, другая музыка. И потому всѣ ораторіи знаменитаго Ганделя, *Маккави, Мессія, Самсонъ, Агала, Балтазаръ*, разыгранны въ Парижѣ, произвели бы въ публикѣ чувство скуки и утомленія. Не смотря на все это, ораторія Гайдна была принята благосклонно; многія мѣста возбудили даже общія и громкія рукоплесканія. За то надобно сказать, что исполненіе было достойно всѣхъ возможныхъ похвалъ. Только хоры, составленные изъ обыкновенныхъ хористовъ, тогда-какъ оркестръ весь состоялъ изъ лучшихъ музыкантовъ Парижа, а можетъ-быть и цѣлаго свѣта, не совсѣмъ соответствовали гармоніи пѣлаго. Первые партіи были поручены лучшимъ французскимъ пѣвцамъ. Тутъ пѣли Роже, Левассеръ, Баруале, госпожи Гра-Дорю, Дюпре, Добре.—За «Сотвореніемъ Міра» разыграна была увертюра Вебера изъ «Оберона». Партеръ заставилъ повторить ее двараза, точно такъ же, какъ и заключи-

тельную пьесу концерта, *триумфальную пьесу Луды Маккави*, сочиненія Ганделя. Жаль только, что положительная цѣль, для которой дано было это музыкальное празднество, не была достигнута. Вся выручка не превышала 12,000 франковъ. Надержки простирались до 10,000; 1500 франковъ должно было внести въ пользу госпиталей; а на вспоможеніе бѣднымъ музыкантамъ осталось только 500 франковъ. Французскіе журналы замѣчаютъ, что послѣднимъ было бы гораздо-выгоднѣе, еслибъ концерта вовсе не было дано, и каждый изъ пяти-сотъ артистовъ, беденно въ немъ участвовавшихъ, пожертвовалъ по 40 су.

Концертъ Кастнера также обратилъ на себя вниманіе публики. Кастнеръ разыгралъ библейскую оперу своего сочиненія, подъ названіемъ «Царь Иудея», которую очень хвалятъ. Однакожъ, недовольная нѣю своей публики, концертныя выпустила большую часть нумеровъ своей оперы и оставилъ только замѣчательнѣйшіе. За то и успѣхъ былъ совершенный, не смотря на довольно-слабый числомъ инструментовъ оркестръ.

Концертъ, данный газетою «La France Musicale» своимъ подписчикамъ, привлекъ слушателей тремя досихъ-поръ неавѣстными пьесами Россини, названными имъ: *Вѣра, Надежда* и *Милосердіе*. Первые двѣ пьесы были написаны лѣтъ тридцать тому назадъ и всѣ три не оправдали надеждъ, возбужденныхъ именемъ творца ихъ, чему не мало способствовало дурное устройство хоровъ, составленныхъ изъ пятнадцати или шестнадцати голосовъ, не исполнявшихъ, какъ слѣдуетъ, своихъ обязанностей.

Концертъ молодого музыканта Фелисьена Давида принадлежитъ также къ числу замѣчательныхъ музыкальныхъ наслажденій, испытанныхъ Парижемъ въ нынѣшній музыкальный сезонъ. Особенно поправилась одасимфонія, сочиненіе самого г. Давида.

